РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

А.Д. ВОЛКОВ

А. Д. Волков

Заветные частушки

ИЗ СОБРАНИЯ А. Д. ВОЛКОВА

В двух томах

Том 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

Издание подготовила
А.В. Кулагина

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»
МОСКВА

ISBN 5-86218-338-8 (т. 2)
ISBN 5-86218-336-1

© А. Д. Волков. Из дневниковых записей, 1999.
© А. Д. Волков. Источники частушек, 1999.
© А. В. Кулагина. Состав, статья, примечания, 1999.
© Т. Г. Иванова. Статья, перевод, 1999.
© С. Н. Азбелев. Статья, 1999.
© Научно-издательский центр «Ладомир», 1999.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

САТИРИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ-ХРОНИКИ

Политические частушки А. Д. Волков начал записывать во время войны, постоянно рискуя жизнью (если бы их обнаружили, могли бы и расстрелять). Первую политическую частушку он записал во время лечения после ранения в Саратове в июле 1942 года. Как он говорит в своих воспоминаниях, частушки записывал в основном в госпиталях (где лежал раз семь). «Понятно, — пишет А. Д. Волков, — в боевой обстановке даже об анекдотах не было и речи, но как только выдавалось свободное время: в госпиталях, запасных полках, в учебных частях — то солдаты в частушках, хоть их не пели, а тихонько, без свидетелей, пересказывали друг другу о своем наболевшем, недовольство свое выражали таким образом».

Собирая частушки, А. Д. Волков не имел понятия о необходимости их паспортизации. Но, как он сам говорит, «если бы я знал об этом с самого начала, то не могло быть и речи об указании источника с упоминанием фамилии автора или исполнителя. Если бы у меня нашли такие частушки, то уж пострадал бы не я один, а приписали бы групповой антисоветский заговор».

Иной пласт политических частушек был собран им в тюрьме, куда он попал после войны на полтора года по нелепой случайности. Бисерным почерком он записывал их на тонких листочках, которые вкладывал в сырые, разрезанные пополам картофелины, принесенные ему с передачей матерью, и «возвращал» ей (мол, где я ее сварю, возьми назад...).

Важным источником пополнения коллекции были рынки в Химках, Долгопрудном и др., где он продавал самодельные брелочки для ключей и ручки скорости для машин. Там он вешал объявление «Покупаю частушки» и принимал каждую на отдельном клочке бумаги. Отбирал те, которых у него не было и которые ему нравились. Частушек несли много, и приходилось тратить почти все вырученные за свои изделия деньги. В годы перестройки, когда люди перестали опасаться, А. Д. Волков ходил на запись со спрятанным магнитофоном.

Пополнялась коллекция и взаимообменом с другими собирателями. Особую ценность представляла коллекция Павла Дмитриевича Миронова, 1893 г.р., который был активным строителем советской власти в Московской обл. Он был секретарем молодежной комячейки, затем активным членом Компартии и буквально с первых дней революции и гражданской войны записывал политические и антисоветские частушки, будучи глубоко верующим человеком. Когда он умер в 1973 году, родные, увидев, что в

его архиве были частушки с критикой советской власти, испугались и тут же выбросили всё на помойку (но А. Д. Волков многие из них успел раньше скопировать).

Хронологически политические частушки охватывают период с 1917 года до наших дней, тематически в них представлены революция и гражданская война, Чрезвычайная Комиссия (Чека) и другие репрессивные органы, лагеря и тюрьмы, Ленин, Сталин, коллективизация и колхозы, пятилетки, Конституция, собрания, лекции, выборные кампании, Великая Отечественная война, смерть Сталина и разоблачение культа личности, Хрущев, Брежнев, Горбачев, перестройка, Ельцин, коммунисты и демократы, газетчики и писатели при тоталитаризме, интеллигенция при демократии, средства массовой информации и др. Если говорить об аутентичности материала, то здесь представлено два пласта: частушки, записанные как непосредственный отклик на события, и частушки, вызванные к жизни переоценкой ценностей (например, после разоблачения культа — новая волна о Сталине или после перестройки — о Ленине). Коллекция вобрала в себя деревенские и городские частушки (в том числе интеллигентские, авторские куплеты). Многие из них вошли в обиход после публикаций в коммунистической (обличающей политику демократов) и демократической (обличающей происки коммунистов) прессе.

Соответствуют ли критерию фольклорности политические частушки в коллекции Волкова? В решении этого вопроса нам близка позиция С. Н. Азбелева, убедительно показавшего в своей статье «Русские исторические песни в иноэтническом контексте»[1] картину возникновения русских исторических песен. Привлекая наблюдения над песнями разных европейских народов, в том числе и славянских, он показал, что предтечей исторических песен являются песни-хроники, родственные устным меморатам. Те из них, «которые находят своих передатчиков, в процессе дальнейшего бытования постепенно жанрово трансформируются, подчиняясь общим законам устной традиции» (с. 20). Другой способ создания исторических песен — подновление традиционного сюжета введением в песню имен и реалий, соотносящихся с конкретным событием аналогичного типа.

Политические частушки — новая форма песенок-хроник, и они подчиняются тем же законам. Можно привести ряд примеров подобного подновления на материале собрания Волкова и опубликованных антологий. Ср.:

Из антологии Рождественской и Жислиной:	Из коллекции Волкова:
Разъезжали с флагами, Кидалися бумагами, А в бумагах манифест: Царь посажен под арест. (С. 219)	Разъезжали с флагами, Кидались бумагами, А в бумагах манифест, Пикнешь против — под арест. (№7)

Как и песни-хроники, это результат индивидуального творчества и автором их является участник или очевидец событий. Как и в песнях-хрониках, поэтические достоинства в политических частушках невысоки (за редким исключением), т. к. автор ставит задачу прежде всего высказать свое отношение к тому или иному политическому событию или лицу.

---

[1] «Русский фольклор, вып. 27. СПб., 1993. С. 14 — 27.

Как и песня-хроника, политическая частушка в большинстве случаев остается в личном репертуаре автора, не становясь объектом дальнейшей изустной передачи. И даже будучи зафиксированными собирателями и опубликованными, подобные частушки не проходят процесса дальнейшей фольклоризации, т. к. их актуальность быстро утрачивается.

В связи с проблемой историзма хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что любое историческое событие заключает в себе конфликт двух или более противоборствующих сторон и в песнях-хрониках или политических частушках может быть подано с диаметрально противоположных точек зрения. Так, во время революции белые пели: «Эх, яблочко покатилося, власть советская провалилася», а красные пели, что «провалилася» власть кадетская. Частушки в коллекции Волкова отражают взгляды, оппозиционные официальным властям. Поэтому, если Ленин в опубликованных в годы советской власти сборниках прославлялся как вождь революции и защитник крестьян:

Привезли в село пакет, –
Это Ленина декрет,
Чтоб помещичья земля
Вся крестьянская была. (Р и Ж, с. 220)

то в потаенных частушках:

В революцию сменили
Мы на Ленина Христа.
Оказался – черт безрогий
И, конечно, без хвоста. (№ 5)

Чем больше официальная поэзия славила Сталина, тем более сердитыми становились потаенные частушки-хроники:

Сука Сталина рожала –
Аж вся Грузия дрожала:
«Ждите горя, ждите бед –
Появился людоед!» (№ 168)

(Здесь пародийная перекличка с описанием рождения богатыря в былинах.)

Если в официальной поэзии все заслуги приписывались Сталину, то в потаенной его обвиняют во всех бедах:

Здравствуйте, товарищ Сталин,
Где же Ваша трубка?
На войне из меня сделал
Калеку-обрубка... (№ 202)

Многие частушки про Сталина появились после разоблачения культа личности:

Сталин на врагов народа
Гибель Кирова свалил.
Не раскаялся, иуда! –
Он же сам его убил. (№ 200)

Во время Великой Отечественной войны возникло множество частушек, в том числе были возрождены и актуализированы частушки, связан-

ные с Первой мировой и гражданской войнами. Значительная доля этих частушек самодеятельного или полуфольклорного характера. Это сатирические куплеты в боевых листках, обличавшие фашистов и призывавшие бойцов дать отпор врагу, и плакатные, гимнические стихи, прославлявшие нашу армию и ее полководцев:

Москву-город взять пытались
Немцы-неприятели,
Рокоссовского герои
Их назад попятили. (РСФ, с. 110, № 108, б)

Подавляющее число частушек о войне, опубликованных в сборниках и антологиях, – это женские частушки, показывающие войну с точки зрения девушки, проводившей милого на фронт. Она скучает по далекому воину (солдату, командиру, партизану), хранит ему верность, ждет его писем. Солдатская служба, фронтовые будни даются в передаче девушки: «Мой залеточка на фронте, здорово сражается», «Ухажерик мой пилот, награжден медалию». Девушка готова разделить с милым все тяготы войны, встать в бою рядом с ним, подавать снаряды, выносить раненых с поля боя, оказывать им медицинскую помощь. Самая большая группа частушек – о ранении и смерти любимого. Это многоголосый скорбный хор женщин, потерявших единственного. Из тех, кто мог бы вспомнить «свои» частушки, вернулись немногие. Поэтому для нас особую ценность представляют частушки, записанные А. Д. Волковым во время войны. Мужские окопные частушки раскрывают не героическую или трагическую сторону войны (как большинство опубликованных), а показывают низменную, изнаночную ее сторону, сатирически обличают внутренние отношения в стране и в разных слоях народа. С точки зрения художественной формы, они тоже неравноценны, в основном достаточно убогие. Если мы сравним тематику опубликованных частушек и потаенных, то увидим следующую картину.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЧАСТУШКИ

1. Начало войны. Проводы.
2. Залеточка на фронте. Любимая будет ему помогать.
3. Победа под Москвой. Враг не может взять Ленинград.
4. Обличение Германии, затеявшей войну. Насмешки над гитлеровцами.
5. Оккупация, партизаны.
6. Нет вестей от милого. Письма.
7. Верность подруги.
8. Милый ранен, убит, в плену.
9. Угнанные в Германию.
10. Тяготы войны, ожидание победы.
11. Конец войны, победа.

ПОТАЕННЫЕ ЧАСТУШКИ

1. Подготовка к войне немцев (хорошая) и русских (плохая).
2. Ожидание войны, ее начало.
3. Одни в тылу, другие – на фронте.

4. Измена жены в тылу.

5. Плохая подготовка солдат (изучают политику, маршируют, а оружия не знают).

6. Отступление армии, уничтожение немцами нашей авиации на земле.

7. На фашистские танки – с голыми руками. Отсутствие оружия и патронов.

8. Штабники и окопники (одни обжираются, другие – голодают).

9. Возможность наесться за счет погибших, мародерство.

10. Заградотряды.

11. Бездарность генералов, штабников.

12. Воровство интендантов.

13. Женщины на войне, ППЖ.

14. Смерть на войне.

15. Трофеи (генеральские и солдатские).

16. Конец войны («снова честному мученье, благоденствует подлец»).

17. Горькая судьба побывавших в плену.

18. Обезлюдевшие деревни.

19. Обездоленность инвалидов (черствость чиновников по отношению к ним).

20. Война для одних – мать родная, а для других – несчастье.

21. Ордена штабникам, а раны – окопникам.

22. Восстановление городов, чтобы правители жили в роскоши, а ветераны – в подвалах.

23. Мы победили, а теперь битый небитому посылки с тряпьем шлет.

Как видим, даже в тех пунктах, в которых тематика совпадает (в большинстве случаев не совпадает), она дается со знаком минус (по отношению к плюсу в опубликованных): женская верность – измена; помощь тыла фронту – антагонизм фронтовиков и тыловиков и т.д., то есть налицо антисистема. Мужские частушки почти полностью лишены традиционной символики. Вместе с тем в них, как и в традиционных, преобладают двухчастные, хотя встречаются и одночастные:

Прихожу с войны с котомкой,
Ты меня, жена, прости:
Уж какие там трофеи –
Лишь бы голову спасти. (№ 926)

Преобладающий пафос почти всех рассмотренных нами окопных частушек – сатирический, а основной прием в них – горький сарказм, который иногда проявляется в метафорических иносказаниях. В некоторых частушках используется эффект неожиданности, построенный на контрасте высокого, героического стиля первой части – и неожиданного исхода:

Если враг напасть захочет,
На штыки напорется...
Потому что нет патронов –
Штаб не беспокоится. (№ 734)

Основной стилистический и композиционный прием окопных частушек – антитеза. Иногда она принимает оксюморонный оттенок:

Коммунист я! В чем вопрос?
Расшибуся в доску!
Есть на фронт! Пиши в обоз,
В последнюю повозку! (№ 669)

Основная антитеза в опубликованных частушках о войне — мы и фашисты, прославление Красной Армии (Советской) — и обличение захватчиков. В потаенных частушках антитеза строится на внутренних противоречиях, главные из которых (по убывающей частотности статистических наблюдений): фронтовики — тыловики, окопники — штабники (интенданты), инвалиды — чиновники.

Особенно много частушек о том, как против танков шли со штыком (колом, на телегах, конницей, с кулаками и др.):

Нас немцы — танками,
Нас немцы — пушками,
А мы — матом их
Да с частушками. (II, № 647)

И все же в потаенных частушках звучит уверенность в победе, которая, правда, достанется нелегко:

Сколь фашисту ни гордиться,
На колени упадет!
Но до этого, наверно,
Пол-России перебьет. (№ 677)

Значительное место среди потаенных занимают частушки с антитезой «воевали одни — награды достались другим»:

Война кончится — придем
С орденами на груди,
Но в тылу «героев» дутых
В каждом штабе — пруд пруди! (№ 893)

Бывших партизан ждет расследование:

Партизаны, партизаны,
Вы дрались за Родину.
Не докажешь — то в тюрьму,
Докажешь — по ордену. (№ 912)

Хуже всех доля бывших пленных, судьба которых рисуется по контрасту с другими воинами:

Вот и кончилась война,
Дождались победы!
А для тех, кто был в плену,
Еще хуже беды... (№ 916)

Итак, система контрастов окопных частушек раскрывает трагическое одиночество окопника, противостоящего смертельному врагу , противопоставленного тыловикам, интендантам, штабникам во время войны и чиновникам всех рангов, препятствующим получению наград, пенсии, жилья, работы после войны. В целом антитеза обреченности в первых рядах идти на смерть и в последних рядах получать вознаграждение отражает типич-

ное жизненное противоречие и восходит к традициям лирических солдатских песен:

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ – люди первые,
А к жалованью – люди последние...
(Соболевский, т. VI, с. 116, № 145.)

В частушках о послесталинских вождях осуждаются «деяния» каждого из них. Хрущев прославился Карибским кризисом:

Наш Никита – миротворец!
И умнее его нет:
Понатыкал он на Кубе
Сотни атомных ракет. (№ 983)

С именем Хрущева связаны и первый полет человека в космос, и увлечение кукурузой:

Хрущев спутники Союза
Запускать старался:
Он весь космос кукурузой
Засеять собрался. (№ 991)

Но особенно невзлюбили Хрущева крестьяне за налоги, которые привели к тому, что были вырублены почти все фруктовые деревья:

Дела плохи у Никиты –
Где искать подмоги?
Вот и выдумал, плешивый,
Большие налоги. (№ 1014)

В частушках-хрониках перечисляются главные заслуги вождей, которые становятся всё «мельче»:

Сталин выиграл войну,
Ленин – революцию,
Хрущев – деньги заменил,
Брежнев – Конституцию. (№ 1049)

Частушки-хроники точно фиксируют портретные особенности вождей (лысину Хрущева, брови Брежнева), манеру их поведения:

Густобровый, чернобровый,
Неотесанный пенек,
Побывал бы в моей шкуре
Ты хотя б один денек. (№ 1057)

Или:

Брежнев с должностью своей
Плохо управляется:
Челюсть еле держится,
Язык заплетается. (№ 1058)

Частушки-хроники не пропустили ни одного факта из деятельности Брежнева, в том числе – его любовь к наградам и литературным премиям:

Брежнев книги написал:
В них чужие мысли.
Ну а звезды на груди
У него повисли. (№ 1068)

Не забыта и война в Афганистане:

На Малой земле победой
Брежнев не прославился.
Добывать себе он славу
На Афган отправился. (№ 1076)

Потаенные частушки глумятся и над престарелыми правителями:

Все в ЦеКа поостарели,
Но пост не оставят!
У них мозги заплесневели,
А всё нами правят. (№1090)

Множество частушек-хроник вызвала перестройка и ее главный прораб:

Горбачев, ты наш генсек,
На башке заплатка.
Горько стало выпивохам,
Да и всем не сладко... (№ 1311)

Каждый шаг перестройки зафиксирован в частушках-хрониках:

Коммунисты, перестройка!
А в ответ: «Всегда готов!
Мы себе — икру и масло,
А народу — горы слов». (№ 1334)

Народ едко иронизирует над перестройщиками:

— Ты, Акуля, не оттуля
Шить рубаху начала!
— Не волнуйся ты, мамуля, —
Все равно пороть пора! (№1333)

Осуждает власть имущих:

Мы играем в перестройку,
А осталось все как встарь!
Похитрей — живут на славу,
Кто у власти — тот и царь! (№ 1350)

Множество частушек-хроник возникло в связи с так называемым путчем:

Что подняли путч в Москве —
Об этом не спорю я.
Но, по-моему, тут всё —
Сплошная бутафория. (№ 1365)

Горбачев, Горбачев,
Тобой народ гордился!

А ты даже в холуи
Путчистам не сгодился. (№ 1383)

Но больше всего частушек-хроник посвящено Ельцину и его окружению:

Пусть не пудрят нам мозги
Газеты-агитаторы:
Все – от Ленина до Ельцина –
Матерые диктаторы! (№ 1393)

Или:

Раньше пели мы: «Борис,
За народ и власть борись!»
А теперь поем: «Борис,
Не умеешь – не берись...» (№ 1391)

Или:

Говорят, Иосиф Сталин
Сволочь был из сволочей,
А, как Ельцин, он не грабил
Стариков, старух, детей. (№ 1414)

Частушки-хроники сопоставляют истинные и мнимые «заслуги» вождей:

Сталин Гитлера разбил,
Хрущев Кубу породил,
Афган Брежнев «покорил»,
Ельцин – Грозный разбомбил. (№ 1551)

Ельцин обвиняется в них в презрении к России и преступном расстреле Верховного Совета:

Сперва в Белый дом стреляли,
После – стерли Грозный...
Ельцину и вся Россия –
Будто жук навозный. (№ 1549)

Возникает вопрос, имеет ли художественный мир, создаваемый потаенными частушками, традиционные корни в русской культуре? Размышляя о смеховом мире Древней Руси, Д. С. Лихачев[1] выделяет характерные для древнерусского смеха темы и мотивы: нищета, неустроенность, изгнанность отовсюду: «Чего хочет – того нет, чего добивается – не получает, чего просит – не дают...» Как и в средневековом «анти-мире», противоположном настоящему, нищета народа в потаенных частушках противопоставляется богатству коммунистов (затем – демократов), голод и холод, в котором пребывает солдат-окопник, – обжорству и пьянству штабника, обездоленность фронтовика – обеспеченности тылового интенданта. Ср. с противопоставлением нищеты Даниила Заточника идеальному богатству князя. Но если Заточник видит, пусть нелепый, выход из своего бедственного положения (женитьба на злообразной жене), то частушечные герои

[1] *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 24.

каждый этап своего существования в «анти-мире» определяют как более бедственный: при царе было плохо, но при большевиках — еще хуже, а при демократах — несравнимо хуже, чем при большевиках...

По мнению Д. С. Лихачева, в XVII веке знаком шутки, озорства служил раешный стих; по нашим наблюдениям, в XX же веке им становится частушечный стих, который своей парной рифмой (если взять народную самозапись) соотносим с раешным. И если в XVII веке «вторжение неупорядоченного мира в мир упорядоченный, "нападение" сатиры на упорядоченный мир богатых и благополучных совершалось под знаменами раешной ("смысловой" или, вернее, обессмысливающей) рифмы и раешного ритма»[1], то в XX веке подобное «вторжение» совершается под знаменами частушечных рифмы и ритма. Рисуемый в потаенных частушках изнаночный мир, как и в древнерусской сатире, «неожиданно открывается близко напоминающим реальный мир» (там же), и смешное переходит в печальное и даже трагическое...

Публикуемый материал из коллекции А. Д. Волкова — самое полное из существующих собрание политических частушек-хроник, посвященных наиболее памятным событиям и лицам в истории России XX века и отражающих недовольство народа и протест против войн и разного рода революционных насильственных преобразований, которые приносят трудящимся все новые и новые страдания.

А. Кулагина

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Рождественская и Жислина — Русские частушки. Предисловие и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М., 1956.

РСФ — Русский советский фольклор: Антология/ Сост. и примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой. Вступ. ст. Л. В. Домановского. — Л., 1967.

Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским: в 7-ми т. — СПб., 1895 — 1902.

---

[1] *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 51.

Политические частушки

I. Барыня, русская

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1

Бога нет, царя не надо,
Буржуазию побьем,
Во главе с вождем любимым
В ад прямехонько пойдем. (3)

2

У нас нет царя – не надо,
Без него мы можем жить,
Что ни поп нам – тот и батя:
Мы вождям будем служить. (3)

3

Всё, что строили цари,
Разрушим, развеем!
Но пока мы лишь ломать
Только и умеем. (5)

4

Народ скинул царя –
Гремит в погремушки:
От Великого Петра
Остались «Петрушки». (7)

5

В революцию сменили
Мы на Ленина Христа.
Оказался – черт безрогий
И, конечно, без хвоста. (5)

6

У буржуев взяли власть!
А что делать с нею?
Отказался честный взять –
Отдали злодею. (3)

7

Разъезжали с флагами,
Кидались бумагами,
А в бумагах манифест:
Пикнешь против – под арест. (3)

8

В день Девятый января
Раскусил народ царя.
Коммунистов раскусить –
Что дерьма ком проглотить. (3)

9

В бедноте дед мой жил,
Семерых он возрастил.
Революция пришла –
Все до крошки отняла. (6)

10

Власть народы отобрали
Борьбою суровою!
Тиранию поменяли
Старую на новую. (3)

11

Скоро буду комиссаром:
За идею я умру!
Получать все буду даром.
Не дадут — сам отберу! (3)

12

Комиссар давно уж понял,
Потолстел и слабый стал:
Карандаш упал — он поднял
И весь день почти стонал. (3)

13

Мой миленок — коммунист,
А я — коммунарочка:
Пьем и жрем за счет народа,
Каждый день — гуляночка! (3)

14

Полюбила комиссара
Деревенской бедноты:
Недовольным затыкает
Он своим наганом рты. (3)

15

Наша партия из нас
Крепких воспитала:
Силой можем мы отнять
Мясо, масло, сало. (6)

16

Права равные добыли
Женщины с мужчиною:
Бабы курят, водку глушат,
Кроют матерщиною. (8)

17

При царе был шантрапою —
Все, кто мог, его пинал.
А забрали власть Советы —
Сразу комиссаром стал! (4)

18

Ухожу я добровольцем
В Красну Армию служить,
Чтоб Абрам своего сына
В институте мог учить. (1)

19

Комиссары призывали
За Советы идти в бой.
Сами быстро поскакали
К нашим бабам домой. (3)

20

За советское правленье
Буйну голову сложу!
А вернулись — лишь в трущобах
Я героев нахожу. (3)

21

Без царя, без государя,
Без вождя мы проживем:
Комиссаров переколем,
Коммунистов перебьем. (3)

22

Воевал в войну германску,
На японской был войне —
Все трофеи — коммунистам,
А больные раны — мне. (3)

23

Власть советскую свободную
От белых защищал,
После в рабство к комиссару
Еще худшее попал. (3)

24

Барыня с Кокуя
Любила буржуя.
Пролетария — потом,
С кувалдою и серпом. (3)

25

До свиданья, мать родная,
До свиданья, брат, отец, –
Коммунист послал в окопы,
А я пру туда, глупец. (3)

26

Пойдем в армию служить,
В конницу Буденного.
Меня, раненного, ждите,
Но не награжденного. (3)

27

Вы, ребята, не робейте,
Мы Деникина побьем
И с победою вернемся –
Из пяти один придем. (3)

28

До последней капли крови
Защищай в бою Совет,
А вернешься – на все просьбы
Ты в ответ получишь: «Нет!» (3)

29

Наши красные солдаты
Продвигаются вперед,
А в тылу Абрам пузатый
Вволю мяса, масла жрет. (3)

30

Посылал бойцов в атаку,
Не бездельничал и сам:
На бабенку молодую
Шел в атаку по ночам. (5)

31

Партизан в тайге гуляет,
Храбрая головушка.
Абрам песни сочиняет,
Поет, как соловушка. (1)

32

Белы вышли нас громить,
Но и мы не сдали –
Не беда, что полполка
В бою потеряли. (3)

33

Разгромили мы господ,
Блага их делили:
Больше всех – большевикам!
Они – руководили... (3)

34

По лесочку я гуляла –
Жалили комарики:
Комар выпьет крови мало –
Много – комиссарики! (5)

35

Эх, топни, нога,
Топни, другая,
А при коммунистах
Жизнь дорогая! (3)

36

Мой миленок – комиссар,
А я – комсомолочка*.
Он – кобель, я – проститутка:
Прекрасная парочка! (5)

37

Мы буржуев, как и пишется,
Поставили к стене!
Им в могиле легче дышится,
Чем нам в родной стране. (3)

38

Вся округа Ваньку знала:
Вор, пьяница и дурак.
Одел тужурку комиссара –
Пусть дурак, зато бедняк! (5)

---

* Вариант: комиссарочка.

39

Мой миленочек – партийный,
Ему слава и почет!
За идею коммунизма
Он родную мать убьет. (3)

40

Коммунисты, комиссары,
Хитромудренький народ:
Ни хрена не понимает,
А команды подает! (3)

41

Коммунист ты, коммунист,
Рубашка сатинова,
Загребущая рука,
Душа сатанинова. (3)

42

Над Кремлем горит звезда,
Звезда пятиконечная.
Власть у этих дармоедов,
Надеюсь, не вечная. (3)

43

Курочка сыта бывает,
Хоть по зернышку клюет.
Коммунист чуры не знает –
Миллионами гребет! (5)

44

Коммунисты все привыкли
Только хапать, воровать.
Хоть заведует уборной –
Все равно найдет что взять. (3)

45

Зря учение учу
Марксизма-ленинизма:
Доведет оно меня
До идиотизма... (3)

46

Ой, барыня смелая,
На ней юбка белая.
В коммунистки запишу,
А потом с ней согрешу. (3)

47

Ой, барыня торганула:
Буржуя на рупь надула,
Потом коммуниста
Рубликов на триста! (3)

48

– Ой, барыня модная,
Ходишь ты голодная.
– Отчего голодная?
– Власть у нас народная! (3)

49

Я барыне помогал,
А она орет: «Нахал!
Куда меня поволок?»
– Просто в красный уголок... (3)

50

Эх, барыня бойкая
Стала комиссаркою.
Она ходит и дымит
Большою цигаркою. (3)

51

Сверху – молот, снизу – серп:
Это наш советский герб.
Хочешь – жни, а хочешь – куй,
Все равно получишь хуй! (9)

52

Первомаи мы встречали
С портретами Ленина!
Хлеб чекисты отобрали,
Земля не засеяна. (3)

53

Комиссары так решили:
Себе — сала и мясца,
А кто это все растили —
Тому девять грамм свинца! (3)

54

Коммунисты, комиссары
Грозные и разные,
Брюки носят «галифе» —
Подштанники — грязные. (5)

55

Сами, сами — комиссары,
Сами — председатели,
Никого мы не боимся,
Ни едреной матери! (8)

56

У буржуев коммунисты
Власть берут недаром:
Раньше был кто алкоголик —
Станет комиссаром. (3)

57

С неба звездочка упала,
Покатилась в самый низ.
Раньше дроля был мазурик,
А теперя — коммунист. (5)

58

Нынче шиворот-навыворот
И задом наперед:
Кто работать не умеет —
Тот командовать идет. (6)

59

У буржуев пузо
Больше двух арбузов.
А у коммуниста
Больше раз на триста! (5)

60

Коммунисты, вашу мать!
Дома нечего пожрать:
Сухари да корки,
На ногах опорки. (4)

61

Комиссары власть забрали
И докомиссарили:
Нашли дохлую кобылу —
На костре зажарили. (4)

62

Пусть ворует коммунист
И не беспокоится:
Красной книжкой от закона,
Как зонтом, прикроется. (3)

63

Коммунисты победили
И издали свой декрет:
Себе — деньги и хоромы,
А нам — флаги и портрет. (3)

64

Коммунистов мы хвалили
На свою же шею:
Разграбили, растащили
Матушку-Расею. (3)

65

Стоял царь у власти —
Не было напасти.
Пришли комиссары —
Войны да пожары. (3)

66

Коммунистов всей страны
Не судите строго:
Как же дети сатаны
Могут верить в Бога?! (6)

67

Вспоминаю, как когда-то
Мне говаривал наш поп:
— Братья! Хуже коммунизма
Может быть только потоп!.. (3)

68

Черти властвуют в аду —
Это и понятно,
Но когда они в Кремле —
Не очень приятно. (3)

ЛЕНИН

69

Неспроста немцы России
Войну объявляли:
Они Ленину царя
Скинуть помогали. (3)

70

Называет себя Ленин:
— Я народник и марксист! —
Просто ты шпион немецкий
И к тому еще — артист. (3)

71

Мне не надо воз муки,
А всего полпуда.
Ленин немцам продал Русь,
Как Христа Иуда. (3)

72

За Россию получил
Ленин золота вагон,
Ну а Бог превратил
В угольки все и в огонь. (3)

73

Революцию устроил —
Ленин так за брата мстил.
Он народными костями
К трону путь свой замостил. (3)

74

Керенский царя сменил,
Керенского — Ленин.
Наказал, видать, Господь:
Сам чуть не застрелен. (3)

75

Бросил клич наш Ильич —
Дворцы штурмом взяли,
А их тут же комиссары
Для себя заняли. (3)

76

Троцкий — болтать мастак,
А Ленин — похлеще!
Троцкий взял бы нас в кулак,
А Ленин взял в клещи. (3)

77

Ленин Троцкому сказал:
— Пойдем, Лева, на базар,
Купим лошадь карию
Кормить пролетарию. (9)

78

Ленин очень много пишет,
Троцкий складно говорит.
Кровь еврейская в обоих
Синим пламенем горит. (5)

79

Натравил на деда внука,
Сына — на отца и мать:
Людской крови не боялся,
Чтобы царский трон занять. (3)

80

Должность каждая у нас
Названа, проверена:
Профреволюционер —
Специальность Ленина. (3)

81

Собирается наш Ленин
Мировой разжечь пожар,
Чтоб рабочими руками
Загребать золота жар. (3)

82

Свою нацию еврей
Не очень уважает:
Даже Ленин, что он жид,
Скромненько скрывает. (6)

83

Часто Ленин грустит
По одной причине:
В его жилах кровь течет
Сынов Палестины. (3)

84

Мать у Ленина — жидовка,
А отец — татарин,
Ну а сам у нас он стал
Главный русский барин. (3)

85

Почему не произносит
Ленин ясно букву эр?
Потому что он жидовский,
Русский революционер. (9)

86

Берет Ленина досада —
Впору резать вены:
«Р» мешают говорить
Еврейские гены. (9)

87

Призывал великий Ленин
К красному террору.
Дали лучшие умы
За границу деру. (3)

88

Удивляются: как Ленин
Победить буржуев мог?
Я уверен: не иначе,
Сатана ему помог. (3)

89

Если б Ленин-большевик
Не залез на броневик —
Его б растоптали
И о нем не знали. (9)

90

Мы в семнадцатом хвалили
Дорогого Ильича,
А теперь вот матом кроем
С голодухи, сгоряча. (5)

91

Все пути нам в коммунизм
Лениным указаны:
Мы по ним хоть на карачках,
А ползти обязаны. (6)

92

Каплан в Ленина стреляла,
Но плохо попала.
Попади она точнее —
Может, лучше б стало. (3)

93

В Ильича Каплан стреляла –
Жаль, что промахнулась.
А потом вся Русь почти
В крови захлебнулась. (5)

94

Ленин рад всегда помочь
Нищим и сиротам,
Только их охрана близко
Не пустит к воротам. (3)

95

Отдал Ленин беднякам
Масло, сыр и сало,
Но оно у комиссаров
По пути застряло. (6)

96

Почему Владимир Ленин
Ненавидит кулаков?
А спросить бы его строго:
«Ну а сам-то был каков?!» (3)

97

У Ленина соратники –
Хищники, стервятники,
А его поклонники –
Воры и разбойники. (3)

98

Ленин близок был народу,
Понимал тяжелый гнет.
Почему же на заводах
Все по-прежнему идет? (3)

99

Давно ленинская нам
Тактика знакома:
Заменил он слово «царь»
На «предсовнаркома». (3)

100

Сидит Ленин в кабинете,
Сочинения строчит.
У рабочих с голодухи
Один нос большой торчит. (5)

101

Ленин все поперепутал,
Без пол-литра не поймешь:
Где геройство, а где подлость,
Где – дележ, а где – грабеж?.. (3)

102

Мы по ленинским стопам
Шагаем открыто!
Узнаем его следы:
На ногах – копыта. (5)

103

Мы Ленина прославляли
В семнадцатом до небес!
Оказалось: он не ангел,
А рогатый, страшный бес. (3)

104

К светлым далям коммунизма
Ленин нам открыл пути!
Но по ним вот почему-то
Ни проехать, ни пройти. (3)

105

В восемнадцатом году
Ленин мне приснился:
На копытах и с рогами,
Сатане молился. (7)

106

Мы про Ленина слагали
Стихи, песни, гимны!
А потом уж спохватились,
Что зря брали Зимний. (5)

107

Мы с Ленина, будто с Бога,
Иконы писали,
А что он — сын сатаны —
Потом лишь узнали. (5)

108

Почему наш Ленин лысый?
Догадайтесь сами:
Ему вывели рога
Вместе с волосами. (6)

109

Мы на Ленина молились
Больше, чем на Бога,
А он нам чертей наделал
Очень даже много. (4)

110

Наказал великий Ленин
Своей партии родной:
Чтобы сделать побыстрее
Небо в клетку над страной. (3)

111

Скорей, Ленин, помирай,
Но не примет тебя рай.
Всех соратников, Ильич,
За собою в ад покличь. (3)

112

Как отбрасывал копыта,
Завещал Ильич родной,
Чтоб не мясом нас кормили,
А дохлятиной одной. (3)

113

Ильич, проклятие тебе,
Что создал ты ВеКаПеБе.
Из них ЧеКа роди́лась,
Чтоб к черту провалилась. (6)

114

Умирает вождь наш Ленин —
Хоть ты плачь, хоть смейся:
Жить мы лучше ведь не будем,
Ты и не надейся. (3)

115

Умирает наш Ильич —
Наберись терпения:
Притеснений будет больше,
А свобод — все менее. (3)

116

Нам сказал товарищ Ленин:
«Надо вам учиться,
На меня, как на икону,
Будете молиться». (3)

117

В книгах Ленина есть мысли,
Но есть много ерунды.
Если знал бы он, что делать,
Не было б такой беды. (5)

118

Открой, Ленин, глазки,
Дай детям колбаски —
Жрать приходится давать
Им, что свиньи не едят. (5)

119

Неужели вождь наш, Ленин,
Натворил так много зла?
Даже мать — земля сырая
Его прах не приняла! (5)

120

В саркофаги фараонов
Египтяне клали,
Но, как чучело, на вид
Их не выставляли. (3)

121

Это вовсе не легенда –
Существует «Вечный жид».
И не где-нибудь за морем –
В Мавзолее он лежит. (3)

122

Уберу портрет цветами
Дорогого Ленина.
Пайка хлеба пятьсот грамм
На семь дней поделена. (4)

123

Часовые Мавзолея
Глаз на миг-то не сомкнут:
Опасаются, что Ленина
В ад черти унесут. (3)

124

У нас многие колхозы
Носят имя Ленина.
Скот почти весь передох,
Земля не засеяна. (5)

125

Всюду Ленина музеи,
В них большие штаты:
Собирают, охраняют
Письма и цитаты. (5)

126

«По тем ленинским местам!» –
Прогулка называлась,
Где «В разлив» вино и водка
Вовсю продавалась. (4)

127

По-еврейски Ленин наш
Немного картавил.
И в политику играл
Часто против правил. (3)

128

У тебя, великий Ленин,
И заслуги велики:
Строил мост он в коммуну
Не *через*, а *вдоль* реки! (5)

129

Колдун Ленин иль волшебник,
Объяснять я не берусь,–
Но сумел он одурачить
Так легко Святую Русь!.. (3)

130

Ленин – родственник ребятам,
Зовут дедушкой его.
Иль кому детей наделал?
А жене – ни одного. (6)

ЧЕКА

131

Ох уж эта ЧеКа –
Всех ею пугают:
Часто без вести там
Люди пропадают. (3)

132

За ЧеКа дурная слава
Утвердилася не зря:
За грабеж – политбеседа,
За два слова – лагеря! (5)

133

Ах, матаня, ты матаня,
Ты чего мотаешься?
Постучат чекисты ночью –
Заикой останешься. (3)

134

Кузя вором все считался,
Не вылазил из тюрьмы.
Революцию дождался,
И его боимся мы. (6)

135

Свое дело знают туго!
Так в ЧеКа ведется:
Захотят к кому придраться,
То вина найдется! (3)

136

Мальчик просит папу, маму:
– Дайте сахару к чайку...
– Замолчи, троцкист поганый,
Отведу тебя в «ЧеКу»! (4)

137

В ЧеКа стражника Семена
Знает каждый кустик:
За пол-литра самогона
Троцкого отпустит! (3)

138

У миленка сто секретов –
Не расскажет ни о чем:
Он работает, наверно,
У чекистов стукачом. (3)

139

Встану рано, выйду в поле –
Дует свежий ветерок.
Меня милый, коммунист,
Чуть в ЧеКа не уволок! (5)

140

В ЧеКа признание любое
Из любого выдернут:
И слова, и самого
Наизнанку вывернут! (4)

141

Полюбила я майора,
А он, сволочь, из ЧеКа:
Посадил отца и брата –
И не дрогнула рука. (3)

142

Я сказала только: «Сталин
Часто лечится в Крыму!»
Мне в ЧеКа за это дали
Путевку на Колыму. (5)

143

Переполнен Петроград
Матросскими рубашками,
А в ЧеКа допрос снимают
С голой жопы пряжками. (6)

144

Меня вечером схватили,
А за что – и сам не знал.
Но в ЧеКа как притащили –
Все, что не было, сказал! (3)

145

В милиции и ЧеКа
Строгие порядки:
Им подследственного бить –
Вроде физзарядки. (7)

146

Агитацией в ЧеКа
С народом занимаются.
Не беда, кто опосля
Зубов недосчитается. (3)

147

Раз, два, три, четыре,
В ЧеКа грамоте учили:
Не читать и не писать –
Ловко зубы выбивать! (3)

148

В ЧеКа эти идолы
Пять зубов мне выбили.
И за эти пять зубов
Получил я пять годов! (3)

149

Воспитанием ЧеКа
Культурно занимается:
Сломаны рука, нога,
Спина не разгибается. (4)

150

Чики-чики-точка...
В ЧеКа был два денечка:
Разбили голову и грудь –
Ни тряхнуться, ни вздохнуть. (7)

151

Сколько дважды два, не знает
Наш начальничек ЧеКа,
Зато ребра так считает –
Пять недель болят бока. (3)

152

У ЧеКа свои порядки –
Там не поругаешься.
Почки, легкие отбили:
В чем велят – признаешься! (3)

153

Мне в ЧеКа усатый плут
«Вежливо» приказывал:
«Как воспитывают тут,
Чтоб никому не сказывал». (3)

154

Нет суда над МГБ –
Все им с рук сходило:
Поломают ребра, зубы –
Скажут, так и было! (3)

155

На залупу Сталину
Раз очки примерили:
Получился точь-в-точь
Портрет Лаврушки Берия. (6)

156

Меня на свет из темноты
Вывели, крестьяночку!
Теперь ведут на расстрел
За «Барыню», «Цыганочку». (3)

157

В ЧеКа не чикаются долго –
Чик – и все готово!
Человека расстреляли
За одно лишь слово! (3)

158

Комиссары уничтожили
Все лучшие умы,
А чекистов все боятся
Больше тигра и чумы! (3)

159

Пролетарское оружье –
Булыжник и палки.
У кремлевских заправил –
КГБ и танки! (3)

160

Включил радио послушать,
А там «вражьи голоса»,
Но чекисты так их глушат –
Правда режет им глаза. (6)

161

В арсенале у чекистов
Тюрьмы и темницы.
Кагебешник неугодных
Прячет в психбольницы. (3)

162

Ежов, Берия, Ягода –
Сталиным менялися,
А в ЧеКа как были – звери,
Ими и остались. (3)

163

Раз я вышел на крыльцо –
Идет знакомое лицо:
Я этого дурака
Видел за столом в ЧеКа. (7)

164

Кто в ЧеКа попал – капут! –
И могилок не найдут...
Их убийцы-палачи
Живут на дачах, богачи! (6)

165

Кто в старух, детей стрелял –
Невиновны стали:
– Я не ведал... я не знал...
Мне так приказали... (3)

166

Чекист на Сталина свалил:
Меня, мол, обманули...
Кто детей, старух морил –
Живут как буржуи! (5)

167

Биографию с пеленок
Знаем про Гагарина,
А какой стрелял подонок
В баб, детей – все тайна! (4)

СТАЛИН

168

Сука Сталина рожала –
Аж вся Грузия дрожала:
«Ждите горя, ждите бед –
Появился людоед!» (3)

169

Сталин в Бога век не верил
И не сделался попом,
Но зато нечистым силам
Верно он служил потом. (4)

170

Ленин топает в ботинках,
Сталин топнул сапогом;
Ленин лужицы обходит,
Сталин прет же напролом. (3)

171

Ленин мудро нами правил:
Появилась тогда нэп.
Сталин в тюрьмы всех отправил,
У села забрал весь хлеб. (3)

172

Умирая, дал конкретный
Ленин Сталину наказ:
В кандалы, пока не поздно,
Заковать рабочий класс. (3)

173

Сталин в Бога век не верил
И не сделался попом,
Но зато нечистым силам
Служил верно он потом. (5)

174

Сталин часто трубку курит,
Он ей очень дорожит!
Когда Сталин брови хмурит –
Вся республика дрожит. (6)

175

Ну и Сталин – ты стальной,
Что ты делаешь со мной?
За кило картошки –
С решетками окошки. (2)

176

Вот спасибо Сталину
И проклятье барину:
Барин брал с нас десятину,
Сталин – хлеб и всю скотину! (4)

177

Ой спасибо тебе, Сталин!
Ты мне – батюшка родной.
Мне отец пустырь оставил,
А ты наградил тюрьмой. (8)

178

Из кремлевского дворца
Слышу Сталина-отца:
Складно очень говорит –
Плакать хочется навзрыд! (6)

179

Нет ни хлеба, ни картошки –
Ем кору и лебеду,
А за Сталина родного
В воду и в огонь пойду! (4)

180

Куплю Сталина портрет
И буду молиться,
Чтоб сухарик один дал
И речной водицы. (3)

181

Вижу, Сталин на трибуне –
Счастлива и рада!
Хотя жизнь моя в колхозе
Много хуже ада. (3)

182

Портрет Сталина повешу,
Выброшу иконы.
Вместо песен теперь слышны
У нас одни стоны. (3)

183

Портрет Сталина повешу
На видное место
И для «хлеба» замешу
Из мякины тесто. (3)

184

Портрет Сталина мне в премию
Райком недавно дал.
На него теперь молюся,
Чтобы хлеба хоть послал. (3)

185

Ой, спасибо тебе, Сталин,
Что колхоз у нас богат:
Зерно сдали – пришлось кушать
Из мякины суррогат. (5)

186

Скажу Сталину спасибо,
И не только я одна:
На труддень всем по щепотке
Дал прогнившего зерна. (6)

187

Все в колхозе благодарны
Стали Сталину-отцу:
На отчетном на собранье
Съели дохлую овцу! (3)

188

О колхозной о деревне
Сталин постарался:
Чтоб колхозник не мукой –
Мякиной питался. (3)

189

Застучало мое сердце,
Когда Сталин говорил:
Чтоб колхозник зерно ссыпал,
Из лузги бы суп варил. (5)

190

Я по радио слыхала,
Сталин мудро так сказал:
Чтоб колхозник с урожая
Все до зернышка бы сдал. (5)

191

Что сказал товарищ Сталин –
Мы с восторгом встретим!
Он нам скажет: «Не есть мяса!» –
«Будет так!!!» – ответим. (3)

192

Пошлю Сталину приветик
И частушку в его честь:
Научил меня в колхозе
Он работать и не есть. (3)

193

Низкий Сталину поклон
За советы добрые:
Хоть голодные мы ходим,
А пьяные, бодрые! (3)

194

Если бы не мудрый Сталин,
Так бы мы и жили:
Вкус крапивы, лебеды
Вовсе б позабыли. (3)

195

Посмотри, товарищ Сталин,
Как зажиточно живем:
Вместе с тощею скотиной
Лебеду одну жуем. (3)

196

Пусть любуется на нас
Наш любимый Сталин:
Подкулачники и то
Как скелеты стали. (3)

197

Портрет Сталина родного
На виду повесила:
Наварила щей крапивных –
И вкусно и весело! (8)

198

Письмо Сталину пошлем:
«Хорошо в селе живем!
Что мы с поля уберем –
Все тебе мы отдаем». (8)

199

Кто Сталину не по нраву –
С теми расправлялся:
Убивал тех, с кем недавно
Нежно целовался. (5)

200

Сталин на врагов народа
Гибель Кирова свалил.
Не раскаялся, иуда! –
Он же сам его убил. (5)

201

Портрет Сталина повешу
А я на видном месте:
Провалися ты с ЦеКа
И с Берией вместе! (5)

202

Здравствуйте, товарищ Сталин!
Где же Ваша трубка?
На войне из меня сделал
Калеку-обрубка... (3)

203

Победили мы со Сталиным
И впредь не подведем:
Без порток народ оставили
И шкуру с них сдерем! (4)

204

На стене висят портреты:
Ленин, Сталин, Маленков!
Сколько денег поугрохали
На этих дураков?! (6)

205

Называют «творцом» Сталина –
Ну так тому и быть:
Ведь он столько дел кровавых
Успел много натворить! (3)

206

Брюхо с голоду подводит,
Ноги еле волочу,
Но зато в библиотеке
Книги Сталина учу! (6)

207

Нет крупы, картошки нет –
Варить колун поставила,
Сама села на полу –
Читаю книгу Сталина. (3)

208

В коммунизм Сталин нас
Вел и заблудился:
Мяса нет, масла нет
И хлеб провалился. (3)

209

Приди, Сталин, подивись,
Как в ярмо мы запряглись:
Мы и пашем и поем,
Труд бесплатно отдаем. (5)

210

Сталин наш любимый,
Сталин дорогой,
Ленин уже умер,
А ты все живой. (5)

211

Всё вокруг – один обман,
Ложь и лицемерие!
У Сталина к Берии
И то нет доверия. (5)

212

Когда умер вождь наш Сталин,
Многие роптали:
– Из-за этой подлой твари
Стольких растоптали!.. (5)

213

Все о Сталине рыдали –
Аж мороз по коже!
Ну а многие сказали:
«Слава тебе, Боже!» (5)

214

Когда в марте умер Сталин –
Рыдал весь СССР!..
Иль в ЦеКа – все лицемеры,
Иль народ весь – лицемер. (5)

215

В жизни Сталина одни
Зверства и расстрелы.
Хоть сам умер он давно,
А идеи – целы!.. (6)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, КОЛХОЗЫ

216

По завету Ленина,
По совету Сталина,
Мы построили колхозы –
Погубить крестьянина. (3)

217

Человеческое счастье
Это ты нам, Сталин, дал:
Отнял землю, отнял волю,
Силой всех в колхоз загнал. (3)

218

Я читал у Ленина,
Я читал у Сталина:
Часть крестьян должна сейчас
Быть в тайгу отправлена. (4)

219

Не видать земли крестьянам,
А дадут – не будешь рад:
Как ты был всегда в неволе,
Так и дальше будешь раб! (3)

220

Паровоз вперед летит,
Аж колеса плавятся!
Ну и мать иху ети –
В коммуне отвалятся. (7)

221

Всё в коммуне в ажуре
И никто там не дурак:
Спать подольше, есть вкуснее,
А работать – кое-как. (3)

222

По колхозному вопросу
Сходка собирается –
Там зажиточный крестьянин
С батраком сравняется. (3)

223

У кулака Аксакова
И бедняка Тамазнова
Земля – одинакова,
А урожаи – разные. (3)

224

На помещика дед с бабой
Смолоду батрачили.
Комиссары землю дали...
Потом раскулачили. (3)

225

Все сравнялися в колхозе:
Все свели туда свой скот –
Там соседских три коровы
И мой шелудивый кот! (3)

226

С радостью иду в колхоз,
Пишу заявление!
Ну а если не пойду –
Враз на выселение. (6)

227

Я сестру решил проведать
Раз в год, в воскресение –
Из колхоза исключили
И... на выселение. (3)

228

Без колхоза нельзя жить –
Понятно объяснили:
Мне рязанский чернозем
На тундру заменили. (3)

229

На богатых мироедов
Послал меня сельсовет.
Пришел милку раскулачить –
У ней щей-то постных нет. (3)

230

Хороша наша деревня,
Можно городом назвать:
Огороды отобрали
И коров велят отдать. (8)

231

На дворе коровы нет,
Маслом не рыгается.
По двору ходит петух,
Матерно ругается. (9)

232

По миленочку меня
Зовите коммунарочкой:
Я – бездельница, он – лодырь,
Будем дружной парочкой. (3)

233

Все равно, единоличники,
Запишетесь в колхоз.
Отберут у вас всю землю –
Вам оставят с гулькин нос. (3)

234

Задушевная подружка,
Нам в колхоз входить пора:
Все равно у меня нету
Ни кола и ни двора. (3)

235

Разъясняю ей, толкую,
Агитацию веду:
– Привыкай к колхозной жизни,
И легко будет в аду. (8)

236

Записались в коллективы
Все колхозные дворы.
Раньше хоть картошку ели,
Теперь варят топоры. (3)

237

Разве равенство быть может?
Тут не в силах Бог помочь:
Кто «пахал», на печке лежа,
А кто в поле – день и ночь. (3)

238

У колхозного правленья
Мысль и скора и проста:
Деловых – на выселенье,
Лодырей – на их места. (3)

239

Завтра вечером собранье
О вступлении в колхоз.
Кто не вступит добровольно –
Тех на северный мороз. (3)

240

Говорят: земля плохая
И работать не с руки.
А с чего, того не зная,
С ней жиреют кулаки? (3)

241

Огороды отбирали,
А мы с мамой плакали.
Когда папу убивали –
Даже не калякали. (3)

242

Мы теперь в колхоз вступили,
Гоним в шею кулака!
Но без них, как ни трудились,
Изобилья нет пока. (6)

243

Кулака мы бьем по шее,
Из деревни гоним прочь,
А на ихние пожитки
Будем пить и день и ночь. (3)

244

С комсомольцем гулять буду,
А с богатым не хочу.
Кулаков когда ограбим –
Что хочу, то получу! (3)

245

Мы прогнали из колхоза
Кровососа-кулака:
Ждем, покамест потечет
У нас молочная река. (8)

246

Кулаки – дураки,
Комиссары – гады:
Растащили их добро
По себе – и рады! (3)

247

Посажали кулаков –
Оставили дураков.
Спрос какой же с дурака,
Что нет детишкам молока?! (8)

248

Справа жил со мной кулак,
Слева – подкулачник.
А кто ж я? Или дурак,
Или неудачник... (3)

249

На путь верный нас Сталин
Вывел, пьяниц, дураков:
Мы теперь умнее стали –
Убиваем кулаков. (5)

250

Летом крупные заботы –
Дорожите каждым днем!
– Ну а нам не до работы –
Раскулачивать идем! (3)

251

Разгромили кулаков –
Избежали мы беды:
Освободили батраков
От работы и еды. (3)

252

Кто колхозы разоряет?
Изверги проклятые!
Не подумайте – фашисты:
Евреи пархатые. (1)

253

– Кулаков всех в тюрьму! –
Орали, кто может.
Все одели мы суму –
А подаст-то кто же? (5)

254

Скоро землю заморозит,
Много снегу наметет.
Продотряд нагрянуть может –
Все до крошки заберет. (3)

255

Председатель сельсовета
Продотряд к нам приводил:
– Сдайте даже чего нету! –
И тюрьмою нам грозил. (3)

256

Все хорошие ребята
В партии большевиков.
Они ездят по деревне,
Грабят бедных мужиков. (3)

257

Всех чекисты кулаков
Давно раскулачили.
Придумали продразверстку –
Голодать все начали. (3)

258

В одиночку трудно было:
Собрались в артели.
Не справились с продразверсткой,
Как мы ни пыхтели... (3)

259

Баба сеяла горох,
Сеяла и просо.
Все забрали в продналог –
Оставили с носом. (3)

260

Продотряд в село прислали –
Скверные делишки:
Все до крошки отобрали –
Оставили книжки. (3)

261

К нам приехал продотряд –
И сам черт ему не рад.
Заберут все до зерна –
Не оставят семена. (3)

262

Купил телочку. Пока
От ней дождался молока,
«Комбед» корову отобрал,
Чтобы черт его побрал! (3)

263

Продотрядовцы примчались,
Перерыли все вверх дном:
Недозрелым не гнушались,
Ни навозом, ни дерьмом! (3)

264

Жили-были дед и баба,
У них курка была ряба.
Взяли курку за налог –
Дед от голода подох. (9)

265

Спасибо нашему ЧеКа:
Разгромили кулака!
А на их хороших землях
Сорняки растут пока. (3)

266

За решетку посадили
Всех чекисты кулаков,
Землю их освободили
Для крапивы, лопухов. (3)

267

Кулаков всех раскулачили,
В Сибирь сослали.
Но они и там жить начали:
Как мы, не пропали. (3)

268

Мы построили колхозы,
Никак не нахвалимся:
Не понравится работа –
На печь спать завалимся. (3)

269

Мы работаем в колхозе,
Кулаков всех выслали,
Путь к достатку, изобилью
Бутылками выстлали. (8)

270

Мы зажиточными стали,
Уничтожив кулаков:
Лебеду уже сожрали –
Добрались до лопухов. (8)

271

План по мясу выполняем,
Но скажу вам без вранья:
Гончий пес и то жирнее,
Чем колхозная свинья. (5)

272

Опровергли поговорку –
Он, мол, жирный, как свинья!
У нас свиньи – одни кости...
Виновата в том не я. (3)

273

Вкалываю лучше вдвое –
Не идут на лад дела:
От коров у нас удои –
Как от скверного козла. (3)

274

У меня была корова –
За удой ведро давала!
А в колхоз она попала –
Как коза доиться стала. (3)

275

Ни обрезы, ни поджоги
Не помогут кулакам,
Что у них поотбирали,
Никогда я не отдам. (8)

276

Кулаки как ни вредили,
А колхозы выросли,
Попастись овец весною
На носилках вынесли. (8)

277

Раньше мы ходили в церковь,
А теперь мы ходим в клуб.
Заменил на телогрейку
Дедов тепленький тулуп. (8)

278

Мы в колхоз давно вступили
И по-новому живем:
Один с сошкой, а семь с ложкой,
Еще бьют его кнутом. (3)

279

Городской, на подработку
Я отправился в колхоз.
Мне платили не деньгами –
Дали «палок» целый воз! (3)

280

Трудоднечки-палочки
Нужны мне для считалочки:
Кукиш купишь есть и пить,
Выходи – тебе водить! (3)

281

Колхозницы-крестьяночки,
Работаем за «палочки».
А куда мне их девать?
Может, Сталину послать? (3)

282

Заработала я «палочек»
Поболее трехсот!
Обнесу теперь забором
Свой маленький огород. (3)

283

Заработал много «палочек»,
Пять грамот получил!
А с женою спать ложуся –
Нет на «палку» даже сил. (6)

284

Сказали на собрании
Про соцсоревнование:
— Больше «палок» у кого —
На доску вывесим того! (5)

285

Я — колхозница-ударница,
Меня не перегнать!
Наберется пятьсот «палочек» —
Пойду их продавать. (3)

286

Просил я у матанечки
Показать мне «палочки»:
Если много трудодней —
То женюся я на ней. (3)

287

За колхозную работу
Я — ударник, делегат!
А для «палочек» построю
Я за домом большой склад! (3)

288

Летом сено я косил
На «Тигровой балочке».
За работу получил
В ведомости «палочки». (9)

289

Мой миленок — комбайнер,
Я — штурвальная на ять!
Столько «палок» заработали,
Что некуда девать! (8)

290

Колхоз «Светлые дали»,
Ничего делишки! —
На «палочки» кукиш дали —
Плачут ребятишки. (5)

291

Наш колхоз делами славен:
Мы и сеем, мы и жнем!
А осенью за работу
Домой «палочки» несем. (5)

292

Муж мой в ведомость глядит:
Тыща «палочек» стоит!
Основная «палка»
Висит, как мочалка. (6)

293

Заработала одни
Палочки-трудодни:
Ни испечь их, ни сварить
И ни печку истопить. (3)

294

У меня для предколхоза
Нету слова «не хочу» —
Я за эти за заслуги
Скоро орден получу. (3)

295

Николай Михайлыч Шверник
Мне за клевер орден дал.
Я бы с радостью тот орден
На кило пшена сменял. (8)

296

Труд колхозный уважаем,
Всегда будем с урожаем.
Только жаль, что за наш труд
Нам лишь «палочки» дают. (8)

297

У колхоза молотилочка
Без пропуска идет.
Намолотим что, навеем —
Государство отберет. (8)

298

Мы за лето заработали
По триста трудодней –
Кошку Мурку не прокормим,
А не то двоих детей. (8)

299

Вот так озимь, вот так рожь,
Урожай будет хорош!
Только радоваться рано –
Государству все сдаешь. (3)

300

Все до крошки отняла
Коллективизация:
Раньше корка хоть была,
Теперь – облигация. (3)

301

Нам дадут на трудодень
Килограмм по восемь!
А «палочек» иль зерна? –
Пойдем парторга спросим. (8)

302

Трудодней я заработал
На четыреста пудов,
А принес, что заработал, –
Не прокормишь двух котов. (8)

303

Нас вчера премировали
За уборку чистую:
Не платочек яркий дали –
Грамоту цветистую. (8)

304

Мы с подружкой обязались
Все заданья выполнять,
И нам тоже обещали
За все кукиш с маслом дать. (3)

305

Выходи плясать на пару,
Если много трудодней,
И в резиновых бахилах
Посильнее дроби бей. (8)

306

Я на тракторе сидела,
Поворачивала руль.
«Палочек» у меня много,
А вот дали на них нуль. (8)

307

В чистом поле трактор пашет,
Тракторист рукою машет:
Хоть паши, а хоть маши –
Заработаешь шиши. (8)

308

Мы продукты все сдавали
Через кооперацию.
Нам не деньги и товары –
Дали облигацию. (8)

309

Колхоз, колхоз –
Хорошее дело.
Мне за «палочки» работать
Просто надоело. (8)

310

Обязательства досрочно
Выполняет наш колхоз.
За ударную работу
Привез «палочек» я воз. (3)

311

Нам колхозная работа
Никогда не надоест.
На оплате справедливой
Мы давно уж ставим крест. (8)

312

По колхозам погляди –
Комсомольцы впереди.
Пашут, строят и куют,
Шиши с маслицем жуют. (3)

313

Заработали мы с милым
Больше тыщи трудодней,
Но кормить сухой картошкой
Нам приходится детей. (8)

314

Мы колхозные девчата,
Хорошо живется нам:
На труддень нам отвалили
Аж по целых двести грамм. (3)

315

Обмолочена пшеница,
Убран с полюшка овес –
На все заработки милый
Кило пряников привез. (3)

316

Поработали в артели
И купили новый дом:
Лыком шито, небом крыто –
Хорошо в нем заживем! (8)

317

Сидит кошка на окошке,
К ней подходит бригадир:
– Иди, кошка, на работу,
А то хлеба не дадим. (8)

318

Милый мой несет газету,
Почитаем вечерок –
Все равно ведь хлеба нету
И без сахара чаек. (3)

319

Я живу теперь культурно,
Провел радио вчера:
Не дают частушки слушать,
Остальное все – мура. (3)

320

Милый выписал газету,
Провел радио себе,
Чтоб не надо было думать
О своей лихой судьбе. (3)

321

Всюду к лучшему в колхозе
Видны перемены:
Крыши сгнили, прохудились,
На подпорках стены. (8)

322

Обуй лапти и онучи,
Телогреечку одень.
Ты не бойся, что износишь, –
В них оденет трудодень. (8)

323

А в колхозе «Красный лапоть»
Очень дружный коллектив:
Даже «Барыню» играют
На кладбищенский мотив. (3)

324

Мы зажиточными стали
В любимом колхозе:
На соломе раньше спали,
Теперь спим в навозе. (8)

325

Мой миленок – комбайнер!
Я думала – при деньгах.
Приезжал он меня сватать
В резиновых сапогах. (8)

326

Раньше ела корки,
Носила опорки.
Теперь ем лебеду
И вся попа на виду! (5)

327

Голодные не сидим —
В селе досыта едим:
Весной — крапиву, лебеду,
Зимой навозную бурду. (3)

328

Убираем рожь, пшеницу
И отвозим все в столицу.
Мужику совсем беда:
Едою стала лебеда. (7)

329

— Стал богатым я в колхозе! —
Мне миленок говорил.
Я пришла, а он без мяса
Из крапивы щи варил. (8)

330

Мы в колхозе уж давно
Пьем, усвоив моду,
Не парное молоко,
А тухлую воду. (5)

331

Раньше бабушка пекла
И блины и пироги.
А теперь за черным хлебом
За семь верст зимой беги. (5)

332

Раньше жили при царе —
Мясо, масло кушали.
А теперь во дворе
Кукиши с баклушами. (3)

333

Урожай отвозим летом
Соцдрузьям да городу.
Сами тощи, как скелеты,
Дети пухнут с голоду. (5)

334

Было: ели вволю сала,
Кашу с маслом ели.
Нынче хлеба-то не стало
По целой неделе. (3)

335

До колхозов дед, бывало,
К Пасхе режет порося!
Все куда теперь пропало?
Хлеб да квас — еда и вся. (3)

336

Жили-были дед и баба,
Ели кашу с молоком.
Мы теперь едим картошку,
Запиваем все кваском. (8)

337

Отправляем обоз с хлебом —
Твердое задание!
Собираем колоски
Себе на пропитание. (8)

338

Что посеем — соберем,
Все мы отправляем.
Сами ходим по полям —
Колоски сбираем. (3)

339

Приезжай, товарищ Сталин,
Ты — наш первый депутат:
Наварю щей из крапивы,
А из белены — салат. (3)

340

Это ты, товарищ Сталин,
От нужды избавил нас:
Раньше ели мясо, сало,
А теперь с картошкой квас. (6)

341

Как я вспомню: при царе
Бедно как мы жили:
Из крапивы, лебеды
Щи мы не варили. (3)

342

Мы в культурном отношенье
Догоняем города:
Вилки мы употребляем,
Хотя суп — одна вода. (5)

343

Милка — первая стахановка
У нас во всем селе:
Суп крапивный и картошка —
Вот меню все на столе. (8)

344

Гляну, гляну на колхозы,
Ой, какая красота!
Милый к празднику зарезал
Не барана, а кота. (8)

345

Стало весело работать
На колхозной полосе:
Не одна я голодаю —
Голодаем вместе все. (8)

346

Милый мой работой занят
На весенней полевой.
Покормлю пустыми щами
Со свекольною ботвой. (8)

347

Мой миленок — тракторист,
Пашет — улыбается:
В его брюхе с голодухи
Трель переливается. (6)

348

Показателей в работе
Не позволим уронить!
Летом хоть крапиву варим —
Всем зимой топор варить. (8)

349

Продовольственный излишек
Сдам скорее в исполком,
А кормить буду детишек
Из колодца «молоком». (8)

350

Мил по радио на съезде
Про колхоз делал доклад.
Не сказал он, что колхозники
Голодные сидят. (8)

351

Хорошо в колхозе жить —
Работа спорится, бежит.
А домой придешь — опять
Дети ноют: «Дай пожрать». (8)

352

Электрическая звездочка
Под каждым потолком.
Не пшено, а воду в ступе
Мы при лампочке толкем. (8)

353

Со своим звеном ударным
По три нормы в день даю.
Ну а дома малым детям
Из крапивы щи варю. (3)

354

Государству хлеб мы сдали
В срок, без опоздания –
Будем мы переносить
С песней голодание. (3)

355

Государству хлеб сдаем
Красными обозами,
Сами будем хлеб мы печь
С мякиной, с занозами. (3)

356

Свой долг перед государством
Выполняет наш колхоз –
Хлеб свезли весь подчистую,
А самим хошь ешь навоз. (3)

357

Урожаем наш колхоз
На всю область славится.
Все сдадим на заготовку –
Себе не останется. (3)

358

Поспевает урожай
На колхозном полюшке.
Государству в заготовку
Сдадим все до зернышка. (3)

359

Кто работает в колхозе,
Тот всегда будет богат.
Мяса, масла и сметаны
Они просто не хотят. (8)

360

Кто работает в колхозе,
В хлебе не нуждается –
Он одной картошкой с квасом
Круглый год питается. (3)

361

Лучше нет для нас пути,
Чем строить колхозы.
Себе горсть зерна оставим,
А сдадим – обозы! (3)

362

Так в колхозе я тружусь –
Летний день коро́ток!
А меня кормят весь год
Шесть несчастных соток. (8)

363

На доску Почета я
За свой труд попала.
Кабы не свой огородик,
С голоду пропала. (8)

364

Урожай богатый сняли,
В город с песнями везем!
Сами зиму, как медведи,
Лапу грязную сосем. (5)

365

Мне обидно, мне и горько,
И не знаю, как мне быть:
На трудодни нам дали столько,
Что кота не прокормить. (3)

366

У меня запасы те же,
Но я Бога не молю:
Кота последнего зарежу
И на зиму засолю. (8)

367

За ударный в поле труд
Вымпел милому дадут!
За этот красный лоскуток
Ходит бос и без порток. (3)

368

За работу ненаглядному
Повесили значок,
А он ходит, ухмыляется:
Ну, прямо дурачок! (8)

369

Прогнила и провалилась
Крыша, стены и навес:
Занавешу все плакатом –
«Слава всей КПСС!» (5)

370

Мы в колхозе все готовы
К обороне и труду,
Но победы нам приносят
Только горе и беду. (3)

371

Не имею огорода
И былой своей красы,
Но тебе храню полгода
Триста граммов колбасы. (3)

372

Защищать колхозный строй
Будем очень крепко.
Ведь у бабки крепостной
Была хоть в поле репка. (3)

373

Наш колхозник – патриот!
Хлеба в рот не берет,
В поле косит он косой,
Ходит голый и босой. (9)

374

Все колхозные ребята
Начинают богатеть:
На вечерку – в телогрейке –
Больше нечего одеть. (8)

375

Ткать, как бабка, не умеешь,
На что ты надеешься?
Целлофан в сельмаге купишь
И в него оденешься? (4)

376

Без резиновых сапог
Не перейти наших дорог.
Нам посоветовал райком
Ходить повсюду босиком. (8)

377

Нам засовы и запорки
Совершенно ни к чему:
Наши тряпки и опорки
Для чего нужны кому? (4)

378

Сапоги мои худые,
Дома нету никаких.
Кто из девок надсмеется –
Я помахивал таких! (3)

379

Надо с временем считаться –
Экономно надо жить:
Зимой в листья закататься,
Летом голыми ходить. (4)

380

Хорошо у нас в колхозе
Под названьем «Светлый путь»:
Одеваемся в отрепья,
Ноги не во что обуть. (8)

381

Кто работает, не ленится –
Зажиточно живет:
В тряпки рваные оденется,
Всегда пустой живот. (8)

382

По-стахановски работает
Подруженька моя –
Носит платье из дерюги,
А постель – из лохмотья. (8)

383

Я от лодыря отстала,
Как от дерева листок.
Познакомилась с ударником –
Он вовсе без порток. (8)

384

Из нужды да из печали
Меня вывел трудодень:
Собралась идти на танцы –
Телогреечку одень. (8)

385

Я – в колхозе, ты – в совхозе,
Мой хорошенький.
Ни одеть, ни обуть
Нет ничегошеньки. (8)

386

Я ударница девчина
И плясать – не перегнать,
Но в резиновых бахилах
Очень трудно дроби дать. (8)

387

Позабыла я в колхозе
Горе и заботушку:
Драп-дерюгу я ношу,
Ем лебеду-лебедушку. (3)

388

На газету не жалеем
Трудовой копеечки,
Хоть и ходим на вечерку
В одной телогреечке. (3)

389

Красно знамя присудили,
Молодец наш бригадир!
Сапоги у всей бригады
Износилися до дыр. (3)

390

По-стахановски я выйду
На гумно ленок трепать,
Хоть и платье все в заплатах,
Жопу голую видать. (3)

391

Ох, какие дал нам Сталин
Мудрые советы!
Теперь ходим мы в колхозе
Босы и раздеты... (3)

392

Я стахановка в совхозе,
В комсомолки запишусь.
Я в бахилы, телогрейку
На вечерку наряжусь. (8)

393

Печку топит – дым столбом! –
Бабушка Анюта:
Ведь в колхозе самогон
Тверже, чем валюта. (6)

394

Пред с дружками водку пили,
Как же тут не злиться:
Лезет он под хвост кобыле –
Хочет похмелиться. (8)

395

Развеселая частушка,
Но и осторожная.
А парторгу «чекушка» –
Что слону пирожное!.. (8)

396

Милый любит чудеса,
Сам в них отличался:
Успел пропить три колеса –
На одном примчался! (8)

397

Самогонку я гнала –
Председателю дала.
Мне за это тут же он
Дал зерна чуть не вагон. (8)

398

Хотя трезвостью не пахнет –
В этом тоже свой резон:
Если водка еле каплет –
Речкой льется самогон! (5)

399

Начиная с бригадира,
Все колхозника ебут,
А они в бессильной злобе
До упада водку пьют. (6)

400

Наконец-то наступают
Превосходные года!
Мы вкус хлеба позабудем,
Самогонки – никогда! (3)

401

Хлеб не досыта едят,
А пьют – до упада,
Но в деревне все молчат –
Будто так и надо. (3)

402

Самогонку я гоню,
Да и как ее не гнать?
Весь партком решил меня
В Москву на выставку послать! (5)

403

Нет коровушки в загоне,
Нет телушки во дворе:
Потонула в самогоне
Наша РСФСРе. (5)

404

Самогон, самогон,
Кто тебя не варит –
И райком, и исполком,
И милиция тайком. (5)

405

Не тужи, что нет силенки
И живот давно пустой –
Лучше выпей самогонки,
И все снимет как рукой! (5)

406

Очень злой и очень строгий
Председатель новенький,
А поллитру поднесешь –
И станет веселенький! (8)

407

Муженька все уважают,
На доске ему почет:
Что за месяц заработает –
За три дня все пропьет. (5)

408

Нерушим закон природы:
Над селом сивушный дух!
Значит, скоро огороды
Вспашут даже у старух! (8)

409

Бригадир – гроза старух,
Он им спуску не дает:
За версту сивушный дух
Его куда хошь приведет! (8)

410

Машка дело туго знает,
Работает во всю мочь!
Пятилетку выполняет
Самогоном в одну ночь! (8)

411

Ну и нюхом наградила!
И природа к нам щедра:
Еле брага забродила –
Парторг с крынкой у двора. (8)

412

Вроде летняя пора,
А дым у всех до неба:
Это гонят мастера
Самогон из хлеба! (3)

413

Не скоро буду старухой –
Нам дорогу, молодым!
Председатель был под мухой,
Ну а я была под ним! (6)

414

Наш колхоз узнать нетрудно:
Электричество горит.
Тут и в праздники, и в будни
Самогонный дух стоит. (8)

415

Советская власть –
Мужа не боюся,
Самогонки наварю,
С подругой напьюся. (8)

416

Все мы с полюшка убрали –
Теперь погуляем.
Получили курам на смех
И то – пропиваем. (3)

417

Хорошо в родном колхозе,
Хорошо в родном краю:
Соберу бункер пшеницы,
С председателем пропью. (8)

418

Ты не вей, суховей,
Над посевом нашим:
Часть пшеницы мы пропьем –
На погоду спишем. (8)

419

Зачем нам пахать и сеять?
И косить не надо.
Пойдем выпьем! Хлебом нас
Выручит Канада! (5)

420

Лучше нашего колхоза
По округе не найдешь:
Блоха пашет, боронует,
А в упряжке с нею вошь. (6)

421

У нас десять свиноматок,
Ну а боров лишь один.
Больше сотни поросяток
Ему в премию дадим. (3)

422

Когда пахали все сохой,
Урожай был неплохой.
Теперь нагнали тракторов,
А урожай больно хренов. (3)

423

Председатель посылает
В поле сеять трактора:
Он, дурак, откуда знает –
Не пришла еще пора. (3)

424

Хлеба много собирали
Лошадьми, серпом, сохой.
Трактора работать стали –
Урожай совсем плохой. (3)

425

Всем колхозом порешили:
Коллективный труд хорош!
Лебеда одна на поле,
А ведь сеяли мы рожь. (8)

426

Иль плохое стало поле,
Или стал хозяин плох:
Мы посеяли гречиху,
А растет чертополох! (3)

427

Это наша установка
От родного Сталина:
Обмолочена пшеница –
Под дождем гнить свалена. (3)

428

Урожай хоть и богатый –
Убирать никто нейдет:
Хоть на поле, хоть на базе –
Все равно все погниет. (8)

429

Засеяли очень много,
Но некому убирать.
Ждут от города подмогу –
Тоже некого послать. (4)

430

Раньше мы сохой пахали –
Теперь пашут трактора:
Раньше сало, мясо жрали –
Теперь нету ни хрена... (9)

431

Пашем, сеем тракторами –
Урожай только плохой.
Раньше дед кормился лучше
Лошаденкой и сохой. (8)

432

Мы такую моду взяли:
Общего – не жалко!
Один винтик потеряли –
Весь комбайн на свалку. (8)

433

Пятилетка в колхозе
Перевыполняется:
Было – два, а теперь десять
Тракторов валяется. (8)

434

Мы повышенные вдвое
Обязательства даем:
Не через год, а через месяц
Трактора – в металлолом! (4)

435

Мой миленок – тракторист,
Упрямого характера:
Нет бензина – вырубает
Оглобли для трактора. (8)

436

Заказал бороться Сталин
За высокий урожай.
Если трактор поломался –
В плуг колхозника впрягай. (7)

437

Нам сказал товарищ Сталин,
Наш любимый вождь и друг:
Если лошади подохнут –
Запрягай бабенок в плуг. (5)

438

Пока в армии служил –
Папка мамку схоронил.
А из армии пришел –
Сам с ума чуть не сошел. (4)

439

Приезжай, товарищ Сталин,
Посмотреть наше житье:
В брюхе пусто, ноги босы
И одеты все в тряпье. (3)

440

Один с сошкой, а семь с ложкой –
Поговорка деда.
Теперь сотня ложкарей
На пахаре едут. (3)

441

У колхозных стариков
Глубокие корни
От сознания того,
Что партию кормим! (8)

442

Хорошо в колхозе жить
По завету Ленина:
Полюшко черным-черно,
А в амбаре зелено. (3)

443

Коммунисты указали
К лучшей жизни путь прямой.
Сами взяли ложки в руки
И к кормушке прут гурьбой. (3)

444

Раздавайся, моя песня,
От колхоза до Кремля.
Не рабочих – паразитов
Кормит матушка-земля. (3)

445

Тебя Сталин за работу
Орденами наградил,
Чтоб кремлевских дармоедов
Всегда досыта кормил. (3)

446

Золотая рожь густая –
Колос наливается.
От райкома до Кремля –
Все от нас питаются. (3)

447

Пасека колхозная,
Пчелы коллективные,
Мы на пасеке трудились,
А едят партийные. (7)

448

Сами, сами – бригадиры,
Сами – председатели,
Никого мы не боимся,
Ни едрени матери! (9)

449

Ты – советский командир,
Я – колхозный бригадир.
Мы командуем, кричим,
Перед старшими молчим. (3)

450

Бригадир, бригадир,
Лохматая шапка,
Кто пол-литра поднесет –
Тому и лошадка. (9)

451

Я в колхозе звеньевая,
Председатель – милый мой:
Зерно, мясо на машине
Он везет ко мне домой. (8)

452

К послушанью подчиненных
Председатель наш привык:
Подхалим, хотя и лодырь –
Завсегда передовик! (7)

453

Хоть трудись как вол – в ответ
Брань и унижение...
Кто полижет языком –
Тому и уважение. (5)

454

С помещиком председателя
Сравнить хотела,
Но тот умный был, а этот –
Дурак до предела! (3)

455

Меня смолоду не славили,
Хоть был и аппетит.
Председателем поставили,
А хуй уж не стоит. (6)

456

Величали председателя
Все бабки: «Дорогой!» –
Придет, нажрется самогонки,
Да еще и дай с собой. (8)

457

Мой миленок – агитатор,
Агитатор боевой!
Говорит: «Работать надо
Не руками – головой». (3)

458

Мой миленок про колхозы
Речь народу говорит,
Сам найти местечко теплое
В райкоме норовит. (8)

459

Меня направили в колхоз –
Партийное решение!
Всех девчонок перегреб –
Иду на повышение! (6)

460

Сто причин у руководства:
То – дожди, то – недород.
А зимой скотины дохнет! –
Три деревни ели б год. (5)

461

Хорошо у нас работает
Партийный комитет:
Заседают, много пишут,
А кормов на ферме нет. (8)

462

За развал работы сняли –
Не смог цехом управлять.
И в колхоз его послали
Урожайность поднимать. (3)

463

Наш колхоз не отстающий,
Он другим дает пример:
Пять имеем, сто припишем –
На райкомовский манер. (7)

464

Я сознательная стала,
В церковь носа не кажу –
От инструктора райкома
С пузом гордая хожу. (3)

465

Со своим звеном решила
Взять высокий урожай.
Ты, работник из райкома,
Только к нам не приезжай. (8)

466

У колхоза «Сталина»
Твердое задание:
Мужики — коров доить,
Бабы — на собрание. (9)

467

Из правленья валит дым,
Слышен мат и перемат:
Как с уборкой быть в колхозе,
Сердешные, не решат. (8)

468

Заседает уж полдня
Колхозное правление:
Позакрылись — водку жрут
Все до обалдения. (8)

469

Я в колхозе на работе
Самый лучший тракторист,
А в правленье все придурки —
Каждый на руку нечист. (8)

470

Председателем райком
Как тряпкой помыкает,
А он на колхозниках
Злобу вымещает. (3)

471

Урожай мы год растили,
Нам писали трудодни,
А премии получили
Все райкомовцы одни. (3)

472

Солнце всходит над колхозом,
Яркое, багряное...
А правленье и партком
С утра пораньше пьяное. (3)

473

Быка на водку променяли
И четыре телки,
А в отчете написали:
«Порезали волки». (8)

474

Председателем совета
Выбрали крестьяночку:
Как расписываться — ставит
Два креста и палочку. (8)

475

Моя милая — в почете,
В сельсовете — голова!
Ее дело — брать налоги,
Остальное — трын-трава. (3)

476

Пред по пьяни влез в курятник,
В перьях обвалялся.
Его наш колхозный бык
Даже испугался. (8)

477

Председатель похмелился
И на ферму заявился —
Там зарезал двух овец,
Говорит: на холодец!.. (8)

478

Бригадир и счетовод
Заключили сделку:
Воз пшеницы за бутылку
Себе на похмелку. (8)

479

Почему на нашей ферме
Вдруг не стало молока?
Председатель с бригадиром
Давно пропили быка. (8)

480

Председатель с бригадиром
Оба ходят молодцом:
Двух свиней пропили разом,
Закусили холодцом. (8)

481

Председатель и парторг
Днем развеселилися:
Из-под «бешеной коровки»
Молочка напилися. (8)

482

Председатель и парторг
В праздник напили́ся,
Из-за бабы молодой
Чуть не подрали́ся. (4)

483

Уродилася пшеница
От земли на полвершка.
А чего тут удивляться? –
Правят всем два дурака! (3)

484

Председателю – дала,
И парторгу – дала,
А за эти вот дела
Делегаткой была! (9)

485

Посмотри, залетка Шура,
Что в колхозе строится:
Председателю, парторгу
Дом железом кроется. (8)

486

Растяни гармонь,
Золотые планки.
Председатель и парторг
Охочи до пьянки! (3)

487

Хорошо в того влюбляться,
Кто зажиточно живет.
Но они давно женаты –
Пред, парторг и счетовод. (8)

488

Наш парторг не отличает,
Где – пшеница, где – овес.
Как пролезть ему, Бог знает,
В руководство удалось? (5)

489

Хорошо тебе, подруга, –
Тебя любит тракторист.
Мой работает парторгом –
Хоть и лодырь, но речист. (8)

490

Что задумала – сбылося,
Трактористкой стала я.
А миленок мой – парторгом:
Кормит басней соловья. (8)

491

Всеми днями я в колхозе –
Урожай там убирал:
Огурцы склевали куры,
А курей парторг сожрал. (5)

492

Пастух стадо выгоняет,
А бык пятится, мычит –
На него, нахмурив брови,
Парторг пьяненький рычит. (8)

493

Муж-парторг в колхозе «Знамя»
Складно речи говорит!
А придет домой с собранья –
Наклюкается и спит. (3)

494

Ох и умный у нас
Секретарь парткома:
Он на людях – трезвенник,
Алкоголик – дома. (3)

495

Наш парторг – деловой,
Во всем смыслит здорово!
Ткнулся в лужу головой
И лег рядом с боровом. (8)

496

Я работал до колхоза
У богатых батраком.
А теперь пойду завхозом
Или же кладовщиком! (3)

497

Всем колхозом управляют
Мои дяди, тетушки:
Работать не заставляют –
Живу без заботушки! (8)

498

И на жопе – кружева,
И на кунке – кружева!
Неужель со мной сравнится
Председательва жена?! (6)

499

У колхозной девочки
На чулочках стрелочки,
На кофте два цветочка:
Она – парторга дочка! (8)

500

Я не горожаночка –
Колхозная крестьяночка:
Маникюр и пять колец! –
Председатель – мой отец! (8)

501

Комсомольцев у нас много,
Комсомолок – ни одной.
Бабку старую поймаем
И отделаем гурьбой! (6)

502

Перевыполним заданье
Мы в весенней посевной:
В сеялку насыпь мякину,
А пшеницу всю – домой. (8)

503

Взаимовыручка крепилась:
Братья все, товарищи!
У тебя деталь сломалась –
У товарища стащи. (8)

504

Бригадир мне ставил «палочки»,
А дали – с гулькин нос...
А парторг поставил «палку» –
Грузовик всего привез. (6)

505

Мой миленок комбайнер –
Лучшая отрада:
Он тайком зерно привозит –
Зарплаты не надо. (8)

506

Ну, давай соревноваться:
Ты со мной, а я с тобой –
Кто побольше натаскает
Из колхоза ржи домой. (8)

507

Соревнуются доярки
За привес и за удой:
Коровам – одну солому,
Комбикорм – себе домой. (8)

508

Молодежь в колхозе нашем
Дружно соревнуется:
Кто сворует петуха,
Кому попалась курица. (8)

509

Я газету прочитала
И от радости реву:
Я ведь, дурочка, не знала,
Что зажиточно живу. (3)

510

Вся деревня про ударниц
Песни новые поет:
Сочиняет по заказу
Их придурок-рифмоплет. (3)

511

Мы стахановцами будем
Вместе с миленьким дружком,
Но не силой и стараньем –
Свое хитростью возьмем. (3)

512

Милый мой – на сто процентов,
А я – на сто двадцать пять.
Он спать может до обеда,
Я весь день могу проспать! (8)

513

А в колхозе «Красный лапоть»
Очень дружный коллектив:
Даже «Барыню» играют
На кладбищенский мотив. (4)

514

Все колхозники сейчас
Держат по коровушке.
Чем платить теперь налог? –
У всех болят головушки. (8)

515

Два в один собрать колхоз –
Указанья новые!
Один – раздет, а другой – бос,
Теперь оба голые! (3)

516

В укрупненном-то колхозе
Стало жить зажиточней.
Наверну-ка полкастрюли
Я пустых крапивных щей! (8)

517

В укрупненном я колхозе
По-стахановски тружусь.
Постных щей я похлебаю,
Спать голодная ложусь. (8)

518

Ждать подачек от природы
Не намерен наш народ:
Чему деды нас учили –
Сделаем наоборот. (8)

519

У Лысенко есть пшеница
Не в один – в три колоса:
Один колос толще дуба,
А дуб тоньше волоса. (8)

520

У меня подружка Ленка
Принесла портрет Лысенко:
Обещал он (ну и ну!)
Накормить один страну. (8)

521

Мы во всем передовые!
Скоро вырастят у нас
И бананы яровые,
И озимый ананас. (3)

522

Зоотехник мыслю нову
Сказал после ужина:
— Со свиньей скрестить корову
Будет сисек дюжина! (5)

523

Зоотехник молодой
В работе надрывается:
Гибрид слона и поросенка
Получить пытается. (8)

524

Чтобы не было забот
Зимою суровою —
Приказал парторг скрестить
Медведя с коровою. (8)

525

Догадались на собранье
Резолюцию принять:
Чтоб повысить поголовье —
С жеребцом кобыл венчать. (8)

526

Пятилетку выполняем
За четыре года:
У коров по восемь сисек —
Новая порода! (8)

527

Кто работает всех лучше —
Это милая моя!
Раскормить она сумела
До индюшки воробья. (8)

528

Создаем породы новые
И новые сорта.
Покати шаром в амбаре
И в желудке — пустота. (8)

529

Мил на курсах агрономов
Проучился целый год.
Сортовую рожь посеял,
А взошел один осот. (8)

530

Я засеяла участок
Сортированным зерном!
Почему ж поле покрылось
Лебедой и полыном? (8)

531

Я — за ядохимикаты!
Как же это не понять?
Раньше выручка рупь сорок,
А теперь все двадцать пять! (3)

532

Раньше землю величали,
Матъ-кормилицей слыла!
В тебя яду напихали —
Ты травить нас начала. (3)

533

Сорняков в колхозном поле
Не найдешь со свечкою:
Потравили химикатом
Вместе с просом, гречкою. (8)

534

В колхозе матушке-земле
Подкормку химией дают:
В речке рыба передохла,
В роще птицы не поют. (3)

535

Мы природой умно правим —
Спасибо колхозам!
Химикатом землю травим,
А топим навозом. (8)

536

Приготовила салат,
Только там один нитрат:
Свово мужа накормлю,
Но боюсь, что отравлю. (4)

537

Спасибо вам, инженерам,
От нас в страду горячую:
Воду пьем напополам
С мочою поросячею. (3)

538

Ныне землю тракторами
Всю поразворочали.
Изобилье обещали –
Голову морочили. (8)

539

Коммунисты правили –
Сами себя славили:
Землю испохабили,
Весь народ ограбили. (3)

540

Коммунисты нас дурачили
Без малого сто лет:
Работящих раскулачили,
Отправив на тот свет. (3)

541

Знаем эту мы легенду –
Снова: «Ты, мужик, молчи!»
А колхоз возьмут в аренду
Партократы-богачи. (6)

542

Чтоб народ прокормить,
Найдется средство верное:
Все колхозы превратить
В АО акционерное. (9)

543

Направили на хутора
Бульдозеры и трактора:
Где красиво все цвело,
Теперь крапивой поросло. (3)

544

Не нужны нам хутора –
Их сносить давно пора!
Там, где рос овес, горох,
Пусть растет чертополох. (3)

545

Скоро фермером я буду –
Обещают землю дать.
Преда, буха и парторга
Надо будет мне нанять. (5)

546

Говорят, что будут фермы –
Ими надо управлять!
Председателей, парторгов
Где же столько тогда взять?! (5)

547

Ты – доярка, я – пастух,
Милашечка Вера,
Не роди мне пастуха,
Роди – инженера. (9)

548

Пойдем, милка, погуляем –
На дворе така жара!
Пусть картошку убирают
Из Москвы инженера. (9)

549

Мне теперь чего бояться?
Много горя и забот.
Надо в город подаваться –
Может, там мне повезет. (3)

550

Прощай, родимая сторонка
И любимые края,
Есть в колхозе работенка –
Удираю в город я. (3)

551

Все теперь мои три дочки
В институте учатся.
Слава Богу, от колхоза,
Может быть, отмучатся. (8)

552

Надоело мне за «палочки»
Пахать и боронить –
Пойду в город мыть сортиры,
Там в бараке буду жить. (7)

553

Осыпается пшеница,
Осыпается и рожь.
Разбежалась из колхоза
Вся сегодня молодежь. (9)

554

Мужиков, агронаука,
До чего ты довела? –
Глянь: последняя старуха
Уезжает из села. (9)

ПЯТИЛЕТКА

555

Пятилетку надо выполнить
Шахтерам, токарям,
Чтоб начальству дали премии
И знамя дали нам. (5)

556

Пятилетку проведем
Мы в четыре годика.
Что нам нужно – то сопрем
С родного заводика. (3)

557

Пятилетку надо выполнить
Пораньше на годок.
Все штаны мои в заплатах –
Скоро буду без порток. (3)

558

Мне стахановские скорости
По сердцу, по плечу –
Чем я больше наработаю,
Тем меньше получу. (6)

КОНСТИТУЦИЯ

559

Всем народом обсуждаем
Конституцию свою.
Мы обязанности знаем.
О правах... не говорю. (3)

560

В Конституции слова:
«У всех равные права»,
А на деле – тот и прав,
У кого побольше прав. (2)

561

Конституция дает
Все права, как пишется.
В жизни все наоборот
Видится и слышится. (3)

562

Конституция рабочим
Всем дала права на труд:
Поработают как лошади –
В могиле отдохнут. (6)

563

Всем нам равные права
Дала Конституция:
В ней красивые слова,
А так – проституция. (7)

564

После революции
Приняли Конституцию:
Кому – конфеты и халва,
А кому – одни слова. (3)

565

Не ходите по болоту –
Там пеньки да кочки.
В Конституции вранье
До последней строчки. (3)

566

Еще больше прав народу
Конституция дала,
А я старые использовать
Ни разу не могла. (3)

567

Конституцией даются
Всем нам равные права.
Тех, кто ищет свое право, –
В Соловки, на острова. (3)

568

Нашей партии законы
Одобряет весь народ:
Видны слезы, слышны стоны –
Это мы идем вперед! (6)

569

Конституция у нас
Самая народная:
Правители разжирели,
А страна голодная. (3)

570

Конституцию у нас
Все зовут народной:
С жиру бесится ЦеКа,
А народ голодный. (4)

ТЮРЬМЫ И ЛАГЕРЯ

571

Запевайте-ка частушки
Новые, советские,
Только, чур, не угодите
В тюрьмы соловецкие. (3)

572

Научи, товарищ Ваня,
Как частушки сочинять,
А политику затронешь –
Век свободы не видать! (3)

573

Пели девочки припевочки,
Заслушался народ,
Кто политики коснулся –
Медведей белых пасет. (7)

574

Я частушку на частушку,
Как на ниточку, вяжу.
Вот за них-то я, подружка,
За решеточкой сижу. (3)

575

Коммуниста-дармоеда
Не страшит слово «ГУЛАГ» –
Ведь туда всегда сажают
Только честных и трудяг. (6)

576

От Москвы и до окраин,
Аж до северных морей
Понастроил мудрый Сталин
Много тюрем, лагерей! (3)

577

Много тысяч новых тюрем
У нас быстро строятся –
Потому что родной Сталин
О нас беспокоится. (3)

578

Сталин всюду и всегда
О мужике заботится:
Он пошлет его туда,
Откуда не воротится. (5)

579

Благодарны за победу
Мы Сталину одному:
Он Россию переделал
В пребольшущую тюрьму. (3)

580

Для своих врагов ты, Сталин,
Колыму облюбовал,
Но ты там во время ссылки
Сам ни разу не бывал. (5)

581

За копейку нас карают
Строгие законы.
Коммунисты коль воруют,
То уж – миллионы! (7)

582

И за шкурку от арбуза
За решетку упекут,
А растащат пол-Союза –
Виноватых не найдут! (2)

583

За кусочек мармелада
Вор в тюрягу угодил.
А другой сгноил полсклада –
Только выговор схватил. (3)

584

Тебя, Сталин, чтут везде,
Как отца родного!
Почему гноишь в тюрьме
Крестьянина простого? (5)

585

Получается у нас
Нынче ребус вроде:
Кто невинных упекал –
Пекутся о народе. (5)

586

Делегаткою была,
Все законы знала.
Начала права качать –
И в тюрьму попала. (3)

587

Объясни, товарищ Сталин:
Не пойму я, почему
На портрет твой косо глянул –
И попал на Колыму?.. (3)

588

Я на Сталина скульптуру
Исподлобья поглядел.
Неужель он видел, шкура?
Десять лет я отсидел! (5)

589

Кто толково мне докажет?
Сам не приложу ума:
Кто не так чего-то скажет –
Колыма или тюрьма. (6)

590

Зло в частушках обличают
Все вокруг да около.
А спела все как есть –
В тюрьме «червонец» охала. (2)

591

Я пиликал на баяне
И по пьяни что-то пел.
Очутился в Магадане –
На «червонец» туда сел. (2)

592

Два приятеля по пьяни
Рассказали анекдот...
И на Тихом океане
Свой закончили поход. (9)

593

Кто расскажет без цензуры
Анекдот или памфлет –
Непременно тот получит
В гонорар десяток лет! (3)

594

Говорят, что слово – золото.
Нет, слово – изумруд!
Я скажу одно словечко –
Сразу десять лет дадут. (3)

595

Меня враги оклеветали,
Что я Сталину не рад –
Вот выращивать послали
В Магадане виноград! (3)

596

Был немножечко я пьяный,
Ляпнул где-то дребедень,
Вот и еду есть бананы,
Где полгода длится день. (2)

597

Почему, товарищ Сталин,
До сих пор я не пойму:
Я сказал, что хочу кушать, –
Загнали на Колыму? (3)

598

Колоски собрать ходили
В поле с младшею сестрой –
Чуть в тюрьму не посадили:
Откупилася пиздой. (6)

599

Из-за леса выезжает
Конная милиция:
Задирайте, девки, юбки –
Будет репетиция! (9)

600

Милиция, милиция
За мною по следам!
Не догонишь, не поймаешь,
Хуй наган тебе отдам! (5)

601

Погулять я вышла в поле —
Колосочек сорвала...
Через десять лет на волю
Я из лагеря пришла. (3)

602

Эх, студеный ветерок,
Не дуй на северо-восток:
«Отдыхает» там браток
За единый колосок. (4)

603

Пароход плывет по речке
И так жалобно гудит:
В Магадане за горсть гречки
Папка десять лет сидит. (9)

604

Колоски я собирала
Для детей своих к зиме,
И за это я попала
Лед колоть на Колыме. (3)

605

Я спасибо сказал
Всей партии нашей:
За кило картошки спал
Десять лет с «парашей». (6)

606

Восьмилетнею девчонкой
В поле гнула спину...
За початок кукурузы
Думала, что сгину. (8)

607

Отдохнуть я в поле сел
И свеклу сырую съел:
Меня «черный воронок»
Прямо с поля уволок. (2)

608

Принесла я молока
Для папы с мамой старых:
Отлежала все бока
На тюремных нарах. (2)

609

Я в колхозе на навозе
Нашла маленький грибок.
Мне судья за эту малость
Отвалил огромный срок! (2)

610

На горе стоит машина,
Но машина без колес:
Всю резину на гандоны
Растащила молодежь. (9)

611

Коммунисты отдыхают
На Кавказе и в Крыму,
А рабочих отправляют
На «леченье» в Колыму. (3)

612

Колыма, Колыма,
Новая планета:
Двенадцать месяцев зима,
А остальное — лето! (9)

613

Взвейтесь, зэки, вертухаи,
И летите стаями,
Отнесите вы баланды
Дорогому Сталину. (6)

614

Кто тюремную баланду
Похлебали — все клянут!
А теперь на воле стало:
Хоть баландочки хлебнуть! (3)

615

Не пугайте нас тюрьмой –
Ее мы не боимся:
Живот голый и пустой –
Там хоть отъедимся! (5)

616

У нас стройки коммунизма
Просто на глазах растут:
Была тундра вековая –
За ночь лагерь вырос тут. (2)

617

Сколько наглости, цинизма
На душе надо иметь,
Чтобы стройкой коммунизма
Звать «гулаговскую сеть»?! (2)

618

Трюм набил свой до отказа
Грязно-серый пароход:
За Полярный круг, зараза,
«Экскурсантов» он везет. (6)

619

Догадались мы не сами –
Нас ЧеКа с почетом шлет:
Тундру всю покрыть садами,
Растопить полярный лед! (5)

620

Нет гуманнее закона,
Чем на родине моей:
За политику мне дали
Десять северных ночей. (3)

621

Нас этапом отправляют,
Где ночь по полгода,
Спокойной ночи пожелают
Именем народа. (5)

622

Хорошо, пускает летом
Каждый кустик ночевать.
Пора думать нам об этом:
На Таганке зимовать. (3)

623

Видно, мне не миновать
Опять в Бутырках побывать:
Как стемнеет – так пойду
Промышлять себе еду. (6)

624

Широка в тюрьму дорога,
А оттуда – нет следа...
Туда людей сажают много!
Все деваются куда? (3)

625

Коммунисты мыслят шире,
Много планов на уме:
Вместо мебели в квартире
Будут нары, как в тюрьме! (3)

626

На «Матросской тишине»
Дали комнату мне:
Прописка без сроку
И «параша» сбоку! (2)

627

Сталин любит свой народ –
Только знай этапы шлет –
В Соловки, на Колыму,
А мы хлопаем ему. (2)

628

На «Матросской тишине»
Побывать пришлося мне:
Плохо кормят, больно бьют
И свиданки не дают. (2)

629

Как гордился, что Днипро
Я в войну форсировал!
А меня Сталин за то
После репрессировал. (3)

630

Мы фашистов победили,
Проливали кровь не зря.
Потом безвинно угодили
В свои тюрьмы, лагеря. (2)

631

Много мне свободы дали,
А куда ее девать?
Мать, отца в Сибирь сослали,
Мне осталось – воровать. (6)

632

Папу с мамой отправляют
Детям строить светлый путь:
В вагон телячий всех сажают
И решетками забьют. (4)

633

Верным ленинцем считаюсь,
Иду ленинской тропой:
То по тюрьмам я скитаюсь,
То ворую, то запой. (3)

634

Не отвыкнет разделять
Русская натура:
Фраера, воры в законе
И номенклатура. (6)

635

Дядя Саша на гармони
Что-то вечером играл,
А играл в запретной зоне –
Застрелили наповал. (9)

636

Исправляет ли тюрьма?
Что-то не похоже.
Тут пословица верна:
«Из куля в рогожу!» (3)

637

Кто ворует – тот не вор,
А вор – кто попадается.
Не алкаш – кто водку пьет,
Алкаш – кто напивается. (3)

638

Коммунистами Донбасс
Перестроен заново.
Заключенные рубали
Уголь за Стаханова. (3)

639

Город встал среди снегов,
Шахты появилися,
Под землею одни зэки
Только и трудилися. (3)

640

Облик тундры изменился,
Уж теперь она не та,
Там построен город зэков,
Душегубка-Воркута. (3)

641

Ты в работе на канале
На лучших равняешься,
Почему же ты тогда
Отбросами питаешься? (3)

642

Беломорканал проехал,
Он весь в новых чудесах:
Там поселки, шлюзы все
На человеческих костях. (3)

643

Где сейчас канал построен
И где ходит пароход,
Там, как мухи иль козявки,
Погибал простой народ. (3)

644

Как по нашему по краю
Река счастья разлилась,
Не одна там сотня тысяч
Зэков жизнь оборвалась. (3)

645

Ах, тюрь-перетюрь,
Тут не санатория.
Все ЦеКа бы сюда
Для профилактория. (2)

646

Мне за кражу угля дали
Уголовную статью:
В преступленье задержали –
Углем кашляю, плюю. (6)

647

На Таганке дом большой –
Им народ пугают.
Вот туда б Политбюро! –
Пусть там заседают. (3)

648

Пробудись, товарищ Сталин,
И послушай ушками:
Брежнев лагеря ГУЛАГа
Заменил психушками. (6)

СЛУЖБА В КРАСНОЙ АРМИИ

649

Скоро в армию уедем,
Осталось немножко.
Самый нужный предмет
Там – большая ложка! (1)

650

Скоро в армию миленка
На два года провожу
И на память ему ложку
На пол-литра положу. (3)

651

Собираются ребята
В Красну Армию служить,
Но боятся, что их «деды»
Унижать будут и бить. (4)

652

Я сегодня уезжаю
Добровольцем в армию,
А комсоргу оставляю
Ненаглядную свою. (1)

653

Ухожу я добровольцем
В Красну Армию служить –
Мне знакомые пророчат:
«Как бы, брат, не потужить». (3)

654

Скоро в армию миленка
Дорогого провожу:
– Будь волчонком – не ягненком,
А тем боле не Жужу. (3)

655

В Красной Армии побуду
И учебою займусь:
Изучу труды марксизма –
Болтуном большим вернусь. (3)

656

Все политзанятья любят,
Хоть и пользы ни на грош,
Но зато, спокойно сидя,
От муштры ты отдохнешь. (1)

657

Милый в армию ушел,
Я сказала: «Точка!
Всех ребят переберу
За эти два годочка». (5)

658

В Красной Армии, колхозник,
Будь всегда передовым,
О тебе чтоб говорили:
«В поле ветер, в жопе дым». (6)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

659

Знаем мы, что за кордоном
Враг к войне готовится.
Против танков, самолетов
У нас штык да конница. (3)

660

Если враг пойдет войною,
Мы поедем воевать,
А евреи нам с эстрады
Будут песни распевать. (3)

661

Распроклятые фашисты
Навязали нам войну.
Лучше б Берия украли
И держали там в плену. (1)

662

На войне кровь проливают.
Так уж получается:
Правители начинают –
Народ защищается. (4)

663

Что коварные фашисты –
Сразу все мы поняли,
А вот «славные» чекисты
Это проворонили. (3)

664

Двадцать третьего июня
Мил уехал воевать –
Нашу хату-развалюху
И шесть соток защищать. (3)

665

Шли на нас чужие страны –
Возвращались битые!
Мы умеем воевать,
Хоть дураки набитые. (1)

666

Мы с тобой, великий Сталин,
Победим во всех боях.
Не на немцев и японцев –
На своих наводим страх. (3)

667

Перестаньте, дети, ждать
Вы отца к обеду:
Он ушел добывать
Сталину победу. (1)

668

Распроклятые фашисты
Мирну жизнь нарушили:
Абрам с Сарой в ресторане
Икру с маслом кушали. (1)

669

Коммунист я! В чем вопрос?
Расшибуся в доску!
Есть на фронт! Пиши в обоз,
В последнюю повозку! (1)

670

Мойша клялся и божился:
— Очень Родину люблю!
Приведите в Ташкент немцев.
Я их всех тут перебью! (6)

671

У фашиста — «Хайль Гитлер»,
А «За Сталина!» — у нас.
В этом разницы не видел
Ни тогда я, ни сейчас. (3)

672

Дан приказ — ему на запад,
Ей — в другую сторону.
Остальные остаются
На гражданскую войну. (9)

673

Красна Армия сильна,
С фашистами справится,
От самой хоть хвост да грива
Всего и останется. (1)

674

Отъезжаю я, товарищ,
На германскую войну,
А евреям оставляю
Я сестренку и жену. (1)

675

За советскую мы Родину
Поедем воевать,
Чтоб Абраму с моей милочкой
Спокойней было спать. (1)

676

Сколько Гитлер ни воюет,
А победа — Сталина.
Вот сошлись бы на кулачки —
Это было б правильно. (3)

677

Сколь фашисту ни гордиться,
На колени упадет!
Но до этого, наверно,
Пол-России перебьет. (1)

678

Ты, фашистская Германия,
Неверная страна:
Гитлер Сталину был братом,
А их крестный — сатана. (3)

679

Красна Армия дерется,
Мой залетка впереди,
А Абрам над ним смеется:
— Хоть назад не приходи! (1)

680

Выбьем гадину-фашиста
Из родной сторонушки,
Чтобы в Сочи снова грелись
Евреи на солнышке. (1)

681

Рад бы Гитлер съесть Советы –
Не хватает силушки.
Абрам курку ест в тылу –
На фронт лапки, крылышки. (1)

682

Ягодиночка на фронте,
Я – красноармеечка,
В нашей комнате живет
Еврейская семеечка. (1)

683

Век не будет наша Родина
Фашистскою рабой –
Рабство нам свое дороже,
За него идем мы в бой! (1)

684

Говорил мне ягодиночка:
Не быть врагу в Москве!
Мы за голову фашиста
Своих сложим двадцать две. (1)

685

Пойдем, пойдем, товарищ мой,
Служить за Родину с тобой.
Для того будем служить,
Чтоб мог Абрам спокойно жить. (3)

686

Во солдатушки, ребятушки,
С охотою пойдем:
Нам там снежные окопы,
А Абраму – теплый дом. (3)

687

За страну свою родную
Грудью встанем, как один:
Ведь у нас слуга в хоромах,
А в бараке – господин. (3)

688

Будем, милый, мы с тобою
Нашу землю защищать,
Чтоб евреи, коммунисты
Нас могли бы обдурять. (3)

689

За свою родную землю
Грудью встанем, как один.
Только жаль, Берия мудрый
Командиров истребил. (6)

690

Будь уверена, подруга,
Мы фашистов победим,
А Абрам сказал: «На немцев
Из Ташкента поглядим». (3)

691

Наш народ всегда готов
Разгромить любых врагов:
Абрам в перине на пуху,
А я в окопчике в снегу. (1)

692

За советскую республику
Поднялся весь народ:
Кто в окопах бьет фашистов,
А Абрам в Ташкенте «бьет». (1)

693

Фронт и тыл у нас едины,
Мы в боях непобедимы.
Абрам в Томске, а я в Бресте –
Значит, мы воюем вместе. (1)

694

Милый пишет: «Под Торжком
В окопе обморозился».
Если б не был дураком –
В тылу бы пристроился. (5)

695

Там, на Западе, война,
Миленький на фронте,
А еврей орет в Ташкенте:
— Меня не затроньте! (1)

696

Милый в армию уходит,
Я скажу: «Счастливый путь!
А меня тут интендантики
Утешат как-нибудь». (1)

697

Мой залеточка на фронте,
До победы буду ждать.
Ну а если не сдержуся —
Все равно не будет знать. (1)

698

Ягодиночка воюет,
Темны ноченьки не спит,
А со мною интендантик
На перинушке лежит. (1)

699

Мой залетка в Красной Армии
Сражается в бою,
А я тоже помогаю:
Кому надо что — даю. (1)

700

Ты не плачь, моя милая,
Скоро кончится война,
А тебя пусть утешает
Тут майор — не старшина. (1)

701

Милый свой дурацкий лоб
Под пули подставляет,
А в тылу меня майор
Продуктами снабжает. (1)

702

Мой миленочек в пехоте,
Самый лучший снайпер в роте,
А меня майор хвалил,
Что мой взгляд его свалил. (1)

703

Милый кровью истекает.
Так и надо дураку!
Тут майор меня ласкает
Стоя, лежа, на боку. (1)

704

Ты, свекровушка, не ной,
Что майор — любовник мой.
А сыночек твой — балбес:
Он под пули сам полез. (3)

705

Что мне сплетни про майора,
Мне самой виднее:
Раз пристроился в тылу —
Значит, он умнее! (4)

706

Ну и что, если гуляю?!
В этом прок, а не порок:
С фронта письма получаю,
От майора — сахарок! (3)

707

Треплют: «Бога не боюсь —
С парторгом изменяю».
Муж вернется — отряхнусь,
Мол, ничего не знаю. (5)

708

Наши милые на фронте,
Их не надо забывать.
Что поделать, а пришлося
За сухарик изменять. (1)

709

Бабам умные приносят
С колбасою рюкзаки.
А в окопах вшей колотят
Идиоты, дураки. (1)

710

Мой миленок на войне,
Он на самом фронте.
Пусть всех русских перебьют –
Еврея не троньте! (1)

711

По фашистам будем бить
Пулечками меткими,
А евреи в это время
Пьют чаи с конфетками. (1)

712

За Совет на фронт идем,
Нечего печалиться.
Жид в тылу, а я в окопе –
Вот как получается. (3)

713

– Сколько Гитлер ни воюет,
Все равно ему каюк! –
Так сказал еврей Абраша,
Уезжаючи на юг. (1)

714

Гляну, гляну по народу –
Нет Абрама хитрого,
А он в городе Ташкенте
Разбивает Гитлера. (1)

715

Ягодиночка на фронте
С фашистами сражается,
А Абрам в тылу глубоком
Пьет и обжирается. (1)

716

Мил на Западном на фронте
На фашистов ходит в бой,
А жиды в Ташкенте жарком
Делят блага меж собой. (1)

717

Чем ты фронту помогаешь
В эти дни суровые?
А Абраша отвечает:
– Стихи пишу новые! (1)

718

Добровольцами ушли
Все наши ребята.
У евреев всех «броня»
В четыре обхвата (наката). (1)

719

Начальничек в бой стремился,
Он героем стать мечтал!
В тылу за что-то зацепился –
До конца там и застрял. (3)

720

Муштровали ходить строем
В запасном полку солдат,
Но никто из них не знает,
Где у пушки перед, зад... (1)

721

Даже самый тупой
Знал с первого класса:
Необученный солдат –
Пушечное мясо. (1)

722

Как сажали нас в вагоны,
Дали нам паек сухой.
В один раз мы все сожрали –
Все равно живот пустой. (1)

723

В помощь фронту отправляют
Красные обозы.
У солдата же в окопе
Суп светлей, чем слезы. (1)

724

В запасном полку нас учат
В строю петь, маршировать,
А когда нас в бой послали –
Не умеем воевать. (1)

725

Политику, строевую
В тылу изучаю!
А попрет на меня танк –
Что делать, не знаю. (1)

726

Все военные науки
Я подробно изучал!
Подвернись пулемет в руки –
Что с ним делать, я не знал. (1)

727

Политику коммунистов
Солдат твердо должен знать!
А что толку от солдата,
Что не знает, как стрелять?! (1)

728

На политзанятьях учат,
Как нам Родину любить.
Но зато солдат не знает,
Как жгут надо наложить. (1)

729

Замполит учил солдат:
– Мать хоть расстреляете –
Не нарушите присягу,
Честь не запятнаете. (1)

730

Главным в воинской науке
Лишь политзанятия!
А как фрица лучше бить –
Нет у солдат понятия. (1)

731

Нынче осенью мы едем
В Красну Армию с тобой:
Строевою погоняют,
Неумелых пошлют в бой. (1)

732

Наша армия бесстрашна,
Наша армия сильна!
Почему тогда от немца
Драпанула вдруг она? (1)

733

На троих одна винтовка –
Как же с немцем драться?
Без единого патрона...
Пришлось в плен сдаться. (1)

734

Если враг напасть захочет,
На штыки напорется...
Потому что нет патронов –
Штаб не беспокоится. (1)

735

Наши летчики летают
Дальше всех и выше всех –
На земле немец машины
Уничтожил без помех. (1)

736

Проводила я миленка,
Он пошел фашистов бить.
Как с винтовкой обращаться –
Было некогда учить. (1)

737

Мой миленочек на фронте,
Он воюет не один
Против танка с кулаками
И думает, победим. (1)

738

Ворошилова, Буденного,
Чапаева сыны,
Без винтовочек, но с матом
Для врагов они сильны! (1)

739

Скоро милому, хорошему
Винтовочку дадут,
Хоть стрелять и не научат —
В бой, как с палкою, пошлют. (1)

740

Мы готовим к обороне
Ворошиловских стрелков:
Если нет когда патронов,
Зато много крепких слов! (1)

741

Пусть узнает целый свет
Всем фашистам наш ответ:
У нас мата очень много,
Хоть винтовок почти нет. (1)

742

Немцы с танков говорили:
«Красной армии — капут!»
Поглядели — обомлели:
Против них телеги прут!.. (1)

743

По вине штабов на фронте
Было и не раз один:
Мины есть — минеров нету,
Есть минеры — нету мин. (1)

744

Всем хорош солдат советский:
Смел, и меток, и силен.
Автомат висит на шее,
А к нему... один патрон. (1)

745

Спьяну в штабе не патроны —
Книги нам прислали.
Безоружных немцы нас
Всех в плен позабрали. (1)

746

Безоружных командиры
В плен нас немцам сдали,
Сами драпануть сумели —
Ордена им дали. (1)

747

Если б крыс тыловых
Да загнать в окопы —
Никогда бы до Москвы
Фрицу не дотопать! (1)

748

Для солдат (в кино, конечно) —
Землянки и блиндажи!
Политрук в сугроб укажет:
— Хоть умри, но тут лежи! (3)

749

Мороз трещит,
Пурга крути́т,
Боец мерзнет,
Штабник кути́т! (3)

750

Воевать мы не хотели,
А пошли, так победим,
Хоть в окопах мы не евши
Суток по трое сидим. (1)

751

Где мой миленький воюет,
Там вода, вода, вода.
Только хитрого еврея
Там не видно никогда. (1)

752

На три дня еды мне дали
И «НЗ» назвали.
Хоть и съем в один присест –
Наемся едва ли? (1)

753

Какой дурак перед боем
Еду держит про запас?!
«НЗ» дали на пять суток,
А я слопал в один раз! (3)

754

Ой, подруга дорогая,
Что на фронте деется:
Сухари солдат сосет,
Табачным дымом греется. (1)

755

Очищать от фрицев землю
Буду вдоль и поперек,
Но пока всего дороже
Мне баланды котелок. (1)

756

До последней капли крови
Защищать буду страну,
Но когда не ем два дня я –
Проклинаю старшину. (1)

757

Коль фашисты нас задели,
Мы им спуску не дадим.
Нет колбаски и консервов –
Мы конинки поедим. (1)

758

Песни весело поем –
В Красну Армию идем!
Если кухня не приедет,
Лошадь дохлую найдем. (1)

759

В бой идем, в бой идем,
Сломим вражью силу.
Нынче будет пир горой –
Убило кобылу. (1)

760

Наша Родина богатая,
Счастливая судьбой,
А в окопе мы конину
Уплетаем, друг, с тобой. (1)

761

Ягодиночка на фронте
Защищает города,
Даже дохлую конину
Ест досыта не всегда. (1)

762

Ты воюй, воюй, миленочек,
Воюй и не скучай –
Уркотню в голодном брюхе
Вместо радио включай. (1)

763

Это дико звучит
С позиции сытых:
«Вдоволь супа поедим –
Полроты убитых!» (1)

764

Как в окопах сытно кормит
Старшина – легко понять:
Получил паек на двести,
А в живых осталось пять. (1)

765

Кто остался жив, те знают:
Если был жестокий бой –
Как обшаришь фрицев десять,
Так у взвода пир горой! (1)

766

Как заглянешь в ранец Ганса –
На неделю пищи!
А у русского Ивана
В мешке ветер свищет!.. (1)

767

Нельзя мертвых шмонать?
Пошли к едрене фене!
Для комбата – мародерство,
Для солдат – трофеи! (1)

768

Будешь сыт, ранец сняв
С мертвого фрица,
А с убитого Ивана
Нечем поживиться. (1)

769

Находчивость безгранична!
Вместо котелка не раз
Использовал русский Ванька
Немецкий противогаз. (1)

770

И немецкий трофей
На что-то годится:
Я конину варил
В противогазе фрица! (1)

771

Ой, конина, ты конина,
По прозванию «махан»,
Кто тебя успел нарезать –
Наварил и ешь, как пан! (1)

772

Одевают новобранцев,
Желторотеньких юнцов:
– Что за валенки с разрезом?
– Они сняты с мертвецов... (1)

773

Вот уже меня одели –
Защищать иду страну!
Выдали шинель героя:
Много раз прострелену. (1)

774

Каждый врач в войну усвоил:
На солдат огромный спрос!
С перебитыми ногами
Посылал хромых в обоз. (3)

775

Ой, ребятушки-солдатушки,
Неужто не поймем? –
Сталин с Гитлером ссорятся –
Мы головы кладем. (1)

776

Раскулачен дед, а бати
И костей-то не сыскать...
А я гадов, изуверов
От фашистов шел спасать. (3)

777

Не по книжкам о войне
Знали мы немало:
Немцы нас, солдат, боялись,
А мы – трибунала. (1)

778

Вам, фашистам, не удастся
Силу русскую согнуть,
А особенно когда нас
Трибуналом припугнуть. (1)

779

Часто так было на фронте:
Свету белому не рад! –
Впереди тебя – фашисты,
А сзади – заградотряд... (1)

780

Пулеметы – у фашиста,
И заградотряд – силен!
Как волков, нас обложили
Буквально со всех сторон... (1)

781

Ситуация на фронте –
Ни вперед и ни назад:
Впереди тебя – фашисты,
Позади – заградотряд. (1)

782

Как всегда, перед атакой,
Сзади нас – заградотряд:
Чтоб не вздумалось кому-то
С дубиной бежать назад. (1)

783

Часто сложную задачу
Вынужден решать солдат:
Неизвестно, кто страшнее –
Немцы иль заградотряд?! (1)

784

Глянь: в землянках, блиндажах
Майоры, полковники,–
И в заградотряде сплошь
Одни уголовники. (1)

785

Очень смелый генерал,
Со звездой Героя!
В бою три своих полка
Вывел он из строя. (1)

786

Был в стратегии и тактике
Полковник очень слаб,
Но пошел на повышенье –
Он пристроился в Генштаб! (3)

787

Ой ты, бравый генерал,
Лаковы сапожки,
Колбасу сам пожрал –
Дай нам хоть картошки. (4)

788

В штабах дураки,
Лишь на баб ловки.
А царь-мороз
Нам победу принес! (3)

789

Называть своих нельзя
Генералов глупыми:
Свою землю удобряли
Своими же трупами. (1)

790

Не сидели бы в штабах
Глухие тетери –
Не несли бы мы в боях
Большие потери. (1)

791

Штабники полка пехотного
Протест начальству шлют:
«Не пошлем солдат в атаку,
Пока баб нам не пришлют!» (1)

792

Хоть и бомбы, хоть и мины –
Милый Днепр форсировал:
Он из легковой машины
Подвиги фиксировал. (1)

793

Эй ты, друг однополчанин,
В часть попали мы одну:
Во втором бою я ранен,
А ты — в штабе всю войну. (3)

794

Генерал боевой,
На брюках лампасы,
Мы сухарики сосем,
А ты жрешь колбáсы. (1)

795

Что мы, русские, в боях
Стали теперь слабыми.
Генералам воевать
Впору только с бабами. (6)

796

Политрук нам похвалялся,
Что защитник он страны!
Сам при первой же бомбежке
Наложил себе в штаны. (1)

797

Интенданты с шиком жили —
Так водилось с давних пор:
Мясо, масло растащили,
А в котел кладут топор. (1)

798

На шинели генерала
Красная подкладка,
Из-за тупости его
Солдатам не сладко. (3)

799

Если были б поумнее
Генералы бравые,
Мы давно бы победили —
Это дело правое. (3)

800

А ведь был Василий Теркин
Во сто раз умней ЦеКа —
Хоть курил одну махорку,
Ел бурду из котелка. (3)

801

В Красной Армии служу,
Надо — голову сложу!
А за что и за кого?
— Что мне дело до того... (1)

802

Мы с тобой, великий Сталин,
Победим во всех боях,
На перловке, и на пшенке,
И на черных сухарях! (1)

803

Удивительно, но факт:
Немцам дали жару!
Хоть комбат не верил нам,
А мы — комиссару. (1)

804

Лучше мачеха печется
О чужих сиротках,
А Берлин штурмовали
Солдаты в обмотках. (1)

805

Милый мой уже в Берлине
И медалью награжден.
На нем новые обмотки,
И доволен ими он! (1)

806

Юра смелый был мужчина!
Он награды получал:
От Москвы и до Берлина
В одной части прошагал! (7)

807

Если есть — еще не знают —
У кого сомнения:
На войну баб отправляют
Искать приключения. (1)

808

Пусти, мама дорогая,
Пусти, мама, на войну —
На десерт я офицерам
Даже очень подойду. (1)

809

Родилась я некрасивой,
Ну и в клуб хоть не ходи.
А на фронт когда попала —
Ухажеров — пруд пруди! (1)

810

Милый будет воевать,
А я патроны подавать.
Только ночью не в окопе,
А при штабе буду спать. (1)

811

Мы на фронт поедем оба:
Ты — в окопы, я — с тобой.
Офицера в штабе встречу
И приму с ним ночной бой. (1)

812

Я поеду воевать,
Пойду в санитарки,
Генералу буду ставить,
Где надо, припарки. (1)

813

Как и миленький, я стала
Ворошиловским стрелком:
Когда глазками стреляла —
С ног свалился военком! (1)

814

Мой миленок в первом взводе
Ворошиловский стрелок.
Тут меня за пайку хлеба
Старшина в кусты волок. (1)

815

Как в разведку отправлялся —
«Языка» всегда я брал.
Со связисткою связался —
На конец слезу поймал. (1)

816

На мне серая шинелка
Да в руке винтовочка.
Политрук в ремнях, с наганом,
В блиндаже — девчоночка. (1)

817

Много девушек, готовых
К обороне и труду.
Не получится с майором —
То сержанта уж найду! (1)

818

Медицинская сестра
В зеленой пилотке
Дала майору за сто грамм
И за хвост селедки. (1)

819

Пулеметчицей пошла
Я, девчонка смелая,
А особенно на нарах
В блиндаже умелая. (1)

820

Я девчонка боевая
И на фронт идти хочу:
Я двуствольным минометом
Всех врагов поколочу! (1)

821

В блиндаж барыня
С майором ты идешь!
Потому на рядовых
Ты с «высоты» плюешь. (1)

822

Не пугают меня танки
И не страшен «мессершмит»:
Сплю с майором я в землянке –
От солдат меня тошнит. (1)

823

Меня сержант Ваня сватал –
Отказала Ване я:
Я найду себе майора,
А сержант – не звание. (5)

824

Для любви война – раздолье!
Золотое времечко:
Лейтенантов и майоров
Щелкала, как семечки. (1)

825

Моя милка похвалилась
Про военные дела,
Как однажды отличилась:
Под полковником была. (1)

826

Баб в окопы кто пошлет –
Можно так расценивать:
Все равно, что туалет
Червонцами обклеивать. (1)

827

Мою милку на фронт взяли –
Она в верности клялась,
А когда бомбить начали –
С генералом улеглась. (1)

828

Мои заслуги боевые
Даже маршал сам признал:
Генералов уложила
Я глазами наповал! (1)

829

На фронте барыни
Не с автоматами –
Охотились на войне
За аттестатами! (1)

830

Спала барыня
С генералами –
Теперь с благами,
И немалыми! (3)

831

У барыни
В орденах вся грудь!
Каждый раз их ей
За «любовь» дают! (3)

832

Были девушки на фронте –
Не забыла их страна:
После «боя» на постели
Им вручали ордена. (1)

833

Кто на фронте ел конину,
А я ела там икру!
Если званье генерала –
Тогда ноги задеру. (1)

834

В штаб дивизии прислала
Ставка трех красивых баб.
Хуй не встал у генерала –
Всю дивизию – в штрафбат! (1)

835

Наша мощь несокрушима,
Генералов у нас рать!
Только жаль — они годятся
Трахать баб и в штаны срать. (6)

836

В штабе льют вино рекою,
Чтоб любовниц напоить,
А бойцу — пустой баландой
Червячка бы заморить... (1)

837

Штабники солдат послали
На фашиста в смертный бой,
А невест их ненаглядных
В штаб к себе вели гурьбой. (1)

838

Занимаются в штабах
С бабами любовью,
А бойцы за их забавы
Расплатились кровью. (1)

839

Все над нами, ППЖами,
Любят посмеяться.
Прикажут быть со сволочами,
А куда деваться? (1)

840

Моя милка боевая!
На войне она была.
От бойца до генерала
Красотой своей дошла! (1)

841

Обездолил мать и дочку —
Я давно уже женат:
ППЖ за одну ночку
Свой оставил аттестат. (1)

842

Фронтовые ППЖ,
Как вы преуспели:
Генерал, старик уже,
С девчонкою в постели. (1)

843

Милка пишет: сорок раненых
Она в войну спасла:
С генералами, майорами
И с маршалом спала. (1)

844

Даже маленький штаб
Шлет заявку на баб:
Мол, не может быть побед,
Если бабы рядом нет. (1)

845

И до боя, после боя,
На исходном рубеже
Ночь проводишь ты со мною,
Боевая ППЖ. (1)

846

На войне не испугалась —
Я девчонка бравая!
Всю войну — при генерале:
Мое дело правое! (1)

847

Ну, была я ППЖ!
Что в этом плохого?
А в тылу гуляли бабы
От мужа живого! (1)

848

Мы победы дождались
Девятого мая.
У военных ППЖ
Будет жизнь плохая. (3)

849

Ой, барыня,
Военная,
В брюхе «мина» завелась
Здоровенная! (1)

850

С фронта милая вернулась –
Была очень далеко...
Ей к лицу военна форма,
Только пузо велико. (1)

851

На войне в Германии
Мою милку ранили:
От чего-то вздулось пузо –
В лазарет отправили. (1)

852

Все рассказывает милка
И медалями форсит:
– Хоть беременна, а раненых
Пришлося выносить. (1)

853

Моя милка воевала
И жила богато:
Медсестра, а привезла
В животе медбрата. (1)

854

Милочка была на фронте
И трофеи привезла:
Чтоб на них полюбоваться –
Девять месяцев ждала. (1)

855

На дубу сидит ворона,
Кормит вороненочка.
Кто с войны привез трофеи,
А моя – ребеночка. (3)

856

Милку взяли на войну –
Думал, что с тоски умру.
Я недолго поскучал:
Вскоре люлечку качал. (3)

857

Девки с фронта воротились,
Заслужили ордена!
Что же вам из них, ребята,
Не нравится ни одна? (5)

858

Я с войны пришла и рада –
Не ною от скуки.
А в тылу от мужа бляди
Гуляли, как суки. (3)

859

Тыловая потаскуха,
Что ты корчишь из себя?
Под тобою – тепло, сухо.
Вот в землянку бы тебя! (1)

860

Ах ты, сука тыловая,
Еще издевается!
Ты побольше блядовала –
Тебе все прощается. (1)

861

Называют все меня:
Грубая и дерзкая –
Я на фронте ведь была
Закуска офицерская. (1)

862

Я на фронте все читала
И романы и стихи.
Почему меня обходят
Стороною женихи? (1)

863

Из страны фашистской своры
Людоедов шли на нас.
Тыловые мародеры
Пострашнее в десять раз! (1)

864

Защитники фронтовые
Жизни не жалели,
Ну а крысы тыловые
На крови жирели. (1)

865

У нас тот патриот,
Кто трофей от немцев прет!
А кто головы кладет —
Он кретин и идиот. (3)

866

Шла машина из Берлина
С красными вагонами,
Генералы-мародеры
Прут трофеи тоннами! (1)

867

Генералам что тужить?
В окопах не мытарились.
Еще не кончилась война —
Трофеями затарились. (3)

868

С трофеями генералы
Вагоны отправили,
А солдаты руки, ноги
Фашистам оставили. (3)

869

Окопники — ротозеи
Не успели взять трофеи:
Хоть уцелели головы —
Домой вернулись голыми. (3)

870

Я пою и веселюся —
Враг проклятый побежден.
Мил в обмотках, а полковник
Прет с трофеями вагон! (3)

871

Ах, трофеи, вы трофеи,
Кому же достались?
Неужели б в вещмешке
Бойцы с ними таскались?! (1)

872

Хорошо об этом знают,
Кто на фронте побывал:
Солдат бился за победу,
За трофеи — генерал. (1)

873

Был доволен солдат
Новыми обмотками.
Штабники же нагрузились
Немецкими шмотками. (1)

874

Мародерство у нас
Строго запрещали,
А в Германии трофеи
Святых развращали. (1)

875

О потерях солдат в штабе
Мало и заботились:
За трофеями там
Только и охотились. (1)

876

Как в Берлине по пехоте
Пулеметы шпарили,
А высшие офицеры
По квартирам шарили. (1)

877

Генеральские трофеи:
Хрусталь, антиквариат.
А солдатские трофеи:
Сухарю черному рад! (3)

878

Фашист нам за все ответит
И за все расплатится —
За трофеями евреи
К ним туда прикатятся! (1)

879

Ты не жди, фашист, пощады
За грабеж и за разбой.
За трофеями примчатся
К вам в Берлин жиды гурьбой. (1)

880

Силы мы свои утроим,
Чтоб скорей добить врага.
Мойше — торты и печенье,
А мне — крошки пирога. (1)

881

Скоро русские машины
По Германии пройдут.
Генералы, интенданты
Там трофеев наберут. (1)

882

Красной Армии герои
Занимают города,
А трофеи достаются
Тем, кто сзади шел всегда. (1)

883

Наши красные герои
Едут эшелонами.
Везут крысы тыловые
Трофеи вагонами. (6)

884

Я слыхал на войне
Лишь раненых стоны.
Штабники же везли
Трофеев вагоны! (1)

885

Заострить я хочу
Всеобщее внимание:
Генералы грабанули
Сразу пол-Германии! (4)

886

Генерал, генерал,
В золоте погоны,
Ты в Россию везешь
Трофеев вагоны! (3)

887

Злые изверги фашисты
Ранили миленочка,
И могилой ему станет
От бомбы вороночка. (1)

888

Муж уехал на войну,
В дальнюю сторонку.
Я его с победой жду —
Прислали похоронку. (1)

889

Пришла в райком, там бугаи
Сидят — жрут тушенку.
Прислали мне с тремя детьми
На мужа похоронку. (1)

890

Сложил милый буйну голову
За Родину свою —
За пособием грошовым
Я, как нищая, стою. (1)

891

В партизанах был миленок,
Немца видел лишь во сне,
А вернулся весь в медалях
И хвалился ими мне. (3)

892

Хитрые в войну по блату
В тылу кантовалися,
Но зато им самым первым
Ордена достались. (3)

893

Война кончится — приедем
С орденами на груди,
Но в тылу «героев» дутых
В каждом штабе — пруд пруди! (1)

894

У матани у моей
Красный орден на груди,
Потому, что каждой ночью
Ей парторг руководит. (3)

895

Вот и кончилась война,
Победа за нами,
А еврей в тылу болтался —
Тоже с орденами. (6)

896

Ко мне миленький приедет
С тремя орденами.
Он был писарем при штабе —
Это между нами... (6)

897

В орденах пришел миленок,
Храбростью гордился!
Оказалось: он в обозе
Последним катился. (1)

898

На параде и собранье
Орденов не сосчитать!
А вот смелых не найдется,
Чтобы правду вслух сказать. (3)

899

В штабе парни-ухари,
Пороху не нюхали,
В атаках не замешаны,
Но орденов навешали! (1)

900

В наградных смотри листах:
Интендант иль писарь.
Если грудь в орденах —
Тыловая крыса. (1)

901

Замполиты врали нам,
Сказочками тешили.
Штабникам-тыловикам
Орденов навешали. (1)

902

Кто хитрей и наглей —
Все в тылу пристроились:
Они во сто раз быстрей
Наград удостоились. (1)

903

Тем, кто немцев победили,
Дали в штабе ордена.
А кто кровь свою пролили —
Не досталось ни хрена... (1)

904

Политрук наш: что за шутки?
Речи нет об орденах:
Был в окопе одни сутки —
Чуть не год в госпиталях. (1)

905

Кто в окопах вшей кормил,
В снегах закорючился –
Орденов не заслужил.
Радуйся – отмучился! (1)

906

Красна Армия дерется,
Скоро Гитлеру конец.
Снова: честному – мученье,
Благоденствует – подлец. (1)

907

Красна Армия дерется, –
Будет Гитлеру конец.
Инвалидом кто вернется –
Будет постный есть супец. (1)

908

Мой миленочек на фронте,
Он воюет день и ночь,
А вернется инвалидом,
Везде скажут: «Пошел прочь!» (1)

909

Эх, частушка, ты частушка,
Слово каждое – снаряд.
У нас в тюрьмах второй фронт
Открыт много лет назад. (1)

910

Отстояли мы в боях
Дело справедливое:
Доживаем в лагерях
Времечко «счастливое». (3)

911

Подорвал мой ягодиночка
Фашистский пароход,
А его вместо награды,
В Магадан комбат сошлет. (1)

912

Партизаны, партизаны,
Вы дрались за Родину.
Не докажешь – то в тюрьму,
Докажешь – по ордену. (1)

913

Немцев гнали и прогнали,
Словно камень скинули,
А потом часть победителей
По тюрьмам сгинули. (3)

914

Мы из плена вырываем
Родную земельку.
Бывшим пленным дадут
Снежную постельку. (1)

915

Все ребята веселятся,
Что отвоевался.
Кто в плену был – в Заполярье
Все поотправлялися. (3)

916

Вот и кончилась война,
Дождались победы!
А для тех, кто был в плену,
Еще хуже беды... (3)

917

Стало столько ухажеров –
Глазки разбегаются.
Из пятнадцати один
С фронта возвращается. (6)

918

Ну и что что победили?
Но какою же ценой?!
В деревнях не пострадавшей
Нет семейки ни одной. (3)

919

Все ребята веселятся,
Что отвоевались.
Уваженья от чинуш
Так и не дождались. (5)

920

Мы фашистов выгнали
Из родной сторонушки.
Бюрократ теперь попьет
Инвалидской кровушки. (6)

921

Проливали кровь свою
За дела народные,
А вернулися с победой
И опять — голодные. (1)

922

Поумней кто — из Германии
Трофеев навезли.
Но окопники на Родину
В обмоточках пришли. (3)

923

Коммунистам-генералам
Идут виллы за гроши,
А калекам-ветеранам
За тысячи шалаши. (3)

924

Нас дырявили фашисты,
Давали добавок...
А калеками вернулись —
Не лечат без справок. (6)

925

А у нас равнять привыкли
Кучерявых с лысыми,
В привилегиях — калек
С тыловыми крысами. (6)

926

Прихожу с войны с котомкой,
Ты меня, жена, прости:
Уж какие там трофеи —
Лишь бы голову спасти. (3)

927

После боя мы мечтали:
«Заживем после войны!»
Когда стал искать работу:
«Инвалиды не нужны!» (3)

928

Я с тяжелыми боями
Пол-Европы пропахал,
А вернулся инвалидом —
Никому не нужен стал. (3)

929

Чин собеса справок уйму
С меня требовать начал,
Что я раны фронтовые
Не гвоздем проковырял. (3)

930

Для пенсии, как калеку,
В собес пригласили:
От фашистов о раненьях
Справку попросили. (3)

931

«Уцелевшие от бойни,
Заживем, как господа!..»
Если б вы, калеки, знали,
Как ошиблися тогда. (3)

932

У кого в войну от страха
Волоса стали как снег,
А кто видел комфорт, пьянки
И веселый женский смех. (3)

933

Для кого война — несчастье,
А кому — родная мать:
Помогла миллионером
Без труда мерзавцу стать. (3)

934

Все с победою вернулись,
Но каждый по-своему:
Кто в шикарные хоромы,
Кто в барак, а кто в тюрьму. (3)

935

Не для всех война — горе,
Каждому на свой манер:
У кого убит кормилец,
А кто стал миллионер! (3)

936

Будто бились за свободу,
Кровью победили.
А вернулись — и к чинушам
В лапы угодили. (3)

937

На словах, а не на деле
Есть «защитники страны»:
Ни царапинки на теле,
А он — инвалид войны. (1)

938

Я с войны пришел к начальству
И сказал примерно так:
Вместо ордена мне ордер
Дайте хоть бы на чердак. (3)

939

Инвалидом иду с фронта,
А где жить — не знаю сам.
Дали угол мне в подвале —
Ты привык, мол, к блиндажам. (3)

940

Мы мечтали после боя:
«Уцелеем — заживем!»
А вернулись — тут чинуши
Вот-вот слопают живьем. (3)

941

В бой с дубиной против танка
Шли мы с криками «ура!»,
Теперь нами помыкает
Тыловая шушера. (3)

942

Победили мы фашистов,
А теперь вот тужим:
Думали, что лучше будет,
А сделалось хуже. (3)

943

Все понятия теперь
У нас перемешалися:
Окопник и тыловик —
Все теперь сравнялися. (3)

944

Окопников чуть осталось,
И те — инвалиды.
Издеваются над нами
Тыловые гниды. (3)

945

Мы верили, дураки, —
Сражались за Родину!
А вернулись и узнали:
Защищали шваль одну. (3)

946

До последней капли крови
Защищал родной Совет,
А вернулся, и защитнику,
Мне, места нигде нет. (3)

947

Наши славные герои
Родину прославили,
А на Родине героев
Без жилья оставили. (3)

948

Моего залетку ранили
На фронте на войне.
Государство не поможет,
И кормить придется мне. (1)

949

Скоро Гитлер будет плакать,
Как бы ноги унести!
А у нас с войны калеки
Тоже будут не в чести. (1)

950

Нынче тем приятный год –
Дроля Гитлера побьет!
А вернется он домой –
Иди по миру с сумой. (1)

951

Скоро кончится война,
Пойдут солдаты ротами,
Снова встретятся в тылу
С жидами-живоглотами. (1)

952

Мой миленок со всей силушки
Фашистов сверху бьет,
А придет с войны с победой –
Дома горюшка хлебнет. (1)

953

На войне мил долго был,
Воевал, фашистов бил.
Инвалидом он пришел –
Попрошайничать пошел. (3)

954

Мил фашистов крепко бил,
Выполнял задание.
А вернулся домой
На му́ки, страдания. (3)

955

Милый едет из Берлина,
Там он знамя водружал.
А вернулся – поселили
В тесный и сырой подвал. (3)

956

Бойцы здорово дрались,
Гитлеровцев били,
А вернулись и в землянки
Вновь их поселили. (3)

957

Вот и кончилась война,
Наши победили.
Солдат в ранах весь вернулся,
Но о нем забыли. (3)

958

Наши воины пришли,
Можно веселиться.
Только пенсии калека
Не может добиться. (1)

959

У забавочки сияет
Орден Славы на груди.
Просил комнату – в ответ:
«Откуда шел – туда иди!» (6)

960

Я – солдат. А мы в войну
В окопах голодали.
И в гражданке мне нашлось
Место лишь в подвале. (5)

961

Вся Советская страна
Занята трудом большим,
Скоро карточки отменим
И черняшки поедим. (3)

962

Города после войны
Мы восстановили,
Чтоб правители у нас
В роскоши пожили! (3)

963

Трудно выиграл победу
В войне страшной наш народ!
А теперь битый небитому
Посылки с тряпьем шлет. (5)

ХРУЩЕВ

964

Ворошилов и Буденный –
Лихие вояки!
Престол Хрущеву уступили
Безо всякой драки. (5)

965

О Буденном пишут много:
Шашкой храбро он махал.
А Хрущев прикрикнул,
Как ягненок, тихий стал. (5)

966

Ах, Берия, Берия,
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков. (3)

967

Хрущев Сталина живого
Очень уж боялся,
А как умер – он над мертвым
Мерзко надругался. (7)

968

Если умный и не понял,
Дурак догадался:
Хрущев Сталина обкакал
И сам измарался. (5)

969

Хрущев Сталина посмертно
В дерьмо сунул с головой,
Самого же обосрали,
Когда был еще живой. (5)

970

Прощай, скука, прощай, грусть,
Я на Фурцевой женюсь!
Буду тискать сиськи я
Самые марксистские! (5)

971

Хрущев любит анекдоты,
Даже сам их сочинил:
– Будем жить при коммунизме, –
Бодро съезду доложил! (3)

972

Не добился тем он славы,
Лишь людей всех насмешил,
Что с постройкой коммунизма
Хрущев явно поспешил. (5)

973

Никита с большой трибуны
Коммунизм нам обещал.
А на масло, мясо цены
Хоть на время, но поднял. (5)

974

Зря про наш ЦеКа болтают:
Тень наводят на плетень.
Коммунизм Хрущев построит
Ну хотя б... на один день! (5)

975

Мы всегда идем вперед,
А назад — Америка.
Почему же у Хрущева
Началась истерика? (5)

976

Наш Никита дело знает,
Со стратегией знаком!
А пока он ударяет
По трибуне башмаком. (3)

977

Мы стокгольмское воззванье
Все решили подписать.
Свое слово держим твердо,
А нарушим — наплевать! (5)

978

Враг грозит из-за границы
И кричит, что он силен.
Мы Америку обложим
Базами со всех сторон. (5)

979

Пароходами везем
Продукты Фиделю —
Сами конскую колбаску
Видим раз в неделю. (5)

980

Повторяем каждый день:
— Лучшее — для Кубы! —
Сами тянем свой ремень,
А на полку — зубы. (6)

981

Кто захочет тронуть нас —
С каждым рассчитаемся,
Потому ракет на Кубу
Напихать стараемся. (5)

982

Ни Хрущев, ни все ЦеКа
Ночами не спали:
Бомбы атомные в Кубе
Срочно размещали. (5)

983

Наш Никита — миротворец!
И умнее его нет:
Понатыкал он на Кубе
Сотни атомных ракет. (5)

984

Не раздумывал Хрущев
Над таким вопросом,
Понатыкал он ракет
У янки под носом. (6)

985

Хрущев и Кастро — заодно!
Зовут друг друга братом.
Хрущев — ленинец давно.
Теперь стал — кастратом! (5)

986

Американцы — дураки,
У них слабее кулаки:
Они оставили Вьетнам —
Подарили его нам. (7)

987

Обогнали мы все страны —
Космос весь освоили!
Старики в деревне дом
Сто лет назад построили! (5)

988

Я сидела на Луне,
Чистила картошку,
Вдруг Гагарин прилетел –
Заиграл в гармошку. (5)

989

Хорошо, что Ю. Гагарин
Не еврей и не татарин,
Не какой-то там чучмек,
А наш советский человек. (5)

990

Барыня, барыня,
Я люблю Гагарина,
Германа Титова
И еще – Хрущева. (5)

991

Хрущев спутники Союза
Запускать старался:
Он весь космос кукурузой
Засеять собрался. (5)

992

Нас накормит кукурузой
Верный ленинец – Хрущев,
А свое большое пузо
Он икрой набить готов. (3)

993

Ах, Никита, ты Никита,
Кукурузная душа,
Кукурузы в поле много,
А в амбарах – ни шиша. (5)

994

Нам сказали: кукуруза
Воскресит любой колхоз!
Засеяли пол-Союза,
А собрали с гулькин нос. (6)

995

Нам не радость, а обуза –
И как тут не завопить? –
Все поля под кукурузой,
А скот не хреном кормить. (9)

996

Сеял, что мне приказали, –
Вымахала лебеда.
Потому что кукурузу
Я не сеял никогда. (8)

997

Дали план по кукурузе,
А для нас это – беда:
На том поле на раздолье
Лишь осот и лебеда. (9)

998

Кукурузу мы посеяли
На всех своих полях!
Зимой полстада передохло
Иль висело на вожжах. (8)

999

Кукуруза заменила
Нам пшено и гречку:
Раньше кашу я варила,
Теперь варю сечку. (8)

1000

И плешив Хрущев, как Ленин,
А умишка мало,
Начал сеять кукурузу
Просто где попало. (5)

1001

Так вести дела, Никита,
Просто не годится:
Сеешь там ты кукурузу,
Где и не родится. (5)

1002

Даже в северной Сибири
Кукурузу посадили.
Не собрали ни хрена –
Зря пропали семена. (9)

1003

По Советскому Союзу
Уверял Никита в том:
Посеем в тундре кукурузу –
Вот тогда и заживем! (3)

1004

У Никиты нет мозгов –
Живет как в тумане:
Кукурузу велит сеять
Даже в океане! (5)

1005

Жжет изжога, пучит пузо –
Стали мы скотиной:
Хлеб пекут из кукурузы
Пополам с мякиной. (3)

1006

По фамилии Хрущев,
Зовут его Никитой.
У него большой живот,
Початками набитый. (3)

1007

Поступила в Вашингтон
Новость из Союза,
Что на лысине Хрущева
Растет кукуруза. (5)

1008

Полюбила я Никиту –
Вышла замуж за него.
Оказалось: вместо члена
Кукуруза у него. (5)

1009

Нас Хрущев кормить собрался
Кукурузою одной:
Хлеб хорош – пока горячий,
А остыл – пили пилой. (3)

1010

Хрущева мы благодарили
И опять благодарим:
Кукурузой скот кормили,
А теперь сами едим. (4)

1011

С неба звездочка упала –
Чистая хрусталина.
Мы Хрущева полюбили,
Как родного Сталина. (6)

1012

Ты с налогами, Никита,
Ввел новый порядок.
Тебе сунуть в одно место
Здоровый початок. (5)

1013

Ну и «славные» дела
Нашего Никитки:
Обирает мужика
До последней нитки. (6)

1014

Дела плохи у Никиты –
Где искать подмоги?
Вот и выдумал, плешивый,
Большие налоги. (6)

1015

У Хрущева ума много –
Оттого и полысел:
Столько выдумал налогов,
Что сам с ними в лужу сел. (3)

1016

На хрюшку похож Хрущев
И фамилья – с хрюком.
Ошарашил мужика
Налоговым трюком. (6)

1017

А Хрущев не бездельник, –
Он для нас – и царь и Бог!
Я во сне увидел пчельник –
И пришлось платить налог. (4)

1018

Хрущев яблони, малину
Стал налогом облагать.
Я кустарники повырубил –
Куда сходить поссать? (4)

1019

Как на трон взошел Хрущев –
Выдумал новинку:
Он налогом обложил
Каждую травинку. (8)

1020

Разобью горшки и вазу,
Чтоб герань не разводить:
По хрущевскому указу
Вдруг налог надо платить? (3)

1021

Как взбрело на ум Хрущеву
Все налогом обложить?
Впору хоть прирежь корову.
А детей-то чем кормить? (3)

1022

А Хрущев-то наш каков!
Нами мудро правил:
Сам ишак – за ишаков
Налог платить заставил. (7)

1023

Про плешивого Никиту
Всюду слышны голоса:
«Облагаются налогом
У курчавых волоса!» (5)

1024

У Никиты ума много –
Как волос на голове:
Обложил большим налогом
Он кузнечика в траве. (5)

1025

Сколько мух поразвелося –
Я не знаю, как мне быть?
Боюсь, как бы не пришлося
Мне за них налог платить. (3)

1026

Как на царский трон ступил
Гениальный наш Хрущев,
Он налогом обложил
Мух, мышей и пауков. (4)

1027

Нам Хрущев проложил
В коммунизм дорогу:
Крыс, мышей обложил
Большим продналогом. (3)

1028

На свинью похож Хрущев,
И дела свинячьи:
Задушил село налогом –
Мол, нельзя иначе. (5)

1029

Хрущев думал очень много –
Придумал законы:
Он колхозников налогом
Скоро в гроб загонит. (6)

1030

У Хрущева ума мало,
И вокруг все дураки:
Он налогом непосильным
Всех зачислил в кулаки. (4)

1031

До чего же ты дошел,
Плешивый Никита?
Взял последнюю копейку,
Что пóтом добыта. (5)

1032

Хрущев совесть потерял
Вместе с шевелюрой:
Расстается мужик
С последнею шкурой. (8)

1033

Ты, Никитушка плешивый,
Не боишься Бога:
Ведь не выдержит мужик
Такого налога. (8)

1034

Ах ты, лысая собака,
Ты плешивый пидарас!
Еле живы мы, однако
Обложил налогом нас. (6)

1035

Если руки не отсохнут,
Почеши-ка свою плешь:
Иль нам с голоду подохнуть?
Сам, гляди, в три пуза ешь! (6)

1036

Едет поезд из Тамбова –
На мосту написано:
«Под мостом гребут Хрущева
Пидараса лысого». (5)

1037

Мой миленок – пограничник,
Цель преследует одну:
Стережет, чтоб патриоты
Не покинули страну. (3)

1038

Сон кошмарный и в Кремле
Тоже мог присниться:
Будто бы Хрущев сидит,
Где был Солженицын. (6)

РАЗОБЛАЧЕНИЕ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

1039

Все на Сталина свалили:
Одного его, мол, бей! –
Чтоб оставили в покое
Его кодлу палачей. (7)

1040

Этот русский наш народ
И сам черт не разберет:
За вождя и за отца
Почитали подлеца! (5)

1041

Когда умер наш Сталин,
Многие роптали:
«Из-за этой подлой твари
Скольких растоптали...» (5)

1042

Я на Сталина портрет
Чуть ли не молился!
А он умер и в утиль
Даже не сгодился. (5)

1043
Когда в силе Сталин был –
Властью упивался!
После смерти его бюст
На свалке оказался. (5)

1044
Врут про Сталина, что он,
Будто злой и грубый:
Посылал на смерть людей,
С горя стиснув зубы. (5)

1045
Ой, ка́лина-ма́лина,
Сбежала дочка Сталина –
Светлана Алилуева,
Вся семейка хуева! (5)

1046
Дорогой товарищ Сталин,
Знать, отец ты был плохой,
Раз родная твоя дочка
Не желает жить с тобой. (5)

1047
Любят Сталина ругать,
Негодяем называть.
Демократы-плутократы –
Его бывшие сатрапы. (5)

БРЕЖНЕВ

1048
Хрущев Сталину посмертно
Не давал покою,
После Брежнев самого
В «парашу» башкою. (7)

1049
Сталин выиграл войну,
Ленин – революцию,
Хрущев – деньги заменил,
Брежнев – Конституцию. (9)

1050
Дни и ночи думал Брежнев –
Прославиться на века.
И решился он подправить
Конституцию слегка. (5)

1051
В Конституции два слова
Леонид переменил.
Он не сталинской, а брежневской
Назвать ее решил. (6)

1052
Разнесчастная Россия,
На вождей ей не везет:
Маньяк Сталин, Хрущев шут,
Брежнев просто идиот. (5)

1053
У нас партия – народа!
Не свернет с пути она.
Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев –
Так кому она верна? (7)

1054
Брежнев к делу и не к делу
Гостей лобызает!
При склерозе раз по пять
Это повторяет. (5)

1055
Один раз в ближний лес
Пошла за грибами,
Встретила трухлявый пень –
Он оброс бровями. (5)

1056

У миленка моего
Брови как у Брежнева,
Но сходство не помогло —
Живем хуже прежнего. (7)

1057

Густобровый, чернобровый,
Неотесанный пенек,
Побывал бы в моей шкуре
Ты хотя б один денек. (5)

1058

Брежнев с должностью своей
Плохо управляется:
Челюсть еле держится,
Язык заплетается. (7)

1059

Я увидела во сне
И развеселилась:
Будто бы у Брежнева
Челюсть отвалилась. (7)

1060

На краю большого луга
Воробей клюет грача.
В этом важная заслуга
Леонида Ильича. (5)

1061

Передразнивал залетка
В разговоре Брежнева —
На «червонец» в Воркуту
Отправили вежливо. (5)

1062

Слава Сахарова Лене
Не дает спокойно спать
И решил куда подальше,
С глаз долой его сослать. (6)

1063

Приезжай ко мне на БАМ —
Я на рельсах тебе дам:
Пока не едут поезда —
Пусть потешится пизда. (9)

1064

Серебристый хек женился —
Ледяную в жены взял.
У них дочка родилася —
Брежнев Мойвочкой назвал. (5)

1065

Дармоедов всей планеты
Кормим до отвала!
У самих же хлеба нету,
А не то что сала. (6)

1066

Составлять промфинплан
Из Кремля виднее:
Коммунисты всех стран
У нас сидят на шее. (3)

1067

Мил границы СССР
Крепко охраняет:
Он из рая коммунизма
В ад не выпускает. (3)

1068

Брежнев книги написал:
В них чужие мысли.
Ну а звезды на груди
У него повисли. (5)

1069

Говорят, что за таланты
Ждет вознаграждение.
Гений Брежнев стал Героем
За том «Возрождение». (7)

1070

Гениальные писал
Брежнев Леня книжки.
Ну а кто их покупал –
Глупые мартышки. (6)

1071

Как калека пред атлетом –
Перед Брежневым Толстой:
Не имел за сочиненья
Он медалишки простой. (7)

1072

На смех людям, мы генсеку
Самолюбье тешили:
На гнилой пенек поспешно
Орденов навешали. (5)

1073

Гений милости природы
Никогда не ждал, а брал!
Тем талантлив генсек Брежнев –
Сам себя он награждал. (7)

1074

Свою глупость всему миру
Доказали сами:
Стали мы своих ослов
Осыпать звездáми. (7)

1075

Леонида-звездочета
Любит Малая земля!
Почему б не переехать
Туда ему из Кремля? (5)

1076

На Малой земле победой
Брежнев не прославился.
Добывать себе он славу
На Афган отправился. (5)

1077

Защищать Страну Советов
Мы всегда готовые:
Хоть в Афгане, хоть на Кубе –
Где дела хреновые. (5)

1078

На Афган послали милого –
Ну как не горевать?
За чью Родину уехал
Мой миленок воевать? (6)

1079

Воевать мы не хотим,
Мы за мир стараемся,
А пошлют в Афганистан –
Молча подчиняемся. (5)

1080

Дайте с милым проститься,
Ему в армию идти.
Пожелаю из Афгана
Ему ноги унести. (5)

1081

Иди, милый, в Красну Армию,
Счастливый тебе путь!
Не пришлось бы лишь в Афгане
Тебе ножки протянуть. (5)

1082

Нынче осенью мы едем,
Едем в армию с тобой,
За политику дурную
Принимать с душманом бой. (5)

1083

Взяли, взяли дорогого
В бронетанковую часть
И в Афган его послали
Защищать чужую власть. (7)

1084

Милый в армию поехал,
А я вышла провожать:
– За кого же ты в Афгане
Кровь собрался проливать? (5)

1085

Я милого проводила
В Красну Армию служить.
Не пришлось бы лишь в Афгане
Ему голову сложить. (5)

1086

Получила письмецо
Из армии, без марочки:
В Афгании от БТР
Остались огарочки. (6)

1087

У нас бомб атомных хватит,
Чтоб взорвать и сто планет!
А зачем еще их делать?
Иль других забот уж нет? (5)

1088

Все Бессмертные Кащеи –
В Кремле шишки велики!
А работают в Расеи
Иванушки-дураки. (5)

1089

Эликсиры долголетья
Для ЦеКа изобрели,
Чтобы целые столетья
Править там страной могли. (5)

1090

Все в ЦеКа поостарели,
Но пост не оставят!
У них мозги заплесневели,
А всё нами правят. (5)

1091

Потому у нас и плохо,
Потому и трудности:
Весь состав Политбюро
Потерял срок годности. (5)

1092

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где б найти такую блядь,
Чтоб на Брежнева сменять? (5)

1093

Как же мне не веселиться,
Не плясать, не танцевать?!
Идем генсека всей столицей
На кладбище провожать! (5)

СОБРАНИЯ

1094

На ячейку, на собранье
Не закажете ходить –
Из порожнего в пустое
Хорошо там воду лить. (3)

1095

Я в политкружок хожу,
В церковь носа не кажу.
Если дети есть попросят –
Я им кукиш покажу. (3)

1096

Мой миленок – агитатор,
Агитатор боевой –
Языком молоть он мастер,
Ну а толк-то в том какой? (3)

1097

Почему лапши не стало?
Лекторы потешили:
Всю сварили и народу
На уши навешали. (5)

ВЫБОРЫ

1098

Собирайтеся, крестьянки,
Делегаток выбирать.
Там ума от вас не надо –
Просто руки кверху драть. (3)

1099

Просим Сталина родного
Депутатом быть от нас.
Хорошо, что нам оставил
Корку хлеба, кислый квас. (3)

1100

Мы на выборы идем,
На великий праздник:
Председатель хрен с винтом
Покажет, проказник! (6)

1101

Ох, какая я счастливая:
Иду голосовать!
В бюллетне одна фамилия –
Не велено черкать. (8)

1102

Разобраться я на выборах
Не мог в своих правах:
В бюллетне одна фамилия,
Как хрен в моих штанах. (6)

1103

Ох, вы́боры-выбора́,
Прекратить бы их пора –
Все равно у нас, как встарь:
Сел на трон – до смерти царь! (3)

1104

Агитатор бабку Дуню
Агитировал, да зря:
Крестясь на Сталина, сказала:
– Я за батюшку-царя... (4)

1105

В избирательной комиссии
Все умные сидят:
Им заранее известен
Всех выборов результат. (3)

1106

Деды исстари считали:
Кто богаче – тот мудрей!
Мы в Советы выбирали:
Чем беднее – тем дурней! (3)

1107

Что на выборах стараться?
Голосуй – не голосуй:
Власти будут обжираться,
А мы будем сосать хуй. (6)

1108

Не пошел бы выбирать –
Колымы боюся...
Черти с вами – уж пойду:
Пива хоть напьюся. (3)

1109

У нас, глупых, куры-дуры
Все перенимают:
Они даже петуха
Себе выбирают. (4)

1110

Скоро местные Советы
Только сами изберем,
А указывать нам будет
В каждой мелочи райком. (8)

1111

Выбираем, выбираем
И никак не изберем.
Чего время зря теряем?
Все решит за нас райком. (3)

1112

Кандидатов обсуждать
Мы на собранье начали,
А в райкоме кого надо –
Того и назначили. (8)

1113

Меня выбрали в Совет:
Я – ни читать и ни писать.
А какая нужна грамота,
Чтоб руки поднимать? (7)

1114

Меня выбрали в Совет,
А свекровь озлилася:
Я не только к папиросам –
К водке пристрастилася. (3)

1115

Депутат наш, кладовщик,
Мужик замечательный!
Он на пристани стащил
Даже круг спасательный. (6)

1116

Депутату поручили
Раздавать квартиры:
Он начальству – дворцы,
Рабочим – сортиры. (7)

1117

Пошла мода – депутатам
Чтоб наказы всем давать.
Только зря бумагу тратим –
Кто ж их будет выполнять? (6)

1118

Наши слуги – депутаты,
До ста лет еще сильны!
Им бы пенсию такую,
Как «хозяевам страны». (6)

ТРУДЯЩИЕСЯ И ВЛАСТИ

1119

Рыбаки, как обещали,
Каждый даст своей стране:
Для евреев – осетрину,
Кильку – детям и жене. (3)

1120

Даже квасом кто торгует –
Получают барыши.
Токарь высшего разряда
Заработает гроши. (5)

1121

Мне работа не мила,
Не рада белу свету:
Поломала два сверла –
Полполучки нету! (3)

1122

Сталевары соревнуются
За свой рабочий план.
Что ж они не богатеют?
Иль у них с дырой карман? (3)

1123

Мой миленочек стахановец,
Отличный сталевар.
Мясо купим – одни кости,
А от них какой навар?! (3)

1124

В чем-то батя мой ошибся,
И ошибка велика:
Хотел сделать инженера,
А состряпал печника. (3)

1125

Со стахановцем, девчоночка,
Нигде не пропаду,
Но у нас, в сталелитейном,
Даже хуже, чем в аду. (3)

1126

Про стахановцев по радио
Столица говорит,
Что у них на шее много
Захребетников сидит. (3)

1127

Мой миленочек стахановец,
Стахановка и я.
Не сведем концы с концами,
Хоть бездетная семья. (3)

1128

Наша фабрика прославилась
Стахановским трудом:
На двоих по три начальника,
А толку мало в том. (3)

1129

Имя милого ищите
На доске Почета.
Устанавливать нам нормы –
Вот его работа. (3)

1130

Фотокарточка милого
На доске у проходной,
Но ботинки каши просят,
На локтях костюм худой. (3)

1131

Ты дала пять норм за смену,
Вдвое больше можешь дать,
А тебя за это грамотой
Собрались награждать. (3)

1132

– Заготовим больше леса! –
Я девчатам говорю.
Мужики сидят в конторе,
Я, девчонка, лес валю. (3)

1133

Комсомолки-лесорубы
Всегда будут впереди,
А Абрам пишет бумажки –
Обхитри его поди. (3)

1134

По-стахановски мы нормы
Перевыполняем,
На хохряк свой дармоедов
Больше насажаем. (3)

1135

С нашей партией к победе
Мы пришли в нашем труде:
На зарплату даже кошку
Не прокормите нигде. (3)

1136

Что мы вырастили, сделали –
Все партия взяла,
А рабочим остаются
Крошки с барского стола. (3)

1137

Молодежные бригады
Дружным славятся трудом.
Возведем дворцы евреям –
Мы в бараках проживем! (3)

1138

В ногу с партией шагает
Весь народ наш трудовой:
У нее – живот раздулся,
У него – совсем пустой. (5)

1139

Поработайте покрепче
Для любимой Родины,
Для развитья, процветанья
Еврейской породины. (3)

1140

По-стахановски работаем
С подруженькой вдвоем,
Машем ломом и кувалдой,
Абрам – нормировщиком. (3)

1141

Нормировщик сидит в цехе,
В потолок всегда плюет,
А потом он, для потехи,
Нормы с потолка берет. (3)

1142

По пятнадцать кубометров
В день стахановцы дают,
А в столовой им баланды
Не добавят, не нальют. (3)

1143

По-стахановски работает
Миленочек в лесу!
Сосать лапу научились:
Он – сосет и я – сосу. (3)

1144

Расцветет страна родная,
Никогда как не цвела!
Хоть не помню, когда сытой
Я хоть в жизни раз была... (3)

1145

Еще лучше, еще краше
Будут наши города,
Пусть для этого придется
Голодать нам завсегда. (3)

1146

Мы с подружкою на сплаве
Перевыполнили план.
Бабы, девушки – с баграми,
А со счетами – Абрам. (3)

1147

Килька пряного посола
Для обеда в самый раз!
Покупая, не забудьте
Одевать противогаз. (5)

1148

У меня одна забота –
О своем заводе:
Что спереть и унести
Или «свистнуть» вроде. (3)

1149

И Трехгорка стала славиться
Стахановским трудом.
Мы за премией не гонимся:
Что надо – то сопрем. (3)

1150

Не нужна работа
До седьмого пота.
Лучше – грабить, воровать,
Еще лучше – взятки брать! (3)

1151

Пока профессии учился,
Всего много повидал:
Я сворую – гвоздик, винтик,
А начальство – самосвал! (5)

1152

На заводе проработал,
Научился не тужить:
Если что-то не своруешь –
На зарплату не прожить. (5)

1153

Я с начальством водку пью,
Не вступаю в прения.
Хоть работать не люблю –
Каждый месяц – премия! (5)

1154

За звание ударницы
Повиляю задницей,
За геройскую Звезду
Подслащу свою пизду! (6)

1155

Тяжело жить неженатым,
А женюсь – покаюся:
На учителя зарплату
Сам не пропитаюся. (3)

1156

Целый день мы спину гнем,
А как к кассе подойдем:
То – налоги, то – заем,
Домой кукиш мы несем. (3)

1157

Бригадир – значит, начальник!
Какой может быть вопрос?
С командирами – молчальник;
К подчиненным – цепной пес! (5)

1158

Днем и ночью наши домны
Льют для Родины металл.
Каждый доменщик у печи
В сорок лет калекой стал. (3)

1159

Я ослеп на оба глаза
У мартеновских печей –
Вымаливал сто два раза
Пенсию у сволочей. (7)

1160

Я молоденькой девчонкой
Устроилась на завод.
Постарела, подурнела –
Заработок стал не тот. (5)

1161

На завод шел за народом
Я здоровым, молодым!
Вот уж кашляю два года –
Там лишь сажа, копоть, дым. (6)

1162

Уголек стране давал,
Завсегда сам голодал,
А в кресле пузан сидит –
Обожрется и пыхтит! (7)

1163

На тебя, парторг наш, сучка,
Гнуть я спину не дурак!
Рядом город — там получка,
А соседи — весь барак! (6)

1164

Золотое волокно
В срок успела сдать я,
А на заработки купим
Из дерюги платья. (3)

1165

Я работаю в две смены,
Не хожу с девчатами —
Мне бы кошку прокормить,
И то не с котятами. (6)

1166

Дали нам два выходных,
Но не видела я их:
То субботник, то аврал,
Хоть бы черт их побрал! (5)

1167

Мой фуганок не фуганит —
Затупился инструмент.
На жену мой хуй не встанет,
У начальника — в момент! (6)

1168

Милый рыбу промышляет,
Государству все сдает,
А сам корки собирает
И сухарики сосет. (5)

1169

Добываю я руду —
У нас оплата по труду:
Помахаю обушком —
Поем кваса с хлебушком. (7)

1170

Вышла замуж за «лимита»
Девушка барачная:
Весь барак смешила ночью
Эта новобрачная. (9)

1171

Поселили в общежитие —
Как весело-то в нем!
Не успеет свет погаснуть —
Койки ходят ходуном. (6)

1172

В общежитии жила
Барачного типа:
Нет ни шкафа, ни стола,
Зато газет кипа! (9)

1173

Сталевары соревнуются
За свой рабочий план.
Абрам мудрый там — учетчик,
У печи — дурак Иван. (6)

1174

Для начальства открыты
Рестораны, бары!
Ну а я пожрал баланды
И скорей на нары... (2)

1175

Жить нам лучше с каждым днем,
Даже с каждым часом!
Третий день уже хожу
В очередь за мясом... (3)

1176

Иностранцу про получку
Я секрет большой открыл.
В наказанье мой начальник
Ее вдвое сократил. (5)

1177

Зав утильною палаткой
В новый дом вселяется.
Рабочий в полуподвале
С детишками мается. (3)

1178

Песни новые поем,
В них партию славим!
А своих детишек малых
Тухлой рыбой травим. (3)

1179

Можем мы с тобой гордиться —
Наш завод передовой.
Жаль, что вымпел не годится
На платочек носовой. (3)

ВОЖДИ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

1180

Ох, вожди, вы вожди,
От вас хорошего не жди:
Тот — тиран, этот — дурак,
Третьим вертят так и сяк. (5)

1181

Если вождь — то веди!
Только не в болото.
Раньше времени мне
Сдохнуть неохота. (3)

1182

Святых деды почитали
Больше собственных детей!
Мы сегодня отмечаем
День рождения чертей. (3)

1183

Нашей партии мы дали
Роль руководящую!
А они нам дали жизнь
Нищую, пропащую. (3)

1184

Наша партия родная
К светлым далям нас ведет!
Мимоходом, по дороге,
По три шкуры с нас дерет. (3)

1185

Я спою вам о министрах
И о генералах:
Сами все живут в хоромах,
А народ — в подвалах. (3)

1186

Вожди наши изо всех
Почестей достойны!
Но друг с другом из-за трона
Ведут они вóйны. (7)

1187

С милым строим, укрепляем
Власть советскую свою,
Чтоб партийные придурки
У нас жили, как в раю. (3)

1188

Позабуду, так и знай,
Раз не едешь на Алтай.
Ты — райкомовский работник,
Языком там поболтай. (3)

1189

Строить весело нам было:
Верный путь находим!
Обмен шила да на мыло
Теперь производим! (6)

1190

У залетки, погляди́,
Красный орден на груди.
В кабинет его, в райкоме,
Без пол-литра не входи!.. (3)

1191

У нас клубы, и читальни,
И библиотеки!
А читать имеют время
Лишь одни калеки. (3)

1192

Мы теперь живем культурно,
Знаем слово «культпросвет».
Даже то, что мы богаты,
Узнаем все из газет. (8)

1193

Коммунизм мне обещали —
Я смотрю с надеждой вдаль,
На его трудилась благо,
Прождала всю жизнь! А жаль. (5)

1194

Что уж скоро коммунизм —
Я не верю в это:
Все мне кажется, что мы
Строим конец света. (7)

1195

Как настанет коммунизм —
Все возьмут по танку:
Мы друг с другом будем драться
За пшенку, овсянку. (7)

1196

В коммунизме — все задаром,
Все без денег будем жить!
Потому, что там за деньги
Будет нечего купить... (7)

1197

Годовщину Октября
Весело проводим:
По нарядным площадям
С чучелами ходим. (3)

1198

Не напрасно про героев
Песни новые поют,
Да и как не петь евреям —
Как в раю они живут! (3)

1199

Хорошо вперед шагать
Вместе с коммунистами:
Заведут нас в грязь по уши,
Сами выйдут чистыми. (3)

1200

Многие жиды зовутся:
Иванов, Попов, Петров,
А у русских, хоть ты тресни,
Нет фамилии жидов. (3)

1201

Властью, ромом, коньяком
В Кремле упиваются!
Мужик с хлебушка на квас
В селе перебивается... (3)

1202

Коммунист не должен верить
Ни в черта, ни в Бога —
Было б теплое местечко
И деньжонок много! (3)

1203

Нам по радио сказали:
«Коммунизм уже грядет!»
Подтянув ремень потуже,
Терпеливо каждый ждет. (3)

1204

Коммунизм на горизонте!
Но вот как туда дойти? –
Ты к нему, а он все дальше.
Тьфу ты, мать твою ети! (3)

1205

Указали путь нам верный –
Это знает стар и млад:
Мы по-ленински шагаем –
Шаг вперед, а два – назад. (3)

1206

Без компаса в море жизни
Не один нас вел генсек:
Мы шагали к коммунизму,
А пришли в каменный век! (4)

1207

Коммунист сидит высоко –
Не достанет и сам черт!
Жизнь привольно и широко,
Где им надо, там течет. (3)

1208

В магазине замечают
Потайные двери –
Там продукты получают
Партократы-звери! (4)

1209

Мой миленочек с тоски
Пробил хуем три доски!
Ну и крепнет год от года
Мощь советского народа! (9)

1210

Фу ты, ну ты, лапти гнуты,
Новые известия:
Раньше были архиплуты,
Теперь – партобестии. (7)

1211

Полюбуйтеся, народ,
Что парторг в сумке прет!
– Он законно поволок
Продовольственный паек. (4)

1212

Счастье светлое построить
Нас с трибун учили –
Из порожнего в пустое
Только воду лили. (3)

1213

Наш партийный секретарь
Все законы знает:
Погуляет в ресторане –
Актом оформляет. (3)

1214

К коммунизму мы идем,
Птицефермы строятся,
А колхозник видит яйца,
Когда в бане моется. (9)

1215

Магазин наш открывают –
Сзади вывеска висит:
«Втихаря здесь отпускают
Коммунистам дефицит». (3)

1216

Нас хапуги-коммунисты
Не считают за людей:
А для ленинцев-марксистов
Никаких очередей! (3)

1217

Коммунисты от народа
Все украдкой да тайком:
Даже с заднего прохода
Их снабжают продпайком. (5)

1218

Для начальства продукты
В спецраспределителе.
И рабочих не обидели:
Пивнушки, вытрезвители. (7)

1219

Коммунист на коммунисте
В управлении сидит.
Потому живем мы плохо
И повсюду – дефицит. (3)

1220

Коммунисты возглавляют
Любой торг и продснабсбыт:
Во всю силу помогают
Увеличить дефицит. (5)

1221

Вот уж семьдесятый год
Никак не разумею:
Как лил пот я на господ,
И сейчас – потею. (5)

1222

«Народ и партия едины!» –
Ночью вывеска горит.
А парторг кусок оттяпать
Пожирнее норовит. (3)

1223

«Слава!» – много так огней
Ночью зажигается.
На заборе слово «хуй»
Приятней читается. (7)

1224

Много легче нам бороться
С мышами да крысами,
Чем со «слугами народа»,
Пузатыми, лысыми. (4)

1225

Мой миленок – коммунист,
Завивает кудри:
Он не пашет и не сеет –
Мозги людям пудрит! (3)

1226

Нас толкали, увлекали
В дали, всех манящие.
Нас надули! Ну и хули?
Сами, мол, ледащие! (5)

1227

Коммунисты изучили
Всякие науки:
Рот народу затыкать,
Заламывать руки. (7)

1228

На трудподвиги зовут
Светила науки:
– А ну, возьмемте, мужики,
Ломы, лопаты в руки! (8)

1229

Коммунисты власть делили,
Про нас, бедных, не забыли:
Им – колбаска и икра,
А нам нету ни хера. (5)

1230

Мы в отечестве своем
Вверх ногами все живем:
Кто делает гадости –
Получают радости. (5)

1231

Наша партия мудра –
Дала поровну добра:
Кому – деньги, кому – власть,
Кому – с голоду пропасть. (3)

1232
Нам родной Совет — защита
От несчастий, горя, бед:
Они сала жрут досыта,
А у нас постный обед. (5)

1233
Приказ от имени народа
Нам провозгласили,
А простых работяг
Даже не спросили. (3)

1234
Все — от имени народа,
Но без ведома его:
В реку лезть, не зная брода, —
Выплывать-то каково? (4)

1235
Мы работы не боимся:
Батька — пашет, я — кую —
Коммунистов к коммунизму
На своем везем хую. (5)

1236
Коммунисты-дармоеды,
Черти вы рогатые:
Работяги обнищали,
Только вы — богатые! (3)

1237
Коммунисты коммунизм
Для нас строить начали —
Матерьял весь растащили
Меж своими дачами. (4)

1238
Коммунисты обещали
Рай построить на земле.
Сделали, как и сказали:
Коммунизм уже в Кремле! (5)

1239
Коммунизма все ждут,
Не было б напасти.
В коммунизме живут,
Кто прорвался к власти. (5)

1240
Коммунизм будет скоро:
Его строит вся страна!
Для него вместо забора
Есть Кремлевская стена. (5)

1241
Персональной пенсии
Кремлевцы добилися:
На хую рабочих в рай
Надежно катилися. (6)

1242
Уверяли коммунисты:
Старикам у нас почет!
А бабуля с голодухи
Еле ноги волочет. (3)

1243
Стал хозяином природы
Наш советский человек,
Всю ее так испоганил —
Не очистить и вовек. (3)

1244
Наше «радостное завтра»
Кувырком летит все вниз:
Скоро будут коммунисты
Стариков морить, как крыс. (4)

1245
Тут старушки-побирушки
Сидят вдоль дороги —
Коммунисты вас поморят,
Заживут как боги! (5)

1246
В рай мы плыли, веселилися,
Не чуяли беду:
Дорулила наша партия
До пристани в аду. (5)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРИ КОММУНИСТАХ (ПИСАТЕЛИ И ГАЗЕТЧИКИ)

1247

Если будешь журналистом,
То реши простой вопрос:
Надо или быть Иудой,
Иль распятым, как Христос. (3)

1248

Журналисты у нас
Свое дело знают!
Перед партией, как шавки,
Хвостиком виляют. (3)

1249

Журналистов-борзописцев
Посильней военных рать!
И оружье пострашнее:
Лишь обманывать и врать. (4)

1250

Я люблю читать в газете
Милого заметочки:
Складно врать он научился
Всем про пятилеточки. (3)

1251

Нас газетные писаки
Обмануть пытаются:
Коммунисты как клопы —
Кровью лишь питаются. (6)

1252

Неподкупною печать
У нас называют.
Ее держат на цепи,
А не покупают. (3)

1253

Сколько можно в газетах
Нам морочить головы?!
Как же могут жить счастливо
Голодные, голые? (3)

1254

Власть без радио, печати
Не продержится и дня.
Потому терпеть приходится
У власти даже пня. (4)

1255

Все держится на обмане,
Ну конечно же и власть,
И без наших борзописцев
Ей давно б уже пропасть. (4)

1256

На вранье в газетах наших
Чему удивляться?
Велят черное звать белым —
Рады постараться! (3)

1257

Агитацией полны
Газеты, брошюры.
Ну а верят тому
Дураки и дуры. (3)

1258

Для чего писаке ручка?
На мозги нам капать.
Коммунисту нужны руки –
Только чтобы хапать. (5)

1259

Ох, газетные писаки,
Вы лгуны проклятые,
Все обмануты вами,
Как мужья «рогатые». (3)

1260

Все газетчики у нас –
Особого сорта:
Надо – ангела измажут
И отбелят черта. (3)

1261

До чего у нас чудна
Свобода печати:
Правды нет ни на грош,
Лжи – край непочатый. (3)

1262

Газет много, но в них
Одна пропаганда.
Нам понятна она,
Как в тюрьме баланда. (3)

1263

Ведь в газете те же люди,
Но где принципы у них?
Лишь вчера хвалили этих,
А сейчас – совсем других. (3)

1264

Заплативши две копейки,
Почитай газетку:
Журналист там ловко лепит
Из дерьма конфетку. (4)

1265

Независимой печати
Никогда не может быть,
Ведь иначе журналистам
Нечем стыд будет прикрыть. (4)

1266

Независимой не может
Быть у нас в стране печать:
Или надо врать, как скажут,
Или вовсе замолчать. (3)

1267

Журналист без вранья –
Что свадьба без гармошки:
Где не надо, и то
Он соврет немножко. (4)

1268

Даже ночью журналист
Упорно трудится в тиши:
Это он на наши уши
Занят вешаньем лапши. (4)

1269

За столиком журналиста
Спокойно не посидишь:
Угодить не хошь начальству –
За решетку угодишь. (3)

1270

Всегда «Правду» покупаю
Из доступных мне газет:
Ведь у нас дешевле правды –
Ничего на свете нет. (3)

1271

Все поэты у нас умные,
Своим живут умом:
За что больше им заплатят –
Сочиняют стих о том. (3)

1272

Я читаю и не верю –
А куда податься?
У нас «Правда» лишь в кавычках
Может называться. (6)

1273

Хоть и горько, и обидно,
Но приходится признать:
Кто писать обязан правду –
Научились только врать. (3)

1274

Сплошь одно вранье в газетах,
А берем, читаем.
Неужель мы никогда
Правды не узнаем?! (3)

1275

Я газету между строк
Завсегда читаю:
Только этим путем
Правду и узнаю. (3)

1276

У читателя с писателем –
Любовь до гроба!
Один – врет, другой – читает,
И довольны оба. (3)

1277

Надоело читать
Газетные враки,
Где дворцами зовут
Ветхие бараки. (3)

ТОРГОВЛЯ

1278

Продавец мне пару булок
Вешал, вешал – недовес.
Пальцем ткнул – перетянуло!
Вот так ловок продавец. (3)

1279

Весовой товар (всегда так)
В сто оберток завернут,
Но зато котлет десяток
Впору в шляпу накладут. (3)

1280

Продавец копченой рыбы
Свешал вместе с бечевой.
Покупатель возмутился:
– Жаль не с тарною доской! (3)

1281

Пачку соли иль печенья?
Встаньте в очередь, в конец!
– Лишь для водки исключенье –
Отвечает продавец. (3)

1282

Рыбу крупную, селедку,
Вам не режут пополам,
Но зато поллитру водки
Разольют хоть по сто грамм. (3)

КОМСОМОЛЬЦЫ

1283

С комсомольцем мне мамаша
Гулять больше не велит:
Говорит мне, что он лодырь,
Вор, обманщик и бандит. (3)

1284

Комсомольцы всюду значатся
Во всех больших делах:
На гулянке-пьянке драться
Можем даже на ножах. (8)

1285

То ли дело мой миленок,
Комсомолец-грамотей:
Отниманье и деленье
Изучил всего скорей. (3)

1286

Барыня-красавица,
Тем она и славится:
У ней кудри кольцами,
Гуляет с комсомольцами. (3)

1287

Мой мил дорогой
Вел беседу со мной:
— Запишися в комсомол! —
Сам рукою под подол... (3)

1288

В комсомолки записалась
Девочка молоденька.
Ничего, что оборванна, —
Ты красивше голенька. (4)

1289

Я молоденька девчонка
Стала комсомолочкой,
Себе дырочку зашила
Тоненькой иголочкой. (4)

1290

Поздравляй меня, подруга, —
Стала комсомолочкой!
Мне давал рекомендацию
Парторг под елочкой. (8)

1291

Беспартийная была —
Стала комсомолочка:
У черного «портмонета»
Сломана защелочка. (8)

1292

Комсомолец комсомолке
Сделал предложение,
Провести ей между ног
Лесонасаждение! (6)

1293

Полюбила комсомольца,
Комсомольцем дорожу.
Что придут за мной чекисты —
По ночам я не дрожу. (3)

1294

Полюбила комсомольца,
Комсомольцем дорожу —
Не билет я комсомольский,
А другое покажу! (3)

1295

Комсомолец бойкий Ваня,
Не дрожит его рука:
Поедает он баланды
Сразу по три котелка! (1)

1296

Ну кому какое дело —
Комсомольца я люблю.
Когда он партийным будет —
Я подальше всех пошлю! (3)

ГОРБАЧЕВ. ПУТЧ. ПЕРЕСТРОЙКА

1297

Перестройки нашей зодчий,
Гениальный Михаил —
Любопытно знать нам очень:
Где до этого он был? (7)

1298

Захотел все Горбачев
Переделать вроде.
«Миша меченый» его
Прозвали в народе. (6)

1299

В перестройке Горбачев
Упорен, неистов!
Это лишь очередные
Козни коммунистов. (5)

1300

«Горби» спать не дает
Слава иноземская...
У него во лбу горит
Звезда вифлеемская. (6)

1301

Никудышный у нас
Прораб перестройки —
По арифметике имел,
Видно, одни двойки. (7)

1302

О таланте Горбачева
Мы везде трезвоним,
А ему бы подошел
«ГРАБАЧЕВ» — псевдóним. (5)

1303

Посмотрю, а все газеты
Знают с Мишею секрет:
Его печатают портреты,
А на лбу печати нет. (9)

1304

Все Борисы и Егоры,
Михаилы эти — врут:
Сулят нам златые горы —
Сами шкуры с нас дерут. (6)

1305

Как сидел у нас Володька,
Была бражка, была водка.
А как сел там Михаил —
Даже пиво запретил. (5)

1306

Горбачев от алкоголя
Сделал нам прививки:
Самогонка заменила
Ром, коньяк, наливки. (5)

1307

Горбач трезвость вводить
Ездил в Евпаторию:
Порубил весь виноградник
И попал в историю. (7)

1308

Есть в указе Горбачева
Очень строгая графа:
Прекратить выпуск спиртного!
Самогонщикам — лафа! (5)

1309

Горбачев на водку цены
Почти в два раза взвинтил!
Он не делом занимался —
Самогонщиков плодил. (5)

1310

Перестройка — это слово
Как же надо понимать?
Если что-то строить снова —
Надо старое сломать? (7)

1311

Горбачев, ты наш генсек,
На башке заплатка.
Горько стало выпивохам,
Да и всем не сладко... (7)

1312

Проклинает Горбача
Каждый выпивоха!
Но и сахару не стало —
Это очень плохо. (5)

1313

Перестроиться решила
Коммунистов наших власть:
Раньше крали нелегально,
Теперь явно стали красть. (5)

1314

Денег накопила —
Радио купила!
Ничего не кушаю —
Горбачева слушаю. (9)

1315

Водку мы теперь не пьем,
Колбасу не кушаем —
Вечерами хуй сосем,
Передачи слушаем. (5)

1316

Перестройщики в Кремле
Поставили свечки —
Коммунисты позаняли
Теплые местечки. (5)

1317

Все парткомы и райкомы
Будто перестроились:
Все на теплые местечки
Все равно пристроились. (5)

1318

Коммунистам честь и совесть
В перестройке не нужны:
Под шумок, у власти стоя,
Растащили полстраны. (5)

1319

Перестройка шла не быстро:
Лишь по каплям капали.
Генералы и министры
Добра понахапали. (5)

1320

В перестройке много толку,
Все мы ждем великих дел:
Чтоб морковку грызли волки,
А «косой» волков поел. (5)

1321

Перестройку объясняли
По буковке каждой:
Правду кривдой называли,
Теперь кривду — правдой. (5)

1322

Стали с мафией бороться,
Но забыли мы учесть,
Что ЦеКа и министерства —
Это мафия и есть. (5)

1323

Коммунисты в перестройке
Все идут всегда вперед:
С помидорами вагоны
Не разгружены уж год! (7)

1324

Перестройку тормозят
Партократы там и тут:
Лучше мясо, сыр сгноят,
Чем рабочим продадут. (5)

1325

Все с трибуны очень гордо
Перестройку хвалят,
А вечером, с наглой мордой,
Сыр на свалку валят. (5)

1326

Перестройке рады
На словах лишь, гады!
А сами тайком в лесу
Зарывают колбасу. (6)

1327

Я спросила: «Без кавычек,
В чем "соль" перестройки?
Нет ни соли, нет ни спичек —
Сплошь пустые полки». (5)

1328

Чем толкаться в магазинах —
Лучше вам гулять в лесу:
Там вы кучами найдете
Масло, сыр и колбасу. (6)

1329

Коммунисты власть имеют
И продукты берегут:
Лучше пусть гниет и преет,
А народу не дадут. (5)

1330

Перестройка — не так просто:
Все гнут линию свою.
Коммунистам перестройка
Как заноза на хую! (5)

1331

Перестройку множим:
Лезем вон из кожи!
Коммунисты — тоже:
Из куля в рогожу. (5)

1332

Перестройку все хвалили —
Многого добилися:
Недовольных приручили,
А цены взбесилися! (5)

1333

— Ты, Акуля, не оттуля
Шить рубаху начала!
— Не волнуйся ты, мамуля, —
Все равно пороть пора! (5)

1334

Коммунисты, перестройка!
А в ответ: «Всегда готов!
Мы себе — икру и масло,
А народу — горы слов». (5)

1335

Холодильник я купила –
Называется «Ока»:
Мяса нету, рыбы нету –
Положу пизду пока. (5)

1336

Говорят о перестройке,
И я перестроилась:
У соседа хуй большой –
Я к нему пристроилась. (5)

1337

Водка стала девять десять,
Десять сорок – колбаса,
Хуй стоит у Горбачева,
У народа – волоса. (5)

1338

Что там в сказке курка ряба?
Есть ценней в три раза!
Продает яички баба
По цене алмаза. (5)

1339

Перестройка нам приносит
Много разных авантюр:
За кило картошки просят
Кило сотенных купюр. (5)

1340

Сахарок раз в год бывает –
Перестройка все берет:
На сивуху не хватает,
А уж где там чай, компот. (6)

1341

Перестройка бьет ключом...
То по башке, то по спине:
Чай без сахара мы пьем,
Хоть талоны дали мне. (5)

1342

На тебя вину свалили,
Партия-бедняжка:
Что не рай – ад смастерили,
Экая промашка! (5)

1343

Ну и наглость! Верь – не верь,
Может, так заведено?
Коммунистов гонят в дверь,
А они лезут в окно. (7)

1344

Демократию, как водится,
Встречаем от души!
Не хотит кто перестроиться –
Сухарики суши. (5)

1345

Перестройка, перестройка,
Интересная игра!
Надоела она только –
По-людски пожить пора. (5)

1346

Коммунисты понастроили –
Сам черт не разберет!
И теперь за перестройку
Отдувается народ. (7)

1347

Ну и зодчий коммунизма
Этот самый коммунист:
Он фундамент строил сверху,
Ну а крышу пустил вниз. (5)

1348

К коммунизму шли мы прямо.
Перестроился народ:
Оказалось – зашли в яму...
Где тут зад, а где перед? (7)

1349

Нас в ЦеКа так успокоили:
Нам трудность — нипочем!
Что семьдесят лет строили,
Сломаем — вновь начнем! (7)

1350

Мы играем в перестройку,
А осталось все, как встарь:
Похитрей — живут на славу,
Кто у власти — тот и царь! (7)

1351

Перестройка, не поймем,
В чем же заключается?
Раньше жил с женой путем,
Теперь — не поднимается. (5)

1352

Перестройка! — нам сказали.
Ну а где же тут она?
Все товары попропали,
В магазинах — ни хрена! (5)

1353

Что-то долго я не вижу
Перестроечных примет:
Суп варю все жиже, жиже,
Мяса в нем в помине нет! (6)

1354

Где же смысл перестройки?
Не с того взялись конца?
Раньше был подлец у власти,
Теперь — власть у подлеца. (7)

1355

Перестройка, ясно мне,
Без ЦеКа согласия,
Потому по всей стране
Такая катавасия. (6)

1356

Запаршивела вода,
Обмелели реки...
Какова КПСС —
Таковы генсеки. (7)

1357

Перестройки темп хороший!
Чего зря охаивать?
Чтоб купить кило картошки,
Надо месяц вкалывать. (5)

1358

По афганскому народу
Мы всей мощью вдарили!
Нам афганские душманы
Зад наскипидарили... (7)

1359

«Горбач» умно говорил
И договорился,
Что в посмешище для всех
Ныне превратился. (6)

1360

Наша партия родная
Не отдаст позицию:
На народ войска пошлет,
КаГеБе, милицию! (7)

1361

Перестроившись, кремлевцы
Гнет людей утроили,
А потом они для понта
В шутку путч устроили. (5)

1362

От Кремлевских от ворот
Начался переворот:
Появились танки —
Как в лесу поганки. (7)

1363

Понапрасну люди путчем
Напуганы были:
Просто Ельцин и Янаев
Власть не поделили. (5)

1364

Кремлевские дармоеды
В путч решили поиграть.
Снова стали б наши дети
По родителям стрелять. (6)

1365

Что подняли путч в Москве –
Об этом не спорю я.
Но, по-моему, тут все –
Сплошная бутафория. (7)

1366

Расшумелися в Кремле:
Милые там тешатся!
А невинные потом
Очень долго чешутся. (5)

1367

Все названия у нас
Часто все меняют:
Мафиозную разборку
Путчем называют. (5)

1368

Я уверен: власти с путчем
Комедничают и врут –
Ведь они за одно слово
В порошок тебя сотрут. (5)

1369

Путч подняли коммунисты,
Сами ж – подавили.
Они этим мир честно́й
Просто насмешили. (5)

1370

Путч – это борьба за власть.
При чем тут рабочие?
Демократы мутить воду
Отроду охочие! (5)

1371

В путче не было побед,
Как и поражения:
Для народа было то –
Маневры устрашения. (7)

1372

Коммунисты без борьбы
Жить нам не позволили:
Даже бой между собой
В путче приготовили. (5)

1373

Затеяли вдруг разборку
Звездастые паханы.
За амбиции готовы
Уничтожить полстраны. (5)

1374

Демократу путч затеять –
Все равно, что выпить чай.
А народ за их «забавы» –
Своей шкурой отвечай. (6)

1375

Вы, путчисты-коммунисты,
Все прекрасно знали:
Чуть гражданскую войну
Вы не развязали. (5)

1376

Демократам бунт поднять –
Легче, чем раз плюнуть,
И в гражданскую войну
Всю Россию всунуть. (5)

1377

В Москве хохму демократы
Вновь отПУТЧебучили!
Или пьянки и гулянки
Им уже наскучили? (5)

1378

На хрена нам путчи,
Если жить не лучше?
А кто сладко жрет и пьет –
Пусть под пули сам идет. (6)

1379

Поверили еще раз
В то, что нам сказали:
Мафиозную разборку
Все «путчем» назвали. (6)

1380

В гадюшнике как-то змеи
Мелкий спор подняли:
Они «путчем» ту возню
Наименовали. (5)

1381

Если б в путче бой возник –
Были б пострадавшие,
А пользу бы извлекли –
Все это создавшие. (5)

1382

Демократы нас, рабочих,
Грабят, унижают,
А теперь еще вдобавок,
Путчами пугают. (5)

1383

Горбачев, Горбачев,
Тобой народ гордился!
А ты даже в холуи
Путчистам не сгодился. (7)

1384

Демократы после путча
Еще легче дышат:
Преступленья и ошибки
На путчистов спишут. (5)

1385

Коммунист за перестройку,
Начавши, голосовал.
На кого свалить желает
Он теперешний развал? (5)

ЕЛЬЦИН. ДЕМОКРАТЫ

1386

Хрущев всех насмешил
Коммунизма планом,
Ну а Ельцин решил
Занять трон обманом. (6)

1387

Ельцин очень рвался к власти,
Наконец – прорвался!
А народ, кроме напасти,
С кукишем остался. (5)

1388

Кандидатов нам подсунули –
Кого же изберем? –
Два – в отставке, два – в канавке,
Одному пора в дурдом.

1389

Кто же властвовать не любит –
Нет такого дурака!
Но когда дурак у власти –
Водит им чья-то рука. (5)

1390

Чтобы Ельцин был за нас –
Голосовал за это.
Оказался – он в сто раз
Хуже Пиночета! (5)

1391

Раньше пели мы: «Борис,
За народ и власть борись!»
А теперь поем: «Борис,
Не умеешь – не берись...» (5)

1392

Что продал Христа Иуда –
О том Библия не врет.
А Ельцин похлеще будет –
Продал весь русский народ. (6)

1393

Пусть не пудрят нам мозги
Газеты-агитаторы:
Все – от Ленина до Ельцина –
Матерые диктаторы! (6)

1394

Эх, Россия, ты Россия,
Не везет тебе никак:
Сколько раз ты строй меняла,
А правитель все дурак. (5)

1395

Мы не думали, что Ельцин
Так нас облапошит:
Сперва хлопали ушами,
А потом – в ладоши. (5)

1396

Поговорка у народа,
Что в семье не без урода.
Жаль, что только, кто урод,
Поздно узнает народ. (5)

1397

Раньше было при царях
Право крепостное.
Теперь вовсе нету прав...
Время золотое! (3)

1398

Слава Богу, просветили –
Теперь ясно стало всем:
Лучше право крепостное –
Чем бесправие совсем. (3)

1399

Все русские – дураки
Будут, есть и были,
А над русскими жиды
Власть не поделили. (3)

1400

Призывают разрушать
Все до основания!
А вот что взамен построить
Не хватает знания. (3)

1401

Ельцин к власти пришел
На нашем доверии.
Он готовит местечко
Для нового Берии. (5)

1402

Перестройка и рынок –
Это все лишь хитрый ход.
Еще больше стали грабить
Те же гады свой народ. (5)

1403

Негодяй был Брежнев Леша –
Он – творец застоя.
А при Ельцине ни лежа
Не хочу, ни стоя... (5)

1404

Ельцин смолоду безвинным
Судил злую долю,
А теперь он подлым гадам
Дал полную волю! (6)

1405

До Ельцина было скверно –
Из нас каждый это знал.
Но народных сбережений
Так никто не отнимал. (5)

1406

Коммунистов разогнали –
Стал у власти демократ!
Теперь Ельцин торгашам
Друг, товарищ, сват и брат. (5)

1407

Спекулянта не терпели
Ленин, Сталин и Хрущев,
Ну а Ельцин этим гадам
Лизать задницу готов. (5)

1408

Есть тут разница большая –
Пойми, Ельцин, наконец:
Махинатор – не есть умник,
Спекулянт – не есть купец. (5)

1409

Перекупщик, махинатор –
Враг народа вечно был!
Спекуляцию сам Ельцин
Одобрял и разрешил. (5)

1410

Выбирали все с надеждой,
Ликовал рабочий класс!
Спекулянтам с потрохами
Ельцин вскоре продал нас. (6)

1411

Отношения у нас
Рыночные строятся:
Спекулянты, как на Бога,
На Ельцина молятся. (5)

1412

Ох, богата же Россия –
Никак не убавить!
Как ни тащат демократы,
А все есть что грабить. (5)

1413

Почему же стал Ельцин
Покровитель торгашей?
Нам такого «благодетеля»
Пора прогнать взашей! (7)

1414

Говорят, Иосиф Сталин
Сволочь был из сволочей,
А, как Ельцин, он не грабил
Стариков, старух, детей. (7)

1415

Нет мудрее демократов
На земле и на морях:
Моряками рыб мы кормим,
Солдат сеем на полях. (5)

1416

Не пойму, к добру ли, к худу
Времена меняют?
Кто сажал нас за частушки –
Сами сочиняют. (5)

1417

Нет мудрее демократа
В работе и борьбе!
От себя гребут лишь куры,
Демократы же – к себе. (5)

1418

Демократы докатились
Просто до позора:
Сами грабят, а орут:
«Держи гада-вора!» (5)

1419

Обвиняет коммунист
Во всем демократа:
Это ссорятся для вида
Два родные брата. (6)

1420

Богатеев теперь стало
У нас больше в десять раз!
Но зато до обнищанья
Дошел весь рабочий класс. (7)

1421

Коммунисты, демократы
За власть всюду борются,
А где драка и скандалы –
Там дела не спорятся. (5)

1422

Не хочу молиться Богу,
Не пугает Страшный суд:
Коммунисты-демократы
Его сделали мне тут. (5)

1423

Все правители у нас
Стали супермодные!
А поступки, как и были, –
Все антинародные. (5)

1424

Изменили мы цвет флага,
Хотя прежний цвет лица.
По доходам отличаем
Честного от подлеца. (6)

1425

Негодяев и хапуг
Не изменят годы.
Коммунист и демократ –
Все одной породы. (5)

1426

Коммунисты для себя
Перестройку строили:
На законных основаньях
Всё себе присвоили. (6)

1427

Перестройку нашей партии
Одобрил весь народ:
В карман левый взятки клала,
Теперь в правый их кладет. (7)

1428

Все в капстранах позабыли,
Что такое «нищий»,
А у нас их в переходах
Огромные тыщи! (5)

1429

Я в наперсток не играю,
В лотерею – тоже:
Надувательством они
Между собою схожи. (3)

1430

Чтоб товаром подешевле
Набить все прилавки –
Все заводы позакрыть,
Оставить лишь банки. (5)

1431

Пролетарии всех стран
У нас соединились:
Ходим голы, ходим босы,
Животы ввалились. (3)

1432

Горбачевым недовольны
Были пьяницы гурьбой,
Ну а Ельцин старым дедам
Объявил смертельный бой. (7)

1433

До чего товарищ Ельцин
Смелый, наглый ныне стал:
Старики на смерть копили,
А ты все у них отнял. (7)

1434

В правлении государством
Герой Ельцин очень смел:
Он обманом и коварством
Деда с бабкой одолел. (7)

1435

Для чего же мы, Ельцин,
Защищали Белый дом?
У старух карманы вывернул
Бесстыдно белым днем. (5)

1436

Коммунистов победили –
За то Ельцину хвала!
Стариков, старух очистил
Он почти что догола... (5)

1437

Наша партия мудра:
Себе нахапала добра!
За границу все свезли –
Счета в банках завели. (5)

1438

Было – деньги власть давали,
Теперь деньги дает власть –
Если ты до ней дорвался,
То и хапай себе всласть. (4)

1439

Не врите про демократов:
«До власти дорвалися!»
Они еще в КПСС
Властью наслаждалися. (5)

1440

В Америке, как водится,
На доллары все молятся.
А у нас: была бы власть –
Деньги им сам дьявол даст! (3)

1441

Если сплел бы себе лапти,
То не счел бы за позор –
Сапоги все износились,
Нельзя выйти в них на двор. (5)

1442

Все меняем с каждым часом,
Быстро времечко летит!
Теперя за редьку с квасом,
Как за мед, надо платить. (5)

1443

Перестану есть и пить –
Буду денежки копить:
Не пройдет и сотни лет –
Куплю себе велосипед! (5)

1444

Стариков должны кормить,
Кого они кормили.
Но кремлевцы все пожрали!
Или позабыли? (3)

1445

Ох уж эти старички,
Такие привереды:
Хотят завтраки иметь,
А к ним еще – обеды. (5)

1446

Собирайтесь, старики,
Все на перестройку!
Кто — в могилу, кто — в канаву,
А кто — на помойку. (5)

1447

Нас, рабочих, коммунисты
Смолоду дурачили,
А на пенсию отправив,
Просто грабить начали. (5)

1448

За опасный труд тяжелый,
Что ни охнуть, ни вздохнуть,
Дали пенсию такую —
Впору ноги протянуть. (5)

1449

Когда пенсию приносят —
Головою не качай:
Ведь ее вполне достаточно
Без сахара на чай! (3)

1450

Результаты перестройки,
Без подсказки, вижу сам:
Хорошо у нас живется
Проституткам и ворам. (5)

1451

Перестройка победила!
Нам теперь уже пора
Перенять солдатский опыт:
Суп варить из топора. (5)

1452

Поголовно все торгуем,
Хоть повсюду дефицит:
Все на рынок побежали,
А рабочий пусть кряхтит. (5)

1453

Кто-то с мясокомбината
Вынес окорок свиной.
В это время проходила
Перестройка в проходной. (5)

1454

По-мичурински мы с милкой
Покорим природу:
Будем с ней употреблять
Солнце, воздух, воду. (5)

1455

И про культ, и про застой
В прессе мы читаем,
А про нынешний бардак,
Как умрем — узнаем. (5)

1456

У Гайдара аж лоснится,
Чуть не лопнет рожа!
А у тех, кто его кормит,
С костей слазит кожа. (5)

1457

А в Америке — расизм,
А в ЮАРе — геноцид,
А у нас, в стране советской,
Стал евреем прежний жид. (5)

1458

Приходили на базар
Пять грузин продать товар.
Уходите поскорей —
Всех обманет вас еврей. (4)

1459

Что глядишь ты так сердито?
Хочешь, дам дворец я свой? —
Ветром шито, небом крыто —
Вот и дом цыганский мой! (6)

1460

Заяц зайцу говорит:
— Нам смелее надо быть —
Волка не бояться,
А самим кусаться! (5)

1461

Демократы нам несут
Новые идеи!
Но ведь сами они все —
Хапуги, прохиндеи! (5)

1462

Жилье продали за гроши —
Радовались чтобы:
Коммунистам — дворцы,
Народу — трущобы. (5)

1463

Видно, корень перестройки
Очень глубоко зарыт:
Бюрократ, но с партбилетом,
Как сидел, так и сидит. (7)

1464

Еще деды говорили:
Чтоб резать — семь раз отмерь!
Мы советы их забыли,
Вот и мучимся теперь. (5)

1465

Коммунисты — просто сами
Перестроились они:
Кого звали мы «вождями»,
Теперь стали «паханы». (5)

1466

К перестройке я примкнул,
Но вышла промашка:
Пояс так я подтянул —
Осталась одна пряжка. (6)

1467

Жизнь добром не обернется,
Голосуй — не голосуй.
Все равно сосать придется
Не конфеты, а свой хуй. (6)

1468

Все сердечко изболело —
Пойду Ельцина спасать:
Ведь не может же на рельсах
Больше года он лежать! (5)

1469

У нас «Партия труда» —
Высокое звание!
Но прут явно не туда —
Хоть меняй название. (3)

1470

Коммунисты к коммунизму
Вели весело народ!
Та же вшивая команда
Нас теперь назад ведет. (5)

1471

Коммунисты, демократы
Ведут к счастию народ,
Но всегда у них выходит
Шиворот-навыворот. (3)

1472

Коммунисты все у власти,
Вводят демократию:
Сами жрут икру и сласти,
А народ — дохлятину. (5)

1473

Демократы-хитрецы
Нам как волки для овцы:
Все награбленное тут
За границу умыкнут. (7)

1474

Раньше пили нашу кровь
Только коммунисты.
Теперь партий развелось
Числом больше триста. (5)

1475

Коммунист сидел на шее –
Кормили с проклятьями.
Теперь грабят они нас
Вместе с демократами. (5)

1476

Это просто дьявол спас
Комшатию-братию:
Придумали перестройку,
Потом – демократию. (5)

1477

Зря поверили в успех –
И ребенок знает:
Павлов нас ограбил всех,
Гайдар – доконает. (5)

1478

Болтают про демократов,
Будто они честные,
Но возьми из них любого –
Жулики известные! (5)

1479

Когда было мясо, щи,
Были мы – товарищи.
Когда кончилась еда –
Стали все мы – господа. (9)

1480

Если бы да перестройку
Так, как надо, проводить –
Демократов к управленью
Невозможно допустить. (5)

1481

Сто спасибо перестройке –
Осчастливила людей:
У вокзала сто палаток –
Нет нигде очередей. (5)

1482

Где – мышей и крыс берут
На опыты разные –
Над людьми у нас творят
Опыты опасные. (6)

1483

Не нужна мне и Аляска,
Хоть даром бы о́тдали,
Но при этом бы в два раза
Цены на хлеб по́дняли. (6)

1484

Почему же демократы
Меж собою ссорятся? –
За горбушку каравая
У кормушки борются. (5)

1485

У нас с партиями часто
Казус получается:
Изменяются названия,
А власть не меняется. (7)

1486

Химзавод воздвигли люди,
И вовсю коптит труба.
Белоснежка скоро станет
Черней, чем Али-Баба! (9)

1487

Все райкомы упразднили –
Только зря старалися:
Ведь у власти те, кто были,
Они и остались. (5)

1488

Коммунистов упрекают:
«Потеряли стыд и честь!»
Демократы-перевертыши –
Они как раз и есть. (7)

1489

Работяги все роптали:
«Хуже всех нам в мире жить».
Демократы доказали,
Что и хуже может быть. (7)

1490

По какой причине вдруг
Кремлевцы разделились?
Демонисты-коммукраты
Из них получились. (7)

1491

Коммунист от демократа
Чем же отличается?
Оба кровушкой народной,
Как вампир, питаются. (7)

1492

До чего нас довела
Демократизация:
В сто раз цены поднялись,
В полраза – компенсация. (5)

1493

Не дай Бог, что коммуняки
В политике победят –
Сразу станет коммунистом
Сегодняшний демократ. (6)

1494

В коммунизм одни вели нас,
Эти – в рынок нас ведут.
Но когда ж эксперименты
Нам плоды свои дадут? (5)

1495

Обещали демократы,
Что нас в рынок приведут.
Оказался из нас каждый
Наглым образом надут. (5)

1496

Ставит опыт власть над нами,
Но мы терпим все равно.
Крест последний даже сняли,
А уж голы мы – давно. (7)

1497

С каждым годом, даже часом
Мы все лучше стали жить:
Поедим картохи с квасом –
Целый день в кишках мозжит. (5)

1498

Жить мы стали по-иному,
Увидали новый свет:
На окошечке решетка
И «намордник» там одет. (3)

1499

Демокристы нам пророчат:
– Народ будет править! –
Всем нам головы морочат,
Чтоб сподручней грабить. (5)

1500

Черт с колдуньей поженились –
Коммунисты появились.
Крутанула с сатаной –
Демократов вышел рой! (5)

1501

Испохабили, подлюги,
Само слово «демократ» –
Хоть название другое,
Правит тот же самый гад. (5)

1502

Демократа званье носят
Сволочи из сволочей!
Ведь они ничуть не лучше
Коммунистов-палачей. (7)

1503

Негодяи одевают
Демократов кожу.
За кощунство за такое
Покарай их, Боже! (7)

1504

Рабочему с каждым часом
Жить становится трудней.
Коммунисты были — черти,
Демократы — пострашней. (7)

1505

Денег нет, а есть свобода —
Я пойду ее продам.
За нее возьму я хлеба,
Ну хотя бы двести грамм. (5)

1506

В грудь колотят — вы не верьте,
Будто это — демократ,
А внимательней глядите:
Он хвостатый и рогат! (5)

1507

Коммунистов банда правила —
Жила богато.
К ней вдобавок появилась
Банда «демократов». (5)

1508

«Коммунисты», «демократы» —
Только маскировка.
Эти мафии народ
Грабят очень ловко! (5)

1509

Эх, елецкого-елец,
Пляшет Ельцин-удалец.
Под дудку пляшет и поет,
Мать-Россию продает. (6)

1510

Открываются повсюду
Банки и конторы!
Их хозяевами стали
Демократы-воры. (7)

1511

Брешут, что Мавроди
И не жулик вроде.
Но откуда же он взял
Свой начальный капитал? (6)

1512

У костюма, как известно,
Есть еще изнанка.
Для нас гласность в перестройке
Ложная приманка. (6)

1513

Хорошо живем сейчас
Мы в эпоху гласности:
Хвалить мафию теперь
Нет никакой опасности. (6)

1514

Основательно все-все
Теперь перестроится:
Даже мафия открыто
За власть в Кремле борется. (6)

1515

В перестройке дал нам черт
Свое покровительство:
Раньше звали «мафиози»,
Теперь — «член правительства». (5)

1516

Перестройку или рынок
Я тогда могу понять,
Когда пользы я имею
Ну хотя б копеек пять. (5)

1517

Ну зачем же перестройку
Надо было затевать,
Если так уж дармоедов
Стало некуда девать?! (5)

1518

Вместе с этой перестройкой
Безобразье началось:
Бездельников, тунеядцев
Сразу увеличилось! (5)

1519

Перестройка принесла нам
Сразу свежую струю:
В рай каждому захотелось
На чужом ехать хую! (6)

1520

Была мафия в подполье –
Будто вовсе ее нет.
С перестройкой, как гадюка,
Она вылезла на свет. (6)

1521

Хорошо бы всех кремлевцев
Да в тюрьму пересажать:
Они все – рецидивисты,
Им к тюрьме не привыкать. (5)

1522

В политике – торгаши,
Жиды, иудеи!
Они навязывают нам
Бредовые идеи. (5)

1523

Демократы поголовно –
Плуты, прохиндеи!
Вот давать бы вам жрать
Одни ваши идеи... (5)

1524

Все райкомы упразднили –
Только зря старались:
Ведь у власти кто и были,
Те же и остались. (5)

1525

Все парткомы распустили,
Но из них, о Боже,
Никто дворником не стал,
Безработным – тоже. (5)

1526

Что нам стоит власть построить?
Спеши лозунги пиши:
«Коммунисты», «демократы», –
Только нет у них души (5)

1527

Работяги все роптали:
«Хуже всех нам в мире жить».
Демократы доказали,
Что и хуже может быть. (5)

1528

Пользы нет от перемены:
«Господа» ль, «товарищи».
Что народом всем копили
То теперь ищи-свищи. (7)

1529

«Коммунисты», «демократы» –
Только маскировка.
Эти мафии народ
Обманывают ловко. (7)

1530

Коммунисты понахапали –
Не знают, где хранить.
Их решили демократы
У кормушки заменить. (7)

1531

У нас власти, хоть и редко,
Друг друга сменяют:
Одни грабили народ,
Другие – обдирают. (7)

1532

Победили демократы –
Только нам не сладко:
Если раньше жили худо,
Нынче – вовсе гадко. (7)

1533

Хорошо мы и не жили,
А вот партию хвалили.
Нынче вовсе скверно жить –
Зато некого хвалить. (7)

1534

Много партий и течений!
Справедливой – ни одной...
Они время в том проводят,
Что дерутся меж собой. (7)

1535

Что в Кремле кипит работа –
Только делают все вид.
Благ там каждому охота,
Больше тяпнуть норовит. (7)

1536

«Вожачки» орут и глушат:
– Лучше партия – моя!!! –
А копни его поглубже:
Иль бандит, или свинья. (7)

1537

Что такое «власть народа»?
И над кем же эта власть?
Людям хуже год от года –
От самих себя пропасть? (5)

1538

Что за скверная житуха,
Что за гадкие дела?
Довели народ до ручки
И раздели догола. (5)

1539

Удивление берет
На коммунистов-хватов:
Себя сами критикуют
В лице демократов. (5)

1540

Большевистское подполье
Сохранилось до сих пор:
Коммунист попрятал в подпол
Больше, чем маститый вор. (5)

1541

Почему же коммунисты
Меж собою ссорятся?
За горбушку каравая
У кормушки борются. (7)

1542

У нас с партиями часто
Казус получается:
Изменяются названья,
А власть не меняется. (7)

1543

У природы все как надо
Не может случиться:
Волчья стая в овец стадо
Ввек не превратится. (7)

1544

Даже взрослый не поймет,
А уж где там – кроха:
Говорят нам: «Хорошо!»
А вокруг-то – плохо!.. (7)

1545

Демократы, коммунисты –
Все вы – мандавошки!
В банк я клал два пуда мяса,
Взял кило картошки. (7)

1546

Не нужны в стране нам больше
Ни Пасха, ни Рождество.
Ведь теперь у нас святые –
Взятки, Блат и Воровство! (3)

1547

Кашпировский, ты же можешь!
Умоляем: помоги! –
С каждым днем еда дороже –
Животы заговори... (9)

1548

В Кремле хохму отчудили,
Ну а нам до смеху ли?
Ведь в Москву против рабочих
Танки понаехали. (5)

1549

Сперва в Белый дом стреляли,
После – стерли Грозный...
Ельцину и вся Россия –
Будто жук навозный. (6)

1550

Были раньше против правды
Тюрьмы иль психушки.
С перестройкой против ней же –
ОМОН, танки, пушки. (6)

1551

Сталин Гитлера разбил,
Хрущев Кубу породил,
Афган Брежнев «покорил»,
Ельцин – Грозный разбомбил. (6)

1552

Демократы нами правят –
Пока шкуру не сдерут:
За границу все отправят,
Потом сами удерут. (5)

1553

Будто некого теперь
И привлечь к ответу:
Развалили всю Россию,
А виновных нету. (6)

1554

Почему властям не верят?
Стоит только посмотреть:
Не стремятся что-то сделать,
А хотят лишь все иметь. (5)

1555

Кто пробрался нынче к власти –
Все живут лишь одним днем:
Мол, нахапаем побольше –
За рубеж потом махнем. (7)

1556

Прохожу я, как хозяин
Необъятной Родины –
Ее недра и леса
Разграблены, проданы. (6)

1557

Накопилось на судьбу
Обид у нас много,
Но не Бог покинул русских,
А русские – Бога. (3)

СТАРИКИ И ПЕНСИОНЕРЫ

1558

Говорят: года – богатство!
Но как это понимать?
Кто – нахапал миллиарды,
Кому – нечего пожрать. (5)

1559

Старики у нас в почете!
Но смотря какие?
Под ремнем «мозоль» – хорош,
На руках – плохие. (3)

1560

Ах, дед, ты мой дед,
На руках мозоли.
У парторга под ремнем
Мозоль-то поболе! (8)

1561

От того, что заработал,
Мне платили с гулькин нос.
А состарился – живу я,
Как бездомный пес Барбос. (5)

1562

Хоть пенсионерка я,
Но девочек не хуже,
Так как талия моя
С каждым днем все уже. (9)

1563

Когда молоды мы были –
В пятистенке новой жили!
Щас я – бабка, он – дедок,
Сгнили пол и потолок. (3)

1564

Пятерых нас воспитала
Наша мама без отца,
А страна нам помогала
По рублю на два лица. (3)

1565

Старики вы, старики,
Головушки седые,
Погонял кто вас – пузан,
А вы все – худые. (3)

1566

Без машины деды жили
И без электричества –
За границу хлеб возили
Большое количество. (5)

1567

Раньше наши старики
Сохою пахали.
А собравшись за столом,
Мясо уплетали. (8)

1568

Пряли прялкой, ткали станом.
Ходят – любо поглядеть!
А сейчас кругом – машины,
А все нечего одеть. (7)

1569

Бабка делала вручную:
Пряла, ткала, шила все,
Чтоб одеть семью большую.
Может, вспомним мы ее? (4)

1570

Поле лошадью пахали,
Молотили все цепом —
Никогда не голодали.
В век машин трудней живем. (8)

1571

Говорит дед: «При царе
Мы сытнее жили:
Скот был разный на дворе,
С мясом щи варили». (5)

1572

Вспоминает старину
Дедушка Вавила:
Хоть весь день спину гнул,
Но в доме все было! (7)

1573

Мы теперь лишь потужили,
Что дедов не слушали:
Все по-новому мы жили —
Теперь фигу скушали! (3)

1574

Бабки каждый год рожали,
Пока не состарились.
А сейчас двух заимели
И с ними запарились. (3)

1575

Как ни странно, дед Никита
Чудаком каким-то стал:
Кормил партию досыта —
Сам под старость обнищал. (6)

1576

Дед за всех один работал!
Знать, была силенка.
А мы двое не прокормим
Одного ребенка. (5)

1577

Ох, как я жалею деда:
Жил он жизнью бедною —
Он работал и кормил
Семью многодетную. (8)

1578

Удивляюсь: как дед жил?
Он, наверно, чародей?
Неграмотный, а кормил
Жену и семеро детей. (4)

1579

Ну ты, дедушка, таков!
Сам себе был господин:
Было десять едоков —
Обрабатывал один! (5)

1580

Вместо трактора — лошадка,
На ногах — лаптишки,
Зато ели, спали сладко
Сами и детишки. (3)

1581

Малограмотные были
Наши деды и отцы,
Но зато строить любили
Храмы, дивные дворцы! (5)

1582

Наши деды не учились —
Хлеб, горох растили.
Чего ж наших агрономов
Тому не учили? (3)

1583

Из лукошка сеяли,
Лопатой зерно веяли,
Не страдали с голоду,
Не мерзли от холоду. (3)

1584

Наши деды без комбайна
Обходилися косой.
Ели вдоволь хлеба, сала,
Не ходил никто босой. (5)

1585

Говорили нам с трибуны:
– Слава вам, рабочий класс!
А состарились в работе –
Внукам, власти не до нас. (5)

1586

Эх, дедули и бабули,
Не лезьте с заботами!
Вы всю жизнь спину гнули,
А что заработали? (7)

1587

Вас партия призывала
На великие дела!
А теперь за труд тяжелый,
Как нищенкам, подала. (7)

1588

Коммунистам-ветеранам
Всем забота и почет:
Он в роскошном доме-даче,
Не в трущобе отдохнет. (6)

1589

Обратилися к нам
На съезде коммунисты:
– Потерпите, старики,
Ну хотя лет триста. (5)

1590

Бабушки-пенсионерки,
Как же мне вас жалко!
Всю жизнь вкалывали даром,
А теперь – на свалку! (3)

1591

Старики-пенсионеры,
Как вы расплодилися!
Вы нужны были Кремлю,
Как в дело годилися. (3)

1592

Мнений быть не может двух,
Честно пусть признаются:
Как от хлама – от старух
Избавиться стараются. (5)

1593

При царе были рабами,
Сохами пахали,
За границу хлеб мы сами
Даже продавали. (7)

1594

Раньше были механизмы –
Лишь соха да борона,
Но была при этой жизни
Вся накормлена страна. (5)

1595

Раньше жили не тужили,
Хоть пахали и сохой,
За границу не ходили
Мы с протянутой рукой. (7)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

1596

Журналиста все труднее
Приходится понимать:
Кому только зад лизали –
Теперь начали ругать. (5)

1597

Мы писателей зовем
Душ всех инженерами.
Ну а я бы их назвал
Просто лицемерами. (7)

1598

Журналисты – не свободны,
И нам надо их понять:
На что жить-то они будут,
Если перестанут врать?.. (5)

1599

Иль вы спали и молчали,
Газетные брехуны?
Как же вы не замечали –
Растащили полстраны?! (5)

1600

Все гадают: анекдоты
Кто же сочиняет?
Небылицами газета
Всегда нас снабжает. (7)

1601

Разве можно отрицать?
Печать – это сила!
В Бога дьявола она
Легко превратила. (6)

1602

Демократия настала,
Время движется вперед:
Проституцию профессией
Газета признает. (5)

1603

Журналист, пиши побольше,
Но знай меру, не греши:
Зачем столько ты навешал
Людям на уши лапши? (5)

II. Семеновна, яблочко

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1

Залп «Авроры» всем
Возвестил Семен:
Власть сменилася –
Другие взяли трон! (3)

2

Опять, Семеновна,
На тебя напасть:
Революция –
И другая власть. (5)

3

Ты ликуй, Семен, –
Твоя настала власть!
Но берегись ее:
Как бы не пропасть. (6)

4

Сорву яблочко,
Золотой ранет.
Революция прошла,
А воли нет как нет. (3)

5

Нам династии, Семен,
Противны царские –
Нам нужны цари свои,
Но пролетарские. (3)

6

Паразит-буржуй
Угнетал народ,
А восстали все –
Нашли других господ. (3)

7

Большевики свою
Провозгласили власть –
Для народа трудового
В том одна напасть. (3)

8

Как в семнадцатом
Власть забрал народ!
А оказалося –
Просто сменил господ. (3)

9

У буржуев власть
Отобрал народ!
Но ее взял себе
Негодяй, урод. (3)

10

Освободили от царя
Русский царский трон –
Туда полезла нечисть
Аж со всех сторон. (3)

11

Разозлились, поспешили
И «Долой царя!».
Потом одумались –
Поспешили зря... (3)

12

– Не желаем мы
Трона царского!
– А не хотите ли
Комиссарского? (3)

13

Не бойся ты, Семен,
Змей-гадюк в лесу –
Опасайся комиссаров:
Они кровь сосут. (3)

14

Зря за власть, Семен,
Свою кровь ты лил:
Ее всю себе
Комиссар схватил. (3)

15

Ох, горька была
Милость царская.
Еще горше власть
Комиссарская. (3)

16

Освободили от царя
Страну огромную!
Партбилетом «венчают»
Как короною! (2)

17

Размахнулися –
Царя скинули!
Потом вслед за ним
Сами сгинули. (3)

18

На нас, грешников,
Бог наслал напасть:
Сатанинское племя
Захватило власть. (3)

19

Ликуй, рабочий класс,
Веселись, гуляй:
Сатана пообещался
Нам построить рай! (3)

20

До революции
Был воришкою,
А теперь он стал
Большою шишкою! (3)

21

Ну, ты даешь, Семен!
Тебя с трудом узнал:
Из мазуриков
Комиссаром стал. (3)

22

Комиссара ты
Берегись, Семен:
Хоть без рог, хвоста,
Но хуже черта он. (5)

23

Самогонку пил,
Был простым воро́м,
А комиссаром стал –
Пьет коньяк и ром! (5)

24

Мы боролися
С врагами старыми.
Закабалилися
Комиссарами. (3)

25

Комиссар идет,
Одетый кожею,
С красной книжечкой
И с красной рожею! (3)

26

Эх, яблочки,
Да недоспелые.
Комиссары против баб
Очень смелые. (3)

27

Нас царь-батя гнул,
И помещик — гнул.
Комиссар благо дал:
Поперек сломал... (3)

28

Кто при царе, Семен,
По тюрьмам шлялися,
Позабирали власть
И враз зажралися. (2)

29

На революцию
Я так надеялся,
Но рабом других господ
Снова сделался. (3)

30

Перебили мы
Сразу всех господ.
Для победителей
Трудяги — просто скот! (5)

31

В боях права забрал
У господ народ!
Гораздо больше прав
В хлеву имеет скот. (3)

32

Был скотом народ —
Семен сменил господ.
Но у тех господ
Всегда был сытый скот. (4)

33

Ты отнял, Семен,
У буржуев власть!
Не придется ли
Тебе с ней пропасть? (3)

34

Ты за власть, Семен,
С баррикад шел в бой!
Опять командуют
Подлецы тобой. (5)

35

Скажи, зачем, Семен,
Такая власть нужна,
Если делает
Все нам во вред она? (3)

36

Эксплуататоров
Мы уничтожили —
До рабства нового
«Счастливо» дожили. (5)

37

Хуже с каждым днем —
Так и надо нам!
Нельзя будущее строить
Доверять чертям. (4)

38

Мы забрали власть,
Но зря старалися:
Были бесправные —
Так и остались. (3)

39

Наш паровоз летит!
Впереди — вождь с рулем.
И никто не замечает:
Не туда мы прем... (5)

40

Гнилое яблочко
Я сорвал, а зря.
Неудачно заменил
Коммунист царя. (5)

41

Ах, яблочко,
Да на тарелочке.
Коммунист отца родного
Ставит к стеночке. (3)

42

Ты был рад, Семен:
Надолго власть берем!
Но пожалеть пришлось
Об этом нам потом. (3)

43

Мы с тобой, Семен,
За власть боролися!
Но на что же мы
Напоролися? (3)

44

Завоевал, Семен,
Себе в бою ты власть,
Но для тебя от ней
Опять одна напасть. (3)

45

Бился яростно
За свою власть Семен,
Но в подчинении
У коммунистов он. (3)

46

Звала нас партия
На революцию!
Себе — золото,
Нам — резолюцию. (6)

47

Освободители
Они себя зовут:
Нас заарканили,
Одели нам хомут. (7)

48

Все хорошие идеи
Испохабили:
Свободу отняли,
А страх оставили. (5)

49

Порядка ждали мы —
Власть возьмет народ,
А дождалися —
Все пошло вразброд. (3)

50

Зачем спешить, Семен,
Было власть менять?
Все равно хомут
Нам с тобой таскать. (3)

51

Мы за власть, Семен,
Насмерть бились!
Для себя же никаких
Прав не добились. (3)

52

Ты свергал, Семен,
С боями царский строй!
Тебе — слава и почет,
А власть взял другой. (3)

53

Себя в бою за власть
Не щадил Семен –
Пришлось отдать ее,
Хоть он и был силен. (3)

54

Ты в борьбе за власть
Не щадил себя!
А теперь ни во что
Не ставит власть тебя. (3)

55

В революцию
Лили кровь рекой,
А в Кремле сидит
Гад такой-сякой! (3)

56

Муж из города
«Капитал» привез!
В землю дом гнилой
По окошки врос... (8)

57

У правителей
Поместья дачные!
Они характером
Зверюги алчные. (5)

58

Ты за власть, Семен,
Так и рвался в бой!
Оказалась власть
Не у нас с тобой. (3)

59

Мы не разрушили
Весь мир насилия –
Несправедливости у нас
Изобилие. (3)

60

Отобрал Семен
У богатеев власть,
Но в кабалу опять
Тебе пришлось попасть. (6)

61

Мы революцией, Семен,
Всегда гордились,
Но в неволе, как и прежде,
Очутилися. (4)

62

Не мог хозяйничать –
Батраком лишь был,
А в Советскую власть
Он всех жить учил. (3)

63

За свободу шли
Мы на мучения.
Победили, но не видим
Облегчения... (3)

64

Висят яблочки
Многоцветные.
Перед властью работяги
Безответные. (5)

65

За революцию
Кровь проливал Семен,
А имеет власть
Коммунист – не он. (4)

66

К добру народному
Начальство тянется,
А трудящимся –
Что останется. (5)

67

Как с начальником
Быть нам равными?
Он все гребет к себе
Руками жадными! (5)

68

В Кремле зажрались,
Заплыли жирком:
Они не мир крепят,
А свой поганый дом. (6)

69

Что мы посеяли,
Что соберем потом —
Для самих себя
У нас секрет во всем! (3)

70

В Кремле правители
С ума спятили:
От рабочих и крестьян
Еду припрятали. (5)

71

Семен на хлеб себе
Чуть зарабатывал:
Перед получкою
Он «Капитал» читал. (4)

72

Довели до сумы
Нас комиссарики:
Жрали мясо, а теперь
Сосем сухарики. (3)

73

К тебе идет, Семен,
За бедой беда:
Революцию свершил,
А суп — одна вода. (3)

74

Семен помещичью
Забрал землю, власть!
И вот пришлось ему
На полку зубы класть. (3)

75

Мы забрали власть,
Докомиссарились:
В ларьке солью одной
Отоварились. (5)

76

Отобрал Семен
У буржуина власть —
Впору с голоду
Теперь тебе пропасть. (3)

77

Как скелет, Семен
Сегодня тощий стал...
А в революцию
Он царя свергал! (3)

78

Ну какой же я
Теперь зажиточный?
Низок минимум
Мой прожиточный. (5)

79

Воля царская —
Еда барская!
Власть народная —
Страна голодная. (3)

80

Эх, яблочко,
Про тебя споем.
Берегися коммуниста —
Он сожрет живьем. (3)

81

Родной власти я
Что могу – отдам!
Сам останусь
В чем ходил Адам. (5)

82

Революция, Семен,
Стала твоей бедой:
Так и донашивай
Свой армяк худой. (3)

83

Усекай, Семен:
Хозяин ты страны!
Порвешь последние –
Снимай совсем штаны. (3)

84

Вместе с Лениным
Семен Зимний брал,
Ну а потом даже
Свои штаны отдал. (3)

85

Эти яблочки
Зовем мы ранними,
Коммунистов-комиссаров
Всех – тиранами. (3)

86

С большевистской бы
Справились бандою,
Но она сильна
Пропагандою! (3)

87

Эх, яблочко,
Куда котишься?
Приласкает коммунист –
Скосоротишься. (3)

88

Коммуниста кто за что
Большевиком назвал?
Он, садясь за общий стол,
Большую ложку брал! (3)

89

Эх, яблочко,
Да надкушено.
Коммунистами Россия
Вся разрушена. (3)

90

Сорву яблочко,
Золотой ранет.
Не зажгли, а погасили
В Кремле правды свет. (3)

91

Видать, с тобой, Семен,
Мы зря боролися:
Со злом билися – на зло
И напоролися. (3)

92

При царе была
Шатия-братия,
А теперь они –
Аристократия! (3)

93

Те, кто за равенство
Агитируют –
На трудящихся
Паразитируют. (4)

94

Кто любит яблочко,
А я люблю вот лук.
Коммунисту честь и совесть –
Лишь красивый звук. (5)

95

По шее дали мы
Эксплуататорам!
А пришли большевики –
И стало хуже нам. (6)

96

Семен, в семнадцатом
Мы зря старалися:
С чем мы дралися –
На то нарвалися. (3)

97

Нас в революцию
Всех оболванили:
Коммунисты все места
В кормушке заняли. (7)

98

Семен, «Интернационал»
Теперь поют везде –
Он, как кукушкино яйцо,
Лежит в чужом гнезде. (5)

99

Убеждены, Семен,
Не только мы с тобой:
Мы с «Интернационалом»,
Как дурак с дудой. (3)

100

За революцию
Семен шел смело в бой,
Но обернулося
Все для него бедой. (3)

101

В боях за власть Семен
Отдал здоровие –
За то два кукиша
Дали здоровые! (5)

102

Победили мы
Богатых бедные:
Были румяные,
А стали бледные. (3)

103

И шестью сотками
Ты не хозяин стал...
А кремлевским гадам
Даже мир весь мал. (2)

104

Мы с революцией, Семен,
Поторопилися:
Было мало у нас прав –
И тех лишилися. (3)

105

Обещают нам
Коммунизма свет,
Но пока все ночь –
Рассвета нет и нет... (3)

106

Все на Семеновну
Ноль внимания.
Достаются ей
Лишь обещания. (4)

107

Паровоз нас мчал –
Мы торопилися!
Не в коммунизме, а в аду
Мы очутилися. (4)

108

Вдали яблочки
Висят-краснеются.
Коммунисты на штыки
Лишь и надеются. (5)

109

Весной яблочко
В десять раз милей!
Буржуи — подлые,
А коммунист — подлей! (5)

110

Надо яблочки
До холодов собрать.
Коммунист не верит в Бога:
Он сам — черту брат. (5)

111

Играть роль ангела
Черт хорошо сумел!
Талант артиста всегда
Коммунист имел! (5)

112

Дед в гражданскую
В беляков стрелял!
Самовар завоевал,
Но комиссар отнял. (3)

113

До чего у нас
Стал народ дурной:
Перепутал он
Божий храм с тюрьмой. (3)

114

Рушат храм у нас
Люди смелые,
Коммунисты-атеисты
Оголтелые! (3)

115

Храмы Божии
Под склады заняли —
Все священное
Испоганили. (3)

116

Растет яблочко,
Сорву — скушаю.
Коммунистов болтовню
Я не слушаю. (5)

117

Наша партия
Чересчур мудра:
Нас ограбили,
А мы кричим: «Ура!» (5)

118

Ветка с яблочком
Отломилася...
Чтоб советская власть
Провалилася! (5)

ЛЕНИН

119

Как яблочко,
Мы царя стрясли,
А корону его
Ильичу снесли. (5)

120

Дай мне яблочко,
Себе возьми сухарь.
А Ильич у нас —
Пролетарский царь. (5)

121

Эх, яблочко,
Да с боку зелено.
Зря меняли мы
Царя на Ленина. (3)

122

Свету белому,
Видать, настал конец:
Сатана для нас
Теперь вождь, отец! (3)

123

Семен, Ленин нам
Открыл все пути!
Под руководством его
Только в ад идти. (5)

124

У нас доверили
Сифилитику
Управлять страной,
Вершить политику. (6)

125

Не жаль яблочек –
Они таковские.
А у Ленина ужимки
Все жидовские. (6)

126

Висит яблочко
И на ветру дрожит.
Почему Ульянов-Ленин
Говорит как жид? (6)

127

Ленин – гений был,
Талантом славился,
Но от еврейского акцента
Не избавился. (6)

128

Со зла яблочко
С ветки палкой сбил.
Почему Ленин немцев,
Как родных, любил? (7)

129

Не одолеть царя
Было бы Ленину,
Если б немец нам
Не объявил войну. (7)

130

Они б Ленину
Быстро сбили спесь,
И спокойно мы
Тогда б жили здесь. (6)

131

Чтоб взять яблочко –
Надо нагнуться ей.
Помогли Ленину немцы
С революцией. (3)

132

Не трудно Ленину
Было власть забрать –
Немцам стоило
Ему денег дать. (3)

133

Броневик стоит,
С него – картавый клич:
К кровопролитию
Всех зовет Ильич. (3)

134

Войну гражданскую
Он в стране разжег,
Уничтожил тех,
Кто для него был плох. (3)

135

Брат на брата шел,
Отец на сына пер –
Ильич от радости
Свои руки тер! (3)

136

«Ленин добрый был!» –
Твердят до сих пор.
Но почему же он
Обожал террор? (3)

137

Не пожалел в лесу
Птенца партийный сыч.
Быть свирепым ему
Дал наказ Ильич! (3)

138

Трудно Ленину:
Часто был в бегах,
А теперь на всех
Сам нагоняет страх. (6)

139

Ильич со всей Руси
И с Татарии
Шваль, мерзавцев, забулдыг
Звал «пролетарии». (3)

140

Рабочим Ленин дал
Их родной завод,
Комиссаров посадил
Он на места господ. (3)

141

По воле Ленина
Создан в селе комбед,
В нем заправляет всем
Один пропойца дед. (3)

142

Разрушил Ленин все
До основания,
А построить чтоб –
Не было знания. (3)

143

Коммунизм Ильич
Кроил и шил – спешил:
Он к подштанникам
Рукава пришил. (6)

144

Не хотел с Господом
Он делить места́
И изгнал у всех
Из сердец Христа. (3)

145

Без сомнения,
Ленин скромный был.
Всего-навсего
Он себя Богом мнил. (3)

146

И делам своим
Был Ленин очень рад,
Когда Святую Русь
Превратил он в ад. (3)

147

С друзьями Ленин смог
Власть, богатство взять,
А народу, кроме бед,
Не мог и капли дать (4)

148

Соединил он их
У себя в Кремле
И дал хозяйничать
На святой земле. (3)

149

Все хорошее
Будто Ленин дал.
А дерьмо Троцкий нам
Тайком в штаны наклал. (7)

150

Ленин Троцкому
Не уступал никак!
Значит, был из них
Один совсем дурак? (5)

151

Живут при Ленине
Плохо одни и те ж.
Не революция это,
А простой мятеж. (3)

152

Много Лениным
Понаписано!
Потому на голове
Большая лысина. (7)

153

Умирал Ильич,
Не завершив дела:
Лишь на Сталина
Надежда вся была. (3)

154

Был у Ленина
Верный друг — жена.
Потрафить Сталину
Не смогла она. (7)

155

Умер Ленин наш —
Остались ленинцы.
Убил Сталин их
И спрятал все концы. (7)

156

Все мы — ленинцы,
А есть и «верные»!
Почему же дела
У всех скверные?! (7)

157

У нас бессмертное
Дело Ленина!
А вот в чем оно? —
Знать не велено. (6)

158

Написал Ильич
Большую кипу книг,
Только пользы я
Не извлек из них. (4)

159

Просился в партию,
Чтоб начальством быть:
Велят Ленина читать —
Уж лучше лед долбить! (6)

160

От портретов Ильича
Нет спасения!
Намозолили глаза
До омерзения. (6)

161

На любой площади,
Куда ни кинешь взгляд,
Везде Ленину
Чучела́ стоят! (6)

162

Сталин Ленину
Самый верный друг!
Но заветы его
Переиначил вдруг. (7)

163

Ленин Сталину
Отдавал наказ,
Но Иосиф начихал
На него сотни раз! (3)

164

На горе стоит
Скульптура Ленина,
«Деревянными» купюрами
Обклеена. (3)

165

К коммунизму шли
Мы не наугад:
Оказалось — вел
Туда нас подлый гад! (5)

ЧЕКА

166

Был очень добрый царь,
Пришлося трон отдать:
Жестоким надо быть,
Чтобы власть держать. (3)

167

Жандармы были бы
Свирепы, как в ЧеКа, —
Революции не было б
Еще века. (6)

168

Ошибался царь:
Что честь и правила?!
А ЧеКа ошибки эти
Все исправила. (3)

169

Своей мягкостью
Царь допустил просчет,
А ЧеКа за горло смело
Весь народ берет. (3)

170

Ветер яблочкам
Нанес большой урон.
Как волков, нас обложил
ЧеКа со всех сторон. (6)

171

Хуже волчьего
У ЧеКа закон:
Обложили нас
Они со всех сторон. (6)

172

Куда ни глянь кругом,
Везде властей рука!
Приказа б не было —
Не лютовал ЧеКа. (6)

173

Не страшны в лесу
Так клыки волка
Или яд змеи,
Как у нас ЧеКа. (3)

174

Мы в революцию
Дрались с «нечистыми»,
Те нам в плен сдались —
Стали чекистами. (4)

175

Все чекисты, говорят,
Много зла творят!
Они являются детьми
Сатанинскими. (3)

176

Как терпит Бог ЧеКа?
Все удивляются –
От чертей они ничем
Не отличаются. (3)

177

В ЧеКа работают
Людишки мерзкие
И их методы
Изуверские. (6)

178

От ЧеКа откупиться
Лишь напрасный труд:
Зачем взятка им?
Они и так возьмут! (3)

179

На Дзержинского
Кремль надеется:
Его зверская натура
Не изменится! (3)

180

Феликс в сказочках
Душой народа был.
Безвинных тысячи
Он и детей убил. (3)

181

Для Дзержинского
Простые спорщики –
Иль предатели,
Иль заговорщики. (3)

182

У Дзержинского
Был один закон:
Глянул в дверь на миг –
Значит, ты – шпион! (3)

183

Нет Дзержинского
Никого умней:
В постели собственной
Ловил предателей! (6)

184

Не знал Дзержинского:
Он, как Цербер, злой!
В нем не кровь течет,
А только яд и гной... (6)

185

Дзержинский много раз
При царе сидел,
За это он царю,
Его семье – расстрел. (3)

186

Зовут Дзержинского
«Железным Феликсом» –
Он упивается
Кровью, как вином. (3)

187

Феликс – друг детей!
А я б сказал о нем:
Осиротил сперва
И приютил потом. (3)

188

Дзержинский искренне
Чужих детей любил –
Ведь он же их отцов
И матерей сгубил. (6)

189

Дзержинский деточек
Обустраивал:
Перед ними он
Свои грехи смывал. (4)

190

Своей партии
Феликс – верный сын!
Им замучен миллион,
А может, не один. (6)

191

Сорву яблочко
Руками чистыми.
Лишь мерзавцев одних
Берут чекистами. (3)

192

До революции
Был подлый вор, бандит.
Теперь заважничал:
Он в ЧеКа сидит! (3)

193

Когда бандитом был –
Носил нож, кастет.
Стал чекист и с наганом
Ходит много лет. (4)

194

Был до недавних пор
В округе первый вор,
Теперь у предЧеКа
Он – своя рука! (3)

195

Когда-то мог любой
Его взашей прогнать,
В ЧеКа работать стал –
Заставил всех дрожать. (3)

196

До революции
Знал лохань, ушат –
Стал чекистом и имеет
Антиквариат. (4)

197

Он не тянул умом
Даже до грузчика,
Но такого дурака
Вполне возьмут в ЧеКа. (3)

198

У чекистов нет
Образования:
Бить, пытать, стрелять –
Вот все их знания. (3)

199

В ЧеКа начальник он,
Хоть дураком дурак,
Но зато – свиреп
И тяжел кулак! (3)

200

В чекисты милый мой
Решил пойти служить:
Законно будет он
Теперь всем рожи бить. (3)

201

Пришла повестка мне,
Мол, явись в ЧеКа...
Затряслися руки, ноги,
И трещит башка. (3)

202

Все с намеками,
Да подковырками...
Прямо скажешь о ЧеКа –
Башка с дырками! (3)

203

Эх, яблочки,
Запеченные,
А чекисты в зверствах
Увлеченные! (4)

204

Чекист привяжется,
Прилипнет как смола!
Ведь любой из них –
Слуга дьявола. (3)

205

Почему в ЧеКа
Так изуверствуют?
Потерять боятся власть,
Вот и зверствуют. (6)

206

Гляжу на яблочко,
И слюнки капают.
Не пойду голосовать –
В ЧеКа сцапают... (5)

207

Эх, яблочко,
В ЧеКа не моется.
Как навозный жук в дерьме, –
Чекист роется. (5)

208

Сорву яблочко,
Снесу учителю,
В ЧеКа сплошь палачи
И мучители. (3)

209

Помыто яблочко
Водой холодною.
Из ЧеКа к кому пришли –
Пой отходную! (3)

210

Это яблочко
Формы правильной.
Из ЧеКа течет река
Крови праведной! (3)

211

Сорт яблочка
Называл – «Китай».
Кто имел дела с ЧеКа –
Не жилец, считай. (3)

212

Это яблочко
Я в траве нашел.
Из ЧеКа с допроса
Я чуть жив пришел. (2)

213

Съем это яблочко
Я дорогою.
Наказанье за пустяк
В ЧеКа строгое! (3)

214

В ЧеКа яблочко
Быстро портится:
Там кривду правдою зовут
И не мухортятся! (3)

215

Давали яблочки
И не перечили.
Отпустили из ЧеКа,
Но искалечили. (3)

216

Плывет яблочко
Вдоль течения.
Чем в ЧеКа, лучше в ад,
На мучения! (3)

217

Это яблочко
«Золотой ранет».
От зверей спасусь,
А от чекистов – нет! (3)

218

Поспело яблочко –
Сорвать стараемся.
Мы чекистов, как зверей,
Опасаемся. (6)

219

О ЧеКа, Семен,
Давно ясно всем:
Там известно даже то,
Чего нет совсем. (4)

220

Перед ЧеКа хотел
Я замести следы:
Но как ни прятался –
Не миновал беды. (5)

221

Сменила гордость я
На омерзение:
Чекист внушает страх –
Не уважение. (3)

222

Говорят, в ЧеКа,
Мол, ошибаются...
Они болью, как садисты,
Наслаждаются. (6)

223

Без мордобития в ЧеКа
Не могут дня прожить:
Им удовольствие –
Беззащитных бить. (6)

224

Попадешь в ЧеКа,
То пиши – капут:
Им попробуй докажи,
Что не ты верблюд. (3)

225

Я попал в ЧеКа
И сам себе не рад:
Зубы выбили, признался,
Что я – черту сват. (3)

226

Ох, и хвалит же
У нас печать ЧеКа!
Не похвалит – согнет
Любого их рука!.. (3)

227

Попал в ЧеКа, Семен, –
То считай, капут...
Доказать невинность –
Там напрасный труд. (3)

228

Все, что надо, в ЧеКа
Узнают в пять минут,
А иначе наизнанку
Душу вывернут. (2)

229

Зачем пустился ты,
Семен, в политику?
На запчасти разберут
В ЧеКа по винтику. (3)

230

В частушке простенькой
Задела власть слегка –
Семен Семеновну
За то сволок в ЧеКа. (6)

231

Мне от яблочка
Довольно малости.
Не в ЧеКа, а у гадюки
Больше жалости. (5)

232

Раскрываемость в делах
В ЧеКа процентов сто!
Там признание любое
Выбьют запросто! (3)

233

Попадись в ЧеКа –
Там «прикурить дают»!
Как черепаху Бог,
Там изуродуют. (3)

234

Я так думаю –
ЧеКа взбесилася:
Обвинили в том,
Что мне не снилося. (3)

235

Побывал в ЧеКа
И тогда понял,
Что вредитель – я...
А то и сам не знал! (2)

236

Со мной провел чекист
Культпросвещение:
Теперь из легкого
Кровотечение... (6)

237

Песни бодрые
О ЧеКа поют,
А там подследственных
Смертным боем бьют. (3)

238

За стеной, в ЧеКа
Тяжкий стон стоял:
Чекист признания
Там выколачивал. (6)

239

Не щадят в ЧеКа
Стариков, старух...
Чекисты зверствуют,
А все им сходит с рук. (3)

240

Хоть внушают нам,
Что в ЧеКа – друзья,
Но обратное
Испытал ведь я. (3)

241

Опасен может быть
Нам осиный рой...
Из лап чекистов вырвался –
Считай, герой. (6)

242

Я побывал в ЧеКа –
И вот жив пока:
Не страшен мне теперь
И самый лютый зверь. (6)

243

Меня не бросили
И не подкинули –
И отец и мать
В ЧеКа сгинули. (3)

244

Чекистов подвиги
Воспел в стихах поэт,
А как стреляли стариков,
О том слова нет. (3)

245

Про героизм ЧеКа
Читаем мы давно,
А как детей убивали –
Не написано. (3)

246

Чекистов славят все,
Гимны им поют!
А к ним в лапы попадут
И замяукают. (2)

247

Чекисты в сказочках
Все благородные,
А узнаешь их —
Псы беспородные. (2)

248

Чекисты — чистые! —
Народ уверили.
Их боялися,
Но им не верили. (7)

249

Понаставили
В ЧеКа на мне следов:
Пять ребер выбили,
Нет четырех зубов. (3)

250

Ох и тяжелая
У ЧеКа рука:
До сих пор болят
У меня бока. (5)

251

Раньше я, Семен,
Был не знаком с бедой,
А побывал в ЧеКа —
Стал как лунь седой. (3)

252

Эх, яблочко,
Ты не катись в ЧеКа:
Милосердных палачей
Не видать пока. (3)

253

Эти яблочки
Утром я срывал.
Тем не страшен черт,
Кто в ЧеКа бывал. (5)

254

Сыплю яблочки
В закрома мерою.
Я сравню ЧеКа с чумой
И с холерою! (5)

255

Блестит яблочко
Что твое зеркало!
Мне ЧеКа мою всю жизнь
Исковеркало. (5)

256

Мы все яблочки
В вазы сложили.
В ЧеКа лучших людей
Уничтожили. (6)

257

Преподают в ЧеКа
Географию:
За двадцать лет тюрьмы
Узнал страну свою. (2)

258

В ЧеКа возможностей
Никому не счесть:
В Магадан, на Колыму
У них путевки есть. (5)

259

На «К» Крым и Колыма
Начинаются,
А условья там заметно
Отличаются. (5)

260

Быстро справился
С делом «липовым»:
На Чукотку я приехал,
А чекисты — в Крым. (5)

261

Был географом
Я совсем плохим...
Мне чекисты доказали:
Колыма — не Крым! (5)

262

Недавно дал понять
Из ЧеКа мне гад:
Кроме «того света» —
На Лубянке ад... (3)

263

Зачем чекисту крест?
Ему нужней звезда!
Не любит счастье он,
Ему милей беда. (6)

264

Если черту бы
Да на лоб звезду,
Ему б чекистом быть,
Не прозябать в аду. (6)

265

Часто наш ЧеКа
Менял название,
Но у волков всегда
Одно призвание. (3)

266

Нашей партии
Ягода — верный страж!
Завиляет он хвостом,
Когда крови дашь. (6)

267

Страж революции! —
Ягоду мы зовем.
В нем нету жалости,
Но много злобы в нем. (3)

268

Ягода партии
Был верен всей душой:
Он ее, а не народа,
Охранял покой. (5)

269

Ежову, Берии, Ягоде
Все мы верили,
Оказалось, они сами
Лицемерили. (5)

270

С мненьем Берии
Всегда считалися —
Его в Политбюро
И то боялися. (3)

271

Шпионы Берии
Везде мерещатся:
Кто с ним встречаются —
От страха крестятся. (3)

272

Подозрителен
Ко всем Берия:
Даже Сталин не внушал
Ему доверия. (2)

273

Был у Берии
Сатанинский взгляд:
Кто на него глядел —
Последний раз глядят. (3)

274

Везде Берии
Шпионы кажутся –
Не миновать тюрьмы,
К кому привяжутся. (6)

275

При царе была
Жандармерия,
А теперь она
КаГеБерия. (6)

276

Эх, яблочко,
Благородное!
О ЧеКа дурное мненье
Всенародное! (3)

277

Зря гордилися
Мы чекистами:
Они знались
Все с нечистыми. (3)

278

Не тряс яблочко –
Само стряхнулося.
Чтоб ЧеКа в крови народной
Захлебнулося! (6)

СТАЛИН

279

Из-за яблочка
Брань затеяна.
Бежит Сталин аж в галоп
На место Ленина. (3)

280

Не везет в царях
Нам на этот раз:
Был не Иосиф, а Иван –
Весь мир боялся б нас! (3)

281

Ленин Сталину
Отдавал наказ:
– Держи в страхе ты
Весь рабочий класс. (3)

282

Ленин Сталину
Оставлял завет:
– Кто не с нами, тех
На тот отправим свет. (3)

283

Оставил Сталину
Ильич такой завет:
– Кто будет рыпаться –
Мне с ним пришли привет! (3)

284

Сталин в клеточку
Сделал белый свет:
Это ленинский
Он выполнял завет. (2)

285

Я за яблочком
На Кавказ лечу!
Сталин ловко показал
Кукиш Ильичу! (4)

286

Сталин Ленину
Клялся курям на смех,
А соратников его
Он уничтожил всех! (6)

287

Сталин Ленина завет
Выполнял точь-в-точь:
Он даже летний день
Превращает в ночь. (4)

288

Лежит яблочко
Насквозь прострелено:
Это Сталин выполнял
Заветы Ленина. (6)

289

В когти яблочко
Заграбастал сыч.
Забыл клятвы Сталин –
Ты, Ильич, не хнычь! (6)

290

Сталин выполнил
Заветы Ленина! –
У меня той ерундой
В хлеву обклеено. (8)

291

Что завещал Ильич –
Сталин выполнил:
Полстраны трудяг
Он в тюрьме сгноил. (2)

292

Сталин свято чтит
Заветы Ленина:
Дорога трупами
Вся устелена... (3)

293

Кто для Руси вредней:
Таракан иль моль?
Троцкий – враг номер один,
А Сталин – номер ноль! (4)

294

Все осталося
На Руси, как встарь:
Генеральный секретарь –
Тот же самый царь. (3)

295

Родной Сталин наш
Родился в горах:
Он внушает всем
Не любовь, а страх. (7)

296

Отец Сталина
Готовил быть попом,
А палачом он стал
Уже сам потом. (7)

297

Чтоб здоровее быть
И в жару, в мороз,
Принимает ванну Сталин
Из народных слез. (3)

298

Сидит Сталин-вождь,
И творцы кругом!
Они столько натворили –
Все стоит вверх дном! (3)

299

На съезд Сталин-вождь
Зовет сынов своих!
Бомбой атомной
Критикнуть бы их! (6)

300

Не зря Сталину
Титул дан – «тиран»:
Он по натуре – волк,
А по уму – баран. (6)

301

Сталин – враг сигар!
Трубку он курил.
Дым крематория
Ему был тоже мил. (3)

302

Нету силы, чтоб
Русь сломить могла!
Постарался Сталин –
Изнутри сгнила... (3)

303

Вдохновитель был
Сталин всех побед!
Но еще более
Натворил он бед. (3)

304

Вывел Сталин нас
На счастливый путь,
Что ни охнуть нам
И даже ни вздохнуть. (3)

305

Хочу яблочко
Я сорвать скорей.
Сравню со Сталиным –
Палач куда добрей! (6)

306

Люблю яблоню,
А не акацию.
Истребляет грузин
Русскую нацию. (6)

307

Сорву яблочко
Не ради шалости.
В сердце Сталина
Нету жалости. (7)

308

На мои яблочки
Чья пасть оскалена?
Узнаю, клыки знакомы:
Оськи Сталина! (3)

309

Глупец яблочко
Не ел, а просто мял.
Сталин тех любил,
Кто был ростом мал. (5)

310

«Пролетарии
Всех зарубежных стран,
Соединяйтеся!» –
Призывал тиран. (4)

311

На съезде партии
Сталин речь сказал,
Но от этого
Сытым я не стал. (3)

312

«Избрали» Сталина
В Верховный наш Совет,
Но там никто ему
Сказать не может: «Нет!» (4)

313

За то Сталину
Ото всех почет:
Он «великие» идеи,
Как блины, печет. (3)

314

Яблок на зиму
Я дома замочу.
Отдал Сталину свой голос,
Ну а сам молчу. (8)

315

Это яблочко
Для товарища,
А свет сталинских идей –
Свет пожарища. (3)

316

Пишет Сталин наш
Очень много книг –
Не брал в руки я
Ни одну из них. (3)

317

Куплю Сталина
Сочинения,
Но не для чтения –
Для отопления. (7)

318

Книги Сталина
Обязан я читать,
Иль придется мне
Кувалдой век махать. (6)

319

Годные яблочки –
Мне на варение.
Зубрю про Сталина
Стихотворение. (5)

320

Труды Сталина
Упорно я учу,
Хоть бросить их в помойку,
От души хочу. (3)

321

Чтоб начальником,
А не рабочим быть –
Надо Сталина
Назубок учить. (6)

322

Купил я Сталина
Все сочинения!
Для красы, Семен,
А не для чтения. (3)

323

Стрясу яблочко,
Ветку я качну.
Книги Сталина купил,
А теперь жечь начну. (3)

324

В гости я, Семен,
Не жду Сталина:
Ведь нежеланный гость –
Хуже татарина. (4)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, КОЛХОЗЫ

325

Эх, яблочко,
Да с дикушечки.
Про колхоз спою вам
Я частушечки. (8)

326

Ленин пахарю
Землю, волю дал,
Ну а Сталин всех
Их в колхоз загнал. (3)

327

Сказал Сталин-вождь:
– Колхоз, владей землей! –
А владеть и не радеть –
То будет толк плохой. (6)

328

Революция
Дала земли надел.
После Сталин все
Сдать в колхоз велел. (3)

329

Эх, яблочко,
На тонкой веточке.
Я в колхоз, а без присмотра
Мои деточки. (8)

330

Иду в коммуну я
С большой охотою:
Я там командую,
А не работаю! (3)

331

Скажи, зачем, Семен,
Меня в колхоз зазвал?
Чтоб я вкалывал,
Ты – на печи лежал? (3)

332

Земля кормилицей
Мне завсегда была,
А стала общая –
Кукиш мне дала. (3)

333

Когда земля своя –
Она, как мать, мила,
А колхозу сдал –
И опостылела. (3)

334

На своей земле
Работать хочется!
Но о чужой родне
Кто ж заботится?! (3)

335

Я сдаю в колхоз
Целый двор скота,
А сосед сдает
Одного кота. (3)

336

Упало яблочко
В кучу навозную.
Кто ругает, а кто хвалит
Жизнь колхозную. (3)

337

Единоличники
В артель собрался,
Но не идут дела –
Как ни старался. (3)

338

Хвалю коммуну я –
Как мне не хвалить? –
Там не работая
Отлично можно жить! (3)

339

Мужик Сталина
На чем свет клянет:
Всех загнал в колхоз,
Как бессловесный скот. (3)

340

Придумал Сталин сам
Колхозный наш устав:
У крестьянина
Никаких нет прав. (3)

341

Любой помещик так
Не обижал слугу,
Как в колхозе мужиков
Сталин гнет в дугу!.. (8)

342

Сталин быстренько
Решил простой вопрос:
Крепостное право ввел –
Образовал колхоз. (3)

343

Краснеет яблочко
Сразу с двух сторон.
Сталин сделал в колхозе
Крепостной закон! (3)

344

Я два яблочка
В чужом саду украл.
По три шкуры Сталин
С мужика содрал! (3)

345

Все колхозное,
А значит, все мое!
Сдаем все лучшее,
А себе – гнилье. (6)

346

У колхозника
Неблагодарный труд:
На сотню вырастишь –
Тебе на рубль дадут. (5)

347

Революцию
С криком «ура!» вершил,
А Сталин голоса
Потом совсем лишил. (5)

348

Много яблочек
В кучи свалено.
Много выслано крестьян
По воле Сталина. (3)

349

Эти яблочки
Гнить уж начали.
Всех по сталинской указке
Раскулачили. (3)

350

Не страшна теперь
Сила кулацкая –
Победит ее
Голь кабацкая! (6)

351

За кулака потел –
Масло, сало ел,
А сам хозяин стал –
Жмых, сухарь сосал. (6)

352

Эх, яблочки,
Вы осенние.
Гонит честных негодяй
На выселение. (3)

353

Мироед-кулак,
Морда ужасная!
Почему же без него
Земля несчастная? (3)

354

Рисовали кулаков
Как кровопийц-клопов,
А посмотри теперь –
Результат каков? (3)

355

От кулаков земля
Освободилася,
Но тьма трутней на ней
Расплодилася. (3)

356

С кулаками беднота
Насмерть сражалася!
Оказалось, что на них
Земля держалася. (3)

357

Мы зажиточных
Всех раскулачили!
Но чего же мы, Семен,
Жить хуже начали? (3)

358

Нам история
Преподнесла урок:
Добро кулацкое
Не идет нам впрок. (8)

359

Горлопанили:
— Кулаков долой! —
Потом поняли,
Что итог плохой. (6)

360

У кулаков добро
Все разграбили —
Не укрепили власть,
А лишь ослабили. (8)

361

«Кулаков, — орут, —
Давно гнать пора!
Нахапали комиссары
Много их добра». (6)

362

На земле сидел
Кулак вредный, злой!
Теперь землю поливаем
Мы своей слезой. (6)

363

Истреблять кулаков
Партийцы начали,
Чтоб на них потом
Мы батрачили. (3)

364

От нужды ведь Сталин
Всех избавил нас:
Где коровушка стояла —
Чистота сейчас. (8)

365

Не пшеница там —
Чертополох растет:
Это Сталин, а не Бог
Нам урожай дает! (8)

366

Молюсь не Богу я,
А отцу-Сталину,
Чтобы ветром не снесло
Хату-развалину. (3)

367

Зовем мы Сталина:
«Вождь, учитель наш!»
Стал дворцом я звать
В деревне свой шалаш! (8)

368

Сколько яблочек
Свиньям скормлено!
Сколько Сталиным крестьян
Поразгромлено! (3)

369

Сталин вкусно ест,
Сладко спит в Кремле,
А мы роемся,
Как жуки, в земле. (3)

370

Это яблочко
Подайте мне сюда!
Согнал Сталин в коммуну –
Деться некуда. (3)

371

Ревут буренушки
С недоедания –
Ушли все скотники
На заседания. (7)

372

Кто по-колхозному
Не пожелает жить –
Всех за Полярный круг:
Виноград растить. (2)

373

Тем, кто к нам в колхоз
Идти не захотел,
В тундре им дадут
Всем большой надел. (2)

374

Семена гнут в дугу:
– Продналог давай!
А насчет яиц –
Хоть свои сдавай. (7)

375

Эти яблочки,
Со шкуркой твердою,
Отбирает начальник
С наглой мордою. (3)

376

Что теперь, Семен,
Зимою будем жрать?
Колоски собрали дети –
Все велели сдать. (6)

377

Как в колхоз вступал –
Я корову сдал,
А комиссар ее
Потом себе забрал. (3)

378

Детишки просят есть,
А молочка-то нет:
Ведь козу мою
Отобрал комбед. (3)

379

Продразверстка нас,
Семен, замучила:
Отобрали семена –
Не сеют полсела. (3)

380

В колхозе яблочки
Уродилися!
Они только в корм скоту
Пригодилися. (3)

381

Эх, яблочко,
Катись к милому.
Мужика видать по виду
По унылому. (3)

382

Мы коммуною
Стали жить теперь:
Один пьет, другой ворует,
Третий злой, как зверь. (3)

383

Наш колхоз, Семен,
Зовут «Светлый путь».
Жаль, что некуда
С него нам свернуть. (3)

384

Эх, яблочки,
Да маринованны.
Государством мужики
Обворованы. (3)

385

Стало много так
У нас в стране коммун!
А управляет в них
Демагог, болтун. (3)

386

Я сравню колхоз:
Что навоза воз.
А колхозники –
Жуки-навозники. (3)

387

Висят яблочки,
Но все зеленые.
А все колхозники –
Закабаленные. (5)

388

Ела яблочко
И поперхнулася.
От работы непосильной
Я согнулася. (8)

389

Когда-то нивушка
Колосилася,
А теперь она
Осиротилася. (3)

390

Порядок нам, Семен,
На селе знаком:
Бабы – спину гнут,
Мужик – учетчиком. (8)

391

Тряхну яблочки –
Успевай сбирай!
Где учет похуже,
Там начальству рай! (5)

392

Ох, Семеновна,
Ты проказница:
Бригадиру подмигнула –
И ударница! (6)

393

Протестует бык –
Не хочет телок еть:
– Хочу в правлении
За столом сидеть! (8)

394

Ты паши, Семен, –
Благо день длинен.
А правление
Даст направление. (8)

395

Мы на колхоз, Семен,
Не обижаемся:
Что собрали колосков –
Тем и питаемся. (3)

396

Государству хлеб
Семен весь отдал –
Выручали колоски,
Что на полях собрал. (8)

397

Семен, я выполнил
Страны задание:
Собираю колоски
На пропитание. (6)

398

У нас не только скот
Выводят класс-пород,
Но и колхозника,
Что без еды живет. (6)

399

Ученый муж в Кремле
Изобрести сумел
Мужика, какой
Работал, а не ел. (6)

400

Ох уж эти мне,
Крестьяне вольные:
Воздух чистый едят,
А недовольные. (6)

401

Живу спокойно я —
Бояться некого:
Как пролетарию,
Терять мне нечего! (4)

402

Худая крыша вся,
И я боюсь дождя.
Пойду на крышу положу
Большой портрет вождя! (2)

403

Семен на тракторе
Катит с вымпелом,
Уркотня, как у мотора,
В животе пустом. (6)

404

Старался ты, Семен,
Все планы выполнить,
Сам колосками с поля
Должен зиму жить. (8)

405

Рецепты новые,
А не старинные:
Из лебеды варю
Щи «лебединые»! (6)

406

Иль земля, иль власть
Заметно портится:
Теперь мужик в селе
Сам не прокормится. (6)

407

Мясо, масло, мед
Сдать полагается,
А мужик с хлеба на квас
Перебивается. (6)

408

Сдавать стране везем
Мы с зерном воза!
А прокормят нас
Огород, коза. (3)

409

Раньше были закрома,
А в них запасы есть.
Зато теперь запас
В стеклянных банках весь. (6)

410

Был у крестьянина
С зерном ларь большой.
Теперь остался лишь
Один карман с дырой. (3)

411

На трудодни дают
Нормы куцые:
Буду суп варить
Из Конституции. (3)

412

Висит яблочко,
Да скоро свалится.
А за «палочки» работать
Не понравится. (3)

413

За колхозный труд
Дали «палок» пуд!
Не огород бы свой —
Хоть подыхай зимой. (8)

414

Много «палочек»
Мне понаписано!
Мне нужны они,
Как бабе лысина. (8)

415

За труд «палочек»
Мне понаставили —
Голодных на зиму
Детей оставили. (3)

416

Село колхозное,
А жизнь постылая:
Не хлеб, а «палочки»
Получила я... (8)

417

Семен премирован
За урожай большой!
Подешевле обошлися:
Одной грамотой... (8)

418

Ну, какой же он
Миллионер колхоз?
На трудодни дают
Всего с гулькин нос. (6)

419

Съест яблочко
И успокоится.
А в мазуте комбайнер
Без мыла моется. (8)

420

Доярка знатная,
В стихах воспетая,
А в дерюгу на праздник
Разодетая... (8)

421

Почет Семеновне —
На доске висит!
Телогрейкой на танцах
Она форсит. (8)

422

Над колхозом всем
Мужик хозяин стал!
Если б было так —
Кто у себя бы крал?! (3)

423

Свинарка Марьюшка
Хорошо живет:
Корм у свиней крадет —
Своим детям несет. (8)

424

У нас все общее,
А не твое-мое.
И мы не пахари,
А сплошь одно ворье. (8)

425

Тракторист Семен,
Как с тобой нам быть?
Даже трактор научил
Ты самогонку пить. (8)

426

Колхоз Сталину
Дал обязательство:
Сдавая трактор в утиль,
Повысить качество. (6)

427

Механизация! –
Нам парторг твердит.
Нет копеечной детали –
Кормоцех стоит. (8)

428

К черту технику!
Только му́ка с ней...
А вот к серпу, косе
Не надо запчастей. (8)

429

Пришел к бабуле я
И у нее прошу:
– Как поставишь самогонки,
Огород вспашу! (8)

430

Заслужил колхоз
Славу громкую:
Коровы доятся
Там самогонкою. (3)

431

Не ждал завфермою
Таких казусов:
Оказалось в молоке
Аж сорок градусов! (8)

432

Катилось яблочко,
Да на поляночку.
Коммунизм в селе сулили
Как приманочку. (7)

433

Эх, яблочко,
Досталось нытику.
Мы не хлеб растим,
А политику. (6)

434

Умнее предков нам
Никогда не быть:
Не по книгам, а по опыту
С землей дружить. (4)

435

Семен в опытах
Чрезвычайно смел:
Скрещивал волка с овцой,
А волк овечку съел. (6)

436

Нам советуют
Люди ученые:
– Огурцы рано рвать –
Еще зеленые! (4)

437

Зерна нет, Семен, –
Зато много вшей!
Собери их в лукошко
И поля засей. (6)

438

Я не дурак-мужик,
Трудиться даром чтоб:
Пусть работает,
У кого медный лоб. (5)

439

Кому как в селе,
Ну а мне везет:
Вот сбесилася корова –
Самогон дает! (5)

440

В колхоз с ревизией
Людей прислал райком:
Интересуют их
Лишь стаканы с вином. (5)

441

Мне тупица из райкома
Указанье дал,
Чтоб я на зиму
Огурцы сажал. (3)

442

У нас от птичника
Доход грошовый стал –
Купили страуса,
Чтобы кур топтал. (6)

443

Перед учеными
Цель огромная:
Как у собак, у кур
Чтоб родословная! (4)

444

Агроном, Семен,
Большую речь толкал!
Только ты на ней
Беспробудно спал. (8)

445

Стало пчел у нас
Меньше каждый год...
Надо мух учить,
Чтоб собирали мед. (8)

446

Спросил Семен вчера
Академика:
– Чем отличается
Сноп от веника? (8)

447

Дал агроном совет:
Картошку не копать –
Ведь весной ее
Все равно сажать. (8)

448

Мы с Семеновной
Соревновалися:
Не корову, а быка
Доить старалися. (8)

449

Выводил гибрид –
Не жалел труда:
У коров, как у баяна,
Сиськи в три ряда! (8)

450

Работал сорок лет,
Но получил конфуз:
Он с маком опийным
Хотел скрестить арбуз. (6)

451

Ох, яблочко,
Ты скажи, как быть?
Сажать табак велят,
А чем детей кормить? (8)

452

Эх, яблочко,
Ты прими привет!
Огород махоркой занят,
А картошки нет. (8)

453

Виной — правительство,
А не мужик-дурак:
На усадьбе заставляет
Всех сажать табак. (5)

454

Пишут колхозники —
Хорошо живут!
Почему ж они из сел
В города бегут? (8)

455

В колхозе, знают все,
Неблагодарный труд.
В города теперь
Из деревень бегут. (3)

456

У нас люди уже
Летают в космосе.
Из колхоза в города
Удирают все. (5)

457

Эх, яблочки,
Распрекрасные!
В магазине и на рынке —
Очень разные. (6)

458

Свиней колхозники
Растят, стараются —
Ими боровы в Кремле
Отжираются! (3)

459

Пусть недалеко нам
До сумы, тюрьмы,
Но зато капиталистов
Не боимся мы! (2)

460

Заветы прадедов
Нам нельзя забыть:
У земли, как у жены,
Хозяин должен быть. (3)

ПЯТИЛЕТКИ

461

Наметил Сталин нам
Пятилеточку.
Не перевыполнил —
Небо в клеточку... (2)

462

Перевыполнил
Пятилеточку —
Пососи за то
Хрен, как конфеточку! (5)

463

Варвар яблочки
Рвал вместе с ветками.
Надоели коммунисты
С пятилетками. (5)

464

Сталин — русский вождь,
Грузин по нации,
«Добровольно» брать заставил
Облигации. (6)

465

Сталин — мудрый вождь,
Но перемудрил:
Гонит нас, рабов,
А накормить забыл. (3)

466

Генералиссимус,
Дорогой ты наш,
Когда вместо орденов
Ты сухарей нам дашь? (1)

467

Как на яблочке
Червоточина,
А такой «отец народов»
Хуже отчима! (8)

468

Дарю милому
Я носовой платок:
— Вышит Сталин там —
Сморкайся, мой дружок! (6)

469

Родного Сталина,
Как палку пес, люблю:
Я на портрет его
Каждый день плюю. (6)

470

Как мне Сталину
Излить беду мою?
Запрусь в комнату
И на портрет плюю! (3)

471

Портрет Сталина
В киоске я куплю:
Шилом я ему
Глаза там выколю! (6)

472

Портрет Сталина
В награду дали мне.
Я прибью его,
Где дыра в стене. (8)

473

На фотографии
Сталин с трубкою!
Но не подружится
Коршун с голубкою. (3)

474

В огороде воронье
Просто замучило...
Поставлю Сталина бюст
Вместо чучела! (8)

475

Скульптуру Сталина
Ставят на площади.
На трактор денег нет —
Пашем на лошади. (8)

476

Что ты Сталина
Зря клянешь, Семен?
От проклятий от твоих
У него крепче сон! (2)

КОНСТИТУЦИЯ

477

Конституция –
Золотой закон!
В буквальном смысле тем,
Кому служит он. (4)

478

В Конституции
Все слова как мед!
А на деле все
У нас наоборот. (5)

479

А без яблочка
И нет веселия!
Пишет Сталин Конституцию
С похмелия! (6)

480

Нам Конституцию
Великий Сталин дал!
Мы ему верили,
А он все наврал. (6)

481

Обсуждал у нас
Весь рабочий класс
Конституцию
Для отвода глаз. (6)

482

Конституция –
Основной закон!
Только служит не тем,
Кому надо, он. (2)

483

В Конституции
Все буквы – золото!
Но ты не верь, Семен, –
Одна брехня про то. (4)

484

В Конституции
Много громких слов:
Не для начальников,
А для нас, ослов! (2)

485

Зря Конституцию Семен
Учить старается:
Она не тем концом
К нам применяется. (7)

486

Потерял Семен
К властям доверие:
Все в Конституции
Сплошь лицемерие. (3)

487

Ты Конституцию,
Зря одобрял, Семен:
Тебе судья – медведь
И тайга – закон. (3)

488

Нам Конституцию,
Семен, сварганили –
После каждую строку
В ней испоганили. (5)

489

Ну скажи, Семен,
У нас закон хорош!
Не исполняется
Он на поганый грош. (6)

490

Все Конституцию
Хвалить стараются!
Негодяи на нее
Опираются. (3)

491

Основной закон –
Слова прекрасные!
А рабочие
Сплошь несчастные. (6)

492

Конституции
Начиталася –
На полгода от еды
Отказалася! (3)

493

Эх, яблочко,
Про тебя споем.
Имею я права
Наравне с жидом.

494

Имеем право на
Образование:
Научат: «Бога нет!» –
Вот и все знание. (3)

495

В Конституции
Тьма красивых слов:
Права в ней равные
Даже для ослов! (7)

496

В Конституции
Статей множество!
Мое право там есть
На убожество. (6)

497

Конституцию
Переиначили:
Не оттуда читать
Ее начали. (3)

498

Конституция
У нас народная:
Голодать, умирать
Я свободная! (3)

499

Права на отдых нам
Даны законные!
Отдыхают больше нас
Заключенные. (2)

500

По Конституции
В правах сравнялися:
Кто в постели, кто под нарами
Браталися! (4)

501

Нам закон дает
Равноправие:
За упокой – кому,
Кому – во здравие. (3)

502

Конституцией
Мне права даны:
В Кремле слуга сидит,
А в дерьме – паны. (2)

503

Ну зачем, Семен,
Тебе так много прав?
Перед начальством ты
Вовек не будешь прав. (4)

504

Чем Конституцию
Сталин нам писал?
Всем обязанности в ней
Он, как права, нам дал. (3)

505

Власти нас, Семен,
Оконфузили.
Закон расширили,
А право сузили. (7)

506

Голосуем «за»
Все мы, как один!
В Конституцию кто верит –
Идиот, кретин. (3)

507

Ведь у нас, Семен,
Теперь понял и я:
Филькина грамота –
Не Конституция. (?)

508

Живем по-сталински:
Мы все – товарищи!
А вот правда где?
Ее ищи-свищи... (3)

509

Что у нас правда есть –
Это, Семен, вранье:
Даже днем с огнем
Не отыскать ее. (4)

ТЮРЬМЫ И ЛАГЕРЯ

510

Не веришь мне, Семен,
То у отца спроси:
«Черный ворон» знали
Мы лучше, чем такси. (4)

511

Растет яблочко
На плантации,
А российский палач –
Грузин по нации. (2)

512

Кому Сталин благодетель,
А кому – палач:
Он приспешникам своим,
Семен, настроил дач. (4)

513

Эти яблочки
Рвут молодчики.
Друзья Сталина –
Лишь доносчики. (7)

514

Сталин часто отдыхает
Во дворце, в Крыму.
Я б у Баренцева моря
Сделал чум ему. (2)

515

Дача Сталина
Почему в Крыму?
Я б барак поехал строить
В Колыму ему. (2)

516

Сталин счастье нам,
Дуракам, кует!
Непонятливых
На Сахалин сошлет. (2)

517

Обижали нас буржуи –
Сталин нас спасал:
За Полярный круг
Нас от них послал. (2)

518

На великие дела
Сталин всех позвал:
Кого – копать канал,
Кого – на лесповал. (2)

519

Кому Сталин был
Всяких благ творец,
А для моих родных
Он – палач, подлец! (3)

520

Сталин к счастию
Наш народ ведет!
Кто упирается –
Он того убьет. (3)

521

Кому пенсия, Семен,
Персональная,
А тебе – казенный дом,
Дорожка дальняя. (6)

522

Пресню «Красною»
Назвал рабочий класс.
Теперь построили
Там тюрьму для нас. (2)

523

Начался за власть
На Красной Пресне бой!
Теперь власть туда б,
В казенный дом, гурьбой. (2)

524

Порядки старые,
Давно известные:
В Кремле – преступники,
А в тюрьмах – честные. (2)

525

Сорта яблочков
Всем известные.
В Кремле – преступники,
А в тюрьме – честные. (4)

526

Лежит яблочко
Под платформою.
Жулик честного сажает –
Стало нормою. (3)

527

Раз народный суд –
Справедливый суд:
Богатых – выпустят,
Бедным – срок дадут. (3)

528

Верчу яблочком
Во все стороны.
В Кремле не голуби,
А злые во́роны!.. (5)

529

Утверждать берусь
На самый крупный спор:
Кладовщик, завхоз –
Это значит, вор. (6)

530

Конституция
«Народным» суд зовет:
Всегда осудят там
Лишь простой народ. (6)

531

Ворую летом я –
Не нужен мне покой!
На Таганке, в Бутырке,
Отдохну зимой. (3)

532

Часто ленинским
Я путем хожу:
Очень часто, как он,
В тюрьмах я сижу. (2)

533

Примеру Ленина
Всегда я следую:
По тюрьмам-ссылкам я,
Как и он, сную. (2)

534

Как Ленин, от властей
Я часто прячуся:
Миллион грабану
И заначуся... (2)

535

Эти яблочки
Только мне одной!
Сидел часто в тюрьмах –
Сталин был блатной! (2)

536

Не путай яблочки
Ты с лимонами.
Я краду по сто грамм,
Начальство – тоннами! (6)

537

Артисты радостно
Поют хвалу труду.
Но не работать я,
А воровать пойду. (6)

538

Своровал, да мало –
Нужно больше брать:
Взял бы много – взятку в зубы
И гуляй опять! (6)

539

Надежда – мертвая,
Вера – обманута...
Тюрьма «колючкою»
Кругом обтянута. (2)

540

Амбар для яблочек
Оказался мал.
А я взял одно –
На десять лет попал. (5)

541

Ведро яблочек
В колхозе я украл,
А иначе бы
Все район забрал. (5)

542

Барских яблочек
Я хотел нарвать:
Попал в милицию –
Получу лет пять. (3)

543

Меня послал «любя»
Мой учитель, друг
Ананасы выводить
За Полярный круг. (2)

544

Был наш Сталин – трус,
Не доверял он всем:
Даже преданного друга
Счел предателем! (4)

545

Посмотрю в кино –
Всем Сталин руки жмет!
А в Лубянке, по ночам,
Людскую кровь сосет... (2)

546

Кому нежно так
Сталин руку жал,
Потом к Берии
На пытки их сажал. (3)

547

Сняли яблочко
Для протобестии.
Сталин трубку закурил –
Жди репрессии. (2)

548

Письмо Сталину
Я от души послал,
А он меня за то
На Колыму сослал. (2)

549

За границею
Забастовочки!
У нас на Север за них
Дают путевочки. (3)

550

Глянец яблочка –
Будто зеркало!
Путевку дали в Магадан:
«Там круглый год тепло!» (5)

551

За колосок один
Мужик несет ответ!
Пол-Союза растащили –
Виноватых нет. (5)

552

Поднял, когда нашел,
Колосок в пыли,
А за это мне
Червонец «всыпали»... (5)

553

После жатвы я
Колоски собрал –
На казенные хлеба
На десять лет попал. (8)

554

Объявил судья
Мне в правлении:
– Собирать колоски –
Преступление! (2)

555

Колоски собрал –
Думал, будет сыт.
За решеткою
Он за них сидит. (8)

556

Верно, яблочко
Пошло не впрок ему:
Сорвал всего одно
И угодил в тюрьму. (5)

557

Просить яблочка
Я к куме пошел.
На работе не украл –
День зазря прошел. (6)

558

Копейки платят нам
За самый тяжкий труд –
Вот и рабочие
Все, что можно, прут. (3)

559

Возьму соды в цеху,
И греха нет в том:
Государство грабит нас –
Мы у него сопрем. (6)

560

Что я с фабрики тащу –
Вины не вижу в том:
У государства не воруем,
А свое берем. (6)

561

Воровством, Семен,
Зовем совсем не то:
Просто мы берем назад,
Что у нас отнято. (6)

562

Мне мелочь разная
Нужна всегда, везде:
Не стащишь с фабрики –
То не найдешь нигде. (5)

563

Гнать из яблочка
Самогон нельзя –
Гоню из сахара,
Хоть и судом грозят. (5)

564

Бережет меня
Моя милиция:
Могу за слово в тюрьме
Очутиться я! (5)

565

Человек ведь я,
Бог язык мне дал.
За этот Божий дар
Я десять лет страдал. (3)

566

Гладил яблочко
Рукою нежною,
А за два слова попал
В Сибирь снежную. (5)

567

У нас ценится
Правда дорого!
За нее Семен
Там, где снега, снега... (4)

568

Парторг задал вопрос –
Я дал не тот ответ...
Стал для меня теперь
В клетку белый свет. (7)

569

У нас гуманнейший
И справедливый суд:
Ляпнул вслух не то –
И десять лет дадут. (3)

570

Что мне не нравилось –
Сказал друзьям о том:
Тюрьма Таганская –
Вот мой казенный дом. (3)

571

Начал было я
Свои права «качать» –
На Колыме пришлось
Десять лет молчать. (3)

572

«Повесьте Сталина!» –
Забыв сказать «портрет».
Получил за то
Тюрьмы пятнадцать лет. (2)

573

Это яблочко
Я себе возьму.
Не отдал я голос Сталину –
Попал в тюрьму. (6)

574

Правдолюб Семен
К правде трудно шел:
Аж под северным сияньем
Он ее нашел.

575

В саду яблочко
Я сорвал и съел.
Ляпнул слово не то –
Получи расстрел!

576

На войне Семен
Смело в бой ходил,
А начальству нагрубил –
Тюремный срок схватил. (6)

577

Семен с войны пришел,
А где жить – не знал.
На просьбу дать жилье –
На нары жить попал. (3)

578

Не по своей вине
Семен в плен попал –
А в своих концлагерях
Сгинул он, пропал. (3)

579

Не по своей вине
К немцу в плен попал.
Домой вернулся я –
Вновь на нарах спал. (2)

580

Ленин часто был
Из тюрьмы в бегах –
Превзошел его
Семен в своих делах. (4)

581

Сталин в тюрьмах был,
Побеги делал там.
Теперь Семен идет
По его стопам. (2)

582

Эх, яблочко,
Да ты пахучее!
Я за проволокой сижу
За колючею... (2)

583

Прости, яблочко –
Я тебя сгублю.
Дайте Родины глоточек:
Я ее люблю. (3)

584

Сейчас бы яблочка,
Да моченого...
Пожалейте, ради Бога,
Заключенного. (2)

585

Эй, товарищи,
Немного в сторону:
Голубок-диссидент
Попался во́рону!.. (7)

586

Говорят: «Палачам
Придет возмездие!»
Но тюремным сволочам
Наград созвездие. (3)

587

Он — тверд как сталь!
Я перед ним как шелк...
Он — «гражданин начальник»,
Я — «тамбовский волк». (7)

588

И в тюряге — шмон,
И на воле — шмон:
Обложили, как волков,
Нас со всех сторон. (2)

589

Комиссар пришел —
В селе сделал шмон:
Все до зерна забрал —
У них тайга-закон. (3)

590

Брат мне яблочко
На свиданке дал:
Только глянул на него —
Вертухай отнял. (2)

591

Ну за что же нам
Своих вождей любить?
Их тюремной баландой
Даже жаль кормить. (7)

592

По карманам шарить —
Жизнь хреновая.
Пошмонать Политбюро —
Добыча клевая! (2)

593

Держит урка в страхе
Большую камеру.
Комиссар, вынув наган,
Как родной брат вору. (2)

594

На нашу голову
Большевики — напасть,
А попадешь в тюрьму —
Там у блатных вся власть. (2)

595

Лучше встретиться
С волчьими стаями,
Чем иметь дела
С вертухаями. (2)

596

Арестант яблочку
И гнилому рад...
Посадил сюда
Его партийный гад!.. (5)

597

Армяне яблочко
Ценят дорого!
А я б родину продал
За кило творога. (5)

598

Лом из рук выпустил
Всего на пять минут —
Вертухай с ружьем
Уже тут как тут! (2)

599

Возьму яблочко
Я в щепоточку,
А кремлевских дармоедов
За решеточку! (2)

600

Сидят на яблочке
Пять комариков.
Вместо нас бы в тюрьму
Комиссариков! (2)

601

Эх, яблочки,
Вас в тюрьму несут,
А кремлевские обжоры
Животом трясут. (4)

602

Эх, яблочко,
Да под пломбою.
Передать бы в ЦеКа
Кешер с бомбою! (2)

603

Вернусь и яблочка
Наемся досыта!
Власть советская,
Будь ты проклята! (5)

604

Эх, яблочко,
Не сорву никак.
А в шарашкиных конторах
Завсегда бардак. (3)

605

Вредитель яблочки
Неспроста гноит.
Станки новые списали,
А старье — стоит. (3)

606

Не жаль яблочко —
Оно дядино.
На издержки спишут,
Что украдено. (3)

607

В ресторанах кто —
Едят и пьют вино.
Место им не там,
А в тюрьме давно. (2)

608

Чтоб власть имущие
Не безобразили —
Загнать под нары всех,
Чтоб не вылазили! (4)

609

Я «избранников»
Так люблю своих!
Из «параши» бы
Напоил я их! (3)

610

Это яблочко
Сменило жительство.
Утопить бы в параше
Все правительство! (2)

611

Негодяями
У нас Кремль полон!
Их бы скопом всех,
Да в Магадан, Семен. (3)

612

Ну и яблочко!
До зимы висит.
Сталин тюрем настроил —
Пусть в них сам сидит! (2)

613

Выпру яблочко
Я бумагою.
Породнился с малых лет
Я с тюрягою. (2)

614

Передо мной опять
Стоит судейский стол:
На работу не берут –
Мол, из тюрьмы пришел. (3)

615

На воле мучает
Привычка старая:
Вместо мебели
Поставлю нары я. (6)

616

Кому Сталин – как отец,
А кому – царь и Бог!
Но Семену он
Осиротеть помог. (3)

617

«Ласки» Сталина
Не все вынесли:
К сердцу так иных прижал –
Кишки вылезли! (6)

618

Хилым сделала
Тюрьма Бутырская,
А была силушка
Богатырская. (2)

619

Я на Сталина
Чуть не молилася!
Что мать, отца убил –
С тем я мирилася. (3)

620

Проклинаю я
Ленина, Сталина:
Из Соловков в тридцать лет
Я как развалина. (2)

621

Дед за эту власть
На баррикадах был!
А комиссар его
На Колыме сгноил. (3)

622

Тобою яблонька,
Сталин, срублена.
Сколько ангельских душ
Тобой загублено! (4)

623

Всюду плач и стон
Кругом слышится:
Так у нас в стране
Легко дышится... (3)

624

Не мог Сталин, мол,
О пытках знать никак.
Тогда точно он
Не мудрец – дурак! (3)

625

Висит яблочко
И не срывается.
Сталин кровушкой народной
Умывается. (3)

626

Сытно, весело
Мы в стране живем:
Со слезами на глазах
Песни все поем... (5)

627

Пока простой народ
Он в тюрьме гноил,
Сам себе памятник
Из чугуна отлил. (3)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

628

Запомни ты, Семен,
Двадцать второй июнь:
О внезапности скажут –
Им в глаза ты плюнь. (1)

629

У нас с Германией
Был мирный договор –
Из-за власти над планетой
Получился спор. (1)

630

Ох уж эти мне
«Печурки тесные»...
В тылу – жулики,
В окопах – честные. (1)

631

Говорят, идет
Война народная:
Одна часть – пьяная,
А та – голодная. (1)

632

Деверь яблочек
Военкому дал,
Чтобы тот его
В тыл служить послал. (1)

633

– Фашистов бей, Семен, –
Им пощады нет! –
В тылу окопнику
Абрам дает совет. (1)

634

Ты иди, Семен,
С немцем смело в бой:
А займется тут
Абрам твоей женой. (1)

635

Ох, какой же был
Я тогда балбес!
За кого шел в бой
И под пули лез? (1)

636

Диких яблочек
Много есть в лесу.
А все тяготы войны
Я, солдат, несу. (5)

637

Печурка тесная,
А в ней огонь горит...
А простой солдат
На снегу лежит. (1)

638

Двадцать яблочек
В лазарет я дал.
Безоружных солдат
Сталин в бой послал. (5)

639

Слушай, яблочко,
Мою критику:
Не оружье изучаем,
А политику. (1)

640

Сорву яблочко
И сам скушаю.
На политзанятьях сплю,
А не слушаю. (1)

641

Много яблочек,
Но они в Кремле.
Я люблю политзанятья –
Подремлю в тепле. (1)

642

Воевать пошел,
Но подальше в тыл:
Не фашистов он,
А баклуши бил. (1)

643

Слушай, яблочко,
Я тебе спою:
Легко в тылу маршировать,
Но тяжело в бою. (1)

644

Дважды яблочки
Не растут в году.
Против танков я
Со штыком иду. (5)

645

В канаву лег Семен –
Кругом растет полын.
Против танка ты
Со штыком, один. (1)

646

С колом шел на танк –
Иль ты, Семен, забыл?
Век трибунал для нас
Страшней фашиста был! (1)

647

Нас немцы – танками,
Нас немцы – пушками,
А мы – матом их,
Да с частушками! (1)

648

Это яблочко
На десерт дают.
Хоть вперед, хоть назад:
Все равно убьют... (1)

649

Эх, яблочко,
Про тебя споем.
Пол-Руси без боя сдали –
С боем вновь берем.

650

Не видать наград,
Как своих ушей,
Кто в окопах муравьями
Истребляет вшей. (1)

651

Не пугай, фашист, –
Мы уже пуганы:
Семен с Крыма в Магадан
С семьею угнаны. (2)

652

Эх, яблочки,
Для полковников,
А в тылу «героев» больше,
Чем окопников. (1)

653

На фронте чуть побыл
И уж снова в тыл...
Солдат Семен не трус –
Он тяжко ранен был. (1)

654

После лечения
Его на фронт опять:
Так повторялося
С ним еще раз пять. (1)

655

Ну какие уж
Ему награды тут?
Где они его
В госпиталях найдут? (1)

656

Какая может быть
О медалях речь?
Ему бы в госпиталь
Иль в сыру землю лечь. (1)

657

Мы — сильней Гитлера! —
Каждый твердо знал...
Он за три месяца
Чуть-чуть Москву не взял. (1)

658

Зачем котел топить?
Зачем солдат кормить?
Говорят, что натощак
Фашистов легче бить. (1)

659

Эх, яблочко,
Отдам голубчику.
Сухарик бы пососать
Вместо супчику. (1)

660

Водку обязаны
Давать бойцу в мороз,
Но начпрод ее
По штабам развез. (1)

661

Абрам раненых
На войне спасал:
От Киева до Сибири
На себе таскал! (1)

662

Боец кровью на войне
Обливается —
Тыловой мародер
Наживается. (1)

663

Семен отрыл окоп,
А вокруг — бурьян.
Зато в тылу Абрам
В тепле сыт и пьян. (1)

664

Горел танкист Семен,
А не Абрам в тылу:
Ему ведь некогда —
Семену пел хвалу. (1)

665

Воевал Семен
И побывал в плену...
Всю войну Абрам в Ташкенте
Любил Родину! (1)

666

И в работе, и в войне —
Еврей всегда в тылу!
Зато черт на них в аду
Будет возить смолу. (1)

667

Дивных яблочек
Хочу попробовать.
Мы потери боевые
Мастера скрывать. (5)

668

Двойных яблочек
Не видал нигде.
В запасном полку сидим
На хлебе и воде. (5)

669

Интенданты – змеи
Подколодные:
Ведь окопники в снегу
Сидят голодные. (1)

670

Девать яблочки
Стало некуда.
За счет убитых лишь
И хороша еда. (1)

671

Почему у нас
Сегодня суп густой?
Пять – убитые,
Остался жив шестой. (1)

672

Дали каши нам
Котелок почти!
Осталось четверо
Из каждых двадцати. (1)

673

Не испугает фриц,
Как ни старается:
Наварил солдат конины –
Обжирается! (1)

674

Не рви яблочко
Неспелым без толку.
Не стреляем – маршируем
В запасном полку. (1)

675

В штабе армии
Столпотворение!
Им прислали санитарок
В пополнение! (1)

676

У меня в боях
Очень меткий глаз:
Своим взглядом я
Уложу двух враз! (1)

677

Налилось яблочко –
Видны семечки.
У меня дома жена,
На фронте – девочки! (1)

678

Эти яблочки
Не скоро портятся.
Как узнают – ППЖ,
Все мухортятся. (1)

679

Это яблочко
На вкус отличное!
У меня есть ППЖ
Симпатичная! (1)

680

У Семеновны
Полно поклонников:
В плен в тылу взяла
Двоих полковников. (1)

681

Нет от Семеновны
Защиты касками:
Уложила целый взвод
Одними глазками. (1)

682

Шла в бой за Родину,
А сейчас пока
Для штабного офицера
Я — как часть пайка. (1)

683

Армейцу яблочко —
Деликатес большой!
Солдат девушку нашел —
Ее отнял старшой... (5)

684

Держу яблочко
Я в своих зубах.
О бабах думают —
Не о боях — в штабах. (5)

685

Мне бы яблочка
Из сада царского.
ППЖ — повыше званье
Генеральского! (1)

686

От тебя, Семен,
Фашистам спуску нет!
Тебя гнул в дугу
Наш Сталин много лет. (6)

687

В снегу товарищ мой
Лежит, скорючился —
Слава Богу, он
Теперь отмучился... (1)

688

Для меня в войну
Сталин был как Бог!
От пропаганды я
Тогда ослеп, оглох. (1)

689

Семен, массовых
Быть не могло измен.
При хороших командирах
Кто бы сдался в плен?! (1)

690

Что нас брали в плен —
Был не Семен виной.
Наградил их Сталин
Ссылкой да тюрьмой. (4)

691

Мой уголовник-сын
К немцу в плен попал:
Я б на Сталина его,
Клянусь, Семен, сменял! (6)

692

Были мы у немцев
Просто пленники.
Дома нас придурок наш
Назвал «изменники». (2)

693

Искал в Германии
Я угнетенный класс —
Лучше русских там
Живут во сто раз! (6)

694

Был я в Германии —
Всего увидел там!
Вот пожить бы так
Нам, победителям! (1)

695

Мы до Германии
Шагали полземли!
Рты разинули:
Как в музей пришли! (1)

696

Удивился я:
У немцев бедных нет!
Там мужик простой,
Как господин, одет. (1)

697

Воевал Семен
И знал: победе быть!
Но не знал: после войны
Негде будет жить. (2)

698

Мы — победители,
А немцы — битые.
Мы — голодные,
А они — сытые. (1)

699

Эх, яблочко,
Да в кадке мочится.
Генералам управлять
Миром хочется. (3)

700

Зовут гордо их
«Орденоносцами»,
А их вправе звать
«Орденопросцами». (1)

701

Рвали яблочки
Мои приятели.
Получили ордена
Прихлебатели. (1)

702

От ветра яблочки
Поотрывалися.
Ордена штабникам
Все достались. (1)

703

Мне бы яблочка
Аромат вдохнуть.
Всю войну в военкомате —
В орденах вся грудь. (5)

704

Эх, яблочко
Покрыто ранами.
Стали все тыловики
Ветеранами. (5)

705

Виноват ли я,
Что инвалид войны?
Мои ранения
Мне одному больны. (6)

706

«В бой за Сталина!» —
Я и сам орал.
Искалечен в бою —
Теперь лишним стал. (6)

707

Старшина — всего
Было звание...
Вот и пенсия —
Одно название. (6)

708

Дождик с яблочка
Всегда пыль смывал.
Инвалид войны
Ордена продал... (5)

709

Кто виноват, Семен,
В том безобразии?
Жид защищал страну
Аж в Средней Азии! (1)

710

В войну победу нам
Абрам в тылу ковал!
Он с Семеном-инвалидом
В правах равным стал. (5)

711

Как писателю
Про войну не врать?
В боях даже знакомым
Не пришлось бывать. (1)

СМЕРТЬ СТАЛИНА

712

Сталин яблоки
Ест минутою.
Скоро Бог его накажет
Смертью лютою?! (3)

713

Как Бога, Сталина,
В стране нашей чтут,
И с большой радостью
Его смерти ждут. (3)

714

Эх, яблочко,
Да на тарелочке,
А вождей, как Сталин,
Пора к стеночке! (6)

715

Я рву яблочко,
А ветка колется.
Как под Сталиным земля
Не расколется? (2)

716

Лучше яблочка
Нету сладости.
Если б Сталин умер –
Было б радости! (3)

717

Сверкает яблочко,
Как хрусталина!
Чтоб отсохли руки, ноги
Оськи Сталина. (6)

718

Я за Сталина
Хоть сейчас умру!
Его встречу я в аду –
Усы выдеру! (8)

719

Не желаю я
На рожон переть,
Но готов Сталина
С лица земли стереть! (6)

720

Я за Сталина
Готов смерть принять:
Вместе с ним себя
Миной чтоб взорвать. (3)

721

Желанья большего
У меня в жизни нет:
Повесить Сталина,
Но не его портрет. (7)

722

Хоть бы Сталина
Разок сглазили:
Из орбит его глаза
Чтоб повылазили! (3)

723

Лез на яблоньку,
Но с нее упал.
Я бы Сталину могилу
Даром выкопал. (3)

724

Сыграл тебе бы я,
Сталин, вождь ты наш,
Не «Интернационал»,
А похоронный марш. (3)

725

Сталин старый стал,
Но с поста не идет.
Его вынесут
Ногами лишь вперед. (6)

726

Красных яблочек
Ваза полненька!
Я за Сталина бы выпил,
Но — покойника. (2)

727

«Шестерки» Сталина
Его смерти ждут:
Кому задницу лизали —
На того плюют. (6)

728

Марта пятого
Я опечалена:
Сам подох — я не успела
Убить Сталина. (6)

729

С великой радостью
Я, Семен, узнал
Долгожданное:
Сталин «дуба дал». (6)

730

Умер Сталин наш...
Но кому печаль?
Притворно слезы льют
Подхалимы, шваль! (6)

731

Радость партия
Хоть раз доставила:
Я увидела в гробу
Родного Сталина! (6)

732

Ой, Семеновна,
Ты с ума сошла:
Хоронят Сталина,
А ты плясать пошла. (7)

733

Умер Сталин наш,
И весь народ рыдал.
Ну а я, Семен,
Целый день плясал. (6)

734

Как любила я
Родного Сталина:
За упокой не свечу,
А кол поставила. (6)

735

Проводим Сталина
Мы в последний путь:
Уже давно в аду
Его черти ждут. (3)

736

Что-то яблочки
В грязи валяются?
Черти Сталиным в аду
Забавляются! (6)

737

Стояла статуя
Родного Сталина,
А теперь она
На свалку свалена. (5)

ХРУЩЕВ

738

Ой, Семеновна,
Я тебе спою:
Вместо Сталина
Хрущева вешаю! (7)

739

А у Семеновны
Все на уме Хрущев:
У ней портрет его
Висит взамен богов. (6)

740

Жди, Семеновна,
И все деньки считай:
Обещал Хрущев
В стране сделать рай. (6)

741

Обещал Хрущев
Для нас построить рай.
А пока я жить
Иду в свой сарай... (6)

742

Ты что, Семеновна,
Перестала петь?
Хрущев строит коммунизм,
Надо нам терпеть. (6)

743

Туман, Семеновна,
И не видать ни зги:
Авантюрист Хрущев
Нам всем коптит мозги. (6)

744

Не верь, Семеновна,
И про Хрущева знай:
Он налогами задушит
И отправит в рай. (7)

745

Спой, Семеновна,
Хрущеву песнь одну:
Он со спутниками вместе
Запустил страну. (6)

746

Запустили спутник
Мы на страх врагам,
А колхозы запустили —
Нам позор и срам! (3)

747

Обогнали мы
Все страны в космосе!
А в колхозе трактора
Поломались все. (8)

748

Нам построить коммунизм –
Обещал Хрущев!
Великий мастер он
Одних красивых слов. (7)

749

Учил, как счастие
Нам свое ковать,
А умеет сам
Лишь языком болтать. (3)

750

Не тужи, Семен,
Что наш вождь – дурак:
Сила есть – ума не надо!
Нам сойдет и так. (6)

751

Дорогой генсек,
Где твои волосы?
На лбу не челочка,
А одни полосы. (7)

752

Зову яблочко
Нежным голосом.
У Хрущева лишний ум
Выпал с волосом. (7)

753

Нету яблочка –
Плакать я готов.
От избытка ума
Облысел Хрущев. (6)

754

Посмотри, Семен,
Все у нас не так:
Умный – трудится,
Руководит – дурак. (3)

755

Обобрал Хрущев
Все республики:
Снизил цены не на мясо,
А на рублики. (7)

756

Полна Америка
Там трущобами,
А у нас жилье
Зовут «хрущебами». (7)

757

Когда генсеком стал
У нас рыбак Хрущев,
Он на консервы нам
Стал ловить китов! (7)

758

Хрущев все учел:
Ввел налог на пчел.
Теперь введет на мух,
На стариков, старух. (6)

759

Как пролез в вожди
Дорогой Хрущев,
Ввел налог большой –
Впору режь коров. (7)

760

В саду ягода-малина
Под закрытием росла –
По хрущевскому указу
Она больше не цвела. (5)

761

Придется яблони
Теперь в саду рубить:
Чем хрущевские налоги
Буду я платить? (7)

762

Чем, Семеновна,
Тебе Хрущев-то плох?
Он не дустом, а налогом
Уничтожит блох! (7)

763

Я «Семеновну»
Все равно пою:
Обложил Хрущев налогом
И козу мою. (7)

764

Хрущев лыс, как хрен,
Зато нету вшей!
Кота налогом обложил,
А вместе с ним — мышей. (7)

765

Нам с правительством
Невезение:
Обложил Хрущев налогом
Сновидения. (5)

766

Несет, Семеновна,
Хрущев тебе беду:
Снизил цены на купюры,
А не на еду. (6)

767

Дорогой Хрущев,
Кукурузный царь,
Ты налогом мужика
По голове ударь! (8)

768

Наш генсек Хрущев
Тем прославился:
В тундру сеять кукурузу
Он отправился! (5)

769

Гордись, Семеновна:
Наш Хрущев каков!
Он сварил из кукурузы
Вместо риса плов. (7)

770

Личность видная,
Всесоюзная!
А если попросту —
Тварь кукурузная. (6)

771

Сладко яблочко,
Но толстокожее.
Хрущева сердце так
С початком схожее. (7)

772

Эх, яблочко,
Да ты хрущевское.
Кукурузу сеять — дело
Дураковское. (7)

773

Умнее предков быть
Захотел Хрущев:
Кукурузой засадить
Он и тайгу готов. (5)

774

Меня послал Хрущев
К медведям, моржам —
Не растет ли, глянуть,
Кукуруза там? (7)

775

Вижу яблочко
Милый мне несет.
Кукурузу где посеяли —
Растет осот. (8)

776

Изучал, Семен,
Агронауку ты –
Почему же с кукурузою
Поля пусты? (7)

777

Наш агроном Семен
Всех удивить решил,
Но кукурузные
Лишь семена сгубил. (7)

778

Кукурузу мы,
Семен, не сеяли:
Не родит она у нас –
Теперь проверили. (7)

779

Кукурузовод Семен
Всем подавал пример:
Засеял десять тонн,
А собрал центнер. (8)

780

Мы увлеклись, Семен,
Кукурузою,
Но обернулася
Она обузою. (8)

781

– Внук! Хорошее
Перенимай с умом:
Кукурузу там не сей,
Где мох растет с трудом. (6)

782

Нас кукурузою
Теперь не удивить!
Давай пробовать, Семен,
Мы ананас растить. (7)

783

Не зря, Семеновна,
Хрущев в ООН сидит:
Он Америку догнать
Без башмаков грозит. (7)

784

Терпи, Семеновна,
И больше вкалывай:
Хрущев Америку догонит –
У нас будет рай. (7)

785

Коль на рабочего
Дармоедов рать,
Нам Америку
Не хватит сил догнать. (3)

786

Не гордись, буржуй,
Своими банками –
А мы поля пахать
Будем танками! (7)

787

Мы в поле хлеб, Семен,
Не для себя растим –
В соцстраны все свезем
Мы друзьям своим. (7)

788

Мы с тобой, Семен,
Пашем, сеем, жнем,
Ну а выращенный хлеб
Мы «друзьям» свезем. (6)

789

Молодец, Хрущев!
Тебя умнее нет.
Под бок Америке
Понавтыкал ракет! (7)

790

Не ограничились
Красивой фразою:
Стала Куба нам
Военной базою. (7)

791

В сивухе мы, Семен,
Понимаем вкус!
Хлеб везем из-за границы
И не дуем в ус. (5)

792

На столе стоит
Бюст Ворошилова,
Но репутация
Его паршивая. (5)

793

В Кремле стук идет:
Молотов молотом
Кует не счастье нам,
А себе золото! (7)

794

Булганин, Молотов
В вожди метили —
Им сторонники Хрущева
«Нет!» — ответили. (8)

795

А интриги те
В Кремле заспинные
Назвали: «Действия
Антипартийные!» (8)

796

Ой, Семеновна,
Не вини — прости:
Лишил Сталина Хрущев
Культа личности. (7)

797

Культа личности
Он его лишил —
На себя его
Нацепить решил. (7)

798

Хвалили Сталина
До неприличности,
Из него делали
Нам «культ личности». (6)

799

Сталин умер — все
Переиначили:
Кто хвалил его —
Ругать начали. (7)

800

Много Сталиным
Понаписано!
В макулатуру все! —
По воле лысого. (6)

801

«В бой за Сталина!» —
Призывали нас.
«Того не стоил он!» —
Говорят сейчас. (6)

802

Хрущев Сталина
В гробу тело нес,
Потом сказал, что он —
Шелудивый пес! (7)

803

Семен, Сталина
Чтил народ всех стран,
А оказалося,
Что он подлец, тиран. (7)

804

Кому памятник
Большой отгрохали –
От него простые люди
Тяжко охали. (5)

805

Не будь допущены
Ошибки Сталиным,
То и ход войны
Был бы совсем иным. (6)

806

Думал я, Семен,
Что Сталин – как отец.
Но оказался он –
Гад, палач, подлец. (6)

807

Где надо плакать нам,
А мы, Семен, поем!..
Видно, задом наперед
Мы в коммунизм идем. (3)

808

Что у руля дурак –
Тут и Семен поймет:
До края пропасти
Чтоб довести народ. (5)

809

Хрущев Сталина
Обосрал кругом,
А сам Брежневу
Скоро стал врагом. (6)

БРЕЖНЕВ

810

Нынче праздничек –
Веселись, Семен:
Генсека скинули,
Хоть и был силен. (5)

811

У Хрущева власть отняли,
Дали Брежневу,
А Семеновне хреново
Жить по-прежнему. (4)

812

Порядки старые,
Хоть власти новые:
В моде не лысые,
А густобровые. (5)

813

Пятеро правили –
И при всех хоть плачь:
Три – плешивые,
С усачом брович. (5)

814

Конституции
Сталин был творец,
А при Брежневе
Ей пришел конец! (6)

815

Имя Брежнева
Носит наш колхоз:
Брови выросли у всех,
Но не растет овес! (7)

816

Сыграл бы «Яблочко» —
Оборвалась струна.
Генсек, Брежнев наш,
Смешнее клоуна. (5)

817

Зачем в цирк идти
Смотреть на клоуна?
Брежнев выступил —
Смеялась вся страна! (7)

818

Мы прогрессивною
Хотим быть страной,
Но народом управляет
Лесной пень гнилой. (5)

819

Брежнев сам не мог
Решить простой вопрос —
Как пень мхом в лесу,
Бровями он оброс. (6)

820

Я над Брежневым
Хохотал до слез:
Он не мохом, а бровями,
Словно пень, оброс! (6)

821

Охрана Брежнева
Всполошилася:
Как бы челюсть у него
Не отвалилася!.. (7)

822

Нарву яблочек
И угощу друзей.
Челюсть Брежнева отвалится —
Сдадут в музей. (6)

823

В Кремле здорово
Живется Брежневу!
А мы голые
Все по-прежнему. (6)

824

С речами Брежнева
Пластинки я купил:
В припадке смеха их
Все до одной разбил. (7)

825

Я был внимательным,
Но мало что понял:
Брежнев речь свою
Зад наперед читал. (6)

826

С трибуны Брежнев наш
Губами шлепает,
А весь зал ему
За это хлопает. (6)

827

Жажду с Брежневым
На экране встреч:
Как по писаному, шпарит
По бумажке речь! (6)

828

С Семеном мы теперь
Уж не приятели:
Пошел к Брежневу
Он в прихлебатели. (4)

829

Есть в Конституции
Статья сто пятая:
К власти двигает
Рука лохматая. (2)

830

Ну какая уж там
Идеология,
Когда всюду и везде
Лишь трепология! (4)

831

Политически
В ЦеКа подкованы:
Мозги цитатами
Нафаршированы! (4)

832

Ты, Семеновна,
Посмотри сама:
Ведь у Брежнева
Подхалимов тьма. (6)

833

Семен, ведь Брежневу
Не сходить «на двор» —
Зализали ему жопу
И теперь — запор. (7)

834

В геройстве Брежневу
На свете равных нет!
Ведь на «Малой земле»
Сошелся клином свет! (6)

835

Рать историков
Пока не ведала:
Когда б не «Малая земля»,
Победы не было! (6)

836

Спасибо Брежневу:
Он целину поднял!
Потом цены на спиртное
Поднимать начал. (6)

837

Брежнев, Семеновна,
Всю целину поднял:
Под ордена свои
Сам себе грудь пахал. (6)

838

Семен, у Брежнева
День Возрождения!
Семьсот дней в году
Для награждения. (6)

839

Семен, а Брежнев-то
В орденах, как псих:
На груди уж места нет —
На жопу лепит их. (6)

840

Гляди, Семеновна:
У дикарей вожди
Тоже любят погремушки
На своей груди. (7)

841

До чего в ЦеКа
У нас таланты чтут!
Напишет Брежнев фельетон —
Ему звезду дают. (7)

842

Семен, а Брежнев-то
Совсем не так уж плох:
Орденов он нахватался,
Как собака блох. (6)

843

Семен, у Брежнева
Все в орденах бока!
Жаль «За дурь» награды
У нас нет пока. (7)

844

Генсека глупых книг —
Миллион — тираж!
Но их даже, Семен,
И в утиль не сдашь. (4)

845

Неужели нам
Мало «братских» стран?
Зачем, Брежнев, шлешь
Ты войска в Афган? (7)

846

В партийной линии
Я сомневаюсь,
Но мысли высказать
Вслух опасаюсь. (5)

847

Нас запугать непросто
Даже пушками!
Но присмирили всех
В момент психушками. (6)

848

Побиты яблочки,
Кем-то стряхнутые.
Против власти прут
Лишь ЧеКанутые. (4)

849

Вместо солнышка
Для нас свет свечи:
Психбольницы как темницы,
Палачи — врачи. (5)

850

Меня от брежневских
Уже тошнит речей:
Он в тюремщиков
Превратил врачей. (5)

851

Слыхал в народе я
Утверждение:
Умрет Брежнев и наступит
Возрождение! (6)

852

До чего генсек
У нас болен, стар —
Он живьем уже
Разлагаться стал. (7)

853

Брежнев к старости
Стал совсем чудной:
Он чужим умом
Правил всей страной. (7)

854

Генсек силен, и с ним
Никто не справится,
От кандрашки он пока
Сам не свалится. (4)

855

Семен чтит Брежнева
Уже десяток лет!
Паутиною зарос
В углу вождя портрет. (7)

856

Над нами властвуют
Не те, кто Зимний брал,
А кто водку пил
И языком болтал. (3)

857

Площадь Красная,
Как рожа клоуна,
К Первомаю вся
Размалевана! (6)

858

В телевизор глянь:
Там балаган идет –
Опять наш генсек
Галиматью несет. (5)

859

По телевизору генсек
Нам зачитал доклад.
Другой канал включил –
Семен футболу рад! (7)

860

На телевиденье
Семен подал протест:
Лучше голых смотреть,
Чем балаганный съезд. (5)

861

Не хочет власть отдать
Молодым старик,
А мы, подвластные,
Все кричим на крик. (6)

862

Мудрость в старости –
Только в сказках так.
Если власть у старика –
Он дураком дурак. (7)

863

У престарелых власть,
Ну а толк какой?
Старику всегда
Нужней всего покой. (7)

864

Весьма заманчиво
Лет до ста расти!
Но зачем в вождях
Торчать до старости? (7)

865

Я от яблочка
Отрежу долечку.
Схороню генсека –
Спляшу «полечку». (5)

866

Смотреть на съезд
Смешно и жаль до слез:
Ведь в президиуме там
Почти у всех склероз. (7)

867

Давно не было
Проливных дождей.
Нет лучше праздника,
Чем хоронить вождей! (5)

868

Давно весь ссыпался
Песок из их порток –
Из Кремля указов глупых
Не иссяк поток. (6)

869

Государство теперь
Стало квелое:
Руководство сплошь
Престарелое. (3)

870

Что от правительства
Ждать, Семен, добра?
В Кремле дом престарелых
Открывать пора. (7)

871

Об уважении
У нас везде твердят,
А старикам почет,
Что в Кремле сидят. (3)

872

Битых яблочек
Куча целая.
В Кремле кодла сидит
Престарелая. (5)

873

За бардак такой,
За страны развал,
«Большой психушкою»
Я бы Кремль назвал. (5)

874

Надоело нам
И наскучило:
На площадях стоят
Одни чучела! (3)

875

Страна родимая,
Как цветник, цветет!
Жаль, плодов она
Так нам и не дает. (4)

876

Академику
Ордена к лицу!
Травим химией землю,
Мать-кормилицу... (3)

877

За убийство нам
Не миновать тюрьмы:
А землю-матушку
Отравили мы... (3)

878

Превращаемся
Мы в дураков слепых:
Травим мы поля,
Как детей своих. (3)

879

Перед потомками
Нам будет очень грех:
Много травим мы
Лесов, полей и рек. (6)

880

Академику
Много наград, похвал!
В селе землю загубил
И ученым стал. (4)

881

Моя Семеновна
Коммунизма ждет:
Когда рак на горе свистнет,
Так и он придет! (5)

882

Перестали мы
Жить своим умом:
Трудно нам, но орем:
«Хорошо живем!» (3)

883

Нас ржавый паровоз
К коммунизму вез:
Хоть и тихо шел —
Свалился под откос. (4)

884

Паровоз пыхтел,
Рельсы гнулися!
А приехали
И ужаснулися!.. (4)

885

Опять по радио
Похоронный марш:
К чертям отправился
Генсек любимый наш. (5)

886

Наш паровоз летел,
Но не тем путем.
Только стрелочник
Виноват во всем. (4)

887

До чего, Семен,
Досозидалися –
У разбитого корыта
Мы осталися. (3)

888

Семен, нас радуют
Во всем успехами!
Набекрень мозги
Уже поехали. (3)

889

Цену дружбе зарубежной
Нам понять пора:
Мы им – хлебушек,
Они нам: «Ура!» (5)

890

Скушал яблочко,
Но совсем не рад.
Без воровства колхоз,
Как без черта ад. (3)

891

Их дело правое –
Знай пописывай!
Жратву припрятали,
А ты отыскивай. (5)

892

Из Кремля слышится
Гимнов пение!
У нас кончается
Предел терпения. (5)

СОБРАНИЯ, ЛЕКЦИИ

893

Собирают нас
На партсобрание,
А что там решат –
Знаем заранее. (3)

894

У нас собрания
Многолюдные:
Слова красивые –
Дела паскудные. (7)

895

На партсобрание
С милым в клуб идем –
Из порожнего в пустое
Мы слова там льем. (6)

896

Не заснуть, как все,
Чтоб на собрании,
Я с собой туда
Беру вязание. (6)

897

Сел в президиум
Старый дед Семен:
Захрапел один раз,
А микрофон включен. (8)

898

На собрание
Нас парторг погнал,
А что было там –
Убей, не помню: спал. (5)

899

Зачем мне ходить
На собрание?
Приятней с миленьким
Голо сование! (6)

900

Политпросветчику
Надо званье дать:
«Великий мастер слов» —
Нам очки втирать. (4)

901

Очень много дают
На собрании:
Мы — обязательства,
А нам — задание. (7)

902

Отдохни, родной, —
Очень ты устал:
На собрании
Большую речь толкал! (5)

903

Зачем на лекцию
Ты, Семен, спешил?
У агитаторов
Язык длиной в аршин. (7)

904

Давай с лекции
Мы, Семен, уйдем:
Заморочили мозги
Они своим враньем. (6)

905

Орут ораторы
На собраньице!
Все равно, как было,
Все останется. (4)

906

Идет в собрании
Обсуждение...
А начальству начихать
На наше мнение! (4)

907

Легко я цирк сравню
С любым собранием:
Встречаем фокусы, ложь
Рукоплесканием. (3)

908

Собранья, митинги
И заседания:
Вранью — овации,
Рукоплескания! (6)

909

На собрании
Мы орем, шумим!
Не бывать у нас
Так, как мы хотим. (7)

ВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ

910

Игра в выборы
Начинается,
Но житье от того
Не улучшается. (2)

911

Что, Семен, думаешь?
Избрать в Совет кого?
Решено давно за нас —
Нам делать нечего. (3)

912

Ведь у нас выборы –
Одно название:
Результат райком
Знает заранее. (3)

913

Наши выборы –
Перевод чернил.
Кому быть избранным –
Райком давно решил. (6)

914

Что зря комиссии
Голоса считать?
Ведь кого избрать –
За нас вверху решат. (3)

915

Мы на выборах
С фактом встретились:
В своем присутствии
Лишь отметились. (4)

916

За границей власть
Избирается,
А у нас она
Назначается. (4)

917

Твердят: «За счастие
Голосовать идешь!»
Но я уверен в том:
Это сплошная ложь. (3)

918

Если б честных мы
Выбирать могли –
Все б в правительстве
Живыми в гроб легли. (6)

919

Может, выбрали б,
Но где честных взять?
Все и умеют лишь
Начальству зад лизать. (6)

920

А поумнеет кто
Или научится,
То он с честностью
Будет лишь мучиться. (6)

921

За свое счастие
Голосовать иду.
Боюсь вместо него
Найду ее, беду... (4)

922

Слуг народа выбирать
Отправляюся,
Но я в честности их
Сомневаюся. (6)

923

Иду на выборы –
Мне думать нечего:
Я из взяточников
Выберу лучшего! (4)

924

Наши правители
Ненавистны всем,
Но на следующий раз
Мы их же «выберем». (2)

925

У депутатов тех
Авторитет высок:
У голодных детей
Рвут изо рта кусок. (2)

926

Сидят на сессии
Мои избранники:
Воры солидные,
А не карманники. (2)

927

С неохотою
Выбирать иду:
Я сам выберу
Для себя беду. (2)

928

Мне на выборах
Очень нравится:
Там буфет хорош —
Пивом славится! (5)

929

И после выборов
Выпить мне не грех:
Обмываю я
Депутатов всех! (4)

930

Я б в такие дни
Пить не отважился,
А на выборах
Пьяный куражился. (7)

931

Для меня теперь
Есть оправдание:
Пью за слуг своих,
За их избрание. (4)

932

Водка в будни
Запрещается,
А на выборах
Все прощается. (7)

933

Вытрезвителя,
Как чумы, боюсь!
А вот на выборы
Вдребадан напьюсь! (7)

934

Я б, как в Америке,
Продал голос мой,
А тут, на выборах,
Я как есть немой. (3)

935

Реализую я
Право голоса!
Довыбиралася и стала
Тоньше во́лоса... (5)

936

Что от того, Семен,
Что голосуешь ты?
Иль что улучшится?
Оставь свои мечты!.. (4)

937

Такого бездаря
Не видел сроду свет!
А мы с тобой его
Изберем в Совет. (6)

938

У всех, кто хитростью,
Семен, пролез в Совет —
Честь и совесть есть,
А вот стыда-то нет. (4)

939

Я всегда его
Звала бабником —
Теперь будет кандидат
Моим избранником. (6)

940

Иль в ЦеКа глупцы,
Или я забыл,
Чтоб на выборах
Какой-то выбор был. (8)

941

Моя бабушка
Не прочтет двух слов,
Вот и выбрала
В сельсовет ослов. (6)

942

Были жулики
И карманники,
Теперь народные
Они избранники! (3)

943

Его знали все,
Как негодяя, мразь —
Теперь на выборах
Ему дадим всю власть! (3)

944

Выбирал у нас
Весь рабочий класс,
А райсовет, райком
Все изменил тайком. (6)

945

Бюллетень я взял,
А выбирать кого?
Стоит фамилия
Там одна всего. (4)

946

Семен на выборы
Только зря ходил:
Из кого же выбирать?
В списке член один! (3)

947

Помоги, Семен —
От дури я умру:
Одного из одного
Никак не выберу! (3)

948

Понял, дурак Семен,
Ты мысли важные:
Избрать и выбирать —
Две вещи разные. (3)

РАБОЧИЕ

949

Мы — рабочие,
И девиз наш — труд!
А у власти кто —
За наш счет живут. (4)

950

У нас принципы
С Семеном твердые:
Мы хоть голодные,
Но очень гордые. (4)

951

Эх, яблочко,
Про тебя споем.
Жид игру на фортепьяно
Называл трудом. (4)

952

Это яблочко
Для беспризорника.
Любой труд у нас почетен,
Даже дворника! (3)

953

У верстака в цеху
Горевал Семен:
– Назову Абрамом сына –
Будет счастлив он. (3)

954

У нас еврей нигде
Не пропадет, Семен:
Торгаш иль музыкант,
Но не грузчик он. (6)

955

В кучу яблочки
Ты не сваливай.
Не работают мозги –
Ломом вкалывай! (6)

956

Я от безденежья
Всегда, Семен, страдал,
Но Маркс тут сжалился
И «Капитал» мне дал. (4)

957

Гнилое яблочко
В помойку выброшу.
В кармане партбилет
Для вида я ношу. (5)

958

Не стоят яблочки
Ни одного гроша.
ОТКа брак пропустил,
И не болит душа. (3)

959

Вкусно яблочко,
Ну, что твой банан!
Не ругают за брак –
Лишь бы гнали план! (3)

960

Смотри, план, Семен,
Выполняется!
А что цифры с потолка –
Не догадаются. (5)

961

Это яблочко
Даже кушать жаль.
Дурака работа любит –
Дать ему медаль! (3)

962

Выходи, Семен,
На ударный труд!
Вместо денежек
Вымпел там дадут. (3)

963

Закусим яблочком,
Если выпили.
Вместо денег бы дать
Начальству вымпелы! (3)

964

Мне дали в премию
Политбюро портрет:
Ни в Кремле, ни на стене
От них толку нет. (3)

965

Надо мной за что
Зам издеваться стал? –
Стул мне в премию дал,
Что лично я собрал. (3)

966

С песней, лозунгом
Я иду в забой!
А вернусь иль нет
Оттуда я домой? (6)

967

Я работаю
Всегда в жару, в дыму,
Но на отдыхе
Не была в Крыму. (3)

968

Крепдешин мы ткем
С своей подругою,
А наряжаемся
С ней драп-дерюгою. (3)

969

Тку шелка, бостон
И все на склад сдаю,
А семье, себе
Все из рогожи шью. (6)

970

Мы работали —
Песни лилися!
А получку получили —
Прослезилися. (3)

971

Мы все счастливые
И терпеливые!
А в колхозе скот
Лучше нас живет! (3)

972

Я — потомственный
Мастеровой кузнец,
Но и бедняк такой,
Как мой дед, отец. (3)

973

Я от радости
Пою песенки:
У нас — субботники!
У нас — воскресники! (3)

974

В начале месяца
По полдня простой,
А потом — аврал:
Спать не хожу домой. (3)

975

Как у яблочка
Мякоть сочная.
Надоела мне работа
Сверхурочная. (3)

976

Бабы, девушки
В рудниках видны,
А в придурках канцелярских
Мужики одни. (6)

977

Чернорабочим был,
Всю жизнь торф копал —
За границу нельзя:
Ты, мол, тайну знал! (6)

978

На терке яблочки
Деды, бабки трут.
Наш завод — артель
«Напрасный труд». (3)

979

Мы с начальником
Часто спорили —
За это именно
Меня уволили. (4)

980

Ну зачем тебе
Нервотрепка, хворь?
Ты с начальником
Зря никогда не спорь. (6)

981

Кто пытается
Правду раз сказать:
Спорить с мастером —
Против ветра ссать. (4)

982

Эх, яблочко,
Как тебя достать?
Не спорь с мастером —
Станешь хрен сосать. (3)

983

Придирки мастера
Я не хотел терпеть —
Объявленья о работе
Вот иду смотреть. (5)

984

Я правоту свою
Доказать хотел —
За это с должности
За один счет слетел. (4)

985

Спорил с начальником —
Все правоту искал,
И вот допрыгался:
Безработным стал. (3)

986

Нам, трудящимся,
Поумнеть пора:
Затрошовые подачки
Не кричать «ура!». (4)

987

Эх, яблочко,
Не утони в реке.
Заработал себе грыжу
Я на фабрике. (3)

988

Углекопу Абрам
Угрожал тюрьмой:
Кило угля в легких
Нес к себе домой. (3)

989

Работал честно я
При любых властях —
Получил взамен
Ломоту в костях. (3)

990

Дорогу к счастью вел
Я сваркой много лет!
А как пойду по ней? —
Ведь я совсем ослеп. (3)

991

До чего у нас
Дорога светлая:
Была — голодная,
Теперь ослепла я. (8)

992

Что нам зря, Семен,
Улучшенья ждать?
На ворюг и на хапуг
Нам не успеть пахать. (5)

993

Всегда было так,
И будет так всегда:
Кто работает —
Ему есть некогда. (7)

994

То, что я делаю,
Куда девается?
Ни в стране, ни у меня
Не прибавляется. (6)

995

Эти яблочки
Прихватил мороз.
Я – страны своей хозяин,
Хотя гол и бос. (5)

996

Голод яблочком
Утолить могу.
За коркой хлебушка
За десять верст бегу. (5)

997

Пора профессию
Мне давно менять:
С рукой протянутой
Не стыдней стоять. (6)

998

Во всем Пушкин прав,
Но ошибался тут:
Просто зря пропал
Теперь наш скорбный труд. (6)

999

Аркан на яблочко
Накину, чтоб сорвать.
С арканом сам хожу
Все свои сорок пять. (5)

1000

В вагонах давимся,
В очередях торчим –
Хоть и не нравится,
А все равно молчим. (6)

1001

Наш отличается
Рабочий полностью
От зарубежного
Своей покорностью. (6)

1002

Наш народ привык
К угнетению –
Не видать конца
Его терпению. (3)

1003

Не в диковинку
Нам глумление:
У рабочих в изобилии
Терпение. (3)

1004

Бросай кирку, Семен, –
Руководить пойдем:
У нас легче жить
Не своим трудом. (3)

ВЛАСТИ И ТРУДЯЩИЕСЯ

1005

Народ и партия
Отождествляются!
Этот – командует,
Те – подчиняются. (5)

1006

Ну и яблочко –
Больше чайника!
У рабочих меньше прав,
Чем у начальника. (6)

1007

Умней начальника
Захотел ты стать?!
У станка стоял –
Иди снег копать! (5)

1008

Семен, евреи врут,
Что людей создал труд.
А кто же их создал,
Кто век труда не знал? (7)

1009

Пролью пота на десятку,
А мне рубль дадут:
Ведь все начальники
За мой счет живут. (3)

1010

Ты дурак, Семен,
А Абрам – хитер:
У него перо в руках,
А у тебя – топор. (3)

1011

Возражать, Семен,
Бесполезно мне:
Ты еврея с молотком
Не видел и во сне. (3)

1012

Милый яблочки
Мне сейчас несет.
Для дармоедов ЦеКа
Мы – рабочий скот! (6)

1013

Призывают нас
Уголек рубать
Те, кто с маслицем
Икру будут жрать. (4)

1014

Абраму – курочку,
Тебе, Семен, лучок.
У тебя – пила,
А у него – смычок. (6)

1015

Углекоп в пыли,
Вечно в сырости –
Чтоб правители
Жили в сытости. (4)

1016

Землекопом или грузчиком
Семен идет...
Если нет еврею выгоды –
С тоски умрет. (6)

1017

Объясните мне,
Поп, мулла, Аллах:
Господа – в дерьме,
А слуги все в шелках! (4)

1018

Абрам в опере,
Как соловей, поет,
А Семен в кузнице
Ему сундук кует. (3)

1019

Уничтожили
Холуи господ,
А подытожили:
Нам-то дышло в рот! (5)

1020

Средь лесорубов я
С большой получкою!
Не с пилой в руках,
А с авторучкою. (3)

1021

Все рабочие
У нас — ударники!
У начальства потому
Сплошные праздники. (4)

1022

В смазке весь Семен,
И тебя мне жаль...
А у станка еврей —
Просто невидаль! (3)

1023

Я — надрываюся,
Он — в потолок плюет —
Из кассы поровну
Он со мной несет. (3)

1024

Меня начальник наш
Не любит, как врага:
Он мне за критику
Обломал рога. (2)

1025

На недостатки я
Ему лишь намекнул —
Меня за критику
В бараний рог согнул! (5)

1026

Давно усвоили
Мы политику:
Сживут со свету
Тебя за критику. (3)

1027

Прошу тебя, Семен, —
Зря не спорь с жидом:
Игру в шахматы
Считает он трудом. (7)

1028

Начальник цеха наш
Для нас всех — гроза!
К нему войдешь — орет:
— Не мозоль глаза! (7)

1029

Директор нужен нам,
Пробивной был чтоб!
Изберем его —
У него медный лоб. (6)

1030

Не будет будущего,
Нет настоящего...
Горе нам от ума
Руководящего!.. (4)

1031

У начальников
На полу паркет,
А в моей хижине
Даже пола нет. (2)

1032

Я резал курицу,
Делить начальник стал:
Мне дал голову и ноги,
Сам остатки — взял. (5)

1033

Ты закрой, кассир,
Свое окошечко —
Начальник много получил,
А я — немножечко. (3)

1034

Из последних сил
Креплю власти мощь!
Они там — жирные,
А я — тощ, как хвощ. (6)

1035

Мы строим коммунизм,
Но не сразу весь:
Для нас только план,
А в Кремле он есть. (7)

1036

Народ — хозяева,
А депутат — слуга.
Слуга в хозяине
Всегда мнит врага. (5)

1037

Что депутаты врут,
И дурак смекнет:
Хозяин — голоден,
Слуги — в три пуза жрут! (5)

1038

Коммунизм у нас
Строят много лет.
Мне ж в общежитии
Пока места нет... (5)

1039

Мы дело начали
Не с того конца:
Сажают умными
Руководить глупца. (3)

1040

Понастроили хором
ВеКаПеБешники,
А рабочим комнатенки
Со скворешники. (4)

1041

Хлеб колхозники
Растят-стараются,
Ими собранным в Кремле
Распоряжаются. (5)

1042

У тебя, Семен,
Есть власть законная!
Но почему твоя
Семья бездомная? (7)

1043

Власть рабочая
И крестьянская,
Ну а жизнь при ней
Семену рабская. (7)

1044

Семен лозунг нес:
«Власть трудящимся!»
А на деле-то
Она в райкоме вся. (6)

1045

Верю, яблочки
На пользу будут мне.
Жрет начальство наяву их,
А я — лишь во сне. (5)

1046

Семен, мы власть свою
Все совершенствуем:
Нищаем год от года,
Но довольны всем. (3)

1047

Наверху — нарком,
А под ним — райком,
В подвале — мы живем,
Ишачий хуй сосем! (5)

1048

Все, что задумано,
Осуществляется:
Семен трудится,
Власть наслаждается. (6)

1049

Наша власть умна!
А народ – дурак:
Накормил ЦеКа,
Сам свистит в кулак. (5)

1050

Бежать за яблочком
Я за семь верст готов.
На одного пахаря –
Семь кремлевских ртов. (5)

1051

Бедняк яблочки
Видит лишь во сне.
Бездарь – плавает,
А талант – на дне. (5)

1052

Абрам льгот просил:
– Я ведь шахтером был –
Семен кайлом рубал,
А я – учитывал! (5)

1053

Мы живем в стране
По справедливости:
Власть народу дает
Крохи милости. (5)

1054

Ты, Семеновна,
Веселися всласть!
Ну а кушать не проси –
А то рассердишь власть. (5)

1055

Ты, Семеновна,
Раскрасавица!
А вот критика твоя
Властям не нравится. (3)

1056

Ты в стране, Семен,
Стал хозяином!
У тебя – сарай,
А у начальства – дом. (6)

1057

Не пойму никак,
Не приложу ума:
Зачем мясо институту?
Там баранов тьма! (4)

1058

Коммунисты нам
Обещают рай!
Себе – хоромины,
А народ – в сарай! (5)

1059

У нас все, Семен,
Общенародное!
Пастух жрет и пьет –
Стадо голодное. (3)

1060

Вожди разные –
Идут одним путем:
Себе нахапают,
А народ – потом. (2)

1061

Семен сосиску нес –
Его поймал вахтер,
А Абрам со склада
Тонну мяса спер. (5)

1062

За колосок, Семен,
Тебя ждет беда!
В ЦеКа тяпнут миллион –
Над ними нет суда. (2)

1063

Семен гвоздик стащил
И враз попал под суд.
А евреи не воруют —
Они так берут. (3)

1064

Разуверился
Семен во всех властях:
Они в лаковых сапожках,
А он все в лаптях. (4)

1065

Семен стащил кирпич —
К нему строг закон!
Зачем Абраму воровать?
Всему хозяин — он! (6)

1066

У нас в Кремле, Семен,
Для всех один закон:
Твои — способности,
А их — потребности. (4)

1067

Как же так, Семен,
Все получается:
Кто — пухнет с голоду,
Кто — поправляется? (4)

1068

Семен болты ковал,
А Абрам — считал.
Когда расчет настал —
Абрам богаче стал. (6)

1069

Уж какая там,
Семен, совесть, честь,
Когда нечего
Моим детишкам есть. (3)

1070

Семена радует
Алый цвет знамен!
Славит партию,
Хоть и голодный он. (3)

1071

Вместо месяца
Дал план за двадцать дней!
На доску Почета Семку,
Абрам с премией. (6)

1072

Ты копаешься, Семен,
Как червяк, в земле,
Чтобы, как в раю,
Жить могли в Кремле. (7)

1073

Где же тут, Семен,
Хорошо нам жить?!
Коммунист привык
Все к себе тащить. (3)

1074

С горькой жалобой
Я пошел в Совет —
Помог вежливо
Мне пинком зампред. (3)

1075

Как начнется съезд —
О нем орут везде!
Ну а ты, Семен,
Так и живешь в нужде. (5)

1076

В реке Семен-рыбак
Осетров ловил,
А Абрам его за них
В своих стихах хвалил. (6)

1077

Нам мозги, Семен,
Всегда морочили,
А мы за этих болтунов
Камни ворочали. (5)

1078

Строим счастие
С соседом мы вдвоем:
Я — лишь лопатою,
Он — золотым пером. (4)

1079

Завербовал меня
Еврей на лесповал,
А сам спокойненько
В Москве икру рубал. (3)

1080

Кто ездил в легковых,
А мы — трамваями.
Переполнен Кремль
Негодяями! (7)

1081

Возьму яблочко
Я на вилочку.
Коммунисты жрут икру,
А мы — килечку. (5)

1082

Там — подчиненные,
Тут — власть имущие,
Там — бесправные,
Тут — всемогущие! (4)

1083

Апельсин с яблочком
На столе лежит,
А есть могут их
Коммунист и жид. (5)

1084

Хороши у нас
Показатели:
Народ тощ, а в ЦеКа
Распузатели! (4)

1085

В Кремле бросаются
Абрикосами,
А мы кормимся
Их отбросами. (5)

1086

Законодатели
У нас хитрят, ловчат,
А все запуганы
И по углам молчат. (5)

1087

Светлой радости
Мы строители!
А командуют стройкой
Расхитители. (5)

1088

Говорят: «У нас
Власть народная!»
Не у власти кто —
Толпа голодная! (3)

1089

Мы правителям
Бананы в рот суем,
А кормим в праздники
Своих детей гнильем. (6)

1090

Свиней яблочком
Я кормил гнилым.
Власти грабят народ,
А мы: «Спасибо!» — им. (4)

1091

Не ленись, Семен –
Побольше вкалывай!
Не едят евреи сала –
Им икру давай! (5)

1092

У всех правителей
Привычка вредная:
Себе – монета золотая,
А нам – медная. (6)

1093

У мартеновских печей
Семен совсем ослеп –
Дал Абрам ему пособие
На квас и хлеб. (3)

1094

С коммунистами
Думал: «В рай иду!»
Они – блаженствуют,
А я опять в аду. (5)

1095

Коммунисту нужны
Витамины «С»!
Нам – картошку, квас,
Им – яйцэ, маслицэ. (2)

1096

Коммунист икру
За обедом ест,
А рабочий ее «мечет»,
Как получка есть. (6)

1097

Парторг клялся мне:
В коммунизм ведут!
А для верности
Мне одел хомут! (5)

1098

Нам, дурням, партией
Указан верный путь,
А мы сдуру норовим
Все с него свернуть. (5)

1099

Кому холодно,
А я в мороз терплю:
Вожди книг понаписали –
Я семь зим топлю! (6)

1100

Что зря горло драть
Или волком выть?
Ведь по-нашему
Все равно не быть. (3)

1101

Не будем мы, Семен,
По-человечьи жить:
Нам кремлевскую ораву
Все трудней кормить. (3)

1102

Нам на мозги, Семен,
Кремлевцы капают:
Мы все трудимся,
А они – хапают. (7)

ВОЖДИ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

1103

Цари – русские,
Ханы – татарские,
А вожди у нас –
Пролетарские! (3)

1104

В революцию –
Много шухеру!
К власти сразу понесло
Всякую шушеру. (4)

1105

При царе отец
Митинговать привык!
Победили коммунисты –
Поприкусил язык. (4)

1106

Шли в бой за партию:
Они нам власть дают!
А теперь над нами
Они властвуют. (6)

1107

Чем от дедов, Семен,
Мы отличаемся?
Не царю мы, а вождю
Все подчиняемся. (2)

1108

Блестят яблочки,
Будто лаковы.
Что цари и что генсеки –
Одинаковы. (5)

1109

Богатыри Руси
Чтились народами!
А теперь наша власть
Полна уродами. (3)

1110

Семен, хреновые
Теперь пошли вожди:
Ведь от них добра
Никогда не жди. (2)

1111

В Кремле – гады все!
От вас добра не жди.
Из-за вас, вожди,
Идут слез дожди. (5)

1112

У зверей, Семен,
Вожак умнее всех!
А у нас вожди
Порой курям на смех. (2)

1113

У нас меняются
Каждый год вожди,
А хорошего
Ни от кого не жди. (6)

1114

Ты что, Семеновна,
Иль твой ум ослаб?
У нас в правительство
Не допускают баб. (5)

1115

И вождю, Семен,
Совсем не сладко жить:
За кресло-трон свое
Он день и ночь дрожит. (6)

1116

Ленин лез на броневик –
Мы все гордилися!
Сейчас вожди броней
Оттородилися. (2)

1117

Хоть вожди у нас
Не избираются –
Они сами, как поганки,
Появляются. (6)

1118

Президент у них
Избирается,
У нас гад в генсеки
Пробирается. (6)

1119

У нас вожди, Семен,
В стране владеют всем!
Им ведь думать о народе
Ни к чему совсем. (6)

1120

В друзья трудящимся,
Как полагается,
Негодяи и мерзавцы
Набиваются. (6)

1121

В коммунизм ведут
Нас мошенники
И в намордник,
И в ошейник. (5)

1122

Не ест жиров Семен
Подряд два месяца,
А в Кремле вожди
От жира бесятся. (2)

1123

Царь был готов, Семен,
Предкам честь отдать,
А у нас вожди друг друга
Готовы́ сожрать! (7)

1124

Всему миру мы
Непонятные:
Меж собой наши вожди –
Враги заклятые! (5)

1125

Мы вождям своим
Всегда верили,
А они во всем
Лицемерили. (2)

1126

Революцию, Семен,
Не повернуть назад –
И в политике, и в жизни
У вождей разврат. (3)

1127

Богатырей у нас
Всегда чтил народ,
А теперь вожди –
Зверь, палач, урод. (5)

1128

У нас, Семеновна,
На вождей напасть:
Как игрушку, друг у друга
Отнимают власть. (6)

1129

Ликуй, Семеновна!
С вождями нам везет:
Один вправо, другой влево,
Третий взад ведет. (6)

1130

У нас вожди, Семен,
Не гениальные,
А просто наглые
И нахальные. (2)

1131

Высокой, зубчатой
Кремль обнесен стеной:
Коммунистический
Там установлен строй! (6)

1132

Теоретиков
У нас полным-полно!
За забором их дач
Коммунизм давно! (5)

1133

Всегда гордилися
Мы запасами:
Круглый год в Кремле
С ананасами! (5)

1134

Осетрину у нас
Делят поровну:
Икру, тушу — в ЦеКа,
Рабочим — голову! (5)

1135

Пока мы думали,
Пока мы спорили —
Коммунизм в Кремле
Уже построили! (5)

1136

Висит яблочко
Рядом с грушами.
Все в Политбюро —
С гнилыми душами. (4)

1137

Зря, Семеновна,
Ты теперь благ не жди:
Их забрали, поделили
Меж собой вожди. (3)

1138

На Мавзолей взошла
Вождей большая рать!
А я б не сел, Семен,
С ними рядом срать. (3)

1139

Съела яблоко
И запоносила.
Я бы на Политбюро
Бомбу бросила. (5)

1140

Встречаем радостно
Цветами, флагами
Тех, кто пользуется
Земными благами. (4)

1141

Там «паразит» зовут,
Кто наживается,
А у нас — член ЦеКа
Он называется! (5)

1142

Аромат яблочка
Учую издали.
Вождям чугунные
Ставят идолы. (5)

1143

Сняли колокол –
Вождям бюсты льют!
С омерзением
Теперь на них плюют. (3)

1144

Сидят в Кремле, Семен,
Руководители:
Там не строители,
А разорители. (3)

1145

Запомни ты, Семен:
Руководители
Для народа мародеры
И грабители. (6)

1146

Кто потерял, Семен,
Свою совесть, честь –
В руководители
Норовят пролезть. (3)

1147

Ты еще, видать,
Поглупел, Семен!
А благоденствует
Кто хитер, умен. (5)

1148

Семен, в правительстве
Вор на воре сидит:
Ведь не будет же
Он сам себя судить! (4)

1149

Своей профессией
Я, как никто, горжусь:
Ассенизатором
Я в Кремле тружусь! (6)

1150

Не нужны, Семен,
Честь и совесть тем,
Кто занял всю власть –
А прежде был никем. (3)

1151

Семен, спокоен будь
И не страдай душой:
Ведь, чтоб командовать,
Не нужен ум большой. (4)

1152

У кого власть, Семен,
Они не бедные:
Честь и совесть у них
Понятья вредные. (4)

1153

У людей, Семен,
Такая слабость есть:
Дорвались до власти –
Потеряли честь. (4)

1154

Кто обманул, Семен,
И украл не раз –
Руководителем
Подойдет у нас. (3)

1155

Почему, Семен,
У нас казна тоща?
– Партаппаратчики
Копят сокровища! (4)

1156

Чтоб законно мог
Ты помногу красть,
Надо блат иметь
Или просто власть. (3)

1157

Коммунист всегда,
Везде орет: «Вперед!» –
А сам без очереди
Блага все берет. (3)

1158

Почему, Семен,
Мы бедней всех стран?
Суют правители
Все только в свой карман. (4)

1159

Планы партии, Семен,
Все созидательны,
Но к выполнению они
Не обязательны. (6)

1160

В ЦеКа делают
Дело важное:
Счастье нам куют,
Но бумажное. (5)

1161

Хоть дурак в ЦеКа,
А у руля стоит!
Надежней пьяница
По шоссе рулит. (7)

1162

Глянь на ЦеКа, Семен,
И догадайся сам:
Ведь бездонную кадушку
Не наполнить нам. (5)

1163

Зачем способности
И даже просто ум,
Если начальник – сват
Или директор – кум?! (7)

1164

Скажи, зачем, Семен,
Партийным ум и честь,
Если власть у них
И богатство есть? (7)

1165

Заняли хитростью
Посты высокие,
Но умом они
Недалекие. (4)

1166

Куда партия
Нас, Семен, ведет?
У нас шиворот-навыворот
Вся жизнь идет. (5)

1167

Встают начальники
Не похмеленные:
Они проклятием
Заклейменные. (6)

1168

Глаза начальников
Завидущие,
Руки все в шерсти,
Загребущие! (5)

1169

Партаппаратчики –
Все звери злобные,
Негодяи и мерзавцы
Низкопробные! (4)

1170

Тот, кто смолоду
Умел гулять и пить,
Уму-разуму
Стал народ учить. (7)

1171

Мечи на сошки мы
Перековать хотим,
С большими ложками
Все права дадим! (5)

1172

Были воры все
И грабители,
Но продвинулись
В руководители! (3)

1173

В Кремле химики,
А не романтики:
Мои слезы превращают
В бриллиантики! (3)

1174

Министра честного
Я не видывал:
Он нахапал всего —
Кащей завидовал! (5)

1175

«Спасибо партии!» —
Видим там и тут.
Неужель за наш
Беспросветный труд? (5)

1176

Говорят, вампиры
Из могил встают...
А по-моему,
Они в Кремле живут! (4)

1177

Это яблочко
На корню гниет.
Над народом коммунист
Эксперимент ведет. (3)

1178

У Семеновны
На кофте нулики.
А у власти все
Воры, жулики. (2)

1179

В ЦеКа Библию сожгли —
У них устав не плох!
Они с чертом проживут —
Зачем им нужен Бог? (3)

1180

Спекулируют
В ЦеКа свободами:
Они не только Христа —
И маму продали! (4)

1181

Быть верным Ленину
Кремлевцы клялися!
До чего ж они
Все изовралися! (4)

1182

Сорву яблочко
В ночи лунные.
Если в правительстве —
Не значит, умные. (3)

1183

Посмотри, Семен, —
Хозяин я в стране!
Не люблю вождя —
Портрет лицом к стене! (3)

1184

Ведет нас партия
Дорогой верною!
Почему же я живу
Жизнью скверною? (5)

1185

Наша партия
Очень мудрая:
Им жизнь легкая,
Народу – трудная. (5)

1186

Спасибо, партия,
Мое спасение!
Хоть черняшка есть –
Не до печения! (5)

1187

В универсаме есть
Дверь секретная:
Берет продукты там
Шваль несусветная. (6)

1188

Артель яблочки
Растит, старается –
Номенклатура только ими
Наслаждается. (5)

1189

В Кремле, считали мы,
Руководители!
А они на самом деле
Все вредители. (3)

1190

Заведено у нас,
Ты это точно знай:
Попросил на грош –
«На лапу» сотню дай. (4)

1191

Уж какая тут
Идеология?!
Лишь набить карман
Стремятся многие! (6)

1192

Обещаньями
Всегда нас тешили –
Просто на уши
Лапшу нам вешали. (3)

1193

Коммунизм готов –
Только часть пока:
Не успели сдать –
Уж там живет ЦеКа. (6)

1194

Коммунисты в дележе
Очень зрячие:
Себе – тушки, а мне – ушки
Поросячие. (5)

1195

Кремлевцы хвалятся
В труде победами,
А все являются
Лишь дармоедами. (3)

1196

Рано яблочки рвать –
Они маленьки.
Не стоят в очередях
Все начальники. (6)

1197

Друзья, яблочка
Не хотите ли?
Для начальства есть
Распределители. (5)

1198

Тешусь яблочком,
Как игрушкою.
Коммунист на «мерседесе»,
А я с клюшкою. (4)

1199

Эта истина
Давно известна нам:
Кто в начальство пролез –
Он до смерти там! (4)

1200

Куем счастье мы,
Но проблем полно.
А в Кремле уже
Коммунизм давно. (2)

1201

Коммунист силен,
И его не тронь!
По наследству власть
Передает, как трон. (5)

1202

Отличим от пчел
Завсегда трутней.
У властителей –
Рабочих нет детей. (4)

1203

И сидят – кряхтят,
И встают – кряхтят:
До смерти властвовать
Старики хотят. (7)

1204

Старик может дать
Молодым совет,
Ну а руль крутить –
Давно силенки нет. (7)

1205

Молодым пора
Без стариков пожить,
А где власть пеньков –
Болоту вечно быть! (7)

1206

Стариков совет
Очень нужен нам,
Но а все же молодой
Должен думать сам! (7)

1207

Чего порядка ждать?
Где изобилью быть,
Пока старые, слепые
Будут нас водить? (7)

1208

Ветки хилые,
Корни слабые:
Ведь у власти в Кремле
Пни трухлявые. (7)

1209

Есть – мозги свежие,
Есть – плесневелые.
В Кремле правят молодыми
Престарелые. (7)

1210

Мы строим новый мир,
Хоть и усталые:
В Кремле «строители»
Уж больно старые. (7)

1211

Остарела вся
Верхушка партии...
На старье и в магазине
Нет гарантии. (6)

1212

Никто на пенсию
Из ЦеКа сам нейдет,
Хотя каждый там второй
Стал полуидиот. (6)

1213

Флаг трепыхается
Над седым Кремлем,
А называется
Он: «Престарелых дом». (4)

1214

Не зря гордилась Русь
Всегда своим Кремлем!
Времена прошли —
Теперь там «дурдом». (4)

1215

Хорошо, когда
К вождю смерть придет.
Хуже, если у живого
Сильный трон возьмет. (6)

1216

Не везет опять
С очередным вождем:
Облегчения
Мы напрасно ждем. (6)

1217

Хоть умер вождь, Семен, —
Не велика беда!
Пусть почаще умирают —
Отдохнем тогда. (7)

1218

Видать, пора, Семен,
Ждать зимы сейчас:
Как мухи осенью,
Генсеки мрут у нас. (7)

1219

За рубежом, Семен,
Пока спор ведут,
А у нас вожди
Теперь, как мухи, мрут. (7)

1220

Наверно, ты, Семен,
Уж замечал не раз:
Только вождь умрет —
Так торжество у нас. (7)

1221

Я, Семеновна,
Предполагал не раз:
Видно, мор нашел
На вождей у нас. (6)

1222

Не цветут цветы,
Когда нет дождя.
Нет лучше праздника,
Чем хоронить вождя! (5)

1223

Что хорошего
Теперь от съезда ждать?
Уж по ветхости пора
Политбюро списать. (7)

1224

Мы с тобой, Семен,
От съезда чуда ждем,
Но что в пользу нам —
Не решат на нем. (5)

1225

На Колыме, Семен,
«Шикарных» много мест!
Туда отправить бы
Целиком весь съезд! (5)

1226

На съезде все, Семен,
Сидят нарядные:
Костюмы чистые,
А души грязные. (7)

1227

Пойдем, Семен, с тобой
В руководители:
По девяносто нам! А там
Все долгожители. (7)

1228

Всюду вонь стоит:
Коммунист в Кремле
Бриллиантов понахапал,
А душа в говне! (5)

1229

Много связано
С Красной Преснею...
Туда строем бы ЦеКа,
Да еще с песнею! (2)

1230

Кремлевцев деточки
Судьбой отмечены:
Местечки теплые
Им обеспечены! (7)

1231

Ведь в Сибири той
Царит закон-тайга!
Пообломали б там
Всему ЦеКа рога! (5)

1232

В обкоме партии
Секретарь хитер:
В кресле кожаном
Себе штаны протер. (5)

1233

Зачем нужен нам
Сейчас обком, райком?
Чтоб разворовывать
Наше добро тайком! (4)

1234

Хоть не совсем дурак,
Но не хватает в нем,
А партбилет помог –
И пролез в райком! (3)

1235

В райкоме знают лишь,
Семен, рукой водить –
Им потому легко
И привольно жить. (3)

1236

Обременен Семен
Трудами тяжкими:
В райкоме возится
Он с бумажками. (5)

1237

Не нам решать, Семен,
Хоть мы рабочий класс.
Ведь в райкоме все
Решено за нас. (3)

1238

Семен, хозяин стал
У нас рабочий класс!
А райком, партком
Погоняют нас. (5)

1239

Заводской парторг
У нас для дела – ноль,
Но у него зато
На животе мозоль! (5)

1240

Перенимали коммунисты
Воркование,
Но получается у них
Всегда рычание. (4)

1241

Эх, яблочко,
Да ты искристое.
Вступил кто в партию,
Карьеристы все. (4)

1242

Сорву яблочко
И грушу спелую.
В коммунисты запишусь —
Карьеру сделаю. (5)

1243

Спрячу яблочко —
Накрою картою.
Быть начальником хочу —
Вступлю в партию. (3)

1244

Сорву яблочко —
Дроля скушает,
А парторг нам лапшу
На уши вешает. (6)

1245

Сорвал бы яблочко,
Да сук сломается.
Коммунист карман
Набить старается. (5)

1246

Семен Маркса чтил,
«Капитал» читал!
С чистой совестью
После взятки брал. (5)

1247

Кодекс чести коммуниста
Изучал Семен,
А брал взятки с рабочих,
Как и прежде, он. (5)

1248

Что коммунист умен —
Нетрудно нам понять:
Получая сто рублей,
Живет на тысяч пять! (5)

1249

Ешьте яблочки,
Мои приятели.
А коммунисты все —
Угнетатели. (5)

1250

Хорошо у нас
Коммунист живет:
Он не пашет и не сеет,
А в три пуза жрет. (5)

1251

Берег яблочко
Я на «черный день».
Коммунистам стало даже
Грести деньги лень. (5)

1252

Бесы яблочком
Не прельщаются.
Коммунист, как клоп, воняет
И кусается. (5)

1253

Над собой народ
Не хозяин сам:
Из партактива негодяй
На шею сядет нам. (4)

1254

Эх, яблочки,
Гниют вагонами.
Коммунисты воруют
Миллионами. (4)

1255

Я растил яблочки,
Парторг делить их стал:
Себе взял все наливные,
А мне гниль отдал. (5)

1256

Из сада яблочки
Я не могу носить.
А без взятки везде
Только зря просить. (6)

1257

Семен, в правительстве
Играют цифрами:
Сотню пишут, ноль в уме,
А там хоть гром греми! (5)

1258

Перевыполнил
На бумаге план,
Но известно всем:
Тут сплошной обман. (5)

1259

Семен просил жилье —
Начальник глух и нем.
У начальства с жильем
Нет никаких проблем. (3)

1260

Воплотим в дела
Идею смелую —
Все равно потом
Все переделают. (5)

1261

В саду яблочко
Я сорвал и съел.
Извратить добра идею
Коммунист сумел. (5)

1262

Висит яблочко,
Да под кровлею.
Коммуниста по спине
Мы оглоблею! (5)

1263

Близко яблочки,
Но денег нет — купить.
Без коммунистов бы
Стало легче жить. (5)

1264

Они — начальники,
Мы — подчиненные —
Восседают они
Самодовольные! (4)

1265

Нельзя рвать яблочки —
Они зеленые.
Жиды — начальники,
Мы — подчиненные. (4)

1266

У нас начальники —
Звери лютые,
Как индюки, они
Ходят надутые! (3)

1267

Харя наглая
За столом сидит:
Она судьбу мою,
Словно Бог, вершит. (6)

1268

Тот же хмурый вид —
На весь мир сердит...
Как ни корми волка —
Он все в лес глядит. (5)

1269

Барин яблочки
Рвал в своем саду.
Правду выскажешь —
Попадешь в беду. (3)

1270

Это яблочко
Спрячу я в рукав.
А начальник на работе
Хоть не прав, а прав! (3)

1271

Еды директор наш
Полмашины прет!
Неужели он
Так помногу жрет? (5)

1272

Кто начальникам
Усердно лижет зад —
Не за станком стоят,
А за столом сидят. (7)

1273

Чтоб начальством быть —
Нужны качества:
Доносительство
И стукачество. (6)

1274

Ложь, предательство,
Подкуп, подлость, лесть
Всегда нужней всего,
Чтоб в начальство влезть. (3)

1275

Не все в партии
У нас начальники:
Там «шестерки» есть,
Есть и «чайники». (5)

1276

Директор фабрики
Обнаглел совсем:
Жену взял к себе
Заместителем! (5)

1277

В Кремле придумали
Моду новую:
С больной валят головы
На здоровую. (5)

1278

Не ищи, Семен,
Справедливости:
Все стараются
Под себя грести. (5)

1279

Ищу правду я
Уже много лет,
А без взяточки
Нигде ходу нет! (3)

1280

В суде с порядками
Я давно знаком:
Кто им взятку даст —
Тот и прав кругом. (2)

1281

Вовсю — открыто врут,
А едят — тайком:
Идут украдкою
За своим пайком. (5)

1282

Сейчас мы славимся
Казнокрадами:
Все увешаны
Они наградами! (5)

1283

Собралось в Кремле
Воронье на съезд –
Никто не думает,
Лишь икру зря ест! (5)

1284

Много дней в Кремле
Заседал Совет –
Извели бумаги тонны,
Только толку нет. (5)

1285

Даже «Яблочко»
Испохабили.
Всю Россию коммунисты
Поразграбили. (5)

1286

Пока ленинцы
Страною правили –
Себе сокровища
Они награбили. (7)

1287

Коммунисты всего
Понахапали,
За границей и в земле
Богатства спрятали. (5)

1288

Долго строим мы,
В счастье жить пора б.
Но как построишь рай,
Если черт – прораб? (4)

1289

Паровоз пыхтит,
Колеса вертятся, –
Он на месте стоит,
А в ЦеКа сердятся! (5)

1290

Над Кремлем горит
Не одна звезда!
Маяков полно,
А рулить куда? (3)

1291

Наша партия
Дорулилася:
В океане дерьма
Очутилася. (5)

1292

У нас в правительстве
Шизофреники,
В психушках, тюрьмах сидят
Академики. (5)

1293

В Кремле думать все
Разучилися:
У них в брюхо мозги
Переместилися. (3)

1294

Весь президиум
Было б нам не грех,
На «Матросской тишине»
Там прописать их всех. (2)

1295

Уже давно пора
Гнать все ЦеКа взашей!
Приятней, выгодней
Терпеть крыс, мышей. (6)

1296

В Кремле придурочных
Сидит большая рать!
Самих в психушку их
Давно пора загнать! (7)

1297

Наша партия
Дорулилася:
Вся Россия в дерьме
Очутилася. (7)

1298

Семь десятков лет
С Семеном нас вели,
Спохватились потом:
Не туда мы шли. (5)

1299

В коммунизм тогда
Наш паровоз летел!
Но не по рельсам шел,
А куда черт хотел. (3)

1300

Мы с тобой, Семен,
Руководимые:
Довели до ручки нас
Вожди любимые. (3)

1301

Это яблочко
И не трону я.
На ЦеКа вполне хватит
И нейтронную... (7)

1302

Кислы яблочки,
Но зато свои.
Зря старичье-дурачье
Верит партии. (3)

1303

У нас даль светлая,
А близь — туманная,
Власть продажная
И обманная. (2)

1304

Зуб не падает,
Хоть и шатается.
Власть постылая,
А не кончается. (3)

1305

Эти яблочки
Надо долго мыть.
Надоела власть Советов —
Лучше негром быть. (5)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (ПИСАТЕЛИ И ГАЗЕТЧИКИ) ПРИ КОММУНИСТАХ

1306

Мелки яблочки,
Но зато свои.
У нас газетчики —
Лакеи партии. (5)

1307

А печать у нас
Вроде флюгера:
Хозяин дунул — туда
И указать пора. (4)

1308

Печать-оружие
Имеет цель одну:
Она, как верный пес,
Служит хозяину. (4)

1309

У газет, Семен,
Тема модная
Та, которая
Властям угодная. (3)

1310

О чем пишется –
О том читается:
Что хочется узнать –
Не полагается. (2)

1311

«Народный опиум» –
Был религия.
Теперь считаю тем
Газеты, книги я. (3)

1312

У нас одних печать
Неподкупная!
Тем боле если цена
Не очень крупная... (3)

1313

Зовет нас радио,
Зовет вся печать:
Когда выть хочется,
Чтоб «ура!» кричать. (7)

1314

Частушки русские,
Но не народные:
Их пишут сытые,
Поют – голодные. (4)

1315

Печать – оружие
Острее всех, Семен:
Куда хочешь повернут
Против тебя закон. (2)

1316

Журналистов зря
Из нас иные чтут:
Они в своих статьях
Нам беспардонно врут. (4)

1317

Семен, писаки все
На нас с тобой плюют:
Что им выгодно –
То и печатают. (4)

1318

Столица пишет ли,
Или окраина –
На госпечати у нас
Печать Каина. (3)

1319

Не слушай радио,
Не читай газет:
Там правды-матушки
И на грош-то нет. (3)

1320

В киоске множество
На вкус любой газет,
Но интересного
В них и строчки нет. (7)

1321

Почему у нас
Газеты дешевы?
Не найдете правды там
На полгроша вы! (7)

1322

Вся печать у нас
Многотиражная,
Но больше западной
Она продажная. (5)

1323

На дорогой обед
Ты не рассчитывай:
У нас дешевы газеты –
Их почитывай. (7)

1324

Очень дельный дам
Я тебе совет:
На обед денег нет –
Купи пять газет! (6)

1325

Семен, не в том беда,
Что дорога еда:
На обед денег нет –
Пойду куплю газет. (6)

1326

На обед денег нет –
Одень, Семен, очки,
Купи пищу для души
За две копеечки. (4)

1327

Обед стоит – рубль,
А у тебя – гроши.
Не для брюха пищу –
Купи для души. (4)

1328

Сидим голодными,
Ходим раздетыми –
Утешаемся
Теперь газетами. (6)

1329

Себя голодом
Мой друг испытывал:
Одни газеты весь месяц
Он почитывал. (6)

1330

Статейки пишутся,
Но не читаются –
На подтирку они только
Пригождаются. (7)

1331

Семен, газетчики
У нас ученые:
Черным белое зовут,
А белым – черное. (2)

1332

В печати все, Семен,
Мастера юлить:
По заказу мерзость
Могут нам хвалить. (4)

1333

Врут писаки все,
Семен, бессовестно:
Они конфеткою
Назовут говно. (2)

1334

Тебе корреспондент
Всегда мозги смолил:
Одно и то же он ругал,
Потом опять хвалил. (4)

1335

Угодить властям
Холуи спешат:
Стихи хвалебные
Они для них строчат. (3)

1336

Ты не верь, Семен,
Поэтов всех словам:
Подхалимаж один
Ты прочитаешь там. (4)

1337

Везде читаем мы:
«В стране — цветение!»
А гляжу — всюду вижу
Запустение... (3)

1338

Чтоб дурачить нас —
Много есть путей:
Политическими стали
Сказки для детей. (3)

1339

Дана писателю
Большая премия:
Врет он нам и про нас
Без стеснения! (4)

1340

Если б впроголодь
Поэтов нам держать —
Может, лучше бы
Стали стихи писать? (3)

1341

Семен, писаки все —
Души бумажные:
Как Иуды, они
Властям продажные. (3)

1342

Независимой
Зовет Семен печать:
А прикажут — будет,
Как пескарь, молчать. (3)

1343

Журналисты — мастера,
Семен, хвостом вилять:
Не покажут правду —
Пишут, что велят. (4)

1344

Семен, я выписал
Журнал «Новый мир»:
Не годится читать он —
С ним хожу в сортир. (4)

1345

Не читаю я
Никогда газет:
Правды в них во всех
И на копейку нет! (3)

1346

Газета нам в мозги
Вдолбить старается,
Что ягненок верит волку:
Тот играется. (4)

1347

Писаки куплены —
Им брехать не лень!
Словам их — грош цена,
И то в базарный день. (4)

1348

Теперь писателям
Только деньги дай —
Понапишут дребедень,
А ты хоть не читай. (3)

1349

За печатью, Семен,
Грешок водится:
Она властным, богатым
Лишь угодница. (4)

1350

Тем, чего не было,
Мы похваляемся!
В жизни хлеще, чем на сцене,
Притворяемся. (3)

1351

Печать за денежки
Вся покупается:
Журналист угодить
Властям старается. (3)

1352

Я газет, Семен,
Не читал давно:
Все там шиворот-навыворот
Написано. (4)

1353

Из газет, Семен,
Правду чтоб узнать,
Надо в них статьи
Наоборот читать. (3)

1354

В газетах пишут, что
Держит власть народ!
Но надо все читать
В них — наоборот! (4)

1355

За тот журнал, Семен,
Копейки я не дам:
Читать нечего —
Ахинея там. (3)

1356

Твердит газетчик мне:
— Семен, в раю живешь! —
Не за сребреник продался,
А за медный грош. (4)

1357

Воркуют нам, Семен,
О справедливости,
А как грушу, нашу душу
Все хотят трясти. (4)

1358

Я не беру газет —
Дурачат в них меня.
Посмотри, Семен:
Что ни статья — брехня! (3)

1359

На всю печать, Семен,
Смотрю иначе я:
Вместо правды там
Чушь поросячая. (4)

1360

Все поэты у нас
Знаменитые:
Наводить тень на плетень
Они маститые! (4)

1361

Гребут писатели
Деньгу́ охапками:
Спекулируют идеями,
Как тряпками! (4)

1362

Он писал роман
Золотым пером,
А читать начнешь —
Дребедень кругом! (4)

1363

Дана писателю
Большая премия —
Чтобы дальше врать
Мог без стеснения. (3)

1364

Я писателя Семена
Хорошо узнал:
Не на совесть, на заказ
Рассказы он писал. (4)

1365

За рубежом одна
Клевета и ложь!
То уж нашей брехне
Названье не найдешь! (4)

1366

Поэт за премию
Свои стихи строчил,
А ты, дурак Семен,
Их наизусть учил. (6)

1367

Все писатели —
Притворяются.
Выть по-волчьи не сумели —
Выдворяются! (7)

1368

У нас печатают
Миллионы книг,
Но мне даром не надо
Ни одну из них. (3)

1369

Ахинею у нас
Тиражируют,
А в подвалах старинные
Тома гниют. (4)

1370

Почему, Семен,
Поэт безбожно врал?
Документы складно
Он к себе списал. (4)

1371

Печатью партия
Всегда гордилася!
Она даже в туалет
Мне не сгодилася. (4)

1372

Всех писак, Семен,
Спасает наш «авось» —
Они деньги огребли,
А книгу в печь хоть брось. (4)

1373

Семен, писатели —
Знатоки души!
Они навешали
На уши нам лапши. (3)

1374

Телевизор наш
Хоть не смотри, Семен:
Меня то зло берет,
А то клонит в сон. (3)

1375

Ударю я пинком
По телевизору:
Интересного там нет,
А кажут всю муру. (4)

1376

Семен, телепередачи
Сортом низкие:
Фильмы крутят нам
Пропагандистские. (3)

1377

Не читал газет —
От жизни я отстал,
А начитался их —
Идиотом стал. (3)

ПЕРЕСТРОЙКА. ГОРБАЧЕВ

1378

Про перестроечку
Спою частушечку:
Очень много денег надо
На «чекушечку». (5)

1379

Сорву яблочки,
Положу на стол.
Довели народ до ручки
Те, кто к счастью вел. (3)

1380

Миша Меченый
Сел на трон у нас,
Противоводочный
Сочинил указ. (5)

1381

Президент в чести,
Где демократия.
А генсеку у нас
Одни проклятия! (5)

1382

Что, Семен, строили –
Все была мура!
Перестраивать
Нам теперь пора. (5)

1383

Перестройку затевает
Партократов рать,
Чтоб с рабочего последнюю
Рубашку снять. (7)

1384

Врут! Не верь, Семен,
Что будет жизнь легка:
От перестройки добра
Я не жду пока. (5)

1385

Что перестраивать
В ЦеКа сбираются?
Они кровью народной
Лишь питаются. (5)

1386

Везде яблочки
Высоко ценятся.
Коммунист в перестройку
Не изменится. (5)

1387

Идеи Ленина
Они предали:
С буржуями в ресторане
Прообедали. (5)

1388

Не знаю, как кому,
А подлецам везет:
Перестроечка для них,
Как для мухи мед! (7)

1389

Не кушал яблочка
Я уж который год.
Коммунисту перестройка –
Просто хитрый ход. (5)

1390

До чего Политбюро
Все ж докатилося:
Власть отдать без крови
Согласилося. (7)

1391

Партийцы хапали
И тайно прятали,
А с перестройкою
Открыто тратили. (5)

1392

Партократ хвалил
Перестроечку,
А продукты втихаря
Все в помоечку. (5)

1393

Суетится вновь
Коммунист-паук:
Перестройку делать,
Кровь не смывши с рук. (5)

1394

Коммунисты-вожачки
Уже не знают край:
Им награбленного мало —
Еще власть подай! (5)

1395

В отчете яблочку
Есть своя графа.
Что в ЦеКа перестраивать?
И так лафа! (7)

1396

Надоела нам
В «Спортлото» игра —
В перестройку играть
Уж нам давно пора. (5)

1397

Перестроил Горбачев:
Цену вину поднял,
А Семен не растерялся —
Ставить бражку стал. (5)

1398

Бестолковый был,
Как он сам, указ:
Хуже спаивать
Только стал он нас. (5)

1399

Повырубали мы
Все виноградники —
Для самогонщиков
Настали праздники. (7)

1400

За водкой в очередь
За полдня встают...
Горбачеву самогонщики
Спасибо шлют! (7)

1401

Перестроился Семен
И бросил водку пить:
Обойдется дешевле
Самогон варить. (5)

1402

Денег нет на водку —
На себя пеняй.
Самогоночку не варит
Лишь дурак, лентяй. (7)

1403

Водку делает
Из сучков завод —
На самогоночку
Лишь сахарок идет. (7)

1404

Забудь варение,
Не вспоминай компот:
У нас сахар весь
На самогон идет. (7)

1405

Борьба с водкою —
Неплохой закон!
Очень многих богачами
Быстро сделал он. (7)

1406

Перестройка в том
И заключается
Каждый третий самогонкой
Занимается. (7)

1407

Перестроил я,
Как указал ЦеКа,
Самогонный аппарат
Из холодильника. (7)

1408

Сейчас сивушный дух
Аж над всей страной!
Самогонка хоть воняет,
А доход большой. (7)

1409

Заводы винные
В один прикрыли счет,
А самогоночка
Зато рекой течет! (5)

1410

Заводы винные
С лица земли долой!
Теперь у каждого
В дому заводик свой. (7)

1411

Стоял за водкою
Я пять часов подряд —
Не одну, а полдесятка
Взял — поставил в ряд! (5)

1412

В перестройку самогон
Гоню уж третий год.
Ко мне милиция
На водкопой идет. (5)

1413

Перестроечка —
Золотые дни:
Самогоночку
Не ленись — гони! (5)

1414

«Горько!» нечего
Уже кричать у нас:
Мы на свадьбах пить
Будем кислый квас. (5)

1415

Раньше водки я
Пол-литра в месяц брал,
А теперь запас
На полгода взял. (5)

1416

Убрал запасы я,
Но подсказал мне друг:
— Надо пить быстрей —
А то прокиснет вдруг. (5)

1417

Сорок лет я пил,
Но всегда меру знал!
В перестройку за полгода
Алкашом я стал. (5)

1418

Горбачевский указ
Я от души хвалю:
Пять раз очередь продам
И даром сутки пью! (5)

1419

Свадьбы будут все
Безалкогольные:
Там будут гимны петь,
Но не застольные. (5)

1420

Коммунисту не страшна
Перестроечка:
Ему в ней — ресторан,
А нам — помоечка. (5)

1421

Перестроился
И сантехник наш:
Не починит кран,
Пока «пузырь» не дашь. (5)

1422

Перестроились
И алкоголики:
Стали пить из горла —
Зачем им столики? (5)

1423

Не надо в банке нам
Теперь деньгу копить:
Зарплату доктора наук
Вполне легко пропить. (5)

1424

Перестроились —
Не прошло двух лет:
Не только водочки,
Но и закуски нет. (5)

1425

В магазинах всех
Соль исчезла враз!
Мы не солоно хлебавши
Все живем сейчас. (5)

1426

Все перестроились —
Стали красивыми:
Свинья перьями покрылась
Лебедиными. (5)

1427

Перестройка уже всюду
И во всем идет:
Даже серая ворона
Соловьем поет! (5)

1428

Что за путч такой? —
Не пойму я сам:
Одни и те же коммунисты
Были там и там... (5)

1429

Когда был в Кремле
Очередной скандал —
Путчем Ельцин то
От себя назвал. (5)

1430

Интриги властных сил
Часто случаются,
А уж «путчем» или как
Там называются? (5)

1431

Что за путч такой?
Давно пора понять:
Разборкой мафии
Нужно то назвать. (5)

1432

В путче все орут:
«За правду мы стоим!»
А мы, глупые,
Верим слепо им. (5)

1433

Путчи разные
Будут вновь и вновь,
Но льет простой народ
За кровососов кровь. (5)

1434

То был путч не путч,
А шутка скверная:
За подобное всегда
Была смерть верная! (5)

1435

Уж колупались бы
Кремлевцы меж собой,
Но зачем втягивать
Им рабочих в бой? (5)

1436

Вчера Семеновна
Мне путч устроила:
Из картофельной ботвы
Суп приготовила. (5)

1437

Закон на фиговых
Начнем писать листах:
Партократы остались
На своих местах. (5)

ЕЛЬЦИН И ДЕМОКРАТИЯ

1438

Я про Ельцина
Частушку вам спою:
Не сам на рельсы лег,
А бросил честь свою. (5)

1439

Слова у Ельцина
С делом расходятся:
На рельсы лег бы, но
Они не сходятся... (5)

1440

Вор украл яблочки
И с ними был таков.
Ельцин — иль простак,
Иль — главарь жуликов. (5)

1441

Эх, яблочко,
Куда катишься?
За Ельцина голосуй —
Потом наплачешься. (5)

1442

Вид у Ельцина —
Будто был запой...
Иль с рождения
Он вообще такой? (6)

1443

На трибуне он
Хоть и смел, ретив,
Но обещания
Все на один мотив. (7)

1444

У нас честного
Во власть не выберут –
Туда приходят лишь
Негодяй и плут. (2)

1445

Я выбирать иду –
Мне оказали честь!
Там в буфете есть
Что попить, поесть. (7)

1446

У нас выборы
Демократичные!
Креветки к пиву есть
Там отличные! (5)

1447

Мне от яблочка
Облегчение.
Для нас выборы –
Развлечение! (3)

1448

Не верь предвыборным
Ты, Семен, речам:
Все обещания –
Одно вранье лишь там. (4)

1449

Банан и яблочко
Вместе не растут.
Голосуй за тех,
Что нашу кровь сосут. (5)

1450

Избиркомиссию
Избрали ловкую,
Чтоб занималась там
Подтасовкою. (6)

1451

Избиркомиссия...
А я не верю ей:
У нас «наперсточник»
В тыщу раз честней. (5)

1452

Купил бы яблочка
Для прихлебателей.
Надул Ельцин своих
Избирателей. (5)

1453

Но теперь зато,
Узнавши суть его,
Пойду выберу
Поумней кого. (5)

1454

Коммунистом он
Лишь называется:
Партбилетом, как и совестью,
Бросается. (5)

1455

Уж какие там
Убеждения –
Если бросил партбилет
Без сожаления. (5)

1456

От перестройки что
Изменилося?
Просто КПСС
Раздвоилося. (5)

1457

Не рвал яблочки,
А сбивал вилами.
Ельцин к власти стремился
Всеми силами. (5)

1458

Коммунистов часть
Отделилася
И вывеской «демократ»
Слегка прикрылася. (5)

1459

Перестроились
Все «застойники»:
Были – жулики,
Теперь – разбойники. (5)

1460

Яблочко Ельцину
Я б ни за что не дал:
Его народ избрал,
А он всех продал. (5)

1461

Деда мудрым я
Завсегда считал.
Зачем за Ельцина
Он голос свой отдал? (5)

1462

Висит яблочко,
Но без названия.
За подлость Ельцину
Нет оправдания. (5)

1463

Сменили вывеску,
Но будем бдительны:
«Демократы» еще больше
Омерзительны! (5)

1464

Демократов власть
Стала модная,
Но сущность старая, Семен,
Антинародная. (5)

1465

Ну и яблочко –
Оно кислей, чем квас.
Любил я Ельцина,
А он ограбил нас. (5)

1466

Напрасно яблочко
Сорвал товарищ мой.
Зря за Ельцина
Я стоял горой. (5)

1467

Сорву яблочки,
Но не дам тебе.
Дурак я – Ельцину
Верил как сам себе. (5)

1468

В саду яблонька
Уже засохла вся.
Ельцин власть забрал,
Но быстро скурвился. (5)

1469

Осыплю яблочки
Бриллиантами!
А наш Ельцин заодно
Со спекулянтами. (5)

1470

Не ем яблочки
Уже который год.
Стыдно Ельцину –
Обманул народ. (5)

1471

Сидим без масла мы,
Мяса и яиц:
У СССР теперь
Четких нет границ. (5)

1472

Эти яблочки
Не легко стряслись.
Ослы, на Ельцина
Мы надеялись. (5)

1473

Сдал государству я
Быка до случая,
А получу назад
Ежа колючего. (5)

1474

Дед все тяготы
Государства нес,
А ему пенсия —
Просто с гулькин нос. (3)

1475

Ельцин морщится:
— Стариков полно!
Не кормить бы их —
Подохли все давно. (5)

1476

Приватизация
По всей стране идет,
А райкомовская свора
Скупит весь народ. (5)

1477

У деда с пенсии
Стремятся все урвать,
Чтоб накормить в Кремле
Дармоедов рать. (3)

1478

Демократов, дед Семен,
Зря так мы славили:
Они грабительских замашек
Не оставили. (5)

1479

Эту власть, Семен,
Как хвалить дед мог?!
Демократы отобрали,
Что на смерть берег. (5)

1480

Обманут подло был
За три дня дед Семен:
Взяли все, что накопил
Лет за полсотни он. (5)

1481

На черный день мой дед
Рубли откладывал...
По указу демократов
За ночь нищим стал. (5)

1482

В демократах ты
Ошибся, дед Семен.
«Грабь! Обманывай!» —
Таков у них закон. (7)

1483

За что, дед Семен,
Ты демократов чтил?
Отобрали у тебя,
Что ты на гроб копил. (5)

1484

Слоненка сдал мой дед,
Чтоб из него был слон,
А теперь кролика
Получит в банке он. (7)

1485

Как у власти демократы
Оказалися —
От всех долгов дедам
Враз отказалися. (5)

1486

Игру в порядочность
Очень я люблю:
Меня ограбил сбербанк –
Все равно коплю! (5)

1487

До чего сильна
Демократов власть:
Им над старыми победа
Так легко далась! (5)

1488

Поверь ты мне, Семен,
Что это не брехня:
Демократ дедов и бабок
Победил в три дня! (5)

1489

Демократ с кем смел?
Не мудрен вопрос!
Деды обид не помнят:
Ведь у них – склероз. (5)

1490

Не гордись, Семен,
Ты демократами:
Им под силу воевать
С дедами, бабами. (5)

1491

Про демократов тут,
Семен, разнесся слух:
Нашли управу враз
На стариков, старух. (5)

1492

В банке вклад хранить
Предлагают нам:
Однажды хватишься –
Лежит кукиш там! (5)

1493

Хотел купить себе
Велосипед – не танк:
Накопил деньжат –
Их у меня спер банк. (5)

1494

Сгнили яблочки –
Мне от того беда.
Коммунист и демократ –
Из одного гнезда. (5)

1495

Мы добилися
В приватизацию
Боле зверскую
Эксплуатацию. (5)

1496

Нас перестройкою
Заморочили:
Сразу в каменный век
Народ отбросили. (5)

1497

В войну картошечка
Выручала нас,
Но стала редкостью,
Как ананас, сейчас. (5)

1498

Картошка бедному
Заменяла хлеб.
Глянул я на цену
И чуть не ослеп!.. (5)

1499

За демократов дед
Сильно горло драл!
А теперь по их вине,
За три дня нищим стал. (5)

1500

Висит яблочко,
Желтоватый цвет.
Людям порядочным
В Кремле места нет. (5)

1501

В Кремле правители
Все властью делятся!
На терпение народное
Надеятся. (7)

1502

У коммунистов демократы
Будто взяли власть —
Из одной они колоды
И одна же масть. (7)

1503

Любая партия
Власть желает взять —
Они, как в банке пауки,
Друг друга будут жрать. (7)

1504

Не постичь никак
Русских слов игры:
Раньше звались спекулянты,
Теперь брокеры. (7)

1505

Солью, спичками
Мы обделенные —
Даже слезы у нас стали
Несоленые. (7)

1506

В перестройку оказался
Простой люд в беде...
Негодяй, подлец
Не пропадет нигде! (7)

1507

Перестройка принесла
Мало радости:
Еще большие творятся
В свете гадости! (7)

1508

Прохиндеям и пронырам
Нынче просто рай:
С простофили-работяги
Хоть семь шкур сдирай! (7)

1509

Мы перестроились:
Не в почете труд —
Не пахать богатыри,
А торговать идут. (7)

1510

Все гордимся мы
Переменами:
Хотим быть не слесарями —
Бизнесменами! (7)

1511

Перестройка дала
Всем по-разному:
Кукиш — честному,
Все — безобразному. (5)

1512

То, что давал кому
Талант большой и ум,
Взяли подлостью и силой,
Понаделав шум. (4)

1513

Что наживалося
Большим трудом, умом,
Все оказалося
У подлецов потом. (3)

1514

Бардак этот перестройкой
Называется,
А куда же все, что делают,
Девается? (5)

1515

В перестройке одни
Лишь безобразия!
Кому на руку
Та катавасия? (5)

1516

Давно пора бы нам
Перестроиться:
В дерьмо рылом тех,
Кто в благах роется. (5)

1517

Перестройкой мы
Не успокоились:
К капиталистам в хвост
Теперь пристроились. (5)

1518

Кто свое счастие
Своим трудом ковал,
За столом у нас
Теперь лишним стал. (4)

1519

Приватизирует заводы
Партократия,
А мы будем лишь в душе
Им слать проклятия. (5)

1520

Раньше чины, богатство
По наследству шли —
Их теперь гады разные
«Приобрели». (4)

1521

С перестройкой мы
Зря старалися:
Ведь у власти коммунисты
Все остались. (5)

1522

Перестройка, верь,
Не по нутру теперь
Она, Семен, лишь тем,
Кто был никем — стал всем. (7)

1523

Зреют яблочки,
Но лишь ранние.
Демократ — это только
Лишь название. (7)

1524

Сорняки, Семен,
Поли в полях скорей:
Коммунист — полын,
А демократ — пырей. (5)

1525

Семен ягоду
Еще не ел горчей:
Коммунисты с демократами
Одних полей. (5)

1526

Был захребетником
Коммунист-злодей.
Оборотень-демократ
В тыщу раз вредней. (5)

1527

О народе забота
У них только в том,
Чтоб из нас себе блага
Выбивать кнутом. (5)

1528

Будь готов, Семен,
К тому заранее,
Что примета перестройки –
Обнищание. (7)

1529

Велю яблочко
Для меня сорвать.
Дед кормил двух генералов,
Я кормлю их – пять! (5)

1530

Чуешь ты, Семен,
Перестройки дух?
Кормил двух генералов –
Теперь двадцать двух. (7)

1531

Перестройка в том
И заключается:
Нет еды, зато цены
Повышаются. (7)

1532

Коммунист иль демократ –
Какая разница?
За власть любой из них
Готов убить отца. (5)

1533

Перестройкой как игрушкой
Забавляемся,
Чует сердце, до плохого
Доиграемся. (7)

1534

Демократ, Семен, –
Одно название:
Для нас господнее
Он наказание. (5)

1535

У партий суть одна –
Названья разные:
Власть берут пока
Руки грязные. (5)

1536

Партий множество –
Как собак пород.
У них цель одна:
Обмануть народ. (5)

1537

Слюною бешеной
В буржуев кто плевал –
Сразу после перестройки
Сам буржуем стал. (5)

1538

Перестройку мы
Ощущаем в том:
Не на коленях стоим –
Как червяки ползем. (5)

1539

Права последние
Смели с лица земли,
Чтобы рабочие
На брюхе ползали. (5)

1540

Перестраивать
Все стараются,
А рабочие
Отдуваются. (5)

1541

Арбуз и яблочко
Я наравне люблю,
Но кремлевских дармоедов
Ими я кормлю. (5)

1542

Было Ельцину
Важно трон занять,
А народ потом
Можно в гроб вогнать. (5)

1543

Семен, о будущем
Ты любил мечтать,
А пришлось прошлое
Все перестраивать. (7)

1544

Сперва надо снять штаны
Приватизации,
Потом цены отпускать
Для посрации. (5)

1545

С демократами
Приходит мысль порой:
Акулина-то вся та же —
Сарафан другой. (7)

1546

Не пойму я — суть
Перестройки в чем?
Колбасу не в магазин —
На свалку мы везем. (7)

1547

В саду яблочко
Висит, качается.
Коммунист в демократа
Превращается. (5)

1548

У нас в правительстве
Мудрецы кругом:
Варить еду хотят —
А котел — вверх дном!.. (7)

1549

Объявили перестройку
Казнокрад и плут,
Сами, как и прежде,
Нагло все крадут. (5)

1550

Номенклатурщики
Нарочно все гноят:
Уже построили
Они народу ад! (4)

1551

Перестроечный
Даже мат иной:
Отвечают коммунисту:
— Ну и член с тобой! (5)

1552

Перестройка ведь
Игра азартная:
В выигрыше — шулера,
А проиграю — я. (7)

1553

Перестроились —
Порядок стал другой:
Мы за то же голосуем,
Но теперь — ногой. (5)

1554

Все разрушили
До основания!
Что-то путное построить —
Нету знания. (3)

1555

Мир новый строили
И наварганили:
Все хорошие идеи
Испоганили. (5)

1556

Наобещали мне:
Будешь жить как князь!
А перестроили –
Попал из лужи в грязь. (5)

1557

Руководители
У нас скромные!
Мы их заставили иметь
Дома огромные. (4)

1558

Перестроимся –
Не покаемся:
Мы опорками на лапти
Поменяемся. (5)

1559

Призывают нас
Теперь все менять!
А если хрен на редьку?
– Время зря терять! (5)

1560

Перестройкой мы
Пять лет гордилися!
Все, как нищие,
Пообносилися. (7)

1561

На перестройщиков
Чуть не молилися!
С перестройкой в ногу шел –
Штаны свалилися. (7)

1562

Кругом убожество,
Гнет, бессилие...
Зато вранья у нас
Изобилие! (6)

1563

Сорву яблочко
Я одной рукой.
Если Ельцин за мерзавцев –
Значит, сам такой. (5)

1564

Для перестройки я
Не пожалею сил!
Холодильник я теперь
В радиосеть включил. (5)

1565

Перестройке я
Всей душой служу!
Холодильник опустел –
Я в него хрен ложу. (5)

1566

Мы перестроились!
А в чем тут секрет?
Раньше было еды мало –
Теперь вовсе нет... (5)

1567

Негодяй орет:
– Я перестроился!
К госкормушке правее
Враз пристроился. (5)

1568

«Перестройка!» – твердят,
Да и понятно мне:
Овечьи шкуры подскочили
У волков в цене. (5)

1569

Мы перестроились
На поворот крутой:
Говорили: «Негодяй»,
Теперь зови: «Святой». (5)

1570

Объявили перестройку,
Ну а в чем она?
Безалаберной осталась
Все равно страна. (5)

1571

Все изменилося,
Мы перестроились!
На бумаге написали –
Успокоились. (5)

1572

Как из гусениц, Семен,
Вдруг стали бабочки –
Демократы так же всем
Втирают нам очки. (5)

1573

Сорву яблочко,
Золотой ранет.
Бизнесмен или политик:
Ум есть – чести нет. (5)

1574

В саду яблочко
Я сорвал и съел.
Демократ душой,
Как уголечек, бел. (5)

1575

Эх, яблочко,
Да с боку зелено.
У демократов грязь
Не отбелена. (5)

1576

Эх, яблочко,
Куда катилося?
Поздно, Ельцина избрав,
Я спохватилася. (5)

1577

Эх, яблочко,
Куда катилося?
Власть доверия народного
Лишилася. (5)

1578

Положил тысячу
На внука дед Семен,
А подрастет внучок,
И шиш получит он. (7)

1579

Дает правительство
Уроки пения,
А я жрать хочу –
Нет терпения! (5)

1580

Зачем в сбербанке ты
На старость лет копишь?
Туда ты сдашь слона,
А получишь мышь. (5)

1581

Положил в сбербанк
Я на внука вклад:
Клал я золото –
Теперь угли лежат. (5)

1582

Хорошо звучит:
«Демократия!»
Его придумала
Партократия. (5)

1583

Не роптали мы
И не спорили...
Видно, счастье нам
Черти строили. (3)

1584

Сами в пропасть же
Не свалилися:
Все невинными
Очутилися. (5)

1585

Тесно в автобусе –
Мы все измятые.
В лимузинах разъезжают
Псы рогатые. (4)

1586

Сначала властью мы
Восторгаемся,
А поймем когда –
То матюкаемся. (5)

1587

Нам обещания
Дают обильные,
А получаются
Пузыри мыльные. (5)

1588

О правах своих
Я хотел прочесть,
А права у тех,
У кого сила есть. (3)

1589

Нам сам черт послал
Руководителей:
Прославляем мы
Своих грабителей! (5)

1590

Орем: «Да здравствует
Демократия!»
А дома шепотом
Им шлем проклятия. (3)

1591

В Кремле правители
Не вяжут веники!
В этой фирме все –
Академики! (7)

1592

Кто командовать
Из-за угла был смел,
Тот рабочему
Опять на шею сел. (3)

1593

Мы весь век, Семен,
С тобой трудилися –
Негодяи за наш счет
Обогатилися. (5)

1594

Народ нужен ему
Для победы лишь,
А из обещанных
Он получит шиш. (5)

1595

Перестройка не прошла
От нас сторонкою:
Овечью шкуру волк
Зовет дубленкою. (5)

1596

Насчет гласности
Что, Семен, зря болтать –
Все равно правду-матку
Не дадут сказать. (5)

1597

Семен, будь бдителен:
Кругом опасности!
Не критикуй ты власть
В эпоху гласности. (5)

1598

Белой вороною
Будет честный там.
Его иль выгонят,
Или уйдет он сам. (2)

1599

Я так же думаю,
Как и мой отец:
Бедняк — значит, честный,
А богач — подлец! (5)

1600

Наши лидеры
С жиру бесятся:
То — чертыхаются,
А то — крестятся. (4)

1601

У нас правители,
Сплошь одна мура —
Их железом раскаленным
Выжигать пора. (4)

1602

Дела творили мы
Эпохальные,
А наживалися
Одни нахальные. (5)

1603

Чье призвание —
Все крушить, ломать,
А теперь счастие
Нам обещают дать. (5)

1604

В приватизации
Хитро дела идут:
У партократии
Для нас готов хомут! (5)

1605

Тот, кто вывеску
На Кремле сменил,
Он хапугой там
Остался как и был. (5)

1606

В Кремле зажралися
Колбасой, икрой,
А кормилец голодает —
Ну и черт с тобой! (5)

1607

У народных слуг
Совсем мир иной!
Покормить бы, как нас,
Их дохлятиной. (6)

1608

Отдал яблочки
Шатии-братии,
А мне — кукиш в виде
Демократии. (5)

1609

У преступников
Сейчас одна мечта:
Чтоб под шумок занять
Потеплей места. (5)

1610

Перестроился
И успокоился:
Был — агитатором,
Стал — махинатором. (5)

1611

Номенклатурщики
Паразитируют:
Даже души работяг
Приватизируют. (7)

1612

Коснулась и Кремля
Пертурбация:
Было – Политбюро,
Щас – кооперация. (7)

1613

Изобрели дельцы
Приватизацию:
Приватизирует еврей
Русскую нацию. (7)

1614

В перестройке кто
Сейчас участвуют –
Им висеть пора,
А они властвуют. (5)

1615

Орут: «Во всем у нас
Изобилие!»
Когда маслом хлеб мазала,
Забыла я... (3)

1616

У партократчиков
Спросите жен, детей:
Лишаться жалко им
Золотых цепей. (5)

1617

Все перестроили,
Переиначили:
Теперь зовут дворцы
Скромно дачами. (5)

1618

Руководители
Все ученые –
Костюмы белые,
А души черные. (7)

1619

Вот мы с тобой, Семен,
Кичимся гласностью.
Начальник мне грозит:
– Сболтнешь – в тюрьме сгною! (5)

1620

Что для критики
Семен раззявил пасть?
В порошок сотрут!
Гласность там, где власть. (5)

1621

Семен пузатому
Задал такой вопрос:
– У рабочих почему
К спине пупок прирос? (4)

1622

Во все кидаемся
Мы сломя голову!
От перестройки, Семен,
Хоть сдохни с голоду. (7)

1623

С перестройками
И переменами
Все хотят, Семен,
Быть бизнесменами. (5)

1624

Видно, нам, Семен,
Пропадать с тобой:
Прохиндеи в бизнесмены
Подались гурьбой! (5)

1625

Семен – жулик был,
Но попал в Совет
И теперь он там
Бизнес делает. (5)

1626

Ты учти, Семен:
Кому противен труд,
Те бизнесменами
Напролом идут. (5)

1627

Перестроиться вам
Нужно всей семьей:
Жена будет тебе мужем,
А ты ей — женой. (5)

1628

Слова о гласности
Семен не так понял —
Начальника критикнул,
И в «дурдом» попал. (5)

1629

Насчет гласности
Дали понять ему:
Подсунули героин
И упекли в тюрьму. (5)

1630

Политзэков нет
Теперь у нас в стране —
Просто взяли обвинили
В уголовщине. (5)

1631

У нас при гласности
Иначе делают:
Сболтнул лишнее —
Хулиганство «шьют». (5)

1632

Не за критику
Семена судит суд —
За клевету ему
Законно срок дадут. (5)

1633

Ты не верь, что у нас
Теперь гласность есть, —
Опять за критику
Свободно можешь сесть. (5)

1634

Семен, от гласности
Одно название,
Начальника критикнул —
Жди наказания. (5)

1635

У нас гласность есть! —
Семен, одни слова:
Ведь на критику
Лишь у властей права. (7)

1636

Гласность — знай, Семен, —
Роскошь не для нас:
Критикнешь начальство —
В тюрьму сядешь враз! (5)

1637

Сорвал яблочко
Я в своем саду.
Избирал я демократов
На свою беду. (5)

1638

С перестройкою
В ногу мы идем:
У своей жены Семен
Стал арендатором. (5)

1639

Не говори, Семен:
«Большевикам капут» —
Они, богатые, в аренду
Даже Кремль возьмут. (5)

1640

Большевики, Семен,
Не пропадут и тут:
В аренду весь народ
Они легко возьмут. (5)

1641

Хоть убей, Семен, –
Не понимаю я:
Где – спекуляция,
А где – коммерция. (5)

1642

Ударюсь я, Семен,
Теперь в коммерцию:
Честью, совестью
Поспекулирую! (5)

1643

Семен грех имел:
Любил купить-продать.
Теперь «брокером»
Его извольте звать. (7)

1644

Я честью, совестью
Не спекулирую –
Просто я, Семен,
Коммерсирую. (7)

1645

Говорили: «Спекулянт!
Душа продажная!»
Коммерсант теперь
Фигура важная! (5)

1646

Работу брось, Семен, –
Коммерсантом будь:
Пусть работает
За тебя кто-нибудь. (5)

1647

К чертям кузницу
Брось, Семен, свою:
Много выгодней
Идти в коммерцию. (5)

1648

Депутат Семен,
Ты мне ответь на то:
Все торговать идут,
А на работу – кто? (5)

1649

В речах предвыборных
Ельцин сто́ил двух!
Потом ограбил он
Стариков, старух. (6)

1650

Теперь на пенсию
Невозможно жить:
Ельцин голодом
Решил старух морить. (6)

1651

Ельцин щедрый был
На обещания,
А довел народ
До обнищания. (5)

1652

Эти яблочки –
Очень скверный сорт.
Я на Ельцина молилась –
Оказался черт. (5)

1653

Кто сам рвет яблочки,
А кому рвет слуга.
Нет, не ангел Ельцин –
У него рога! (5)

1654

Я тебе, Семен,
Хочу сказать одно:
Изобилия у нас
Лишь во вранье полно. (4)

1655

Порядка нет, Семен, –
В Кремле одни «дубы».
В цыганском таборе
Им поучиться бы. (5)

1656

Придумал кто, Семен,
Приватизацию?
Еврей купит с потрохами
Нашу нацию. (5)

1657

Что мне мечтать, Семен,
И где мне денег взять,
Чтобы собственный член
Приватизировать? (5)

1658

Кому богатство даст
Приватизация,
А нам опять, Семен,
Эксплуатация. (5)

1659

В перестройке, Семен,
Как в облигации:
Кому – горе, кому – смех
В приватизации. (5)

1660

Теперь все, Семен,
Приватизируют:
Что награбили у нас –
Тем спекулируют. (7)

1661

В перестройку холодильник
Не пустой стоит:
Колбасы и яиц нету –
Положу свои. (5)

1662

Перестроились,
Приняли новый план:
Холодильник опустел,
А заодно – карман. (5)

1663

Зачем теперь властям
Распределители?
Они законные,
Семен, грабители. (5)

1664

С перестройкою, Семен,
Что изменилося?
На местах осталась
Номенклатура вся. (7)

1665

Не пойму, Семен,
Где перестройки суть?
Одинаково за грош
Придется спину гнуть. (7)

1666

Перестройкою
Довольны все вполне:
Овечьи шкуры у волков
Теперь, Семен, в цене! (7)

1667

В перестройку комары,
Семен, не кровь сосут:
Они поклялися
Пить одну росу! (5)

1668

На перестройку зря,
Семен, надеялись –
Потом все поняли
И разуверились. (5)

1669

Перестройкою
Семен доволен был!
Стали дыбом волоса,
Как в магазин сходил. (5)

1670

Перестройщиков
Знай, Семен, своих:
Утонула в алкоголе
Честь и совесть их. (5)

1671

Перестройка, Семен,
В том заключается:
Честный трудится, а гад
Обогащается. (5)

1672

Обстоятельства
Ты, Семен, учти:
Перестройка началася –
Ввели карточки. (5)

1673

Ты поверь, Семен:
Ждет перестройку крах –
Все равно коммунисты
Держат власть в руках. (5)

1674

Украл яблочко
Я у родителя.
А у Ельцина политика
Грабителя. (5)

1675

Сорву яблочко,
Но не дам ему –
Ельцин у нищего
Отобрал суму. (5)

1676

Усекай, Семен, –
Перестройка в том:
Махинации теперь
Зовут бизнесом. (5)

1677

Перестройка нам дала
Побольше гласности,
Но не дремлет отдел
Госбезопасности. (5)

1678

Уже давно в Кремле
Идет борьба за власть,
А трудящийся
Переноси напасть. (3)

1679

Мы беспощадные
Должны быть к врагам!
А наш лютый враг –
Номенклатурщик сам. (4)

1680

Жулье о Ельцине
Беспокоится:
Как на Бога, на него
Оно молится. (5)

1681

Почему, спроси,
У этих тварей двух?
Пусть ловили б хоть
Они личинок, мух! (4)

1682

Про перестройку мне
Сказали лестное –
Это жульничество
Всем известное. (7)

1683

Перестройка с партократией
Не вяжется:
От безделья и блаженства
Кто откажется?! (7)

1684

Партапаратчикам
Что перестраивать?
Надоело отдыхать –
Хотят повкалывать?.. (7)

1685

Ну какая уж
Перестройка тут?
Кто все греб к себе –
Те и сейчас гребут. (7)

1686

Лишь жонглируют
Все словечками.
Даже волки вдруг
Стали овечками. (6)

1687

К тому привыкли, что
Кругом предательство.
Приватизация –
Есть надувательство! (7)

1688

Сок из яблочек
Сам заквасился.
Ельцин в белые из красных
Перекрасился. (5)

1689

Перекрасился,
А сущность прежняя.
Походить он стал
Уже на Брежнева. (5)

1690

Перестройщики,
На вас нет креста:
Обдирать народ начали
Теперь с хвоста. (5)

1691

Сорвал яблочко
И его тут же съел.
С пенсионерами
Ельцин очень смел. (5)

1692

Сорвать яблочки –
Я сучок нагну.
Старикам наш Ельцин
Объявил войну. (5)

1693

Видно, ошиблися,
Что молилися –
Лишь осквернилися
И осрамилися. (5)

1694

Давши яблочко,
Вы мне потрафили.
А может, Ельцин наш –
Главарь мафии?.. (5)

1695

С дикой яблони
Облетает цвет.
В честность Ельцина
Больше веры нет. (5)

1696

Упало яблочко,
А там растет трава.
Не отвечает Ельцин
За свои слова. (5)

1697

Собрал яблочки
И погрузил в вагон.
Почему Ельцин свиреп?
Из коммунистов он! (5)

1698

У тебя, Семен,
Не те понятия:
Ты ведь раб, а орешь,
Что демократия. (4)

1699

Не ем яблочки
Я в сражении.
А у Ельцина лишь гады
В окружении. (5)

1700

Этим яблочкам
Теперь грош цена.
Вся из бешеных псов
Охрана Ельцина. (5)

1701

Сшибать яблочки —
Тоже нужен спец.
Ельцин был в номенклатуре,
Значит, он подлец. (5)

1702

Пропали вклады все —
Об этом ты не плачь:
На них Ельцин холуям
Понастроил дач. (5)

1703

Птички яблочки
Клюют стаями.
Ельцин дружбу ведет
С негодяями. (5)

1704

Ельцин с подручными
Удивляются:
«Куда денежки народные
Деваются?!» (5)

1705

Ох уж эти мне
Власть имущие! —
Они — все подлые,
Мерзавцы сущие! (5)

1706

Все, куда ни глянь,
На своих местах:
Дуремаров у нас много
На больших постах. (4)

1707

С жары яблочко
Все скорючило.
Почему стоят комбайны? —
Нет горючего!.. (8)

1708

Эх, яблочко,
Я тя слопаю!
У бухгалтера сравнялась
Харя с жопою. (8)

1709

У правительства,
Видно, нету глаз:
К краю пропасти
Привели всех нас. (5)

1710

– Если плохо вам,
Ну а мы при чем?
Оказался виноват
Сам народ во всем. (5)

1711

С получкой если все
Дальше так пойдет –
Буду фиговый листок
Носить я круглый год. (6)

1712

Эх, яблочко,
Про тебя споем.
Не дадут получку в срок –
Мы воровать пойдем.

1713

Упало яблочко –
Я в траве нашел.
Предал Ельцин нас:
До нищеты довел. (5)

1714

На столбах висеть
Должны правители:
Они народных благ
Расхитители. (6)

1715

Паразиты, негодяи
Очень схожие:
Все довольные
И краснорожие. (6)

1716

Выбрали Ельцина –
Я от восторга пел!
Он потом меня
Догола раздел. (6)

1717

Перестройку встречал
Со знаменами!
Деньги сотнями считал –
Стал – миллионами. (5)

1718

Было что с нас снять,
То мы – товарищи!
Обобрали догола,
Теперь господ ищи. (5)

1719

Я поднял яблочки,
А они мятые.
Мы до нитки перестройкой
Обобратые. (5)

1720

Дарю яблочко
Тебе, милая!
Стала Родина
Мне постылая. (5 – Химки-92)

1721

В лихое времечко
Картошка – хлеб второй!
А сейчас плохо так –
Не сравнить с войной. (5)

1722

Надо сколько же
Иметь в сердце зла,
Чтоб могучую державу
Разорить дотла!.. (6)

1723

Перестройку я
Теперь, Семен, узнал:
Раньше был бардак,
А сейчас – развал. (5)

1724
На Руси всегда
Было много смут.
Всегда невинные
За виноватых мрут. (5)

1725
И стреляли в нас,
И неволили,
Потом нам мозги
Канифолили. (3)

1726
Абрам хитростью
В аренду взял завод
И на слесаря Семена
Он теперь плюет. (5)

1727
Семен, жулика-еврея
Не кричи: «Лови!» —
Ведь торгашество у них
Зарождено в крови. (5)

1728
С ломом, кувалдою,
Семен, ты да я,
А еврейское призвание —
Коммерция. (5)

1729
Абрам в палаточке —
«Мерседес» купил!
Семен-кузнец на велик
Десять лет копил. (3)

1730
Как хошь зови, Семен, —
Хоть — еврей, хоть — жид,
За чужой счет всегда
Норовит он жить. (3)

1731
Кочегар Семен
Ищет, где теплей,
А ларек или палатка —
Мерзнет там еврей. (3)

1732
Хитромудреньких
Не зря зовем мы «жид» —
Кто еврея проведет,
Тому и дня не жить. (7)

1733
Перестроились
Из волков в овец...
Вот и сказочке
Для дураков — конец! (7)

1734
Навел и крикнул всем:
— А ну-ка «Хенде хох!»
И в Сибирь бы всех,
Как с собаки блох. (5)

1735
По «чести», «совести»,
По уму хитрому,
Тоскует мой кирпич
По рылу жирному. (6)

1736
Будь я волшебником —
Превратил тогда б
Всё правительство
В пауков и жаб. (4)

1737
Глухим про яблочки
Что пользы песни петь?
Сколько нашу власть
Можем мы терпеть?! (5)

1738
Повезло бы мне
И я клад нашел —
Купил ракету бы
И на Кремль навел. (5)

СУДЬБА ПЕНСИОНЕРОВ И СТАРИКОВ

1739

Как с инфляцией
Проблему нам решить?
Придумал Ельцин наш
Стариков душить. (5)

1740

Ленин скромно жил,
Так завещал и нам:
Чтоб была пенсия –
В день хлеба по сто грамм. (5)

1741

За свободу мои деды
Насмерть бились –
Все равно под ярмом
Очутился! (4)

1742

В революцию
Дед буржуев бил –
Не себе, а комиссарам
Власть в бою добыл. (3)

1743

Срезают пенсию
До смехотворности:
В Кремле уверены
В нашей покорности. (6)

1744

Бабули в юности
Пахали с песнею!
Смехотворную
Дали им пенсию. (3)

1745

«Старикам почет!» –
Пустая фраза лишь.
Дед век спину гнул:
Пенсия – просто шиш. (3)

1746

Пошла на пенсию
Я и заахала:
Во сне вижу молоко,
Пью чай без сахара. (5)

1747

Что возмущаться зря –
Лишь головой качай:
Хватит пенсии
Всего на хлеб и чай. (5)

1748

Работа тяжкая:
Придешь – не чуешь ног.
А дали пенсию –
Чтоб поскорей подох. (5)

1749

Старухам пенсии
С гулькин нос даны:
Ведь не буржуи мы –
Не избалованы! (5)

1750

Мне плакать хочется,
А вот я – пою!
Для борьбы за мир
Отдам я пенсию. (5)

1751

Рабочий класс с трибун
Щедро славили!
С мизерной пенсией
Потом оставили. (5)

1752

За ударный труд
В пример ставили,
Потом на пенсию грошовую
Отправили. (3)

1753

Как пенсионное
Обеспечение –
Мне издевательства
И мучения... (5)

1754

Дали пенсию –
Только считается:
На нее кот, и тот
Не пропитается. (7)

1755

Или я – не тот,
Или власть – не та:
Дали пенсию –
Не прокормить кота. (3)

1756

Вдвойне яблочек
Больше я собрал.
Спину гнул на коммуняк,
А сам нищий стал. (3)

1757

Как мне жаль тебя,
Милый мой дедок:
На гадов спину гнул
И не нажил порток. (5)

1758

Что-то делали
Старики не так:
Миллиарды заработал –
Получил пятак. (4)

1759

Мы – трудилися,
Они – хапали!
Нам счастье в старости
По каплям капали. (3)

1760

На заслуженный
Покой отправили:
Не наградили нас,
А ограбили. (3)

1761

На доске Почета
Молодой висел!
Теперь с протянутой рукой
Я у дороги сел. (5)

1762

Верой-правдою
Я стране служил –
Но хором себе
Так и не нажил. (3)

1763

Себе начальники
Жизнь обеспечили,
Зато старость работягам
Искалечили. (3)

1764

Не ручьи – моря
Пота пролили!..
Теперь старых работяг
Обездолили. (3)

1765

Революция
Деду все дала!
Подразнила волей
И назад взяла. (3)

1766

Забыли Бога мы,
И изменился быт:
Не в храм дед Семен,
А в кабак спешит. (3)

1767

Защищал нас дед
Винтовкой, пушками,
А его медали стали
Побрякушками. (5)

1768

За героизм в боях
Орден дед привез!
Теперь с голоду
Продавать понес. (5)

1769

Много крови за медали
В войну вылилось...
А вот теперь дедку
Их продавать пришлось. (5)

1770

В войну выжили –
Спасибо карточкам.
А теперь бабулю дед
Спасай от смерти сам. (3)

1771

На рынке видел сам,
Как старый дед рыдал:
Как душу дьяволу,
Свою медаль продал... (5)

1772

Честно вкалывал
Я везде, всегда,
А нажил богатства
Лишь «мои года»... (6)

1773

Голодный дедушка,
Как тебя мне жаль:
Свою реликвию –
Ты продал медаль. (5)

1774

Медаль дедова –
Его кровь на ней...
За булку хлебушка
Ее купил злодей. (5)

1775

Медаль дедушке
За его кровь дана!
В чью-то коллекцию
Попадет она... (5)

1776

Медали дедовы
Кровью окрашены!
В хлам переделаны
Вождями нашими. (5)

1777

До чего же мы
Докатилися?!
На рынке дедовы медали
Очутилися. (5)

1778

Медали дедушки
Превращены в товар...
Пусть на купившего
Падет болезнь, пожар! (5)

1779
Что качаешь ты
Седой головушкой?
Твои медали, дед,
Омыты кровушкой. (8)

1780
В бою за храбрость дед
Заслужил наград!
Их теперь отдать
За кусок хлеба рад. (5)

1781
За каждый орден дед
Кровью дань платил!
За кусок мяса их
Негодяй схватил. (5)

1782
О стариках заботой
В Кремле хвастают,
Но по помойкам они
Теперь шастают. (5)

1783
Дед комунистов спас
На своих штыках –
Теперь копается
В помойных ящиках. (5)

1784
В революцию
В первых был рядах!
А хожу, старик,
В рваных я штанах. (3)

1785
Я революции
Всей душой служил,
А постарел, поумнел
И всей душой... тужил. (3)

1786
Сорву яблочки,
Отнесу в сарай.
Старикам сейчас ад,
Зато кремлевцам – рай! (6)

1787
Конкурс умников
Вот-вот объявится:
Как от нас, стариков,
Скорей избавиться. (6)

1788
Пенсионеров – тьма!
Куда их девать?
Для стариков пора
Бухенвальд создать. (6)

1789
Пришло в старости
Утешение:
Умирать могу
Без разрешения. (5)

1790
На привилегии
Инвалид войны
Может рогожные
Купить себе штаны. (6)

1791
За что всю жизнь страдал
Инвалид войны?
Не предавал хотя
Врагам своей страны. (6)

1792
Будем лучше жить,
Чем сейчас живем:
Стариков, старух
Будут жечь живьем. (3)

1793
Чтоб правителям
Было легче жить,
Скоро будут стариков,
Словно крыс, травить. (5)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

1794

Нам с тобой, Семен,
Давно понять пора,
Что печать у нас
Похлеще флюгера! (7)

1795

Печать на Западе
Вся продажная,
А у нас она –
Шлюха важная! (6)

1796

Семен, писатели
Нас одурачили:
Кому задницу лизали –
Ругать начали. (5)

1797

Журналист, Семен,
Продал честь за грош!
У них плох стал тот,
Кто был вчера хорош. (7)

1798

Печать свободною
Называется –
Перед властью любой
Пресмыкается. (7)

1799

Сегодня пишут: «То!»
Потом: «Не то!» – читай.
Не печать у нас,
А «купи-продай»! (6)

1800

Жизнь счастливую
Нам пророчили –
Газеты головы
Нам заморочили. (6)

1801

Дела – темные,
Души – черные,
Хоть – писатели
И ученые. (7)

1802

Мы считаемся
Страной читающей:
У нас газет сейчас,
Как на нищем вшей. (7)

1803

Спросил: «Газеты есть?»
Семен ответил тут:
«Правды» нет, «Россию» продали,
Остался «Труд». (5)

1804

Не бери газет:
От них только вред!
Искал я новости,
А там какой-то бред. (7)

1805

Журналист Семен,
Тварь продажная!
За лицемерие тебе
Власть платит кажная. (6)

1806

Приравняли мы
Кирку, лом к перу:
В руки я не лом,
А перо беру! (7)

1807

В голове, Семен,
У нас с тобой «того»:
Закрутили нам мозги
Печать и радио. (7)

1808

На все газеты я
Теперь, Семен, плюю:
Корреспонденты все
Торгуют совестью. (7)

1809

Перестройку хвалить
Печать старалася,
Как было плохо мне –
Так и осталося. (5)

1810

От заграницы тем
Мы отличаемся:
Даже сами себе врать
Мы умудряемся. (7)

1811

Газету брось, Семен, –
Там сплошная ложь:
Журналисты правду продали
За медный грош. (7)

1812

Семен к писакам имеет
Недоверие:
У них профессия –
Лицемерие. (6)

1813

Имеем дело мы
С пропагандою –
Иметь приятнее
Дело с бандою. (7)

1814

Хоть не смотри кино,
Хоть не читай газет:
Одна ложь кругом –
Нигде правды нет. (6)

1815

В Кремле писателей
Любили, холили:
Они опиум народу
Наготовили. (5)

1816

Поэт – бездарь хоть,
А все равно строчит!
Дребедень такую пишет –
От нее тошнит. (7)

1817

Перед поэтами
Все преклоняются,
А они в душе над нами
Потешаются. (5)

1818

Семен стихи писал
Золотым пером!
Прочитаешь – и воняют
Все они дерьмом. (6)

1819

Я роман читал –
Лауреат писал!
Как тюремная баланда,
Он противен стал. (7)

1820

Нам писателей
Есть за что любить:
Научили нас
Они топор варить! (5)

1821

Семен, писателей
В шею всех гони:
Галиматью пороть
Мастера они. (6)

1822

Продай роман, Семен,
Иди купи вина!
В том хоть градусы!
Тут — чепуха одна. (6)

1823

Тот роман, Семен,
От силы стоит грош —
Убедился сам:
Белиберда там сплошь. (6)

1824

У нас свободная,
Как нигде, печать!
А что врет всегда —
Мы должны молчать. (5)

1825

В печати правды нам
Один процент дают.
А куда денешься? —
Покупай, что врут!.. (6)

1826

У газет, у нас,
Названья гордые!
А писаки в них
С наглой мордою. (6)

1827

Семью одел, обул,
Большой построил дом,
Но не кувалдою,
А золотым пером! (7)

1828

Чужие яблочки
Положи, не трожь.
У нас в газетах сплошь
Одно вранье и ложь. (5)

1829

Телик, радио на свалку
Сдать пора давно:
Там ведь правды нет —
Лишь вранье одно. (5)

1830

Семен, без выпивки
Со скуки я умру:
Дребедень всегда идет
По телевизору. (6)

1831

Семен, теперь иду
Я не на пляж в жару —
Голых баб смотрю
По телевизору! (6)

1832

Наш Семен совсем
От любви ослаб:
Насмотрелся по «телеку»
На голых баб. (5)

1833

«Телек» банки и конторы
Рекламирует —
Он не лечит наши души,
А травмирует. (7)

1834

У Семена набекрень
Мозги уж съехали:
Корреспонденты лапши
На них навешали. (5)

1835

Посмотрел кино,
Прочитал роман:
В голове туман –
Там один дурман. (5)

ДЕДЫ И ВНУКИ

1836

Старый дед Семен,
Научи ты нас:
Все, что знали вы,
Забыли мы сейчас. (3)

1837

Мне, неразумному,
Давал совет старик:
– Больше – опыта
И меньше глупых книг. (3)

1838

Семен дедушку
Ругает: «Старый хмырь!»
Если дельный совет –
Чего лезть в пузырь? (3)

1839

Семен в дедовых советах
Не нуждается!
Хотел умнее стать –
Не получается. (3)

1840

На советы стариков
Все обижаются,
Хотя сами, как слепые,
Спотыкаются. (3)

1841

Ошибается Семен,
Хоть не совсем тупой:
Дед укажет на ошибку –
Сразу хвост трубой! (3)

1842

Хорошо, Семен,
Я живу в дому,
Что построил дед
Назад сто лет тому. (4)

1843

Хотя и бедно жил,
Прапрадед строил дом,
А я зажиточно
В нем живу в гнилом. (3)

1844

Без холодильника
И без «телека»
Мой дед скромно жил,
А всю страну кормил. (6)

1845

Не знал дед обуви,
Окромя лаптей,
Но он голодом
Не морил детей. (3)

1846

У деда – все путем,
У меня – все не так:
Он – с душой пахал,
А я – кое-как. (3)

1847

Во времена царей
И беспросветной тьмы,
Продавали хлеб
За границу мы. (3)

1848

Но зато теперь,
В век просвещения,
За рубеж глядим –
Ждем избавления. (3)

1849

Что заимел мой дед –
Тому износа нет!
А что купил вчера –
Утиля гора. (4)

1850

Твой опыт, дед Семен,
Для жизни так богат!
Но его перенимать,
Увы, не все хотят. (3)

1851

Просит внук Семен:
– Расскажи мне, дед,
Почему крепче меня ты
В девяносто лет? (3)

1852

Деды к праздникам,
Бывало, режут скот.
Не верим в Бога мы –
Постимся круглый год! (3)

1853

Перед тем как сеять,
Бога дед молил...
Чего ж, внук голодный,
Бога ты забыл? (3)

1854

Дед богомольный был –
Боялся он грешить,
Ну а внук Семен
Решил без Бога жить. (3)

1855

Боялся дед Семен
Гнева Божьего,
Зато внук Семен
Послал к чертям Его. (3)

1856

Деды не были
Так, как мы, вольны,
Но к зиме у них
Закрома полны! (7)

1857

Был дед безграмотным,
Но не бездельником!
Теперь голодные
Мы с академиком. (7)

1858

В хозяйстве маленьком
Знал толк темный дед!
В академии ему
Сегодня равных нет. (3)

1859

Был малограмотным
У Семена дед –
Полон двор имел скота,
Хоть не читал газет. (3)

1860

У дураков дедов
Во дворе был скот –
У нас, умников,
Попугай живет. (3)

1861

В город предок мой
Возами хлеб возил.
Я из города в деревню
Сухари носил. (8)

1862

Я пионер теперь!
Ты не указ мне, дед:
Без тебя все знаю –
Мне уж десять лет. (3)

1863

Хоть худ дед Семен,
Но жилист был, силен.
А его внук-пузан –
Как гнилой чурбан. (3)

1864

Дед не слыхал тогда
Про электричество,
Но в еде – качество,
В детях – количество! (4)

1865

Многодетностью
Предки славятся.
А теперь с одним
И то не справятся. (8)

1866

Детей не как деды –
По одному растим:
Стали обузою
Они – нам, мы – им. (8)

1867

Живет в бедности
Семен сам-третей,
А дед вырастил неплохо
Восьмерых детей. (3)

1868

Растил дед десятерых,
И не легко хотя.
А теперь мне в тягость
И одно дитя. (3)

1869

Помню бабушкин
В избе ткацкий стан:
Не возили тогда шмотки
Из заморских стран. (5)

1870

Телевизоры
Сейчас в селе у всех,
А на столе еда –
Дедам, курям на смех. (5)

1871

Чего ждать теперь
Нам от своих детей,
Когда забыли мы
Своих родителей. (8)

1872

Хотел жениться я,
Хотел детей растить –
С моей зарплатою
Век холостым ходить. (3)

1873

За рубежом дедов хлеб
Был на вес золота!
Теперь там покупает
Внук аж корм скота. (5)

1874

Заморским идолам
Деды не кланялись —
Они своим трудом
На весь мир славились! (3)

1875

Пренебрегаем мы
Своими предками —
Заграничными питаемся
Объедками. (5)

1876

Ох, перед предками
России срам какой:
Стоим с протянутой
За рубеж рукой! (6)

III. Страдания (двухстрочные)

РЕВОЛЮЦИЯ. ЛЕНИН

1

Революцию свершили –
Как болваны, поступили. (3)

2

С Ильичем мы Зимний брали –
О последствиях не знали... (3)

3

Народ Лениным гордился,
Хоть в своей крови топился. (3)

4

Часто спорил Ленин с Троцким –
Вот и вышел строй уродским. (3)

5

От войны гражданской Ленин
В крови вымок по колени. (3)

6

Ленин – добрый! Друг здоровью!
Но залил Россию кровью... (3)

7

Ленин – вождь! Ума – палата!!
Но живем мы плоховато... (3)

8

Ленин с Троцким не дружили –
Черту оба хоть служили. (3)

9

Против Керенского Троцкий
План придумал идиотский. (3)

10

Ленин любит серп и молот!
А в стране – хаос и голод... (3)

11

Ленинцы «ура!» орали.
А рабочие – стонали. (3)

12

Ленин правил гениально!
Но все плакали повально... (3)

13

Ох, Ильич, твои заветы
Признают только газеты. (3)

14

Пойду к Ленину-портрету:
«Помоги мне – хлеба нету...» (3)

15

Ленин – ангел экстра сорта!
Но видны повадки черта. (7)

16

Что нам Ленина идеи? –
Кругом – воры, прохиндеи! (6)

17

Что за «путь» открыл нам Ленин?
Вновь мы встали на колени... (3)

18

Продали Ленина идеи,
Как Христовы – иудеи. (3)

19

Планы Ленина, мечтанья
Оставляют без вниманья. (5)

20

На книги Ленина молились! –
Все в утиль вдруг превратились. (5)

21

Давно, Ленин, твои мысли
Безнадежно все прокисли. (5)

22

Мы по-ленински учились:
Воровать все наловчились. (6)

23

Чтим мы Ленина заветы –
Вот и мучимся за это... (5)

24

В Ильича я верил свято! –
Не прощу себе без мата. (6)

25

Велики Ильича планы –
Воплощают их – болваны. (7)

26

В пользу Ленина наука
Тем, кто «Лебедь, Рак и Щука». (7)

27

Ленин был, как черт, с рогами.
Теперь – лысый: видим сами. (6)

28

Проснись, Ленин, открой глазки:
Нет ни мяса, ни колбаски. (5)

29

Вставай, Ленин, вставай, дедка:
Заебла нас пятилетка. (5)

30

С пути Ленина свернули,
Хоть ему и присягнули. (3)

31

«Верным ленинцем» зовутся
Те, кто меж собой грызутся. (7)

32

Мечты Ленина все сбылись:
Мы – голодные, а спились. (8)

33

Ныл у ленинского бюста:
«В кошельке и брюхе – пусто». (3)

34

Храм Спасителя взорвали –
Встанет Ленин там едва ли?.. (3)

СТАЛИН

35

Орем Сталину мы «браво!» –
Вернул крепостное право... (3)

36

Дорогой «отец наш» Сталин
Без отца меня оставил. (3)

37

Дураки давно мы сами,
А вот Сталин наш — с усами! (3)

38

Сталин Ленину все клялся —
Все забыть потом старался. (6)

39

Сталин ленинскую волю
Развеял, как прах, по полю. (7)

40

Сталин Ленину поклялся,
А потом пять лет плевался. (3)

41

Сталин Ленину лукавил:
Как диктатор, после правил. (3)

ВЫБОРЫ

42

Я пойду проголосую,
А кто в списке — мне по хую! (5)

43

Зачем в избирпункт позвали? —
Мы и так «голо совали». (6)

44

Глупый хитрых избирает —
Себе яму сам копает. (3)

45

Во власть «лучших» избираем,
Хоть все жулики: мы знаем. (3)

46

Мы за тех голосовали,
Кого власти нам совали. (3)

ВОЙНА

47

Уж какие там медали,
Когда в бой нас матом гнали. (1)

48

Нет смелей, чем русский Ванька:
Прет с дубиной против танка! (1)

49

Милка орден заслужила:
Сразу двух с собой ложила. (1)

50

Мы в окопах воевали,
А в тылу на нас — плевали!.. (1)

ТЮРЬМА

51

Рад тюремной жизни нашей:
Сплю в обнимку я с «парашей»! (2)

КОММУНИСТЫ

52

В Кремле правят старикашки:
Нет успехов – лишь промашки. (5)

53

Старики в Кремле засели,
Маразматики, засери... (5)

54

В Кремле пней трухлявых больше,
Чем с Камчатки и до Польши. (5)

55

В Кремле шайка виновата:
Сын отца бьет и брат – брата. (3)

56

В Кремле кто же «пролетарий»? –
Брюхо толсто, жирны хари! (6)

57

Во дворцах – все сволочуги,
А трудящимся – лачуги... (3)

58

Не беда, что ума нету, –
Честь и слава партбилету! (5)

59

У нас тех частенько славят,
Кто людей, природу травят. (5)

60

Вечно вкалывай, ворочай,
В попу гребанный рабочий... (5)

ДЕМОКРАТЫ

61

Как стал Ельцин на престоле –
У меня нет даже соли. (5)

62

За что прежде нас сажали,
Все в газетах писать стали. (5)

63

Есть у Ельцина союзник:
Это «памперс» и «подгузник». (5)

64

Через Ельцина Бориса
Стал презренным я, как крыса. (5)

65

Ельцин слыл за патриота,
А он – кукла и всего-то!.. (6)

66

Думал: Ельцин – вождь народа!
А он – кукла кукловода. (6)

67

С головы рыба вся тухла.
Не царь Ельцин – просто кукла. (6)

68

В политике Ельцин – пешка:
Он мафии – орел-решка. (6)

69

Ельцин честно, без обмана
Греб из нашего кармана. (6)

70

Мозги Ельцин канифолил,
А сам бабок обездолил. (5)

71

Не боится Ельцин Бога:
Дал нам мало, отнял — много. (6)

72

Отвечай нам, Ельцин-сучка:
Где же пенсии, получка? (6)

73

Про Ельцина люди знают:
С ним, как с куклою, играют. (6)

74

Кто же Ельцин? — Башка
вспухла! —
Или чучело, иль кукла?! (5)

75

Думцам много привилегий,
А нам — дышло от телеги... (10)

76

Были лодыри в колхозе,
Теперь — в Думе мафиози... (10)

77

Черномырдин наел рожу:
Он с моих костей драл кожу. (10)

78

Долгорукий — тоже Юрий,
Но в Лужкове больше дури. (10)

79

Нам Чубайс-приватизатор,
Как оленям аллигатор. (19)

80

Вот опять Чубайс у власти.
Придут новые напасти... (19)

81

Наполеон был, Гитлер, Сталин,
А Чубайс их всех обставил! (10)

82

Не зверей злых опасайся,
А хитрющего Чубайса!.. (19)

83

Миллиарды — у Чубайса,
А я — корочкой питайся... (19)

84

Раньше был экспроприатор,
Теперь он — приватизатор. (5)

85

От приватизации толку,
Что овце — служенье волку. (10)

86

От приватизации сгину:
Еще больше сгорбит спину. (10)

87

Колдуны, гипнотизеры:
Это все — приватизеры. (10)

IV. Страдания (четырехстрочные)

РЕВОЛЮЦИЯ, ЛЕНИН, СТАЛИН

1

Если Ленин бы проснулся,
Он бы сильно ужаснулся,
Одел бы кепку куцую,
Вновь начал революцию. (5)

2

Вставай, Ленин, кричи: «Феликс!
С буржуями в Кремле спелись!..
Вынь карающий свой меч –
Демократам башку сечь!» (5)

3

Буржуинов на колени
Ставил всех диктатор Ленин!
Стал хозяином народ –
Ленин вел его вперед. (5)

4

Насмехаясь над Иваном,
Ленин трон назвал диваном:
На него взобрался
И «вождем» назвался. (5)

5

Хоть был Ленин, хоть стал Сталин,
А мы лучше жить не стали.
Партийцы-горлопа ны
Зажили как паны! (6)

6

По Европе (брешут вроде)
Коммунизма призрак бродит.
Бродил и добродился –
В Руси остановился. (6)

7

Лучше скипидара клизма,
Чем тот призрак коммунизма:
Тот пощипет и пройдет –
Призрак в гроб нас заведет. (6)

КОММУНЫ, КОЛХОЗЫ

8

Читал лектор накануне
В клубе мифы о коммуне.
На нем драпово пальто,
Ему не верили никто. (5)

9

Язык лектора без смазки
Про коммуну мелет сказки.
Годны его лекции
Черту для коллекции. (5)

10

Нам в колхозе землю дали,
А мы мяса год не жрали.
Дали б дохлого коня –
Пировали б все три дня! (5)

11

Мужики льют горьки слезы:
Загоняют их в колхозы...
Там дают на трудодни
Только «палочки» одни. (5)

12

В селе много девок модных –
В телогрейках и голодных.
На «палочки»-трудодни
Бахилы носят лишь одни. (6)

13

Проявляют в труде рвенье
Председатель и правленье:
Хлещут водку из ведра,
Хоть уж спать давно пора. (5)

14

Председатель как-то спьяну
Предложил поправку к плану:
«Обязуюсь и с быка
Иметь две тонны молока!» (6)

15

Председатель – всем на горе,
Привез кур нам из-за моря:
Куры там хохлатые,
А яицы – лохматые. (6)

16

Нам за труд в колхозе дали
Значки, вымпелы, медали.
А начальству – скромно:
По премии огромной! (6)

17

Нам медали – не награды:
Мы бутылке больше рады! –
Ее выпьешь до конца,
И нужда забудется... (6)

18

Дали грамоту почета –
От ней жрать сильней охота.
А дай картошки два куста,
И вся семья была б сыта. (6)

КОММУНИСТЫ

19

У Кремля на Май ходили,
Много чучел мы носили.
Я б выбросил то добро,
Хоть на них Политбюро. (6)

20

Коммунисты, сучьи дети,
Как вас терпит Бог на свете?!
Если был бы я Бог –
Вам подохнуть помог. (5)

ДЕМОКРАТЫ

21

Есть, как был, урод уродом,
А ведь «избран» был народом.
Но, кто его выдвигал, –
Сам хапуга и нахал. (5)

22

Меж кремлевским гадким сбродом
Мало общего с народом:
«Народные слуги»
Сейчас все хапуги. (5)

23

Негодяи все у власти,
А мы им: «Почтенье! Здрасте!»
А ведь надо бы сказать:
«Паразиты, вашу мать!» (5)

24

Негодяи в Кремль пробрались
И до смерти там остались.
А могли б мы выбирать –
Их в тюрьму всех посажать. (6)

25

Омута и перекаты...
Коммунисты, демократы...
От них пользы людям нет –
Только лишь огромный вред. (5)

26

На выборах демократам
Я не крест писал, а матом –
Использовал для того
Я три буковки всего! (5)

27

Во всех бедах виноваты
Ельцинисты-демократы:
Они, мать их перемать,
Лишь умеют воровать. (5)

28

Делать – шутка глуповата –
Из фашиста демократа:
Волка в зайца (вот беда!)
Не переделать никогда. (5)

29

Ношу имя господина,
Но живу я как скотина.
А слуги-депутаты
Имеют палаты! (5)

30

Демократы удружили:
Всех в господ нас превратили.
Но у нас ведь, господа,
Стала роскошью еда. (5)

31

Видно, Ельцин, ты сын сучки –
Стариков довел до ручки:
В переходах мы стоим
И тебя «благодарим». (5)

32

Не для вас же, Ельцин-сука, –
Деньги я копил для внука.
Ты реформой, как шакал,
До копейки все отнял. (5)

33

Ты, дружочек, опасайся
И Гайдара и Чубайса:
Их ваучеризацию
К чертям, в канализацию! (5)

34

Негодяи – процветают,
А трудяги – все нищают:
Демократы довели,
Сделав длинными рубли. (5)

34

Ельцин всех пенсионеров
Превратил в миллионеров:
Полмиллиона получу,
А постоянно жрать хочу... (5)

35

Денег нет – пойду на свалку,
Там найду большую палку.
Буду Ельцина лупить:
– Как без денег можно жить? (5)

Приложения

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ А. Д. ВОЛКОВА

Меня история нашего рода интересует больше, чем история всех царей, королей вместе взятых. И я не считаю себя исключительным. Таких в нашем роду немало. Но среди такой темной бедноты я не могу назвать никого из родных и друзей, кто бы знал отчество своего прадеда. Рассказы деда или бабушки скоро забывались, из памяти исчезали и те куцые сведения о наших предках: ведь записи не вели даже мало-мальски грамотные люди. Я тоже до своей старости мало знал о своих дедах и прадедах, хотя свидетелей было еще много, кто подробно рассказал бы о них. И только 95-летняя мать рассказала мне все то, что я должен был бы знать и записать давным-давно. А я только сейчас это делаю, хотя мысль всегда была такая: за тоненькую тетрадочку с записями жизни моих предков отдал бы лучшие мои книги! Вину перед моими предками сознаю и очень сожалею, что память о них у меня так коротка. Потому и понимаю: мои записи сейчас никого из моих потомков не заинтересуют, но я очень хотел бы, чтобы как можно дольше сохранились эти записи и если в седьмом колене хоть двое из моих потомков прочтут это с интересом, то мои труды, а вернее — надежды, будут оправданы.

А заинтересовать моя жизнь могла бы не только моих потомков. Без предвзятости могу утверждать: из множества прочитанных мною книг я нигде не встречал человека, чья жизнь и натура построена из огромного числа противоречий, раздвоений, несуразиц, недоразумений и тому подобного.

Уже родился я в любви и ненависти. Мать и отец мои так сильно любили друг друга, что вопреки воле родных мать тайком убежала к моему отцу, чем вызвала ненависть и злобу у моей бабушки Фени и дяди Ивана. Да и мать моего отца была не в восторге от подобной ситуации.

Со стороны матери: ее отец и дядя скорее принадлежали к интеллигенции и революцию не приняли, а дядя был ярый революционер, хотя по натуре он был по пословице — «В поле ветер, сзади — дым».

Со стороны отца: только бесшабашная головушка может пуститься на поиски лучшей жизни с женой и четырьмя детьми. А ведь хватка-то у него была не безалаберного человека. Трудолюбие его и детей было просто поразительным! А затем и все его потомки были склонны к приумножению достигнутого и заботе о будущем своих детей.

У меня буквально с раннего детства наблюдалась тяга к противоположному полу, но сознательно с девочками не дружил до восемнадцати лет. Я был однолюбом, как и мой отец. Ни одного разу не изменил женщине первым и все же не просто влюблялся, а именно возвышенно и нежно любил многих. Был

чрезмерно стеснительным, робким с женщинами наедине, а в компании легко знакомился благодаря своей развязности с любой девушкой. Собирал эротические стихи, анекдоты, рассказы и... оставался целомудренным до двадцати трех лет. Первое матерное слово произнес буквально под пыткой в 18 лет, а матерщинные частушки начал записывать с двенадцати – тринадцати лет, хотя и после мат не был в моем лексиконе: работал-то учителем!

Быстро и рано выучил буквы и начал бегло читать, но... на церковнославянском. Книги любил до самозабвения, завидовал тем, кто работает букинистом, а сам библиотекарем проработал всего четыре года.

Медицину, как и все естественные науки, обожал, а всю жизнь проработал учителем труда, хотя и от этого получал большое удовлетворение.

Всегда стремился любое дело доводить до конца и накопил столько не доведенных до завершения начинаний: загорюсь жарко идеей, а потом, как бы под предлогом временно отложить ее, оставляю незавершенной.

Терпеть не мог несправедливости, а в своей семье не смог бороться с ней в отношениях между матерью моей и женой.

Да и вообще, вся жизнь – сплошные противоречия. В чем дело?..

РОДОСЛОВНАЯ

Но название тут не соответствует сути, так как хочу описать не один род, а несколько, с кем из родственников связана моя жизнь.

Прежде чем описывать, чей я родом и откуда, вначале короткие анкетные данные о себе.

Родился я 11 декабря 1923 года, хотя мать утверждает, что в этот день меня регистрировали, а родился я чуть раньше – осенью, в Михайлов день. Место рождения: деревня Хмелевое Ряжского района Рязанской области. От Москвы расстояние всего триста верст, но такой «медвежий угол» – не приведи Бог! Происхождения буржуазно-пролетарского... А как иначе назвать? Родной дед по матери бы знатным ветеринаром, его брат – секретарь суда, а дядя – коммунист, революционер! Дед со стороны отца – в конце XIX века бежал с Волги от голода вместе с женой и детьми, а после революции – раскулаченный.

Я окончил семилетку в деревне, а десять классов – в школе вечерней молодежи при Лианозовском вагоноремонтном заводе. Контузия не позволила продолжать учебу, хотя желание было сильное.

Работал до войны электромонтером пятого разряда, а по причине инвалидности смог работать учителем труда в общеобразовательной школе.

Имею четверых детей, а к настоящему времени 6 внуков и одна внучка трагически погибла. Две правнучки и скоро появится третья, в 1997 году.

И так, как исстари ведется, начну с отцовской линии, с того, чью фамилию я носил и ношу с гордостью!

Волков Антон (отчество не знаю, к моему стыду), мой прадед, родился где-то в Поволжье. Сильный недород согнал его с насиженного места, от могил своих предков, заставив спасать от голодной смерти жену Олену и четверых детей: Василия, Семена, Павла и Михаила.

Облюбовали они место или уже дальше идти не было сил, в деревеньке Хмелевое, на Рязанщине. Пришлых чужаков нигде-то особенно не жаловали. Потому Антону дали участок на самом неудобном для проживания месте в конце деревни. Это был маленький кусочек пологого склона холма. Впереди

было непроходимое болото до самой деревни Зезюлино, а справа — более крутой склон холма, поросший молодыми дубами до самой вершины, где уже стояли вековечные дубы-великаны! Кто же мог мне рассказать, каким чудом прадед сумел построить для своей семьи просторный дом с горницей. Ему ведь и землю-то дали самую неудобную, бросовую. В 1936 и 1960 годах видел я прадедов участок: это был супесчаный южный склон холма, на котором колхоз никогда ничего не сеял и там рос только тощий редкий полын. Уму непостижимо: как умудрялся с такой земли прадед не только кормить семью, но (по словам моей матери) в конце прошлого века еще прикупил землицы. Простые подсчеты показывают: тогда женили сыновей примерно в двадцатилетнем возрасте. Значит, моего деда Василия он женил около 1898 года. Бабушка Олена больше не рожала. Не с годовалым же младшим они прибыли в Хмелевое?! А разница в возрасте между первым и последним сыном была лет в пятнадцать. Значит, моему деду Василию к новоселью было лет восемнадцать. Семен моложе Василия года на два-три. Как они могли заработать на покупку земли? Диву даюсь... Но факт — вещь упрямая. И так Антон уже сумел женить и отделить старшего Василия, отдав ему это самое неудобье на склоне холма. Видимо, дела прадеда стали поправляться и он радовался жизни, если в революцию у него отняли чуть ли не всю землю. Не выдержало его сердце: его парализовало, и через три года он умер.

Олена (или Алена — не знаю), прабабушка моя. Хоть мне и было тогда три-четыре года, но я так живо помню ее! Все в округе говорят, что доброты она была необыкновенной! Ни одного нищего не пропустит, чтобы не покормить его, а на ночь глядя не оставить ночевать. Ни с кем не только не поругалась, но грубого слова никому не сказала. Закрою глаза и будто в натуре вижу: в «черной» избе под потолком огромные, чуть не во всю избу, полати, куда легко перебирались с русской печки. Там полулежа примостится бабушка Олена, а ее буквально облепит малышня, и она рассказывает нам удивительные сказки и истории. Ее даже взрослые слушать собирались. Но она была больна неизлечимой в тех условиях болезнью, как говорили, рак груди. Я даже сам видел и помню эту открытую язву на ее груди: она показывала иногда ее любопытным. А потом начался «антонов огонь» (это же гангрена?), и она умерла примерно в 1928 году.

Волков Василий Антонович. Если его женили и отделили около 1898 года — значит, родился он году примерно в 1878-м. Единственным местом, где можно было прилепить домишко, был мизерный клочок землицы через дорогу, как раз у начала болота. Явно сам мой дед Василий построил небольшую избушку из кривых дубовых бревен. Ну а для огорода и места не оставалось. И тогда он начал осушать вплотную прилегающее болото. Много ли он мог осушить один? И все же не только огородик был, но и садик маленький посадил. И тут, как из «рога изобилия», посыпались детишки. Моя бабушка Анюта рожала чуть не ежегодно. И только одних мальчиков.

Как бы там ни было, но ко времени революции у Василия было пятеро вполне работоспособных сыновей. Если у прадеда Антона отняли землю, то Василию хоть далеко не лучшую, но дали землю на всю его ораву. Дед был неимоверно трудолюбив, воспитывая и сыновей в подобии своем. У них и захудалая земля, любовно ухоженная, стала хорошо родить. К нужде и лишениям им было не привыкать, и потому жили они скромно, если не сказать впроголодь. А денежки копили. Ну а тут ставшее стратегически выгодным их месторасположение сослужило им добрую службу: на опушке лесочка любили цыгане разбивать свой табор. А дом Василия стоял как бы на отшибе от

деревни и был самым близким к цыганам. Вот они около дедовой избы и сооружали походную кузницу, ковали железо, паяли, лудили посуду и другой хозяйственный инвентарь чинили. Цыганки гадали и попрошайничали, не упуская и того, что плохо лежит. Естественно, деду они были скорее в пользу, чем в тягость. А тут и нэп. У деда не только руки были золотые, но и голова была смекалистая. Назанимался у родных, друзей и купил конную маслобойку. К тому времени и жеребеночек подрос. И стал мой дед уже не просто крестьянином, а в «промышленность» ударился. Стал окружающему населению бить масло из льняного и конопляного семени. За работу брал настолько по-божески, что все предпочитали его. Да и брал он не деньгами, а частичкой продукта. О размере прибыли от его «бизнеса» говорит то, что на такую большую семью они имели всего одну корову. Но среди бездельников и прощелыг у него появились завистники и недоброжелатели. Кроме того, подросшие дети отвоевали у болота еще много земли под сад и огород. Приусадебный участок деда окружал глубокий ров с водой. Я хорошо помню несметное количество лягушек в нем и их оглушительное кваканье и днем и ночью. Вынутая из болота плодороднейшая земля пошла на насыпь огорода и сада. И все это лопатой и носилками! Зато и росло там все отменно. Кроме того, на горе Гаютиной трудолюбивые крестьяне сделали терраски по китайскому подобию, и хорошо там родилось попеременно то просо, то картошка. Помню, меж картофельных гряд рос сорняк, научно называемый черным и белым пасленом, а по-рязански – бзникой. Ягоды на нем были крупные, а белые – медово-сладкие!

Не знаю подробностей, но всеобщий голод коснулся и моего деда, и он решил с сыновьями Петром и Николаем поехать на поиски дешевого хлеба, но в дороге дед заболел и умер, а дети его вернулись без отца и без хлеба. Старшим остался мой отец. Но об этом ниже. А теперь о бабушке.

Волкова Анна Прокофьевна, в девичестве Подпорина, родилась в 1879 году в селе Бахаровка, километрах в восьми от д. Хмелевое.

Какими бы теплыми эпитетами ни захотел я наградить ее – все равно будет мало! Много у меня добрых воспоминаний о ней, но настолько все стерлось в памяти, что помню отдельные эпизодики. Так вот, характер у бабушки Анюты был очень добрый, но порой она могла вспылить и наговорить много обидного. Но быстро отходит, от души раскаивается и первая идет на примирение. Врагов в деревне у нее не было, но и из близких подруг была только Матрена «Паршиха» и жена брата мужа, Семена, – Настя.

Ростика бабушка была самого миниатюрного, даже в старости полнотой не страдала. Но при ее хрупкой фигуре работоспособностью и выносливостью обладала невероятной. С завидной стойкостью и терпением делила она тяжкий труд, невзгоды и лишения со своим мужем, ну а после смерти его все заботы свалились на ее хрупкие плечи. И если бы только труд и заботы...

Не знаю, с чего и начать, чтобы не повторяться, но женитьба ее старшего сына Дмитрия принесла неисчислимые беды и страдания. Но об этом я напишу позже, а теперь продолжу описание только ее жизни.

Изуверскими кознями моего дяди по матери – Ивана, имевшего в округе всю полноту власти, бабушку раскулачили. Имущество ее было настолько незавидным, что там и брать было нечего. Но все же дядя постарался на долю моей матери с детьми забрать единственную корову. Бабушку посадили в тюрьму как главу семьи. Старшего после моего отца, Ивана, тоже посадили бы, но он сбежал. Несовершеннолетних детей приютили родные.

Недолго бабушка пробыла в тюрьме. Без нее все растащили раскулачиватели, хотя и тащить-то было там нечего. Бабушка уехала в Москву, к «Паршиха»

хе», а потом уж осела на Лианозовском молочном заводе. Не знаю, когда и как, но ее второй сын, Иван, был какое-то время там заведующим, а бабушка – уборщицей. Дали им комнатку в торцевой части здания заводика. Дядю стали снова преследовать, он скрылся, а в комнатке бабушка так и осталась, хотя ей тоже пришлось перейти уборщицей на Лианозовский вагоноремонтный завод, в электроцех. Это были 1933 – 1936 годы. Бабушку за ее трудолюбие и доброту в цехе просто обожали! Когда я первый раз приехал к ней в 1936 году, они жили очень бедно, хотя уже все работали, а бабушка была расчетлива и экономна до предела. Она постоянно держала поросеночка в холодной сараюшке, пристроенной к дому. А после, в Соцгороде, имела даже и козу всю войну и после. В 1935 году бабушка приехала в Хмелевое проведать родных. Пригласила меня к себе, и я в каникулы 1936 года самостоятельно приехал к ней, пока в гости. А в 1938 году приехал насовсем. Далее все описано в биографии. Но хочу снова упомянуть о ее самопожертвовании. Приходим мы с ней в столовую. Она берет мне полноценный обед, а себе только самый дешевый суп. И пока я ем, она обежит все столы, насобирает объедков и с аппетитом ест. Мне было невыносимо стыдно за нее, и я старался быстрее поесть, чтобы уйти из столовой.

Конечно, она всю свою «кулацкую» жизнь прожила в нужде и экономии. Жадной она не была, но и всегда в запасе имела копеечку. Когда судьба снова свела нас очень близко и мы в Соцгороде жили в домах через дорогу, Рая часто бегала занимать у нее деньги. Одного я в толк не могу взять: когда меня первый раз посадили в КПЗ Соцгорода, она первая прибежала ко мне с передачей и словами утешения. Но почему-то ни она и никто из Чижиковых ни разу не пришли ко мне в московскую тюрьму и даже не написали ни одного письма или записки. Это просто загадка. Ведь, когда я вернулся из тюрьмы, они оказали мне поистине неоценимую помощь!

Бабушка в начале 30-х слегка поранила себе правую часть лба. Долго у нее болела эта ранка. Видимо, кость была задета и загнила. После на этом месте образовалась глубокая ямка в черепе.

Умирала она незаслуженно трудно и долго. У нее был рак желудка. Последнее время пила или снеговую воду, или лимонад. Похоронили ее на Алтуфьевском кладбище, которое вскоре снесли. Умерла бабушка в 1958 году. А теперь о детях Анны и Василия.

Волков Дмитрий Васильевич. Родился в 1900 году. Я его совершенно не помню и своих суждений о нем иметь не могу. Но нетрудно догадаться, что достатком он избалован не был. У деда Василия рабочих рук было много: четверо выросших сыновей! Но земли-то мало... А бабушка моя во всем была «стахановка»! За восемнадцать лет рожала двенадцать раз! Восьмерых вырастила. Какой тут достаток?

Не знаю, кто построил эту лачугу из кривых дубовых бревен деду Василию, но она сильно запала мне в память. К моему появлению на свет это был терем-теремок, кишащий детьми от четырех до двадцати двух лет.

Отца моего все знали как тихого и застенчивого паренька. Ни разу ни с кем не подрался, ни к кому в сад-огород не залез, даже никому не сказал грубого слова ни разу. Да он и на вечерку ходил очень редко. А ведь только там могли познакомиться парень с девушкой. Мать моя так и не рассказывает о подробностях своего знакомства с моим отцом. В чем причина? Он любил ее, об измене не могло быть и речи. Мать моя и не ругала его, но и тепло о нем никогда не отзывалась. Просто обходила молчанием свои взаимоотношения. Но исключительно все в округе об отце моем отзывались только хорошо.

Подробностей о его жизни я так и не узнал. А от посторонних людей я узнал многое. Отец был далеко не красавец. К тому же еще смугл лицом и черноволос, не как все его братья. Чем же он ее завлек? У матери моей в девушках поклонников было много. Особенно настойчивым был друг по работе в сельсовете моего дяди — Самсон. Дядя поощрял его ухаживания, но мать моя полюбила Митьку-цыгана. Узнав об этом, дядя пришел просто в ярость, не пускал ее на вечерки. Да и мать была против дружбы своей дочери Екатерины с Дмитрием.

Однажды Дмитрий спит в риге (рыге), и вдруг к нему приходит Екатерина и говорит, что пришла к нему и домой не вернется из-за домогательств Самсона. Тогда Дмитрий пошел в дом и говорит родителям: «А я женился на Катьке из Полотебной...» — «А где же она сейчас?» — спросили родители. «В риге сидит». — «Ну так веди ее в дом!» Так они и расписались вопреки воле родных моей матери. Об этом событии даже частушку сочинили:

Ой ты, Митька, цыган чернай,
Увел Катьку из Платевнай...

Брат моей матери, Иван, просто взбесился! Грозился вернуть ее силой, а Митьку убить или в тюрьме сгноить. Ну а вскоре или случай подвернулся, или они сами все подстроили, только получилось так, что будто на Самсона, представителя власти, покушались и стрелял не кто иной, как Митька Волков. Отца моего арестовали. Бабушка Анюта собрала очень много свидетельских подписей, что мой отец в это время был дома. Он и в ребятах на вечерки редко ходил, а как женился, то вообще из дома только работать выходил. Но ничего не помогло. Отца посадили в Томск. От него долго не было ни слуху ни духу. И вдруг в 1928 году он вернулся домой. Екатерина в это время уже жила у матери в Полотебной. Отец мой пришел за ней и снова привел в Хмелевое в свой дом. Дядя Ваня как узнал об этом, то просто озверел. Что уж он сделал, чем грозил, но мой отец скрылся и с тех пор сгинул навсегда. Мать снова вернулась в отчий дом, но об этом после. А теперь о других детях Анны и Василия.

Волков Иван Васильевич. Второй сын Василия. Этот — прямая противоположность отца моего. Разница в возрасте у них немногим больше года, так что практически они росли вместе. Иван рос озорником и задирой. Смело защищал от незаслуженных обид даже старшего брата. Если Дмитрия легко было безнаказанно обидеть, то Ивана даже старше его парни побаивались. Да и в обращении с девчатами он был много смелее. Но вот так и не был женат ни разу. Во время травли и раскулачивания он сбежал в Москву, нашел пристанище у дальних родственников, а после отсидки и моя бабушка Анюта перебралась туда же.

Иван с Клавдией, сестрой матери, были моими крестными. Оба молодые, симпатичные. На них все любовались и перешептывались: «Вот была бы еще хорошая парочка!»

Он некоторое время возглавлял молочный завод. Не знаю, то ли узнали про его кулацкое происхождение, то ли еще по какой причине, но Иван скрылся, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Его я тоже совсем почти не помню.

Волков Петр Васильевич был третьим ли сыном, или он родился после Николая, о судьбе которого я так ничего и не узнал. Характером Петр, Шура и Федя были одинаковы. Какими чертами характера принято наделять ангелов, такими обладали и эти трое. Петр родился примерно в 1907 — 1910 годах.

Он был настолько тих и незаметен в семье, что я его в своем детстве не помню. И только после раскулачивания я помню его. Он стал нашим соседом в Полотебной, женившись на Клавдии Ильиной. Мы с матерью были на их свадьбе. Меня угостили рюмкой водки, я опьянел и уснул у них на сундуке с покатой полукруглой крышкой. Клавдия была такая чистоплотная и модная, что для всей округи была притчей во языцех! Со вкусом убрана изба вязаными накидками и салфетками, скатерть и занавески вязаные и кружевные, все сделанные ее руками. Она была очень симпатичная и была предметом мечтаний даже женатого начальства.

Но соседская дружба у нас была какая-то своеобразная: моя бабушка Феня с Аксиньей, матерью Клавдии, жили как кошка с собакой. По каждому пустяку с утра пораньше у них визгливая ругань на всю деревню, с перечислением всех недостатков противных сторон, явных и тайных, имеющихся и вымышленных, от древних предков до еще не родившихся младенцев. А моя мать с Клавдией жили дружно. Мы с ее сыном от первого брака Толей, несмотря на то, что он моложе меня на четыре года, тоже дружили.

В колхоз дядя Петя вступил несколько позже всех и отвел туда свою смирную и работящую, как и сам, но худющую, как Росинант, лошадку. Я не знаю, как ее звали у Петрака, но в колхозе ее единодушно окрестили «Иисусом». Видимо, за кроткость нрава и беспредельное терпение этого существа. Петрак тоже был мужик всех мер: в колхозе это был самый трудолюбивый и безотказный работник. Ни у кого и язык не поворачивался упрекнуть его раскулачиванием. Да ведь все знали и понимали абсурдность и несправедливость этого дела. У Петра не только не было врагов, но все относились к нему жалостливо-покровительственно. Ведь по положению в семье его прозвали еще «Петрак-батрак». Для него теща была вроде «кулака».

На войну Петра взяли с первых же дней. Он не был ловкачом или приспособленцем, но, или по счастливой случайности, или еще как, он попал на прифронтовой аэродром простым технарем. Естественно, там поневоле обрастешь трофеями. Но «кулацкой» практичности в нем не было вовсе. Иначе как объяснить, что в качестве трофея он привез граммофон с огромной трубой и кучу грампластинок. А он рядовой — не генерал, прибыл не с вагоном добра, а на своих двоих с вещмешком и узлом. После войны я его и видел раза четыре, когда он приезжал навестить свою мать. В голодные послевоенные годы он переехал жить в шахтерский Рабочий поселок под г. Скопином. Его младший сын один раз приезжал к нам. Хороший парень. Но близости между нами так и не было. Жена его, Клавдия, не очень-то жаловала нашу родню. Ранен Петр не был, но уже пенсионером, работая сторожем в магазине, от грабителей получил травму черепа. И все же дожил до 90 лет!

Волков Алексей Васильевич родился в 1912 — 1913 году. Тоже был смирный и чрезвычайно работящий парень. Образ этого крепыша глубоко врезался в мою память. Он был настолько нежен и ласков со мной, что в свободное время буквально не спускал меня с рук. Даже часто брал меня с собой в поле. Бывало, едем на возу со снопами или сеном, а он всю дорогу напевает что-то монотонное. В свои тринадцать — четырнадцать лет он был таким крепким, что силой не уступал восемнадцатилетнему. Любил лежа подбрасывать меня на животе. Во время одного такого подбрасывания у него лопнул аппендикс, и он умер в возрасте лет четырнадцати.

Волков Александр Васильевич родился в 1915 или 1916 (?) году. Заядлый рыболов! Кроме мельницы помню еще затон. Это старое русло реки, куда в половодье заходила рыба, а после, отрезанная в бывших омутах и колдоби-

нах, обильно размножалась, так как щук там никогда не было. Но лягушек там было несметное количество!

Как я писал, бабушка с Сашей и Шурой уехала в Лианозово, где Сашу призвали в армию. Он там дослужился до старшего сержанта. Был авиатехником и очень гордился этим. Когда я приехал к бабушке, он работал, но не помню где. Ко мне он относился хорошо. Дружил со своим двоюродным братом, Сергеем Подпориным. Несколько раз Саша брал меня с собой погулять в Лианозовский парк, угощал мороженым, а сам пил только пиво.

Один раз возникла драка в парке, где Саша с Сергеем изрядно покрушили мебели, поломали ребер и наставили синяков своим противникам, но, одержав победу, убежали при приближении милиции, наказав мне остаться и наблюдать. Услышав, что их опознали, я стремглав бросился домой и на чердаке молочного завода закидал их опилками. Милиция пришла, а их там не заметила. Но все кончилось благополучно. С Федей Саша тоже жил дружно. С первых же дней войны их забрали. Если Федя попал в пехоту, то Саша по специальности попал в авиацию, где и был всю войну. Я не знаю историю его ранения, но вернулся он не инвалидом, а уж после, когда на раненой ноге развился тромбофлебит, Саше дали третью группу, и умер он именно от тромба в раненой ноге.

Но... вернулся он, а жена Федора, Клавдия, овдовела, оставшись с дочуркой Людмилой на руках. Бабушка моя, хоть Клавдия не очень-то жаловала ее, по безмерной доброте своей, посоветовала Саше не оставлять сиротой дочку своего брата и жениться на Клавдии, хотя Саше нравилась подруга Шуры – Варя, которая очень любила Сашу. Выйдя замуж за Сашу, Клавдия не очень-то изменилась. Свою родню она просто боготворила, что демонстративно выражала, а даже бабушка была в гостях у сына не часто, хотя Саша приезжал к Чижиковым часто, но всегда без жены.

Мы с Раей были у них в Крюково всего два раза. На новоселье я подарил им самодельную люстру из оргстекла. Но когда маленькая Люба моя попыталась сорвать на грядке клубничку, Клавдия грубо запретила. Рая очень обиделась, и больше мы к ним не ездили. Были только на похоронах Саши. Но вот когда это было?

У Саши потом родились два сына: Алексей и Николай. Алексей, когда ему было лет 19, вдруг начал ездить к нам в Долгопрудный очень часто. Я очень этому обрадовался. Он, кроме игры на аккордеоне, ни в чем положительно не уступал Вите Чижикову. Но это длилось чуть больше года. Когда он женился и переехал жить в Лобню, буквально рядом со мной, нашу дружбу как ножом отрезало. В чем причина? Нас даже на свадьбу не пригласили. Так и оборвалась ниточка... А вот у Людмилы на свадьбе я был, когда мы с Раей имели уже троих детей. Больше тоже связь не поддерживаем. Правда, после смерти Саши его Клавдия приезжала в больницу в Долгопрудный и зашла к нам. Ее было просто не узнать! Подобрела. Когда умерла, не помню, но на похоронах мы не были. Чижиковы поддерживают связь с ними.

Волкова (Чижикова) Александра Васильевна.

Десять или одиннадцать раз рожала бабушка Анюта только мальчиков, и только в 1918 году Бог послал им так давно желанную девочку! И не одну, а еще и мальчика. Осчастливила сразу две семьи. Климовы детей не могли иметь, а это было для них как чудо. Революционные тяготы тут не играли роли: хуже, чем было, быть уже не могло. Да и к лишениям Волковы уже привыкли. Моя бабушка отдала мальчика в приемыши своей бездетной сестре Анастасии в деревню Микулино. Ну а уж на Шуру все нарадоваться не могли!

Но любовью и вниманием ее не избаловали. По характеру она была не менее добрая, чем бабушка Анюта, но уступчивости и покорности была необыкновенной. Бабушка и прозвище ей придумала: «Терпуха». Действительно, она могла стерпеть любую обиду, поплачет в подушку и тут же может все простить своему обидчику. Когда Шура достигла нужного возраста, ее приняли на работу в коробочный цех карандашной фабрики. Дружила она с двумя девушками: богатыркой Катей Абрамкиной и Варей из больницы. Варя была красоты и доброты великой, но после перенесенной оспы лицо ее осталось рябым. Я не замечал, чтобы Шура гуляла с ребятами. А на работе бабушке по доброте характера нравился электромонтер Коля Чижиков. У него был только один недостаток: иногда выпивал многовато. Но бабушка всегда говорила: «Женится — переменится». Коля и мне нравился очень. А пьяного-то я его не видел: на работе он никогда даже не выпивал. Так вот один раз я сказал ему, что у меня есть двадцатилетняя тетя. Он попросил меня познакомить его с нею. Так они и стали мужем и женой. У Коли в деревне Тульской области была только мать. Жил он в общежитии, потому и перешел в нашу хижину-теремок. Вскоре Шура родила мальчика. Назвали Витей. Но разве может выжить новорожденный в сырой и холодной каморке? Совсем недолго прожил этот Витя. Я помню эти скромные похороны. Потом Коле дали комнатку в бараке, где у Шуры родился уже второй Витя, а потом и Валя. Тут прожили до 1956 года. Отдельную однокомнатную квартиру им дали в Соцгороде, через дорогу от нас, только окна во двор. А в начале 60-х дали двухкомнатную, хотя бабушка к тому времени уже умерла. В роду Волковых никогда не было душевнобольных, но Шура примерно с шестидесятых годов стала страдать эпилепсией, и ей даже дали инвалидность. Я всего один раз видел у нее приступ. А в возрасте 60 лет Шура умерла во время приступа, в 1978 году.

Чижиков Николай Сергеевич был старше Шуры на 6 лет. Добрейшим он был всегда. Но страсть его к выпивке осталась с ним до самой смерти. Шуре пришлось много пострадать из-за этого. Было, приводили Колю домой в стельку пьяного. Иногда просто сообщали, где он валяется, и она приволакивала его домой. Иногда он и рукоприкладствовал. На войне он не был. Специалист он был буквально незаменимый, и потому ему дали «броню» и эвакуировали с заводом в Сибирь.

Какую огромную помощь он мне оказал, когда я вышел из тюрьмы, мною описано. Пенсионным отдыхом он даже коротко не насладился. Сильно заболели ноги, а в 1984 году он умер. Мы с Раей часто ходили на их могилу.

Чижиков Виктор Николаевич родился в 1943 году. Отец его, Николай, любил музыку, сам немного играл на гармошке. Может, потому Витя унаследовал от отца музыкальные наклонности. Еще в раннем детстве он стал ходить в музыкальный кружок или секцию, вместе с ровесницей соседкой, Людой Максименко. Да и друзьями детства они были неразлучными. Так и думали, что они будут женихом и невестой. Но это была только детская дружба. Витя еще в Бибирево, когда ему было лет 10, приезжал к нам, а уж в Соцгороде он буквально торчал у меня. Не знаю, предвзятость ли это, но я у него совсем не видел недостатков. Женился он на бывшей моей ученице, дочери лучшего друга отца Вити, сестре лучшего друга Вити, Самойловой Антонине. Симпатичная, общительная, веселая, а вот частушки не пела, которые Витя на свадьбах собирал в огромном количестве. Витя к тому же хорошо и рисовал. Но основным его увлечением была музыка. Они даже организовали свою небольшую группу, куда входил и брат Тони Слава. Они этой группой часто играли не только на свадьбах, где Витя для меня собрал много озорных частушек, но

и на похоронах. Как Витя выражался: «Жмурикам играл». Конечно же на всех свадьбах у нас и на всех праздниках играл только он! Так вот с ним на свадьбе моего сына Саши произошло удивительное происшествие. Играли они в своем ансамбле трое. Свадьба была летом, в заводской столовой Гранитного завода, окна были открыты, и на звук оркестра собралось много молодежи, и танцевали на улице. Тамадой Витя был просто непревзойденным. Ни один ведущий веселой телепрограммы ему и в подметки не годится! Все гости были просто без ума от восторга им! Когда шли из столовой домой, многие приглашали его провести остаток ночи именно у них, но Витя пошел к нам. В это время у нас была моя теща. Так вот легли спать, а утром просыпаемся — Витя подняться не может. Кричит от дикой боли не своим голосом. Тогда моя теща и говорит: «Витя, я видела, как на тебя радовались многие. Это просто, сам того не желая, кто-то сглазил тебя. Я помогу тебе».

С этими словами она налила воды из того крана, из которого утром никто не наливал воды, зажгла спичку и, когда та догорела полностью, бросила ее в стакан с водой. Огарок спички камнем пошел на дно: подтверждение ее слов. Тогда она через дверную скобку перелила эту воду из одного стакана в другой, сбрызнула его этой водой, а остатки дала выпить. К величайшему изумлению присутствующих, Витя прямо на наших глазах будто проснулся ото сна и, как ни в чем не бывало, стал бодрым и здоровым.

После смерти моего дяди Саши старейшим, да и единственным, участником войны остался только я. Поэтому теперь отмечали День Победы у меня. Благодаря Вите эти праздники никогда не походили один на другой. Витя всегда к этому дню приготовит новую песню и вообще что-то необычное придумает. Так продолжалось до самой смерти Раи. После этого все пришло в упадок. Во-первых, Витя нашел работу где-то у черта на куличках, в каком-то зверосовхозе, Московской области. Пообещали там ему златые горы, а с перестройкой он чуть ли не в нищету свалился.

А ведь несмотря на «застой», дела шли в гору: Витя получил отличную квартиру в районе Бибирево. К этому времени у него уже было два сына: Миша, названный в честь деда по матери, и Дима, названный в честь моего отца, чтобы у него потом был Анатолий Дмитриевич. Будет ли так?

В 1968 году у Вити родился сын Миша. Когда он уже служил в армии, в музвзводе недалеко от Химок, то с другом приходил ко мне, где я торговал брелочками и рукоятками. После он женился на Наташе. Очень симпатичная и общительная. Познакомился я с нею 9 мая 1995 года. Я выпил лишнего, и она за мной заботливо ухаживала.

Дмитрий, Дима, родился в 1970 году. Но с ним пока теплых отношений не возникло, так что я не знаю, чего ожидать. Тоня, как некогда моя крестная Клавдия, тоже отчебучила: родила позднышка Александра через 15 лет после рождения Дмитрия. Мальчишка хоть куда! Что будет дальше? Назвали его Александром. В честь кого?

Чижикова Валентина Николаевна. Родилась в 1951 году, в средине между моим Сашей и Надей. Я все шутил: у меня тетя была старше меня всего на пять лет, а у Саши моего двоюродная тетя моложе чуть ли не на год! Валя по своим душевным качествам даже превосходила свою мать, которая тоже отличалась не внешней красотой, а душевной.

Познакомилась она с симпатичным сердцеедом, забыл его имя. Поженились они. Сыграли шикарную свадьбу. У меня она вся заснята. Но он не оценил ее души. Не знаю, может, невозможность в то время ей иметь детей, а может, что и другое, но семейная жизнь не удалась и они развелись. Коля

Артемьев по достоинству оценил ее душу и женился на Вале. У них тоже долго не было детей, и только в 1991 году она родила сына Сергея. Теперь получается: отец — Николай, сын — Сергей. Отец был Николай Сергеевич, а сын теперь — Сергей Николаевич.

Не знаю, насколько предвзято я сужу, но они как бы стыдятся родства со мной. Коля достаточно развит культурно, любит книги, хорошо разбирается в технике. Казалось бы, точек соприкосновения более чем достаточно, а близости между нами так и не произошло. Точно так же, как и с моим зятем Валерием.

На этом описание самых близких родных по отцу заканчиваю и перехожу к двоюродным и другим родным по линии отца.

Федор Прокофьевич Подпорин. Так вот я и не знаю, кроме Анастасии, были ли у него еще братья и сестры? Я его до самой смерти звал дядя Федя. Не знаю, какое он получил образование, но умный и начитанный был чрезвычайно. Был он философского склада ума. Его словами и фразами восторгались буквально все, кто был с ним хоть немного знаком. Николай Чижиков взахлеб хвалил его ум при каждом удобном случае, и афоризмы дяди Феди были для него как молитвы. Он всегда многозначительно говорил: «Дядя Федя, бывало, так скажет!..» Дядя Федя никогда не занимал руководящих постов, тем более не был коммунистом, но и рабочим человеком его не назовешь: я даже не знаю, кем, где и когда он работал. Жил он в собственной половине дачного домика, в Лианозово, по Киевской улице. Участок был хорошо ухожен. Кажется, это была часть дома родных его первой жены. Не помню, не то в 1936, не то в 1938 году я еще видел ее. К тому времени она уже сошла с ума. Красавица была. Я был на ее похоронах. Ну а вскоре дядя Федя женился вторично. Его избранница Олимпиада, тетя Липа, была значительно моложе его, полненькая, симпатичная и очень добрая женщина. Она родила сына Евгения, но после жила недолго, лет 10 — 12. Отчего умерла, не знаю. На ее похоронах я был. Дядя Федя умер не помню когда. Я на его похоронах не был. Все мы запомнили его фразу: «Дядя Федя, ты плакал, когда Сталин умер?» — «Да я еще при его жизни наплакался!»

Клавдий Федорович Подпорин, старший сын от первого брака. Женат был на Наташе, умной и симпатичной женщине. Его я слабо помню, так как он всегда жил отдельно, я у него ни разу не был, и как-то не знались. Он был превосходным фотографом. Когда я стал заниматься сам фотографией, то около 1965 года встретился с ним, разговорились о фото, пообещались еще встретиться, но больше так и не встретились. У него тоже был сын, ровесник Жени Подпорина, но я его видел только в трехлетнем возрасте.

Сергей Федорович Подпорин, младший сын от первого брака. Он примерно с 1917 года рождения. Веселый, общительный, добрый, хорошо играл на гитаре. Очень дружен был с моими дядьями — Александром и Федором. В парке все шебутили, чуть за драку в милицию не попали.

Евгений Федорович Подпорин, сын от второго брака, чуть старше Вити Чижикова, дружил с Витей очень долго. Но со мной он как-то мало общался, и примерно с 1960 года я больше его не видел и ничего о нем не знаю.

Климова Анастасия Прокофьевна, она старше или моложе бабушки Анюты? Она была замужем за Василием, моряком, участником Цусимской битвы. Оба были доброты неимоверной! Но... бездетные. И вот когда бабушка Анюта родила двойняшек — Шуру и Федю, то мальчика отдала сестре в приемыши. Воспитали они Федю по образу и подобию своему. В 1934 — 1937 годах я был у них часто, хотя их деревня была от нас километров в 12-ти и вся дорога по бескрайнему, как мне тогда казалось, полю. У них был большой вишневый

сад: впереди, за маленьким огородиком, был старый сад. Две яблони – аркат и грушовка – и ранние, скороспелые вишни. На небольшом склоне к речушке, чуть не ручейку, – молодой вишневый сад и три-четыре яблони. Бабушка Настя и дедушка Василий во мне души не чаяли. Дед умер вскоре после войны. Я к ним приезжал в 1946 году. Он лежал в сенях, не поднимался. Бабушка Настя пережила его лет на 12, она еще приезжала к нам в Соцгород.

Климов Федор Васильевич, 1918 года рождения. Спокойный, добрый, во всем схожий со своей сестрой Шурой. Рано влюбился в свою соседку Клавдию. Обе его матери были против, но он женился на ней, родилась дочка Людмила. Говорит бабушка Анюта, что брак их не был счастливым. Подтверждением тому было то, что в 1938 – 1941-х Федя жил с нами у бабушки в Лианозово один. А с первых же дней войны его взяли на фронт, и он погиб в 1941-м. Теперь о моих дедах по отцу.

Волков Семен Антонович. Второй сын моего прадеда. Год его рождения не знаю. Жену его звали Анастасия. Даже отчество ее не помню, а тем более откуда она родом. Жили они прямо через дорогу от моего деда Василия. У него тоже было много детей. Я его хоть очень смутно, но помню. Был красавец мужчина! Гусарские усы. Не знаю, служил ли он в царской армии? Жила его семья немного получше семьи его брата Василия, но его конечно же не раскулачили. Когда он родился и умер – не помню. Тетя Настя была очень добрая. В противоположность моей худышке-малышке бабушке Анюте она была полненькая.

Волков Александр Семенович, первый сын Семена, года на два – четыре постарше моего отца. Помню я его с 1938 года. Он уже давно переехал в Москву, работал не помню где, а жил в общежитии. Я часто бывал у него. Он был большим любителем пива. Мне на гостинцы денег не жалел. Угостил и пивом, но мне оно показалось настолько горьким, что я его не мог пить потом лет двадцать.

Шутник он был непревзойденный! Бывало, поздоровается с девушкой и после говорит мне: «Это моя Марья!» Потом с другой поздоровается, и снова: «Это моя Марья». Я полюбопытствовал: «А почему же их всех зовут одинаково?» Он только расхохочется в ответ. А потом женился именно на Марии. С войны вернулся раненным, а где он служил, так и не помню. Первые послевоенные годы каждое 9 Мая отмечали победу именно у него. А вот когда он умер, не помню.

Волков Михаил Семенович. Второй сын моего двоюродного деда. Он был почти ровесник моему дяде Саше и дружил с ним. Но он так и не завел семью, погиб в первые месяцы войны.

Волкова Нина Семеновна. Примерно 1916–1917 года рождения. Дружила с Шурой. В войну заслужила звездочки, а какие и сколько, не знаю. Была очень симпатичная. О ее судьбе ничего не знаю.

Волков Евгений Семенович. 1921 года рождения. Начал было учиться в ШКМ (школа колхозной молодежи), но сразу ушел, и я его не застал. Встретились мы уже после войны. Он вернулся сильно контуженным. Женился потом на моей однокласснице Наде Есаковой. Вообще, он был человек смирный, трудолюбивый, но найдет на него приступ контузии, выпьет и за женой погоняет. А потом снова добрый, смирный и внимательный. Построил себе добротный дом на месте дома дяди Паши, брата своего отца. Был хорошим пчеловодом, имел хорошо ухоженный сад. Но вот Надя стала прижимистой. Мы дважды были с Раей у них в гостях. Женя был от души рад, а Наде будто мы и в тягость. Ну а потом Женя умер лет в пятьдесят.

Волкова Галина Семеновна, с начала 1924 года рождения, практически моя ровесница, подруга моих детских игр до шести лет. В школе училась на два класса позже меня. Тоже была на фронте. Красавица. Но о ней тоже ничего не знаю.

Волкова Мария Семеновна. Примерно 1926 года рождения. Ну совершенно ничего о ней сказать не могу, хотя разница в возрасте у нас невелика.

Волкова Антонина Семеновна. 1929 года рождения, Раина одноклассница. Впервые я увидел ее в 1948 году. Она очень симпатичная. Все шутила со мной: «Племянничек!» Она тоже приехала в отпуск. На вечерке даже я поцеловал ее. Договорились встретиться тут же на следующее лето, и я бы с удовольствием женился на ней. Но так получилось, что отпуска наши не совпали, я приехал чуть позже и женился тут на Рае.

Волков Михаил Антонович отделился от отца и поселился почти у самого склона упомянутого холма. Но не повезло ему в жизни. На селе произошла кража. Подозрение пало на него. А над чужаками суд скор!.. Его убили самосудом. А в освободившемся доме поселился Павел с женой.

Волков Павел Антонович. Самый младший из сыновей моего прадеда. Не знаю почему, но он был слеп на один глаз, закрытый какой-то нашлепкой, и на лице был шрам, задевший нос. Он сильно гнусавил. У него была жена Матрена и три дочери: Вера, Надя и Люба. Дядя Паша, как и я его звал, был непревзойденный пчеловод. Так до сих пор и не знаю, по какой причине, но во время раскулачивания, которое его-то и не коснулось, он с женой и старшей дочерью Верой куда-то уехали, а мою мать просили пожить в его доме и присмотреть за Надей и Любой. Это продолжалось меньше года.

Волкова Вера Павловна, с 1922 года, училась в одном классе со мной все три года в Марчуках. Была на войне. Больше я о ней ничего не знаю.

Надя примерно с 1926 года, а Люба — с 1929-го.

Вот и все о моих родных по отцовской линии.

Родные по материнской линии

У моей матери к девяноста пяти годам сохранилась отличная память. Вот что она мне рассказала в августе 1993 года, и я описываю по старшинству.

Анисов Прокофий (мать моя не помнит его отчества, а года рождения тем более) проживал в деревне Есаково Ряжского района Рязанской области. У него было четверо детей, оставшихся после смерти первой жены. Он потом женился на вдове с двумя детьми: Лизой и Гришей. А у него были: Иван, Василий, Екатерина и моя бабушка, Федосья. От второго брака родились: Василий, Николай, Павел, Алексей и Петр. Старших Прокофий отделил там же, в Есаково. Двое сыновей вошли во двор, т. е. к тестю, а Григорий остался в родительском доме.

Есаков Никита Гаврилович, мой дедушка. Моя мать очень мало помнит о нем. Было их четыре брата: Иван, Никита, Макар, Василий и сестра Екатерина. Иван был портным, Макар вышел во двор, крестьянствовал, Василий был уездным судьей в Милославке. Я его слабо помню. А до того у него был довольно высокий офицерский чин, имел денщика, который даже разувал его. После революции, которую он не одобрял, тихо жил бобылем через дорогу от дома моего деда. Домик был маленький, но в нем было очень много книг, журналов и подшивок газет. Самое ценное он где-то закопал, и после его смерти это никто не искал.

Я очень любил рассматривать картинки. Макар женился на богатой, но очень некрасивой, да к тому же сильно тугоухой девушке, но зато у тестя жил как в раю. Теперь о Никите.

Мой дед служил в армии, где выучился на ветеринара. Отслужив, он работал ветеринаром у барина в соседней деревне, Барской Полотебной. А наша была — Полотебная-однодворцы. Лечил скот во всей округе. Естественно, жили прилично по тем меркам. Был большой пчельник и сад. Но до меня все исчезло. Дед умер примерно в 1906 году. Выпил в праздник винца, прилег на травку и получил воспаление легких. Болел недолго, но вылечить его не смогли.

Есакова Федосья Прокофьевна. Родилась примерно в 1870 году. Ее выдали в деревню Полотебное из д. Есаково. Не знаю, скольких детей родила бабушка Феня, но выжили семеро: Надежда, Иван, Дмитрий, Екатерина, Евдокия, Клавдия и Александр.

Бабушку Феню помню хорошо. Не знаю, жизнь ли ее сделала такой или от рождения она необщительная, вечно хмурая, никогда не улыбнется. Ни одного ласкового слова я от нее не слышал. Вечно ворчит, всем недовольна. Я боялся ее и всячески старался избегать. Но работой по хозяйству она меня не переневоливала, как в семьях моих товарищей. Жила она в своем доме, в деревне Полотебное-однодворцы. Когда моя мать уехала в Москву, к ней перешла из глиняной мазанки в кирпичный дом семья ее младшей дочери Клавдии. Почти всю войну они прожили у бабушки, и только в конце войны бабушка стала чудить: вдруг соберется и куда-то идет. И умерла в дороге. Нашли ее, уже мертвую, около моста в деревню Есаково, откуда она родом. Перед войной моя мать было взяла бабушку к себе в Подушкинскую больницу. Жили мы тогда в семейном общежитии: в полуподвальной комнате около 25 кв.м ютилось 14 человек. Бабушку не прописали и приказали убираться вон, снова в деревню. По рассказам матери, некогда они особенно дружили с родными из села Борщевка. Мать еще про свою тетку рассказывала: «Увидит та в окно идущих к ней родственников и ругается: "Родимец их несет! Пралик их расшиби!" А как только те переступят ее порог, она: "Миленькие вы мои! Дорогие вы мои! Как же я рада вам!" А уйдут они, а она им вслед: "Укатило вас бурьем! Глаза у вас лопни!"»

А теперь опять по старшинству детей, как и о родных отца, но тут моя мать не была старшей. Потому и получается некая несуразность.

Есакова Надежда Никитична. Предположительно 1890 года рождения. Единодушно все старожилы утверждают, что такой красавицы они еще нигде и никогда не видели. Но ее в 18 лет убило молнией, когда она в поле спряталась под телегу.

Есаков Иван Никитович. Около 1892(3?) года рождения. Он в империалистическую войну попал в плен, но перед самой революцией вернулся. Немного побыв дома, уехал в Москву. У него был превосходный бас, и его заметили. Он даже пел в Большом театре! Но в деревне стало трудно с обработкой земли, и он вернулся домой. Тут его назначили секретарем сельсовета. Ну а в деревне Полотебное верховодил Есаков Иван Васильевич, с которым мой дядя крепко дружил. Оба были не дураки выпить и покуролесить. У Ивана Васильевича была красавица сестра Мария. Она много моложе моего дяди, но без ума влюбилась в него. Поженились. Она перешла жить к нам. Моя бабушка не отличалась добрым нравом и потому не очень-то жаловала сноху, чем вызвала неприязнь родителей Марии. Ну а тут приспели роды. Опытная бабка-повитуха Малаша благополучно приняла роды. Родился сын Витя. Но вдруг получилось осложнение. Дядя Ваня был в это время на каком-то совещании в Ряжске. У Марии стал пухнуть живот и начались сильные боли. И никто, в том числе два ее брата, не удосужились немедля отвезти ее в больницу. Пока дядя

вернулся, Мария уже умерла. Ну тут и начались взаимные обвинения в ее смерти. Дядя очень любил жену и с горя уехал в Москву. Витю забрали родители Марии, и возникла между двумя семьями вражда, где страдали больше невинные люди. Мария была — сама доброта. Мне было всего 6 лет, но я до сих пор помню ее ласки.

С моей матерью она тоже жила хорошо. Потом мы с мамой в голод 1933-го ездили к дяде в Волоколамск, где прожили чуть не год. После он приезжал в деревню вербовать рабочих. Набрал группу, раздал им деньги, а потом его видели на станции Ряжск пьяным, и с тех пор он сгинул.

Есаков Дмитрий Никитович, третий по счету, родился около 1895 года. Он служил в царской армии, но был настолько мал ростом, что его сперва и на фронт не отправляли. Но под конец все же воевал на Карпатах. Там заболел брюшным тифом. Вылечили. Но, отощавший, поел чего-то много и умер.

Есакова (Волкова) Екатерина Никитична. Родилась в 1899 году, а какого числа и месяца — не помнит и в паспорте дата не указана. Когда я пошел менять ей паспорт, мне сказали, что надо хотя бы «потолочную» дату проставить. Я подумал и решил: сам родился 11 декабря, дочка Надя родилась 11 декабря — поставлю-ка и матери 11 декабря. И поставил.

Она была очень хорошей матерью, и писать о ней можно бы бесконечно много, если бы способности были. И я не придумаю: что я упустил, о чем не написал выше? Может, и повторюсь где? Не беда.

Говорят, что только сестра матери, Надежда, была непревзойденной красавицей, ну а после уже моя мать считалась самой красивой девушкой в округе. Об этом утверждают все, с кем я говорил после. Самой близкой подругой моей матери была Матрюшка, мать моего лучшего друга. Они еще с раннего возраста дружили. Обе были непревзойденными кружевницами. Сами придумывали узоры, и со всей округи у них брали копировать «сколки». Была у нас в селе Журавинка кружевная артель. Мать была постоянным членом этой артели. Это и помогало матери выжить с нами в годы преследования нас как кулацких родных. Так вот в женихах у матери недостатка не было, а замуж она не спешила. Вряд ли она с моим отцом была давно знакома. Особенно настойчивым домогателем был друг моего дяди Ивана, его «соратник» по сельской власти. Сам по себе парень Самсон был некрасив, мал ростом да и по другим качествам был не на высоте. Однако дядя мой настойчиво советовал своей сестре выйти замуж за Самсона. А уж о дружбе моей матери и отца стало известно тогда, когда моя мать ушла к нему вопреки воле своих родных. Вот потому мой дядя и возлютовал так. Мою мать в семье отца приняли очень доброжелательно. Но дядя счел свое самолюбие настолько уязвленным, что начал всячески изводить моего отца. Но очень трудно было моему дяде уцепиться хоть за что-нибудь. Отец мой был смирным парнем, не замешан никогда ни в каких скандалах, драках, которые были в деревне обыденным явлением. И вот дяде помог случай: не то просто был звук выстрела, не то действительно кто-то стрелял в представителя власти на селе — Самсона и не попал, но мой дядя уцепился за это и голословно заявил, что в Самсона стрелял Митька Волков. Выше об этом написано.

Как и вообще в деревнях, чуть ли не все приходятся друг другу в разной степени родственниками. Так же и у нас. Рядом с домом брата моего деда жила тоже семья Есаковых, по произвищу «Юнины». У Василия и Марфы было два сына и три дочери. На старшей-то и был женат мой дядя Иван. В несвоевременной помощи роженице Марии они обвинили мою бабушку, да и дядю, что он уехал на какое-то совещание. Былая дружба брата Марии Ивана

с моим дядей перешла во вражду, а так как мой дядя был далеко, Иван Васильевич, брат Марии, был организатором колхоза. Жена Ивана Васильевича — Елизавета Дмитриевна, урожденная дер. Набережное. Ее мать, Елена (?), приходилась двоюродной сестрой моей бабушке Фене. Значит, моя мать и жена Ивана были троюродными сестрами. Меж собой они не враждовали, а Иван Васильевич как бы мстил за смерть сестры Марии. Мало того, что мою мать не приняли в колхоз, но отобрали даже приусадебный участок. Матери пришлось вначале работать на начальство: тогда колхозникам к приусадебному участку прирезали где-либо еще клочок земли. Размер его зависел от степени значимости лица в колхозе. У председателя, членов правления участки были настолько большие, что они сеяли на них зерновые. Так вот мать на них и батрачила. Кроме того, после уборочной мать собирала колоски на полях. Насобирала, заработала немного, но добрые люди предупредили мою мать, что у нее собираются отобрать все скудные запасы хлеба. Тогда она зарыла в землю эти запасы, но Иван Васильевич нашел эту похоронку и выгреб все до зернышка. Спасаясь от голодной смерти, мать забрала меня и уехала к дяде Ивану в Волоколамск, поступила на щеподралку и пережила трудный год. Не знаю, что там изменилось, но мать вернулась в деревню, ее приняли в колхоз, и жить стало полегче. С моей учебой все описано, и бабушка по отцу взяла меня к себе в Лианозово. А в 1939 году к нам приехала и моя мать. Ее приняли на работу прачкой в Подушкинскую больницу, что размещалась в бывшем графском имении дер. Алтуфьево. Дали местечко в семейном общежитии. Перед самой войной ей дали отдельную комнатку в основном корпусе. Но там было очень холодно, и она перешла снова в тот полуподвал, но в отдельную комнатку. После войны туда я и пришел. Несмотря на трудное время, жизнь улучшилась, так как я стал работать. Ну а когда меня посадили, матери стало так трудно, как не было еще никогда. Несколько раз она с дочерью Надей ночевала в стогах сена.

Так вот, когда я, не посоветовавшись с ней, просто заявил, что женился на Рае «Юниной», дочери ее погибшего на войне обидчика, неудивительно, что это известие она восприняла без особой радости, если не сказать хуже.

Вот я удивляюсь, как она выжила, но удивительнее другое: ведь она до сих пор жива! А ей уже 98 лет! Неужто трудности закалили ее?

Волкова (Гаджарова) Надежда Дмитриевна. Родилась в 1929 году. Когда отец снова пропал, наша мать опять стала жить в Полотебной. Как только Надя стала сносно ходить, я стал ее нянькой. Тут все получилось одновременно: у Ванятки такого же возраста сестренка Вера, но у него бабушки не было, так что поневоле ему пришлось быть нянькой своей сестренки. Потому и я легко согласился быть нянькой своей сестры Нади. Если мы играли в подвижные и шумные игры, как лапта, чижик, то наши сестренки были заняты куколками из листьев хрена, которые мы с Ваняткой делали им сами. В 1939 году мать сначала одна приехала в Лианозово, а потом, устроившись работать в больницу, привезла и Надю из деревни. Училась Надя по всем предметам хорошо. Только в начальных классах арифметика ей трудно давалась. Окончив 7 классов, поступила в ПТУ, что на Н. Масловке, недалеко от Савеловского вокзала. Выучилась на токаря. От техники она была далека, как небо от земли. А работала!..

Когда я вернулся с войны, к нам буквально каждый день ходил сын врача, Олег. Он страстно увлекался техникой, и нас с ним это сближало, хотя он был лет на шесть моложе меня, то есть ровесник Нади, которую он любил безумно! Когда мы говорим про технику в ее присутствии, он делается невменяемым:

меня не слышит, отвечает невпопад и все смотрит на Надю. Да и она, как я полагал, не была к нему равнодушна. Но так получилось, что они разошлись, как в море корабли. После Надя недолго дружила с парнем Володей, будто по внешности напоминающим Олега. А потом, когда я уже жил с Раей, она с Зоей поехала в отпуск в Полотебную. Там на помощь колхозу приезжали недалеко дислоцированные военные, и она познакомилась с лакцем Гаджаровым Магомедом Амукаевичем. На лицо он был симпатичный. Потому она не раздумывая вышла за него замуж.

Зачем описывать ее дальнейшую жизнь, если у нее две дочери с высшим образованием, да и сын — умница. Вот пусть они и последуют моему примеру и опишут свою родословную. А так коротко, для сведения:

Гаджарова (Ясулбутаева) Светлана Магомедовна. Родилась в Москве, в 1952 году. Переехала с родителями в г. Денау, Узбекистан. Там вышла замуж за Ясулбутаева Малика. У нее родились две дочки: Патыма и Мадина.

Гаджаров Олег Магомедович. Родился тоже в Москве, в 1954 году. Также переехал в Денау, а потом и в Душанбе, где женился на девушке армянского происхождения, Нателле. У них в 1981 году родился сын Станислав. О них сказано очень много в других записях и переписке.

Есакова Евдокия Никитична. Родилась примерно в 1902(4?) году. Моя мать только и рассказала мне, что она умерла от тифа в возрасте 17 лет.

Есакова (Зудина) Клавдия Никитична, кажется с 1907 г. рождения. Симпатичная, веселого характера была, а вот петь и плясать, как и моя мать, не любила. Во мне всегда души не чаяла. В тюрьме меня буквально спасла от голодной смерти. Была очень работящая, хозяйственная. Любила и умела так хорошо готовить, что из ничего сделает на праздничный стол всего столько, что диву даешься! Гостеприимная беспредельно!

С 1929 года жили в глинобитной мазанке дер. Барская Полотебная, которая находилась в километре от нашей Полотебной-однодворцев. И только в начале 50-х купили деревянный старый домишко в д. Волково.

Клавдия по детям была своего рода рекордисткой. Не количеством, а чудачеством. До войны она родила четверых: Зою, Володю, Анатолия и Таисию. И вот почти одновременно со своей дочерью Зоей она родила позднышка Николая. Добавлю: в 1934 году крестная дала нам телочку. Ее чуть волк не загрыз: уже уволок за скирду и начал перегрызать ей шею, но случайно мужики увидели и отбили телочку. Долго у нее не заживала огромная рана на шее, но зато выросла хоть маленькая, но очень молочная корова. Большую помощь нам оказывала моя тетя Клавдия и ее муж Александр Федорович. Он в соседнем колхозе работал конюхом. Я к ним каждый день за молоком ходил. А без их помощи нам все равно не прожить бы.

Зудин Александр Федорович, 1908 г. р. Женился на моей крестной в 1930 году. Он был Клавдии под стать: тоже веселый, общительный и очень обязательный! Уж если что пообещает или скажет — железно! Только он встречал нас и провожал на ж. д. станции Ряжск или Урусово. В войну тоже на фронтовом аэродроме технарем прослужил, не был ранен. Но трофеев почему-то совсем не привез. Конюхом в колхозе был отменным. Умер он, когда жена Клавдия была в Подмосковье у детей в гостях. Напоили его дружки какой-то дрянью. Сосед случайно обнаружил его уже остывшим дома.

Зудина (Маховкина) Зоя Александровна, первая дочка в семье. Родилась в 1930 году. С раннего детства воспитывалась у бабушки по отцу, Прасковьи. Это была симпатичная молодящаяся старушка, умудрившаяся вторично выйти замуж в довольно преклонном возрасте. В деревне это была невидаль! Прожи-

ла она до глубокой старости. Когда Зоя окончила семилетку, моя мать взяла ее к себе. Но не успела ее куда-либо пристроить, как вся наша жизнь была разрушена моим тюремным заключением. Мать часто скиталась чуть ли не под открытым небом. Зою взяла к себе директор Подушкинской школы Смирнова Матрена Тимофеевна. Дочка Матрены Тимофеевны, работавшая в банке, устроила туда ученицей Зою. Несмотря на малое образование, Зоя была очень сообразительной и быстро освоила профессию инкассатора, где и проработала до самого замужества. Зоя всегда делилась со мной своими сердечными делами, и я, с ее согласия, выбрал ей мужа. До этого практически дружила она с одним мальчиком, года на 4 моложе ее. Зоя была симпатичная, веселая, общительная. С ней познакомился молодой офицер Маковкин Валентин. Он мне очень понравился, и я одобрил ее выбор. Вскоре, в 1953 году, они поженились. Она стала жить недалеко от г. Рогачево. Мы с Раей несколько раз были у них в гостях. Они тоже ездили к нам часто. Тогда все родные знались не в пример теперешним временам. Где только время находили? Ну а потом, как и у всех, видеться стали реже и реже, даже звонить друг другу времени нет.

У Зои с Валентином родился единственный сын Юрий в 1954 году. Вырос, женился на Наташе с 1953 года Зоя снохой просто нахвалиться не могла! В 1977 году у Юры с Наташей родился сын Евгений, а в 1980 году второй сын, Павел. Евгений учится в институте.

В 1995 году мы с моей сестрой Надей были у них в новом месте, забыл название, где Валентину дали после отставки со званием полковника отличную квартиру. Последние годы Зоя взяла к себе свою мать, которая долго болела и умерла тяжело и мучительно в 1995 (?) году. Поистине на ее долю выпало столько семейных трагедий и горя, что, как ни перебираю я своих родных до, как говорится, седьмого колена, ни у кого не было и пятой доли того, что пришлось перенести ей.

Зудин Владимир Александрович, родился в 1933 году. Еще в детстве ему купили игрушечную гармошку. После он стал превосходным гармонистом лет в 10 – 12. Его игру знали далеко вокруг! Но он был очень стеснительный, а его все за «ломаку» принимали. Но игру его любили.

Точно не помню, но сразу после войны Володя немножко пожил у нас в Подушкинской больнице. Я еще с ним арифметикой занимался, которая ему давалась очень трудно. Снова он приехал к нам уже в 1952 или 1953 году. После брата Раи, Николая, мы в то же строительное ПТУ устроили и Володю. Володя не пил, не курил, с девушками был чрезвычайно робок. По-деревенски прост.

Навсегда запомнился курьезный случай. Я поехал в Долгопрудненский банк за зарплатой учителям и работникам сельсовета, а оттуда по своим делам хотел поехать в Москву. Володя попросился со мной. Я взял его. Володя еще удивился, какую уйму денег я держу в руках!

Положил я деньги в портфель, и мы поехали. Приезжаем на Савеловский вокзал и решили сходить в туалет. Сначала он сходил, а потом я дал ему держать портфель с деньгами, а сам пошел в туалет. Выхожу оттуда и вижу: Володя стоит перед черной стеклянной стенкой газетного киоска, как перед зеркалом, и начесывает свою скромную шевелюру. А портфель с деньгами буквально валяется на низком парапете ступенек в туалет, шагах в четырех от него. Я так и обомлел... «Володя! Что же ты делаешь?! Как ты мог портфель оставить?!» — «А кому он нужен?!» — простодушно удивился Володя.

Окончив училище, долго не женился. А потом познакомился у себя на работе с буфетчицей Любой, и вскоре они поженились. У них родилась дочка

Ира точно в тот же день, что и моя дочь Люба. Володя с женой часто были у нас, а мы — у них. Люба Зудина знала уйму озорных частушек. Как с Раей начнут петь их, диву даешься: и откуда что берут?! Не могу сказать, по какой причине, но Володя стал частенько выпивать. А пил он очень забавно, по присловью: «Он ее в себя, а она из него...» Так вот он тысячу раз поднесет ко рту стакан, начнет его нюхать, а его тянет. Глотает мелкими глоточками и буквально давится. Пьяный сразу уснет, никогда не буянит. Только вот на гармошке некому играть.

Я было купил для Саши своего аккордеон. Но Саше как скоро захотелось играть, так же скоро и расхотелось, и я подарил аккордеон Володе. Но он гармошку все же любил лучше.

В своей дочке Ире они просто души не чаяли! Да и она их ничем не огорчала. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за хорошего парня. Но при родах Ира умерла, своей жизнью заплатив за жизнь ребенка. Володя не смог пережить трагическую смерть дочери и повесился. Его жена Люба после снова вышла замуж. С новым мужем, кстати очень хорошим мужчиной, она несколько раз была у нас в гостях, и только со смертью Раи все кончилось. Но трагедии не кончились для этой горемычной семьи.

Сергей с малюткой, тоже Сережей, вдовствовал недолго. Женился на доброй девушке, которая, как говорится, заменила сиротке его мать. Часто они втроем ходили на могилу Иры. Года через 4 родился у Сергея сын Илья от нового брака. Сереже было 11 лет, а Илье 7. Когда их мать повела детей в школу, Сережа (как тому быть) неожиданно выбежал на проезжую часть улицы и попал под машину. Это было в 1995 году.

Зудин Анатолий Александрович родился в 1936 году. Если Володю я не видел всего четыре года войны, то с Анатолием-то познакомился в 1946 году, а когда я приехал к крестной в 1949 году, ему было 13 лет. Против миниатюрного Володи это был крепыш, которого побаивались ребята значительно старше его.

Анатолий, будучи в армии, познакомился, как у нас говорили, с хохлушкой Тамарой. Она была года на 2 старше Толи, далеко не красавица, но характер был просто ангельский. Кроме того, была такая расторопная и хозяйственная, что диву все давались. Толю она любила до безумия. А про него такого же не скажешь. Может, он как-то по-своему и любил ее, но несколько раз уходил от нее, бросая ее с ребенком. Она снова находила его, и они жили вместе. Толя иногда выпивал через меру и по пьяни бил Тамару, а она все терпеливо сносила и не жаловалась.

Сначала у Толи с Тамарой родился сын Валера в 1960 году. А в 1965 году родилась дочка Лариса. Толя был не общительный, а Тамара, наоборот, была общительная и очень веселая. Приедет к нам, и под грампластинку с Раей отплясывают с озорными частушками. Уже сыну было лет 12, он увлекся чеканкой по металлу. Она все за медной фольгой ко мне в Дом пионеров приезжала. И вдруг нам сообщают: «Тамара умерла. Приезжайте». Мы с Раей приехали, а соседка говорит: «Это ей Толя помог умереть: поскандалили они в очередной раз, и он ее табуреткой по голове ударил». Тогда Рая разволновалась и немедленно уехали мы домой, так и не побывав на похоронах. Дочка Лариса выросла такой красавицей, что, как в сказке говорится, глаз не отвести! Но не зря говорится: «Не родись красивой, а родись счастливой». Вышла она замуж за Котова Сергея по любви. Мы на свадьбе не были. Вскоре Лариса родила сына Сашу, но недолгим было их счастье. В 1987 году она ехала в автобусе и он с моста свалился в реку. Муж ее с сыном уехал к матери

в Самару. От тоски по любимой жене Сергей запил и тоже вскоре повесился. Анатолия парализовало, и Сашу стала воспитывать его больная сахарным диабетом бабушка. Толя, конечно, не пьет и сейчас живет в Троицке.

Зудина Таисия Александровна родилась в 1939 году. Ее я знал еще меньше Анатолия. Тая приехала к Зое в гости в воинскую часть, где вышла замуж за одного офицера, Анатолия, в 1962 году. Совместная жизнь их продолжалась недолго. Тая родила в 1956 году сына Владимира. Мальчик родился нормальный, но после коклюша было какое-то осложнение, после чего стали наблюдаться некоторые умственные отклонения.

В 1962 году Тая родила дочку Ларису. Буквально везло Зудиным на красивых девочек. Лариса была в детстве прекрасной куколкой!

Муж Таи, которого мы считали идеальным, без всякой вины со стороны жены, бросил семью, и пришлось ей поместить сына в интернат, где он находился очень долго, а сейчас Тая взяла его домой, хотя сама по болезни имеет вторую группу инвалидности. Да и Лариса с троими детьми живет с ними.

Зудин Николай Александрович родился в 1951 году. С малых лет его взяла к себе Зоя в Рогачево, где он и вырос. Его я еще меньше знаю. У него жизнь тоже сложилась нескладно. От брака с Катей имеет троих детей и от второго брака есть уже двое. А где он сейчас — не знает даже его родная сестра Зоя.

С родней Зудиных у нас была самая тесная связь и крепкая дружба, но теперь почти не знаемся. Да и с кем? Я тоже остался неприкаянным. Вообще, сейчас все родственные связи практически порвались. Времена круто изменились. Если раньше поколения отличались друг от друга чем глубже назад — тем меньше, а теперь именно мое поколение все порушило. И не война тут виновата. А что именно? Как ни напрягаю извилины мозга, а понять не могу. Совсем недавно признавали даже троюродных родных, а буквально через два десятилетия все изменилось.

Есаков Александр Никитович был самым младшим. Родился примерно в 1910 году. С виду был нелюдим и угрюм. Хорошо играл на гармошке. Учил до смешного бестолкового своего друга играть на гармошке, но мне запрещал брать ее в руки, хотя я и хотел этого. Меня он не сказать, что не любил, а просто не замечал. Но когда у нас родилась Надя, то она очень его раздражала сначала криком, а потом своими забавами, хотя росла она тихой и смирной. Девушки его не интересовали. Примерно в 1936 году уехал в Москву, жил в общежитии. Когда мы жили в Подушкинской больнице, он ездил к нам часто, привозил много продуктов и белье свое в стирку. Забрали его на войну в первые дни, и сразу пропал без вести. Вряд ли он не подал бы весть, если бы уцелел. А там кто знает?

Родные со стороны жены

Есаков Василий (по отчеству не помню), коренной житель Полотебной. Умелец, трудолюбивый, но всегда был бедным. Дед моей Раи.

Есакова Марфа, его жена, которую все звали «Симиённа». Отчество, что ли? Я ее помню хорошо. Мне она казалась злой и сварливой, а вот ее внук Алексей (мой друг) ее очень любил. Значит, было за что. Мы с ним раз в Рождество пришли к ней Христа славить. Так она нам на двоих дала 7 копеек, и мы никак их не могли поровну поделить.

Об этих родных у меня сведения самые скудные. О их детях:

Есаков Григорий Васильевич, примерно с 1895 года. Красавец! Служил в гусарах, носил роскошные усы.

Есакова Антонина (?), его жена. Бойкая, веселая женщина. Невероятно плодовитая! Говорят, что она уже стала матерью-героиней.

Есаков Алексей Григорьевич, 1924 года рождения. Мой самый первый и один из самых лучших друзей детства. О нем все, что помню, описал. С войны вернулся здоровым. Видел я его единственный раз: примерно в 1958 году. Ничего больше о нем не знаю, к моему стыду. Из его сестер и братьев помню *Надежду* и *Анатолия*, по произвищу Чиглик.

Есаков Иван Васильевич. Примерно 1905 (1907?) года рождения. Умный, волевой человек. Меня маленького все стращал: «Сейчас пятки отрежу!» О нем я тоже написал много. На войну отправился, оставив жену на последних неделях беременности. Был ранен. По слухам, их санитарный эшелон разбомбило. По другим версиям, он остался жив и после войны завел новую семью.

Есакова Елизавета Дмитриевна, его жена. 1908 года рождения. Родители ее жили в дер. Набережное, в двух километрах. Ее мать, бабушка Лена, была двоюродной сестрой моей бабушки Фени. У Елизаветы было 2 брата и 3 сестры. Вообще у Раи тьма-тьмущая родни, но только с тетей Шурой мы знались до самой ее смерти. Что добавить о моей теще к написанному — я не знаю. Первой она родила Раю в 1929 году. Затем Зою в 1931 году. Потом сына Николая, но он умер младенцем. Народился еще сын, и назвали его тоже Николаем. Затем родилась Валентина и тоже умерла. За ней родившуюся девочку тоже назвали Валентиной. И последняя — Тамара.

Проводив на войну мужа, она осталась с пятерыми детьми: старшей, Рае, было 12 лет. А потом одна за другой тяжелые потери: сначала умер муж Валентины в возрасте 45 лет. Затем муж Зои Савичевой в возрасте 55 лет. За ними умерла младшая дочь — Тамара, в возрасте 42 лет. А в 1991 году и старшая дочь, моя Рая, в возрасте 61 года. Сама, вечно больная, работала как ломовая лошадь. А до сих пор жива и живет у Вали. О ее детях:

Савичева Зоя Ивановна, 1931 года рождения. Ростом чуть-чуть выше Раи, а росла и развивалась быстрее Раи, и к 11 годам ее можно было принять за старшую сестру. Работящая чрезвычайно! Рая тоже пошла работать с 14 лет, но ученицей на швею-мотористку. А Зоя почти в том же возрасте завербовалась на торфоразработки. Потом на заводе «Станкоконструкция» работала вахтером. Родила первую дочку, Галю. А после двойняшек Юру и Колю, которые впоследствии стали знаменитыми футболистами. Но работать не только не перестала, а пошла на более тяжелую: крановщицей. Была авария, но она отделалась небольшим увечьем. Ослабла связь между нашими семьями лет за 10 до преждевременной смерти ее мужа, Николая.

Есаков Николай Иванович, 1936 года рождения. Ростиком небольшой. Характером в отца, как и Рая: своенравный, вспыльчивый, да и гульнуть не дурак. Женился он на сестриной подруге, тоже Вале. Это была превосходная женщина. Родила ему двух сыновей. Но Коля очень быстро и сильно спился. А пьяный он и поколотит ее. Отбыл срок в ЛТП, но не исправился. Развелись. Что теперь с ним? И родные сестры не знают.

Самохина Валентина Ивановна, 1939 года рождения. Ростом и сложением как Рая. Трудолюбивая. Мужа своего, Николая, просто обожала! Да и было за что: это был человек всех мер! Иногда выпивал лишнего, но зря не выпьет. Умер от рака поджелудочной железы. Ему было всего 45 лет... У Вали двое детей: Виктор и Светлана. Хорошие ребята.

Богданова Тамара Ивановна, 1941 года рождения. Она одна осталась из всех в деревне. Безумно влюбилась в Сашу Богданова, хотя он еще в ребятах

часто выпивал и бузотерил, а характера был очень хорошего. Я с ним просто душа в душу жил! Тамару по пьяни часто поколачивал, что она тщательно скрывала. Родила она двух сыновей, Игоря и Владимира, и дочку Марину. Умерла она от кровоизлияния в мозг в 42 года.

УЧЕНИЕ

Мне еще не было трех лет, как я начал учить буквы. Эти каракули есть на моей фотографии тех времен. Но так как мать вообще не умела даже читать, то буквам меня учила бабушка по матери, которая знала только старославянские буквы и сама с трудом читала единственную имевшуюся у нас книгу — Евангелие. Я быстро выучил буквы и в трехлетнем возрасте бегло читал им Евангелие, естественно, сам не понимая ничего. Бабушка была верующая умеренно, а мать была совершенно равнодушна к религии. Но мое чтение приводило их в умиление, так что практиковался я в чтении я много. А потом и сам бессознательно стал богомольным, но зато после, уже в 5-м классе, вступил в пионеры и меня превратили в воинствующего атеиста.

Но я отвлекся. У бабушки был деверь, весьма грамотный и начитанный. До революции он даже работал в уездном суде сначала заседателем, а потом и секретарем. Но революцию не принял и просто крестьянствовал. Так вот, хоть и жил он близко, но у нас бывал очень редко, так как мой старший дядя был коммунистом. Этот мой двоюродный дедушка и научил меня обычному алфавиту. Я с большим интересом читал даже не подходящие для моего возраста журналы, газеты — там я хоть что-то понимал. Но жажду чтения я утолил впервые около пятилетнего возраста. Моя крестная (которую я «помодному» звал «клёся») вышла замуж за сына школьной уборщицы. Когда я увидел в школе детские книжки — радости моей не было границ! Я быстро перечитал подходящее. А тут заставили покинуть свой дом младшего брата моего деда. У него оставались две девочки: одна (Вера) на год постарше меня, а Любе — два годика. Вот моя мать и перешла туда и дом сберечь, и за детьми присмотреть. А я пристал к ней, чтобы она отдала меня в школу. В школе нас было несколько, кто, по крайней мере, знал все буквы и учительница, чтобы нам не было скучно, давала нам на уроке читать детские книжки. Но тут упомянутый дед узнал, что я хожу в школу, и посоветовал матери забрать меня оттуда, чтобы не испортить. Так что официально я пошел в школу почти с 7 лет.

В 1 — 4 классах я учился как во сне: почти ничего не помню. Само собой разумеется, на одни пятерки. Тогда, правда, были: «отлично», «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «посредственно», «неудовлетворительно», «плохо», «очень плохо». Но книг для чтения почти не было. Школа была в километре от дома, и я часто неделями жил у крестной. Они меня очень любили. К тому времени они уже перебрались в собственный дом — глиняную мазанку. Крестный работал в колхозе конюхом, так что жили они по тем временам вполне сносно, не то что мы. Крестная баловала меня едой настолько, что даже аппетит пропадал и появлялся только тогда, когда я заходил за одноклассником из бедной многодетной семьи. Когда они всей оравой садились за стол, высыпали на стол ведерный чугун вареной в очистках картошки, ставили большую миску с квашеной капустой или огурцами и дружно принимались уплетать все это — я буквально исходил слюной, и, когда они приглашали меня, я не заставлял себя дважды просить и с таким же аппетитом принимался есть все это. Крестная первые разы выговорила мне: «Если тебе не блины и мясо нравятся,

то я наварю тебе картошки!» Она варила, а я и не притрагивался к ней. Ну а зимой, когда дорогу переметало и сугробы были выше крыш домов, я жил у крестной. Помню, как мы в сугробах прорывали ходы-лабиринты. Дорога уже проходила по сугробам, и один раз в нашу пещеру провалились груженые сани. Ох и ругали нас! Самым интересным временем был сентябрь. Школа располагалась против начала барского сада, где рос изумительный сорт яблок: крымский вергуль. Сад охранялся хорошо, и полакомиться ими приходилось очень редко, а потом их все сдавали, и по колхозникам делили «Крешатник», который можно было есть только со средины зимы. Но зато его можно было хранить в погребе даже вперемежку с картошкой до самого лета. Антоновку и анис мочили. У крестного своего сада не было, но яблоки были почти круглый год! Хоть это и была, как говорят, самая золотая пора детства, а я из него мало что помню. Товарищей у меня было немного, да и они только из соседних домов. Писатель из меня совсем скверный. Пишу, а самого с души воротит от своего писания. Но что поделать? Лучше не могу. Вот потому снова приходится делать отступление в раннее детство. Когда я жил в отцовском доме, помню маслобойку и вкусные жмыхи конопляные. Играть мне приходилось только с девочками. Моя тетя Шура была старше меня всего на 5 лет и была мне за няньку. Из ровесников — три двоюродные сестренки. Вот с ними я и играл... в куклы. Дяде Саше было 8 — 10 лет. Он меня брал на рыбалку, на старую мельницу и в затон. Потом я бегал домой за едой для него. Сад был у нас свой, молодой, яблок было достаточно, и, видимо, набеги на чужие сады не совершались. Но зато как мы пекли и ели желуди — помню отлично! Буквально рядом были молодые дубовые лесопосадки на месте вырубленного леса. Старых дубов оставалось менее десятка. Но какие это были великаны! И желудей было под ними уйма! Лес был окопан канавой. Вот ребята разводят костер, а мы бежим собирать желуди. Потом набросаем их в огонь, сами спрячемся в канаву и ждем, пока они начнут «стрелять». Какие близко упадут — подбираем и едим. А потом из костра достаем не сгоревшие до конца. Вкуснятина! В уборочную меня на поле брал более старший дядя — Алеха. Посадит меня на воз и всю дорогу поет какие-то непонятные протяжные песни. Ну а отца почти совсем не помню. Но об этом в родословной. Да и вообще деда и старших четверых дядьев не помню. Они же целыми днями на работе. Уходят — я сплю, и приходят — я уже сплю. Ну а тут раскулачивание, и мы с матерью переехали в Полотебную, к бабушке по матери. К этому времени крестная уже вышла замуж, старший дядя жил в Москве. Бабушка была строгая, младший дядя — нелюдим и ко мне относился как к досадному существу. Он очень хорошо играл на гармошке, но с девчатами не дружил, а только был у него друг со странным прозвищем: «Чилика». Вскоре у мамы народилась моя сестренка Надя. А еще через 2 — 3 года крестная родила первенца — Зою. Я уже учился в третьем классе, кажется. Ну а тут, без старшего дяди, — а к нему вскоре уехал и младший, — нам стало совсем худо. К матери стали придираться за родство с кулаками, в колхоз ее не принимали — и она работала на поденных работах у коммунистов-руководителей, собирала колоски после уборки хлебов. Кое-как насобирала, чтобы зимой нам не умереть с голоду. А год выдался голодный, продразверстка. У матери все до зернышка и выгребли. Практически нас обрекли на голодную смерть. И пришлось матери ехать к старшему брату, дяде Ване, который работал в Волоколамске на кирпичном заводе прорабом. К тому времени подруга моей матери, Матрюшка, со старшим сыном Ваняткой, моим другом, была уже там.

Мать взяла с собой только меня, а Надю оставила с бабушкой. Ведь Наде было не более трех лет и деть ее было бы некуда. Мать мой дядя устроил работать на щеподралку. Там они с Матрюшкой вместе работали. И из этой «ложки дегтя» я уже почти ничего не помню, так, отдельные картинки. Все было по карточкам. 33-й год, голод страшный. Вот не помню: не то мы жили в комнате дяди, не то у нас была уже своя каморка? В школе там я учился хорошо, хотя программа и была труднее. Ванятка Матрюшин, хоть и мой ровесник, шел на класс позже. Смутно помню нового товарища, Витю Желаннова, сына инженера. Они, конечно, меньше бедствовали, и я часто у них обедал. Запомнились котлеты, вкуса которых я до того не ведал. Местом наших игр были выработанные глиняные карьеры. А еще мне запомнилось, как мы ходили зимой в лес за тухлыми огурцами, выброшенными какой-то базой. Но они мне казались такими вкусными, что мы с Ваняткой ели их прямо около кучи в лесу. Ну а весной вернулись в деревню. Об этом моя мать могла бы рассказать много. Ей Бог даровал светлую память до сего времени, а ей сейчас девяносто восемь.

А теперь о моих друзьях детства. Их было у меня трое: Ванятка Матрюшин, мой ровесник, Леня Есаков, двоюродный брат Раи, на год моложе меня, и Санька Матрюшин, на два года моложе меня. Тут уж кое-что прочно запомнилось после приезда из Волоколамска. У Матрюши было трое детей: Ванятка, Саня и дочка Вера, ровесница моей сестре Наде. У Лени была сестренка года на два моложе его, а к тому времени только стал ходить их третий братишка, Толя, и нянькой ему была Надя, Ленина младшая сестренка. Ну а на нашу с Ваняткой долю достались сестренки. Мороки они нам доставляли уйму! Дома у нас была бабушка, но она весь день была занята по дому и в огороде. А Матрюшка, как и моя мать, вкалывала на самых тяжелых работах в колхозе, куда все же приняли и мою мать. Я хоть от домашних работ был избавлен, а Ванятка и огород полол, и картошку чистил, и воду носил. Сестренки так и ходили с нами всюду. У Ванятки она была полненькая, и он ее звал «Допня» — по причине ее толстенькой попки. Ну а я, из солидарности, дал своей сестре кличку «Доня» — от слова «дочка». Так что наши детские забавы были ими ограничены, тем более такие скверные, как набеги на чужие сады и огороды. А тут у дальней родственницы тети Лизы родилась вторая дочка — Зоя. А первая, Рая, ровесница Наде, дружила с ней и была у нас постоянно. Так что до кучи и она тоже таскалась с нами. У Нади еще была закадычная подруга Шура, но, на мое счастье, у нее были аж две старшие сестренки, и она играла с четвертой девочкой только дома. Надя и Вера были послушными девочками, может, потому, что за «провинности» обе получали трепку. А вот Рая была не такая. Один раз мы пошли купаться в лазорик. Там всегда был подмыт паводком крутой берег и глубокий омут. Так мы там обмазали скользким илом берег и съезжали по нему сверху в воду. Мы делали это каждый день, а сестренки послушно ждали нас под кустиком, играя в листики ветлы. А на этот раз с нами пошла и Рая. И вот когда мы лежали на песке противоположного берега, я услышал детский крик, посмотрел и обомлел: по илистой полосе медленно к воде съезжает Рая, цепляясь ручонками за скользкий ил. Я кинулся в воду и подхватил ее у самой кромки омута, дно которого доставали только смелые подростки. Выгащил я Раю и отшлепал ее. Ну она и пошла с ревом домой. Когда мы мимо шли, ее мать стала ругать меня, пока Леня не объяснил ей все. С тех пор и Рая стала послушной. Детские игры наши не отличались разнообразием. Большую часть времени проводили на речке. Речушка была маленькая и мелкая, кроме тех мест на поворотах, где половодье

вымывало омуты. Строили запруды, ловили рыбу. Удочками никто из нас не любил ловить рыбу, бредня ни у кого не было, да и малы мы были для этого. Но зато кошелкой в травянистых берегах за короткое время налавливали по бидону. Руками в норках ловили раков и налимов, а под камнями — огольцов. Одно время кооператив принимал раковины беззубок. А у нас их уйма была! Наберем и сидим чистим: мясо поросятам, а на сданные раковины покупали себе конфет. Раков мы ловили еще и вершами. Найти по запаху дохлятину в колхозных окрестностях не составляло проблемы. А верши уже сами плести научились из ивовых прутьев. Вот отрежем кусок дохлятины, положим в вершу (кубан) и поставим ее в местах обитания раков. На другой день и не только полна верша, но еще и снаружи мертвой хваткой вцепятся несколько десятков. По очереди каждый берет дома большой чугун, в нем мы на костре сварим раков и едим! Так вот однажды моя бабушка узнала, что я брал чугун, отлупила меня крапивой, в чугуне с тех пор стала варить только корм для скота, но зато и я безбоязненно брал этот чугун. У нас дома была одна свирепая свинья. Виноват я: мы отливали водой сусликов и мышей на лугах, я собирал их и прямо не вареными отдавал свинье. Да и мясо беззубок давали сырыми. Вот она и озверела, на людей бросалась. Однажды Надя уронила в закуток к свинье свою куклу — свинья куклу на клочки растерзала! Все эту свинью боялись. Мы в чужие сады и огороды лазили всего несколько раз, которые и помню. Как-то к Ивану Гавриловичу Панферову лазили за подсолнухами. У нас они были в диковинку. К «Бурому» (забыл имя) раза 2 — 3 лазили в сад: у него собака была хоть и злая, но старая и сонливая. Но самое интересное было вот когда: мы ходили купаться на «спуск» к мельнице на реке Ранова мимо Матюшиных и увидели на огороде невиданных размеров круглый овощ. Только по книгам мы знали, что есть на свете арбуз. Ну мы и решили, что это он и есть. Ночью мы залезли, сорвали два и докатили до рощи — поднять его смогли только вдвоем! Ножом отрезали по куску и стали есть. Но он никому не понравился, и мы бросили его. А это оказалась, тоже неведомая нам, тыква.

Теперь снова об учебе. Семилетняя школа у нас была в Марчуках, в трех километрах. Туда я и пошел в пятый класс. Ростика я был самого маленького (так и до самой войны). Хорошо, что такими же были еще два мальчика: Миша Аникин и Кузя Качикин, и две девочки: Шура Поддымова (маленькая) и Рая Калюбакина. Потом мы так и дружили впятером. В строю последней была Рая. Так вот в первые же дни мы шли вместе в школу с подгорненскими ребятами, это еще на два с половиной километра дальше. Я вообще рос тихим и ни разу ни с кем не подрался. Ну а среди подгорненских ребят был один мальчик, по прозвищу «Борец» за то, что он всем предлагал побороться с ним. Ростом он был чуть порослее меня и постарше почти что на год, но плотного телосложения. Дорога шла малотравянистым выгоном. Надоел он всем своим приставанием, и ребята говорят: «Вон Натолька Гаврилов (кличка) хочет с тобой побороться!» Ну он и стал приставать ко мне. Я не хотел, да и знал, что не одолею. А он все пристает: один раз подставил подножку, и я упал, второй, а на третий обхватил меня руками. От этой назойливости я пришел в ярость! Со слезами на глазах я повалил его и начал душить... Он уже хрипеть начал, когда нас еле растащили. Вот с тех пор ко мне прилипла кличка «Бешеный», «Бешняк». Но зато больше ко мне никто и никогда не приставал. Учеба мне давалась легко. Уроки дома я делал только письменные. Учился с охотой и только два предмета не любил: немецкий язык, которым на войне, в Германии, овладел быстро в сносной степени, и пение, хотя на фронте был потом запева-

лой и мелодии запоминал легко. А тогда я стеснялся своего голоса. Преподавал пение бывший дьячок. За текст песен я всегда получал пятерки, но когда он меня заставлял пропеть ноты, то я смущенно все их тянул на одной ноте, за что и удостаивался двойки. Так что и тут была вторая тройка из всех предметов. Любимыми были физика, литература, география и биология. Но, как ни странно, музыку-то я любил! Еще в пятом классе я «изобрел» дудочку из камыша: в нее своим голосом напеваешь мелодию, а твой голос изменяется и звучит много приятнее, чем от гребешка с бумажкой. Вот на такой дудочке я и играл все 3 года в школьном (почему-то) шумовом оркестре. А Катя Есакова (Юнина, как и Рая) с Полиной Сверчихой отлично отплясывали цыганочку. Катя шла впереди меня на один класс, хотя старше на два года.

В колхозе для таких, как я, была работа боронить, подвозить вязанки, погонять лошадей на конной молотилке, короче говоря, верхом на лошади или стоя на вращающейся площадке привода молотилки. Но у меня, кроме того, была и постоянная работа: по вечерам отвозить в сельсовет колхозные сводки. До окончания 7 класса ничего запоминающегося не произошло. Да, про кроликов чуть не забыл. Уж не в шестом ли я учился? В деревне Микулино жила родная сестра моей бабушки по отцу. Они с мужем, участником Цусимского сражения, моряком, были бездетными. И когда бабушка родила двойню, то единственную девочку оставила, а сына, седьмого по счету, отдала своей старшей бездетной сестре. Когда я подрос, то сам пошел в Микулино. Старики и Федя, мой младший дядя, меня очень любили. У них был большой вишневый сад и всего 5 или 6 яблонь. Вишни были и скороспелые и поздние. Я еще помогал обрывать их и носить в соседнее село сдавать. С Федей мне было очень интересно потому, что разница в возрасте всего 5 лет. Он любил рыбачить, за орехами с ним ходили, а их там уйма была! Но главное: он водил кроликов. И вот он подарил мне скотную крольчиху, черную. Она принесла мне 12 крольчат, и я стал «кролиководом». Сначала все шло хорошо, но их развелось столько, что клеток делать не из чего, есть их не успеваем. На зиму корма понадобилась целая пропасть, и все равно под конец ветками кормил. Они прогрызли клетки, которые стояли в амбаре, понаделали себе нор под закромом и одичали. Я уж их из самодельного лука отстреливал из-за укрытия. Но предел терпению наступил тогда, когда они, прорыв из амбара норы на улицу, за одну ночь уничтожили у соседки всю капусту в огороде. Еле поубивал их. А еще раньше у нас на потолке развелось огромное количество голубей, они продырявили соломенную крышу, и она стала протекать. И вот дядя Саня переловил их почти всех, и мы их поели. Понравилось. Ну а потом председатель колхоза поручил нам, ребятам, переловить ночью вершей воробьев под застрехами — они тоже продырявили кровлю. Раз принес я домой набитый ими большой шерстяной чулок. Бабушка меня чуть не выгнала с ними, но мать всегда сильно баловала меня, говорят, икону играть давала, так вот она этих-то воробьев ощипала и сварила! Конечно, кроме меня, их брезговали есть все. А я все съел! Любил я рисовать. В школе нас научили перерисовывать по клеточкам. Мы с Ваняткой увлеклись этим. Помню, я рисовал на бересте и ножом выре зал. Любил мастерить. На школьной выставке была моя модель веялки и са ней. Все делал одним перочинным ножом, который мне из косы сделал Федя Самым сложным механизмом я считал часы-ходики, но у нас их не было. \ из самых сложных и доступных для меня механизмов была горелка керосиновой лампы, которую я нашел в развалинах дома Аксиньпалны. Правда, самопалы делали на славу! Из ключей от замка и гвоздя. А однажды сделали пушку! Из обрезка трубы, найденной около кузницы, где я часами готов был наблюдать

чудодейство кузнеца. Так вот эту «пушку» мы начинили спичечными головками, а один от отца тайком принес щепотку пороху. Долго мы из нее не могли выстрелить, и когда потеряли осторожность и руками стали подносить спички к запалу, она разорвалась. К счастью, отделались тем, что у Леньки на лице осталось несколько синих пятнышек от пороха.

Экзамены за 7 класс сдал успешно, за год тройки только по пению и немецкому, а остальные — пятерки. Надо было учиться дальше. Если в райцентр Шелемишево за 18 км, то где там жить? Знакомых нет. Решил подать документы в Знаменку, в 6 — 7 километрах от нас, но там был ограниченный набор и конкурс большой. Но я был уверен в себе. Со мной вместе туда подал заявление Толя Шарапов, сын мельника из Набережного. Он учился очень слабо, и я такого соперничества не опасался, хотя «не наших» там нас было всего двое. Контрольную работу я выполнил легко и быстро, но дал время списать Анатолию. Устно он отвечал без меня. И когда были вывешены списки принятых учеников, то Шарапов там значился, а мне вернули документы, сказав, что я не выдержал экзамена. С подлостью я знаком был с детства, а вот защититься от нее, как и мать, так и не умел. Что было делать? Мне еще нет 14 лет, да хоть и было бы — в колхоз идти? Да с моим телосложением я пригоден бороновать да вязанки подвозить. И я снова сел, на крайнее удивление учителей, в седьмой класс. Но как там было мне стыдно! Будто я — второгодник. А еще и скучно: ведь я все это проходил и хорошо знал. И тут, на мое счастье, приехала моя бабушка по отцу. Она забрала меня к себе в октябре 1938 года. И стал я москвичом...

Правда, ошеломляющее впечатление на меня произвела Москва летом 1937 года, когда я почти самостоятельно приехал к ней на каникулы. Так что тележного скрипа я уже не боялся. Сразу же она повела меня на Лианозовский вагоноремонтный завод, где сама работала в электроцехе уборщицей. Привела она меня в отдел кадров, а я мало того что от горшка два вершка, да еще и двух месяцев не хватает до законных 14 лет. Огромного труда стоило ей устроить меня пока учеником слесаря в гарнитурный цех, так как в электроцех пока ученики не требовались. Сразу же пошел в 8-й класс ШРМ (школы рабочей молодежи). Там в основном или парни из армии, или кто по другой причине имел перерыв в учебе. Ну а я со школьной скамьи. Хоть программа там сложнее и не отличалась ничуть даже от детских школ, я сразу же стал учиться на одни пятерки, конечно, кроме немецкого, а потом и химии, которая мне потом очень оказалась нужна в фотографии. Вскоре поступил туда мой ровесник Миша Иванов, а потом и Настя Клюйкова. И образовалась из нас неразлучная троица. А тут вскоре в электроцех можно было взять ученика. И я мало того, что сам устроился, но упросил взять еще Мишу Иванова. Оба мы с ним попали в ремонтную бригаду к Коле Чижикову. Он был на 7 — 8 лет старше, недавно из армии. О его прекрасном характере я еще напишу. Был у него один недостаток — выпивал иногда лишнего. Ну а уж в профессионализме, трудолюбии, честности равных ему мало. Это и нам он старался привить, хотя у нас с Мишкой в большинстве это с рождения заложено. Работа была очень интересная. Каждый день что-то новое. Добряк он был, и мы ему доставляли много хлопот своей детской безалаберностью. Но даже, когда другой рассвирепел бы и выгнал вон, он самое большое — даст легкого подзатыльника, а вообще назовет своим любимым словом «Осел!». Или он был таким хорошим учителем, или мы хорошими учениками, но полученные от него знания, навыки, а главное, смекалка, выручали меня в жизни множество раз. Потом он хотел сделать для меня облегчение и устроил на освободившееся

место дежурного электрика в ремонтно-механический цех. Все хорошо, если бы не ночные смены. В школе у нас было такое расписание: шесть дней по 4 урока (по 45 минут), а в воскресенье — 6–7 уроков днем. Было очень тяжело. Я не высыпался. Особенно в ночную смену. А я, как учащийся, пользовался «льготой», но на самом деле работал в самые трудные смены: с 8-ми до 4-х и с 12-ти до 8-ми утра. А это был самый последний, но самый трудный год. Днем я вообще никогда, даже в госпиталях, не спал. Но зато на уроке спал почти всегда. Растолкает меня Иванов: учитель просит повторить, что он сейчас сказал. Понятное дело — опять двойка. А ее надо исправлять. И снова у сна отрываю золотые минуты на зубрежку. Съехал почти на сплошные тройки. А тут еще одна неприятность: еще более влиятельная личность захотела на мое место поставить своего протеже, и меня перевели на вагонное электрооборудование. Перебирать аккумуляторы. Вонь ужасная, тяжело, заработки мизерные. Ну и пришлось мне взять расчет и устроиться поближе на километр — на военный завод № 468. Там я проработал совсем мало, и тут началась война. В детской школе экзамены закончились, а у нас только начались. Всех вызвали в военкомат. Федя и Саша получили повестки, а мне велели ждать. Ну я и не пошел больше на экзамены. Зачем, думаю, они? Все равно на войну возьмут. Ко мне и директор домой приходил, и родню всю всполошили. Насели все на меня — я пошел и сдал. На этом и закончилась моя учеба. Как сердце чуяло, что ни к чему это мне уже будет. Ведь на фронте я утаил, что кончил 10 классов, а не 9, как я сказал. Пока до фронта добрался, наслушался, да и успел насмотреться, какое отношение к офицерам. А мне с 10-ю классами явно быть в офицерской школе. Я никогда не только не чувствовал склонности к командованию, но меня просто отвращала должность, связанная с подчинением мне других людей. Я насмотрелся на гражданке на отношения подчиненных к начальству. Чтобы и меня ненавидели?! Ни за что! И так как статью «Образование» заполняли с моих слов, то я и утаил, чтобы не идти в школу офицеров. Ну а все испортила контузия. После войны демобилизованных принимали в институт вне конкурса, хоть на тройки сдай. Я взял учебники и хотел повторить забытое. Сначала понять не мог: только начну думать — голова сразу же разболится. Несколько раз я пытался, пока понял, что для учебы у меня все пути отрезаны контузией. Где уж тут учиться, если даже при чтении серьезных книг голова болит... После пришлось восстанавливать со свидетельских показаний, что я кончил 10 классов.

А теперь я всю свою жизнь ощущаю недостаток своего образования. Не знаю, как бы сложилась моя судьба в дальнейшем, имей я высшее образование? Но, во всяком случае, моя жизнь была бы много интереснее и богаче. Да и материально я был бы обеспечен во много раз лучше. Конечно, на руководящую работу я по природе своей не пригоден. Не умею я руководить подчиненными, что было доказано в войну не раз. Но уж в категорию интеллигенции входил бы отнюдь не в качестве никчемного учителишки труда.

Хочу изложить свои теперешние мысли об учении, образовании.

Ни в детстве, ни в юности мне и в голову не приходили мысли, при моей огромной любви к книгам, что я буду работать библиотекарем, хотя бы и недолгих пять лет. Если бы не мизерная зарплата — всегда работал бы там. Тем более о работе учителем никогда не думал, а вот проработал практически всю свою трудовую жизнь, почти 35 лет. Если бы эта работа мне не нравилась, то такую изуверскую нагрузку, по 15 — 16 часов чистого труда, не считая дороги, не выдержал бы и ишак! И в этом деле мне нравился именно процесс обучения. Мастерить я любил всегда, но обучать кого бы то ни было было для

меня настоящим удовольствием. Естественно, что опыта у меня не было никакого. Недостаток образования не позволял быстро перенять опыт других. Только моя интуиция и желание давали хорошие результаты. Дисциплина на уроках труда даже у учителей с высшим образованием была очень низкой, а у меня на уроках было лучше, чем на уроках физики или математики.

Но зависти к ученым или благоговения перед ними у меня и в помине не было. Я просто не чувствовал между нами разницы. Как правило, образованные люди и своих детей хотят видеть не иначе, как с высшим образованием. Я не по серости своей, как многие, но все же высшему образованию моих детей не придавал особого значения. Потому и не настаивал, чтобы дети мои окончили вуз. Тем более что талантом и рвением к учебе никто из них не отличался.

Вот сестра моя и ее муж — малообразованные, а двоим дочерям дали высшее образование. К этому особенное рвение приложил Михаил.

Не знаю, осуждают ли меня за это мои дети, но я думаю, что на их судьбу это нисколько не повлияло.

Вспомнилось: каким допотопным был тогда наш уровень познаний окружающего мира! Из 25 — 30 дворов нашей деревни было не более четырех, кто имел своих представителей в цивилизованном мире, то есть к кому бы приезжали родственники или члены семьи из города.

К таким относилась тетя Анюта «Якличева». Она жила тогда на своего рода хуторе, то есть не в самом ряду деревни, а особняком. Там стояло четыре дома: Марфунины, с отличным садом, куда мы хотели бы залезть, но мешала злая собака. У них была дочка Нина, подружка моего детства. Рядом был дом брата моего дедушки, без сада. Затем дом семьи «Юниных», где родилась Рая, моя будущая жена. И уж на самом краю стоял дом тети Анюты. К ней приезжал сын из Москвы.

Так вот он умел делать мороженое! Для всей деревни это была такая диковина, как дикарю бусы. Вся деревня сбежалась пробовать это самое мороженое! Я тоже попробовал.

КНИГИ

Я уже писал, что читать научился рано. Но это была не забава. Сначала это можно было посчитать тягой к познанию, к печатному слову. И только почти под старость я понял, что это было какое-то языческое обожествление книги и поклонение ей. Ведь если бы я относился к книге как к источнику познаний мира, то с невозможностью читать даже повести любовь к книге должна была бы погаснуть. Я иллюстрации люблю не меньше увлекательного текста. Но ведь я и не иллюстрированные книги люблю. А еще: большинство, прочитав книгу, легко расстаются с ней. А я, зная, что эту книгу больше никогда не возьму в руки, при вынужденной продаже будто кусок своего тела отрываю от себя. Если бы это назвать жадностью, то у меня нет зависти, а есть простое желание иметь такую же книгу. Для меня книги обладают какой-то непонятной магической силой.

Первые книги, которые я держал в руках, были из школьного шкафа в Барской Полотебной. Бывало, мать моего крестного моет полы, а я торчу в шкафу с книгами. Читал я дома, брал по надобности, а в шкафу я словно в игрушки в них играл: то так их сложу, то, посмотрев, переложу книги иначе. Наверное, учитель Александр Константинович (?) и его жена Надежда Константиновна терпели мои чудачества. Но я ни одну книгу не помял и относился к ним не по-детски бережно, однако и взять себе без спросу не было ни малей-

шего желания. Все книги и учебники я прочитал быстро. А когда стал учиться там в первом классе, книги мне из дома приносила учительница. Но и их хватило ненадолго. Можно усомниться, что в иных книгах я не понимал ничего. Вполне может быть. Я уже в седьмом, когда читал полностью осмысленно, читая книги из школьной библиотеки, вспоминал, что это я уже читал, хотя содержание ее наполнялось уже иным смыслом. Так вот, поступив в Марчуковскую школу, я уже зимой в 6-м классе перечитал все, что там было. Ну а потом просто ничего не читал, так как собственных книг ни у кого во всех ближних деревнях не было. Поговаривали, что в Набережной, забыл его кличку, у одного старичка было закопано много книг. Его считали колдуном, и мы, дети, его побаивались, хотя у него был отличный сад. Говорили, что и брат моего деда имел много книг и закопал их. Но когда у меня появилась тяга к книгам, он уже умер, а с ним и его тайна. Первая собственная книга у меня появилась летом 1936 года. Мы с мамой пошли в Шелемишево покупать учебники для шестого класса. Я впервые увидел книжный магазин. Мне очень понравился однотомничек Пушкина. Но я понимал наше материальное положение и обманом сказал, что это тоже учебник. Мать купила его. Я стал бабушке и матери читать стихи Пушкина. Они умилялись, а над иными даже плакали. И когда мать поняла, что это не учебник, так как я в школу его ни разу не брал, она даже не пожурила меня — так понравилась им с бабушкой эта книга. Ну а затем я переехал в Лианозово к бабушке. Уже несколько месяцев проучился в школе, а пока не знал, что на свете существуют публичные библиотеки. И когда я впервые пришел в библиотеку, я был буквально ошеломлен таким обилием книг! Читал я много в первые два года, ну а потом для этого совсем не оставалось времени при моих тройках. Примерно летом 1939 года, когда приехала мать (об этом ниже), я впервые попал в букинистический магазин Москвы. Книги тогда были дешевы, но у меня совсем не было денег. И тогда я стал экономить на обедах. Вместо нормального дешевенького обеда я обходился в 2 — 3 раза более дешевой сухомяткой: батон хлеба и кружка кваса. Так и набирал несколько рублей, которые все тратил на книги. Нашел старинный барский сейф с неисправным замком; вынув внутренний корпус, сделал его более емким, исправил замок и поставил около своей кровати в нашем семейном общежитии, как книжный шкаф. Потом нам дали комнату в основном здании. Соседями нашими были женщина-врач с сыном и пенсионер, бывший главврачом, только ход у них был с обратной стороны.

Так вот мать их обстирывала, убиралась у них. А у старика была богатая библиотека. Но книги в основном антикварные, и для себя увлекательного я находил мало. В начале войны он эвакуировался в Ташкент к такой же одинокой старшей сестре, медицинские книги велел отдать врачам, а остального просил не бояться, если даже придут немцы. Я книги советских авторов зарыл в ближайших кустах (после войны так и не нашел). Ну а незадолго до войны я шел по Москве небольшой улочкой и вижу палатку, за стеклом окошка которой красовался журнал «Нива» и еще несколько старых книг. Я спросил, сколько стоят эти книги. А хозяин палатки объяснил мне, что тут принимают макулатуру, и сказал: «Я вижу, что ты любишь книги. Ну заходи». Я был поражен! На стеллажах, кроме газет, лежали кипы старинных журналов и книг, особенно религиозных и иностранных с картинками. Он разрешил мне выбирать, что понравится. Не зная, сколько это стоит, я выбрал немного, он положил все на весы и сказал: «35 копеек!» Я удивился такой дешевке. Ведь у букинистов подобное и хуже стоило в 50—100 раз дороже! Тогда я набрал, сколько мог донести. Поблагодарил, а он сказал, чтобы я ходил каждую неделю и прино-

сил просто в обмен ненужные газеты и бумагу, что я и делал. Но тут война. В госпиталях, даже в самых захудалых, читал буквально запоем! Конечно, когда раны позволяли. А это безболевого времени чуть не полтора года, и совершенно свободного. А потом — Германия. Я был сапером и по причине моей хромоты на передовой не был, а разминировал и проверял уже занятые здания. Вот там-то я и увидел! Даже в самой задрипанной квартирке был шкаф с книгами! Ну а уж в особняках у меня в голове мутилось! Впоследствии такое только в кино и видел. Даже в музеях такого нет. Так вот я очень быстро усек, где может быть заминировано, принесу нужное количество снятых взрывателей для отчета, а остальное время, чем торчать у начальства на глазах (работу найдут!), я рассматривал книги. А в одном графском особняке кроме, библиотеки в домашней церкви, было навалено так много книг, что дверь еле закрывалась. Мы там стояли несколько дней. Вот я покопался! Книги, видно, награблены, так как много русских старых, древних книг. Я взял всего две книжки карманного формата, чтобы перенести в них свои записи с разных листков. Ну а к демобилизации только пивовар насобирал мне полчемодана открыток, которые я и привез, а у меня их потом украли. Приехал домой... а моими книгами мать топила печку. Хоть бы одна осталась!..

Вначале было не до книг: быть бы живу! Ну а потом тем более — тюрьма. После — скитания по чужим углам. И только буквально в первые же месяцы нашей совместной жизни с Раей, когда мы от мяса знали один дух, хлеб белый только детям, крупа — ячка да перловка, я несколько раз ездил за книгами на Перовский рынок. Туда алкаши приносили барыгам мешками за чекушку. А я дам чуть больше — и мешок мой! Если бы я их перепродавал, но этого я сделать не мог — отлупили бы! Я сразу же стал работать в Подушкинской сельской библиотеке. Там была практически макулатура. Я брал наличные деньги в сельсовете и покупал книги не в Мосторге, где только дрянь, а у букинистов. Читателей сразу стало много. Да и с букинистами знакомство завел. Но для себя покупал что подешевле и порванее, и в мусорном ящике, куда бросали то, что не принимают букинисты, находил немало. Уж потом, когда мы переехали в Соцгород и я работал в двух школах, на станции юных техников, материальное положение улучшилось, договорились с Раей: я не курю и не пью, как большинство, так вот семь рублей с сотни я буду тратить на книги. Когда заменю болеющего учителя — лишние деньги тоже мои. Но у меня времени не было: четыре дня на работу с 6 и до 21.00, два дня аж до 23-х, а воскресенье до обеда. Так что по букинистам один-два раза в месяц после обеда. Бывшее знакомство помогало. Бывало, имею в руках сто (десять) рублей. Надо на дорогу, перекусить и ребятам гостинчика купить, а уж на остальные везу рюкзак книг! Опять же половина утильных, из которых (только иностранных) вырезал картинки, и в печку! Курьезных случаев было уйма! Но ведь я не умею описать их. И все же кое-что попробую.

Я всего два-три раза сдавал книги, купленные так, что оказались дубли. Но и за это время я понял, как букинисты безбожно обманывают профанов. Часто сотенную книгу принимают за рубль и потом даже в другом городе по своим каналам связи продают их в сотню и более раз дороже. Так вот я стою близ дверей магазина и вижу: в авоське несет старинные книги сдатчик. Я иду вслед за ним, занимаю очередь, а пока стою в очереди, с ним договариваюсь: если я тебя незаметно дерну за рукав, то это значит, что я дам не меньше на 20% от названной цены, а на столько же больше, не соглашайся их продать. Таким образом я приобрел несколько ценных книг. Особенные случаи: в Ленинграде книги оказались значительно дешевле московских, и я туда ездил

несколько раз (билет уже был льготный). Ночь в дороге. День — по букинистам, еще ночь в дороге, а утром я уже на работе. Тогда выходные в книжных были по понедельникам. Так вот однажды стою я перед открытием у двери магазина, ко мне подходит старичок и спрашивает, что меня интересует. Я рассказал, и он пригласил меня к себе. Я накопил 300 р., в наличии у меня осталось 250. Ну с такой суммой можно и рискнуть поехать с незнакомым человеком. И я поехал, приготовившись ко всяким неожиданностям. Зашли в коммуналку. Его убогая комнатка никак не располагала к мысли, что у него может быть что-то стоящее. И вдруг он вынимает из ветхого плательного шкафа узелок с книгами и показывает их мне. При взгляде на первый том я понял, хоть считал себя профаном, что этим книгам буквально цены нет, потому и сказал владельцу, что купить у него эти книги я не в состоянии — у меня всего двести пятьдесят рублей, из которых девять рублей надо оставить на билет. Но он сказал, что деньги его мало интересуют. Для него важно, чтобы эти книги попали в добрые руки. Он просил продать эти книги только в крайнем случае и сказал, что это большая редкость и надо не продешевить. Взял он у меня двести тридцать рублей за эти книги, привез я их домой и поставил на полку. Вскоре пришли ко мне двое неизвестных и предложили за эти книги три тысячи рублей. Я им ответил, что посоветуюсь с опытным товарищем, а сам просто перепрятал книги. А когда они пришли, то я сказал, что продал их за десять тысяч! Они сказали: «Дурень! Мы бы дали тебе за них пятнадцать тысяч!» Тогда я понял, что старик был прав. Ну а второе подтверждение получил на выставке — «США 200 лет». Я прошел туда вне очереди в числе первых. Увидел раздел: «Книги, изданные к 100-летию США». Мои книги «Живописная Америка» как раз и были изданы к этому юбилею, что указано на гравюрах. Но на стенде этих книг не было. Я у гида поинтересовался о них, но оказалось, что он о подобных книгах ничего не знает, хотя и работает сам в библиотеке Конгресса. Дальнейшей нашей беседе помешал выдающий себя своим видом «соответствующий товарищ». Прошло несколько лет, создалось общество книголюбов. Я предложил там освобожденному секретарю: Александр Васильевич (Анученков), если сможем продать эти книги в США, то 90% вырученных денег должно пойти на строительство в Долгопрудном Дома увлеченных. Срисовал я обложку тех книг, и он поехал с рисунком в посольство. Приехав оттуда, он сказал, что книги их заинтересовали и просили быстро привезти их. Но я поставил условие, что вместе с книгами поеду и я. Он ответил, что меня туда не пустят, на этом все дело и кончилось.

Вторая история менее занимательная, но все же. Так же пригласил меня к себе старичок и говорит, что его книгу явно не примут букинисты, так как она без обложки. Эта книга досталась ему от бабушки, выходца из немцев. Книга эта называлась «Физика сакра», в переводе «Святая физика». У нее некогда была обложка из серебра, с золотыми накладками и драгоценными камнями. Революционеры отодрали драгоценные обложки, а сама книга осталась. Он тоже взял символичную цену при том же условии: беречь эту книгу.

К этому времени я познакомился с большим знатоком старинных книг, Николаем Васильевичем Васильевым и его семьей. О нем — позже. Так вот, перерыв все каталоги, выяснил, что миру известна «Библия Сакра» того же года издания. Их всего осталось 4 экземпляра, и ни одного — в СССР. Но о «Физике Сакра» нигде не упоминается, хотя в ней гравюр больше. Значит, она неизвестна? А у кого узнать? У академика Лебедева, с женой которого я познакомился у букиниста, практически ничего не осталось, кроме трехтомной Библии, которую я смотрел, и она обещала назвать цену после совета со

специалистом, но специалист ее перекупил. Но главное не в этом. После смерти главы семьи его жена и сын затеяли ремонт с перепланировкой. А в его кабинете стоял своеобразный стеллаж, весь с выдвижными ящичками, в которых в строгом порядке были буквально набиты вырезки из старых газет и журналов по многим смежным отраслям науки. То были сокровища! Но ни одна библиотека и научное учреждение не пожелали принять это. Я хотел перевезти все в Дом пионеров, но даже одну стенку мне не разрешили занять под это. Так все и оказалось на свалке. Начались заработки, и я стал больше книг покупать, но вскоре — крах покупке: в 1971 году было двойное повышение цен на антиквариат, а вскоре еще в десять — сто раз! Я покупать перестал. Ну а когда ожидали въезда в новую квартиру, для покупки мебели я начал продавать книги. Я вел точный подсчет всех затрат на книги. У меня их было около 3500 книг на общую сумму 3000 рублей. Разделив на дни моего почти тридцатилетнего собирательства, я высчитал, что тратил на книги около 40 копеек в день, т. е. столько, сколько прокуривает курящий. За все время я продал книг не менее чем на 15 000 рублей. И вот настали трудные времена. (Я печатаю 19.1.92 г.) Уж когда будет грозить явная смерть, только тогда начну продавать книги. Иначе сейчас их возьмут буквально даром.

Кроме названных выше, ценных книг у меня нет. Но по искусству, в том числе гравюры, можно было бы переиздать. Несколько раз, было, договаривался издать 230 гравюр Доре к Библии, орнаментику и другое, но так ничего не получилось.

Вот, чуть не забыл важное. Как я уже писал, многие книги я находил в макулатурном ящике или сдатчики отдавали мне те книги, которые не принимали букинисты вообще. Первое время сюда входили все книги о религии, те, где были иллюстрации с обнаженной натурой и даже с готическими буквами («фашистские не берем»). Так вот я приносил их домой, а так как иностранными языками не владел и прочитать даже заглавие не мог, уверен, что букинистам они нужны не будут никогда, а хранить их мне негде, я вырезал иллюстрации, наклеивая их на плотные листки бумаги. Остальное сжигал или сдавал в макулатуру. Но об этом в отделе «Увлечения». Своими книгами я старался принести людям посильную помощь. Моими энциклопедиями, а это было полстены стеллажей, часто пользовались многие учителя. Давал читать на дом, но пропало много книг, и я стал даже родным давать только малоценные книги. Пытался сделать доступными книги по искусству нуждающимся в них, но однажды пришли из редакции «Книжное обозрение» и отсоветовали это делать, сказав: «Придут, Вашим же молоточком тюкнут Вас по темечку и книги заберут!»

Ну а потом судьбоносное переселение к новой жене Тане в Бибирево-Алтуфьево. Квартирка однокомнатная, 20 кв. метров. А у меня 15-метровая комната сплошь в стеллажах, а по большой стене — двухрядные полки с дверцами. Я планировал просто все оставить Валере Абрагину в наследство, как большому книголюбу. Но когда его семья жестоко поступила со мной, я решил: не оставлю им и единой книги!

Перед переездом отдал все подписные издания и большинство сказок сыновьям. Внучке Рите дал только В. Гюго и треть сказок, опасаясь, что Люба продаст их. Вове предлагал более ценные иностранные книги продать букинистам для себя, но он не взял. За неделю я разобрал и перевез, а еще через неделю, с помощью Павлика, собрал стеллажи на новом месте и расставил книги.

Новая семейная жизнь сложилась не так, как хотелось бы. Потому и возникла острая необходимость избавляться от книг при жизни. После моей смер-

ти все прахом пропадет! Но тут сразу две проблемы: а зачем мне деньги? Вторая — при такой катастрофической инфляции истинным любителям не до книг, а деляги скупают их просто за оскорбительный бесценок. Легче просто махнуть на все рукой и оставить книги на произвол судьбы, чем отдать на разживу негодяям!

И все же кое-что смог продать. Выручив лишь 700 долларов (это по-старому 350 рублей) за книги, которые я купил до подорожания вдвое дороже, похоронил свою уверенность, что в книги я выгодно вложил свои деньги (как в сбербанк). На эти деньги мечтаю купить ксерокс, чтобы для души снять копии с некоторых гравюр себе и своим близким. Но главное — размножить хоть в 30 экземплярах собранные частушки и не дать им бесследно сгинуть после меня.

А здоровье катастрофически ухудшается... Успею ли осуществить задуманное?

УВЛЕЧЕНИЯ

Увлечений у меня было много. Но некоторые мне были просто непосильны по причине отсутствия в этом направлении даже минимальных способностей. Как я уже писал, с раннего детства я любил что-то мастерить. Но, имея в руках перочинный нож, много не сделаешь, хотя и тут талантливые умельцы нашли бы выход. Сила воли у меня всегда была на очень низком уровне. Позже увлекся рисованием. И опять же: не дал мне Бог таланта. Так что этим увлечением я занимал скучные зимние вечера, когда читать было нечего. Музыку любил, но никогда ни на каком музыкальном инструменте не играл — слух был на общем уровне. В том забытом Богом медвежьем углу о чем могла быть речь? Но когда я приехал в Лианозово, то сразу же познакомился с соседским мальчиком Женей Тимониным. У него был лобзик, и выпиливание меня так увлекло, что даже чтение книг потеснилось. Получаться стало быстро. Но о покупке своего лобзика нечего было и мечтать. Жил я у бабушки. В пристройке барского дома (разрушен) размещался молочный завод, где некогда мой дядя Саша работал начальником, а бабушка — уборщицей. Вот им и дали комнатенку. На двенадцати квадратных метрах ютились пятеро взрослых: бабушка, Саша, Федя, Шура и я. Ввиду малой разницы в возрасте, я звал их по именам. У всех мизерные заработки, жили впроголодь, одевались хуже зарубежных бездомных нищих. Даже копейки лишней не было. Бабушка, бывало, в столовой мне возьмет дешевенький обед, а сама собирает объедки и ест. Сначала мне стыдно было, а потом и самому она даст кусочек для других малосъедобной котлеты. В электроцехе был сарай для барахла. С великим упоением я копался там, выискивая мелкие механизмы, из которых дома пытался что-то смастерить, но без инструмента далеко не уедешь. Но зато я из старых резиновых подметок безопасным лезвием любил вырезать штампики и достиг кое-чего, даже подделал утерянную моим двоюродным дядей круглую печать. Вот всем этим дело и ограничилось. Мастерству Коля Чижиков научил меня как мог лучше. Потому, вернувшись с войны и столкнувшись с «благосостоянием» на грани жизни и смерти, стал прирабатывать ремонтом плиток, утюгов, керосинок, примусов и даже швейных машин. Паял молочные бидоны, сам делал кастрюли, электроплитки. И за все брал не деньгами, а продуктами. Мои клиенты были в основном из деревни Алтуфьево, и расплачивались они молоком, картошкой и тому подобным. Это было им легче и мне выгоднее. Жадных наказывал таким образом: запаяю хорошо, но в новом месте смажу кислотой и вскоре там проржавеет. Опять мне несут. Но скудное мое увлечение сыграло решающую положительную роль в

моей судьбе. Дело в том, что с войны я вернулся с ранениями. Небольшая хромота — не беда. А беда в том, что у меня безо всякой видимой причины вдруг как бы отнималась нога и я падал. Один раз застрял таким образом на столбе, после чего мне дали инвалидность и перевели на дежурство со значительным уменьшением в зарплате. После тюрьмы работал вообще сторожем. Надо было или утаить инвалидность (пенсию и в расчет брать было нечего, хватало на четыре-пять дней пропитания) и рисковать жизнью, или век быть сторожем. Ну а тут и из сторожей вынужден был уйти (не было прописки), и я остался без работы на неопределенный срок. Директор Подушкинской школы, Матрена Тимофеевна Смирнова, затеяла в школе капитальный ремонт. У нее тогда двоюродная сестра Зоя жила. Вот и был я приглашен поменять всю электропроводку в школе. Для них было дешевле, а мне чуть ли не спасение от голодной смерти. Надя училась в ПТУ, мать получала гроши, работая в пошивочной мастерской ручницей и сторожем. Я получал ставку сторожа. Выручал сахар, что я приворовывал с завода. А так наш рацион состоял из черного хлеба, картошки, поджаренной кружочками на раскаленной плите печки, и постного супа. Часто матери давали молока в молочной за помывку котлов и мытье полов. Жили мы в бабушкиной сырой и холодной трущобине. Так вот за зиму и весну я заработал столько, что мог позволить себе роскошь съездить в родную деревню не только сам, но и с двумя сестрами — Надей и Зоей, к родителям Зои. Там я женился. А жену привез к «Ваньке Ветрову». Вот тут-то и пригодилось мое выпиливание. Видя мое бедственное положение, сердобольная Матрена Тимофеевна взяла меня делопроизводителем (завхоз, бухгалтер) школы. Одновременно я принял и сельскую библиотеку. Незадолго перед тем эти должности занимала моя первая жена. Но и две ставки составляли менее 600 (60) рублей. Но, узнав, что я умею выпиливать, мне в школе дали кружок выпиливания. А это еще рублей 15 – 20.

А как только в школе ввели труд, то на эту должность сразу взяли меня. Хоть и мало времени я вел кружок, но на выставке района на меня обратил внимание заведующий СЮТ, Павел Николаевич Коротков, пригласил руководить кружком «Умелые руки». Вскоре я был заведующим библиотекой, делопроизводителем, учителем труда и руководителем кружка в школе и руководителем кружка в СЮТ. И везде хорошо справлялся с работой. А работы предостаточно было на всех четырех должностях! Времени свободного совсем не стало. Не высыпался ни разу. В воскресенье — в СЮТ. Но как раз тут и начались мои увлечения.

Тяга к сложному подавлялась сознанием того, что умственные напряжения приведут меня к нестерпимой головной боли. Вначале я и фото считал для себя недосягаемым, хотя Николай Васильевич Горячев, наш фотограф, не раз предлагал мне освоить это дело. Так вот вскоре, кажется в 1954 году, мне дали комнату в Соцгороде, где жили Чижиковы. Мало я проработал на прежнем месте. Автобусы ходили от поворота на Лианозово, а это значит: до Лианозово километр, и до Подушкино еще пять. А к этому времени Рая работала завклубом. Так что после киносеанса мы с ней возвращались домой только в час ночи. Когда можно было на велосипеде — иное дело, а так мы на последний автобус всегда опаздывали и шли пешком девять километров. А утром снова в семь шли пешком на работу. И я перешел в Долгопрудненскую школу учителем труда. Тоже приходилось ездить автобусом. Так вот теперь уже в силу необходимости надо было самому осваивать сначала выжигание, чеканку, резьбу, мозаику и многое другое. Ездил по букинистам в поисках рисунков и орнаментов.

Начал сам составлять рисунки, используя тут иллюстрации из моих книг. Вот с этих пор у меня появилось хоть немного, но свободного времени для езды по букинистам, а зарплата прибавилась. В школе уроков было на три ставки, и ставка в СЮТ. Именно с этого времени я и начал собирать утильные книги и вырезать из них. Не пропускал даже малюсенького орнамента. Но самым важным моим делом была работа с оргстеклом. Еще до войны мое внимание привлек этот новый материал, его оптические возможности и легкость обработки. Ну а тут огромные технические возможности. Еще в Бибирево мы с Лешей Пауковым ездили на одну свалку металлолома в Останкино, где от сбитых самолетов отвинчивали интересующие нас железяки. Так вот со свалки я навозил разных моторчиков и освоил гравировку по оргстеклу. Как раз именно эти работы всегда держали меня «на плаву». На выставках, особенно пионерлагерей, я всегда занимал достойное место. А потом своей новизной, необычностью покоряли людей сувенирчики из оргстекла. Они, как волшебный ключик, открывали мне многие двери. Я обучил этому умельцев с пуговичной фабрики, и тогда с оргстеклом стало еще лучше. Ну а потом, уже перед выходом в отставку, это было моим жирным куском к жалкой пенсии. Теперь много сделал заготовок впрок, но ослеп на один глаз, и осталась надежда на зятя Валеру, иначе все просто на помойку. 30 лет тому назад я увлекся фото. Оно меня захватило настолько, что я буквально ночи не спал при этом. Освоение пошло гигантскими шагами. Уже через два года я стал заниматься и кино и стереоснимками. Стал делать самодельные стереокамеры. Но главное мое достижение — репродуцирование. Переделал камеру на 10 метров. Переснял уйму книг по искусству. Начал переснимать текстовой материал. Ну а тут резкое ухудшение здоровья, особенно зрения. От соблазна продал почти все. Переехали в новую квартиру, и я уже не стал устанавливать репродукционную установку. Улучшения здоровья не ждал. Вот потому в моих снимках нет Юли, Леры и всех с тех пор. Теперь об этом напоминает неправдоподобно большое количество негативов, контрольных снимков, самоделок. Моим принципом было: тратить на фото-кино только заработанные фотографией деньги. Бывало, чуть не по всем ночам сидим с Раей на оборудованной для этого кухне. У меня появилась просто неодолимая мания — переснять как можно больше иллюстраций, особенно связанных со всякими видами искусства, а с орнаментикой особенно. Не начни ухудшаться зрение, не знаю, куда бы привела меня алчность переснимать все, что хоть в малой степени привлекло мое внимание.

Вскоре у меня появилась возможность брать с кинокопировальной фабрики куски дубльпозитивной пленки. Она хороша для репродуцирования. А потом я изобрел оригинальную портативную кинокопировальную машину, совсем иного принципа работы. Начал делать микрофильмы со своих пленок и рассылать друзьям. За работу не брал ни копейки — только стоимость материала. Так что в убытке я не был. Через немного времени вслед за фото стал заниматься киносъемками. Первую купил камеру «Кама», а потом и «Пентаку» 2 х 8. Затем и шестнадцатимиллиметровую «Киев». Купил проекторы. Сделал проявочный бачок на пять дисков по десять метров. А десятиметровый бачок приспособил для проявления десятиметровых рулонов тридцатимиллиметровой пленки. Мало того: заболел стереосъемкой. Купил сначала одну старинную пластиночную стереокамеру, переделал ее на десятиметровый рулон, то есть получал 80 стереопар с кадром 24 х 50 мм, практически панорама!

Результаты буквально ошеломили меня! А тут с семьей поехали в отпуск, в Полотебное. Там я из двух автомобильных баллонов соорудил плот для

съемок, а моя дочь Надя и племянница Галя Савичева плыли на одиночных баллонах по реке Ранова. Отснял я там огромное количество кадров. А вот река Полотебня настолько мелка, что на плотике там не проплыть. Поэтому я там отснял все прелестные уголки с берега или же идя по речке. Сделал примитивный стереоскоп и, очарованный полученными снимками, понял, что не хватает цвета. Начал осваивать цвет.

Обратимый процесс не подходил. Снимал на негативы, а для печати сделал копировальную машинку. Первые цветные снимки я сделал на Октябрьском параде в Москве и немножко в Царицыне. Затем — поездка в Таджикистан.

Там, в санатории Ходжаобигарм, мы с Раей, сыном Володей, дочкой Любой, племянниками Светой и Аликом разбили на холмике палатку и принимали лечебные ванны, пар, воду. Все дни посвящали прогулкам в горы.

Отснял там очень много! Но самому печатать было б очень долго, и плохо у меня еще пока получалось. Мне отпечатали все отлично на кинокопировальной фабрике.

Так вот все эти стереоснимки до сих пор лежат даже не порезанные и не оформленные для просмотра. Да и разработанные, в образцах лишь, мною для этого стереоскопы лежат в заготовках. Самому — некогда: другие запланированные дела считаю более важными. А кому еще-то это надо? Та же картина с натурными снимками, негативы от которых отдал Саше, — чтобы он их после меня выбросил в помойку. Репродукции отдал Павлику, не дай Бог, с той же целью. Спрашивается: для чего все это я делал? А с каким энтузиазмом и азартом я тратил свое драгоценное время на поиски материала, их пересъемку, печать и так далее. Мне от этого только одни затраты, а пользы ни мне, ни моим потомкам нет ни на грош...

Итак, позже я купил еще несколько старинных стереокамер и наших для переделки. Планов было лет на 300! Все получалось превосходно. Натурные съемки отошли на задний план. Все внимание я уделил репродуцированию и микрофильмированию. А стерео и кино занимался лишь по мере надобности. Но тут внезапно стало резко ухудшаться зрение. У матери — глаукома. Меня врачи предупредили, что эта болезнь наследственная. У меня началась катаракта, поэтому я немедленно бросил фото и кино. Радости эти увлечения приносили много, ну а все доходы тратил на это же дело. Даже теперешние остатки фототехники не дадут прибыли. Уникального я ничего приобрести был не в силах. Были в моих руках редкие старые камеры, я их, неисправные, покупал за гроши, ремонтировал и сдавал в комиссионный за приличные деньги. Хорошо подрабатывал фотографированием в школе, у учителей и соседей в семьях. Материалы к тому времени были уже не покупные, так что я пленки не жалел. Попросят снять ребенка — я столько поз и комбинаций напридумываю, что отсниму кадров 100 — 150, делаю с каждого кадра контрольки 6 х 9 и несу для выбора. Но так как цены у меня были заманчиво мизерные, то заказывали все до единого кадра, а многие по нескольку штук, да еще большие портреты. А потом копеек по 20 и контрольки все заберут. Мне выгоднее было делать много, пусть и дешево. Для заказчика это тоже соблазнительно. На общественных началах вел при домоуправлениях фотокружки. Там шефы давали фотоматериалы. Так что я платил за материалы своим трудом. Теперь продолжателей нет, хотя Саша в армии был на погранзаставе фото-кинокорреспондентом: я отослал ему фотоувеличитель, посылал материалы. Ему это дело тогда нравилось. Писал, что мечтает стать кинорежиссером. Но ничего не получилось — расхотелось.

Практически все мои увлечения связаны с работой. Так вот для добывания материалов на уроки я с ребятами ездил на базу вторцветмета. А там попадались даже целые подсвечники и другие бытовые художественные предметы. Мне они очень нравились, и я их рюкзаками оттуда таскал домой. Натаскал я столько, что Рая с руганью заставила перенести все это в сарай Дома пионеров. Потом заметил, что ребята часто просят у меня ключ от сарая. Спросив, узнал, что они чистят бронзу и сдают в комиссионку. А я, дурак, до этого сам не мог додуматься. Отобрал лучшее и стал сдавать тоже. Здорово выручился! Правда, обманывали меня безбожно. Одну тарелку белого металла (Охота Дианы) я сдал за 50 рублей, а оказалось, что она стоит 500. Потом стал собирать из разрозненных подходящих деталей подсвечники, бра и прочее и сдавал. Из технических самоделок для дома сделал только оригинальные мигающие огни для елки. А планов было лет на 200!

Как-то я понес сдавать купленный повторно четырехтомник Гете на немецком языке. Я купил его за 12, а мне давали 4 рубля! Но там орнамента и картинок уйма! Я порвал книги, вырезав все. Повторный орнамент продал на рынке рублей на 50! Порвал еще несколько дешевых иллюстрированных книг. Стал покупать грошовое и рвать. Ну а потом подобное подорожало раз в сто, и мое варварство кончилось. Правда, когда Леонида Михайловича Хлебникова КГБ взяло с частушками, я страшно перепугался, что конфискуют мои книги, и порвал много ценных на рисунки и гравюры, а частушки (тоже мое увлечение) закопал. Но ко мне не пришли. Однако от книг остались одни обложки и картинки. Русские не порвал даже и одного дефектного экземпляра.

Но как все получалось плохо: может, вечное нищенствование, а может, «кулацкая» натура, но все мои увлечения невольно сводились на зарабатывание денег. От работы на увлечения совсем не оставалось времени. Думал: вот пойду на пенсию, и тогда все свои планы и мечты воплощу в дела. Но ничего не вышло...

Еще про одно увлечение почти совсем ничего не описал тут. Его скорее можно бы поместить в раздел «Книги». Это изящная словесность. К ней я отношу пословицы, афоризмы, анекдоты, частушки и даже всю поэзию.

Все это я любил всегда и собирал лет с 12-ти. Особенно много записывал во время лечения в госпиталях. Во-первых, книг там прочитал множество, из которых выписывал все понравившееся. Да и от солдат наслушаешься многого. Немало солдат тоже вели записи подобного, и мы переписывали интересующее друг у друга, как перед войной и после нее девушки заводили альбомы, куда записывали почти то же самое, кроме непристойного. В войну все это было мелким почерком записано на отдельных листках. Ближе к концу войны я нашел немецкую старинную книжицу карманного формата с гравюрками растений и на чистых страницах и даже вокруг гравюр микроскопическим почерком стал все переносить, кроме антисоветчины. Переписал больше половины, рассчитывая все, если буду жив, переписать нормально. А потом заимел отремонтированную самим пишущую машинку, но переписать афоризмы так и не найду времени. Даже сейчас, когда есть компьютер. Анекдоты и частушки были записаны на листках, и за них я принялся в первую очередь. Частушки внес в компьютер почти все, а анекдоты, пословицы, «армянское радио» пока только на карточках. Когда до них дойдет очередь? Мне уже 73 года. А хотелось в биографию внести письма, которые дополняют ее. Дословно я переписывать не буду, а возьму только те места, которые имеют значение. Успею ли?..

ТРУД. БЫТ

Несмотря на мое «кулацкое» происхождение, где дети трудились чуть не с пеленок, я до самой школы не имел в семье никаких обязанностей по дому. Когда сестренка начала ходить, то обязанность няньки легла всецело на меня, вернее, присматривать за ней. Мать работала в людях, а бабушка моя никогда не была свободна от домашних дел. В колхозе нас, учеников, тоже работой мало утруждали. Ну а когда приехал к бабушке в Лианозово, сразу поступил на завод.

Мне слесарное, а тем более монтерское дело очень нравилось, и работал я с большой охотой. Сначала я работал в ремонтно-монтажной бригаде Коли Чижикова. Вспоминаю это время как сказку! Бывало, и уставал. Но редко, часто с Мишей Ивановым, тоже учеником, задание выполним, залезем на крышу и загораем. Коля ищет нас, ругается! Явимся, получим по подзатыльнику и рады! Потом перевели на дежурство с повышением разряда. Но тяжело было не спать в ночную смену. Учеба отнимала все время и силы. Однако работа там была престижная, и на мое место одного поставили по блату, а меня — на вагонное оборудование.

Заработки снизились, работа тяжелая, воняет кислотой. Ну тут один знакомый в конце 1941 года посоветовал перейти на 468-й военный завод, в два раза ближе от дома. И я перешел. Оформили на дежурство. Зарплата прибавилась, но и ходьбы стало больше: школа была при заводе ЛВСЗ, совсем в другой стороне. Вот я до самой войны там и работал. Завод был опытного самолетостроения. Как только немцы начали бомбить Москву, то первые бомбы бросали на нас. К счастью, ни разу не попали. Однажды такую уйму зажигалок набросали, что стало светло как днем. Но упали они все на свекольное поле. Грунт был мягкий, и многие не взорвались. Мы, великовозрастные балбесы, набирали их, уходили в лес и там же устраивали фейерверки. Завод стали эвакуировать раньше других. Конечно, все с радостью уезжали от бомбежек подальше. Но я отказался. Мать от людей наслышалась, что в Сибири рабочие живут в землянках, станки чуть не под открытым небом стоят, и решили не ехать. Завод уехал — мы же остались за сторожей. Ну а тут началась паника, карточки и зарплату нам не дали, разрешили нам брать все, что кому понравится, и на дежурство ходить добровольно. Я должен был дежурить вечером. Пришел, а везде все растащили. Там после эвакуации осталось много парашютного шелка и другого нужного имущества. Смотрю, валяется рулон толстого брезента, никому не оказался нужен. Я забрал его, уложил на фанерный лист и повез домой, вместо карточек и зарплаты. Мать мне: «Ну зачем ты его вез, мучился?» А потом, в войну, сто спасибо говорила! Ну а тут вскоре и повестка... но об этом — дальше. Так вот пришел я с войны, привез медку, вместо пробки залепленного сливочным маслом. Дома голод, нужда страшная! Где уж тут месячный отдых! Сразу пошел на свой завод. Взяли меня линейным монтером. Тянули «воздушку» за территорией завода. Много халтурили в окрестных деревнях. Деньги за халтуру получал начальник Уваров, а нас если покормят, и на том большое спасибо! На заводе ж давали обеденные талоны: 200 г хлеба, суп, каша и чай. Но мне пока не дали ни одного талона, сказав, что это надо еще заслужить, то есть если что-то из материалов протащить через проходную или под одеждой, или по «липовому» пропуску. Вскоре и я стал получать по два, а то и по три талона! Домой нес хлеб и кашу, а суп и чай употреблял там. Ну уж если моток провода легко проносили под одеждой, то полоску алюминия на кастрюлю или плитку пронести — пустяк! Наверное,

и месяц не проработал я на «воздушке», как однажды залез на столб, а тут нога отнялась, как это часто бывало после ранения, и я повис на том столбе так, что меня снимали пожарники. Санчасть направила меня на ВТЭК, где дали мне пожизненно 3-ю группу инвалидности, назначили пенсию 17 рублей и перевели на дежурство. Боялся, талонов лишат. А так как по ночам лишь дежурные переправляли под забором, по приказу Уварова, моторы, буфты провода для «воздушки» и другие громоздкие вещи, то талоны продолжались. Вот на этом-то мне и подложили свинью! Не хотел я жениться на младшей сестре нашего бригадира, вот он и решил меня припугнуть. А тут как раз месяца за полтора моя мать говорит: «У нас построили новую пошивочную мастерскую (где она работала), и там надо сделать электропроводку». Я сказал об этом Уварову, надеясь, что и я буду там халтурить. Он был очень рад! Но шло время, а о халтуре ни слова. Как-то я иду домой мимо новостройки пошивочной мастерской, вижу, как монтер Нечаев (немного ущербный умом, но богатырь!) долбит стену снаружи. Спросив, узнал, что они тут работают вдвоем с бригадиром Сергеем Борисоглебским. Нечаев там целыми днями, а Сергей только что разметить, дать задание, подключить. Конечно, я понял, что меня бортанули, но возмущаться — только себе навредить. Уваров об этом даже ни словом не обмолвился, когда приказал мне подсунуть под забор, где сточная канава, а решетка давно уже просто отставлялась в сторону, по согласованию с охраной, два больших мотора для строящейся пошивочной мастерской. Что я и сделал, как и все мы делали по его приказу, в ночную смену. Ну а тут Вера Борисоглебская настаивает жениться на ней, а я все упираюсь. Но об этом позже. Так вот брат и придумал мне наказание. Однажды Уваров велел мне передать через забор Нечаеву мегтер, проверить воздушную линию к мастерской. Ну а обратно вноси чего хочешь. В условленное время охрана гасит прожектор, освещающий эту часть забора, и уводят сторожевую собаку, бегавшую по проволоке вдоль забора. Я к приготовленному Уваровым прибору привязал провод, приставил к забору лесенку, окликнул Нечаева, получил ответ и стал потихоньку спускать мегтер на проводе до тех пор, пока его принял Нечаев. Ну а вскоре включился прожектор и забегала собака: снова через забор и иголку не переправишь. Утром сдал смену и спокойно иду домой. Вдруг меня начальник караула просит зайти в караульное помещение. А этот начальник был «хорошим» другом моего дяди Саши, который работал инструментальщиком в механическом цехе. Захожу я в караулку, а на столе стоит наш мегтер. «Как он к вам попал?» — спросил я. «А кому ты его передавал?» — «Нечаеву!» — «А его принял у тебя вахтер Тюленев!» (Это было тупое, корыстолюбивое и злобное существо!) Тогда я понял, что это была ловушка. Я Сашиному «другу» откровенно все рассказал, что делал это по приказу Уварова.

Но он тоже участвовал в сговоре и говорит так: «Никто тебе не поверит. Тюленев подтвердит. Так что придется составлять протокол. Но ты ничего не бойся: ты признаешься, что по бедности, как инвалид войны, хотел продать мегтер». — «Но кто в это поверит, если его невозможно продать, так как он нужен только большому заводу?» — «Да, это так. Тогда надо придумать что-то еще...» И я придумал. Сам! Будто взял я его для того, чтобы вынуть изнутри прибора генератор и из него сделать брату в глухой деревне ветроэлектростанцию. Ну а о том, что от этого генератора не загорится даже и лампочка карманного фонаря, знали только специалисты, электромонтеры. Меня уверяли, что я, как инвалид войны, отделаюсь легким испугом, если возьму все на себя: ведь прибор цел и невредим! Ну а если я скажу всю правду, то мне грозит уже

групповая статья (откуда и уголовный кодекс взялся?!) за групповую кражу госимущества по предварительному сговору и наказание от двух до семи лет тюрьмы. Ну я и подписал протокол.

А со следующего дежурства меня на «воронке» отвезли в КПЗ Лианозовского ОМ. Там наш участковый Грачев (страшный взяточник и лихоимец) стал меня допрашивать. Как и было договорено, я придерживался выдуманной легенды. Но и Грачев, видимо, был уже задействован. Видя несуразность моего дела, никаких вопросов не задавал; я переночевал одну ночь в КПЗ. Матери велел сказать, что меня направили как бы в командировку. Но бабушка от дяди Саши все узнала и рано утром, зная свой горький опыт, принесла мне передачу. А после обеда я дал подписку о невыезде и меня отпустили домой. Ну а до дежурства меня уже не допустили: приказ об увольнении уже висел. Следователь (Грачев) приходил ко мне домой с обыском. Но чего они могли найти у меня? Тогда он попросил «взаймы» 200 рублей. По тем временам это четвертая часть моей зарплаты. Но я не мог найти нигде и этой суммы, чтобы, как он обещал, замять дело.

Вскоре меня вызвали повесткой в суд. Там объяснили, что мне выделен, как инвалиду войны, бесплатный адвокат, Винокурова. Конечно, она с моим делом уже ознакомилась и попросила искренне обо всем рассказать. Она как-то расположила меня к себе, и я выложил все до мельчайших подробностей. Она внимательно выслушала и таким угрожающе-покровительственным тоном говорит: «Ах, вот оно как! Ну ладно! А вас я сама вызову, ждите». Ждать пришлось недолго, и на этот раз она была со мной уже не та. Наскоро сказала, чтобы я придерживался своих прежних показаний, мол, для своей же пользы. Вскоре и суд. Адвокат вяло промямлила о моей инвалидности, о том, что ущерб не нанесен и просит о снисхождении. И так мне отмотали на всю катушку — полтора года тюрьмы. Дали возможность в течение месяца подать на пересуд. Я написал в заявлении опять всю правду, но адвокат заставила все переписать по прежней версии, что я и сделал. Я уже не работал почти месяц. Карточек нет, денег — тем более. К матери стали везде придираться. С работы в больнице уволили, и грозило ей выселение на улицу. И вот тут пришел к нам брат Веры, Сергей. Он сказал, что скорее всего тебя, мол, посадят, у Веры родится внебрачный ребенок, а мне в тюрьме, где люди мрут с голоду, помочь будет некому. Советовал расписаться с Верой, перейти к ним жить. Так я и сделал.

Жили Борисоглебские хорошо. Хозяйство было справное, старшая сестра Катя работала в колхозе завхозом. Матери она подыскала работу в школе уборщицей, где ей даже дали конурку для жилья. Катя сразу же дала матери мешок отрубей (корма для скота), из которых она пекла лепешки.

Ну а я стал «примаком». Питались они сытно и вкусно! Моя мать приходила раза два, но они ее даже сесть не пригласят: постоит в прихожей и уйдет ни с чем. А я там кто? Сам — нахлебник. А пересуд назначили что-то месяца через два. Ну, конечно, теща через жену начала упрекать меня в ничегонеделании. И я устроился монтером на кожзавод, через забор от 468-го завода. Дали карточки, получил первую получку. А тут у них было какое-то торжество, застолье для всех рабочих. Туда, на дармовое угощение, явился и Грачев.

Увидев, подозвал меня, подвел к директору и сказал: «Немедленно увольте его — он осужден». И я снова оказался на иждивении жены. От открытых попреков жизнь стала просто невыносимой. Жена против матери не могла и слова сказать. И только старшая сестра Веры Катя подбодряла меня. Областной суд оставил приговор в силе, прошение о помиловании удовлетворено не

было. Отвели меня зимой в районное КПЗ Долгопрудного, откуда — в тюрьму... Но это другая тема.

Вернулся я из тюрьмы, но, если бы не Коля Чижиков, не знаю, что со мной и было бы. Кому я с судимостью нужен? Жилья конечно же не было. Коля, не знаю уж какими усилиями, устроил меня на работу на завод электриком. Меня же там многие помнили. Мне даже дали койку в общежитии, временно прописали. Но жил я в общежитии редко, чтобы место сохранить. А так у Коли Чижикова жил, хотя у них была комнатка в бараке и Витя еще был маленький. Как меня посадили, мать из школы выгнали просто на улицу. Они с Надей не раз в скирде ночевали. Потом их приютила добросердечная старая женщина из Алтуфьево, Мария Федоровна. А у меня снова ранение дало о себе знать. Снова ВТЭК, восстановлена пожизненно 3-я группа, и меня уволили с работы. Хорошо, что пока не выписали. Долго и безуспешно я искал работу, пока не устроился грузчиком на Красносельский завод фруктовых вод. А какой из меня грузчик? Однажды ноги отказали и я трахнулся с машины головой об асфальт. С сотрясением мозга пролежал в МОНИКИ, а оттуда меня уже оформили сторожем. Пост мой был всегда у железнодорожных въездных ворот, где сгружали бочки с фруктовым соком. Вооружен я был берданкой без единого патрона. Там стояла будочка от дождя. В ночную смену я мог бы лакомиться соком, но для его сохранности туда добавляют 18 % спирта, а я вино не пил. Но сироп мне из цеха приносили девчата. А меня в цех не пускали, хоть и работал в охране. И вот как я умудрился. Покупаю два батона белого, выедаю из него мякиш, а внутрь замаскировываю по бутылке сиропа. Сделал себе клюшку из алюминиевой трубки, куда засыпал больше полкило сахарного песка. Тюрьма и минерство пошли впрок! Это было хорошей добавкой к нашему нищенскому рациону. В Коровино, где мы в колхозных домах когда-то проводили свет, сердобольная женщина Тоня пустила нас к себе квартирантами не только бесплатно, но и кормила хлебом, который она приносила с работы в пекарне. Жили мы не впроголодь, а попросту голодные. Надя училась в ПТУ на токаря, в Москве. Она хоть пообедает в столовой, а мы с матерью больше на чаю. На работе я тоже питался сиропом с хлебом. От сотрясения я немного оправился и рассчитался с работы, чтобы найти что поприличнее. Ведь сторожем я получал 30 (300)рублей + 17 рублей пенсия. Мать получала чуть побольше. Только собрался искать работу, как Зоя сказала мне, что ее квартирная хозяйка, директор школы, ищет монтера, чтоб сменить проводку в школе при капитальном ремонте. Я один досрочно со всем справился, ей было выгодно, а я получил кучу денег! Это было в разгар лета, и я решил себе позволить отпуск в деревне! Поехали туда мы втроем, я, Надя и Зоя, к ее родителям. Они жили сносно: крестный работал конюхом. Вот там я и женился на Рае (подробности ниже). Привез я ее в Лианозово, в бабушкину трущобину. Перед этим бабушка перешла жить к Чижиковым, а мы в ее комнатку. Рая на работу ездила в Кунцево, где она до этого жила у свекрови своей тети Кати. Дорога занимала часа четыре в одну сторону, потому Рая приезжала два раза в неделю. Это продолжалось два месяца. Меня, с моей судимостью и инвалидностью, на работу нигде не брали. И тут опять помогла Матрена Тимофеевна Смирнова, директор Подушкинской семилетней школы, где делал проводку. Она взяла меня делопроизводителем, т. е. завхозом, секретарем и бухгалтером в одном лице. Одновременно занял должность заведующего сельской библиотекой. Без похвальбы сказать — с обязанностями я справлялся так, что всегда мной были довольны. Буквально тут же мне в Бибирево дали «дворец»! Я был вне себя от радости!

В Бибирево стоял кирпичный одноэтажный клуб. А к нему с двух сторон были пристроены какие-то лачуги: смесь бревенчатых и засыпных стен с дощатыми или фанерными переборками. С одной стороны жила семья, благополучная в нравственном отношении. А в нашей стороне было три каморки: в одной жила Нина с Володей Минаковым, не расписанные, в нашей жила сначала Катя Ярова с сыном и дочкой. Спилась окончательно. Водила мужиков разных даже по нескольку раз в сутки. Когда холодно, то оправлялись в щели пола. С крыши клуба вода стекала на потолок этой комнаты, и он, сгнивши, провис. Вот она и перебралась в освободившуюся рядом лучшую комнату, отделенную от нашей фанерной переборкой. Ну а эту трущобинку дали мне. Окно уже оказалось на уровне земли, и тут ничего не поделаешь. Нашел на свалке кусочки стекла и заставил дыры. Кое-где достал горбыля, вычистил нечистоты из-под пола, засыпал землей и посредине бревном подпер треснувшую балку потолка, переложил разваленную печь, сделал завалинку, и с Раей и тещей стали обклеивать стены и потолок обоями. И это в морозном декабре 1949 года! Потом поехали на Тишинский рынок, купили кастрюлю, миску, три ложки, керосинку, купили картошки, крупы и по мелочи и с этих пор зажили своим «домом». Как я ни старался, сохранить в комнате тепло дольше трех часов не удавалось. В день по 3 — 4 раза топили, а утром воду в ведре при помощи молотка доставали. Постель у Раи часть у самой была, а что от матери привезли. Кровать на свалке нашел, вместо отломанной ножки деревянную чурку-протез приспособил. Потом табуретки, столик сделал, а потом даже и шкаф! На первую зиму дрова по палочке, по щепочке везде собирали. А если и попадется бревно, то гнилое и сырое. Первую зиму у меня еще время было, и мы пилили вдвоем, а дальше Рая одна пилила и колола. О работе. Ну, в школе мне платили 45 рублей. Потом дали кружок выпиливания — еще 5 рублей. Работы хоть и было немало, но я все делал быстро. Потом принял библиотеку. Книги — одна политика и наука. Читателя — ни одного. Начал с покупки книг. Надо чем-то читателей привлекать — культотдел требует! Выклянчил в сельсовете наличные и поехал по букинистам. Да и как бы мне сельсовет отказал? Никто не может получить в банке деньги: то подпись не сходится, то заполнено не так. А у меня всегда все без осечек. Раза два брал с собой председателя сельсовета: он там же расписывается (с похмелья) — подпись с образцом не сходится. Я за него распишусь — все проходит.

В кружке выпиливания ребята занимались с увлечением. Уже через год работы они много сделали интересных поделок, и мы участвовали в районной выставке. Всем понравились наши экспонаты, а заведующий Долгопрудненской станции юных техников предложил мне вести у него кружок выпиливания. И так я нашел себе еще одну работу. Теперь я уже ездил в Долгопрудную три раза в неделю: два дня по вечерам и с утра в выходной, в воскресенье. До станции Бескудниково было ближе: от Подушкино — четыре километра, а от дома — два с половиной. Ну а там поездом, пока электрички не ввели. Времени свободного совсем оставалось мало. Два раза возвращался домой в 11 вечера, а в другие дни и своей работы уйма: до поздней ночи сижу «Молнии», «Колючки», «Боевые листки» выпускаю — сам материалы собираю, сам стихи сочиняю, сам редактирую, пишу, рисую. Зато один раз чуть не посадили. Я ежедневно в бригадах проводил читки и политбеседы, колхозники ко мне относились настолько доверительно, что высказывали вслух антисоветские мысли! Я ведь знал, чем это грозит. Особенно, когда из меня сделали «стукача». Но это чуть позже. А тут было так: без стыда-совести приезжало в колхоз начальство из района, от высокого и до самого плюгавого, якобы для проведения

беседы, а сами кто в сумки, более — в машины затаривают что пожелают. Я лично им грузил ящики с овощами и ягодами и даже живых поросяток. Ну вот после вывешивания очередной «Колючки» бабы накинулись на меня: «Вот ты нас за любой пустяк разрисуешь и стихи насмешливые сочинишь, а боишься нарисовать, как из района у нас начальство продукты тащит, а у нас дети голодные! Да ты и сам по себе это знаешь!» (У меня уже Саша родился.) Ну, меня это заело! Чуть не всю ночь просидел, но утром на стене правления такое вывесил на пяти метрах обоев, что собралась огромная толпа, и хохотали чуть не до упаду. Пока не появился кто-то из правления и не сорвал все это. А после обеда меня вызвали в правление и начали орать: «За дискредитацию Советской власти ты ответишь по всей строгости!» Перетрусил я страшно: значит, снова тюрьма... А к нашему колхозу был прикреплен инструктор райкома, житель Подушкино, Николай Вавилин. Бывший фронтовик. Мы с ним хорошо жили. Как Бог его послал мне! Когда он вошел и узнал, в чем дело, то заявил: «Если Волкова вы обидите, то я до Сталина дойду, а вас всех пересажают!» Меня оставили в покое при условии, что я не буду совать нос не в свои дела. Ну уж тут я притих. Но и колхозников стал критиковать так, для виду, наиболее бессовестных, да и тех по согласованию с правлением, ибо все бессовестные так или иначе связаны с начальством.

А тут еще один испуг: я был дома, и Рая — тоже. Надя только родилась. Заходит милиционер и строго, как у них принято: «Ты, Волков, заведуешь библиотекой?» — «Я...» — отвечаю, задрожав как осиновый лист. Он сел, вынул бланк и стал заполнять протокол. Я спросил, в чем дело? А он мне: «Тут вопросы задаю я!» Рая в рев, Саша — за ней, Надя хоть и не смыслит, а запищала. А он невозмутимо изуверствует. Ну а потом оказалось, что обокрали палатку в Алтуфьево и на месте преступления нашли книгу со штампом Подушкинской библиотеки, которую я выдал из своего филиала в Алтуфьевском клубе продавцу этой палатки. А бояться мне было чего: в библиотеке было несколько книг со статьями Троцкого. Я хотел списать их и сдать, но мне сказали, что такое надо спрятать, а если они окажутся в чужих руках — то мне тюрьма. Вот я и подумал, что кто-то стащил эти книги, хоть я их и далеко спрятал. У меня уже было четыре филиала библиотеки: в Бибирево, Алтуфьево, Вешках и Дегунино. И везде только я. Конечно, «гремел»! Но и уставал! А зарплата все равно мизерная. У Раи уже присловье выработалось такое: «Что ты, тысячу, что ли, получаешь? (100 рублей)». Жили нищенски. Даже малютки голодовали. Бывало, Рая наварит каши ячневой (самая дешевая крупа), на сковороде польет ее сверху постным маслом, посыплет сахарным песочком и Саша почти полную сковороду съедал! Было ему чуть более четырех лет, когда моя мать заподозрила у него глисты. Принесла цитварное семя, и у Саши вышло 32 аскариды! Хорошо, моя мать дала перед этим ему слабительное! Если бы глисты пошли глоткой, Саше умирать бы... Фрукты видели, только когда летом в деревне были. Я их отправлял на все лето. У матери у самой на руках трое: старшему, Коле, было лет десять. Тоже нищенствовала. Но летом хоть корова и огород выручали. Мы заранее накопим круп, муки, сухарей насушим, дешевой селедки, килек накупим и целый воз везем в деревню. Как ни бедно, а к приезду Раи мать барана зарежет. Дома-то дети мясо редко видели — все больше постный суп да кашу с картошкой. Сам ходил среди овощей, ягод в колхозе, а принес только два раза по горстке клубники ребятам. Тогда же за колосок десять лет давали. Ну и одевались соответственно. Да тогда и многие так жили. На третий, а может, и на второй год я подал заявление в райисполком на улучшение жилья: или ссуду на покупку дома,

или комнату. Несколько комиссий было, все признавали, что жилье аварийное и жить там нельзя ни минуты. А шли годы пустых ожиданий. На эту тему мною даже написано стихотворение.

Сейчас всё это кажется невероятным: инвалидам войны дали массу привилегий, с жильем у всех полный порядок. Но не знаю, может, это я такой невезучий? Вряд ли. Но как вспомню, каких трудов и нервов стоило мне очередное улучшение жилья буквально на 1 – 2 кв. м на человека, то просто диву даюсь, как я не сошел с ума?!

Где-то в 1952 году приехала Раина сестра Зоя с торфоразработок, куда она была завербована. Мы хотели ее у себя прописать. Уже взятку дали председателю сельсовета, но тут Коля Савичев, будучи начальником смены ВОХР, устроил и прописал ее на завод «Станкоконструкция» в Москве. А вскоре стал ее мужем. Он был тоже разведен со своей первой женой, но у той остался ребенок и Коля платил алименты.

Я тоже никак не мог наскрести даже 300 (30) рублей на бракоразводный процесс с Верой, хотя она была согласна на развод и платить мне надо только половину. И лишь после рождения Саши мы с Раей законно смогли зарегистрировать наш брак. Ну а теперь о жилье. Я часто ездил в райисполком и каждый раз заходил в жилотдел к Яцыне. Этот жулик и пройдоха знал меня: я не раз грузил ему в машину колхозные продукты. Он хорошо знал мое материальное положение, так как сам один раз зашел ко мне выпить. Что, он не видел мое убожество? Однако он открыто попросил взятку – две тысячи рублей. Ну где я такую прорву денег возьму? Однажды я взял Сашу с Надей, сел в приемной райисполкома на диван и заявил, что никуда отсюда не уйду. Но они вызвали милицию и пригрозили тюрьмой. Пришлось уйти. Тогда я пришел в культотдел и, зная, что заведующий культотделом из той же шайки, сказал: «Я сажусь писать письмо Ворошилову и опишу не только о своей проблеме, но и о том, как начальство везет из колхоза продукты машинами, а свидетелей – весь колхоз!» Тогда она попросила меня не торопиться, и буквально на второй день меня по телефону вызвали в жилотдел, где Яцына нагло спросил: «Разве ты мое письмо еще не получил?» Хотя я у него был сам позавчера. И тут же мне дал ордер на комнату. А через 4 дня, и правда, пришло письмо, отправленное им после получения мною ордера. Весь наш скарб уместился в маленьком грузовичке. Накануне я почти даром купил старинную фисгармонию. Так вот она упала с машины на ходу и разбилась вдребезги! Она прекрасно звучала, и ее легко было реставрировать. Но теперь от нее одни щепки остались. Комнату нам дали на пятерых (с матерью) – 16 кв. м. Там жили еще две семьи: одноногий Павлик Ледушкин с женой и двумя детьми и жена погибшего Нюрка Кузнецова с ребенком и сожителем. С Павликом мы подружились, а с Нюркой-дуркой враждовали.

Перед этим Тася Раю устроила работать завклубом в Подушкино, где размещалась моя библиотека. До нее там работала малограмотная, но очень добрая Тася Кузнецова. А потом ее поставили председателем сельсовета. Я и раньше почти всю культмассовую работу, кроме кино и самодеятельности, делал за нее. Потому она и рекомендовала на свое место Раю, так как знала, что, кроме как провести киносеанс, я за нее все сделаю в лучшем виде. Так что Рая только билеты в кино продавала. Там все знали мою нищету и почти никто не брал билеты. Так что в рапортичках мы указывали столько, меньше чего уже некуда, лишь план выполнить. А мне за сувенирчики и книги давали лучшие фильмы. Так что я даже купил себе велосипед, хотя ходил в худых ботинках. Зато в дождь ноги сухие: по лужам шагать не надо. Сашу, когда

подрос, я брал с собой в библиотеку. Зато обедать мог дома, а не всухомятку, как раньше. Кроме того, я смастерил двухместную коляску в форме машины, даже руль приделал. Саша был в восторге! Он себе и псевдоним придумал: «Сяся Волькоф — сафоль!» Он — за рулем, а Надя сзади. Прицеплю их к велосипеду и везу потихоньку. Когда Рая кормила грудью Сашу, то, послушав утверждения людей в том, что кормящая мать забеременеть не может, мы не предохранялись. И вдруг Саша перестал брать грудь, плюется, отворачивается. Кажется, теща ей говорит: «Рая, ты же, наверное, беременна, проверься». Оказалось, что так оно и есть. А тогда за аборт сажали в тюрьму. Вот 11 декабря 1951 года и родилась Надя. У нас и так было положение скверное, а тут вообще катастрофическое. Я к этому времени работой был так загружен, что даже дров напилить Рае не мог. Теперь опять пеленки, да и Сашины ссанки: стирать приходилось каждый день. Морозы страшные. Хоть теперь Рая топит чуть ли не беспрерывно, а за короткий ночной перерыв аж вода в ведре мерзнет. А тут еще и в магазин надо идти. Рая Сашу возьмет на руки и идет в «Цыганский» магазин. Почему-то так прозвали продовольственный в Новом поселке Лианозово, это два километра. Дорога малопроезжая, снега по колено. Дома одну Надю оставит, а придет — та наплачется, аж всхлипывает. Ни о какой покупке коляски и речи быть не могло. Из всех четверых только у Любы была коляска. В нашей комнатке в 8 кв. м стояла печка-плита, кровать, столик величиной с тумбочку и две самодельные качки: одна из простых планок, а Надина — выпиленная узорами из фанеры, любой узбек с ума сошел бы от зависти! Так вот качка Нади стояла рядом с кроватью, а перпендикулярно к ней Сашина, привязанная к Надиной веревкой, и когда заплачет Надя, просыпается и Саша — орут в два голоса. Так что тут Рае приходилось качать сразу обоих, а одной рукой иначе и не получится. Один раз они сильно разорались и Рая стала сильней качать их. Ну Сашина качка и упала. А когда Саша стал ходить, то со второй зимы Рая Надю возьмет на руки, Сашу за руку и по глубокому снегу топает в магазин. Оттуда картошки, хлеба и по мелочи тащит в сумках через плечо: обе руки-то заняты. Летом хоть Саша за подол материн держится, а зимой беспрерывно в сугробы плюхается. Рая ростиком была меньше некуда, туфли носила самые маленькие, 32 — 33-й размер. Худенькая была — кожа да кости. Вес меньше овечьего. Каково ей было?.. Но все перенесли. И вот теперь комната с удобствами! За водой ходить не надо, топить надо только плиту и титан в ванной. Магазин буквально под боком. Теперь уже мать перешла к нам, конечно, и сестра Надя тоже. Мы спали на кровати, мать с Надей на диване, ребятам расширил их качки. Ну а вскоре Надя (сестра) вышла замуж за Михаила Гаджарова. Он работал в Москве шофером. Познакомились они в деревне Полотебное: Надя там была в отпуске, а он с воинской частью был там на уборке урожая. Им сразу дали каморку в Черкизове, чуть лучше нашей бибиревской. А к ним и мать перешла. Нам стало вчетвером просторнее. Получили комнату мы весной и продолжали работать там же. Выручал велосипед: ведь если автобусом ехать, то до Лианозово шесть километров надо шагать. График показа кино сделали таким, чтобы не совпадало с моей работой на СЮТ. Так что у меня и в выходной рабочий день длился с 6 утра и до 12 ночи. После киносеанса Рае невозможно полем было идти до первых домов: из кино шли ребята с Нового поселка, а они пользовались весьма дурной славой. Ну а когда стала появляться картошка, то мы свернем по меже, отойдем подальше и, лежа в меже, накопаем картошки, помидоров и огурцов нарвем. В такую поздноту объездчики спят. Так что опять облегчение. Ну а тут в школе ввели уроки труда. Месяц примерно я

приспособил библиотеку под мастерскую и вел уроки труда в Подушкинской школе. Естественно, в ближайшей от СЮТ(она была в Доме культуры ДМЗ) школе № 2 мне предложили уроки труда. Да все равно мне надо было бы к зиме менять работу ближе к дому. А от Соцгорода, где дали квартиру, до Долгопрудного ходили автобусы. Рая тоже взяла расчет, и Коля Чижиков (они теперь жили буквально против нас, через дорогу дом) устроил ее по специальности электронамотчицы. Работа была трудная еще тем, что она подзабыла за 4 – 5 лет многое, да и чертежи тут сложнее, а у нее всего 6 классов. А тут она забеременела Вовой. Тогда ведь на беременность не обращали никакого внимания. Работать ей просто стало невмочь, и она вынуждена была уйти по собственному желанию, не дождавшись декретного отпуска.

Чуть ниже о том, как брат Раи, Коля, поступал в ПТУ. А также не забыть о «стукачестве». Так вот я принялся в школе оборудовать мастерские в подвале. На заводе дали десяток старых столярных верстаков, дюжину старых напильников, молотков, стамесок. Ножовки делал сам из обрезков сталистого металла. Работа в СЮТ помогла. Не прошло и полмесяца, как я уже начал занятия. Нагрузка у меня была чуть не три ставки, и зарплата прибавилась значительно, хотя свободного времени прибавилось. Короче говоря, вся жизнь улучшилась очень заметно. Перед самыми родами мы привезли из деревни почти 14-летнюю сестру Раи – Валю. Тут Рая родила Вову. Чтобы прописать Валю, надо было с ней заключить трудовое соглашение как с домработницей, но так как ей еще не исполнилось 14 лет, без взятки не обошлось. Рая, как перестала кормить грудью Вову, поступила работать кочегаром в котельную базы вторцветмета. Работа двухсменная, тяжелая, топили углем, а зарплата мизерная, хоть полторы ставки.

Примерно через год ее перевели сортировать металл, но работа еще тяжелее, хотя зарплата увеличилась больше чем вдвое, до 110 – 120 рублей! И у меня произошли изменения: поступил к нам в школу второй учитель труда, Василий Петрович Кузнецов. Он отремонтировал даную шефами машину, и у школы стала уже своя машина, а он на ней шофером. Часть моих уроков пришлось передать ему. А тут школе выделили ставку завмастерскими. Я ждал, что по праву эту ставку разделят хотя бы поровну, но ставку, под видом того, что он водит машину, отдали всю Кузнецову, хотя на машине он бесконтрольно хорошо подрабатывал. А я по-прежнему готовил себе для уроков все сам, хотя это его обязанность. Тут начались конфликты. Но в это время в школе Соцгорода, буквально рядом с моим домом, в школе тоже задумали (давно пора) ввести уроки труда и пригласили меня. Школа была много меньше долгопрудненской. Так что тут все уроки и ставку завмастерскими отдали мне одному. Зарплата, хоть в Долгопрудном я и отдал Кузнецову часть моих уроков, еще значительно подскочила вверх. В этой школе мне было очень хорошо! Таким образом, у меня было две ставки в Долгопрудном (6 дней в первую смену с двумя нулевыми), а оттуда я успевал на занятия в Соцгород, где у меня тоже было столько же уроков, но во второй смене с 7 – 8-м уроком. Да еще и ставку завмастерскими, 40 рублей платили мне одному. Там уроков только мне и хватало. Ставка учителя труда приравнивалась к самой низкой: учителя рисования и черчения. А ведь учитель труда, кроме всей прочей обязательной подготовки: планы урока, конспекты и прочее, должен произвести огромную работу: достать инструмент и материал и подготовить его к работе, заточить затупившийся инструмент, сделать первые образцы изделий, привести в порядок мастерские. Вот потому и дали ставку мастера. Но так как у меня не было пятилетнего стажа, вычиталось 10%; не было высшего образования, еще минус 10%; дорого обошлось утаивание

своего среднего образования, когда я, чтобы не попасть в офицерскую школу, написал в красноармейской книжке 9 классов. И теперь вычитают еще 10%. К счастью, жив был тот директор ШРМ и еще целых четверо одноклассников, свидетельскими показаниями подтвердивших мое полное среднее образование. Итак, общая сумма заработка: 90 руб. в Долгопрудном, 130 — в Соцгороде и 35 — на СЮТ= 255 руб., минус 20% — остается 204 руб. Налог и заем (меня жалели и подписывали на 50%) и + пенсия 17руб., оставалось чистыми около 197 руб. Но и эта сумма — предел мечтаний. К сожалению, два раза в неделю в Долгопрудный приходилось ездить еще и вечером в СЮТ. А в воскресенье или по букинистам, или еще по каким делам в Москву прямо после обеда из СЮТ. Таким образом, я вставал в пять утра, с первым автобусом ехал в Долгопрудный (расписания не было, иногда долго ждать приходилось). Но к нулевым урокам всегда успевал, иногда тютелька в тютельку приду, ребята уже ждут. В обед иду мимо дома, а забежать съесть тарелку супа некогда. Рая уже приготовила баночку с супом. Спешно все приготовлю к уроку и... домой прихожу 4 раза рано: всего часов в 10. А два дня как ошалелый бегу снова на автобус и еду на СЮТ. Я ухожу — дети еще спят, и прихожу — они уже спят. Видел я их только по воскресеньям, после обеда. Это в течение учебного года. Каникулы я только первые 3-4 года был мало занят, а 48 рабочих дней — отпуск. Но зато в библиотеке он был всего 24 рабочих дня. Так что в деревне я бывал меньше месяца. Ну а потом лет 15 подряд распорядок был таков: с начала лагерного сезона, как и многие учителя, я в пионерлагере все три смены. Там, несмотря на каникулярные и отпускные, платили за каждую смену по 90 — 110 руб. Но работать пришлось бы без отпуска, как у меня первые 2 — 3 года и получалось. Ну а потом на итоговых выставках по кружковой работе наш лагерь (я был ответственным за все технические кружки) всегда был в числе первых, но а в работе с оргстеклом даже мизерных конкурентов не было. В СЮТ, да и в школе, у меня было немало буквально талантливых ребят, которым давали бесплатные путевки, и они в лагере руководили разными кружками. Даже Саша мой 2 раза был там со мной. Так вот я в первую смену налажу все для нормальной работы кружков, а во вторую смену мне там и делать нечего: все ребята сделают в лучшем виде! Таким образом, я еду в деревню, к своей семье, которую отправляю туда сразу после занятий в школе. Приезжаю обратно к началу третьей смены. Эта смена целиком посвящается подготовке к итоговой выставке, и таким образом я и в отпуске побываю, и все свои обязанности выполню. Ну а теперь назад.

Когда Раиному брату Коле исполнилось 14 лет, мы привезли его из деревни, чтобы пристроить тут. Что все валить на сталинщину и застойные времена? Так было всегда. В одно и то же время принимали людей на те же места по лимиту, а я пошел просить, чтобы приняли его в такое ПТУ, куда даже вербовали из деревень, с меня взяли взятку. Потом этот «доброхот» (мастер) раза два приезжал к нам в Бибирево и, видя убожество наше, без поллитра и угощения уходить не хотел. А последний раз я пришел домой на обед, а изнутри заперто. Стучусь. Рая не сразу открыла, в одном халате и вся в слезах показала на лежащего на нашей кровати этого гада, что, мол, пришлось напоить его. Надо было бы пересчитать ему ребра, благо силенка была, но из-за Коли, а почти тут же и Володи Зудина пришлось все стерпеть. Ведь они учились у него. Жили они с Володей в одной комнате общежития. Жили дружно, хотя интересы у них почти ни в чем не совпадали. Володя даже не курил.

А теперь о «стукачестве». Семья была в деревне, когда ко мне домой пришел молодой мужчина. Не отрекомендовавшись никак, он начал разговор

буквально о пустяках жизни. Я подумал, что это очередной проверяющий жилье из райисполкома. Но вскоре он перешел к делу и предложил мне стать осведомителем МГБ. Не трудно догадаться, что это для меня как серпом по яйцам. А что делать? Я не маленький и знал, что за отказ не срок мне дадут, а вообще не жить мне. И все же я пытался корячиться: «Но ведь я же в тюрьме сидел!» — «А это не имеет никакого значения!» Вот ведь как получается: поступить говночистом, потому что сидел в тюрьме, не полагается. А «стукачом» быть не противопоказано. Осталась последняя соломинка: «Но ведь я — сын кулака?!» — «И это не играет роли. Ты воспитывался в советской школе. Кроме того, нам известны твои заслуги в разоблачении предателей во время твоей работы по допросу пленных!» Куда мне податься? Конечно, вынужден был согласиться и заполнил анкету, где, в отличие от других таких анкет, особенно подчеркнул, что я — «уголовный элемент» и сын, внук «врага народа», «кулака». Передо мной поставили задачу: так как в самой непосредственной близости от Подушкино находится ворошиловская и сталинская дачи, то надо быть особенно бдительным: сообщать даже о самых мелких недовольных разговорах, даже о том, что кто-то хочет пожаловаться Ворошилову. Это означало, что сразу же я должен «настукать» на самого себя. Надо еще было слушать всякие сплетни и точно их фиксировать. Но для этого не хватило бы и тонны бумаги в месяц и всего времени, кроме сна! Особое внимание я должен был обращать на то, что нет ли даже у школьников «поджиги». Но тогда надо было бы доносить почти на всех мальчишек. Короче говоря, я сам боялся, что на меня «настукают». Где уж тут мне «стукать»? Кроме одной «операции» по обнаружению предполагаемого преступника, когда мне было приказано ходить по домам, якобы распространяя книги, и смотреть в это время, нет ли в доме посторонних, чужих, я никакой пользы МГБ не принес. С моим «шефом» мы встречались конспиративно, в самых немыслимых местах. Приходилось тратить свое драгоценнейшее свободное время, не получая за это ни копейки. Даже после «операции», когда я сказал, что ведь меня могут и убить, а жена (которой строго-настрого запретили говорить о моей службе стукачом под угрозой смерти) и двое детей должны иметь хоть какую-то гарантию на помощь, был дан уклончивый ответ: не волнуйтесь. Буквально через несколько недель после смерти Сталина я действительно участвовал в операции. В колхозе «Красная нива» был полный развал. Может, по чьему-то сигналу, а может, просто так в колхоз приехали Хрущев с Ворошиловым. По заранее распланированному сценарию я должен был находиться неотлучно у правой руки Хрущева и быть готовым прикрыть его своим телом. Так я и делал. А так подмывало сказать ему о своей беде... Но мне еще свобода не надоела! Потом был в правлении банкет, но меня не то что сидеть по правую руку, а вообще не пригласили, приказав следить за толпой снаружи, чтоб с жалобой не проник кто внутрь правления. Моим «шефом» был мужчина (назвал только имя, но я теперь его забыл) старше меня не более чем на 5 лет, явно такой же подневольный, как и я. Как мне, так и ему было уж очень неловко, что от меня не было ни одного «стука», хотя оба мы понимали, что «материала» вокруг было в изобилии! Ну а что же, выходит, всех подряд сажать, начиная с себя? Когда я переехал в Соцгород и с Подушкино все связи были порваны, то тут уж вообще я мало кого знал, даже учителя все незнакомые. А тут еще хрущевская «оттепель». Так что через полгода состоялась наша последняя встреча, где мне было устно напомнено, что ответственность за разглашение тайны остается, встречи прекращаем, а если я понадоблюсь — меня найдут. Ну а потом случилось вот что: в «Неделе» поместили мое обращение ко всем, занимающимся

стереофотографией. Стала поступать масса писем, в том числе и из Болгарии. Со Стояном Христовым завязалась дружба. Переписка была весьма оживленной. Он прислал несколько бандеролей, в том числе и с носильными вещами, но от меня не приняли бандероль даже с самодельными сувенирчиками из оргстекла. Потом он написал, что собирается с туристической группой приехать в Москву. Приехал, и мы встретились в условленном месте на ВДНХ. Я повез его к себе домой. По-русски он говорил хорошо. Он даже не ночевал. А на второй раз он собрался приехать с женой. Но так как заранее ничего не было известно, я нарисовал и послал ему примитивный план, как самостоятельно добраться до меня от станции. По дороге никаких секретных объектов нет. Они действительно приехали сами, переночевали у нас. Рая подарила жене Стояна свои маленькие часики, которые можно было даже за щекой спрятать. А через год я получаю от Стояна письмо, в котором он сообщил, что при поездке в Одессу у него нашли забытый им в путеводителе план мой, и сказал, чтобы я не волновался, если меня вызовут в КГБ. Так оно и случилось. Меня вызвали и завели на меня дело. Я напомнил там о своем «стукачестве», но на это не последовало никакой реакции, сказали, что это к делу не относится. У меня взяли подписку о невыезде и пока отпустили. А я догадался написать письмо Стояну и попросил знакомого опустить это письмо в почтовый ящик в Душанбе. Письмо дошло, и вскоре я получил ответ. Как и все до этого, письмо было вскрыто, прочитано и аляповато заклеено. Там Стоян писал: «Ты не врага привозил к себе, а друга. Я 30 лет являюсь секретарем заводской организации коммунистической партии. Если ты пострадаешь, я устрою грандиозный скандал». Вот потому наверняка от меня отстали и второй раз даже не вызывали. Однако побывать в КГБ мне еще раз пришлось, но по другому делу. На свалке из смятого под прессом прибора я когда-то отвинтил два уцелевших объектива. По своим характеристикам они оказались уникальными. Но я их использовать для себя не мог и отнес в комиссионный. И вдруг опять вызывают в КГБ. Я думал, что по болгарскому вопросу, но оказалось, что эти объективы от спутников. Но что удивительно — объективы мне вернули, просто запретив их продавать. До сих пор они у меня целы. А уже февраль 92-го года. Но 15.2.1997 г. продал я все их даже выгоднее, чем тогда. Приходил любитель домой и первым долгом купил эти объективы.

Господи! До какой же степени я, да я думаю, и все простые люди сильнее чумы и холеры боялись КГБ! Сколько изумительных книг я уничтожил по их вине! Если куплю нелегально иллюстрированную книгу по религии или с обнаженными женщинами — обязательно порву ее на картиночки. Зачем рисковать? Прочитать текст я все равно никогда не смогу, а покупал только ради иллюстраций. Жаль, если каким-то образом придет милиция и просто отберет ее ни за что...

Ну а теперь продолжу о работе и быте. 16 кв. м для нас (теперь уже с Вовой) на 7 прописанных было много ниже минимума, но на расширение я не подавал: после бибиревской трущобы это жилье нам казалось раем. А в школе затеяли «самострой» вместе с врачами. И опять случай: директор школы Агриппина Михайловна Колосова поссорилась с учительницей, записанной в списки участников этого самостроя. А у учительницы был принадлежащий свекрови большой дом на Водниках. Других наследников, кроме сына, у этой старухи не было, и семья той учительницы практически проживала в том доме. Да и в государственной квартире на одного члена семьи приходилось больше площади, чем у меня. Так вот без всякой взятки, в отмщение той учительнице, мне велели написать заявление и вместо нее меня внесли в список самостроя.

Мне было некогда, кроме полдня выходных, работать на стройке. Но зато Рая выходила на стройку с утра и до позднего вечера, так как многие учителя тоже могли работать только вечером. А Рае доверили ключи от склада стройматериалов. Так что она буквально за несколько дней отработала положенную норму часов, а потом работала там за гроши, считай что на общественных началах. Там строилось сразу два дома. Мы были записаны на второй. Первый уже заканчивался, а у второго только фундамент закладывали. Это года на два. В школе Соцгорода узнали, что я скоро получу квартиру и наверняка брошу их школу. Тогда они поставили меня на очередь на дом, который могли сдать через год, чтобы оставить меня у себя в школе. Тогда Колосова переставила меня в списки первого дома, при условии, что я оставлю ту школу, а она обеспечит меня уроками полностью в обеих сменах. Рая не захотела ждать еще год, и вскоре нам дали квартиру в Долгопрудном. В дележке мы не участвовали, и нам дали самую плохую квартиру, на первом этаже, угловую, маленькую (две смежные комнаты площадью 26 кв. м), затененную рядом стоящим домом. Но нам и эта раем показалась. Я из соцгородской школы ушел с большим сожалением. В зарплате прогадал значительно. Ставка мастера по-прежнему была у Кузнецова. Правда, за кружковую работу доплачивали 30 рублей. Да и за малый стаж вычитать перестали. Кроме того, я уже начал для семьи вносить кое-что от фотографии. Так что в итоге жизнь улучшалась. Кружок у меня дополнительного времени не отнимал, да и не было у меня свободного времени: в обеих сменах у меня было ежедневно по шесть уроков, а с кружковцами я работал на СЮТ. Это первое в жизни мухлевание: один и тот же кружок числился и в школе, и на СЮТ. Но зато результаты были отменными в обоих местах! На уроках я не программной ерундой занимался, а делали ребята нужные и красивые вещи. Года три подряд устраивали школьные беспроигрышные лотереи из наших поделок, выручали немалые деньги. Даже на покупку инструмента я перестал тратить государственные деньги. Но завистники пустили все насмарку: я ни копейки не присваивал себе, так как все дело было в руках учеников. И если бы я присвоил себе хоть рубль — позора было бы на тысячу! Я делал так: покупал в комиссионке карманные часы, делали для них красивую оправу из оргстекла, и получались самые заманчивые выигрыши... за четыре-пять рублей. Так же покупал неисправные фотоаппараты, ремонтировали их, и тоже выигрыш заманчивый. А потом копии чеков и счета оплачивались из выручки от лотереи. Ну и последний раз наслали на меня КРУ, деньги 80 рублей не оплатили, даже могли бы посадить, если бы я выбросил старые авансовые отчеты прежних лет. С тех пор на уроках стал заниматься ерундой. Ну а теперь снова о жилье. В Соцгороде в подвале у нас была кладовка. В Подушкинской школе нам давали по кусочку земли под картошку. Всегда мне не приходилось участвовать при дележке земли, и мне оставался самый плохой клочок. Один раз дали на самой вершине холмика. Пахал колхоз трактором. Мы сажали и окучивали. Спорить не будешь: воткнули безнадежно семена, привезенные моей матерью из Дмитрова. Выдалось дождливое лето. У всех не картошка, а горох на кустище листьев и корневолос, а у меня — обродная! На следующий год мне оставили участок у самого берега реки, где почти всегда вырастал один бурьян. А теперь лето было сухим, у всех все повыгорело, а у меня отличный урожай!

Вот ведь мы с Раей родились и до 14 лет жили в деревне, а с землей обращаться не умели. Люди использовали буквально каждую пядь земли и не гнушались даже мизерной прибавкой к скудной «продовольственной корзине». Уж чего-чего, а землицы клочок можно было бы обработать недалеко от

дома. У меня не было времени, да и желания — тоже. У Раи было, хотя и немного, времени, но совсем не было желания. Да и приняться за это дело не знали как: когда что сажать, как поливать, чем удобрять. Кроме того, Рая не умела делать никаких заготовок впрок: ни сушить, ни консервировать. Лишь квасить капусту. Однако хранить картошку в Бибирево было негде. В мизерных сенцах можно было поставить не более трех мешков, да и то только до морозов. Мы однажды пытались в теплое время года откормить поросенка. Но не умели, и он у нас «сел на ноги», как будто парализовало задние ноги. Ну а уж в Соцгороде в подвале у нас была кладовка, где мы в первый год хранили собранную со своего участка и наворованную в колхозе ночью картошку. А потом просто хранил там кое-что. Однажды ко мне залезли воры туда и стащили мой велосипед, а руль, седло, цепь и педали были в комнате и остались мне на память. Тогда я обил дверь железом и через конденсатор подключил к электросети: убить не могло, а ударяло сильно. Как и в Бибирево, ребята стали водить новичков, предлагая дотронуться до двери. С тех пор в сарай не лазили, хотя у всех просто из озорства срывали замки. В подвале свет горел не по счетчику, и я провел к себе в комнату через вентиляционное отверстие фазу и, хоть редко, воровал электричество. В Долгопрудном счетчик стоял у нас в прихожей. Я просверлил тонюсеньким сверлом дырку в верху корпуса и капроновой леской тормозил диск. Но однажды этот кусочек лески провалился в счетчик. Когда нам велели отвезти счетчики на проверку, я тщательно заделал дырочку, а стекло разбил, чтобы вытряхнуть леску, сказав, что счетчик выскользнул из рук и стекло разбилось. Потом я другой конец лески расплавлял в шарик: и не провалится, и легче вынимать, когда приходит монтер. Незадолго до переезда в Долгопрудный Валю устроили в то же ПТУ, которое окончил Коля. Прямо в первые же месяцы я в большой комнате оборудовал подпол. Пол был от земли сантиметров 70 — 80, а я там вырыл канавку и через отопительную траншею лазил в подпол. А на кухне, когда поставили газовую плиту на щиты траншеи, пришлось в полу вырезать люк. Там у меня хранились материалы, не боящиеся сырости. При переселении оттуда без меня на новую квартиру там оставили ступку из чистого серебра, килограммов 20 мельхиоровой проволоки и килограммов 40 чистого олова. Но я забежал вперед. Саша в 1-й класс пошел еще в Соцгороде, а Надя была физически настолько слаба, что ее в школу не приняли, а оформили в детсад, чтобы и физически окрепла, и не была чересчур робкой даже среди ровесников. Но Наде там так не понравилось, что она вскоре перестала туда ходить. Саше учеба давалась легко, но учился он посредственно, не любил учиться. Вначале у него была близорукость, ему выписали очки. Но через два-три года зрение нормализовалось. Наде учение доставалось труднее, зубрила долго и упорно, так что жалоб на нее от учителей не было. Здоровье у Саши было неплохое. У Нади значительно хуже. Еще годика ей не было, как она в деревне пососала соленый огурец с аппетитом и, с этого или нет, заболела диспепсией. Мы тут же вернулись домой, думали, что дорогой умрет. В Москву приехали часа в четыре утра, трамваи не ходят, таксисты запрашивают грабительскую сумму до Савеловского вокзала. В Подушкинской больнице не могли помочь, в Лианозовской детской — тоже и сказали, что вряд ли вам где помогут: нужны редкие дорогие лекарства. Но все же дали направление и предупредили, что там лечат только детей больших начальников, вас туда не примут. Приезжаем туда — правильно, не принимают. А Надя уже умирает. Меня и на порог не пустили. Слышу, Рая там плачет в голос. Потом все утихло, вышла медсестра и сказала, что Раю оставили и Надя будет жить. А когда Наде было годика два,

сначала Саша, а вскоре и Надя попали в больницу с желтухой. Саше пора выписываться, а Надя без него даже не ест, пока он ее не покормит. Врачи так и держали там Сашу, пока Надя не поправилась полностью. Больше так тяжело они не болели. Рая устроилась работать в школу уборщицей. Но опять ненадолго: только что пошла в декрет, как преждевременно начались схватки. Роддом был от нас буквально через дорогу и забор, но он оказался закрытым на ремонт. К счастью, санитарная машина оказалась. Я попросил отвезти в тот же роддом на Бутырском проезде, где Рая родила Сашу и Надю (Вову она родила в Тимирязево). Машина уехала, а я остался, сел у забора и стал ждать. Утром рано Рая уже родила. Вес 1700 г, рост тоже мизерный, и родилась она не семимесячной, а восьмимесячной, и, как правило, такие не выживают. Кроме того, она уже родилась с нарушением обмена веществ. Личико как у подростка. Зашли мы в булочную, а там продавцы ею восторгались. Дома развернули, я просто потрясен был ее маленькими размерами. Ну а вскоре почти по всему телу, особенно сзади, стала кожа слезать. Попка была просто живое, кровоточащее мясо. Благо дни стояли солнечные. Мы уйдем на канал и Любу сушим на солнышке. С огромным трудом тогда находили преднизолон, и, кажется, гамма-глобулин для уколов. Короче говоря, все нормализовалось, и больше Люба сильно не болела. Стала ходить с 10-ти месяцев со дня своего преждевременного рождения. Ростиком была на удивление мала. Когда Рая выносит ведро с мусором, Люба держится за край ведра, еле дотягиваясь снизу. Ее все Дюймовочкой звали. У нас в это время ежик был, за свою свирепость ко всем прозванный Гитлером, и он знал свою кличку. Так вот Люба играла с ним, как с котенком, хотя другим до себя дотронуться не позволял. Один раз Люба несла его по улице на руках, как куклу, и упала на клумбу грудью на ежа. Я думал, что она вся исколется об него. Подбегаю, а она спокойно поднимается, не выпуская из рук ежа, а у него иголки так плотно прижаты к телу, что и на ежа не похож, а на крысу. Я хотел его взять у нее из рук, но он свои иголки не поднял, а тяпнул меня за палец. В школу Люба пошла нормально, способности были как и у Вовы, даже выше средних. Но уже с 6-го класса стала сильно лениться. Любу все сильно баловали. Я настаивал, чтобы Люба после 8-го класса шла обучаться специальности, как Саша, Надя, Вова. Но все настояли, чтобы она пошла в 9-й класс. Ее из восьмого коекак перевели при условии, что она не пойдет в 9-й. Десять классов еле кончила. Хватанули тут мы с ней лиха! Надя у Любы была превосходной нянькой! Она сама еще малышка, а новорожденную купала самостоятельно. Убиралась дома хорошо. Саша ходил по магазинам. Ну а с улучшением жизни растут и потребности. Конечно же, две смежные комнаты малы были для семерых. Мать жила у нас, но с Раей они с первых дней не ладили. Обе были не правы, и я оказался как между двух огней: Рая не могла матери простить недостаточно радушного приема, но у матери уж характер не такой, чтобы притворно лебезить, как делают многие из моих родных и знакомых. А мать, не чувствуя себя ни в чем виноватой, не хотела и не умела подлизываться. Вот так всю жизнь: если моя мать скажет «да», то Рая в любом случае скажет «нет». Ну и на этот раз Рая просто не давала матери Любу, из-за этого рассчиталась с работы. Мою мать попросили живущие над нами Оленины присматривать за их новорожденной Наташей. Рая потом же и упрекала мать: мол, с чужим ребенком сидела, а мне пришлось расчет взять.

Так вот я подал заявление на улучшение жилья. Снова та же свистопляска. Сначала на взятку только намекали, а потом стали открыто говорить. Но я написал письмо Брежневу. Оттуда приехал специально человек, и мне дали

гарантию в течение трех-четырех месяцев предоставить квартиру. Я спокойно уехал к сестре, а у нее и мать была, в Узбекистан. Приезжаю обратно, Саша на вокзале встретил меня, взяли такси, и Саша сел спереди с этаким таинственным видом, а на подъезде к дому поехал не туда. И вдруг привозит меня на новую квартиру. Дали трехкомнатную, одна — проходная. Прибавили всего 8 кв. м. Раю просто обманули, напугав, что если быстро не переедут, то еще будут ждать несколько лет. Да и я дураком оказался набитым: паспорт был у меня с собой и был прописан в старой квартире. Конечно, в горисполкоме и не предполагали, что я настолько идиот. Они в старую квартиру никого не вселили. Если бы я догадался, то не стал бы выписываться, взял бы фиктивный развод и остался в старой квартире, взяв с собой мать и одного из детей. Ведь у нас суммарный излишек площади был бы 7 — 9 кв. м. Когда одумался — было уже поздно. И так мы снова в тесноте. В 1962 (1963?) году я случайно в художественном ПТУ нашел богатейшую литературу по искусству и попросил разрешения переснять интересующее меня для моей работы. Из киноштатива сделал приличную репродукционную установку с «Зенитом» и пристраивался там где-либо в уголочке для пересъемки. Делал и для них рабочие снимки для калькирования на уроках, чтобы не с дорогого оригинала. Потом мне стали доверять так, что давали редчайшие книги домой, где условия для съемки к тому времени были идеальные. Ну а тут Саша окончил 8 классов. Руки у него были умелые, и к тому времени он мне очень хорошо помогал и в пионерлагере, и в школе. Мог бы даже уроки проводить! Так вот я его и устроил в это ПТУ обучаться специальности слесаря-гравера по штампам и прессформам. Училище находилось недалеко от метро «Аэропорт». Учили там 3 года. О Саше были только хорошие отзывы. Правда, один раз его застали за изготовлением ножа, но ограничились беседой со мной. Ну а еще через два года и Надю оформил туда учиться на специальность живописца по росписи игрушек и сувениров, хотя особые успехи она проявляла в изготовлении и конструировании мягкой игрушки. Ее изделия стояли в выставочном стенде, а саму ее снимали для рекламного объявления. Она там в самодеятельности участвовала. Саша окончил и поступил на лобненскую фабрику игрушек. Надя тоже по месту прохождения практики, на фабрику «Агропособия». Саше работу сложную не давали, а простенькая его не увлекала. Работал средне, но опять с изготовлением ножа была большая неприятность. Чуть беда не случилась. Саша в школе был смирный, как и я в детстве, но так же легко приходил в ярость, если его обидят. Еще до школы я внушил ему, что драться нехорошо, а потом сам пожалел о своей науке. Физически он развивался нормально, не то что я. Но в Соцгороде его, даже кто значительно слабее был, обижали сильно, так как он никому отпора не давал. Пришлось переучивать. Я теперь стал внушать ему, что смело надо давать отпор даже явно более сильному противнику, слабых не обижать, а даже заступаться. Наука пошла впрок. Еще в соцгородской школе к нему, первокласснику, приставал третьеклассник. Я все это видел, так как дежурил по коридору. Когда тот мальчик допек Сашу, мой сын непонятно как повалил его на пол и стал душить. Другая учительница разняла. В учительской, когда я все рассказал, и про случай со мной в детстве, все долго хохотали. Сашу после таких случаев нигде больше не затрагивали. А один раз ребята сбежали у меня с уроков труда. Это один оболтус всех подговорил, а так я часто на хорошее кино всех желающих отпускал. Естественно, Саша не убежит же с урока отца. Как-то вбегает мальчик из его класса и говорит мне, что Сашу бьют. Я вышел, а он прислонился спиной к стене сарая, и все не осмеливаются подойти к нему. Он потом говорит: «Папа,

я и сам постоял бы за себя: вмазал двоим-троим, а остальные бы не полезли». Уже учась в ПТУ, он стал интересоваться девчонками. Ну а тут потасовки — обычное дело. Дружил Саша с Борей Ефремовым, сыном учительницы, которая его учила до 5-го класса. Оба пошли в школу вольной борьбы. Так вот однажды Саша ходил к девушке в ДАОС, где графская усадьба. Там его встретили трое известных и нам и милиции парней. Саша пришел с синяком под глазом. А буквально на другой день всех неблагополучных ребят вызвала милиция в зал Дома пионеров. Подтвердился его рассказ, что он отбился от них: один вошел с синяком и забинтованной головой, другой хромает, а третий согнулся и держится за живот. Ему хотели отомстить, я его пошел встречать ночью в весенний разлив. Повстречал парня из их компании, который раньше у меня учился. Узнав, что Саша мой сын, обещал, что его не тронут.

Вова вообще был смирным, и я не знаю, чтобы он с кем-то подрался. Надя, а потом Люба вместо «я» говорили «ля». Один раз Рая мылась, кто-то спросил, где мать? «Она в ванной молится!» — ответила Надя. Все девочки почти до школы нечетко произносили слова. Надя любила кроить и шить, и за это увлечение ей от матери раз попало: с девочкой изрезала какую-то нужную занавеску. Из всех только Надя до 17 лет совсем не интересовалась мальчиками. Мы даже удивлялись.

Ну а тут уж настала пора Саше идти в армию. Я был в Узбекистане, приезжаю, а Саша уволился с работы. Прислали ему первую повестку, а он взял расчет по собственному желанию. Отругал я его, и он оформился сбивать тару на газзавод. Попал он в пограничники в районе Даманского. А тут с китайцами заваруха из-за Даманского острова. Письма шли не менее 10 дней, так что тут Рая буквально с ума сходила. Плачет всеми сутками. Сразу наполовину поседела, а потом и зрение ухудшилось от слез. Но все обошлось благополучно. Ну а тут мы с Раей ездили в Узбекистан к Наде. Мать моя в это время на зимние холода ездила к Наде. Так вот приезжаем мы, а мать говорит нам: «Тут с Надей познакомился один солдат, но он нехороший человек: один раз Нади не было, а он целовался на лавочке дома напротив с другой девушкой». Надя до этого подружилась с красивым, умным, порядочным парнем, но он сильно заикался, хотя и нам всем нравился, а Надю он просто обожал! Никогда без цветов не приходил. Но с ним Надя дружить перестала. А когда Мишка Яскевич посватался, то мы с матерью были против, хотя тот был очень веселый и обходительный. Надя дала согласие, а Рая смогла делом досадить моей матери и тоже согласилась. Так что сыграли мы свадьбу. Перед этим я ездил в Гродно, к его матери. Увидел, что его мать и сестра с мужем пропащие алкоголики. Квартира — трущоба. Но все это не повлияло на Раю и Надю. На свадьбе Мишкины родные перепились, устроили позорные сцены, и кое-как их выпроводили, а то они готовы были тут хоть навсегда остаться. Надя с ними даже попробовала пожить там, но ее хватило ненадолго. Само собой, пришлось Мишку прописать. Пошел учеником токаря в Эллинг, ДКБА и первые полгода получал ученические 40 рублей. Да и потом рублей сто получал. Надя, по причине позднего развития организма, как сказали врачи, почти три года не рожала. Мишке все хотелось жить отдельно от нас, хотя мы ни разу не ругались. И вот они сняли комнатку в ветхом домике дер. Лихачево. Мы с Раей пришли к ним, а соседка Рае сказала, что Мишка часто пьет, Надя плачет, а один раз он ее ударил: но она его так об печку шарахнула, что у него большой синяк вскочил. Но нам Надя ни на что не жаловалась. Мишка уже на стройку перешел работать, и им дали на Лобне квартиру. Сырая очень. Мы ей дали кое-что из мебели, постель, посуду. Надя вскоре родила Юлю. Мишка

настаивал, чтобы девочке дали польское имя – Кристина. Спор разрешил Витя Чижиков: написал на бумажках имена, и вытянули имя Юлии. Рая туда стала ездить почти ежедневно. Раз она смотрит в окно вагона, а на перроне Водников Мишка, прощаясь с незнакомой Рае женщиной, целует ее. Рая рассказала Наде, хотя та тоже чуяла неладное. Ну а потом приходит Надина подруга и спросила, где Михаил. Надя ответила, что он уехал на спортивные соревнования. Тогда она дала Наде адрес. Когда Надя туда явилась, за многолюдным столом справляют Мишкину свадьбу. Надя его спросила: «Ты домой поедешь или тут останешься?» Он был сильно выпимши, обругал ее, и Надя вся в слезах явилась к нам. Мы моментально взяли постель и посуду, оставив ему мебель, привезли ее с Юлей домой. А он на другой же день пришел просить прощения. Но никто его прощать не собирался, и домой к нам он уже не приходил. Запил, а потом женился и даже заимел двоих детей. А я часто ходил в книжный магазин и там познакомился с продавцом Борисом. Он меня познакомил с Валерой Абрагиным. Мне Валера понравился. Короче говоря, вскоре он стал моим зятем и удочерил годовалую Юлю. Но дальше он сам пусть пишет о своей семье.

Еще до Сашиного возвращения из армии я услышал, что у станции Лианозово собирается железячная толкучка. А у меня, когда я уходил из соцгородской школы, при приемке с первых же строк инвентарной книги не оказалось двух лучковых пил. Новый учитель стал заносить это в приемосдаточный акт. Но у меня там лишнего нового инструмента было вдесятеро больше! Тогда я отложил приемку на день, привез из Долгопрудного две пилы, но зато на стеллажах оставил все согласно ведомости. А излишки на санках перевозил домой. Особенно много у меня было совершенно ненужного мне столярного инструмента. Так вот набрал я сумку инструмента и поехал. На второй раз, надеясь найти там любителя гравировки по оргстеклу, взял образцы, чтобы раздать их интересующимся. Но один подошел и купил у меня незаконченный, как я именовал, сувенир, объяснив, что сделает из него брелок для ключа автомашины. Меня осенило, и на другой раз я привез несколько изготовленных мною брелочков. По рублю их разобрали моментально. А на третий раз пришел чеченец Омар Лабазанов и попросил сделать по его чертежу похожую на брелок ручку переключения скорости к автомашине. Я сделал несколько и положил их на вид. У меня за запрошенные три рубля тут же разобрали лишние, а образцы дожидались Омара. Он когда увидел, то договорились мы, что он их все будет забирать у меня. А мне и лучше: милиция не разрешала продавать кустарные изделия. У нас как раз свадьба намечалась. Расходы страшные, хоть и дома справляли. Так вот Омар мне дал авансом 500 рублей! Теперь он стал в год раза три приезжать. Рая в это время работала уборщицей в Доме пионеров. Опять пропустил главное!

Вскоре сдали школьную пристройку, из подвала я вылез уже до этого, дали закуток, бывшую комнату одной учительницы. Тесно, но зато сухо. А теперь сделали столярную, слесарную и отдельно механическую мастерскую с классом-гаражом. Я взял только слесарное дело и электротехнику. Взяли учителем столярного дела замечательного человека, тоже инвалида войны, Василия Васильевича Лаврентьева. Нагрузка у меня немного уменьшилась, но в зарплате потерял немного. А тут вовсю началось строительство еще одной школы, чтобы нашу поделить на две. Уже и всю администрацию поделили пополам, директором назначили Иванцова (забыл и. о.), моего бывшего директора в Соцгороде. Ставку мастера нам разделили с Василием Васильевичем, и оба мы стали работать в двух школах до окончания стройки. Я как раз

наловчился варить самогонку так, что за две перегонки получал чистый спирт, а от сивушного масла очищал порошком активированного угля с газзавода. Однажды на мой день рождения оба директора шутя потребовали отметить его. К тому времени Вова работал в Шереметьевском аэропорту и приносил красивые иностранные пустые винные бутылки. «Напиток» я сделал крепостью градусов 75, добавил кофе, цитрусового экстракта и сахара, мастерски закупорил в литровую бутылку и принес. Я чуть пригубил, а они выпили по первой рюмке «Турецкого коньяка», как я им объяснил, и сказали, что в Турции делают вкусный, но слабоватый коньяк. А выпив по второй, почувствовали, что ошиблись насчет крепости, больше пить не стали и попросили отлить им по рюмочке с собой, а я им отдал все. Так вот они напились так, что заночевали в кабинете директора. И пришлось мне утром бежать за опохмелкой.

А тут как бы тоже поделили СЮТ, которую к тому времени перевели из подвала жилого дома в красивое здание бывшего долгопрудненского горкома КПСС. Но немного о прошлом. Сначала я сам снабжал себя всем необходимым в моем кружке.

В пионерлагере (кстати, там один сезон Рая работала воспитательницей, а вместе с ней была Надя, а со мной там — Саша) я практически всем снабжал и остальные кружки, так как заимел большие связи с заводами и магазинами. И когда в СЮТ дали ставку завхоза, то мне предложили стать завхозом. Времени дополнительного тратить почти не надо. Но там оформляли как сантехника, токаря или монтера и проводили по бытовому сектору завода ДМЗ. Так что мне пришлось в долгопрудненской школе забрать трудовую книжку, стал работать даже в двух школах совместителем, а на основную работу был фиктивно оформлен по ДМЗ. Я в ДСШ-2 проработал без малейшего перерыва 30 лет, а трудовая книжка вся изрисована, даже вкладыши, будто я с места на место летал. Потом снова оформил трудовую книжку в школу. Заведующий СЮТ, окончив заочный институт, перешел в ДКБА на более оплачиваемую, престижную и спокойную работу. Мне предложил принять СЮТ, но и меня эта работа не устраивала, да и не члена КПСС вряд ли утвердили бы. Заведующей СЮТ стала Мария Петровна Ларина, а завхозом потом Валерий Павлович Будылов. Когда образовался Дом пионеров, то Ларина предложила мне завхозство и кружковыми дополнить так, чтобы я не много терял в зарплате. Надоел мне школьный шум, гам, и я согласился. Поначалу работы было много: все надо было оборудовать. Потом стало много легче, чем в школе, а в заработке потерял совсем немного. Ну вот как раз тут-то я и начал халтурить. С самого начала купил токарный станок. Остальные станки и оборудование было самодельное, из деталей и материалов со свалки. Я был бесконтрольным хозяином своей мастерской и, заперевшись, мог для себя делать что угодно.

На свалке материала было много. А тут как раз демонтировали в Сокольниках выставку «Химия». Мне отдали польский павильон, но там было мало пригодного. Больше всего я попользовался вывозимым на свалку из других павильонов и из красивых досок переделал себе библиотечные полки дома. Оргстекла много привез. И вот я и мог без посторонних глаз делать брелки и рукоятки. От чеченца Омара я имел добавку к зарплате чуть не столько же! Надя с Валерой пока жили у нас. Валера был в курсе моих дел. А сам он прирабатывал тем, что с одним другом делали фото-шпаргалки студентам. Заработки у него были большие, а Валере доставались буквально крохи. Валера не видел, сколько мне приходится вкалывать в Доме пионеров, а сколько я

получал — он видел. Ну и как-то, захотев как бы похвалить меня, своему работодателю с восторгом сказал, что вот, мол, как надо зарабатывать деньги! По простоте душевной наверняка приукрасил. Ну а завидущий друг был хорошо знаком с нашим новым директором ДП, Еленой Соломоновной Пилецкой, и ей «стукнул». Она вызывает меня и говорит: «Что это у тебя за связи с какими-то узбеками. Тобой интересуется милиция!» Ну насчет национальности и Валера не знал, а насчет милиции она придумала для того, чтобы напугать меня. Я к этому времени уже догадывался, что Омар ездит в Москву за деталями к автомашинам, которыми там спекулирует. А я как раз только совсем недавно послал ему посылку с моими изделиями на 500 рублей. Предупредить его, кроме как лететь на самолете, никак нельзя. Была пятница. У меня суббота и воскресенье выходные. А он в субботу выйдет с моим товаром на свой рынок. Надо спешить. И я вечером в пятницу был уже у него. Мою посылку они только что получили и теперь уже отнесли ее знакомым. Я успокоился. А у Омара застолье! Он утром встал, и я попросил его купить мне билет на сегодня или на воскресенье. Но он так и не купил. Зато принес мне в подарок две 10-литровых канистры чистого спирта. Я его упаковал, чтобы провезти их в большом чемодане. В воскресенье он купил мне билет на самолет на 2 часа дня в понедельник. Он мне должен был 940 рублей и обещал отдать, но пока у него было 500. Но я их к себе не стал класть, пока он не возьмет у друга остальные. Утром в понедельник Омар пошел на работу, а его жена с подругой — на почту.

Добавляю о Омаре Лабазанове. Женился он на русской девушке. Из себя был симпатичный! Но, как и все южане, не мог удовлетвориться одной женой и изменял ей. Она не захотела жить с ним. А у них к тому времени народился сын Руслан. Так вот Омар, не без угроз конечно, заставил ее за 10 000 рублей подписать соответствующий документ, где она «добровольно» отказывается от своих материнских прав. А потом уж Омар настроил сына Руслана на то, что мать у него плохая — продала сына за 10 000 рублей! Позже Омар женился на ингушке Людмиле. Женщина симпатичная, общительная, добрая, веселая. По своей национальной особенности она и не обращает внимания на шалости своего мужа. Омар даже и в Долгопрудный привозил свою московскую любовницу, но Рая впредь ему запретила это. Сын его, Руслан, был отличный мальчик. Было ему лет 12. Мы подружились с первых минут знакомства, обе ночи спали вместе, и он чуть ли не всю ночь просил меня рассказывать ему про войну. Мне он не высказывал свои националистические мысли, а соседка от него слышала: «Вы, русские, у нас в руках, как в мешке! Вот затянем мешок, и вам конец!» Вот тебе и помесь русского с чеченцем!..

Я не могу сказать ничего плохого о чеченцах. Ну, допустим, Омару было выгодно быть со мной гостеприимным. Но все его родные и знакомые тоже были ко мне отлично расположены!

Насколько это было искренне — не знаю. Итак, я сижу в квартире один, вдруг звонят двое, назвались его друзьями и прошли в квартиру. А потом, не представившись, попросили меня предъявить свои документы. Тогда я сначала попросил их предъявить свои. Показали, и у меня сразу в глазах потемнело... Мой паспорт они взяли и вышли. А через несколько минут дверь открывает Люда с подругой, под мышками у них по посылке. За ними входят те двое. Но ведут они себя как добрые друзья. Тут и Омар пришел. Они выпили спирту, и я думал, что всё уладилось. Болтают-то по-чеченски. Но потом они меня первого вывели на улицу, а там уже стоят две «Волги». Потом вывели Омара, погрузили 4 посылки и две канистры спирта. Привезли нас в отделение мили-

ции. Омара посадили в камеру, а меня в зарешеченный закуток в конце коридора. Омар начал спьяну буянить, а я отказался от предложенной еды и сказал, что в рот ничего не возьму, пока не докажу свою невиновность. И только утром меня вызвали на допрос. Чего таить? Я признался во всем откровенно, кроме того, что Омар мне был должен 940 рублей. Меня заподозрили в соучастии в спекуляции автозапчастями. Но это легко было проверить. Ночь я провел как в кошмаре. У меня разболелась голова, но таблетки отобрали при обыске, а у дежурного ничего не было. Я примостился на узкую скамью. Ближе к средине ночи ко мне подсадили пьяного парня-чеченца. Он разлегся на скамью, а мне на полу даже сесть некуда. Чучмек сначала храпел, а потом проснулся и начал буянить. Я боялся, что это нарочно подсадили и он будет драться, но его от меня пересадили в камеру. От еды я и утром отказался. Часов в 11 вызвали на допрос уже к другому. Я повторил все слово в слово: в правде не собьешься. Потребовал, чтобы меня выпустили, так как не имеют права больше держать меня. Тогда они пустились на подлость: состряпали протокол, будто я оказывал сопротивление и выражался матом, я не подписался, но все равно меня отвезли в суд, чтобы там дали 15 суток. Но судья оказалась русская, лет пятидесяти. Я сказал ей, что это клевета: как я, инвалид второй группы, могу сопротивляться молодому мужчине даже одному? А матом я не ругаюсь потому, что работаю с детьми и мог бы нечаянно выругаться при них. Судья сказала: «Я вам верю, но не среагировать на протокол не могу. Самое лучшее, что я для вас могу сделать, — это оштрафовать на 15 рублей». Я был безмерно благодарен ей, так как боялся дальнейшего задержания. Заплатил я штраф, меня отпустили, и я поехал на вокзал. Дали билет на ночной поезд, а время часа четыре. Ну я пошел в кино. Сел отдельно. Во время сеанса ко мне подсел молодой чурка, а через немного вдруг вырвал у меня из рук мою шапку: «Отдай моя щапка! Где мой щапка?» Я уж готов был отдать ему свою шапку, подозревая в этом провокацию, но оказалось, что его такая же кроличья шапка валяется на полу. Оставшееся время сидел на вокзале. Сел в пустое купе, а на следующей станции подсели двое молодых мужчин и стали угощать меня разными деликатесами. Но я опять побоялся провокации и отказался, сославшись на боли в животе. Приехав в Москву, на Савеловском побрился, так как сильно оброс за 5 дней. Зная, что Рая дежурит, я сразу пришел в Дом пионеров, но не вошел туда, а вызвал Раю на улицу. Конечно же она тут с ума сходила. Директору сказала, что я ездил в Ленинград и там заболел. Ну я и явился на работу. Но сильные переживания не прошли даром, и меня положили по моим жалобам в психиатрическую больницу. Там стрессовое состояние быстро сняли, я сходил домой, взял фанеру и выжигатель и там, вместо склеивания коробочек от скуки, выжег для больницы хорошую картину. И вдруг туда заявляется следователь из Грозного. Допрос. А врачи даже слова против не сказали на это беззаконие. На второй день пришла Рая и сказала, что дома был обыск, забрали все мои заготовки из оргстекла. Хорошо моя крестная нашла мою «заначку» 170 рублей. Я было собрался выписываться, но снова слег. Когда выписался, то тут вскоре из грозненской милиции опять приехали. Теперь уже на работу, в Дом пионеров. Они хотели выгородить Омара и обвинить меня в изготовлении кустарных изделий. Первое обвинение: что дети делают, а я для себя продаю. Но когда ученикам показали мои изделия, то ни они, ни учителя подобное никогда не видели. Я же их делал сам, вечером запершись в мастерской. Теперь придрались, что я использовал государственный материал, оборудование и рабочее время. Но и тут их ждало разочарование: мною было давно получено 100 кг отходов оргстекла, а в

наличии оказалось около 200, привезенных лично мной со свалки. По инвентарной книге за мной числился только токарный станок, а все станки и инструмент изготовлены мной из деталей со свалок и являются моей собственностью. Свободное от уроков время не является рабочим, а на уроках делать это невозможно. Гравировал и красил я дома. Так что они уехали ни с чем, и уже летом меня вызвали в Грозный на суд в качестве свидетеля. Приехал я прямо в суд. Женщина-судья коротко объяснила мне, что Лабазанов Омар обвиняется в крупных спекуляциях автозапчастями, и спросила о моих с ним взаимоотношениях. Я соврал, сказав, что рукоятки и брелки делал ему в счет погашения долга и что я еще будто остаюсь ему должен 400 рублей. Тогда она говорит мне: «Не верю, что вы ему должны. Вы хотите выгородить его? Вы такой богатый, что готовы государству выплатить то, что должны ему? Ведь ему грозит до десяти лет с конфискацией. Вы ему продавали брелки по рублю, ручки — по три, а он их продавал соответственно по пять и пятнадцать! Так должны вы ему?» — «Нет! Нет!» — ответил я. Дорогу мне оплатили. А вскоре отдали и заготовки, которые хранились в нашем отделении милиции. Но все полуготовые гравированные и раскрашенные детали чеченцы присвоили. Так что убыток был большой. Ну и моя коммерция замерла. В свободное время занимался чепухой. И только перед самым уходом на полную пенсию догадался сходить к юристу, который мне разъяснил, что я вообще имею право без обложения налогами, как инвалид войны, делать и продавать кустарные изделия. Сколько ужасов, и из-за чего?

Теперь опять вернусь назад. Володя окончил 8 классов и оформился учеником токаря в ДКБА, к Мишке Яскевичу. Заработки там были мизерные. Саша, как пришел из армии, на прежнее место не поступил, а пошел на ДМЗ. Но там ему дали делать мизерные клейма, работал под увеличительным стеклом и очень скоро почувствовал, что зрение заметно ухудшается. Он перешел на КСИ-2, инструментальщиком в механический цех. В зарплате потерял немного, но зато в свободное время делал хитрые замки для гаражей. Ну а потом вскоре женился. Справили свадьбу хорошую, в столовой гранитного поселка. Витя Чижиков со Славой и еще одним другом организовали такой оркестр, что на улице толпа стояла! Жить он сразу перешел к теще. И Надя с Валерой и Юлей получили служебную квартиру у Валеры на работе в ЖКО. Так что мы остались в квартире всего пятеро. Но мы не то что Сашу не выписывали, но и его жену Любу прописали, так как уже стояли на очереди на расширение жилья. Ну а тут и Вове пришла пора в армию. Служил он в ПВО в районе Омска, планшетистом. Службой был доволен. А когда вернулся, то еще до службы получил специальность водителя и устроился в одну стройконтору водителем самосвала. Но так как он в детстве два раза ломал обе руки и водить тяжелую машину ему было трудно, он перешел на легковую, возить начальника. Зарплата маленькая, но подрабатывал. Теперь о сломанных его руках. Ему было лет 6 — 7, когда он просто упал и я его на руках отнес тогда в больницу. Оказались сломаны обе кости предплечья. Правила и накладывала гипс хирург бездарь Дербакова. Когда сняли гипс, то оказалось, что рука срослась криво. Успокаивали себя тем, что, может, в армию не возьмут. Но тут он опять упал и сломал руку на месте перелома. Тогда я отвез его в Москву и там под рентгеном ему все сделали как надо. Не успел окрепнуть первый перелом, как Вова на том же месте сломал другую руку. И опять дважды. Но на последний раз он попал к изумительному хирургу Александру Серафимовичу Бородину. Тот сказал мне, чтобы я за 2 часа из больших сделал две детские шпильки. Потом он хвалил: «Почти от руки вошли!» Так вот от армии переломы его не избавили.

Вот приходится перескакивать с одного на другое. Когда мне Мария Петровна Ларина предложила перейти в Дом пионеров, то я стал работать завхозом и вести кружок «Умелые руки». Потом и Рая пришла работать ко мне уборщицей. Вначале нам обоим было трудно. Но дело делали хорошо. Правда, были и неприятности. Руководитель кино-кружка Сасс подсказал, что в Центральной студии телевидения нам могут передать бесплатно кое-что. Передали с баланса на баланс не столько дорожку, старые занавески, ломаные пишущие машинки, сколько совсем нам не нужное устаревшее техническое оборудование и станки, от которых мы еле-еле избавились. Так вот Сасс стал претендовать якобы на свою долю добычи. Само собой разумеется, его абсурдные требования я удовлетворить не мог. Ну он и написал в ОБХСС на меня клеветническое письмо. Ну а тем только «стукни»! Долго мне нервы трепали, пока за дело не взялось КРУ. Там не только разобрались, что все — клевета, но и выяснили, что Сасс незаконно получал пенсию, которую ему пришлось выплачивать обратно. Потом у нас организовали платный кружок фигурного катания. Деньги собирал я, а тратили их Ларина и от имени родительского комитета некий Феклисов. Часто деньги я давал просто по записке директора, но ни разу — по устному приказу. У них получилась большая недостача. Хорошо я соврал, сказав, что за прошлые 2 года авансовые отчеты уничтожил, иначе меня посадить могли бы. А так им с трудом откупиться пришлось. Ну а потом кружковых часов прибавилось и директор предложила: пусть Рая будет завхозом, а я буду вести кружки и помогать Рае, где она не сможет справиться. Но получилось хуже: Раю заставили быть в Доме пионеров с утра и допоздна, с перерывом среди дня, я же ездил все доставал, а в ее отсутствие за завхоза был. Получалось, что мы за одну ставку работали вдвоем. И Рая снова перешла в уборщицы. Потом директором стала Елена Соломоновна, уроков у меня прибавилось, оплата повысилась, а времени свободного прибавилось, так как я набрал в школах группы продленного дня, ребята 1—4 классов, учатся с удовольствием, дисциплина и посещаемость хорошие. Уроки сдвоенные. Так что я за 5 часов умудрялся пропустить 3 группы. Стал работать 4 дня в неделю: 2 с утра и 2 с обеда. Готовился к следующим занятиям на уроках. Для малышей раздаточный материал готовила старшая группа. Да и пенсию увеличили значительно. Так что последние два года я как на курорте был! А тут еще и приработки разные. Но счастье не бывает долговечным. С возрастом старые раны все сильнее и чаще стали давать обострения. Если раньше, чтобы уменьшить боли, достаточно было 5—6 дней поделать нужные уколы и отдохнуть, то дальше это время увеличивалось даже до двух недель. Больничные брал все чаще, и это плохо отражалось на работе: надо было искать замену мне на время моих уроков. Отпустить-то полкласса нельзя.

В Доме пионеров было немного легче: можно отменить занятия на время моей болезни. Но не беспредельно же! А теперь боли стали настолько сильные, что нога совсем как парализованная и на нее нельзя было даже наступить. Предложили врачи оставить любимую работу и сказали, что я даже сторожем работать не гожусь. Я просил директора подержать меня на работе еще бы месяц, а там каникулы и отпуск. Так она и сделала, но при условии, что я полностью очищу свою комнату-мастерскую от натасканного со свалок хлама. На мое счастье, я недавно привез целую большую вязанку шестиметровых дюралевых труб. Вот они и решили все: уж очень они ей понадобились для домашней теплицы. А трубы-то со свалки — мои личные! Но куда все девать? Во-первых, за помойку ДП не платил и свой мусор или сжигали в саду, или втихаря ночью таскали в мусорные ящики. А тут железяки! Сразу ясно, с кого

штраф брать. Да и такую уйму за год не перетаскать. Немного домой отвез, немного школы взяли, а остальное по вечерам стал сбрасывать в подпол, о существовании которого новый директор не знала. Но тут, на мое счастье, наш Валера по совместительству работал столяром в закутке на третьем этаже. Вот он и попросил мою комнату под столярку, чем и выручил меня: я сдал эту комнату неочищенной. С начала сентября я стал безнадежный пенсионер.

Примерно в марте 1979 года я начал снова делать рукоятки и брелочки, подав тут же заявление в финотдел на получение регистрационного удостоверения на занятие кустарным промыслом. Но пока заявление ползло по инстанциям, я по субботам начал ездить на барахолку в Лианозово и разложил открыто свой товар на снегу. Но милиция два раза прогоняла меня... Ну а тут я уже получил удостоверение, разложил на барахолке свой товар, и тут ко мне подруливает милицейская машина и хотели забрать меня со всем добром. Но я показал им документ, и они отстали. У меня от успехов голова закружилась! Прощай нужда!!! И тут... припадок. Я понял, что все рухнуло. Тут токарный станок, а дома без него почти невозможно и брелки делать, а рукоятки и вовсе. А времени уже нет. В мастерской торчал чуть не сутками. Хорошо, что лето наступило — начальства нет. А то сразу заподозрят: чего это токарный станок постоянно работает, когда каникулы? Но возможности не безграничны. Первое время было хорошо: токарные работы заняли две трети времени, так что дело шло споро. Но тут автотолкучку стали гонять, и пока мы с Сашей или Вовой ищем ее по кольцевой дороге, уже светло и милиция всех разгоняет. А в удостоверении указано место продажи. Так что с нового, 1980 года я взял регистрационное удостоверение на рынок Химки. Дело сразу пошло отлично! Брелки я продавал от 50 копеек и до 1 рубля, а рукоятки — по 3 рубля. Потом оказалось, что рукоятки брали у меня утром все, что было, по 3 рубля, а после обеда, как я уеду, даже тут же продавали их по 5 рублей. Пришлось и мне повысить цены до 5 рублей. А потом и в Дмитров стали ездить. Там тоже отлично брали. Но вот токарные заготовки кончились, и я купил маленький токарный настольный станочек «Универсал-2» за 460 рублей. Конечно, советское — значит «отличное». Начались поломки. Отладил. И он стал незаменимым помощником. Рая только последние годы помогала скоблить граненые рукоятки под полировку, а так все делал сам. Ну тут и разбор уменьшился. И вот в очередную поездку в Душанбе я взял туда на продажу ручки и брелочки. Эта сверкающая цветная невидаль собрала сразу такую толпу, что мою витрину повалили и меня чуть не задавили. Выбрал на другой день малолюдный уголок, и началась бойкая продажа. Но оказалось, что они брелки использовали как серьги. Рукоятки брали хуже, чем в Химках. Потому я на другой год наделал уже специально сережек, успешно продавал их в Душанбе. А когда приехал к Свете в Денау, то там на рынке брали все подряд, особенно детские. Потом, кажется в 1986 году летом, Люда Добычина захотела съездить к матери в Киев, а билеты не достать. Я взял, но и мне пришлось ехать туда же, так как билет мне дали именной, а вместе и ей с десятилетним сыном Вовой. Взял товару, пошли в ярмарочный день на центральный рынок. Жара. А продали меньше, чем в Химках. На другом рынке та же история. Я загоревал. Тогда мать ее говорит мне: «Не тужи, Митрич, я тебя в субботу повезу на такой базар, что успевай только продавать». Так оно и вышло: приехали мы на «Лесной базар», и я выручил в один день рекордную за все время сумму, более 500 рублей! Мария Федоровна с больными ногами помогла мне так, что и слов не найти! Иначе растащили бы половину. За 3 — 4 дня я продал все! А остальное время на Днепре купались и загорали. Повозила Мария Федоровна меня,

хоть и больная, по достопримечательностям Киева! На второй год я поехал туда с Юлей. Ходили там в лес по грибы. Домой привезли вареных много. Но там мне Юля нервы попортила: ну то, что они с Галей, сестрой Люды, до часа ночи с ребятами у дома орут, не такая большая беда, но Юля стала мне грубить и ни за хлебом, никуда не хочет идти. Мне несказанно стыдно было перед Марией Федоровной.

Доходы от ИТД были в 3 — 5 раз больше пенсии. Тогда мы и смогли сделать кое-какие большие покупки: Любе кожаное пальто, Рае сначала одну каракулевую шубу, потом — другую, а первую переделали Любе, мебель, три ковра, два паласа, японский двухкассетный и южновьетнамский однокассетный магнитофон, японский видик, но Игорь задурил, и я отдал его Вове. Только вырвались из нужды — перестройка.

Дополняю, хотя я уже писал об этом в разных местах, но коротко по порядку опишу произошедшее за это время.

Не могу сказать, как бы мы с Раей приспособились к рынку, но уверен, что не пропали бы. Смерть Раи катастрофически повлияла на мою судьбу. Если бы Люба мне оказала поддержку и сказала бы примерно так: «Судьба... Но ведь жизнь-то продолжается. Надо бороться. Давай теперь я буду с тобой на рынок ездить».

А то ведь она поперла в дурь еще сильнее. Остались мы на моей только пенсии, хотя она по тем временам была отличная. Но жизнь буквально с каждым часом дорожала, а Люба о работе даже не думала, только к Игорю ездила с сумками продуктов да ругалась со мной, требуя размена квартиры. Сделали родственный обмен, а лучше мне не стало. Почти с первых дней между мной и Женей возникла неприязнь. Она до этого была со мной очень обходительна и даже ласкова, но тут, в отсутствие родителей, стала водить в квартиру девчат и парней, устраивать с ними настоящие пьянки. Мои замечания только злили ее, а Надя мне ни в чем не верила, если я ей хотел рассказать о проделках Жени. Да и Валера изменил ко мне свое отношение. Я тут к Тасе Прохоровой, знакомой по подушкинскому клубу, ездил с просьбой подыскать мне какую-нибудь одинокую старушку. А тут моя мать приехала из Душанбе. Меня даже за общий стол приглашать перестали. Ну а на поминках моего друга, Лёши Паукова, мы с его вдовой Таней решили пожениться, чтобы не в одиночестве дожить свои дни.

Но и тут получилось все не так, как надо бы. Я пожаловался на своих детей, что стал я никому из четверых не нужен. Она тоже пожаловалась на своих примерно в таком же духе. И тогда мы с ней договорились жить только друг для друга. Но ее материнский инстинкт оказался сильнее разума, и она продолжала совершать ту же ошибку, из-за которой у нас с Раей часто возникали ссоры: баловала своих детей, вернее, теперь уже уродовала их еще больше, чуть ли не содержа их на наши мизерные пенсии. На мои протесты отвечала: «Разве иначе выдержит мое родительское сердце?!» Приходится терпеть...

В заключение — мои раздумья. Вот ведь как получается: живешь хуже некуда и постоянно надеешься не на чудесное улучшение жизни, не на везение, а на свой упорный труд. Буквально с каждым месяцем чувствуешь даже мизерные улучшения жизни. И вдруг жизнь преподносит тебе сюрприз. И не всегда по воле слепой судьбы. Взять ту же любовь. Если первый раз я женился не по любви, то тут ничего неожиданного в происшедшем не было. Но ведь на Рае я женился по большой любви. Был в полной уверенности, что любим я взаимно. И... ошибся. Нельзя сказать, что она разочаровалась во мне — у всех вокруг было гораздо хуже. Ведь буквально через три года я получал столько

же, сколько мужья в семьях, которым она завидовала. Дополнительные заработки были хорошие. При четверых детях мы жили не хуже других. Значительную помощь оказывали родным Раи: Колю и Валю устроили, матери ее помогали даже тогда, когда никто из ее детей с лучшим достатком не помогал. Рая лишь в крайних случаях шла работать и даже не выработала себе трудового стажа. А я только последние 10 лет работал в одном месте, а то всегда в трех местах на пяти ставках. И везде не смухлюешь: платили за количество проведенных уроков. Я считал, что воспитание детей и ведение хозяйства — не меньший труд. А выйдя на пенсию, работал с интенсивностью 60-х годов, занимаясь изготовлением и продажей брелочков и рукояток. Доходы подскочили до не виданного нами уровня. А вместо пользы получился только вред. Из всех Раиных сестер у нас самая неблагополучная семья в смысле воспитания в детях чувства долга. Мы и до этого воспитали у них убеждение, что если разделить родных на милых и немилых, то последними можно и пренебречь. А то и на «милых» можно начхать, если от них нет пользы и они становятся в тягость. Так вот и получается: думаешь все улучшать, а в итоге получаешь кукиш...

ВИНО

Об этом будет особый разговор.

До 30-летнего возраста я совсем не пил. Не знаю, как в отношении вина было бы потом, но, пока я работал в школе, я не мог себе позволить, чтобы от меня пахло перегаром на уроке. А с 1980 года стал выпивать с устатку и для поддержания тонуса при продаже самоделок. Пил по четвертинке каждый день! Алкоголик я? Но я же работал до посинения!.. И так...

Впервые я выпил водки у моей крестной, сестры моей матери. Родилась у нее Зоя. Тогда в селе пили мало. И что участникам застолья взбрело в голову дать мне, семилетнему ребенку, полстакана водки? Подбадриваемый репликами, я тогда осушил полстакана. Я помню только место: был у них огромный сундук, на котором я сидел, и там меня «угостили». Говорят, что я чуть не умер.

А второй раз мне уже было лет 10, когда младший брат моего отца, Петр, женился на соседке, где я уже жил у бабушки по матери, на разведенке Клавдии «Карпухиной». И тоже помню большой сундук, но только с горбатой крышкой. Там мне тоже дали больше полстакана. Естественно, я ничего не помню. Мать моя была членом кружевной артели и несколько раз в год с получки брала четвертинку наливки, которую с бабушкой выпивали, но мне не предлагали. Ну а потом в тяжелые времена и вино я даже не видел.

Из моих родственников дядя Ваня (следующий после отца) выпивал здорово, отчего и пропал. Какое совпадение: дядя по матери, тоже Иван, запил особенно после смерти жены и тоже пропал без вести. Дядя Саша (по отцу) выпивал только незадолго до смерти. А остальные вообще не пили. Может, потому, что убиты или умерли молодыми. Вот муж моей тети Клавдии пил только после войны, но так, что и умер от вина.

Так вот до войны я водку ни разу, ни при каких обстоятельствах не держал во рту. Первую же военную зиму нам давали по 100 граммов. Я ее, как и махорку, менял на пайку сахара. И вот один раз на Ленинградском фронте мы группой пошли на выполнение важного задания. Идти надо было по болоту, покрытому тонким слоем ночного льда, и нам, чтобы не простудиться, дали по 100 граммов чистого спирта. Кое-кто выпил неразведенным, а остальные

разбавили водой. Что, что, а бахвалиться я любил! Ну и выпил неразведенный. Первый раз в жизни! Хоть чуть не задохнулся, но виду не подал. И вот тут я уже помню отлично состояние опьянения. Сразу вступили в воду. Там глубже, чем по пояс, нигде не было. И вот вдруг все быстрее закружились деревья. Потом земля стала становиться на дыбы настолько, что невозможно было удержаться на ногах. Я упал и чувствую, что вокруг меня, снизу и сверху, только лед. Я начал барахтаться и закричал...

Пришел в себя уже на подстилке из веток, и мне дают нюхать нашатырный спирт. Никто не может понять, в чем дело. Но когда узнали, что я впервые выпил, засмеялись. Хорошо, что взяли двух подрывников, а то сорвалось бы задание. Так что я ждал их возвращения в мягкой постели из лапника. Затем я попал в госпиталь с огромной суммой денег. Там я водил раненых на базар и каждый день покупал всем ровно стакан самогонки. Выкупал в госпитальном буфете на всех пиво, а сам не пил ни капли ни того, ни другого. Зато все сладости они отдавали мне.

После четвертого ранения я попал в запасной полк, где фельдшером был настоящий алкаш. Узнав, что я санинструктор, он часто оставлял меня вместо себя, и я вел прием. Потом он ушел на повышение, а я остался вместо него. С начальством ладил. И вот однажды два помкомвзвода сказали мне, чтобы я попросил у старшины плащ-палатку и ботинки — самый маленький неходовой размер, чтобы втроем пойти к девчатам в гости. Я все выполнил. Пришли мы к девчатам, а там на столе яичница с салом, вареники и самогонка. Опять я не хотел ударить лицом в грязь и пил с ребятами наравне. Ну ребята улеглись со своими подругами, а я с самой молодой полез на печь. Там меня окончательно развезло, и я проснулся под утро с неимоверной головной болью. Так вот моя подружка то и делала, что чесала мне голову, пока я не пошел к себе и не выпил таблетку. Больше в войну я не пил даже пива, которое доставал у пивовара в Германии. И только весной 1946 года мы, три товарища, поехали к знакомым девчатам в Егорьевск. Каждый из нас взял на карточки по бутылке водки, а у них на закуску оказалось только пяток луковиц. Спать полезли на потолок с прошлогодним сеном. И... опять теперь уже другая подружка чесала мне больную голову. На 4 мая девушки посулились к нам. Мы накупили водки, отличной закуски. Но моя не приехала. С досады я выпил стакан и отправился на дежурство, с которого было перепросился. Но тут я почти не охмелел. О грехопадении — ниже. Потом я не помню случая, когда бы я выпил хоть каплю. Но даже и в этих единичных случаях видно, что всегда хмель играл со мною злую шутку. Весной 1949 года я охранял на подъездных путях выгруженные бочки с фруктово-ягодным соком. Они там постоянно были, но я и глотка не выпил, так как в него для сохранности добавлен спирт. Ну а для других я брал его так: забью в бочку гвоздь, вытащу, через образовавшуюся дырочку налью сколько надо и дырочку забью деревянным колышком, замазав его грязью. А вот на собственной свадьбе хватил лишку и первую брачную ночь провел в полубессознательном состоянии. Ну а потом нас, молодых, звали к себе в гости родственники, но я даже от вина отказывался. Мои-то родные знали, что я не пью, а вот Раины могли подумать, что я их не уважаю. Но даже на семейной свадьбе Раиного двоюродного брата я не выпил ни капли, а пел и плясал больше всех. Один раз Рая говорит мне: «Толя, мне стыдно за тебя: я женщина, и то даже белого рюмку могу выпить. А ты что, больной, что ли, если даже красное не пьешь?» Я ответил, что не нравится мне спиртное, а выпить я могу хоть керосин. Ну и чтобы Рае не было стыдно за меня, немного и белого выпью в гостях. Один раз все-таки у Раиной тети Шуры в Набереж-

ной перепил. Дело в том, что они там приспособились пить денатурат и привыкли к нему. Ну а я немного хватанул, и... Рая отхаживала меня под яблоней. Потом без Раи в деревне меня пригласил сосед Саши Богданова, Михаил Семеныч, на пенсионные проводы. Стол был шикарный! Но и водки!! А я приспособился так: поставил под стол, меж своих колен табуретку, там кружка с водой, и я незаметно подменял водку водой. На другой день бабы по деревне: «Вот так непьющий зять у Лизы — одну за одной погоняет!» Но без гостей, одни, до 1970 года не выпили с Раей ни разу! И пиво я начал пить в начале 70-х годов. Вот только не помню, когда я выпил первую кружку, кажется, на ВДНХ. Как раз к тому времени ликеры, наливки стали мне нравиться. А кагор нам врач рекомендовал давать детям по столовой ложке для аппетита, так как они в то время от недоедания были слабые. Саша и Надя. А вот оба теперь непьющие. На ВДНХ впервые, в дегустационном зале я с наслаждением пробовал сладкие ароматные вина. Не крепче 20 градусов, а за 2 рубля напробуюсь чувствительно. Самое вкусное бутылочку домой возьмем, где впервые с Раей за 3 — 4 приема одни выпивали бутылку. И снова до ВДНХ или до праздника. Потом научились гнать самогонку. Уже на Театральной улице жили, Витя Крысин сварил мне из нержавейки квадратный бак на 15 л и хитрый змеевик. Гнали мы только к праздникам и торжествам. Стоит, бывало, месяцами, и мы не трогаем его. Началось все с того момента, когда была заваруха с китайцами на Даманском, где служил Саша. Рая выпьет, и легче ей станет. Но ведь одна она не будет пить. С Сашей только обошлось, как беда с Надей. И если до этого я не мог пить часто, так как каждый день с утра уроки, а на них с перегаром не придешь, то в Доме пионеров у меня уже вскоре стало три выходных. Потом я в обед приносил из «загона» по бидончику разливного пива и после, как отпущу учеников, мы его пили с Раей. Но вино все равно пили редко. С получки. Аванса у нас не было. А вот когда пошел я на пенсию, Рая оставила работу и мы стали приносить с рынка хорошие деньги, тут уж никакого оправдания нам нет — избаловались! Правда, вкалывал с такой интенсивностью, что телепередачу хорошую порой не посмотришь. И все же летом идем на канал, берем с собой работу (красить, клеить, чистить), заходим по пути в магазин, берем чаще всего две бутылки портвейна, или 8 — 10 бутылок пива и сидим там с Раей целый день. И все же до алкоголизма было далеко. Сгубил нас антиалкогольный закон Горбачева 1985 года. Да тут как взбесились не только мы с Раей, а очень многие.

По идее он решил сделать доброе дело — бороться с пьянством, а получилось наоборот: число алкоголиков многократно возросло, хотя цены были увеличены вдвое. Пьющих это не только не остановило, но и еще более подхлестнуло. Повышение цен они компенсировали большим повышением цены на услуги. Если раньше за какую-то работу водопроводчику можно было обойтись стаканом или четвертинкой, то теперь ставь поллитру. Так же и несуны с заводов: во-первых, стали больше воровать, а во-вторых, если за мизерный винтик брали чекушку, а то и на кружку пива, то теперь пузырек (поллитра). Так что все вышло шиворот-навыворот. Очереди страшные. Стоишь 3 — 5 часов. Ворвешься в магазин и не две по норме, а берешь сколько сумеешь, но уж никак не менее четырех. А «бормоты» сумками. Но от соблазна и трезвенник не удержится, так что запасов этих ненадолго хватало. Теперь уже на рынок с собой непременно брали две бутылки «бормоты», да там еще Рая за разливным пивом постоит, дома в субботу еще мало выпьем, а уж в воскресенье — расслабимся. У Раи не выдержала печень: чуть не умерла, когда вырезали желчный пузырь с камнями. Два года она в рот не брала даже пива. Ну а

потом не удержалась: ведь теперь и я даже один пил. И не понемногу пили, а бывало, что до полусмерти. Ее рвет после целые сутки, а я с постели встать не могу. Стоит опохмелиться, как все начинается по новой. Люба через Игоря тоже пристрастилась к хмельному. Очень здорово «помогала» нам соседка Люда Добычина. Так что компания стала большая! Но на рынке Рая уже не пила, а я продолжал. Два раза получалась у меня «накладка», и Рая меня буквально волокла с рынка. В Душанбе я уже ездил дважды в год. И там оставался верен себе. Первое время на базар тоже брал с собой бутылочку, но в Душанбе раз оштрафовали на 20 рублей, и я пил только дома. Но ни одного дня без вина. Белое брал редко. А сухого по 2 — 3, крепленого 1 — 2 бутылки в день. Но пьяным напивался раза три. В дороге — с водкой. Легально беру с собой одну бутылку сухого, а втихаря прячу еще или 2 — 3 бутылки водки, или 5 — 6 бутылок крепленого. Уже ставшая привычной длинная дорога настолько утомительна, что 3 дня и 4 ночи кажутся вечностью, особенно последние сутки. Вот и приходилось втихаря от соседей по купе часто прикладываться к бутылке и держать себя постоянно «на взводе», но так, что никто и догадаться не мог, что я выпиваю. Я же нормы придерживался!

Мать часто упрекала меня в том, что я так много пью, сестра тоже была этим очень недовольна, но я оправдывал это усталостью, и они мирились с этим. А ведь на самом деле так оно и было. Алкоголь на меня действовал своеобразно: хорошее, веселое самочувствие, даже при норме, продолжалось недолго, переходя в вялость и апатию. Но если обстановка тому способствовала, хотелось пить еще и еще, пока не отключался, а для этого мне было надо совсем немного — 300 — 350 граммов водки. А в последнее время даже поллитру мог одолеть постепенно за день. Рая шла со мной наравне. Но последствия были разные. У меня после отключения и короткого сна появлялись и будили меня дикие головные боли. Выручали таблетки от головной боли — пил даже самые сильные, пенталгин, по две штуки. Облегчал боли массаж головы, даже простое чесание. Особенно хорошо делала массаж Люда Добычина. Ну а Рая никогда не пила до «отключения», всегда была веселая и добрая. Но я — еще добрее: в пьяном виде я мог отдать последнее, открыть любой секрет, чем и пользовались мои ближние. Ну а наутро Рае было совсем худо: рвотные потуги ее буквально наизнанку выворачивали. Видимо, давала знать себя печень уже давно, а на сердце отражалось одинаково плохо. Но Рая, как бы плохо ей ни было, мало того, что за мной ухаживает, но и по дому все делает, а то и в магазин сходит. Но вот усталость спиртное у меня снимало очень здорово. В Душанбе и Денау прихожу с рынка как выжатый лимон, а выпью дозу — и сажусь готовить все на завтра. Иначе мне нужен был бы день отдыха. Да и дома: работаю на лоджии до изнеможения, а в обед приму дозу и снова иду работать. Так же и на рынках дома: утром холодно, да и нервы напряжены от переживания, что плохо берут, а выпью — и полегчает.

Однако это не оправдание. Ведь появилась и просто тяга к спиртному без всяких причин. Когда есть работа (а она у меня всегда есть), особенно жаль не столько потраченных денег, а пропавшего впустую времени.

Были и любопытные казусы. После горбачевского антиалкогольного закона и подорожания очереди стали страшные: люди стояли по 4 — 6 часов за вином. А тут мне спешно пришлось с Людой Д. ехать в Киев к ее больной матери. Водки достать не смогли. Приехали, а мать ее начала готовить угощение. Ну я, под видом погулять, вышел, чтобы найти винный магазин и занять очередь. Спросил мужика, а он: «Да вон прямо через дорогу». Иду, а сам не верю: очереди-то не видно. Захожу в магазин, а там сортов 20 разных напит-

ков. Взял «Горилку» за 11 руб. 30 коп. и приношу. А ее мать: «Зачем ты эту дрянь брал?» — «Да просто попробовать украинского хотел», — ответил я, а сам подумал, что если бы коньяк купил, то, может, и угодил бы. А она: «Вот я тебя так угощу своим, что со стула не встанешь». Сели за стол. Она наливает в маленькие рюмки самогонки: ничем не пахнет, легко пьется, и мне показалась не очень крепкой. Но уже со второй рюмки я захмелел. А в ней оказалось более 70 градусов! Потом она по своей совершенной технологии даже нам с собой дала три закатанные трехлитровые банки. Выяснилось, что самогоноварение там почти полностью вытеснило государственную торговлю. И неудивительно: у них продают самогон не ниже 60 градусов, и всего по 6 руб.! Рассказала об удивительном способе обманывать милицию. По особому рецепту, с добавлением томатной пасты и лущеного гороха, затирают бражку во вставленных друг в друга для страховки полиэтиленовых мешках, кладут их в ванну, отпускают небольшую струю теплой воды, кладут рядом острый нож, и через три дня бражка готова. Аппарат на весь стояк (16 этажей) один на всех. И если стучит милиция, то хозяйка кричит, что моется и сейчас одевается. А сама за это время опускает аппарат на веревке на нижний балкон, вспарывает ножом мешки, спускает брагу в канализацию, мешки, свернув, зажимает между ног под халатом и открывает. Входит милиция, брагой воняет, а вещдоков никаких!

В Душанбе, как только вышло послабление с продажей, выдумали оригинальный метод: виноградный сок там дешевле, но и его не берут, так как виноград много дешевле. Так вот там добавляют в сок спирт и продают как сухое столовое вино. Я взял первый раз, зная, как на меня действует сухое, выпил залпом бутылку и... опьянел! Оказалось, что если добавить спирта меньше 18%, то бутылка забродит и взорвется. Но эта лафа продолжалась только два года. Водка иногда пропадала, но очереди маленькие или совсем нет. Зато в Душанбе безбожно разбавляют даже вино. Один раз взял две бутылки портвейна и, выпив полбутылки, ничего не почувствовал. И, только осушив обе сразу, почувствовал, будто я выпил всего стакан. Ну и прохватило меня, а таблеток нет. Еле укротил понос водкой с солью. А они в вино воды прямо из арыка лили. В Денау процветает подпольная торговля самодельной водкой из спирта: без слов подаешь десятку, и тебе в газету завернут бутылку, а там не то что мусор — и насекомые попадаются. Так вот, а ребята оба не пьют. Сашу, когда он работал в милиции, по этой причине надолго поставили охранять винзавод в Алтуфьево. До него там был любитель выпить: как наклюкается и спит, а сторожа вином торгуют. А Саша для своего товарообмена и для милицейского начальства возил на своей машине по ящику. Я было испугался и сказал его начальнику, а он отшутился: да это государству в сто раз дешевле обходится!

И однако, вино семье столько горя и несчастий принесло, что только с войной и сравнить: безвременно от него умерла Рая, Любе не повезло. С нас же она брала пример. Но тут тоже вопрос спорный. Вот у Нади Женя с кого пример брала? У нас она бывала редко, да в это время мы не пили. Надя в рот не брала вина. Валера выпивал редко и в меру. Видимо, невиданно большие деньги для нас, а для Раи и Любы они еще и легкие, так как весь труд по их добыванию ложился на меня. Рая хоть ездила со мной на рынки, зачищала детали, но это мизерная доля вложенного в товар труда. Вот это сыграло роковую роль. Когда жили бедно, вино было дешевое — не очень-то раскупишься. Для праздников и то гнали самогонку. Даже на свадьбу Нади использовали мы самогонку, кроме нескольких бутылок шампанского. Но уже у

Саши на свадьбе не было ни одной бутылки самогона, даже когда второй день догуливали у нас дома. А я технологию изготовления самогона довел до совершенства и получал чистый спирт. Ну а на Гранитном мы совсем перестали гнать его, хотя вино стало втрое дороже, а пили мы во много раз больше. Конечно, небольшое оправдание есть: вино хорошо снимало усталость. Но должно было бы тревожить то обстоятельство, что даже легкое опьянение приносило нам удовольствие, несмотря на то, что ясно сознавали, что похмельное состояние нам доставляет большую неприятность,

ЛЮБОВЬ

Впервые платоническую любовь к женщине я ощутил в пятилетнем возрасте. Полюбил молоденькую учительницу, когда мать меня впервые отвела в Хмелевскую школу. Не помню, как сильно я переживал разлуку с предметом моего обожания, но ведь я ее до сих пор помню! И это была именно любовь к женщине. Мать свою я любил очень сильно, но это было совсем иное чувство. Но, к моему великому горю, моя любовь до старости осталась платонической. Вторая моя любовь была в первом классе Полотебновской школы. Я полюбил девочку из 4-го класса, Тоню Корнееву. Ну а в 5-м классе Марчуковской школы влюбился в свою одноклассницу, Лену Савкину. Смотрю сейчас на ее фото тех дней и удивляюсь себе: она была самой некрасивой девочкой в классе. Но мне она казалась непревзойденной красавицей. Тогда я и познал первые муки ревности. Иногда мы сейчас удивляемся акселерации теперешних детей, но ведь и у нас еще в пятом классе образовались «парочки». Мы отлично знали, кто за кем ухлестывает. Ухаживания мальчиков были аляповато-грубоватыми, они были понятны всем. Но я совершенно никаким образом не выдавал своих чувств. Я уже писал, что мы, трое самых малорослых мальчиков, дружили с такими же двумя малявками-девочками. Я чувствовал повышенное расположение ко мне симпатичной Раи Колюбакиной, и все считали нас парочкой, но для меня она была просто другом, как мальчик. А к Лене я испытывал любовь, но скрывал ее так тщательно, что знал об этом только я. Ну а за Леной стал ухаживать Коля Острецов, и она принимала благосклонно его внимание. Я очень страдал и ругал себя в душе за свою робость. За все три года учебы Лена так и не подозревала о моей любви к ней, хотя с Колей у нее дружбы не получилось и она всегда была одна. Но это была именно детская любовь. У меня никогда не возникало желания физической близости с ней, хотя уже в пятом классе некоторые познали половую близость, а Маша Прошкина поменяла уже нескольких партнеров, за что получила прозвище «кошка». Вообще секс меня не интересовал совсем, хотя развивался я нормально. Помню, как примерно в девятилетнем возрасте мой друг, Леня Есаков (двоюродный брат Раи моей), с одногодком Ниной в саду, в зимнем тарантасе, занимались любовью, а меня попросили посторожить. Но я полюбопытствовал и не заметил, как подкрался отец Нины и огрел Леньку деревянной лопатой по голой заднице. Я же был равнодушен к этому.

И вот наступил 1939 год. К этому времени ко мне приехала мама с Надей из деревни и ей дали общежитие в больнице. Я учился в восьмом классе вечерней школы, когда к нам пришла новенькая: Настя Клюйкова. Не знаю почему, но она, будучи на два года старше меня, пришла прямо из детской школы, поступила на работу уборщицей и вскоре учеником маляра. Так вот, мы с первых же дней почувствовали влечение друг к другу, т.е. я, Миша Иванов и Настя. Ну, с нашей стороны это было естественно: она была самая молодень-

кая и у нее-то было много парней ближе по возрасту, но мы были неразлучной троицей. Естественно, мы оба с Мишей влюбились в нее. Мало того, что у нас не было ревности друг к другу, но мы вместе мечтали вслух о ней и в любви к ней... признавались друг другу. Она жила совсем недалеко от меня, так что дорогой мы полчаса были один на один. А в воскресенье я заходил за ней домой и вместе шли в школу. Так что я был знаком с ее матерью, сестрой, моей одногодкой, и с младшей сестрой, которая училась в одном классе с моей сестренкой. Принимали меня в ее семье очень радушно. Так вот в классе 9-м или 10-м за Настей стал ухаживать наш одноклассник, Вася Карпов, уже отслуживший армию. Да и другие парни не обходили вниманием эту веселую, умную и обаятельную девушку. Но она не давала нам повода для ревности, отвергая ухаживания парней с первых попыток. Мы с Мишей знали, что друг у друга в сердце и на уме есть, а вот что было в душе у нее, мы не знали, как и она так и не дождалась признания от нас. Мы с Мишей укоряли друг друга в трусости, особенно он меня: ведь я каждый вечер шел с ней наедине до дома. Ну а тут — война... Вряд ли Миша взял адрес Насти, но я не взял и писем ей не писал. Ну а когда вернулся с войны, то она уж была замужем именно за Василием Карповым, которого, даже с насмешками, прежде отвергала. Он в войну писал ей письма, а незадолго до конца войны вернулся инвалидом войны и женился на ней. У них уже был ребенок. Но о ней я еще упомяну.

Затем было несколько знакомств с девушками, и каждый раз я серьезно, если так можно назвать, любил. С первым ранением я лежал в Саратове. Уже ходил с палочкой. И понравилась мне медсестра Лида С. Я чуть не всеми ночами сидел у ее столика в ее дежурство. О своем чувстве я не сказал ни слова, но она была опытная и сама все поняла. У меня были трофейные часы, и, когда она похвалила мои часики, я с великой радостью подарил их ей. И вот в начале июля 1942 года была организована прогулка на природу. Я еще сильно хромал, и Лида вела меня под руку. Близость ее тела пьянила меня! Ведь это было мое первое прикосновение к телу девушки! Потом начались танцы под баян. Я ни разу в жизни даже не пытался учиться танцевать и отказался, сославшись на боль в ноге, хотя истинная причина была в моем неумении. Она танцевала с одним офицером и с ним же под руку пошла обратно, начисто забыв про меня. Тот был ранен в руку, а мне пришлось с большим трудом добираться одному. Но разве можно было сравнить боль физическую с душевным страданием?! Я тут же написал ей записку и получил ответ: «Ты какой-то теленок недолизанный. Часы твои мне нужны, а ты не нужен». Меня эвакуировали в Кемерово. Там ребята поняли, что я нецелованный, и решили помочь мне. Уговорили одну девушку, ввели ее в курс дела и устроили нам встречу в городском парке. Мы сразу же ушли с ней на пустырь берега Томи. Девушка была собой довольно миловидна, но учительница из нее не получилась. Она слишком круто хватила: начала сама целовать и сразу же полезла в штаны. Ну от неожиданности такого бесстыдства у меня моментально исчезло всякое желание интимной близости. Я сослался на возникшую боль и ушел. Она, конечно, рассказала все ребятам, они чуть не отлупили меня и махнули на меня рукой. 1 октября 1942 года меня с группой выздоравливающих направили в один из совхозов на помощь. Прибыли на место мы уже вечером. Пока расселили по квартирам, уже стемнело. Меня и двух пожилых солдат поставили в дом, где нас встретил больной хозяин и хозяйка. У них девочка лет десяти. Поужинали уже затемно. Девочка Маруся вызвалась проводить нас на вечерку. Темно так, что протянутую руку не видно. У местных была только балалайка, а с нами приехал гармонист. Сразу стало веселее.

Начались танцы, игры в прятки, поцелуи, смех, песни. Но я еще тогда и не пел. На бревнах сидел гармонист, а рядом с ним — такая голосистая девчонка, что соловей ей в подметки не годится! Ну я и подсел к ней. Стали расходиться, и я пошел с ней. Тогда у большинства курящих кресало было, а у меня, некурящего, откуда спички? Курящий хоть при затяжке цигарки разглядит лицо подруги, а я и этого не мог. Сели мы на бруствер какой-то канавы, и она стала со мной проделывать почти то же, что и наймичка у реки в парке. И снова повторилось то же самое, однако расстались мы по-хорошему. Она проводила меня до дома, каким-то образом уже зная, где я на постое. Утром встал и увидел, что у хозяина есть и старшая, семнадцати лет, дочка Оля. За завтраком Оля как посмотрит на меня, так или улыбнется, или прыснет со смеху. Она была весьма привлекательна и понравилась мне. На работу пошли вместе. Оля посмотрит на меня и хохочет. Я думал, что с одеждой у меня непорядок. Потом спросил ее о причине загадочного смеха, а она неопределенно ответила: «Скоро узнаешь». Сразу же пошли стоговать вико-овсяную смесь. Не столько работали, сколько баб и девок от работы отвлекали. Вдруг во время отдыха ко мне подходит Оля и говорит: «Толя, тебя Елька (так звали мою ночную знакомую, Елена) зовет». — «Но я ее не узнаю в лицо!» Оля, расхохотавшись, сказала: «Ты стой за тем вон стожком, а она туда придет». Жду, и вдруг появляется такое пугало, что приснись ночью — заикой останешься! По голосу я узнал ее, но, насколько был прекрасен ее голос, настолько же была отвратительна внешность. Она спросила, встретимся ли мы сегодня и как моя нога? Я сказал ей, что мы будем дружить с Олей и она тут ни при чем. Конечно, она и сама поняла, что мы с ней не пара. Ведь ей надо старенького, да и то самого завалящего мужичка. А мне еще нет девятнадцати. Конечно, она обиделась, но зато и мне не надо было предлагать Оле свою дружбу: за меня это невольно сделала Лена. И вот теперь после вечерки мы стали гулять с Олей, а потом и вовсе не ходили на вечерки, а шли гулять. Первые шальные поцелуи в моей жизни на берегу Томи и от Лены сослужили мне добрую службу. Я не знаю, может, у нас с Олей и до поцелуев не дошло бы, но тут я переборол свою стеснительность — признался ей в любви и впервые в жизни сам поцеловал девушку. Я действительно полюбил ее. Ласки наши были настолько горячи, что я после них долго ходил враскоряку. Пытался склонить ее к интиму, но она сказала: «У меня еще не было парня, и после войны если встретимся, то ты должен будешь убедиться, что я была верна тебе». После этого довода мы ограничивались только ласками. Работы на ферме закончились, и нас всех перевели на центральную усадьбу. Там был клуб, электричество и каждый день крутили кино. После кино — танцы. Ну а на другой день открылась рана. Пошел в медпункт, а там молоденькая фельдшерица. А мне надо для перевязки оголять интимное место. Со смехом и удивлением она заставила снять с себя подштанники, обработала и перевязала рану. Ну а вечером мы были уже как старые знакомые и после кино пошли гулять.

На второй вечер мы с ней забрели на стройку совхозной конюшни, где была приготовлена солома для крытья крыши, сели на солому и разговорились. Я почувствовал к ней тогда необыкновенное дружеское расположение и откровенно рассказал всю свою жизнь. Она мне говорит: «Твоя робость и деликатность причинит тебе много горя. Надо быть смелее и наглее и не обращать внимания на девичье "нет", так как это все равно, что "да". А потом, взяв мою руку, показала, как надо раздразнивать девушку. Конечно, я сильно возбудился и попросил показать все на деле. Но я оказался дебильным учеником. Она-то, может, экзаменовала меня и ответила отказом. Ну и

непроизвольно сработал инстинкт моей деликатности и я не мог применить к ней хоть и притворное принуждение. Но окружающие подумали, что у нас роман. Дошло до Оли. Однажды вечером она пришла, вызвала меня прямо с сеанса кино. Чуть отошли от клуба — она разрыдалась и стала упрекать меня в вероломстве. Я клялся, что, кроме разговоров, у нас с Ниной ничего не было. Тогда она говорит: «Мне бабы сказали, что если бы ты отдалась ему, то он сильно привязался бы к тебе. Так что я согласна и пойдем в подходящее место». А я говорю: «Ты с ума сошла! Я имею к тебе серьезные намерения и хочу, чтобы ты встретила меня честной». Она успокоилась. Мы расстались любящими. А на другой день кровотечение из раны усилилось и меня отвезли в госпиталь. В мое отсутствие нашим хирургом стала молоденькая красавица еврейка. Мы с ней сразу же подружились. Долгие разговоры позволили ухажерам из высшего офицерства подумать, что она всем им предпочла меня. А на самом деле так оно и было. Она на лицо мне нравилась, но «р» произносила так, будто ворона каркает. Так что о любви не было сказано ни слова ни мной и ни ею. Я пожаловался на то, что у меня упорно не заживает рана. Тогда она пригласила меня к себе домой, твердо пообещав, что ее отец поможет. Отец ее оказался профессором, в звании генерала. Поставил вина и невиданных закусок. Конечно, от вина я отказался, а уж наелся такого в первый и, оказалось, последний раз в жизни. Потом он осмотрел рану и взял мазок на анализ. Через день я пришел, он приложил на рану коричневую мазь, сильно пахнущую испражнениями, а также дал коричневые таблетки, воняющие так же, так что их надо было принимать с вареньем. Ну а потом завел прямой разговор: «Моя дочка мне сказала, что любит тебя и хотела бы выйти за тебя замуж. Что ты на это скажешь?» — «Но ведь мне на фронт идти!» — «Ну об этом ты не заботься: демобилизуем по чистой. Ты подумай, а потом ответишь». И вот я ночью думаю: «Девушка красивая, семья — лучшей и желать не надо! Война для меня кончится. Это с одной стороны. А с другой стороны, укоры совести вечно будут преследовать меня: я же давал клятву другой девушке и она пока совершенно ни в чем передо мной не провинилась». Тем более что все это происходило в одном месте и все открылось бы очень скоро... И я все блага сытой, беззаботной, спокойной жизни променял на смертельную опасность войны. Дурак был набитый! Но виду не показывал, боясь, что не продолжат лечение. Теперь мы уже целовались и даже я пытался склонить ее к близости, но она сказала, что я у нее буду первым, но только после свадьбы. Ну а тут вскоре рана зарубцевалась так, что насильно не повредишь! Развязка была неминуема. И, когда она очередной раз напомнила мне о женитьбе, я сказал ей: «Ты красивая и умная девушка, но я люблю другую и совместная жизнь для нас будет мучением». Естественно, через три дня комиссия и... на фронт.

Следующие случаи с женщиной были сразу несколько, на Украине. В запасном полку я был ротным санинструктором. Со старшиной жили душа в душу, а значит, продукты в изобилии. Так вот в селе Малоярославка я встал на квартиру к женщине с тремя детьми: мальчик лет шести, девочка лет десяти и девушка лет пятнадцати. Я принес с собой много продуктов, а они жили очень бедно. Настала ночь. Мне хозяйка постелила на большой кровати, сама с младшими легла на печке, а старшая, Ульяна, примостилась на узком припечке. Через некоторое время она грохнулась на пол. Я проснулся и попросил постелить мне на полу. Но хозяйка наотрез отказалась. Тогда я говорю: «Ульяна, тогда ложись со мной: я дома с сестрой "валетом" некоторое время спал». Долго уговаривать ее не пришлось, и она легла со мной. Одно дело — восьми-

летняя родная сестра, а тут впервые в жизни в постели рядом чужая молоденькая, симпатичная девушка. Понятное дело, я возбудился и начал обнимать ее. Потом поцеловал и начал поднимать ночную рубашку. А она чуть не вслух: «Нэ можно! Спидныщю порвэш!» Ну я больше и не пытался. А на второй день два моих друга говорят: «Мы тебе девку нашли красивую. Попроси у старшины плащ-палатку и ботинки поменьше — бабам за самогонку». Друзьям было по 25 — 30 лет. Пришли в дом (там все дома целы), а у них уже готова яичница, блины и прочее, да я еще консервов и колбасы принес. Три девицы и нас трое сели за стол. Никто не знал, что я не пью, ну а я не хотел показать себя маменькиным сынком и пил со всеми наравне. Конечно же меня сразу замутило, вырвало, и я попросился прилечь. Меня отправили на печку, а вслед за мной прилезла и самая молодая. Но я сразу уснул, а проснулся от страшной головной боли. Девушка или проснулась, или не спала. Внизу скрипит кровать, а моя зазноба отхаживает меня, как тяжелобольного, меняет примочки на голову. Предложила опохмелиться, но меня уже при одной мысли о самогоне тянет рвать. Так у нас ничего и не получилось. Они пытались еще раз «оженить» меня, помню какой-то сеновал. Но финал был такой же. Ну а тут прислали какую-то роту девушек-шоферов. В мои обязанности входило обработать вновь прибывших в санпропускнике, т. е. прожарить одежду, помыть и непременно помазать самому лично лобковые волосы, под мышками вонючим мылом «Ка». Ведь головные вши водились и там. Не понимаю, может, желая подшутить надо мной, но фельдшер приказал мне это сделать лично! А мне и в голову не пришло возразить ему, что у них на голове волосы длинные. Баня была передвижная, брезентовая. Я только сунул голову в предбанник-раздевалку, как девушки завизжали и попросили позволить самим мазаться. Я подсмотрел в дырочку, но никто не мажется. Тогда я вошел и, несмотря на визг, сказал, что не дам воду до тех пор, пока не перемажу всех. И тут выходит маленькая девушка и говорит: «Санинструктор, доверь это дело мне, все будет в порядке». Ну я и доверил. Но засомневался и подсмотрел. А она так ловко справлялась с ними, что я диву дался! Кто заартачится, она прикрикнет, силой повернет к себе и за упрямство сунет этот помазок аж в промежность. А этот раствор мыла не только вонючий, но очень едкий. Когда девушки оделись, я узнал, что мою помощницу зовут Нина Филиппова. Девушка веселая и симпатичная. Она очень понравилась мне.

Но ведь у меня была последняя любовь к Оле, и мы с ней поклялись в верности друг другу. Однако тут все после получилось совсем не так. Оле при расставании я дал адреса моей мамы и крестной для последующей связи. Прошло больше года, а от Оли я не получил ни одного письма, хотя не менее трех раз был настолько подолгу на одном и том же месте, что она легко могла бы узнать мой новый адрес и написать мне. Да и я несколько раз писал ей, но ответа не получал. У меня появились сомнения в искренности ее обещаний, и я как-то стал забывать ее, будучи уверен, что и она забыла меня. Но она-то, оказывается, помнила меня, хотя весьма оригинально. Уже кончилась война, как я в Германии получаю от нее письмо. После банальных приветов и поцелуев, будто я получал от нее письма еженедельно, она нагло просит прислать ей туфли и платье указанного ею размера, будто тут магазины на каждом углу. Чуть ли не с обидой пишет, что, мол, всем девушкам ребята присылают из Германии посылки с одеждой и обувью, а я ей пока ничего не прислал. Хотел написать гневную отповедь на ее цинизм, но я был счастлив с Розмари и Олино письмо оставил без ответа. И уж после тюрьмы, в 1948 году, я получил письмо из Березовки от Олиной сестры. В нем она писала: «Оля сразу же после твоего

отъезда изменила тебе. Стала гулять с солдатами. А я уже стала взрослая и помню тебя и теперь хочу переписываться с тобой...» Но я ей не ответил.

Но продолжаю. На другой день мы двинулись вслед за фронтом, который прорвал оборону немцев. И все же шли ночью, так как днем бомбили. Шли всю ночь. Дорога тяжелая, не прикатанная, кроме того часто приходилось сворачивать в сугробы на обочину, пропуская большие машины. На первом же десятке километров мужчины выбились из сил. Двоих или троих я посадил в санитарную повозку. Они уже не шутили с девчатами. А у меня (удивительно!) хоть и плоскостопие, но хожу я легко. Так вот девчата до самого утра все пели. Разумеется, я всю дорогу шел с Ниной, и за долгую зимнюю ночь мы друг другу рассказали всю свою биографию. Отца она своего не знает — материнский грех. Так вот мать ее ребенком отдала в детдом, а сама наслаждалась жизнью, изредка навещая ее и напоминая, что у нее есть мать. В 1943 году, как только Нине исполнилось 18 лет, для видимости поучили на шофера — и на фронт, как живой деликатес. Она рассказала, что несколько раз ее пытались обесчестить, но она могла постоять за себя, хотя один раз чуть не до утра просидела в ветвях дерева, когда ее проиграли в карты.

Она сказала, что с мальчиками никогда не дружила. Я предлагал Нине сесть на повозку, но она отказалась. К утру пришли в большое село. Все дома целы. Всех построили и стали разводить по домам. Четыре или пять самых больших дома отвели для девчат, а нас, штатных, от сержанта и выше заставили быть сторожами их девичьего целомудрия. Но разве их устережешь?! Я стою у двери, а через окно хлева парни лезут, а то и сами девчата выбираются тем же путем на улицу. Сдал я пост и пошел искать дом, где ночевала Нина. Они все спали вповалку на полу. Я нашел Нину, еле втиснулся рядом с ней и уснул. Ну а днем мне под санчасть выделили хороший дом, где жила одна женщина лет пятидесяти. Как раз в это время у нас было много народа, огромная очередь с мозолями и разными пустяками, и мужчины и женщины. Тут у них была единственная возможность забиться по парам в укромные места. У них был обоюдный интерес, а у девушек кроме удовольствия была возможность забеременеть и демобилизоваться. Ну а я не мог управиться со своим делом. Вот я и попросил командира взять Нину к себе санитаркой. Командир был лет около пятидесяти, очень добрый. Он без слова разрешил. С этих пор мы были всегда вместе. Нина принимала девчат, так как последним приходилось и раздеваться. Мука была с ватой — расходовалась возами. Ну а вскоре пожаловали и «покупатели»: первыми самых молодых и красивых выбирали для штаба армии (полк был армейский — АЗСП). За ними шли представители штабов рангом пониже. Один раз Нину чуть не заграбастали. Хорошо, я успел, сказал, что это санинструктор, и еле отстоял, так как на ней погоны рядового. Больше она на торги, из любопытства, не ходила. Но я забежал вперед. Итак, Нина стала моей санитаркой. Даже документально поставили ее на довольствие в штат. Конечно, и жить ей стало можно в одном доме со мной вполне легально, законно. Хозяйка мне постелила на кровати, но я попросил постелить мне на полу, а Нине — на кровати. Но Нина сказала: «Да на кровати места двоим хватит!» Радости моей не было предела! Так мы и легли вместе. В чистой постели у нас был первый поцелуй и объяснение в любви. Естественно, я стал склонять ее к интиму. Тогда она говорит: «Я все сделаю, как тебе хочется, но если мы встретимся, то как ты узнаешь о том, что я была верна тебе?» Доводы очень убедительны. И, несмотря на то, что подобное у меня уже было с Олей, от которой потом я не получил ни одного письма за два года, у меня и мысли не возникало о возможном обмане. Обоим нам было равно

трудно сдерживать свои желания, но я перебарывал себя во имя светлого будущего. Какой был дурак! Но... судьба.

Единственным развлечением после дневной муштры была картежная игра. Играли на деньги. Мы с Ниной вместе делали обход солдат по домам. Так вот раз заходим мы в дом, а там ребята играют. Нина попросила у меня 50 рублей, чтобы принять участие в игре. Я было стал отговаривать ее: во-первых, потому, что у меня денег мало, а еще и потому, что это было запрещено официально. Но она так просила, что я дал ей денег. Я сказал Нине, что ребята играют хорошо и обыграют ее. Но она сказала: «А это еще посмотрим». И села играть. Сначала она все проигрывала, и я уже готов был идти домой, но потом она начала то выигрывать, а то проигрывать, а затем опустошила карманы игроков дочиста. Договорились встретиться назавтра. Мы стали обладателями кучи денег! Купили утром сметаны, масла, яиц, даже моченых яблок нашли. Пир был горой! Хозяйка было поставила самогонки, но выпила только сама. Настал вечер. Собрались, как и обещали. Меня одолевала тревога, но Нина уверенно взяла с собой только малую часть денег. Пришли мы, а там Нину ждал зверского вида тип, сплошь весь в наколках. Сели играть. Нина первый раз выиграла, а потом все до копейки проиграла и сказала, что больше денег нет. Тот тип попросту настоял играть на «интерес», т. е. на одежду и с условием: босиком, в одних подштанниках перейти дорогу и обратно. Я возмутился и сказал: «Нина, я принесу деньги, но на "интерес" играть не позволю!» Но она, незаметно подморгнув мне, громко сказала: «А я все деньги те потратила». Они стали играть. Но она так медленно стала обдумывать, что от волнения за нее я готов был с ума сойти. Короче говоря, ему пришлось идти по снегу босиком. Ну а одежду свою он у Нины выкупил за приличную сумму, но меньшую, чем пришлось бы заплатить старшине. С тех пор она пользовалась большим уважением, надо мной при обходе больше не подтрунивали, но ее картежники уже не приглашали. Я спросил, как же она так научилась играть? Она сказала, что это детдомовская наука и что там уже давно с ней на деньги никто не играл. Только на мелочь.

Пишу я долго, а блаженство мое продолжалось чуть более недели. На место пожилого командира назначили молодого, а он, как только увидел Нину, вызвал меня и сказал, чтобы я по-хорошему отдал ее ему. Мне выбора не было, как подчиниться, и все же я сказал: «Она не моя жена и тем более не личная вещь: кого она из нас выберет — с тем и будет». Он вызвал ее к себе и предложил жить с ним, но при попытке поцеловать ее получил пощечину. Как и должно быть, на третий день я уже был отправлен на фронт. После он домогался ее согласия, но так и пришлось ему отправить ее в распоряжение штаба дивизии, так как она была в этой части никем и никуда ее не приткнешь. Ну а там, естественно, пристроили ее в штабную столовую. Это я потом из письма ее узнал. Так вот меня кидало, как щепку в бурном потоке: передовая, госпиталь, снова фронт и опять в госпитале с тяжелым ранением. Связавшись с родными, получил и первое письмо от Нины. После операции лежал почти по грудь забронированный в гипс. А тут от нее роковое письмо. Она писала, что с ней случилось несчастье: будто ей в еду подсыпали снотворное и в бессознательном состоянии изнасиловали. До сих пор не могу понять, в чем правда? Ведь, с одной стороны, до конца войны еще далеко. Ну а с другой стороны, она от моих родных узнала, что я тяжело ранен и скоро могу быть дома, и она хотела знать мою реакцию на то, что она нечестная. Если бы она откровенно призналась, что тогда, боясь потерять меня, схитрила, или придумала что-нибудь еще — я простил бы ее. Ну а тут меня потрясло ее признание и я не

поверил в ее слова. На письме был обведен контур ее руки. Я только после войны потерял это письмо. Конечно, я написал, что между нами все кончено и я не могу ей простить этого. Она еще присылала несколько писем, но я был упрям как осел. Уже в госпитале я перестал получать от нее письма. Вернулся домой. Мать хранила ее письма, которые она присылала матери моей, чтобы узнать мой новый адрес. Прочитал я их, и так заболело сердце, что написал письмо Нине на адрес ее матери. Получил ответ от ее подруги, которая сообщала, что Нина замужем за генералом и живет где-то на Украине. Тяжело было на сердце, но что поделать?! И потом, когда я был женат на Рае, пришло мне письмо от Нины аж с Сахалина с ее прежней фамилией. В том письме она сообщала, что выходила замуж, но муж был старый (а что генерал, не написала), ревновал и бил ее. Она развелась с ним. Просила ее простить: мол, на войне все так делали. И в конце просила прислать ей посылку семечек, чтобы, продав их, она могла приехать в Москву. Я тут окончательно понял, что она меня всегда дурачила. Рая сильно волновалась, но я на это письмо даже не ответил. Так все и закончилось.

23.2.97. Сегодня праздник, но я и раньше отмечал 18 февраля, так как в этот день я три раза попадал на передовую. Мистика какая-то! Но поразмышляю о Нине.

Недавно перепечатывал ее письма ко мне. Вот ведь права старая пословица: «Не знаешь, где найдешь, а где — потеряешь». Так вот и я до сих пор не разберусь в своих чувствах: мне всегда казалось, что с Ниной у нас была самая настоящая любовь. А может, именно это лишь казалось? Почему же я не простил ее? Именно в самом начале. После она побывала во многих руках, но в том не ее, а скорее моя вина: я отверг ее. Как бы сложилась жизнь, поступи я иначе?

Потом недалеко от правобережья Днепра был казус: мы стояли в обороне уже дня три-четыре. Ночи были холодные, местность открытая, ледяные осенние ветра пронизывали до костей. Ну а солдат благоустраивал свой окопчик даже за два-три часа. Для защиты от шрапнели и осколков я подрыл себе нишу и спал надежно защищенным. А сверху прикрыл ветками и травой от ветра. Каждый час-полтора ползал вдоль окопов узнать, нет ли раненых. Вдруг сквозь сон слышу вроде детский голосок: «Санинструктор здесь?» А темно, скоро полночь. Я вылез и вижу: стоит малыш. Я так и подумал, что это ребенок. Но слышу: «Я направлена санинструктором в вашу роту». — «А мне к командиру роты идти?» — спросил я. «Нет, меня прислали в ваше распоряжение». — «Тогда лезь сюда в окоп», — предложил я. «Нет, дай мне лопатку, я сама себе окоп вырою». — «Да в моем на троих места хватит!» — «Нет, я одна хочу быть». — «Ты что, или боишься меня? Не бойся, я не трону тебя. Лезь». И она залезла. Я попросил ее снять шинель, чтобы ею укрыться. Она так и сделала. Подстилка у меня была надежная, теплая, она легла, я придвинулся к ней, подоткнул плащ-палатку надежнее и руку, которую буквально некуда деть, положил на нее. Тогда она встрепенулась, сбросила руку и хотела встать со словами: «И ты такой же!..» А я ей: «Ты что, сдурела? Да у меня и в мыслях того не было. Я вообще с женщиной еще дела не имел». Тогда она успокоилась и рассказала, что ее призвали месяца три назад. Недели две для виду учили делать перевязки и как санитарку направили на фронт. Первым ее к себе взял генерал. Когда он выпил и стал приставать к ней, она, такая малявка, влепила ему пощечину. Ее отправили в медсанбат. А там полковник хотел силой взять ее, но она вырвалась и сказала, что если, мол, тронешь, то выберу момент и пристрелю. Он ее и направил в штаб полка. Так же и там она вела себя. Ну и

за строптивость отправили ее на передовую. У командира роты был теплый блиндаж. Вечером она пришла в его распоряжение, но она не хотела уступить и ему, ну он ее и отослал в окоп. Выслушал я ее и стал собираться. Она: «Ты куда?» — «Посмотрю, нет ли раненых». — «И я с тобой пойду!» — «Чего тебе там делать? Санинструктор в роте один, а ты, надеюсь, поняла, почему сюда попала?» Обошел я, вернулся и лег. Обнялись, пригрелись и уснули. Ну а через час я привычно проснулся и вылез из окопа. А вслед за мной и она. Никакие уговоры не помогли, и она поползла за мной. А еще через час она упрямо поползла одна. Тихо было. И вдруг разрыв мины и тут же ее писк. Я сумку в руки и раздетый бегу на звук. При свете ракеты я увидел ее, лежащую в крови. Быстро определил рану на бедре и стал разрезать ватные брюки у нее. А она кричит: «Не надо!» Заругался я на нее, наложил жгут и на всякий случай лангет, взял ее, легонькую как пушинка на руки, предупредил ближайшего бойца и понес в медсанбат. Правильно я сделал, что наложил лангет: кость оказалась повреждена. Она ослабла настолько, что не могла говорить. Уже рассвело, и я увидел ее прелестное, почти детское личико, но не смог взять ее домашнего адреса. И вот как-то еду я с младшей дочкой в Душанбе, лежу на верхней полке, дремлю и вдруг слышу до боли знакомый голос. Поднял голову: Боже! Она! Едет в купе рядом. Пришла поболтать. Рассказывает о себе, какая она всегда веселая и на войне ее звали «Живчиком». Тогда я спросил ее: «Вы в правое бедро ранены?» — «Да». — «А помните, кто вас с поля боя выносил?» Она, конечно, догадалась, но узнать она меня не могла, так как видела одно мгновение, да и то в шоковом состоянии. Она рассказала, что замужем, муж ее — генерал в отставке, очень ревнив, и на мое предложение дружить семьями категорически отказала и своего адреса не дала. И только, когда она сошла, я удовлетворил любопытство соседей по купе и обо всем рассказал. Ну а теперь по хронологии.

В конце августа 1944 года к нам пришли шефы из школы ближайшего городка Красноармейск. Девочки без всякого выбора стали садиться к лежачим больным. Ко мне села малышка лет двенадцати, а к соседу-старичку девушка лет семнадцати. У обоих пар разговор не клеился. Ну а в следующее посещение девушка села ко мне, и все пошло своим чередом. Девушку звали Нэлли Шутъ. Она теперь стала приходить и в будни, после школы (они и летом учились, после оккупации). Оказалось, что мать ее — председатель исполкома, и Нэлли приносила мне шикарные гостинцы. Мне было очень неприятно лежать в присутствии такой очаровательной девушки, посланной мне как бы самой судьбой за недавние переживания из-за Нины. Ну я захотел показать свою удаль: встал на костыли и, не сделав шага, рухнул на кровать. Из обеих стоп хлынула кровь. И только через полмесяца я встречал ее на костылях. Потом изредка гуляли. Но дожди шли часто. Так что нам и поцеловаться толком негде было. И вот накануне Нового года Нэлли говорит: «К нам на попутных машинах добираются более тяжко раненные к своим девушкам. А ты не смог бы приехать ко мне на Новый год? Мама очень хочет увидеть тебя». Я обещал. В госпитале я был на хорошем счету. Легко отпустили меня на одну ночь. Перед этим потренировавшись, поехал с одной тросточкой. Попутную машину поймал быстро, и меня довезли до самого крыльца. Мать ее была предупреждена, что я не пью, но стол был шикарный! Но все же вкусного вина выпить немного пришлось. Конечно, захотел в туалет, встал на ноги и тут же сел от боли. Еле-еле Нэлли довела меня на крыльцо и с трудом дотащила до кровати. Из обеих стоп пошла кровь. Хотели вызвать врача, но я побоялся и понадеялся, что само пройдет. Подмотали еще ваты. Но ночью боли усили-

лись, и Нэлли ухаживала за мной, как за тяжелобольным. Вместо «утки» — консервная банка и ночной горшок. От стыда готов был сквозь землю провалиться, хоть Нэлли успокаивала меня и не отходила ни на шаг. И только 2 января меня привезли в госпиталь. Рана быстро зажила. Виделись мы часто до самой выписки. Я ей с фронта написал письмо и адрес моей мамы для связи, но мне сообщили, что Нэлли с матерью выехали на свою родину в Эстонию. Так все и кончилось.

Германия. Начало августа 1945-го. Обосновались в городке Артерн. Я — в офицерской столовой. Мой друг Иван Руденко — ординарец командующего, который квартирует в городе. В другой половине дома живет старуха с внучкой, куда по блату поселился я. Сын старушки погиб на фронте, а сноха умерла до войны. Оказалось, что муж старухи был в плену в России, и она приехала туда к нему, жила там несколько лет, выучила русский язык. На стене давно висел портрет Горького, а на полках даже книги Ленина на немецком языке. Я удивился, но она сказала, что за одно только слово «Сталин» могли расстрелять, а за книги Ленина ничего не было. Внучку звали Розмари, ей скоро 17 лет. Мы быстро подружились. Сначала пользовались разговорником, но очень скоро стали обходиться без него. Шольни, моя собачка, очень ревновала сначала и даже один раз слегка укусила Розмари, но потом привыкла так, что оставалась с ней днем, когда я на службе. Конечно же мы с Розмари вскоре полюбили друг друга. Она была настолько мила, но и целомудренна, что у меня и мысли не возникало добиваться интимной близости. Это было ангельское создание. Она ни разу ни в чем не возразила мне, не выказала ни малейшей обиды, хотя я не раз допускал непозволительные оплошности, за которые от любой из знакомых мне (ранее) получил бы взбучку. Но и у меня ни разу не возникло и мизерной причины быть ею недовольным. Ласки ее были настолько чисты и целомудренны, что не будили плотские желания, но в то же время действовали так, что забываешь, что это: волшебный сон или божественная явь? Никогда в жизни мне не было так хорошо ни с кем ни до нее, ни после. Мне все казалось, что это некое неземное создание, как ангел. Я ей напомнил: «А как ты меня почти враждебно встретила?» А она: «Мне бабушка говорила, что русские — такие же люди, есть плохие, а есть хорошие. Но я считала вас всех злодеями, которые убили моего папу». Очень скоро мы договорились, что она поедет со мной в Россию и будет моей женой. В этом сладком заблуждении мы пробыли до конца сентября, когда командующий предложил мне гнать коней в Россию, где меня сразу демобилизуют. Я сказал ему, что намерен повезти из Германии жену. А он мне: «Ты никому больше не говорил об этом?» — «Нет». — «Ну смотри, даже Ивану не говори, а то ты вместо дома попадешь на Сахалин». Хорошо, что всего два-три дня мы провели с Розмари в слезах. А расставание было просто невыносимым: Шольни смотрит на нас и воет, как по покойнику. А когда стали расходиться, Шольни между нами бегает и жалобно скулит, пока Розмари не взяла ее на руки. Мне запретили даже взять ее адрес и дать ей свой. Привез ее фото домой, а мне не верят и говорят, что это просто артистка.

Пригнали лошадей мы в Смолены, недалеко от Бреста. Там я встал на квартиру у вдовы с восемнадцатилетней дочкой. Хозяйство богатое, а мужика нет, и все пойдет прахом. Без обиняков хозяйка предложила мне жениться на ее дочке и быть хозяином, привезти сюда мать и сестру. Девушка была симпатичная, и я пообещал решить все с матерью. Хозяйка в банку из-под немецкого противогаза налила на три четверти меду, а сверху до краев наложила сливочного масла. В Бресте демобилизовали. Еду я в вагоне и стал

кушать, а на меня жадными глазенками смотрит девочка лет четырнадцати. Узнав, что она едет одна, убежала от тетки и едет куда глаза глядят, я покормил ее и предложил ехать ко мне. Привез я ее домой, а мать ни в какую: вези ее в детдом, и все тут. Отвез я ее, еле там сдал. Они еще шутили: «Через три года у тебя красавица жена вырастет!» Жаль, что сдал...

Вернулся я с войны, а девчонки в девушек превратились. Рядом жила Юля Грушина, 17-ти лет. Она с первого дня буквально не вылазила от нас. Ну я с ней как бы подружился. Но она была немного странная. Как говорится, с придурью, и я не стал с ней связываться. Тем более что она у меня стащила все открытки. А тут вернулся Коля Обыденнов и познакомил меня со старшей сестрой своей девушки. Но младшая выразила желание дружить со мной, так что Коля, мой ровесник, стал дружить со старшей. Серьезного увлечения не было. Новогодний вечер отмечали у них. Я выпил, и меня развезло. Ну а больше я туда не пошел. А тут я с сестрой пошел на танцы в летний павильон Лианозовского парка. Танцевать я так и не умел — стоял у стенки. Там я встретил сестру Насти — Машу Клюйкову. Как старого знакомого пригласила к себе. О том, что Настя вышла замуж, я узнал, как вернулся. Жили они на Кирпичном поселке, у Марка. Маше тоже шел 23-й год, но замуж не за кого выходить. Мы с ней и стали встречаться. Старый год встречали у нее. Пришла и Настя с Васей и ребеночком. Весело было всем, а мне грустно. У Маши бывал часто. На улице мороз, и мы всеми вечерами в лото играем. Так вот третьей сестре, Вале, был уже шестнадцатый год, и она усиленно кокетничала со мной. Она была значительно симпатичнее Маши, остроумная, веселая. А Маша всегда какая-то грустная, неразговорчивая, и с ней было порой нестерпимо тягостно. И вот как-то Валя вызвалась проводить меня под предлогом, что ей надо было куда-то идти по пути со мной. Но дорогой она стала буквально заигрывать со мной: шутили, снежками кидались, в снегу вывалялись, ну и... поцеловались. Валя уверяла меня, что Маша дружит со мной ради скуки, и мы договорились тайком встречаться на улице. Мы признались, что нравимся друг другу. Но Маша легко обо всем догадалась, пошла провожать меня и разрыдалась. Мне стало так жаль ее, что я при встрече сказал Вале, чтобы она забыла обо всем, что между нами было. Но она влепила мне несколько пощечин и говорит: «Больше к нам не ходи, иначе я все расскажу маме и Насте!» Да и Маше я не мог ответить взаимностью и счел за лучшее порвать все с семьей Клюйковых, тем более все там напоминало о Насте, да и сама она часто приходила.

Ну а тут к нам на практику прислали трех девчат, выпускниц Егорьевского медтехникума. Поселили их в нашем корпусе, в одном из врачебных кабинетов поставили им кровати. И мы, три друга: я, Коля Обыденнов и Вася Хоменко, подружились с ними. Я подружился с самой молоденькой и скромной девушкой Надей. Разбредемся мы по углам и кабинетам и милуемся. У Коли с Васей дела сразу пошли на лад, а я Надю считал настолько целомудренной, что, кроме поцелуев, даже до груди не касался. Вскоре Коля говорит мне: «А ты чего Надю не трогаешь? Ты ее за монашку принимаешь?» Значит, Надя всем делится с подругами. Тогда я попробовал действовать нахальнее, но она расплакалась. И опять наставления Нины Горьковой не пошли мне впрок: я извинился и впредь вел себя по-джентльменски. Мы договорились пожениться вскоре. Ну а тут они уехали домой. Вскоре мы получили общее письмо от них, а через два дня я от Нади получил короткое письмо, где она приглашала нас троих в гости на 27-е апреля. Мы с ребятами купили три бутылки водки, вооружились ножами от возможного нападения местных ребят и приехали в Егорь-

евск. Две девушки жили в городе, а Надя — в деревушке рядом. Девчата повели нас к ней. Но нас там не ждали, даже Надю еле отпустили. Ну мы и пошли обратно в город, к Колиной девушке, у которой родители уехали в деревню. Посмотрели, а недалеко сзади нас сопровождают четверо парней с кольями. Мы незаметно от девчат показали им наши тесаки, и они, видя превосходство нашего оружия, отстали от нас. Дома вынули водку, а на закуску даже хлеба не было. Карточки. Вот и пришлось нам довольствоваться тремя луковицами. Ну конечно же я сразу свалился. Все полезли на чердак дома (это был собственный дом), где было много сена. Я сразу же отключился. Очнулся от сильной головной боли, и Надя всю ночь массировала мне голову, в то время когда Коля и Вася со своими подругами шуршали сеном, занимаясь любовью. Расстались с условием, что девчата приедут к нам 4 мая. Ну мы решили не ударить лицом в грязь перед ними! На все семейные карточки купили водки, отличной закуски. Девчата приехали, но... без Нади. Сказали, что она заболела. Но мне-то была понятна настоящая причина. Моему злу на мое джентльменство не было предела! Доделикатничался! А теперь немного вернусь назад. Среди дежурных электромонтеров была сестра нашего бригадира, Вера Борисоглебская. На лицо неказистая, потому в свои 25 лет она не была замужем, но к мужчинам была далеко не равнодушна. Я не раз запирал ее с монтером Катышевым в трансформаторной будке, чтобы через полчаса открыть. Один раз забыл про них, и они там в духоте пробыли больше двух часов. Относился я к ней с брезгливостью и иронией. Я должен был 4 мая сменить ее в 10 вечера, но я попросил ее подежурить за меня, а я потом отдежурю за нее. Объяснил ей и причину. Так вот когда я в крайнем смятении души сел за стол, то выпил с горя полтора стакана и нисколько не захмелел. За столом я уж оказался лишним и подумал: а чего я зря теряю время? Пойду сменю Веру, чтобы не дежурить потом за нее. Пришел я, а Вера спрашивает: «Что, поссорились или не приехала?» — «А тебе какое дело?» — ответил я зло. Тогда она спросила: «А ты имел с ней дело?» — «Нет», — откровенно признался я. «Ну а вообще-то ты пробовал?» — «Нет». — «Теперь понятно: ты еще не умеешь! Давай я тебя научу!» — «Но как, если ты не нравишься мне?» — Это не беда, и все получится». — «Ну попробуй», — согласился я. Тогда она разделась и посадила меня рядом с собой на рабочий стол в конторке. Естественно, я возбудился и... «расплескал не донеся»...

Я расстроился, что не могу, но она успокоила, что так бывает очень у многих по первому разу. Ну а немного погодя все получилось, и мы до утра наслаждались. Понятно, что с тех пор мы начали тайком встречаться. Даже отставленный Катышев не подозревал. Сначала мы с трудом искали уединения, а когда потеплело, стали встречаться в лесу, между Подушкином и Алтуфьево. Вера была очень темпераментная, а я уже стал задумываться над ее прошлым поведением, и оттого наша «любовь» была затяжной, чуть не по часу. А ей это даже лучше. Но ей я ничего не говорил и даже виду не показывал. Ну а в конце августа у нее стал заметен живот, так как она была малого роста и аккуратного телосложения. Да и ребята догадались и стали подтрунивать надо мной и над ней. Она предложила расписаться, но я сказал: «Но я не люблю тебя!» Она расплакалась и говорит: «Значит, я буду безотцовщину одна растить?» — «Нет, я не допущу этого! Но подождем еще немного». — «Ты что, думаешь, рассосется все?» — «Не думаю. Но когда родится ребенок — тогда и распишусь». Конечно же она рассказала брату, а тот решил припугнуть меня и подстроил дело с прибором. И вышло так, что на меня дело передали в суд. Тут уж нависла явная угроза рожать Вере в девках. Тогда ее брат Сергей

пришел ко мне домой и стал меня уговаривать расписаться с ней: «Вдруг тебя посадят и тебе некому будет помочь. А мы и матери твоей поможем». Потом он пригласил меня к себе, был уже шикарно, по карточным временам, накрыт стол. Там они меня уговорили, и 21 января я с Верой расписался. Ну а «свадьбу» нашу отметили просто бутылкой с убогой закуской. Не то что родных — даже мать мою не пригласили. Так что «свадьба» скорее похожа была на похороны. Перешел я к ним и тут же почувствовал к себе нескрываемую враждебность тещи и Вериной сестры Тони. А вот старшая сестра, Катя, и ко мне относилась хорошо, и мать мою устроила уборщицей в школе, где я им даже каморку отгородил в учительской. Еще Катя дала матери полмешка отрубей, из которых мать пекла лепешки. Я уже не работал. От враждебных взглядов теща и Тоня перешли к упрекам. Но когда Катя была дома, все боялись даже косо посмотреть на меня. И только 29 января вызвали в суд, но суд не состоялся. Мы с Верой зашли к моей матери, она стала угощать нас постным супом, а у тещи мясо, молоко в глотку не лезло. Я уже писал, как начал было работать на кожзаводе. Короче говоря, как из запасного полка люди уже охотно идут на фронт, так и я из тещиного ада ждал избавления в тюрьме. Вера провожала меня в тюрьму, как на курорт: была в хорошем настроении, шутила, смеялась. Первый раз Вера навестила меня 18 апреля, вместе с сестрой моей, но свиданку не дали, а через забор орать мне нельзя. А 23-го пришла мать и сказала, что ее у Веры даже на порог не пускают. Я написал письмо Вере с упреком, что она ни одной передачи не принесла от своего богатства, а мать нищая, а скудные передачи носит. В ответе Вера обвиняла во всем мою мать. Ну а 11 мая мать мне сообщила, что 10-го Вера родила сына. 15-го я снова получил от Веры почти скандальное письмо с обидой на мою мать. Тогда я попросил Веру прийти на свиданку и обо всем поговорить. Она пришла 27-го, но свиданку опять не дали. Через забор она крикнула, что сына назвали Володей. А потом она просто не захотела прийти. Я написал ей письмо с обидой, ну а она вообще бранью ответила. Так до самого освобождения я больше не получил от нее ни слова. Ну а как освободился, меня позвала к себе директор Подушкинской школы Матрена Тимофеевна, у которой жила моя двоюродная сестра Зоя. Я думал: что-то помочь по дому, захожу, а у нее Вера сидит. И нас оставили вдвоем выяснять отношения. Я пока не знал, как Вере отомстить за вероломство, но жажда мести переполняла меня. Долго у нас не клеился разговор. Первым моим вопросом было: от чего умер ребенок? Она ответила, что он не брал грудь. Но я не только от матери своей слышал, что при вскрытии у ребенка обнаружили все равно как сожженный желудок. Потом я спросил, почему не ходила ко мне, ведь я в Москве сидел. Она нелепо оправдывалась, обвиняя мою мать, а потом спросила о моих планах и намерениях. «А что ты предлагаешь?» — ответил я вопросом на вопрос. Тогда она предложила забыть обо всем плохом и приходить к ним жить. Но я сказал, что с ее родными жить не хочу. «Ну мои родные снимут нам комнату, дадут картошки, будут давать молока и других продуктов». Тут я и начал с ней игру: сказал, чтобы она потребовала у матери корову. Со скандалом мать ее согласилась. Тогда я потребовал полдома. С большим скандалом и на это все были согласны. Мы встречались в безлюдных местах, и Вера каждый раз пыталась спровоцировать меня на сближение, но я делал вид, будто желаю этого, а потом резким движением отталкивал ее со словами: «А если опять будет ребенок?» Но потом, когда она была согласна на все мои условия, я резко высказал ей свои обиды и сказал, что если раз, в смертельную для меня опасность, покинула меня, то как можно быть уверенным в ее верно-

сти. Таким образом я дал ей понять, что у нас не может быть ничего общего. Ну а тут я у Коли Обыденнова познакомился с подругой его сестры, Машей Борычевой. Не знаю, что хорошего я нашел в ней? Во-первых, Коля предупреждал, что она несерьезная, но она мне веселым нравом и нравилась. У нее муж осужден на 7 лет. Кроме того, и бил он ее с первых дней. Начали мы встречаться. Любви у меня к ней не было, но в том, что она не отличалась красотой, я видел резон: не изменит. Жить как супруги мы стали почти сразу, легкомысленно не думая, что могут быть дети.

Да это и не пугало меня: мы серьезно думали пожениться, как только возьмем развод. Мне с ней было хорошо. Умственно она была весьма на низком уровне: книг не читала, даже кино не любила. Жили они в комнатке Лианозовского барака, вдвоем со старшей сестрой-вековухой, имели козу. Ласковой ее тоже нельзя было назвать — ей даже мои ласки надоедали. Она была будто довольна мной, уверена во мне и в том, что мы будем мужем и женой. И все же мелкие неприятности и у нас были. Она без причины делалась резкой, а потом просила прощения и ласками старалась загладить свою вину. Ну а весной однажды, когда я утром уходил от нее на работу и она провожала меня до дороги, я обнял ее, но она резко оттолкнула меня, а когда я взял ее за руки и спросил, что с ней, она зло сказала: «Паразит!» Я даже опешил, а потом повернулся и ушел. Три дня я не приходил, но потом пришел, чтобы узнать причину ее поступка, а она бросилась ко мне со слезами и умоляла простить ее. Я попросил ее объяснить свой поступок. Она смутилась, покраснела и ничего толком не объяснила. Тогда у меня возникли подозрения. Ну а тут удивительный случай произошел: на заводе фруктовых вод моя сторожевая будка находилась метрах в 20-ти от двери разливочного цеха, куда даже нас, сторожей, не пускали. А там работали одни женщины. Так вот в обед девчата ко мне поболтать приходили. Мне ни одна из них не приглянулась, хоть было немало симпатичнее Маши и моложе. Особенно одна была настойчивая: хоть и молодая, а никому не позволяла приносить мне лимонад, а сама ловко проносила мимо вахтера сразу по 4 бутылки сиропа для меня. Добрая и услужливая, всяко ухаживала за мной, приглашала не раз к себе в Крюково, но я был тупой как пень. Так вот раз она приносит мне одну бутылку сиропа запечатанную (домой) и четвертинку, заткнутую бумажкой, чтобы съесть тут с хлебом. И почти насильно дала свой адрес, сказав, что родителей дома не будет и мы там в лесочке погуляем. Я не сказал ни да ни нет. Пришел домой и с полночи не могу заснуть: все об этой девушке думаю. Утром решил к ней ехать. Был выходной. Солнце. А тут моя сестра собралась в кино в Москву. Пока мы ехали до Москвы, за полчаса все небо покрылось черными тучами, а от Савеловского до кинотеатра (метров 250) добежали все вымокшие. Я решил переждать дождь в кино. Было две серии. Вышли, а дождь все льет. Что в дождь делать в лесу? И решил вернуться домой. Приехали, а небо очистилось. Но уже не к чему ехать, и я пошел к Маше. Она сразу заметила мое состояние, так как все мои мысли были о той девушке. Маша вынудила меня рассказать обо всем и говорит: «Это тебя приворожили. Я тебе помогу!» Но я засмеялся над этим, а она пошла, подоила козу, взяла кружку молока и куда-то отлучалась минут на 20, потом дала выпить мне это молоко. Буквально через полчаса я и забыл думать о той девушке. Поверив в нечистую силу, я сказал: «Если и ты так же сделаешь со мной — убью!» Ну а потом она еще более охладела ко мне: рано провожала домой, была порой даже груба. И тут я встречаю знакомого парня, он остановил меня и спрашивает: «Ты с Машкой дружишь?» — «Да». — «Ну а я с ней любовь делаю. Не веришь? Иди сегодня от нее не домой, а

спрячься вон за тот кустик и жди». Так я тут и сделал. Ну и... убедился. Пришел днем к ней, еле сдерживая ярость, но стараюсь не выдать себя сразу. Начал с незначительных намеков, но даже когда прямо сказал, что подозреваю о ее неверности, она все отрицала и вся в слезах клялась в верности мне. От такой наглости я очумел! Но о том, что был свидетелем их акта, так вообще и не сказал: гадко даже самому. И только когда я назвал имя Женьки Парамонова, она сказала, что, кроме поцелуев, у них ничего не было. Я в отношении женщин не столько ревнив, сколько брезглив. За прошлое, что было до меня, я ни с кого не взыскивал, но брезговал до старости, чтобы иметь двух женщин одновременно. Я сразу бы бросил ее, но хотел хоть как-то заставить страдать и ее. По-прежнему я приду к ней, вежливо разговариваю, мол, меня тронули ее слезы и мольбы и я верю и прощаю ее. Но как только она приблизит свои губы для поцелуя, я отстраняю ее со словами: «Не могу! Как вспомню, что эти губы вместе со мной целовал и Женька, тошнит!» Она в слезы. А я злорадствую. Но она была настолько тупа, что верила в мои «обещания» жениться на ней. О близости не могло быть и речи. Ну а тут в конце июля я вместе с Надей и Зоей поехал в деревню. С работы меня, из-за отсутствия прописки, попросили. Летом я поменял проводку в школе и заработал кучу денег. Дома я шутя сказал: «Может, привезу жену из деревни». Хотя знал, что это для меня невозможно: нигде не прописан, не работаю, не разведен с женой. Приехали в Полотебную к крестной. С Володей и Толей пошли на вечерку. Там меня Зоя познакомила с бывшей в разводе женой моего друга Саши, считавшейся первой красавицей в округе. До рассвета гуляли, а наутро посмотрел, но она совсем не в моем вкусе. Больше уж я с ней не пошел. А тут наехали еще отпускники: Коля Лобанов, двоюродный брат Зои, Рая Есакова и наш общий двоюродный брат Витя. Ну а у Лобана был в деревне старый противник Клюй. Ясно, что разборки не миновать. Ножи там были не в моде, но гирьки и велоцепи взяли. Пришли уже затемно. А мне очень хотелось посмотреть, какими стали подруги моей сестры — Рая и Шура. Я подошел к Рае, но за 12 лет у нее и голос изменился. Тут возник шум: Клюй приставал к Зое, а Лобан заступился. Я подбежал, когда Клюй обхватил Лобана. Тогда я заломил руки Клюю, но Лобан, вместо того чтобы уйти, снял с себя флотский ремень и стал пряжкой лупить Клюя. Когда же он ударил его по лицу, я заорал: «Разве можно так?!» И я отпустил руки Клюя. Коля бежать, Клюй за ним, а я снова нашел Раю. Слышу, Клюй орет дружкам: «С ним еще один был, руки мне скрутил. Ищите его!» Тогда я говорю Рае с Шурой: «Пошли отсюда погуляем». А Рая: «Погоди, сейчас драка будет! (она очень любила драки смотреть)» — «А знаешь, кого бить будут? Меня!» Ну мы и пошли втроем. А у меня мозги враскоряку: кто из двух лучше? С кем остаться? Ну а тут сам случай помог: дом Раи был дальше, и, распрощавшись с Шурой, я пошел проводить Раю. Но мы продолжали гулять. Я рассказал ей всю мою жизнь. Да в деревне и так про меня было все известно. Но одно я утаил: что расписан. Ну а когда я в рассветной зорьке увидел ее, мне стало ясно, что после Розмари красивее я никого не видел. Само собой разумеется: влюбился по уши!!! Проводил я Раю до дома, и договорились встретиться днем. Спали мы с Лобаном и Володей на потолке (чердаке). Я не сомкнул глаз ни на минутку в ожидании встречи с Раей. Как только наступило назначенное время, мы с Лобаном пошли к Юниным часов в десять. Рая еще спала в риге со своей тетей Шурой. Разбудили ее и сели на скамеечке в саду под анисовкой. Увидев Раю при свете дня, я почувствовал сильное волнение: каким-то милым очарованием веяло от ее изящной фигурки, а по-детски миниатюрное личико было настолько при-

влекательно своей наивностью, что сводило с ума! Она тряхнула анисовку и угостила нас яблоками, но у меня буквально язык присох к горлу, и разговор поддерживал Коля. Тут Раю позвали кушать, и мы договорились встретиться вечером. Я не помню, как я дождался встречи: день длился целую вечность перед желанной встречей. Встретив ее на вечерке, я уже не отходил от нее ни на шаг. Не дожидаясь конца вечерки, мы ушли гулять по лугу. Рая рассказала о себе. Я спросил ее, дружит ли она с кем. Узнав, что она не занята, я предложил ей свою дружбу. Она согласилась. На этот раз мы расстались еще задолго до рассвета, но и вторую ночь я не уснул, хотя днем спать не умею. Еле дождался утра, чтобы пойти к Рае. Я пришел в такую рань, что даже ее тетя Шура еще спала в риге, вместе с Раей. В этот день я два раза приходил к ней, но уже без Коли. С этих пор мы на вечерке были буквально минуты, а всю ночь гуляли на лужайке, возле ее дома, или сидели на бугорке старого моста. Рая понравилась мне своей рассудительностью, сочувствием и добротой. В эту ночь я признался ей в любви и первый раз ее поцеловал. Но я очень боялся ее потерять и потому сразу же предложил ей выйти за меня замуж. Она согласилась. Но мне надо было соврать. Ведь я не мог с ней расписаться, хотя паспорт, полученный после освобождения из тюрьмы, был у меня чистый. По крайней мере, мне надо было овладеть ею. Но она уверяла, что непорочная, и, несмотря на горячие поцелуи и ласки, мне это не удалось, а быть настырным я не мог. Тогда я предложил ей расписаться в Марчуковском сельсовете. Она сказала, что не взяла с собой паспорт. Вот тогда-то я смело посватался. Мать и тетя Шура были не против, но все дело упиралось в Раин паспорт. Я должен был спешить: если бы мы отложили все до Москвы, Рае не быть бы моей, потому я предложил тут сыграть свадьбу, а распишемся, приехав в Москву. Так и решили. Но тут ее другая тетя сказала, что попробует расписать нас без паспорта Раи. У меня сердце так и захолонуло, но я держался бодро. На мое счастье, без одного паспорта нас не расписали. У меня на водку было 450 рублей (45), но и водка стоила дешево, так что хватило вполне. Я (впервые в жизни) зарезал барана у матери Раи, и свадьба вышла просто шикарная! Все было бы отлично, но меня озадачило то, что наш общий двоюродный брат Витя Есаков за веселым столом вдруг истерически разрыдался. Я спросил его о причине его слез. Но он чуть не кинулся на меня драться. Ну я и оставил его в покое. Он, ровесник Раи, рос с ней вместе до одиннадцати лет, а потом его взяла в соседнюю деревню тетя по отцу. Да и в Москву они уехали вместе. Так вот я, непьющий, на собственной свадьбе напился так, что из брачной ночи ничего не помню, кроме того, что теща почему-то у противоположной стороны сарая постелила, кроме нас, восьмилетней сестре Раи Вале, что мне не понравилось. А утром Рая сильно плакала. Я подумал, оттого, что я много выпил, но она так и не объяснила причину своих слез. Побыли мы с Раей в деревне с полмесяца, и я повез ее к себе «домой». Матери с Надей, которая уехала раньше меня, наказал хоть занять денег, но встретить нас получше. Пристанище наше было в бабушкиной хибаре. Приехали мы, а мать даже бутылку вина не купила, не говоря уже о еде, сославшись на то, что нет денег. Мать так сухо встретила Раю, что у нее сразу настроение упало. Надя тоже не была с ней дружелюбна. Рая ночью сильно плакала. Ну а на второе утро поехала в Кунцево, на свою работу. Работала она в две смены. Утром выезжала с первым поездом, а возвращалась поздно вечером. С ночной смены ночевала у свекрови своей тети Кати. Я там одну ночь ночевал. Вскоре Рая взяла расчет: у богатыря не хватит сил по 6 — 7 часов проводить в дороге. Ну и оказались мы оба безработными и без крыши над головой. Опять Матрена Тимофеевна Смирнова по-

могла нам: пустила к себе в дом жить, а меня взяла делопроизводителем в школу, директором которой она была. О росписи я молчу, и Рая не напоминает. Один раз она случайно услышала в разговоре моем с Матреной Тимофеевной всего одно слово «развод» и все поняла. Когда я ей вскоре признался, что расписан, она приняла это спокойно и сказала, что уже знает. Но эти подробности в перепечатке сохранившихся дневниковых записей. Так вот говорят, что об умерших не говорят плохо или совсем ничего не говорят. Но у меня это уже при жизни Раи записано. Никогда бы у меня не возникли сомнения в отношении жены, если бы она сама не давала повода для подозрений. Ну чем можно объяснить то, что, когда мы гуляли по лугу в деревне, она целовала меня так, что губы болели, но буквально после первой брачной ночи уже никогда она не целовала меня не только так, но и вообще даже мои поцелуи были ей в тягость. Я не раз спрашивал о причине такой перемены в ней, но она отвечала, что вообще не любит целоваться. Я спрашивал: «А почему ты на лугу так крепко целовала меня?» — «Чтобы увлечь тебя». — «Но ведь я не ахти какая находка: инвалид, сидел в тюрьме, был уже женат, не работаю, не прописан нигде». — «Но и лучше тебя я не встречала». Ну а потом вдруг в постели на нее нападет приступ нежности, а утром встает совершенно не похожей, не только холодна, но даже груба. И снова на мои вопросы не дает никакого ответа. На людях она ко мне совсем другая, и все думают, что мы живем и воркуем, как голубки, хотя ночью я сам чуть не до бешенства дохожу и ее до слез довожу, ну а потом прошу прощения. Как ни странно, она мало того, что с радостью все прощает, но делается несравнимо ласковее, чем до ссоры, во время которой я наговорю ей немало обидных слов. В первое время я думал, что подобные сцены сделают ее хоть немного поласковее, но все оставалось по-прежнему. Мало того: чтобы она в постели стала приятнее, я искусственно разыгрывал сцену ссоры — и результат был хороший. Я даже раза два говорил: «У тебя что, мазохизм? Почему ты бываешь лучше даже после невзаправдашних ссор?» И опять никакого ответа. Пробовал с ней спокойно говорить о любви: «Ты до меня кого-нибудь любила?» — «Нет». — «Ну а как ты представляешь себе любовь?» — «Это привычка человека к человеку». — «Но ведь к родителям, сестрам ты еще больше привыкла!» На это она ничего не находила ответить. Я мог бы подозревать ее в неверности, но она не давала для этого повода. Но и логически объяснить ее поведение я не мог. Со всеми она была ровна. Но странностей в ее поведении было немало. Даже сильно пополневшая, она была довольно привлекательна, ну а когда ей было немного за 30, мы были на турслете, в лесу. Она там за повара была. А был там баянист Виктор Артамонов. Так вот ночью я проснулся — Раи в палатке со мной нет. Я вышел на улицу, а они выходят с ним из-за ближних кустов. Я спросил, что там делали, а Рая сказала, что там они светлячка смотрели. Хотя сезон их прошел, я поверил, ну а потом, в Доме пионеров, очень часто я находил их любезно беседующими в каком-либо пустом классе. Но это все пустяки, если бы я один раз не стал искать Раю по какой-то надобности. Обегал все три этажа, но ее не было, хотя, не предупредив меня, она никуда отойти не могла. Виктор тоже работал, но у него как раз был перерывчик между группами учеников. Его тоже не оказалось на месте. Я не догадался постеречь у запертой двери туалета на третьем этаже, откуда лесенка вела на чердак, а пошел к себе в мастерскую. Ну а минут через 10 заявилась Рая. Я спросил ее: «Где ты была только что?» — «Полы мыла в музыкальном классе». — «Но я там тебя не нашел, да и полы ты все давно помыла». — «Ну, может, еще в какой класс зашла». — «Я кричал тебе громко на этажах». Она ничего вразумитель-

ного ответить не могла, а применила свой верный способ: ругань и слезы. Но я не поверил и стал подозревать. Тем более что и Виктор на месте был как ни в чем не бывало. Но на месте поймать мне ее так и не удалось никогда. Так вот и прожили почти 42 года, о любви ни слова даже в воспоминаниях, общие интересы только с бутылкой. В хозяйственные вопросы я не вникал. Смирился со своей участью: ведь в остальном я не был обижен, хотя порой так хотелось любви! Даже в старости. Но, несмотря ни на что, я ни разу не изменил ей, хотя возможностей для этого было более чем достаточно. В школе многие молоденькие учительницы не прочь были пофлиртовать со мной. Одна Зоя Заседателева чего стоит. А потом я в банке для сельсовета производил все операции, и нашу группу обслуживала девушка Сима. Многие считали ее придирчивой и уходили часто ни с чем, а у меня ни разу сбоя или осечки не было. Один раз мне бухгалтер одной из школ говорит: «Тобой Сима интересовалась, мол, симпатичный мальчик», а я отвечаю: «Да у этого "мальчика" уже двое детей!» А потом стал ездить в санатории. С одной симпатичной женщиной были неразлучны почти неделю. Она недоумевала, почему я не ищу с ней уединения. Наконец, потеряв терпение, сама привела меня в укромное место и напрямик спросила, все ли у меня в порядке с мужским достоинством? Когда я рассмешил ее своей верностью жене, мы остались добрыми друзьями, а утешение она нашла с главврачом этого санатория.

В другой раз, в Ходжаобигарме я почти всю смену был телохранителем у двух молодых русских женщин. Им буквально прохода не давали не только отдыхающие таджики, но и главврач, с которым я успел сразу подружиться. А в то время там отдыхала пятидесятилетняя москвичка, Идея Петровна, вдова богатырского телосложения. Что она нашла во мне? Я ростом был с нее, а весом уступал вдвое, хотя имел небольшое брюшко. У меня она чувств не возбуждала вовсе, хотя женщина была со многими достоинствами: образованна, добра, имела огромные связи. Друга лучше и не надо. Она так явно выказывала мне свою симпатию, что несколько раз предлагала остаться ночевать в ее комнате, где она проживала одна (по блату). Это после неоднократных выпивок с ее подругами из Таджикского курортного управления. Но я был «непробиваемый», хотя принял ее приглашение, был у нее в Москве на именинах. Пришли три подруги: учительница школы, преподаватель вуза и директорша большого концерна. И опять у нее ничего со мной не вышло. Забегая вперед, замечу: когда я овдовел, то подумал о ней, но телефон пропал, а как до нее доехать — я не помню, хоть убей. Так и не нашел ее.

В последний раз в Сочи, в мае 1991 года, познакомился с пятидесятипятилетней москвичкой Ниной, вдовой. У нее на одном глазу глаукомное бельмо, а вообще она была очень привлекательна. Как и в предыдущие пребывания на курорте, никакой близости, кроме дружбы, у нас не было — я оставался целомудренным. Расставаясь, я Нине дал свой телефон, сказав ей, что если она сочтет нужным и позвонит мне, то тогда и я возьму ее телефон. Она позвонила, я записал ее телефон, но сглуху перепутал цифры и когда после смерти Раи стал звонить ей, то попадал не туда. Примерно в 1970-м году я познакомился с Николаем Васильевичем Васильевым.У него незамужняя дочка с тридцатилетним сыном, моя ровесница. Веселая, добрая, остроумная. Отношения у нас были самые добрые, но плотских чувств она во мне не возбуждала, как и Идея Петровна. Но после смерти Раи я подумал о варианте сойтись с ней. Я был вполне уверен, что она примет меня, но, сколько я ни намекал, готовности выйти замуж за меня она не выразила, хотя явно наш союз был бы удачным.

Вскоре после смерти Раи, когда я почувствовал, что мешаю своим детям, я вспомнил про Тасю Прохорову, овдовевшую несколько лет тому назад. Поехал к ней с просьбой подыскать мне какую-нибудь старушку, втайне надеясь сойтись с ней. Но она откровенно сказала: если бы не отдала свою квартиру внуку, то с радостью сошлась бы со мной. А теперь куда меня? Сама живет у сына с большой семьей.

Отношения с моей дочерью Надей стали просто невыносимыми, и я решил пойти в интернат. В это время мне звонит дочка моего лучшего друга, Леши Паукова, и сообщает, что он умер. На похоронах я увидел его жену Таню. В молодости она была очень симпатичная и нравилась мне. Ясно, что и в старости очарование осталось. Так вот на поминках 9-го дня мы уже договорились пожениться. Быстро все получилось: прошло 40 дней, и мы с ней расписались. Все мне нравилось в ней во много раз больше, чем в Рае. Души в ней не чаял и был на седьмом небе от счастья! Еще до росписи договорились поддерживать друг друга и жить только друг для друга. Но опять мне, как и вообще всегда, не повезло. Из двух дочерей старшая страшно ревновала, что Таня будто предала память об отце, а младшая — точная копия моей избалованной Любы: работать не хочет, а жить за счет родителей, как пионер, всегда готова! Абсолютно такой же и двадцатитрехлетний сын ее, Вова. У Тани инстинктивная материнская любовь настолько сильна, что она ни за что не желает видеть, что дочка с внуком не только ни капли не любят ее, доказав это во время лежания ее в больнице, но и нагло загоняют ее в могилу.

26.2.97. Хочу закончить тему «Любовь» раздумьем старости.

Обычно выражаются так о любви: «Начитался романов!» К своим семнадцати годам я прочитал много книг, но это были: путешествия, приключения, фантастика, книги о природе, животных. Там было и про любовь, но я совершенно не обращал на это внимания. Понятие «любовь» пришло уже само собой, и настолько правильное, будто я начитался рыцарских романов. Я всерьез суеверно задумывался: а может, я в какой-то моей прошлой жизни жил именно во времена рыцарства? Почему же я такой несовременный? Ведь прекрасно понимаю, что такое мое поведение, поступки, образ мыслей настолько мешают в моей жизни, что приносят мне одни огорчения и несчастия. Но уже по-другому поступать не могу, как бы я этого сам ни желал своим рассудком. Всю свою жизнь искал возвышенной, неземной любви, а на деле видел одну скотскую похотливую страсть, животные инстинкты. Да часто в животном мире наблюдаются более возвышенные чувства, чем у разумного человека, над которым инстинкты все сильнее берут власть. Конечно, правы лирики, что любовь — это дар Божий. Но чего же Бог такой жадный? В книгах много пишется о божественной любви! А на деле где она? Чуть не шестьдесят сознательных лет я наблюдаю и анализирую дела, поступки окружающих, а любви так и не нашел. Просто есть пары, спокойно прожившие долгую совместную жизнь, привыкшие друг к другу, как человек привыкает и любит близкое животное. Но не более того. Любовь и измена — несовместимы. И время над любовью не властно: полюбил, потом разлюбил. Да ведь это же самый натуральный животный инстинкт! Наступила пора спаривания для продолжения рода — пришла любовь. Потом на смену пришли другие чувства, родительские, исключив начисто «любовь» до следующего спаривания. Человек даже определение для любви придумал скотское: «заниматься любовью», «делать любовь» и так далее.

Я всегда ценил и восторгался красотой и совершенством женского тела, но внешняя привлекательность никогда не играла роли в моей любви. А зря!

Внешность именно никогда не может быть обманчивой. Просто она блекнет с возрастом. А вот в душе человека ошибаемся постоянно. Думаешь о человеке одно, а на самом деле он часто оказывается прямой противоположностью представлениям о нем. Видимо, для того и дан ум человеку, чтобы скрывать свою сущность.

Заключительные раздумья о любви. Есть такое выражение: «Не везет в картах — повезет в любви». Я не картежник, а в «подкидного дурачка» я в большинстве проигрывал. Но и в любви мне так до сих пор и не везет. А кажется-то, я самой природой создан для чистой, нежной, возвышенной любви. Но к себе со стороны девушки или женщины я подобного чувства никогда не испытал. Есть еще одна поговорка: «Чистая любовь начинается идеалом, а кончается под одеялом». А ко мне девичья любовь кончалась вначале много раз именно тем, что она, к сожалению и досаде девушки, не была со мной под одеялом. А уж когда я стал мужчиной — по поговорке.

А у меня уже в школьном возрасте утвердилось мнение, а после чтения книги и просмотра фильма «Аленький цветочек», окрепло: если бы меня искренне и нежно полюбила бы дурнушка, уродка, я бы ответил на ее любовь таким же чувством. Но чуда не произошло. При каждой встрече с понравившейся девушкой я искренне верил, что у нас взаимная любовь. Но проходило совсем немного времени, и я убеждался, что все это было моим заблуждением. И так вся жизнь — без взаимности...

ВОЙНА

Дневниковые записи

Списано дословно с карманного трофейного альбома. Переписал с уцелевших листков, как бы дневниковых записей, с уверенностью, что после подробности вспомню. Где большие пробелы — эти записи утеряны. А у меня оказались провалы в памяти, по контузии, настолько значительные, что я и по этим записям не могу точно восстановить события. Многое утрачено безвозвратно. (В скобках — последние приписки.)

1941 Год. Ноябрь
5. Встал на учет в райвоенкомате. (Со стороны Лобни слышны пушки.)
9. Комиссия в тубинституте. Рентген. (В легких слышны хрипы. Обследуют.)
17. Повестка. Болезнь грипп. (В нашей больнице предлагают отсрочку.)

Декабрь
1. Вышел из дома на Орехово-Зуево. (В поезд еле втиснулись. Бегут. Куда?)
2. Перес. пункт г. Владимир. (В монастыре холод, накурено, стоя — тесно.)
4. Перес. п. ст. Муром. Обокрали 2 раза. (Так крепко спал, что не чуял.)
19. Ст. Канаш. Дальше пешком. (Никому не понятно: зачем в тыл, пешком?)
27. Прибыл в г. Цивильск. Голод. Вши. (Неужто их может быть столько?!)

1942 г. Январь
1. Встретил плохо. В карантине. Голодно. (Но зато незабываемые макароны.)

4. Посадка в эшелон. 1-я ночь в холоде. (Топим щитами снегозадержания.)
9. Г. Подольск. 186 АЗСП. Приехал в лаптях. (Из вагонов не выпускают. Стыд.)
11. Распредел. по взводам. Частично одели. (Мне все невероятно велико!)
15. Наряд на кухню. Болезнь. Голод. (Ели мерзлый лук, оттаивая у тела.)
17. Направлен в госпиталь. Грипп. (А может, горелой каши со дна объелся.)
18. Почти поправился. Переведен в другой госпиталь. (А я и рад до смерти.)
23. Выздоровел. Карантин. Кормят хорошо. (Лучше довоенного времени!)

Февраль

2. Выписан в часть. 186 с. п. Хоз. взвод. (Маршевую роту только отправили.)
8. Направлен в г. Малоярославец. Пешком. (Смешной Пельцмахер с мешком.)
11. Прибыл в мин. взвод 186 с. п. (За малый рост поставили 6-м номером.)
13. Приступили к занятиям. (Освоил миномет отлично, а сам не стрелял.)
18. Направлен на фронт. (Ночевал под столом, а потом в сарае у костра.)
19. Утром заняли позицию. (На опушке березняка, 500 м от передовой.)
21. Первое боевое крещение. (Соседний расчет своей миной подорвался.)
27. Питание ухудшается. Метели. (Боеприпасов нет. Сидим в обороне все.)

Март

5. Работаем на расчистке дорог. (Трупы своих солдат кладем на обочины.)
9. Снова в боях. Финны. (Если бы не загоревшаяся баня, они прошли тихо.)
11. После конины болел 2 дня. (Мечтал о госпитале — не тут-то было!..)

Апрель

1. Полк на формирование, а мы в 244-й стрел. п. (Я же там один «со стажем».)
3. Мин. взв. 50 мм минометов. р. Угра. (Промокли при форсировании насквозь.)
12. Большое наступление. Ранен в лев. бедро. (Чуть не истек кровью. Нашли.)
13. Медсанбат. Операция. (Уколы мало помогли — резали по-живому. Орал!)
15. ППГ г. Малоярославец. Не поднимаюсь. (А ведь кость не задета: легк. р.)
18. Прибыл в Москву. Написал домой телеграмму. (Хотел деньги передать.)
19. Выехал из Москвы во Владимир. (В товарном вагоне холод. Еле едем.)
20. Прибыл в г. Владимир. (Мать тоже не смогла туда приехать. Не пустили.)

Май

1. Во Владимире. Встретил неважно. (Скучно. Даже книг нет почитать.)
3. Эвакуирован в г. Горький. (Уж сюда-то мать мою явно не пропустят.)
5. Прибыл в г. Горький. Начал ходить с палочкой. (Все же повеселее!)
26. На пароходе. Нигде не принимают. (Ох и хорошо на нем! Не выходил бы!)

Июнь

1. Приняли в г. Саратов. По 2 чел. на койке. (Лежим «валетом», в коридоре.)
13. Почти закрывшаяся рана снова открылась. (Зато на койке лежу один.)
19. Здоровье все лучше. Питание хорошее. (В буфете продают конфеты.)

24. Прогулка за город. (Туда под руку с м. сестрой, оттуда ковыль один.)

Июль

6. Лида С. Часы. (Впервые столкнулся с женским коварством и обманом.)
13. Погрузили в эшелон. Направлен в ПСО. (Утомительнейшая поездка!)
23. Прибыли в г. Кемерово. Прием хороший. (Палата — целый школьн. класс.)
28. Погода стоит прекрасная. Кормят хорошо. (Хожу гулять в парк у Томи.)
30. Живу хорошо. Помогаю библиотекарю. (Бусей ее зовут. Душевная.)

Август? Сентябрь? Октябрь

1. Направляют на работу в совхоз. Еду охотно. (Облака родятся на земле!)
2. Прибыли в совхоз. Приступаем завтра к работе. (Едем в Березовку.)
3. Лена. Работаем так, что других отвлекаем. (Вечерка отменная! Частушки.)
4. Оля. Живу — лучше быть некуда! (Закономерный быстрый снегопад. Диво!)
11. Работаем снова в совхозе. (В клубе кино, веселье. Приезжала Оля.)
17. Нога разболелась. Не работаю. Нина Г. (Опять открылась рана вовсю.)
20. Уезжаю обратно в госпиталь. (Молодая врачиха пригласила к отцу.)
27. Рана намного лучше. (Помог ее отец, профессор в звании генерала.)

Ноябрь

7. Встретил хорошо. Было весело. (Шефы всего понавезли! А я не пью...)
20. Рана зажила. Жду комиссию. (И всему виной мои дурацкие убеждения.)
29. Комиссия. Годен в строй. (Морозы сильные, а переносятся легко.)

Декабрь

4. Выписан. Пересыльный пункт. (Там почти все — местные новобранцы.)
7. Из Кемеровского РВК в г. Новосибирск. (В вагоне даже печурки нет.)
8. Прибыл в г. Новосибирск. Голод. (Как трудно снова к нему привыкать.)
10. На эшелон. Маршевая рота. (И снова топим шпалами, деталями вагона.)
20. Прибыл на ст. Внуково, Мос. обл. (В бывших военных казармах хорошо!)
21. Зачислен в гв. возд.-десант. полк. (Комиссия, как на летчика учить.)
23. Переодели. Саперно-подрывной взвод. (Профессия электромонтера.)

1943 г. Январь

1. Встретил неважно. 13. Ходили подрывать деревья в лесу.
19. Увидел Поддымову Александру из Хмелевого. (Дураку хотела помочь.)

Февраль

8. Получен приказ выступать на фронт. 9. Погрузка в эшелон.
12. Разгрузка на ст. Осташково. 13. Маршем до передовой. Оттепель.
18. (!!!)Подошли к передовой. Кормят хорошо. На метр копнешь — вода.
21. На передовой пошел в разведку. 23. Форсировали реку Ловать.
25. Вступили в сплошные болота. 28. Бои под деревней Козловка.

Март

1. Все еще под Козловкой. Голод. 15. Бои все под Козловкой.
17. Обсыхаем после болот. 18. Опять под Козловку. В болото.

Апрель

8. Вышли из боев. Готовимся к смене. (Вместо отдыха — муштра всем.)
20. Все! Из лесов пришли на станцию. Я передаю имущество сменщикам.
22. У станции Поло догнал свою часть. Посадки нет. Все разрушено.
27. Пришли на ст. Крестцы. Одели во все новое. Немного дали отдыху.

Май

1. Посадка в эшелон. Праздник встретил плохо. (Даже тут голодно.)
9. Через Москву прибыли на станцию Усмань Воронежской области.
10. У деревни Девица в лесу строим землянки. Питание плохое.
19. Был в наряде на кухне. Заболел желтухой. (Любимых галушек не ел.)
20. Направлен в госпиталь г. Усмань. (Уход и питание превосходные!)

Июнь

22. Выписан в часть. 23. Направлен и прибыл в пересыльн. госп. г. Сомово.
25. Прибыл в г. Алексеевку на курсы № 65, санинструкторов. Будто на 3 мес.

Июль

15. Переведен на курсы № 66. (Помнятся приятные купания у плотины реки.)
17. Прибыл в г. Старый Оскол. Потом в дер. Воротниково. (Туда не пускали.)
27. Занятия продолжаются. Кормят плохо. (Мы с Топкаевым — отличники!)

Август

27. Выпущен со званием старший сержант. (Выпуск был досрочный. Спешили.)
29. Направились на станцию через Нов. Оскол. (Места садовые. Едим фрукты!)

Сентябрь

7. Армейский распред. пункт. 12. 372 СП, санинструктор. Вечером передовая.
13. Утром ранен под левую лопатку. (Уснул на солнышке, не окопавшись.)
16. Побыл в ПМП — и снова на передовую. 20. Идем по Украине почти без боя.
27. Форсировали Днепр под Каневом. (Всю неделю питались одной ежевикой.)

Октябрь

5. На другой участок Днепра. 12. Большой бой. Ранен в левую кисть.
15. Направлен в МСБ. Побыл 1 день. 18. ГПР г. Драбов. (К расстрелу.)
24. Батальон выздоравливающих, село Олимпиадовка. (Условия отличные.)
28. Комиссия. Три недели в батальоне выздоравливающих бил баклуши!

Ноябрь
27. В 217 АЗСП. Одели в зимнее. (Там все время ждем маршевой роты.)

Декабрь
4. Продвигаемся за фронтом. 10. Все время в марше. Снегу мало.
24. Остановились в с. Малоярославка. (Я попал к добрейшим старичкам!)

1944 г. Январь
1. Встретил неважно. 7. Санинструктор 3-й автоматной роты.
13. Старый Новый год встретил отлично.
18. Рождество встретил отлично.
26. Снова марш. Нина Филиппова. (Большая, но неудачная любовь...)

Февраль
3. Прибыли на место. Санинструктор 8-й роты. (Событий очень много!)
10. Маршевая рота. (Неделя длилась как год?!) (И счастье и горе.)
13. Направились маршем на фронт. 16. Г. Тараща. Распред. п. сапер.
18. (!!!) Прибыл в часть. 443 ОСБ. Фронт. 20. Первое боевое задание.
25. Вышли из боев на другой участок. 28. Бел. Церковь. Занятия. Арест.

Март
5. Погрузились в эшелон. Тащились по-черепашьи. 10. Прибыли на фронт.
11. На передовой. Романово село. 15. Идем с боями вперед.
27. Наступление прекратилось. (Все время проводим в минировании.)

Апрель
9. Отошли на 15 км. Подорвали мост. (Это было скорее на бегство похоже.)
15. Работаем по укреплению обороны. Минируем. (Мины у нас трофейные.)
20. Минируем передний край. (Но два раза наглые немцы сняли наши мины.)

Май
1. Встретил хорошо. 5. Присвоили звание старшина. (Тиликовскому — нет.)
12. Работаем по минированию.
17. Заболел малярией. Медсанбат.
27. Выписался. Пошел к начальнику медсанслужбы. (Надоело быть минером.)
28. Напр. в 1198 СП санинструктором. (Наступление прекратилось. Окопы.)

Июнь
1. Начальство мною довольно. 5. Объявлено соревнование на чистоту.
27. Результат конкурса: 1-е место. (Вшей в муравейниках уничтожали.)

Июль
10. Вышли из боев. На другой участок. 12. Пришли в лес. Занятия.
16. Марш на уничтожение окруженной группировки. (Старик фашист.)
18. Бой. Ранен гранатой в обе стопы и левое бедро. (На танке везли.)

20. Медсанбат, операция. 22. ППГ Тернополь. 23. Госпит. в Проскурове.

Август
1. Затемненное сознание. Воспаление. Черви. (Садилась муха на рану.)
16. Операция правой стопы. Гипс. 25. Погрузили в санитарный поезд.
30. Прибыли в г. Чистяково, э. г. 6029. (Хорошо кормят. Приезжают шефы.)

Сентябрь
14. Все еще не могу подниматься. 26. Шефы приходят часто. Нэлли Шутъ.

Октябрь
10. Пытаюсь ходить на костылях. Нельзя. 23. Первые шаги на костылях.
29. Пробую ходить с палочкой. (Тренируюсь, чтобы навестить Нэллю.)

Ноябрь
7. 11. Встретил прекрасно. 14. Переведен в эвакогоспиталь 4451.

Декабрь
17. Малярия снова. (Противнейшая болезнь! Начал ходить, а куда?)

1945 г. Январь
1. Встретил отлично. (Только вот у Нэлли в гостях открылась рана.)

Февраль
7. Комиссия. Годен в строй. 9. Выписан из госпиталя. (Хромаю.)
10. Прибыл в Сталино. 11. В 244 АЗСП г. Святогорск.
25. Назначили в марш. роту. (На занятиях строевой заметили хромоту.)

Март
1. От маршрута отставили. 5. Окружная комиссия. Отсрочка 3 мес.
13. Переведен в 3-ю роту. 15. Попал опять в маршевую роту.
20. Начали одевать, но меня отставили. 30. Одели (в марш. роту).

Апрель
2. Посадка в эшелон. 10. В 215 АЗСП. г. Штутгарт. (а Варшава?).
12. 29 Гв. К. К. о. С. с. п. 12 с. д. Штеттин. 13. Марш на другой участок.
15. Саперный взвод. Передовая. 18. Форсирование р. Одер. (Лодки.)

Май
3. Соединились с американцами. 4. Переведен в 1-ю стрелковую роту.
9. Конец войны. 14. Ной-Рюпин. 18. Комиссия. Нестроевик.
23. Переведен в хозвзвод. 25. Работаю в Окрсмерше, с пленными.

Июнь
2. Марш. Работаю на офицерской кухне. 5. На месте. Шольни.

Июль
13. Снова марш. Город Артерн. (Знакомство с Роз-Мари.)

Август
4. Хлеборез. Кража. 20. Работаю в Окрсмерше. 25. Снова хлеборезка.

Сентябрь
14. Еду на родину. 18. Дали по 3 коня. 21. г. Галле. 26. Польша.

Октябрь
3. Добавили по 2 коня. 11. Варшава. 13. Достали много меду.
14. Яйца, масло, хлеб. 16. Мед, куры и др. 26. Прибыли в Пружаны.

Ноябрь
2. Смолены. 7. Меду много — хлеба нет. 11. Сдали лошадей.
14. Перес. пункт г. Брест. 16. Комиссия. 28. Домой. 30. Москва.

Декабрь
1. Утром дома. 6. РВК. Встал на учет. 10. Сфотографировался. Юля.
12. Грипп. 18. Получил паспорт.

1946 г. Январь
1. В Водниках. Перепил вина. 12. На именинах у Маши Клюйковой.
13. Нов. год по-стар. провел отлично. 14. Поступил работать. 468-й з-д, зл. ц.

Февраль (?) Март
9. Вечер. Инцидент с Машей Клюйковой. 19. Приехал Ваня Обыденнов.
21. Встреча с Валей Котиковым. 22. Памятный вечер. Нонна.
28. Хотел как лучше, только свое сердце ранил. 30. Теплится надежда.

Апрель
6. Жизнью вполне доволен. Все идет хорошо. 15. Не был 3 вечера. Дурак.
17. Надя уехала, увезла полсердца. 24. Общее письмо нам троим.
25. Получил маленькое письмо от Нади.

Май
1-2. Работал. 4. Половое крещение. Неудачно немного. 13. Ночь 3 раза. Не брошу!
15. Со мной творится неладное. 20. С Верой дело лучше. Магнит тянет.

Июнь. Июль. Август
23. Вера сказала, что заряд не пропал даром.

Сентябрь. Октябрь
1. Стало заметно всем насчет Веры. 18. Насмешки от ребят, но я таюсь.

Всего был дней за всю войну:

В боях: 55+61+31+90+51+23=311
В госпиталях: 16+230+32+12+10+202=502
В тылах: 53+76+29+77+116+66+164=581

был в местах, сохранил названия:

г. Орехово-Зуево; г. Владимир; г. Муром; ст. Канаш, Урнар; г. Цивильск; г. Подольск; г. Малоярославец; река Угра; г. Малоярославец; г. Москва; г. Владимир; г. Горький; г. Саратов; г. Кемерово; совхоз (?); село Новая Березовка; г. Новосибирск; ст. Внуково, Мос. обл ; ст. Осташково; река Ловать; дер. Козловка; Л. о. ст. Поло; ст. Крестцы; ст. Усмань Воронежской обл.;

деревня Девица; г. Усмань; г. Сомово; г. Алексеевка; г. Старый Оскол; д. Воротниково; ст. Новый Оскол; р. Днепр под Каневом; г. Драбов; село Олимпиадовка; село Малоярославка; г. Тараща; г. Белая Церковь; село Романово; г. Тернополь; г. Проскуров; г. Чистяково; г. Сталино; г. Святогорск; Первомайск; г. Варшава; г. Штутгарт; Берлин; сел. Штеттин; р. Одер; р. Эльба; г. Галле; г. Ной-Рюпин; г. Артерн! г. Пружаны; г. Брест; г. Москва — Алтуфьево!!!

в каких частях был: Что помню.

9-1-42 -186 АЗСП. Учился на минометчика.
18-2-42 -186 СП. Минометчик 82 мм миномета.
1-4-42 -244 СП Минометчик 50 мм миномета.
21-12-42 -? Гвард. Воздушно-десантный полк. Сапер.
25-6-43 ? Курсы санинструкторов 65+66. Старший сержант.
12-9-43 -372 СП. Санинструктор пехотной роты.
27-11-43 -217 АЗСП. Санинструктор запасной роты.
18-2-44 -443 ОСБ. Сапер.
28-5-44 -1198 СП. Санинструктор.
11-2-45 -244 АЗСП
12-4-45 -29 Гв. К. К. о. С. СП 12 СД. Сапер.

НАЧАЛО

Получилось так, что я на войну чуть ли не добровольцем пошел. На войне, с одной стороны, все ее тяготы, кроме плена, испытал. А с другой стороны, как будто невидимый ангел-хранитель оберегал меня. Мать рассказывала, как она молила Николая Угодника, чтобы я остался жив, хотя верующей ее можно назвать с большой натяжкой. В начале 60-х годов я восстановил свои дневниковые записи и теперь беру их за основу.

5. 11. 41г. Немцы подходят к Москве, и я получил повестку. При беглом осмотре медкомиссия, обнаружив шумы в легких, отправила на дообследование в Москву. В тубдиспансере был рентген, и определили просто хронический бронхит. Хоть немцы уже у самой Москвы, ясно слышен грохот боя под Лобней, а на войну идти не хочется. Но я знал, что комсомольцев немцы вешают. Ну а тут я гриппом заболел. Температура. Наши врачи предлагали мне комиссовать по чистой. Заманчиво было. Но мать говорит: «Иди лучше на фронт, там, может, уцелеешь, а немцы тебя наверняка повесят». Так я и сделался «липовым» добровольцем.

30. 11. Иду в военкомат, а он уже в Долгопрудном. Поезда не ходят, и я километров двенадцать шел по шпалам. Еле отыскал единственного работника РВК, а он нам, с одним мужиком из Вёшек, посоветовал добраться до формировочного пункта в Орехово-Зуево. Пока мы добрались до дома, чтобы собрать вещички, стало темнеть, потому и решили отправиться утром. По первой повестке меня провожали до Лианозово мать и бабушка и всю дорогу голосили, как по покойнику. На этот раз я сказал: «Если опять будете голосить по мне, то, значит, меня убьют». К моему удивлению, они не плакали.

1. 12. Какое совпадение! Вышел из дома утром и утром же 1. 12, но 45 года вернулся домой. Итак, одел зимнее пальто своего дяди Саши, он его и одеть не успел — его взяли в первые дни войны. Мать сшила мне торбочку, положила туда смену белья, полотенце, шерстяные носки и ложку. От Бескудниково

ходили товарные. Пассажирским ехали до Орехово-Зуево, по головам в вагон лезли. Приехали, и нас тут же, не покормив, направили во Владимир. Снова давка в вагоне. Во Владимире помню живо старое кирпичное здание, в нетопленных комнатах битком стоят призывники, густой махорочный дым и почти уличный холод. Но и тут нас не кормят. И вот наступила моя первая солдатская ночь. С большим трудом нашел я себе местечко, чтобы скорчившись провести ночь в непривычной обстановке. В полузабытьи прокемарил до утра. Никуда нас не отправляют и не кормят. Пошли в город поискать еды. Стучим в дома, но нам или не открывают, или грубо отказывают, даже пару картошек не дают, хотя у каждого огород. А в ветхом домишке пожилая женщина, у которой воюет единственный сын, накормила нас картошкой с хлебом! Да еще и с собой дала.

4. 12. Еле вырвались и прибыли на сборный пункт в г. Муром. Какой-то амбар или баня и был этим «пунктом», но тут хоть нас баландой покормили. А во что ее наливать? Даже жестянка подходящая была у одного из 5 — 7 человек. По очереди, а поели. Ну а потом повар беспосудным наливал в банную шайку. У кого ложка деревянная — тот и в выигрыше! Но зато нашел себе место на третьем ярусе нар, под самым потолком. Положил под голову торбочку и уснул. Проснулся ночью — торбочки нет. Где искать? Глянул, а недалеко ребята в карты играют, рядом с ними — мой развязанный мешочек. Отобрал я торбу, но носки исчезли. А спать нестерпимо хочется. Завязал мешок, положил под голову и, обхватив его руками, уснул. Проснулся от неудобства: под головой лежит пустой мешок с резаной дырой. Искать вора бесполезно. Ну а утром стали организовывать команды по 8 — 10 человек. Дали на три дня продуктов, которыми и один раз не наешься, и отправили пешком по определенному маршруту на Цивильск в Чувашии. Старшой у нас был умный, и мы решили сэкономить: на станции с трудом нашли пустой телячий вагон, где на узлах сидела женщина. Поехали. Морозище страшный! В валенках ноги отмерзают. Мы наплясываем в вагоне, а баба сидит на узлах неподвижно. Мы даже не заметили, как она вышла. Вдруг чуем вонь: а она под себя навалила и тем грелась. Доехать мы смогли только до ст. Канаш.

19. 12. Дальше только пешком по Чувашии. Тем путем шло давно и много нашего брата. Чуваши и прочие татары по гостеприимству прямая противоположность хохлов. Вообще они скупы и расчетливы до предела, а тут буквальное нашествие русских мобилизованных. Правда, они из этого извлекали немалую выгоду, за бесценок выменивая одежду на хлеб. Дошли до большого села и стали проситься на ночлег. Никто не пускает. Пошли к председателю. Чуваш. Он пошел с нами. На иных дверях пудовые замки, хоть заметно, что в доме кто-то есть. В иных домах только дети, и без родителей нас не пускают. А в иных домах соберется столько родителей этих детей, что битком их там. Это они хитрят так, чтобы не пускать к себе, ведь тогда хоть одной картошкой, но покормить придется. Председатель-чуваш не нас же поддерживать будет. Прошли все село, а ночевать негде. Он посоветовал нам идти до следующего села, но до него больше пятнадцати километров. И пришлось нам ночевать, зарывшись в скирду соломы. Пригрелись, но не ели больше суток. На следующий вечер та же картина. Но тут председатель сельсовета был русский и посоветовал нам быть понахальнее: где сумеете войти в дом с детьми, там и ночуйте. Мы так и сделали. В добротном доме мы попросили попить. Открыл нам мальчик лет десяти, а с ним еще дети лет восьми и пяти. Мы вошли и обманываем, что нас председатель поставил сюда ночевать. Тогда старший побежал к родителям за советом. Пришел и сказал, что только кушать у самих ничего нет. Мы

успокоили его, что пойдем купим еды. Двое как будто вышли, а на самом деле через хлев проникли во двор и стали шарить в амбаре. Там и крупы разные, сало, масло, хлеб, даже мед. Ребята нагрузились всем, а потом демонстративно прошли мимо окна с песнями, чтобы ребятишек сбить с толку. Вывалили уйму деликатесов и сказали детям: «Только картошки немножко не хватает. Дайте нам с полведра, а мы вас тоже накормим». Ну они и позволили набрать в подполе. Наварили мы всего, сами чуть не лопнули от переедания, детей накормили до отвала, и они уснули. А мы набрали снова продуктов, в хлеву висела туша свиная, наварили с нее мяса, встали пораньше и с туго набитыми мешками отправились не прямо по маршруту, а пошли обходом справа, на случай, если хватившиеся хозяева пустятся вдогонку. Доброжелательно чуваши нас ни разу не встретили. А жили все в достатке. А уж хлебом и картошкой обеспечены с избытком. Ну а при обмене не прогадают: за новую одежду дадут так смехотворно мало, что все на них были злые и при возможности хоть по малости, но крали. Но они были тоже начеку, так что такого «улова» у нас уже не было. А перед самым Цивильском нам с другом повезло. Мы уже продали с себя все, что можно. Я был одет в пальто прямо на белье, а друг остался в телогрейке, но под ней меховая куртка. Куртка вообще стоила вдесятеро дороже телогрейки, но чуваши за телогрейку давали больше. Пальто мое мы с другом использовали как одеяло и потому решили продать телогрейку, а идти обнявшись под моим пальто, как делали уже многие. Заходим в богатый дом. Там жадный хозяин даже полную буханку не дал, а отрезал от нее с четверть. Взяли хлеб, вышли в сени, видим, в углу висит тулуп новый. Друг взял его в охапку; а я с хлебом возвращаюсь и говорю, что не согласен и требую телогрейку обратно. Торгуемся. А друг в это время перекинул тулуп через плетень хлева на улицу и вошел со словами: «Черт с ним, пусть подавится! Пошли». Мы вышли, хозяин нас проводил из дверей, а мы шасть за угол, подобрали тулуп и задами ушли. Догнав своих, оделись оба в один тулуп, а сзади еще шлейф волочится. Только проходя селеньями, тащили его в охапке, чтобы не вызвать подозрений.

27. 12. Пришли в Цивильск. Сборный пункт находится в древнем монастыре. Мрачные кельи с одним мизерным окном, и то загороженным трехэтажными нарами. Под потолком круглые сутки мерцает лампочка. Мы с другом нашли место на самом верху. Хоть печки и нет, но от человеческих тел такая духота и вонь — хоть колун вешай. Особенно наверху. Потому там и места были. Но зато там сидеть можно: потолок сводчатый и нары выше не сделаешь. Вшей мы нахватались еще в деревнях, ну а тут еще и тьма клопов в придачу. Удивительно, как скоро размножаются эти кровососущие твари! Если в пути было в движении еще терпимо, то тут они уснуть не дают. В этой духоте мы сидим на нарах в одних трусах — так меньше паразиты кусают. Но как только задремлешь, эти гады буквально усыпят тебя. Проведешь рукой по телу — щепотка вшей. Такого количества я больше никогда не видел. Ловить их было бесполезно — их стряхивать с себя не успеваешь. Представляю мучения нижних: им там не разогнуться, да еще верхние на них щепотками вшей кидают. Мы первым делом снесли на рынок мое пальто. Там в воротнике вшей было натыкано, как подсолнухов в решетке! Я еще шутил, чтобы за породистых вшей набавили цену. Нас не беспокоили, но и... не кормили. По тому, как меняются обитатели этой дыры, мы поняли, что и наша очередь близко. Потому поспешили продать тулуп, а валенки, как и все, заменить на лапти. За тулуп нам дали сала и масла. Пир был горой! Всего четыре дня пробыл я там, но проспал голым, сидя, не более двух часов в ночь. А внизу иные храпели!

Нигде, кроме, как там, не видел, чтобы вши ползали по стене. Взамен нашей одежды у чувашей уже была наготове несусветная рвань. Так что за четыре дня там уже и на людей никто не походил.

1. 1. 42. Нас перевели в карантин. Помыли в холодной бане, из тряпья выжарили вшей и поместили в какие-то летние застекленные веранды неизвестного назначения. Там стояли деревянные топчаны на каждого. Да на таких узких двое даже «валетом» не поместятся. Холод как на улице, а тряпье наше совсем не греет. Конечно же никаких постельных принадлежностей не было. Потом нас впервые покормили «праздничным» обедом прямо тут, на веранде: дали по миске постных кислых щей с ломтиком хлеба, но на второе (!!) дали по ложке отваренных макарон с каплей масла. Какими же вкусными они мне показались! Думается, съел бы их целый котел! До сих пор ощущаю божественный вкус этих макарон!!!

4. 1. Как ни мучились мы от холода, но никто не заболел. Посадили в эшелон. В теплушке есть железная печка, но дров или угля взять совершенно негде — все бдительно охраняется. Нар тоже нет. Всю ночь глаз не сомкнул от холода. Утром поезд остановился среди поля и весь эшелон кинулся растаскивать снегозащитные щиты на топку в вагоны. Потом уже в пути жгли что под руку подвернется, даже борта от платформ отрывали.

До сих пор не могу постичь глубину советской безалаберности! Для чего меня посылали в Чувашию? Понять тупость нашей власти? Испытать нас на выносливость? Они добились своего.

8. 1. Прибыли на ст. Окружная. Знакомые места, до дома пешего хода час с лишним. Если бы знал, что простоим полсуток, домой сбегал бы. Ведь мать уже от меня с фронта писем ждет, а я по дорогам болтаюсь. Слышим, что нас хотят через Москву пешком вести. Прибыло какое-то начальство, приказали выйти из вагонов на построение, но, как увидели нас, лапотников-оборванцев, немедленно погрузили обратно и привезли в Подольск. Недалеко от города стояли военные казармы. Там нас частично переодели: валенки со швом (сняты с убитых) дали вместо лаптей, кому дали только ватные брюки, кому — телогрейку. И повели мыться. Жарища в бане! А я не люблю жару и парную, потому быстро помылся и вышел в раздевалку. Хвать — а бумажника с документами и малостью денег, который я положил в валенок, и в помине нет. Возле стоят чьи-то шикарные валенки. И интуитивно сунул руку в один, а там мой бумажник. Во втором толстый бумажник хозяина. Я взял и его, перешел в другой угол, быстро оделся и вышел на улицу. В туалете посмотрел чужой бумажник, а он набит деньгами. Я их забрал, а бумажник, вместе с документами, со зла бросил в толчок. Это была моя первая личная кража, но я не чувствую за собой вины: я у вора дубинку украл. Ну а мне деньги пригодились.

15. 1. Все эти дни большинство занималось очисткой дорог от снега, немного позанимались строевой, но больше всего любили политзанятия: хоть немного, а в тепле. Там нам вдолбили, что нарушение присяги, начиная от сдачи в плен и до простого неповиновения командиру, карается трибуналом с последующим расстрелом и ссылкой всех родных за Полярный круг. А в этот день меня назначили в наряд на кухню. Радости моей не было предела! Наконец-то наемся! Входим в это обетованное место, а в корзине стоит окаменевший на морозе картофель, в корзине поменьше — такой же мерзлый лук. Стали чистить картошку, просто оскабливая ее. Хотели испечь, но запрещено. Да ее, мерзлую, и не испечешь. А вот мерзлый лук, оттаявший у тела, такой сладкий, что все мы ели его с удовольствием, украдкой. Первой сварилась каша, но нам

дали так мало, что ничего и не почувствовали. Потом супа дали по три порции, но и это для нас, вечно голодных, как слону пирожное. На мое счастье, мне поручили чистить котел после раздачи каши. К моей радости, она сильно подгорела и остались большие шкварки. Я тщательно соскреб их и в укромном уголке наелся до отвала. А ночью мне сделалось плохо: началась рвота, сильные боли в животе, головная боль, высокая температура. Утром в санчасти «признали» грипп, дали таблеток и оставили на кушетке в холодной комнате. Наверное, для того, чтобы я на самом деле заболел гриппом. Сутки провалялся я там один, и...

17. 1. Утром отправили в госпиталь. Я уже так отвык от чистоты, что палата мне показалась раем: мягкая постель, а не голые нары, приличное питание, внимание и обходительность. Сразу обострилось восприятие прежних невзгод. А ведь тогда были только даже завязи, а не бутоны и тем более не цветики предстоящего. Я почти поправился, как через три дня почему-то перевели в другой госпиталь, а там через два дня в карантинную палату, где я профилонил аж девять дней!

2. 2. Выписан и направлен на 186 АЗСП, но маршевая рота была только что отправлена на фронт, и меня временно зачислили в хозвзвод. Работы много и тяжелая, но я был настолько малорос и хил, что мне давали работу полегче. Мне и обмундирование не могли подобрать: самое маленькое пришлось подрезать и ушивать. В валенки напихал тряпок. Скорее на Филиппка походил, а звали меня просто «Волчок». Началось наступление, и мы двинулись вслед за фронтом, мелкими группами, чтобы с воздуха быть незаметными.

8. 2. Идем густым лесом. Нам дали на два дня сухой паек: с десяток черных горелых сухарей и граммов 200 колбасы. Колбасу все мгновенно съели, а сухари я дорогой сосал, как конфеты. С нами шел еврей, со смешной фамилией Пельцмахер, его все парикмахером звали. У него был объемистый вещмешок. Откуда он что взял? Но когда мы остановились на ночлег в доме лесника, у него продукты группа ребят вытащила и съела ночью. Как же он, бедняга, вопил! Ему горе, а ребятам — смех!

11. 2. Пришли в Малоярославец. Там я впервые увидел большие разрушения, разбитую технику. Меня определили в минометный взвод. Из-за моего малого роста меня в расчете сделали последним, шестым номером: вставлять дополнительные заряды и свинчивать колпачки у восьмидесятидвухмиллиметровых мин. Ну а сейчас я вернусь несколько назад. Еще дорогой в Цивильск я наслушался рассказов, как солдаты не любят офицеров, а потом и сам еще до фронта убедился в этом. А с моими десятью классами меня запросто могли взять в офицерскую школу, чего мне уж очень не хотелось. Потому на вопрос об образовании я сказал, что окончил только девять классов. Я среди минометчиков был самым грамотным и технику изучил отлично.

13. 2. Только приступили к изучению миномета. Я схватывал все буквально на лету, но малограмотным было труднее. На изучение оружия времени уделялось мало, вчетверо меньше, чем на политику, но зато строевая от темна до темна, будто нас к параду готовят. Из оружия только миномет и винтовку узнали. А попадись даже отечественный автомат — мы из него выстрелить не можем. Да и винтовкой овладели только затвором клацать, ни разу не выстрелили. И из миномета сделали два-три выстрела. Вот и все обучение. Тут всем впервые стали давать махорку — спичечный коробок в день. Я сказал, чтобы ребята на меня не делили, но они говорят, что таков закон: кто хочет досыта покурить — не ест сахар. Так что у меня всегда была двойная пайка сахара.

18. 2. Вечером погрузили на машины и часа через два-три были уже на передовой, но позиции до утра не занимали, а расположились в большом колхозном сарае на отдых. Там даже разложили костерик посередке. Тепла от него никакого, только дым, но зато с воздуха не видно. Деревня вся цела, но в каждом доме столько набито солдат, что дальше порога ступить некуда. И все же в одном доме под столом примостился. Поспал часа два, и подъем. Пришел к своим в сарай, а нам выходить с рассветом. Так и провел остаток ночи в сарае. Утром отправились выбирать позицию. Нашли подходящую полянку и на опушке установили минометы, метрах в восьмистах от окопов, соорудили шалаш из лапника, но в этот день не сделали ни одного выстрела. Привезли густой с тушенкой суп-пюре гороховый. Перед нами был бой, много потерь, а привезли на всех, и мы не только наелись до отвала, но и в запас взяли. Потом все это замерзло и стало тверже бетона. Штыком откалывали понемногу и сосали эти леденцы. Костер нельзя днем разводить из-за дыма, а ночью «рама» так и висит — огонек папиросы заметит. Наступила первая ночь под открытым небом. Мороз не менее тридцати пяти градусов. Набились в шалаш в три слоя. Нижним и средним тепло, и они спят. Кому на пост — будят, он вылазит снизу, а кто его сменил, сверху ложится и не спит до тех пор, пока внизу не окажется. Настала моя очередь, разбудили меня, а меня ноги не слушаются. Перепугался я страшно, но один бывалый человек успокоил меня, вырубил две палки в виде костылей и велел ходить до тех пор, пока ноги не отойдут. Они у меня как-то из-под лапника высунулись. Три смены по полчаса прошло, пока с сильной болью не пришло все в норму. Так что опять не спавши. Днем стали улучшать шалаш. Спилили большую елку. День был солнечный, я лег на лапник и впервые в жизни почувствовал, что февральское солнце хорошо греет. Пригрелся и проспал часа два. Из-за моего почти детского сложения ко мне и относились как к ребенку, потому и не стали будить, пока сам не проснулся, как солнце за дерево зашло. Ну а 21-го намечался бой. Мы стали делать пристрелку. Но наши мины ложатся мимо цели. Тогда я подсказал ошибку наводчику, и все пошло как надо. С этого момента наводчиком стал я. А неподалеку от нас, под березой, была позиция другого миномета. Нас учили, что, прежде чем стрелять, надо убедиться, что на пути полета мины нет сучка, провода. Так вот при первом же выстреле у того расчета мина взорвалась над минометом. Двое насмерть, а остальных ранило. И спать в мороз научились быстро: сделаем вдвоем гнездышко из лапника в снежной лунке, постелим плащ-палатку и шинель, укрываемся двумя телогрейками, второй шинелью и плащ-палаткой, а часовой подоткнет нам под бока плащ-палатку, да еще лапничку сверху бросит — как на печке пригреемся. Больше не страдали от мороза ночью.

Говорят, что хорошее быстро забывается, а плохое — никогда. До войны мне ни разу не пришлось испытать и маленького дискомфорта. Когда ночь напролет проводим с ребятами в ночном — к утру делается зябко, но у нас костер и одеть брали с собой что потеплее. Да и романтика согревала, так что испытывали не страдания, а блаженство. Я даже чувство мало-мальски сильного голода в карточный 33-й год не испытывал. Короче говоря, был неженкой. А тут привык к лишениям удивительно быстро. Но как бы там ни было, а пули, бомбы и мины отходили на задний план при пытках холодом. Я раза два, а иные много раз за лапником ходили к немцам, с огромным риском для жизни. А вот теперь настолько все стерлось из сознания, что свои ощущения не могу живо описать. Просто констатирую факты протокольным языком. Но

С сестрой Н. Д. Волковой. Фото 1946 г.

Фото 1944 г. (Германия)

Фото 1944 г. (Германия)

С фронтовым товарищем Н. М. Атаевым.
Фото 1945 г. (Польша)

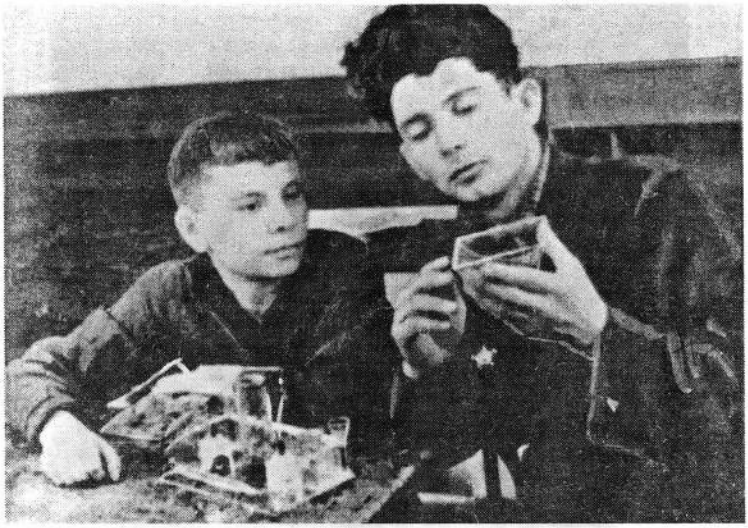
С фронтовыми друзьями Н. М. Атаевым (справа) и Х. Рузаевым (слева). Фото 1945 г. (Польша)

С фронтовым другом И. Руденко. Фото 1945 г. (г. Артерн, Германия)

С фронтовыми друзьями. В верхнем ряду слева — И. Руденко. Фото 1945 г. (Германия)

С учеником В. Крысиным. Фото 1954 г. (Дом пионеров, г. Долгопрудный)

В кружке «Умелые руки» Дома пионеров. Фото 1954 г. (г. Долгопрудный)

что для меня непонятно или так оно и было: я ни разу не встречал в эту суровую зиму южан. Перемерзли бы они все тогда. Впервые увидел нацменов в госпитале, а потом в ГВДП, перед отправкой на фронт.

27. 2. Начались метели. Дороги перемело так, что ничего подвезти не могут. Еду приносят в термосах очень помалу, да и то холодное. Хлеб рубим лопаткой, а потом крошки в снегу собираем. Мин не подвозят, и мы участвуем в наступлении как пехотинцы, оставив свои минометы под охраной сзади. Это было мое первое участие зимой в боях в пехоте и запомнилось так, что больше я, даже будучи санинструктором, зимой предпочитал быть минером. Так вот какое оно было зимнее наступление. Впервые нас на передовую привели под утро как пополнение. Отрыл я себе окопчик в снегу, до самой земли, осмотрелся: немцы из трех мест на противоположной опушке ракеты пускают. Расстелил плащ-палатку и прилег. Но вскоре чувствую жжение в боку: подтаявшая вода до тела добралась. Повернулся на другой бок — еще хуже: сразу на боку шинель панцирем стала и припекает сильнее. А тут еще светает и нельзя уже встать и поплясать. Часов в десять передают по цепочке: «Приготовиться к атаке!» Вскоре команда: «Вперед! В атаку!» Поднялись и побежали по глубокому снегу к немецким окопам, если это можно назвать бегом. Застрочили немецкие пулеметы из трех блиндажей. Кто упал убитый, кто кричит, раненный, кто залег и окопался, а кто рванулся вперед, навстречу неминуемой гибели. Вдруг сзади раздалось несколько голосов: «Вперед, трусы, предатели! Пристрелю каждого, кто не поднимется в атаку!» Ну все снова встали — и бегом к немецким окопам. Как снопы валятся солдаты убитые и раненые, но оставшиеся упорно лезут вперед. Ворвались в окопы, а там ни души. Только трех пулеметчиков из дзотов в плен взяли. За ночь все немцы на машинах — тю-тю! Ну а мы вдогонку по непроходимому снегу до их следующей линии обороны. На стратегически выгодной поляне у них на противоположной опушке опять окопы. Подпустят они нас поближе и откроют такой шквал огня, что от наших жалких остатков успеет зарыться в снег мизерная долька. Бывалые солдаты несут с собой за спиной охапочку лапника, что потом делал и я. А пока снова корчусь на земле. Невозможно головы поднять. Ведь если только ранят, все равно замерзнешь. Ждем темноты, а сами потихоньку роем траншею в снегу по направлению к ближайшему лесочку. А как стемнеет получше, нарубим хворосту, лапника и обустроим себе гнездышко так, что и уснем ненадолго. Под утро слышим шорох: прибыло пополнение. И снова от солдатни вокруг черным-черно. Ну а потом все повторяется сначала: немцы за ночь вывезут все до крошки. Потерь у них почти никаких. Оставят трех-четырех пулеметчиков, а сами на машинах смоются. А мы ценой кошмарных потерь снова ищем очередную линию обороны немцев. Занимая деревни (безлюдные), запасаемся тряпьем, паклей для подстилки. Однажды мне сказочно повезло: я обнаружил свежую яму-похоронку, а в ней мешок пшеницы. Набили мы с друзьями вещмешки, потом осмелились развести костерок и на куске брони нажарили пшеницы. Набьем полные карманы, горячо! И идем по лесу жуем ее. В другой раз в уцелевшем углу дома увидел висевшую на гвоздике бутылку с маслом. Взял ее. Получил 900 граммов хлеба и котелок жиденького супа. Покрошил в него чуть не весь хлеб, сдобрил маслом и все съел. Но без аппетита, так как масло показалось невкусным. А минут через десять меня вырвало, так как это масло оказалось не пищевым, а гарным, для лампады у икон. Два раза мы застигали немцев не готовыми к обороне, и они пошли в контратаку. Они с автоматами, а мы с винтовками, и все равно, пока они, не выдержав нашего натиска, побежали к своим окопам, мы успели положить их немало, хоть и

самих осталась горстка. Окопались мы очень близко от их окопов. Бывалые солдаты полезли по трофеи, и я с ними. Метелью успело подзамести трупы, и отличить немца от русского можно только ощупью по полному ранцу и пустому вещмешку. Насрезал я ранцев шесть, стали с другом разбирать, а там съедобные сокровища! В другое время контратаки я лишь видел как санинструктор, которому просто запрещено заниматься не своим делом. Рукопашную видел лишь раз, да и то издали. А ведь я участвовал всегда в наступлениях. Но везде одна картина: займем немецкие позиции и ждем... пока бездарные командиры сами получат дурацкий приказ, а потом передадут его нам. За весьма короткий срок я постиг многое. Сам не ходил, но видел, как наши солдаты одни или с нашими разведчиками ходили к немцам в тыл воровать продукты и всегда благополучно приносили помногу. Если бы организовать умно маленькие ночные вылазки, то совсем без потерь можно обезвредить оставленных немецких пулеметчиков. Мало того, мы прекрасно слышим, как немцы вечером уходят и садятся на машины. Тут бы одного отделения хватило, чтобы уничтожить их батальон. Но... нет приказа. Шапками закидать проще. Да мы часто и шли-то против пулемета с одной рогатиной! А как еще можно назвать винтовку без патронов? Ни о какой артподготовке во время заносов не могло быть и речи. Минометы на себе носят, и мины меньше весят, да и их нет. Когда дороги были хорошие, даже «катюша» впервые напугала нас двумя залпами. Танков за два месяца не видел ни наших, ни ихних. Но у немцев бесперебойно и артиллерия и минометы лупили по нам, вооруженным винтовками.

5. 3. Перемело так, что сами посылаем за патронами, ну а с едой еще хуже. Фашистам тоже драпать тяжело, и мы вынуждены стоять друг против друга. У нас подчас и патронов нет. Хорошо, что нет приказа наступать: они всех бы нас перебили. Ребята в пургу удачно налеты на немецкие продсклады делают. Но они больше налегают на спиртное, иначе могли бы всех досыта накормить. Но меня с собой не берут: говорят, что мал и часового не одолеешь. Раза два-три гоняли на расчистку дорог, но толку мало — ее тут же заметает снова. По дорогам полно трупов. Наших.

9. 2. Метели прекратились, подвезли мины, и я снова минометчик. Бои стали более ожесточенными, но хоть я не с пехотой. Раз пошли за минами, и я увидел, как «хоронят» погибших. На постромках лошади прикреплена жердь, к ней привязывают четыре-шесть трупов за ноги и подвозят к подходящей воронке, там разрезают сзади и снимают валенки, раздевают до гимнастерки и кальсон и наваливают чуть не полную воронку. Засыплют снегом и маленько землей со дна воронки, так как земля как камень. Погода пока не летная, жгут костры и варят конину. Мы тоже нашли убитую лошадь. Я вынул из нее печенку и сварил себе. Съел, а потом меня прохватил понос. Я обрадовался, что, может, заболел и попаду в госпиталь, пошел в санчасть, но фельдшер, узнав, что я ел конину, сказал, что по первому разу это почти у всех бывает. Ведь у нас даже тяжело раненному завидовали и говорили: теперь отдохнет. Да что там говорить — мертвым завидовали: «Отмучился...» На моих глазах один сошел с ума: встал из окопчика и с матом ринулся один в штыковую. Изрешетили. Видимо, с психикой у немцев не лучше. Чего они одного-то испугались? Надо бы именно пустить его в окоп: что бы он стал делать? А потом обследовать его.

Один раз наш расчет с комфортом устроился в большом подполе сгоревшего дома. В стенке мы устроили нишу для печки, и пришедший с поста подтапливал. А пост наш был недалеко от чудом уцелевшей баньки, хотя деревня

сожжена дотла. Но искать убежище в ней опасно: хороший ориентир для немцев. Нас двоих послали на этот пост, и мы расположились недалеко, в сугробе. Но потом решили осмотреть баню. Стоять нам два часа, и мы рассуждаем: зачем двоим мучиться, если по очереди можно греться в бане? Завесили оконце корытом, а на камнях разложили костерок. Первым греться досталось мне. Вышло мое время, и я сменил напарника. Потом жду-пожду, явно полчаса прошло (часы у него), а его все нет. Пошел узнать, вхожу, а он спит на полу. Искра подожгла лежавшую там паклю, и занялся уже потолок бани. Мы начали закидывать огонь снегом, а он только сильней разгорается. Вышли мы, и баня запылала. Что придумаем в свое оправдание? Легли в сугроб, а немцы в нашу сторону дали очередь, трассирующими. Вот и оправдание: немцы трассирующими подожгли! Вдруг в свете пожара видим: от передовой идут лыжники в маскхалатах. Нашим возвращаться рано. Мы окликнули — не отвечают. Мы выстрелили вверх. Они залегли и открыли по нам огонь. Выстрелы разбудили многих, завязался бой. Немцев окружили и уцелевших взяли в плен. Так что нас даже похвалили. Ну а на второй день еще чуднее. Пришел я с поста и стал подтапливать печурку. Задремал, а отлетевшая искра попала на ватные штаны. Вата тлела-тлела, пока огонь не дошел до тела. От сильной боли я вскочил — и к люку. Его так было трудно найти, но я вылетел из него пулей и зарылся в снег. Выгорел большой кусок. Пока забинтовал прореху, утром кое-как наложил заплатку, но у старшины брюк не было, пока сам с убитого не снял. Трофеев после пехоты никаких. Дня три, во время упорных боев, хорошо кормили, и мы даже делали запасы. Приноровились разогревать еду немецким бездымным порохом (в виде макарон заряды к большим орудиям). Один солдат хотел ускорить разогрев и вместо одной поднес сразу три трубочки. Хорошо, в рукавицах был! Котелок в воздух, а рукавица с дымящейся дырищей. Ну а когда с едой плохо, конина выручает. Мы знали, что есть можно только убитых зимой. Узнать их легко: летние лежат на земле и живот вздутый. Так вот я однажды пришел уже к шапочному разбору: один скелет остался. А недалеко еще целая лошадь и живот не вспухший. Нарубил я с нее целый котелок и поставил варить. А пользовались многие вместо котелка футляром от немецкого противогаза. Вместимость его 2, 2 литра. Герметичен настолько, что через закрытую крышку вода на боку не льется, так что из него получается скороварка. А конина долго варится. Два раза я не успевал доварить ее — меняли позицию. И только на третий раз решил, что пора солить. Открыл крышку, и в нос ударила вонь! Оказалось, лошадь ранена в живот и через дыру выходили газы. Впредь я брал мизерный кусочек сырого мяса в рот и по запаху определял годность. Зато второй раз я мог бы именно поэтому отведать деликатеса. Иду я и вижу остов коровы со вздутым животом. Думаю: а может, она стельная? На мое счастье, да, на последних днях ходила, на теленочке шерстка видна. Взял я его под мышку и несу. Вдруг навстречу мне генерал на машине. Я — на обочину и вытянулся по стойке «смирно». Но машина остановилась, вышел водитель с погонами старшины и молча отобрал у меня мой трофей. Вот невезение! То падаль тащил километров тридцать, а теперь лакомства лишили.

Несколько слов о мелочах солдатского бытия, не описать их нельзя.

Махорку солдатам давали, а со спичками — беда! Курили на фронте даже те, кто на гражданке не курил. Так вот и пришлось вернуться в каменный век и пользоваться кресалом. Устройство его таково: обломок напильника или кусок хорошей стали весом 100 — 200 г и кремневый камень побольше, так как его надо периодически скалывать, получая острую грань. Хороший кремень

нелегко найти, и у каждого в вещмешке всегда есть запас таких камней. Третья часть — фитиль (трут) делается так: берется металлическая трубочка или спиленная винтовочная гильза, в нее продевается жгут из хлопчатобумажных или льняных ниток из солдатского ремня, пропитанных марганцовкой, для лучшего возгорания, и к одному концу жгута привязывают на проволочке пуговку. Для добывания огня поступают так: за пуговку вытягивают из гильзы обугленный конец фитиля, в левую руку берут кремень с прижатым к нему трутом, а правой рукой, куском стали, высекают искру. Трут затлел — и прикуривай. А потом потяни за задний конец, спрячь тлеющий конец в трубочку до упора пуговки, где без доступа воздуха тление трута прекращается. При хорошем кремне, стали и сноровке трут загорается с одного удара. Но обычно этот процесс продолжается мучительно и долго.

Немцев сначала удивляло это, а потом они не упускали случая поиздеваться над нами: после бомбежки сбросят кусок рельса, булыжник и кусок каната с издевательской запиской, вроде: «Оставшиеся перекурите, пока мы вернемся!» Кресало было такой же неотъемлемой принадлежностью солдат, как и ложка. Но ни в литературе, ни в кино об этом незаменимом предмете ни слова, ни намека. Не обходится без казусов: новичок сделает трут слабо двигающимся в трубке и от доступа воздуха фитиль тлеет в трубке, а вырвавшись на волю, подпалит карман ватных брюк. У спящего выгорает столько, что и заплата не поможет. В госпитале с этим просто мучение. Заядлый лежачий курильщик как начнет клацать своим плохим кресалом — всех перебудит.

Так же при получении сухого пайка. Крайний недостаток продуктов и курева вынуждал солдат быть очень щепетильными при справедливой дележке их. Когда приносят развесной и рассыпной продукт в подразделение, то его начинают раскладывать на равные кучки. С какой бы аптекарской точностью ни был разложен продукт, все кажется, что в иной кучке больше. Так вот, окончив раскладывание, одного заставляют отвернуться, а другой, указывая пальцем на кучку, спрашивает: «Кому?» Отвернувшийся называет чью-то фамилию, и тот берет указанное. Так было всегда. Естественно, не было случая, чтобы товарищи делились пайкой. А вот товарообмен был непременным явлением. Не позволяли разделить на всех долю махорки некурящего. Что там достанется каждому?! А если табак обменять на сахарок, то хоть один накурится вволю, а некурящий в награду съест две порции сахара. Офицеры получали отличный дополнительный паек, да и на кухне при магическом слове «Командиру взвода!» повар черпал со дна и добавлял сверху жирку. Значительную долю личных трофеев надо отдать командиру, что бы это ни было. Немцы из окопов тоже дразнили нас: «Кому? — Ивану!» — и посылали мину.

«Махнем не глядя?» — один из солдатских досугов. Казалось бы, какие радости, а тем более развлечения в окопной жизни? А находили же! Трофеи были для каждого — праздник! А ведь это и не только еда. Обшаривая убитого немца (мародерствуя), брали все подчистую, вплоть до иголки. Ну а потом, даже при встрече лишь двоих, предлагает один: «Махнем не глядя?» И протягивает зажатый кулак, в котором должна быть спрятана непременно полезная и нужная вещь, хоть иголка. Но ни в коем случае камень, сучок и т. п. Второй по размеру кулака определяет примерную величину предмета и, покопавшись в кармане, зажимает в своем кулаке примерное по объему. Еще «махались» часами на слух: один другому приставляет к уху, послушать ход зажатых в кулаке часов. «С подглядом» каждый должен показать краешек предмета. Так можно обменять хорошие часы на пустой корпус от часов, а то просто на отполированный кусок гильзы. Было даже «махание» кармана на карман,

вещмешка на вещмешок (их содержимое). Обоюдно удачного обмена почти никогда не было. Неудачник никогда не обижался.

1. 4. Ура! Наш полк идет на формирование в тыл! Но... первый апрель — никому не верь. Выстроили жалкие остатки нашего полка и передали всех в 244-ю стрелковую дивизию. И только офицеры поехали на формирование. С одной стороны и правильно: 80% из нас на передовой меньше недели, 18% — до месяца и только вряд ли наберется 2%, кто больше месяца хоть на один день. Ну а с полуторамесячным сроком, наверное, я один и был. Мне дали пятидесятимиллиметровый миномет. Расчет — два человека. Идем вместе с пехотой, так как прицельная дальность всего 500 метров. Пехоте хоть день дали отдохнуть, а нас сразу в окопы. Мины меньше гранаты, и я сшил себе пояс-патронташ. Спереди и сбоку весь в минах. Они, как броня, защищают живот и часть груди, но уж если пуля угодит в головку, то смерть не будет мучительной. Снег быстро тает, слякоть хуже мороза, особенно когда еще в валенках. Когда дали ботинки, то ночью морозы сильные.

Но о ботинках особый разговор. Вернее, не о самих ботинках, а об обмотках. В кино все солдаты щеголяют в сапогах. А ведь на передовой можно было увидеть даже офицера в «двухметровых голенищах», т. е. в обмотках. И смех и горе от них! Если новичок плохо закрепит тесемку на конце, обмотка размотается и волочится за ним как хвост. Кто сзади нечаянно, а то и нарочно наступит на нее, солдат запашет носом, под смех товарищей. Но у обмоток были и полезные свойства. Хорошо накрученные, они не пропускали воду не хуже голенищ сапог. Для наложения жгута на раненую ногу или руку лучше, чем обмотка, ничего не найти. Даже обессилевших лошадей на них поднимали.

А вот *саперная лопатка* достойна особого внимания! Чего только не восхваляют в стихах, песнях, кино военной темы: табак, чарочку, почту и т. д. Сразу видно, что эти певцы даже и не нюхали фронтового пороху. Самое достойное восхваления — это саперная лопатка! Солдат может бросить котелок, ложку, даже винтовку, шгык от которой он выбросил уже давно, но с лопаткой его разлучит только смерть. Лопатка спасает солдат не только в бою. Ведь это топор, нож, сковорода и другое бесчисленное применение!

К числу непостижимых для моего ума явлений я отношу скорость, с которой даже нерасторопный увалень за считанные секунды мог зарыться в землю так, что макушка одна виднеется. А через несколько минут отроет такую ячейку, что никакой танк ему не страшен, как бы он ни утюжил над ним землю. А если оборона относительно длительная — даже несколько часов, — сразу же принимаются рыть ходы-траншеи. За шесть — девять часов готова траншея во весь рост, со всеми удобствами. Ясно, в первую очередь часть солдат копает КП. Ночью даже из дальней дали принесут или бревна разобранного дома, или стволы деревьев и сделают для командиров блиндаж с накатами во столько слоев, насколько позволит материал.

В большинстве случаев этот тяжкий солдатский труд пропадает даром: только блиндаж готов, а тут команда: «Вперед!» И снова землекопание...

Надо отдать должное: большинство лопаток изготовлено из хорошей стали. Только у сделанных в спешке не заточена на заводе одна из кромок лопаты. Но солдат все равно заточит сам. А потом наточит ее так, что лопатка не только рубит, но хорошо режет, а иные даже брились ею!

Конечно же при копании она быстро тупится. Но солдат терпелив и настойчив! Скоро кромка лопаты снова острая как бритва.

А вот жарить на ней надо осторожно! Не дать ей отпустить закалку. Кони-

ну надо варить очень долго, а вот зажарить на лопате можно быстро. Ведь редко попадается телеграфная проволока, чтобы зажарить на ней шашлык. Можно бы на штыке, да выброшен он: лишняя тяжесть.

Нередко в качестве «трофеев» солдату попадаются зерновые. Не будешь же пшеницу есть сырьем. А вот жареная она — объедение! Ну а уж жареный горох — вообще царский деликатес!

О лопатке можно говорить много. Ей бы надо памятник поставить!

Не могу сказать, убил ли я хоть одного немца из восьмидесятимиллиметрового миномета, но тут мне приходилось часто выбирать позицию даже впереди окопов, это безопаснее. По окопам мины, снаряды бьют, а мои выстрелы не слышны и не видны даже ночью, и у меня спокойно. Вот только второму номеру трудно мины подносить в ящиках. Вот тут и выручал патронташ. Особенно если немцы идут в контратаку. Миномета поблизости другого не было, а гранату, чей взрыв похож на мину мою, так далеко не бросишь. Так что это только мои взрывы. Да и владеть минометом научился хорошо и пустых выстрелов почти не было. По крайней мере, даже одного фрица второй миной накрою. Появился охотничий азарт. Осколков от мины во много раз больше, чем от гранаты, так что, бывало, от одной мины валятся до пяти немцев. Один раз меня позвали уничтожить пулеметчика, стрелявшего из-за какой-то кучи металла. Сорокапятимиллиметровая пушка не могла его взять прямой наводкой. А миномет мой бьет навесным огнем. Так вот со второй мины пулемет замолк. Маскироваться стало просто невозможно: снег стаял, а земля мерзлая. Наскребем сверху талой земли, сделаем брустверок, что и голову не спрятать. Вот и добром вспомнил морозы. А тут сырой весь, морозный ветер пронизывает насквозь, и ничего не поделаешь, остается только мучение. То ждал, когда кончатся морозы, а теперь, когда новичкам хвалю их — они смеются, думают, что шучу. В сильные морозы мне раз предложили: «А ты покури, и теплее станет». Я затянулся раз — закашлялся, сопли, слезы полились... и я больше не пробовал. Водку давали раз пять, но я ее менял на сахар.

12. 4. Ночью пришло пополнение, подтянули пушки, и готовятся форсировать р. Угру. Лед еще не тронулся, и поверх его течет вода. Так что форсирования-то как такового не было. Как и всегда, выбили немцев из деревни и остановились тут. Вторым номером мне дали узбека. Мин нет ни одной, и мы пошли за ними километра за два. Идем большой поляной бодро: немцев нет. И вдруг из ближайшей опушки — автоматная очередь. Меня как палкой по ноге ударило! Нога онемела, и пошла кровь. Я сел на землю и кричу другу: «Меня ранило — перевяжи меня». А он как припустит обратно! Тогда я снял брюки, сделал себе перевязку неумеючи, а жгут не наложил, не знал этого. Повязка кровь не держит. Кость не задета, потому я смог встать. Помощи ждать неоткуда, и рассчитывать пришлось только на себя. На раненую ногу встать невозможно. Кое-как, опираясь на автомат (вот бы винтовку!), дотащился до куста, вырезал две подходящие палки и поковылял на них к переправе. Рана разболелась, и идти стало все труднее. Большое поле! А тут, как назло, на пути огромная лужа. Обходить — далеко и много сил надо. Лужа мелкая, но покрыта ледком. Пошел прямо и понял, что прогадал: ломать лед с раненой ногой очень трудно, но и назад — уже все равно. А тут еще или «рама» меня заметила и снаряды девать некуда, но на километр ни души, а надо мной рвется шрапнель. Ложиться, притворившись мертвым? Куда? В лужу? У меня и так уже голова стала кружиться от потери крови. Иду обреченно. Шрапнель мне весь лед переколола. И так же неожиданно стрельба прекратилась, дав

мне дойти до реки. Поверх льда вода течет, а через реку саперы ночью клади сделали из жердей, даже с перилами. Вдоль кладей на льду много убитых. Подхожу к кладям, а из укрытия солдат орет: «Не ходи туда, видишь, их пулеметчик и снайпер сколько наложили!» А мне уж все равно: повязка съехала, кровь хлещет, в глазах мерцание, силы на исходе, а помощь только за рекой. Какая, думаю, разница: сейчас на мосту меня убьют или через полчаса кровью истеку. Ну и поковылял по кладям. Дошел до средины — в меня очередь из крупнокалиберного: от разрывных пуль во льду только воронки делаются и льдышки в меня летят. А что делать? Иду. И тут стрельба прекратилась, когда мне еще треть оставалось пройти. Солдат с той стороны пошел, и его снайпер одним выстрелом убил, а меня не тронул. Пошел я по дну оврага, силы покидают меня, и рана болит страшно. Пополз. Помню, что прилег на снег отдохнуть... а очнулся на операционном столе в медсанбате. Я еще как сквозь сон чуял, что сани подъезжали и меня на них клали. Рана считалась легкой, так как кость не повреждена, но я легко обморозил себе руки, ноги, уши и... подбородок, а не нос. Рану чистили на другой день, пока окреп. Заморозка плохо взяла, и было больно. Врач все орать советовал.

15. 4. Прибыл в ППГ г. Малоярославец. Подняться не могу, хотя иные с таким же ранением ковыляют. А я — лежачий больной...

18. 4. В теплушках прибыли в Москву. Кажется, так долго не видел гражданских! Меня выгружали на носилках вместе с тяжело раненными. Они толпятся, мешая выгрузке, задние напирают на передних, хотят протиснуться, чтобы посмотреть, нет ли своих. Машин пока не было, и наши носилки поставили в вокзале. Обступила толпа, ищут родных или знакомых, но разве найдешь? Даже из области тут был только один я. На другой же день я написал письмо и отправил телеграмму матери. Письмо шло дня три, а телеграмму злые люди просто не отправили, хоть деньги я заплатил. А увидеть мне мать надо было главным образом потому, что у меня было много денег. Те, что мне достались в бане, ерунда. Я незадолго до ранения увидел в большой воронке нижнюю часть туловища человека, из голенища сапога оторванной ноги торчит толстая пачка обгоревших сотенных купюр. Я их вытащил. На уцелевшей ноге сильно тоже отдувалось голенище. Там тоже оказалась еще более толстая пачка. Потом оказалось 18 000 годных и 14 000 на четверть обгорелых денег. Вот я и хотел их передать. Прятал я их в вырезанной в книге нише, туго перевязав ее шпагатом и проводом, вот потому они у меня и уцелели, хотя мелочь всю вычистили, пока я был без сознания. А никудышная книга кому нужна?! Если бы телеграмма пришла или подольше я полежал, то все было бы хорошо, ну а тут моя тетя Шура приехала на четвертый день, а я был только что эвакуирован в г. Владимир.

20. 4. В день прибытия послал матери письмо и телеграмму. Но пока мать болела, пока выхлопотала пропуск, меня и во Владимире не застала. Я уже дня через четыре встал на костыли. А это большое благо!

3. 5. Эвакуирован в г. Горький. Тут я уж стал ходить с палочкой. Послал матери письмо и от нее получил, где она писала, что сюда ей пропуск не дали. По причине цензуры написать про деньги я не мог, а то за взятку дали бы пропуск. В Горьком ничего памятного не было.

26. 5. Посадили на пароход и поплыли вниз по Волге. Чистота в каютах идеальная, кормят на убой! Мое место на верхней полке. Библиотека шикарная! Целыми днями на палубе. Да там не до чтения: пейзажи очаровательные! Не один раз причаливали, но везде переполнено и нас не принимают. А по мне, в таком раю век бы плавать!

1. 6. Наконец приняли в Саратове. Места есть, по два человека на односпальную койку, «валетом». Да и то в коридоре. Госпиталь в школе. Кормят скверно, но зато есть буфет, где нам продают деликатесы сразу на палату, а это 25 — 30 человек, строго по списку конфеты, печенья или пряники и... даже — пиво! Но я пиво в рот не брал. А у иных на буфет денег не было. Вот я и приспособился: на свои деньги выкупаю все для неимущих и даю им все пиво, а мне все сладости. Денег у меня тьма, ходим с ребятами на базар, где я им каждый день покупаю не более, чем по стакану самогона, а себе ранних ягод, яиц, сметаны и т. п. Так что мне ветер в тыл.

13. 5. Почти совсем закрывшаяся рана вдруг открылась по всей площади. Первое, это взяли мазок: не присыпаю ли я рану табаком, чтобы дольше поваляться в госпитале? Потом стали зондировать, но свища тоже не было. И только уж через 25 лет определили, что перебита вена. Вот потому эта нога и болит сильнее, чем где перебита кость. Лето было прекрасное, но погулять негде. Всего два раза ходили за город, а это далеко с моей раной. Потом опять то же с моей раной: уже и болеть почти перестала, а ночью чувствую, будто обмочился. Потрогал — вся нога и постель в крови. Врачи недоумевают — и к эвакуации меня.

13. 7. Санэшелон из пассажирских вагонов. Едем на восток. Все бы отлично, но, несмотря на открытые окна, в вагоне жарко. А так как мы больше стоим, чем едем, то спертый воздух невыносим. Со средины пути с временем неразбериха, и нас кормят по московскому времени. Получается завтрак чуть не в обед, а ужинать будят нас, уснувших.

23. 7. Прибыли в Кемерово. Встретили нас как родных! Госпиталь тоже в школе, но просторно. Очень много тяжелораненых и контуженых. Одному грузину оторвало член, и его потом кастрировали, чтобы избавить от страданий. Когда уже сняли повязки, он все иронизировал: «Тэпэрь я стал дэвичка!» Каково ему, бедняге, было иронизировать?..

Кормили хорошо. Базар был далеко, да и нужды в том не было при хороших шефах: они не то что фрукты — орехи кедровые приносили! Отдыхали, как в лучшем санатории. Даже дурачиться начали: проснется кто-либо в туалет — всю палату поднимет, растолкав каждого: «Сходи помочись...» А потом кто-то следующий делает. И так всю ночь. А еще курильщики досаждали: встанут и скверным кресалом чекают, добывая огонь. Хоть в палате всего 15 — 17 человек, но спичек ни у кого не было.

В библиотеке много книг. Я стал почти помощником библиотекаря, девицы Буси (еврейки). Я часто шутил с входящими: «Я и Буся в библиотеке!»

1. 10. Наиболее здоровых из нас послали к шефам в совхоз на уборку кормов. Еду с большой охотой. Выехали на машинах рано утром. Погода всю осень стояла как летом — жара. Всего раза два и дождик был. Восход солнца наблюдал вдали от города. То, что я там увидел, описать не сумею! С перелесков поднимается не просто туман, а готовые курчавые облака. Душа ликует при виде этой божественной красоты, как в храме. Мы приехали на центральную усадьбу. Нас двоих поселили у добрейших старичков. У них в доме были памятные мне с детства полати, но на них даже сидеть можно. У деда был сынов баян, на котором я все пиликал. В совхозе почти одни женщины, и они нас жалели и тяжелой работой не утруждали. На вечерках очень весело: не только танцы, но и игры разные, пляски с частушками. Но там для нас мало работы, и нас привезли на отдаленную ферму Березовка. Приехали уже затемно. Нас поставили троих в дом, где была женщина с мужиком болезненного вида и девочка лет двенадцати. При свете керосиновой лампы нас покорми-

ли, и девочка отвела на вечерку. Была у них только балалайка, под которую пели и танцевали. Ночь — глаз коли. Электричества нет. Утром пошли на работу, скирдовать вико-овсяную смесь. Сначала мы только женщин отвлекали, ну а потом бригадир нас все погонял: «Побыстрее, ребята! До снега успеть бы». А я недоумевал: стоит летняя погода — какой может быть снег? Но потом на горизонте появились облака, скоро заволокло все небо, подул холодный ветер и пошел снег. Вот так там резко тогда наступила зима.

11. 10. Снова привезли на центральную ферму. Ранее описано, как открылась рана и я снова в госпитале.

17. 10. Как и кто вылечил рану — я писал.

7. 11. Праздник отметили сказочно! Шефы привезли чего угодно! Даже водки было в достатке. Но меня интересовали только деликатесы.

29. 11. Комиссией признан годным в строй. Через три дня я уже в пересыльном пункте. Морозы до 40 градусов, но ветра нет и переносятся они легко. Только южане ходят раскрылетившись, как пингвины. Бараки холодные, и я очень болезненно почувствовал возврат прежнего. Потом привезли в Новосибирск. В какой-то монастырь. Снова голод, теснота, удушливые, но холодные кельи.

10. 12. Какие впечатления от дороги? Едем не быстрее санитарного. В теплушке дров хватает, ну а к голоду привыкать надо. В дороге как в дороге — всего только одно было приключение. Среди нашего вагона было только трое из госпиталя, а остальные — новобранцы. Так вот один из нас троих без умолку рассказывал о своих подвигах, часто употребляя слова «Родина», «Сталин», «партия». Муторно было слушать его, но я ничего опровергнуть не мог, так как он рассказывал о летних боях, а я воевал зимой. Кроме того, у него было два ордена и несколько медалей. Ну а новобранцы слушали его раскрыв рот. И тут к нам случайно зашел солдат, который рассказал нам: «У нас в палате он во сне все орал: "За Родину! За Сталина! Ура! Бей фашистов!" и морочил нам голову своими баснями». Но раз мы увидели его историю болезни и узнали, что он все время был пекарем и ранен при бомбежке. С этих пор хвастун был у нас в бессрочном наряде: ходил за дровами и водой, топил и т. д. А если отговаривался — от любого получал тумака и присмирел, как овечка.

Для меня это был первый случай лицемерия и двуличия, а потом я убедился, что только таким способом ловкачи-балаболы добивались безопасной службы в тылу, незаслуженно получали награды и звания, которыми козыряют и гордятся теперь. Потому и хотелось бы высказать свое мнение о наградах. Любой окопник знал истинную цену медалям и орденам. Орденоносцев отождествляли с «тыловыми крысами», к которым, кроме презрения, никакого чувства окопник не испытывал. В данное время я смотрю американский сериал «Крутой Уокер». Там он в схватках даже с дюжиной до зубов вооруженных врагов, сам и безоружный, выходил победителем. Ну кто этому верит?! А интересно! Но война не кино, там все взаправду.

Натуральных окопников я сразу после войны встречал очень редко, а сейчас и апеллировать не к кому. Иначе я сказал бы: «Отрежьте мне язык, если уличите во лжи, но я был, видимо, один из невероятно везучих окопников — был в окопах около двух недель подряд!»

Я с людьми, не столько в силу своего характера, а профессии, сходился легко и беседовал не с одной сотней инвалидов. Значительно больше половины из них были искалечены в первом же бою и вернулись домой. До третьего, а тем более четвертого боя пробыли в окопах буквально единицы. Конечно, в

длительной обороне, где существовало практически негласное перемирие, можно было пробыть именно в окопе хоть всю войну. А я имею в виду активные боевые действия, с атаками и тем более контратаками. Таких «везунчиков», может, и насчитывалось на всю дивизию один-два. А кто их замечал? Из пополнения «фронтовые друзья» со сроком дружбы в три-четыре дня? Командир, дающий опасное ответственное задание? А были ли на войне не ответственные и не опасные задания? Если только сапоги почистить? Или: выполнил — ты герой! А не выполнил? То-то же!

Вот я в саперах один раз уцелел и ушел на формирование, в другой раз выбыл по болезни, а третий раз — окончил войну. Среди саперов, я имею в виду минеров, раненых бывает мизерное количество. Не зря же говорится, что минер ошибается только раз. А у нас, как правило, минеров готовили экспромтом, чуть ли не экстерном. А ведь в девяти из десяти случаев минировать или разминировать приходится на нейтральной полосе. А там один подорвался, демаскировал всех — и добраться до своих окопов успеют считанные единицы. Раненых там не подберешь — их просто немцы добьют. Один раз я был минером два месяца, а другой — почти три! И что же я там делал? Баклуши бил? Да при мне состав взвода полностью менялся много раз! За разминирование 25 мин уже полагается медаль. А где они у меня? Редкую ночь, как счастье, бездельничали. А так меньше десяти минут (как донести) на каждого не приходилось, а при разминировании, тем более немецких, мин у тех, которые не могли унести, вывертывали взрыватели, а мины засыпали, прятали. Ну а если это перемножить на количество ночей? А днем часто разминировали уже оставшиеся у нас в тылу наши или немецкие минные поля. Там уже часто счет велся на сотни!

Вот наши знаменитые сыщики в произведениях талантливых писателей всегда ставили себя мысленно в положение преступника и делали логические выводы. Почему же, читая галиматью о войне, читатель не хочет взять на себя труд мысленно встать на место своего героя? Сразу бы нашел кучу несуразностей! Тем более если бы поставил себя на место штабника: награды там приходили не по потребности, а по разнарядке. Что им там больше в штабе делать нечего, как искать по госпиталям раненых героев? Да если бы и нашли они его — кто докажет, что он — герой? В атаку бежали все вместе. Кто упал замертво, кто потом в госпиталь попал, а кто уцелел, заняв немецкие окопы. Что, нормировщик, ОТК, счетовод наблюдал за боем и определял, кто первым ворвался в окоп? Да тут сам Бог справедливо не рассудит. Да и чего рассуждать? Там все равны. Даже трус от природы не проявляет своих чувств из еще большей боязни трибунала. Вот уж тут-то его заметят! И не командиры, а его же товарищи. Там подобного не прощают. И правильно делают!

Вот таким образом после боя старшина привозит еды на 100 человек, а в наличии осталось 20. Так что голодный солдат возьмет свою куцую пайку, а остальное вернет в штаб? Так же и с наградами.

А уж про высший комсостав и говорить нечего! Его, и раненного, награда, по случаю удачной боевой операции, о которой он часто и понятия не имеет, найдет непременно. Ну как верить наградам?!

20. 12. Снова на ст. Окружная стояли чуть не полсуток. Денег у меня еще осталось достаточно, но дисциплина была строгая и я домой забежать не решился. Просился — не отпустили и место назначения не сказали. Прибыли на ст. Внуково в военные казармы. Там формировался Гвардейский воздушно-десантный полк. Медкомиссия как у летчиков. Многих отсеяли. Из оставшихся стали отбирать по специальностям. Минометчиком я зимой хлебнул горя и,

когда стали набирать в саперно-подрывной взвод, меня, как бывшего электромонтера, взяли. Одели во все новое. Нашел себе друга, одногодка москвича Мишу Логинова. Заняли место на верхних нарах. Стали учить нас подрывному делу, обращению с немецким оружием. Муштры почти никакой. Нам с Мишей учение давалось легко, так как у нас у обоих по 10 классов. Геометрия пригодилась.

Стали готовить из нас парашютистов. Начали с прыжков с четырехметровой высоты. Внизу насыпан песок, но что толку? Он мерзлый. Так что все с отбитой задницей, особенно тяжеловесы. Складывать парашют по первому разу ни у кого не получалось. Ну а в ветер гасить парашют — просто мука. Хоть я к этому времени рост набрал 170 см, но более упитанных мужиков он валил в снег, а меня по снегу волок порой до ста метров, и снегу за шиворот набьется столько, что сразу мокрый делаешься. Много ходили на лыжах, и о том, что я впервые хожу на них, никто не догадывался, так как я всегда шел по лыжне. Даже сам в себя уверовал. И вот однажды подошли к крутому высокому берегу реки. Трое смелых съехали вниз, и мне захотелось хвастнуть своей удалью. Ринулся я вниз — только ветер в ушах свистит. Уже по ровному месту мчу! Вдруг впереди куст. Трое обогнули его, а я со всего маху врезался прямо в куст! Одна лыжина пополам. Потом попытался идти вслед за всеми по глубокому снегу, но так мне и до утра не дойти. Один предложил встать сзади на лыжи, и так дошли. Ребята только первые минуты хохотали до слез, но, когда узнали, что я впервые встал на лыжи — я в героях ходил!

13. 1. 43. Новый год не заметили. У нас было и много девушек. И вот я встретил свою одноклассницу по Марчукам — Поддымову Шуру. Она работает при штабе. Предложила и меня пристроить, но я, дурак, отказался. Обещают облет на самолете.

9. 2. Вдруг нагнали такую уйму новобранцев из Средней Азии! Большинство в национальной одежде. Нам любопытно и смешно. Почти никто не ест сала, и мы, особенно я на табак, выменяю у них даже жирную колбасу и тушенку. Но вскоре они ко всему привыкли. А через день нас погрузили в эшелон. Дали продуктов на три дня. В суматохе мы, погружая мины, взрывчатку и повозки со снаряжением, стащили и спрятали ящик сала, консервы и два мешка сухарей. Все голодовали, а мы пировали. Приключения были. Первое, что ребята на продукты на привокзальных базарчиках меняли тол, похожий на мыло. Редко прямо так, а больше — обмазав его мылом. Потом нас обогнал эшелон, где были две платформы с солью. Так вот когда потом мы обгоняли этот эшелон, то и часовые на этих платформах не помешали нам зачерпнуть котелком, привязанным к миноискателю, соли на ходу. А соль тогда была на вес золота!

12. 2. Выгрузились на ст. Осташково. Вокзал разбит. Собрались в развалинах, сварили себе еду и дальше идем маршем на передовую. То лесом, то полем. А тут наступила оттепель. Ночуем в уцелевших строениях. С питанием скверно.

18. 2. Какое совпадение: в тот же день пришел на передовую, как и прошлый год, но только не мороз сейчас, а оттепель. Поели и стали строить блиндажи. Земля под снегом талая, торфянистая, копать легко, но вода очень близко. А это лишняя работа. Сделали землянки для командования, в три — пять накатов. Они легли спать, а мы стали делать себе землянки, но верх в виде шалаша из лапника. Только было сладко уснули, как команда марш, на другой участок. Совсем не отдохнув после ночной работы, усталые и невыспавшиеся, в длинный переход. А там снова блиндажи командирам и шалаши себе. И так всегда.

21. 2. Кажется, тут остановились. Развезло совсем! Меня послали с разведчиками, провести их через минные поля. Их шесть человек с новоиспеченным лейтенантом. На нейтральной полосе нам преградила дорогу огромная лощина, заполненная талой водой. Попробовали — тонкий ледок не держит. Лейтенант говорит: «Тут валенки промокнут. Полезайте четверо на деревья и по вспышкам определяйте огневые точки». Кое-какую «липу» он нанес на карту, а на рассвете мы хоть и невыспавшиеся, но сухие вернулись из «разведки». А мне настрого приказали говорить, что мы были в тылу у немцев. Наши поверили, да и откуда новичкам знать про разведку? Я поел и завалился отдыхать, а все пошли строить по болоту накатную или из вязанок хвороста дорогу. На вторую ночь тоже меня послали в разведку, но старшим группы был опытный разведчик, старший сержант. Наши валенки промокли уже в той злополучной луже, а подойдя к реке Ловать, видим, что поверх льда течет вода почти до колен. Переходя реку, двое поскользнулись и вымокли до нитки, а был хоть слабый, но морозец. Наше счастье, что немцы сделали перерыв и осветительные ракеты не пускали, а то перебили бы нас, как кроликов в клетке: мы как на ладони у них, тащимся по воде. Та сторона северная и у обрывистого берега глубокий, но рыхлый снег. В рукавицах разгребать — не почувствуешь мину. На коротком пути снял три мины. Мои первые мины! Взрыватели положил в карман, для отчета. Вылезли на берег и ползком миновали их посты. А ведь я и в тылу у немцев тоже первый раз. Теперь я понял, почему ребята легко ходили к немцам воровать. Немцы по одному не стоят и без умолку болтают, так что миновать их не составило труда. Пройдя вглубь метров пятьсот, увидели, как трое офицеров вышли из землянки, притоптав непослушную дверь снегом. Как только они скрылись, мы вошли в большую землянку, где горел фонарь, стояло три кровати и стол с вином и закусками. Сержант приказал нам спрятаться: троим под кровати, мне за печку, одному под стол, а сам стал у двери. Минут через пятнадцать послышались голоса и в землянку быстро вошли те офицеры. Мгновение — и в спину последнего сержант вонзил нож. В то же время переднего свалил за ноги тот, что был под столом, ну а среднего — выскочившие из-под кроватей. Но его пришлось прирезать тоже, так как буйствовал. А первому заткнули рот тряпкой и забинтовали, чтобы не выплюнул. Скрутили руки и ноги, завернули в плащ-палатку, и двое понесли его на палке, как убитого кабана. Через окопы тащили волоком. На льду несшие поскользнулись и упали, а «язык» чуть не захлебнулся. Ему развязали рот, а он, прокашлявшись, заорал. Немцы открыли огонь, но мы удачно добрались до нашего берега. Когда я пришел во взвод промокший и уставший, ребята догадались, в какой разведке я был первый раз. С этих пор мы ходили с разведчиками по очереди с Мишей Логиновым и нас обоих ни на какие работы не посылали.

23. 2. Форсировали р. Ловать, как Угру, — по льду. А пушки по болоту пройти не могли, так что, кроме минометов и пехоты, в боях никто не участвовал. Вступили в сплошные болота. Снег даже в лесу весь растаял, идем только по кочкам. Если кочки редкие, лучше добром лезь в болото, иначе, не допрыгнув, весь плюхнешься в воду. Вода в болотах чистая такая, что мы пили ее. Глубина почти везде ниже колен и редко где глубже, чем по пояс. Дно ровное и твердое, как камень. Часто на дне попадаются окаменевшие стволы толстющих деревьев. На сухих, возвышенных местах саперы строят блиндажи командирам, а себе — шалаши. Немцы часто бомбили. У нас был солдат Бабенцев, ничего не боялся, но при бомбежке его охватывал панический ужас. Один раз он убежал так далеко, сам не зная куда, что вернулся только к вечеру. С разведчиками нас не посылают, и мы один раз пошли строить блиндажи. Меня

послали принести еще одну пилу. Отошел я метров двести, как налетели немцы, как раз в саперов бросили кучу бомб и улетели. Послышались крики раненых. Я вернулся назад, вижу — многие убиты, а остальные — ранены. Я стал их перевязывать. Один был жив, но живот вспорот и оттуда все кишки вывалились.

На моих глазах и умер. А Бабенцева нет нигде. Потом я увидел в стороне: лежит он, а его через живот пригвоздил к земле острый срез большого дерева. Видно, чуял он свою смерть от бомбы, и ни от чего другого. С явлением предчувствия смерти некоторыми встречался потом не один раз. В болота мы вклинились так глубоко, что даже продукты нам не могут доставить. Тянем что оставалось: дают по полтора сухаря в день. Варим березовые почки и кору осины (она вкуснее). Верх удачи, если кто подстрелит ворону — они стали пугливые и близко не подпускают. Все ослабли, но упорно строим дорогу из снопов веток и кустарника. А потом как-то сразу приехала кухня и привезла густых отваренных макарон наполовину с тушенкой. Фельдшер просит нас не есть сразу помногу, но разве утерпеть? Ну а вскоре у кого сразу рвота, почти у всех потом понос, а нескольких в госпиталь отправили.

28. 2. Подошли к немецкой линии обороны. Они на возвышении под д. Козловкой, а мы внизу, в болоте. Саперам делать нечего, и мы вместе с пехотой на передовой. Там мы находимся два дня, а потом вторая смена приходит — так и меняемся. Да иначе и нельзя. Ведь наши окопы — нечто невообразимое: на большом пространстве плавают на воде островки. На каждом — кустик, а то и карликовая березка. Неведомо какая сила перемещает эти островки по воде совсем незаметно для глаз. Так вот, на больших островках лежат солдаты в одном белье, укрывшись шинелью и телогрейкой. Для потехи ли или от избытка боеприпасов немцы открывают минометный огонь. Тогда солдаты, как напуганные лягушки, в нижнем белье прыгают в воду, а так как немцы стреляют осколочными, которые взрываются от соприкосновения даже с веточкой, осколки буквально траву косят. Поэтому при свисте «твоей» мины (а мы определять это умели) окунаемся с головой на время взрыва. Ну а потом обстрел прекращается, мы вылазим на островок, меняем белье на сухое и сушим мокрое. И так иногда раза три в день. А как, кроме потехи, назовешь это? Немцы видят нас как на ладошке. А во-вторых, они шрапнелью нас всех перебили бы, если захотели. А обороной это называть глупо: что делать немцам в этих болотах? Вот сначала думал, что хуже морозов ничего нет. Потом оказалось, что весенняя оттепель еще хуже. Ну а эти болота у нас все силы и нервы повымотали: за двое суток сухим побудешь хорошо часов пять всего. А ведь март! Да и во время отдыха работаем в болотах, и всегда промокшие. Обмундирования при сушке пожгли уйму! Правда, и потери у нас маленькие, так что с мертвого не стащишь и ходи в прожженном, пока старшина не заменит. Питание скверное — вечно голодные. Ну а тут группу нас оставили на тыловые работы, а нам с Мишей нашлась работенка: одна огромная возвышенная поляна была заминирована. Нас послали ее разминировать. Прыгая по кочкам, мы еле добрались до нее. Очень на руку нам то обстоятельство, что в минировании мы были монополистами. Видим мы, что на поляне стоят мины наши, летнего минирования, и немецкие, зимнего минирования: над нашими холмики сухой травы, а немецкие все на виду. Мы могли бы все за день разминировать, но зачем? Чтобы потом бревна таскать? Солнышко греет! Мы для пробы разминировали десятка два мин, нащипали сухой травки, сделали себе постельку на припеке и легли подремать. Проснулись, а солнце уже к закату. К нам долетают голоса наших ребят. Если идти в

обход — все равно до темноты не успеть и придется вымокнуть. Решили идти напрямик, на голоса. Кругом можжевельника тьма, потому далеко не видно. И вдруг за кустами увидели накатную дорогу. Чуть прошли, а там машины и накрытые брезентом склады. Сначала мы оторопели, потом смотрим, а угли давнишние. Нашли и продовольственный склад. Набили вещмешки шоколадом, маслом, колбасой, и уже стемнело, когда мы вернулись домой. Во-первых, мы боялись, что нас будут ругать за малое число разминированных мин, судя по принесенным взрывателям. Но командир взвода новичок и нас даже за эти обещал представить к награде. Но когда узнал про обнаруженный склад, поступил умно: чуть не всем взводом отправились туда, взяли там весь шоколад и масло, набрали еще всего, принесли к себе и потом сообщили о находке в штаб. Сразу там поставили часовых. А когда днем мы пришли на кухню и попросили добавки вкуснейшего супа из сухой картошки — нам и полполовника не дали, хотя все уже знали, что саперы нашли склад. Мы с Мишей, пользуясь неопытностью командира, разминируем 40 — 50 мин, а остальное время загораем. На противоположной опушке виднелись блиндажи. Мы разминировали туда проход, сделав его заметным только для нас, и стали осматривать землянки. Покинуты они в спешке: осталось обмундирование, постели и многое другое. В самой большой помещался штаб. Среди прочего там был большой брезентовый мешок с немецкими и русскими деньгами. Мы переложили инструмент из планшета в вещмешок, а его и карманы набили пачками сторублевых купюр. Остальные деньги сожгли по двум причинам: чтобы не ввести в грех того, кто еще взял бы эти деньги и с ними дезертировал. Ну а если бы штаб узнал, то по разрезанным (не смогли открыть замки) мешкам догадались бы, что мы взяли часть денег, и отобрали бы все. Потом, после разминирования, мы ходили в медсанбат подурачиться: подойдем к раненому и попросим немного денег. Кто готов был дать, мы вытаскивали часть пачки и давали ему: «Тебе в госпитале пригодятся». А вот со скрягами была потеха! Просим денег — говорит, что нет, а когда предлагаешь ему за бесценок часы, то у него сразу деньги находятся. Тогда мы показываем ему пачку сотенных и говорим, что пошутили. У него алчно загораются глаза, и он молит: «Солдат, зачем тебе на передовой деньги? Дай мне — я в тыл еду». — «Да ты же с деньгами не умеешь обращаться!» — издеваемся мы. Не раздавать мы не могли, так как деньги приходилось носить при себе, чтобы кто-то не обнаружил их, а они занимали много места. А так мы облегчились.

20. 4. Отправляемся на долгожданный отдых. Все пошли на станцию маршем, а я остался передавать имущество сменявшим нас. На попутках я быстро догнал своих у ст. Поло. Но туда поезда не доходили, и мы пошли на ст. Крестцы. Там нам сменили наше рваное и обгоревшее обмундирование на новое. Кругом разрушения и полное безлюдье.

1. 5. Погрузили в эшелон — и в тыл! Мы еще дорогой все ели немецкие трофеи. В дороге я боялся сорить деньгами, потому покупал, как и все.

9. 5. Проехали через Москву. Как дразнят! Еще больше у меня денег, а как передать? Привезли нас в г. Усмань Воронежской области, и пошли мы в лес. Недалеко от д. Девица построили себе землянки. Питание скверное. В деревне придурков штабных полно, и купить там невозможно ничего. Мушгра буквально изматывает. Вот тебе и отдых!

19. 5. Назначен в наряд на кухню. Я очень люблю суп с галушками, который как раз сегодня и варили. Но я сам на себя удивился, что совсем нет аппетита. Мне навалили полный котелок почти одних галушек, но я и обычную норму не съел. Пришел фельдшер снимать пробу, посмотрел на меня и

сказал: «У тебя желтуха. Пойдем, я тебя в госпиталь отправлю». И отправил. Но тут я еще сначала забыл заметить: на передовой ни одна холера не берет, хотя попасть по болезни в госпиталь — предел мечтаний каждого. Но как только попал в госпиталь — то грипп, то воспаление легких, то еще что-то. По крайней мере, одну треть всего времени чем-то болеешь. Вот и теперь. Госпиталь в барском особняке, большой парк. Питание и уход отличные. Меня все соком морковным поили. Через сестер покупал на рынке что можно. Самого не выпускали до самой выписки.

22. 6. Хорошо отдохнувший, прибыл в пересыльный госпиталь в г. Сомово, а оттуда сразу же направили в г. Алексеевка. Зачислен на курсы санинструкторов, но 15-го с курсов № 65 переведен на курсы № 66 из д. Воротниково в г. Старый Оскол. Я доволен. Сказали, что будем учиться шесть месяцев. Только мы с казахом Топкаевым были там с 10-ю классами, а все с семилеткой. Учеба нам с ним давалась легко, и учился я охотно, хотя по анатомии у меня была тройка. Ну а другим эта наука доставалась тяжело. Помню, спросили одного, что такое антисептика? Ну, курсант мнется и бормочет: «Ну... это... когда убивают микробов... жаром, паром...» — «Тыром, пыром, нашатыром!» — передразнивает учитель. Сильно голодовали, и мне трудно было покупать себе что хочется, так как я этим противопоставил бы себя коллективу. Я и их всех мог бы кормить, но очень много было у нас скверных людей. Часто ходили купаться к чудом уцелевшей плотине. Потом программу скомкали и досрочно кончили: вместо шести месяцев учили всего два. Звание присвоили всем младшего сержанта, и только мы с Топкаевым — старшие сержанты.

27. 8. Погрузили в эшелон — и на фронт. Но дорога в одном месте была такая, что поезд полз как черепаха, а потом и вовсе остановился: этот путь сделали только что и ливнем его сильно повредило. Нас высадили, и мы ремонтировали насыпь. Но и потом, до настоящей дороги, ползли.

12. 9. Прибыл на передовую в составе 372-го стрелкового полка. Утром поднялись в атаку, но нас встретили таким шквалом огня, что мы откатились назад и даже к раненым не подобраться. Да их и было всего двое, но и они вскоре затихли. А убитых уйма! Прижался я к земле, солнышко пригрело, и я уснул. Проснулся не от взрыва, а от боли под левой лопаткой. Дышать больно, мокрота чуть с кровью. Пошел в медсанбат. Но там сказали, что это просто царапина. Сделали наклейку и отправили обратно. Дня через два кровь в мокроте прекратилась, боли — тоже, но ранка не заживает, и только через шесть месяцев беспрерывного гноения из раны сам вышел маленький осколочек. Потом мы прорвали оборону и далеко шли по Украине почти без боя. Недалеко от Днепра в лесу было столько белых грибов, что я мгновенно набил маленькими полный котелок, но наварил почти без соли и этим лишил себя полного удовольствия.

27. 9. Подошли ночью к Днепру и готовимся его форсировать. Сначала организовали штурмовую группу. В нее вошла и наша рота. На берегу или подготовленные саперами, или случайно валялось много кое-как обрубленных деревьев, ящики, проволока. Кто поволок бревно в воду, а кто, в том числе и я, стал связывать проволокой два бревна. Командиры советовали плыть в одном белье, чтобы на том берегу одеть все сухое. Я на два связанных бревна прикрутил ящик, куда все сложил, столкнул свой плот на воду и вошел сам. Сначала ледяная вода обожгла все тело, но быстро притерпелся. Отплыли метров десять, вдруг в небе повисли несколько фонарей на парашютах и стало светло как днем. Ну тут и началось! Со всех видов оружия, кроме самолетов, шпарят по нам. Вода буквально кипит, как в исполинском котле. Из-за

беспрерывного грохота часто не слышно воя «моей» мины и не успеваешь нырнуть. Один раз нырнул, когда вынырнул, то у меня осталось одно бревно, а на его сучке висит санитарная сумка. Остальное — утонуло. Так на одном бревне и приплыл. Выскочив на берег в одном белье, подбежал к крутому берегу, где пули не доставали, и стал искать своих. От семидесяти человек нас уцелело восьмеро, из которых один я вообще с лычками. Да нас и всего из тьмы-тьмущей осталось чуть больше сотни. Уцелел один офицер в звании капитана. Даже в одежде. Он собрал всех оставшихся под свое командование. Все не только из разных полков, но и дивизий. Кто остался в одном белье — разделись донага и размахивали бельем, сушили. Винтовок и лопаток не набралось и двух десятков. Послали нескольких в разведку. Они сказали, что мы находимся как бы на островке, отделенные от берега заболоченным лиманом. Поднялись мы на верх островка, который весь порос ольхой и осиной. Начали окапываться. Рассвело, и увидели, что вся земля покрыта зарослями ежевики с крупными облипными ягодами. Я только к полудню дождался лопатки и отрыл себе мелкий окопчик, так как вода близко. Два дня стояла тишина. Мы видели, как ночью к нам направлялись лодки и плоты, но ни один из них дальше середины не доплывал. Питались мы одной ежевикой. Уже с первого раза набиваешь нестерпимую оскомину. Приноравливались так: возьмем у кого-то котелок и выструганной толкушкой помнем ежевику и глотаем. Но толку что? Заглушишь муки голода на полчаса, до малой нужды, и снова собираем. И только на четвертую ночь привез один старшина четыре термоса каши. Потом стал всех переписывать, мол, для награждения. Но он не доплыл до середины, как прямым попаданием мины лодку разнесло в щепки. А тут немцы нас обнаружили и открыли минометный огонь. Осколочные мины рвутся в ветвях, и получается как шрапнель. Несколько убитых и раненых. Теперь надо ждать атаки немцев. А чем обороняться? Но к нам иначе, чем через заболоченный лиман, не пройти. Тогда безоружные вырезали себе дубинки и все притаились на бережку, возвышающемся над водой на полметра. Немцы не заставили себя ждать. Но их было всего с полсотни. Они постреляли из автоматов и полезли в воду. Мы — ни гугу. Только когда их головы стали показываться над берегом, мы стали лупить их дубинками. Ну а когда задние повернули обратно, всех до единого постреляли. И тут же принялись вылавливать трупы и раздевать их. Зато мы остались почти без единого патрона. Немцы, не дождавшись своих обратно, открыли такой огонь, что чертям тошно. Опять потери. Раненых перевязывать нечем: ведь на всех одна моя сумка. На рану наложу кусочек бинта и тряпьем заматываю. У первых раненых загноение, теряют сознание, орут, а чем я им помогу? Около недели мы были там, а показалось вечностью. Приплывал еще один старшина с солдатом, и все было как и первый раз. А перед основным форсированием приплыл офицер и добрался обратно. Потом началась наша артподготовка. Самолетов много, бомбят немцев, и началось форсирование. Нас ну никак нельзя было назвать плацдармом — мы как в ловушке: ни туда и ни сюда. Поспешили снять с себя все немецкое, чтобы не шлепнули, приняв за немца. Встретили своих, а там тоже беспортошных полно. Все же с нами поделились иные гимнастерками, чтобы нам прикрыть немецкую форму. А сами они в одних шинелях, одетых на белье, остались. Разобравшись, пошли в атаку. Первую линию прорвали легко, но потом, когда выбрались на местность с редким кустарником, вдруг в контратаку пошли власовцы. Ну тут уж шутки плохи. Мы залегли за кусты и пни, и тут вдруг появляется тип в тельняшке и орет: «Братцы! Нас окружают!» Все в панике побежали назад. Пока перевязал раненого, наши уже далеко.

Хорошо, что раненый сам мог ползти. Вот мы с ним и ползли по канаве с крапивой. Окопались перед зарослями кустарника. Я вырыл себе глубокий окоп. Тут начался сильный артобстрел. Нам хорошо видна могила Шевченко на горе, а значит, и немцы нас оттуда хорошо видят. У меня на бруствере разорвалась мина. Я присел, и меня присыпало землей. Встал, отряхнулся — кругом тишина. Думал, что обстрел прекратился, вдруг передо мной взрыв, а звука нет. Я сунул мизинец в ухо — на пальце кровь. В другом — тоже. Я очень перепугался и пошел в медсанбат, но врач успокоил меня, что скоро все пройдет, и оставил меня при медсанбате носить раненых. Вскоре в ушах появился шум, перешедший потом в свист, а вскоре я стал слышать немного хуже прежнего. Побыл я там чуть больше недели и вернулся в свою роту. Само собой разумеется, не пришло и в голову взять справку о контузии. Только рубцы на барабанных перепонках явились подтверждением, как и при ранении в левую кисть руки, о чем ниже. Из-под Канева перешли на другой участок. Наступили сильные холода. Оборона у немцев сильная, и нас остановили. Хорошо, что не было дождей, а дул пронзительный, холодный ветер. Но даже новички так утеплили свои окопчики, что за полчаса там довольно тепло надышишь. Близлежащий кустарник рубили и укрывали ячейки. Вот тут и произошел случай со строптивой санинструкторшей.

12. 10. Мы занимаем оборону на краю глубокого оврага. Позиция очень неудобная. Окопы на ровном поле, которое полого поднимается вверх, к немецким окопам. Оттуда нас видно как на ладони, а к нашим ячейкам скрытого пути нет. За патронами не подняться: немецкие пули аж траву косят, а о снарядах и минах и говорить не приходится. Поле как перепаханное. А мне приходится ползать по открытому месту, перевязывать раненых. Перевязывать трудно: ячейка у каждого настолько мала, что один солдат еле умещается. Я перевязываю, а сам весь на виду. А потом или отволоку раненого к краю оврага и, как мешок с мукой, сбрасываю его вниз. Кто может — доползают сами и прыгают вниз. В такой обстановке всегда много «голосующих»: высунут из окопа руки вверх и ждут шальной пули. Я одного такого сам прикладом по башке саданул: «Ты, гад, будешь орать "санинструктор!", а я к тебе под пулями ползи?» Настоящих предателей, ловкачей, симулянтов окопники ненавидели сильнее, чем фашистов, и при случае были к ним крайне беспощадны.

У меня были бланки справочек, где я подтверждал, что сомнительное ранение — не самострел. А тут солдат тащит патроны и говорит, что на дне оврага много неперевязанных раненых, и я спустился туда и стал перевязывать. Вдруг услышал нарастающий шуршащий звук, и тут же по тыльной части кисти левой руки ударил падающий осколок. Кисть повисла как плеть: две косточки были перебиты. Сделал себе перевязку, с помощью легко раненных перевязал всех, оставил санитарную сумку одному солдату, собрал всех ходячих и повел их заросшим дном оврага в тыл. Непонятно каким образом в одном месте наверху услышали разговор немцев, но благополучно прошли. Кто мог идти, направили из медсанбата прямо в полевой госпиталь. Там мне перевязку не сделали, хоть рука уже сильно распухла. Из большой массы раненых отобрали нас группу человек десять и отправили дальше в тыл в сопровождении двух автоматчиков. Я удивился и спросил: «Разве дорога опасная, что нас сопровождают автоматчики?» Один из них выругался матом: «Ты что это дурачком прикидываешься?!» Тогда меня поразила догадка, что меня приняли за самострел. Ведь мне и в голову не пришло дать самому себе справку, так как ранение слепое, осколочное. Но ведь меня никто не смотрел и не спрашивал... С конвоирами разговаривать бесполезно. Привели нас в г. Драбов и заперли в амбар с мизерным окош-

ком. Я просил часового позвать хоть кого-то из медперсонала, но он и слушать не хотел. Я знал подобную процедуру: когда приходило пополнение, то перед строем, в назидание новичкам, расстреливали дезертиров, самострелов. Мне оставалась слабая надежда оправдаться на краю ямы, хотя там обычно никаких оправданий не принимали. Перетрусил так впервые в жизни! Сам со смертью встречался постоянно, а тут мало того, что умрешь позорной смертью, но мать с сестрою отправят на верную смерть... Но, на мое счастье, пополнение задержалось и врач зашел проверить всех на гангрену. Каждому велели подойти к двери и показать руку выше повязки. Я начал быстро срывать со своей руки бинт, а когда подошел к врачу, превозмогая боль, разогнул скорюченные пальцы и, показывая ладонь врачу, говорю: «Произошло недоразумение: у меня слепое ранение!» Он убедился и взял меня с собой. Врач с генеральскими погонами принес мне извинения, а я молчу о том, что сам санинструктор, чтобы не отругали меня. Но зато и поместили в отдельном домике, вместе со старшим комсоставом. На руку положили гипс, и врач сказала, чтобы я назвал самое лучшее из еды, что бы я пожелал. У меня фантазии хватило только на курятину. Буквально часа через два мне принесли целую зажаренную курицу, которую я и съел за один присест! При отличном питании и уходе рана зажила быстро. А из спины все продолжал сочиться понемногу гной. Но обходился одной наклейкой, и рану сочли досадной царапиной, хотя из-за нее перевели в батальон выздоравливающих.

28. 10. Целый месяц я пробыл там, валяя дурака, но вот записей не сохранилось никаких.

27. 11. Прибыл в 217-й армейский запасной полк. Вскоре я пришел в санчасть сменить наклейку на ране и познакомился с выпивохой-фельдшером. Когда он узнал, что я санинструктор, то сразу и взял меня к себе в помощники. Я для него был просто находкой! С тех пор я один вел прием не только для перевязки, но и с кашлем солдат и даже с температурой направлял в госпиталь. Пока он был трезв, учил меня терапии (а терапевт он был отличный!), ну а пьяному ему солдаты залепили очки бумажкой, а он испугался, что ослеп. Тут стали искать моей дружбы даже офицеры! Ведь я всегда мог налить рюмочку, хотя сам пробовал, но всегда попадал в нелепые ситуации, описанные выше.

7. 1. 44 г. Меня назначили штатным санинструктором 3-й автоматной роты, но это просто условное название, так как мы попросту формировали и отправляли на передовую маршевые роты. Часто у нас в роте скапливалось до тысячи человек! Тут уж я сам управлялся со всем и только в тяжелых случаях направлял кое-кого к фельдшеру. Еще в мою обязанность входило следить за закладкой продуктов в котел и снимать пробу. И тут я первый раз столкнулся с мухлеванием: в котел-то попадало меньше половины положенного!.. Я тут же поднял хай! Повар позвал старшину, который повел меня к командиру роты. Командиру было далеко за пятьдесят, очень добрый и интеллигентный человек, он чуть не час мне объяснял, что к чему, уверяя, что так уж заведено и не мне это менять. Больше я никогда не встревал, но зато со старшиной роты зажил душа в душу! Те продукты, что не входили в рацион, яйца, сметана, мед и другое, выменивали на обмундирование или на колбасу, тушенку. Вот тут я и познакомился с Ниной, что описано выше. Отдать ее, как вещь, командиру, сохранив все блага тыловой крысы, я не мог и потому был зачислен в ближайшую маршевую роту.

10. 2. Отправлен на передовую. При отборе по специальности решил назваться минером, так как санинструктором в снежных окопах очень тяжело. Саперы по минированию работают в основном ночью, а днем — в тылу.

18. 2. Прибыл на передовую. Какое совпадение: третий раз 18 февраля попадаю на передовую! У нас был 443-й особый саперный батальон. Я назначен помкомвзвода, хотя звание старшего сержанта у меня медицинское. Вскоре, по причине отсутствия потерь при минировании, я руководил группой минеров и на другие работы нас не посылали, даже когда не было минирования. А минирования всегда были. Часто совсем бессмысленные. Зимой мы всегда наступали. Немцы противопехотными минировали мало — больше противотанковыми. Мы пользовались в основном немецкими минами, снятыми у них же. Иной раз вечером заминируем нейтральную полосу, а перед утром нам приказ: разминировать! Как-то один малограмотный так поставил мину, что сам не мог ее найти, и я стал помогать ему искать. У меня волосы дыбом встали, когда я сквозь ватные брюки почувствовал боковой укол усиков мины... Другой раз заминировали большое поле противотанковыми минами, оставив узкий проход для своих, чтобы в случае отступления заминировать и его. Выставили охрану. Вдали показалась штабная бронемашина (трофейная), мы ее знали, и едет прямо на мины. А узбек бежит навстречу ей и орет: «Мина́, мина́! (с ударением на "а")». Водитель думал, что тот просит подвезти его, и проехал мимо, напоровшись задним колесом на нашу, деревянную мину. Заднего колеса как не бывало! Но каково же было мое удивление, когда водитель повозился с полчаса — и машина с новым колесом поехала! Другой узбек не поставил предохранительную планку и наступил на такую мину: от него осталась валяющаяся метров за пятьдесят голова с кишкой на шее, а от остального тела — мелкие кусочки.

25. 2. Вышли из боев и 28-го прибыли в Белую Церковь на отдых. Из младших офицеров ни одного не осталось, и командирами взводов были старшины и сержанты. Я тоже стал командовать взводом. Первым взводом командовал старший сержант Тиликовский: трусоватый, подлый, услужливый подхалим. Командир роты тоже того же пошиба и с Тиликовским дружил. Так как мой взвод был всегда на минировании и нас высшее командование ценило, у Тиликовского это вызывало зависть и злобу. Он всячески старался навредить мне. Раз он с командиром роты проверял состояние оружия. Я всегда сам следил за этим строго, и свое старое оружие все содержали отлично, благо времени от минирования было много свободного именно днем. Так вот Тиликовский придрался к старой раковине от ржавчины, за что грозило явное снижение балла. Тогда я взял винтовку у ближайшего солдата его взвода и показал свежую ржавчину командиру роты. Но все равно лучшим признали взвод Тиликовского. Во время короткого отдыха нас просто изнуряли строевой подготовкой. Да еще приказывали почти беспрерывно петь, чтобы по песням определять, не отдыхаем ли мы. Весна в этом году ранняя. Половодье. Солнышко пригревает. Ну мы и пошли на хитрость: на припеке, за кустами приволокли бревна, садимся на них и горланим песни, а я командую: «Атьдва!» Тиликовский пронюхал нашу хитрость и незаметно привел самого командира батальона. Застав нас сидящими на бревнах и горланящими песни, он от удивления опешил, а потом подозвал меня и, выслушав мой несуразный рапорт, вместо ожидаемого Тиликовским разноса и взыскания, сказал: «Благодарю за находчивость!» А узнав, что мы — группа минирования, совсем освободил нас от строевой, заменив ее отработкой минирования. А это все равно что отдых. Каждый день мы теперь со свежей рыбой: глушим ее в реке. Бикфордов шнур надо делать как можно короче, чтобы тол взорвался ближе к поверхности воды, где рыба. Один раз тол взорвался в воздухе и нас всех взрывной волной повалило на землю. Вообще у меня ребята подобрались

отличные! Но вот от команд и окриков они успели отвыкнуть. Ведь нам дадут задание, мы выполним добросовестно, и больше к нам нет претензий. Так вот один мой солдат не выполнил какой-то приказ Тиликовского, а тот ходатайствовал перед командиром роты, чтобы посадить того солдата на «губу». Тогда я сказал: «Сажайте лучше меня, а я с несправедливо наказанным солдатом минировать нейтральную полосу не пойду!» Тиликовский еще более возненавидел меня, да и командир роты был не в восторге.

5. 3. Погрузились в эшелон и через пять дней прибыли на другой участок фронта. Когда мы шли к передовой, один солдат попросился забежать домой, узнать — живы ли родные. На свой страх и риск я отпустил его, сообщив ему, куда мы идем. К моменту проверки он не вернулся. Что он не сбежит, я был уверен, но могло случиться и еще что-то, поэтому я счел за лучшее обо всем доложить. Не успел я произнести последние слова, как прибежал тот солдат. Но командир роты вызвал меня, наорал и сказал, что разжалует меня в рядовые. А у меня откуда-то взялась смелость, и я вызывающе сказал: «С должности вы меня снять можете, а звание у меня медицинское!» Он тогда оба малочисленных взвода, мой и Тиликовского, объединил и меня по должности рядовым направил к нему. Ну а этот гад возликовал! Первым долгом назначил меня постовым, но я ответил: «Надо учить устав: сержантский состав на посты не ставят!» За месяц перед этим было подано на повышение звания нам обоим, но почему-то мне присвоили звание старшины, а Тиликовскому — нет. Так что я по званию оказался старше его, и когда тот пытался по мелочи уязвить меня, то я в ответ: «Вы сначала попросите разрешения обратиться к старшему по званию!» Он приутих. А тут распутица. Сначала мы заняли оборону, потом пришлось отступить на пятнадцать километров! И тут же нас направили на другой участок фронта. Шли долго и без отдыха. Я даже спал на ходу, держась за повозку с минами. Один раз руки отцепились, я свернул, сонный, в сторону и кубарем полетел под откос насыпи перед мостом. Во время остановки на отдых, какой бы она короткой ни была, надо сразу строить блиндажи начальству, а число накатов зависит от близости передовой. Моя группа подчинялась Тиликовскому и потому работала наравне со всеми саперами, когда пехота уже отдыхала. Так что не только поспать, а отдых мышцам не успевали дать, как снова команда «Вперед!».

Один раз прошли (драпали) километров пятьдесят. Все «сели на ноги», а я нашел в себе силы пошарить по разбитым домам и в подполах нашел картошки, наварил своим ребятам. Тут снова пошли в наступление по грязи. Не говоря о пушках, повозки с минами отстали далеко сзади. Наш легкий прорыв остановили немецкие танки, а у нас против них даже мин нет. Танки разгуливали по нашим позициям, как у себя дома. Но у немцев совсем не было пехоты. Наконец мы обнаружили большое минное поле. Сняли там более тридцати противотанковых мин. Но Тиликовский, находившийся на КП пехотного полка, решил выслужиться и приказал заминировать ими подход к селу днем. Я возражал, но он еще более распетушился. Тогда мы пошли минировать на виду у немецких танков. Они дали нам спокойно заминировать, а потом так же спокойно подъехали, сняли эти мины и увезли. Командир полка ругал Тиликовского и похвалил меня, что я десять мин оставил. Командир полка приказал мне остальными минами распоряжаться самому. И стали мы применять партизанские методы, которым нас учили еще в ГВДП. Один танк подорвали у крайней хаты, но его немцы уволокли на буксире. Второй — у церкви налетел сразу на две мины и загорелся. Третьему на доске пододвинули мину, немцы вылезли, а мы их перебили, а танк подожгли бронебойно-

зажигательной в бензобак. Каждый раз докладывали в КП, и Тиликовскому стало завидно, что командир полка обещал нас предоставить к награде, и он решил, что за танками охотиться проще, чем за воробьями, сам пошел с нами. Танк стоял на пригорке, метрах в ста пятидесяти от последнего дома. Всего нас было шестеро. Спрятались мы за стогом соломы. Тиликовский приказывает мне и Амосову, которого он терпеть не мог за его богомольность, взять по мине и подложить под гусеницы танка. Я попытался доказать, что мы перед ним как на ладони, он выхватил пистолет и заорал: «За невыполнение приказа застрелю, как труса!» Нам ничего не оставалось, как взять по мине и ползти к танку. Ползем, как лягушки к змее, не сводя глаз с танка. Нас там сразу заметили, пулемет его повернулся в нашу сторону, и дырочка его ствола уставилась на нас. А мы ползем. Пулемет поднялся и дал очередь над нами и снова нацелился на нас. Мы остановились и оглянулись, а из-за скирды Тиликовский грозит пистолетом и орет: «Вперед, трусы! Пристрелю как собак!» Тогда я первый не выдержал, встал и на вытянутых руках несу мину, как хлеб-соль. Иду медленными шажками навстречу своей смерти. Снова пулеметная очередь поверх наших голов остановила нас. А Тиликовский орет: «По-пластунски, сволочи! Последний раз предупреждаю!» И тут сзади нас раздался выстрел. Я обернулся, думая, что это в нас, и увидел, как упал Тиликовский. Тогда мы повернули обратно и так же тихо ушли, а из танка ни выстрела... Когда я спросил ребят, кто это его, они с насмешкой: «Из танка!..» Интересно, что думали о нас немцы? Почему не стреляли сразу? Или их удивила несуразность происходящего? Вообще часто было много загадочного в поведении немцев.

17. 5. Нас уже не держат на передовой — пехоты хватает. Уже совсем лето. Мы стоим километрах в трех от передовой и по ночам ходим минировать. Ночи стали короткими, не успеваем выполнять задание, и безвинно нас ругают. Разминировать намного труднее, чем в снегу. Несем большие потери: стоит одному подорваться на мине, как немцы нас буквально ополовинят, пока доберемся до окопов. Присылают неопытных новичков, и они часто подрываются. Так что вместо дневного отдыха учу новичков целыми днями. Даже на учениях двое умудрились подорваться. Хозяйка гонит самогон из свеклы и угощает ребят. А мне вдруг стало холодно, а потом жар, пот и высокая температура. Я догадался, что это малярия, и пошел в санбат. Там думали, что грипп. Оказалась именно малярия, и меня отправили в госпиталь.

Но никак нельзя не описать моего четвероногого друга — Иисуса Второго.

Пусть не сочтут это религиозным кощунством, но мой дядя Петр при вступлении в колхоз сдал такого доброго, терпеливого и работящего коня, что его окрестили колхозники именем Иисус, начисто забыв о его прежнем имени. Но мне довелось познакомиться с таким же в войну.

У нас было несколько повозок с плотницким и другим инструментом, материалами, а также большой запас как своих, так и трофейных мин.

Базируются саперы не ближе трех километров от передовой. Так что достают только снаряды и бомбы. Потому и спокойно. Относительно, конечно. А группа минеров работает почти всегда ночью, на нейтральной полосе, днем отдыхая и совершенствуя свое мастерство. Однажды я увидел бродячего коня. Вернее, он сам к нам пришел. Хотя уже достаточно было вокруг травы, он подошел к костру и выжидающе смотрел на солдат, пока его не угостил один кусочком сухаря. Все увидели и поняли, почему этот конь был бесхозным: у него был выбит и кровоточил один глаз. Тогда я промыл ему рану раствором марганцовки и, засыпав стрептоцидом, наложил повязку. Тоже дал ему сухарик. И с тех пор он буквально не отходил от меня. Когда мы продвигались за

фронтом, я ехал на нем верхом. По причине своего одноглазия он все время отклонялся в сторону слепого глаза даже с дороги, и его постоянно приходилось поправлять. Все подтрунивали надо мной и моим «трофеем», но искренне любили его за добрый, ласковый нрав и смекалку. С первых же дней я рассказал ребятам о коне моего дяди, и все поддержали меня, что я тоже назвал его Иисусом. Эта сообразительная скотина так скоро привыкла к своему новому имени, что отзывалась на него даже издалека. Лошади чаще спят стоя, а Иисус, если мы примощались на открытом месте, ложился рядом со мной. Вначале клал свою пудовую голову на меня. Я говорил ему, что мне тяжело, и он убирал ее. А потом я уже вплотную прижимался к нему и клал голову на него. Ему это было очень приятно, как будто я понял его намек. И пока я сплю, он даже не пошевелится. А как только я встану — он тотчас тоже встает. Пить просит — принесет в зубах пустое ведро. А за лакомством лезет к карману брюк и дергает за него. Лошадей у нас было много, и все относились к ним как обычно, а Иисус был всеобщим любимцем. Бездельником он не был, но годился на то, чтобы навьючить на него что-то и вести его на поводу. Чуть больше месяца побыл я с ним. Повязку с глаза снял. Ну а тут наша часть пошла на формирование. Лошадей взяли с собой мало, и для Иисуса места не нашлось в вагоне. А когда мы сели в вагон, он встал на дыбы, положил передние ноги на пол телячьего вагона, где были оборудованы для нас нары, и потянулся ко мне головой. Я обнял его за голову и заметил, как у него из уцелевшего глаза катятся слезы. Я не выдержал и заплакал. Никто из солдат не осудил меня за эту слабость. Они и сами-то притихли и отвернулись.

27. 5. Вылечился от малярии и решил переменить профессию: пошел к начальнику медслужбы и показал ему свой «диплом» санинструктора, а их всегда не хватало. На другой же день меня направили санинструктором в 1198-й стрелковый полк. Наша рота занимала оборону на крутом берегу реки. Прямо перед нами взорванный мост. За рекой — деревушка, огороды и сады которой спускались к самой реке. А немецкие окопы на возвышении, за деревней. Конечно, в селе ни души, только куры бегают. Вот мы и приноровились туда ходить на рассвете на охоту. Ребята даже козу и овцу притащили. Туда и немцы наведывались. Один раз мы с ними буквально лицом к лицу столкнулись, но сделали вид, что не заметили друг друга. Потом немцы окопались ближе к берегу. Наша позиция была очень неудобной, так как далеко тянулось ровное поле. Мы перед немцами как на ладони. Солдат мало, беспрерывно роем траншеи все глубже, и все равно им виден каждый наш шаг. Но, к нашему счастью и удивлению, немцы не стреляли. Разумеется, и мы не провоцировали их. Так что часто они и мы ходили в открытую. И вот как-то к нам пожаловал офицер из штаба и увидел эту благодушную картину. Он приказал немедля открыть огонь и впредь стрелять по каждому немцу. С этого дня кончилось наше негласное перемирие отнюдь не в нашу пользу. На каждый наш неудачный выстрел ответно обрушивался такой шквал огня, что потери были очень большие. Пришло пополнение, большинство нацмены. Траншеи стало можно рыть только по ночам. Немецкие снайперы не давали поднять голову. Прислали наши тоже трех снайперов, среди них одну девушку, которую убили после ее первого выстрела. Остальных убили вскоре. У одного я взял снайперскую винтовку себе и стал «охотиться». У меня была целая коллекция патронов: трассирующие, бронебойно-зажигательные и др. Я заметил в прицел, что в один дом часто забегают немцы. Трассирующей пулей я поджег соломенную крышу, и из дома стали выбегать немцы. Тут мы хоть чуть-чуть поквитались с немцами. Стали сильно докучать вши. Был объявлен кон-

курс по санитарии. Но в тылу жарилка была настолько плоха, что вши оставались живы. Тогда один опытный стал водить солдат в близкий лесок, где на потревоженный муравейник клали белье, и буквально через несколько минут, стряхнув муравьев, в белье не видели ни одной гниды. Благодаря этому мы заняли первое место! Запомнилось, как я спрашивал у черных: «Битык бар?» — «Ек!» — отвечали они.

10. 7. Уступили свои обжитые окопы смене, а сами направились на другой участок. В лесу был короткий «отдых» с изнуряющей строевой.

16. 7. Направились маршем на передовую, а через день пришли на место. Это было недалеко от Тернополя, где проходила ликвидация окруженной группировки. Командир роты со связистом расположились в большом глубоком окопе рядом с опушкой в лесу. Мне командир роты приказал быть при нем. Вскоре наша пехота пошла в атаку и послышались первые крики раненых. Там были только два санитара. А на меня крик раненых стал действовать как крик ребенка на мать: как бы я крепко ни спал, все равно враз просыпаюсь. Даже сквозь грохот боя слышу крик. Через несколько минут криков стало больше, и я, не выдержав, резко сказал, что в этом деле я ему не подчиняюсь и должен быть на поле боя. Не успел я отойти и двадцать метров, как снаряд угодил прямо в тот окоп. Я вернулся и увидел разорванного пополам, полузасыпанного связиста, а командиру, как ножом отрезало, обе ноги оторвало ниже колен. Я наложил жгуты, а он говорит: «Прости, что не отпускал тебя: мое сердце чуяло недоброе». И действительно, он истек бы кровью буквально за несколько минут. Отправив его с солдатами с поля боя, я побежал на передний край. Перевязав трех или четырех раненых, я пополз к окопавшимся солдатам. И снова команда в атаку. Мы пошли по высокой пшенице вслед за своим огневым валом. На самом гребне высотки немцы пошли в контратаку. Прямо на меня шел обросший пожилой немец. Он дал по мне очередь, а я хотел прошить его из автомата, нажал на спусковой крючок, а патроны в диске кончились. Запасной был в вещмешке. Оглянувшись назад, на полосе клевера увидел будто бугорочек. Забежал за него и начал снимать, сидя, вещмешок. Успел снять одну лямку, как прямо в ноги мне упала и завертелась граната. Я растерялся и, вместо того чтобы оттолкнуть ее ногой, инстинктивно хотел лечь на живот, а она и рванула. На мое счастье, на ней не было «рубашки», а без нее осколков мало. Почувствовав знакомый удар и онемение в обеих ногах, понял, что надо делать себе перевязку. На руках отполз в рожь и услышал шаги со стороны немцев. Я притворился мертвым, и тот немец прошагал мимо меня. Я боялся поднять голову: ведь сзади могли идти другие. Не прошло и пяти минут, как перестрелка утихла и послышались шаги уже с нашей стороны. На всякий случай не двигаясь, из-за прищуренных глаз увидел знакомого солдата, санитара, который перевязал меня и сволок вниз. Раны разболелись, а от большой потери крови кружится голова. До леса везли на танке, а по лесу до санбата на носилках. Только через день мне в медсанбате сделали обработку ран. У меня было шесть отверстий, и вокруг каждой делали по нескольку обезболивающих уколов. Новокаин был слабый, и пока обезболили последнюю рану, на первой, которую начали резать, заморозка прошла и резали по живому телу. Врач мне еще посоветовал: «Не стесняйся, ори — полегче будет». Это правда: иные ругаются, кто поет, а я сначала сильно кряхтел, а потом заорал! Полегче стало.

23. 7. Привезли в г. Проскуров. Рентген показал повреждение костей обеих стоп, и мне стали накладывать гипс: промыли рану и поставили сестру отгонять мух. Но она отвлеклась разговором с легко раненным офицером, а в это

время на рану правой стопы села муха. Я сказал об этом сестре и просил промыть рану перекисью водорода. Но она огрызнулась на это, сказав, что муха не садилась. Наложили гипс: на левую ногу выше колена, а на правую даже пояс забинтовали. Так что я мог только голову поднимать. А через несколько дней я почувствовал сначала зуд, потом жжение в этой ране. По рассказам бывалых солдат, я понял, что вывелись черви. Я сказал об этом врачу, но она ответила: «Какие могут быть черви, если недавно наложили гипс?!» Обычно мухи залезают под гипс, когда спадет опухоль. А мне уже от боли нет терпения. Прошу прорезать окно в гипсе, но и этого не делают. Я, как тяжело раненный, не имел соседа на двухъярусной кровати, и доски вверху вынимались свободно. Я потерял терпение и запустил в доктора доской. Тогда в гипсе проделали дыру, откуда повалила куча червей. Рану промыли, но черви сделали свое дело, и боли в ране стали усиливаться с каждым днем. Начал от боли терять сознание, а потом больше был в бреду, чем в сознании. Наконец по моей просьбе меня назначили на ампутацию стопы. Я лежу на носилках в операционной, а тут, на мое счастье, пришел какой-то врач-майор и наш врач все ему объяснил. Когда очередь дошла до меня, майор возразил, что можно обойтись без ампутации. Я сказал: «Отрезайте ее скорее: не умирать же мне из-за нее!» А он пошутил: «Ты еще на ней плясать будешь!» И попросил сам сделать мне операцию. Наркоз на меня, непьющего, подействовал быстро, помню только мои слова «малиновый звон», а что это значило — сам не пойму. Когда я проснулся, то боль будто сильнее стала, но с этих пор я сознание больше не терял, даже более того, в первую ночь по-настоящему поспал часа три. На другой день я попросил покушать фруктов из компота. А тут подошла молодая не то сестра, не то няня и спросила, что бы я хотел покушать самое лучшее, и я назвал невозможное по тем временам: блины. К моему невероятному изумлению, она утром принесла еще горячие блины! Каких же трудов ей это стоило! А я даже имени ее не запомнил!.. С этих пор я стал хорошо есть и быстро пошел на поправку.

28. 8. Погрузили в эшелон и 30-го привезли в г. Чистяково ЭГ 6029. Там нас часто навещали шефы, приносили гостинцев, много и вкусных. Но купить там было совершенно нечего. Кормили отменно! Там я и получил роковое письмо от Нины и вскоре познакомился с Нэллей.

10. 10. Попытался встать на костыли, но из ран хлынула кровь. Стал постепенно спускать ноги с кровати и 23-го уже начал ходить на костылях, а 29-го даже с одной палочкой сделал несколько шагов. Праздник отметили шикарно! Мед, мясо, пироги, пиво! А самодельного вина и я пробовал!

17. 12. Перевели в госпиталь 4451, и у меня снова был приступ малярии, но ее быстро заглушили. В этом госпитале была отличная библиотека, так как там лежало большинство старших офицеров и совсем мало сержантов. С первых дней я стал разносить книги по палатам и читал вслух одному слепому. Да и вся большая палата слушала. Потом меня даже на дежурство стали назначать, хотя дежурили только старшие офицеры. Стал там членом редколлегии, выпускали часто интересные стенгазеты, как нигде до этого. Вот тут-то я и ездил к Нэлле. Если бы не мое привилегированное положение, под трибунал угодил бы. Но обошлось нотацией. Время выписки приближается. А у меня навязчивое желание посмотреть Германию. Это было не ребяческое любопытство или бравада. Дураку ясно, что до победы недалеко. Ну а мне предстоит обоз, последняя повозка и никакой заграницы. Тогда я поговорил с врачом и попросил, чтобы признали меня годным в строй.

7. 2. 45 г. Признан комиссией годным в строй. Ума не приложу, как ходить

без палочки?.. Но в справке написали «Легко ранен». Через два дня я уже в распределительном пункте г. Сталино, откуда прибыл в 244 АЗСП города Святогорск, очень любопытный своими монастырями в меловых горах. Мылись в холодной бане. Питание такое скверное, что я нигде такого не видел. Хуже, говорят, Гороховец. От строевой всеми правдами и неправдами, как старшина, отделался. Помогал при штабе.

25. 2. Зачислен в маршевую роту, но при прохождении медкомиссии не мог присесть, упал от боли. Меня отставили на три месяца. Да ведь при таком питании подохнешь! Всеми силами стараюсь скрыть свою хромоту, а это так трудно!..

20. 3. Снова зачислили в маршевую роту, уже и одели в новое, но один офицер заметил мою хромоту, раздели, и снова комиссия дала отсрочку. Хорошо, что они не смотрели раны: ведь в справке написано «легко ранен», а то враз увидели бы, что пленка раны к кости приросла.

30. 3. Опять одели и на этот раз отправился с маршевой ротой на фронт. В эшелоне хоть кормили хорошо, но ехали-то по оккупированной территории и купить съестного было негде. Дорогой ничего примечательного не было. Но остановка в Варшаве запомнилась надолго! Нас только собирались отпустить погулять, как снова построили и скомандовали: «Кто совсем не пьет вина — два шага вперед!» Вышло вместе со мной три или четыре человека. Тогда просили выйти тех, кто мало пьет. Ну, таких вышло много. Меня назначили старшим в группе человек в двенадцать и объяснили задачу: обнаружен огромный винный погреб и солдаты упиваются чуть не до смерти. Так вот, мы должны охранять его. На месте увидели забавную картину: в дыру взорванного входа в этот склад вереницей шли солдаты с любой посудой, а оттуда несли, еле держась на ногах, котелки с вином, вещмешки и охапки бутылок. В подвале разглядеть можно было что-то только возле пролома, а дальше — кромешная тьма. Я поставил четырех часовых у входа, и они пропускали только оттуда с котелком и не более четырех бутылок. Лишнее отбирали и клали у входа. Я соорудил факел и спустился в погреб. Прямо от входа стоит бесконечный ряд бочек, которые прострелены и из дыр хлещет вино. По правую сторону стоят штабеля ящиков с бутылками, под самый сводчатый потолок. Удалив последних «покупателей», стали затыкать дырочки, выстругивая колышки из досок от ящиков. Ну а «покупателей» собралась толпа! Я на свой страх и риск распорядился давать по четыре бутылки каждому. Но толпа не уменьшалась. А тут пришел какой-то майор и приказным порядком взял десять ящиков вина. А что я, старшина, против него смогу? Даже младшему лейтенанту вынужден подчиняться. Я тут же послал одного в штаб с запиской. Пока пришел оттуда майор, я еще вынужден был позволить пятерым или шестерым офицерам взять по нескольку ящиков. Ну а после прибытия майора ни одной бутылки никому не дали. В другом отсеке были уже крепкие напитки. Когда нас сменила постоянная охрана, то наше эшелонное начальство затарилось только крепким, а также и мы взяли, сколько унесли. Я угостил в вагоне всех хорошо! Ну а себе взял бутылку очень сладкого и душистого вина, но пил по глоточку, боясь опьянеть. Вечером ходили в уцелевший православный храм и походили по кладбищу. А куда идти? Одни развалины кругом. Так что медаль моя «За освобождение Варшавы» получена не зря, хотя в боях за Варшаву я не участвовал. Польшу всю освободили без меня.

10. 4. Прибыл в 215 АЗСП в г. Штуттгарт. Разрушений мало, но не видел ни одного жителя. Немного походил по квартирам. Все перерыто, обшарено, поломано, порвано, побито. Кем? Но и по обстановке я никак не мог понять, а

где же у них живут бедные? Ведь в школе я узнал, что там живут почти что в рабстве. Думал, что их рабы-рабочие живут где-то отдельно, а тут одни угнетатели: фабриканты, банкиры, министры. Мне бы и сказали, что это квартиры рабочих — я все равно не поверил бы: у нас в такой роскоши и главврач больницы не жил! Ну а потом понял, что к чему. Да и все это поняли. Тут Сталин потерял много больше, чем 20 миллионов убитых! Прозрели политические слепцы, одураченные нашей пропагандой.

12. 4. Прибыл в 29-й гв. к. к. о. С. с. п. 12-й с. дивизии в г. Штеттин. При отборе я назвался минером, так как санинструктором я и дня не проработал бы. Как на грех, полк собрался переходить на другой участок. И опять повезло: пока велели ехать с кухней. Шли долго по широкому шосе, поколупанному снарядами. Многие раздобыли велосипеды и едут. Мне тоже попадались брошенные велосипеды, но я не мог ездить. Вдруг я увидел бродячую лошадь и поймал ее для нашей кухни, в запас. Так и ехал на ней.

15. 4. Прибыл в саперный взвод, но, когда командир взвода заметил мою хромоту, изматерился и повел меня в штаб, чтобы отправить на комиссию. Но прежде, наряду с другими вопросами, спросили, знаю ли я сложное минирование. Я об этом знал, но практики не было вовсе. Однако я бодро соврал: «Конечно!» Тогда перестали ругать, и я стал в тылу разминировать разные объекты. Освоился сразу. Ну а на передовой я изредка был консультантом. Жизнь легкая, не подорваться бы.

18. 4. Готовимся форсировать Одер. Тот берег крутой. Там много лодок. С темнотой мы группой человек в десять взяли бревна, привязали к ним по нескольку телефонных проводов, переплыли на ту сторону, выбрали нужную длину провода, привязали лодки и дали сигнал, чтобы почти затопленные нами лодки они тянули на себя. Получилось, хоть немцы ракеты пускали. Теперь за провод мы могли тянуть лодки и плоты. Перетянули еще человек двадцать и тоже с проводами. Когда по сигналу стали перетягивать всю штурмовую группу, немцы обнаружили наших уже у самого их берега, но достать нас было можно только минометом. Так что потерь почти никаких. Мы окопались, и штурмовики стали ждать сигнала к общему форсированию, чтобы ворваться в окопы немцев. Ну а мы, саперы, тут свое дело сделали и просто ждали конца. Бой был упорным, и если бы не «катюши», то потери были бы огромные. После пошли быстро. Я всегда ехал на повозке с минами. При занятии населенного пункта жилые дома не попадались заминированными, но мосты, дороги без объезда были заминированы с часовым устройством и взрываться могли уже потом. Так что поломать голову было над чем. Один раз создалась такая ситуация: довольно большая река разделяла нас, железнодорожный мост был взорван с одной колеи и были отчетливо видны ящики взрывчатки на втором. Немцы только ждали отхода своих танков, чтобы потом взорвать. Не знаю, может, испытывал меня комадир, но он на разминирование готов послать только добровольцев, хотя было яснее ясного, что это моя работа. Конечно, я вызвался. Добраться до моста скрытно даже по-пластунски было невозможно, а взобраться на насыпь вообще немыслимо. Я взял в карманы что надо по подрывному делу и пистолет и пополз от кочки к кочке. Ну а потом и кочек не стало. Я перед немцами как наливное яблочко на тарелочке. Пристрелили бы они меня мгновенно. Опять выручил случай: хоть всем было приказано не открывать огонь по немцам, кто-то выстрелил. Что у меня сработало? Но я поднялся и побежал к насыпи. Поднялась стрельба с нашей стороны. Куда они стреляли и почему? Мимо меня ни одна пуля не просвистела. Явно немцы подумали, что я перебежчик,

и не стреляли. Сильно хромая, я взобрался на насыпь и скатился по ту сторону, которая немцами не просматривалась. По горизонтальной части огромной балки подполз к ящикам и стал перекусывать провода и проволоку, которой привязан заряд. Потом мыслил ползти на ту сторону, где дождался бы своих. И хорошо решил! Как только ящики плюхнулись в воду, немцы все поняли и из крупнокалиберного пулемета бронебойными прошили всю балку, где я должен бы ползти обратно. На том берегу я притаился в одном закутке моста и дождался прихода своих. Я даже уснул там и не встретил атакующих, так что меня считали погибшим. Как раз в ближайшем городке и была моя находка. Не в пример другим, там были заминированы почти все магазины, мастерские и т. п. Мне дали двоих помощников, и мы пошли разминировать и ставить знаки. После разминирования нескольких магазинов мы стали осматривать маленькую фабричку. Там даже окна заминированы. Пришлось лезть через чердак. Заминировано было на совесть! Это оказалась ювелирная фабрика. В сейфах была разная дешевая мелочь. Но все равно мы ею набили карманы. Ребята шарят внизу и в подвале, а я пошел наверх. Но там даже сейфов не было. А на первом этаже в дальней комнате стоял огромный сейф. Ломиком не открыть. Тогда мы подложили под низ с кило взрывчатки, зажгли шнур и ушли подальше. Когда рассеялся дым, мы увидели, что в шкафу одни бумаги, но взрывом пробило дыру в замурованную часть подвала. При свете фонарика и факелов мы увидели несколько сейфов и простых шкафов. В простых были инструменты и механизмы, а в первом же из сейфов оказались серебряные и позолоченные изделия, заготовки. Один сейф тоже лому не поддался и пришлось взрывать. Долго пришлось выгонять дым (окон-то нет), но потом, кашляя, увидели, что в сейфе были золотые заготовки и разноцветные камешки, которые ребята принялись собирать с пола. А я осмотрел сейф — там была маленькая запертая дверца. Я без труда отковырнул ее. Там были готовые изделия и коробочка с ячейками, в которых были прозрачные камешки. Я сунул коробку в карман и никому не показал. Наверху поделили золото и цветные камешки. А я потом попробовал своими белыми — царапают стекло! Да и цветные иные тоже царапали. В укромном месте я обернул бумажкой каждый камешек и вместе с перстнями уложил в коробочку из-под шприцев, положил в брючный карман и зашпилил булавкой. До этого трофеев у меня было мало — я убитых немцев видел уже обшаренными. Ну а мародерствовать натура не позволяла. А многие так делали: когда уже немцы оставаться стали, спрятавшись в бомбоубежище, то туда заходили наши солдаты, снимали пилотки и протягивали их немцам со словами: «Гольд, ур — ком!» И те покорно снимали с себя украшения и часы и клали в пилотку. Но зато я у убитого немца нашел перстень с часиками. Одел его на мизинец часами внутрь. А у нас была забава «махаться» часами или не глядя, или на звук. Так вот я зажму в руке ломаные часы, которых в домах полно, покажу тыльную часть, а послушать даю перстенек. Таким образом я выиграл с полдюжины часов. Многому я удивлялся там. В подвалах каждого дома хранилась уйма консервированных фруктов и овощей в банках. Хоть нам и запрещали есть это, но все ели и ни один не отравился. Много ценных вещей было закопано в ямах. Я находил их запросто, но отрыл две, хотя ничего не взял: зачем? Нам разрешали посылать посылки. Я сдуру зашил две штуки, а потом узнал, что это бесполезно: они все исчезали при пересылке под видом того, что там были недозволенные вложения. Так что больше ямы я не отрывал. Больше недели возил в повозке музыкальный ящик с дисками, пока один из штабни-

ков не забрал его себе. С «рамы» снял подобие подзорной трубы с огромным увеличением, и ею пользовался даже генерал, которому я и подарил эту тяжелую штукенцию.

Продвигаемся быстро почти без боев. Ну о книгах в графском доме я писал. Большинство немцев уже не покидают свои дома. Раз идем мы с другом на разминирование, а навстречу нам из лесочка выходят человек сто вооруженных немцев. Спрятаться нам было некуда, и мы, закинув автоматы за спину, смело пошли им навстречу, поздоровались, а один нас спросил, где сдаться в плен. Тогда мы довольно понятно объяснили, что с оружием их могут принять за воюющих и перестрелять. Тогда они сложили оружие в кучу, а сами пошли, куда мы указали. Другой раз я шел с одним пистолетом по каким-то делам. Вдруг слышу из одного сарая женский вопль. Забегаю, а там четверо наших солдат раздевают девчонку лет пятнадцати. Будь у меня автомат — я положил бы их всех, но пистолетом больше двух убить не успею, как прошьют меня автоматной очередью. Я было пытался призвать их к благоразумию, но они ответили: «Если хочешь, старшина, — начинай первым, а иначе не мешай!» Тогда я быстро добежал до штаба полка, и насильников всех схватили, девочку без сознания отнесли в госпиталь, а этих гадов вечером перед строем расстреляли. Последний тяжелый бой был на подступах к Берлину, но я опять же сидел в укрытии на случай надобности. В самом Берлине я так и не побывал. Наша часть шла краем. Не сильный бой был перед каким-то зоопитомником. Немцы сдались. А в клетках орали на разные голоса всякие животные. Солдаты начали открывать клетки и без разбора выпускать животных. Тогда я заорал: «Что вы делаете, дурачье?! Ведь хищники всех травоядных пожрут!» Тогда наш майор выбрал человек десять из пленных и сказал, чтобы они любым способом накормили животных. Ну а мы уже практически без боев пошли дальше. Последнюю свою мину я обезвредил на каком-то заводике, где было множество электрокар.

3. 5. Подошли к Эльбе. Помню паническое бегство наших идейных противников на ту сторону. Если мы настигали и окружали их, то ни один не сдавался даже раненным. Нам зачитали приказ, что будет расстрелян всякий, кто попытается контактировать с американцами, и приказали открывать огонь, если американцы, даже безоружные, попытаются переплыть к нам. Американцы были озадачены этим, звали нас к себе, пытались сами на лодке плыть к нам, но натыкались на предупредительный огонь. Километрах в трех остался невзорванный мост, где состоялась торжественная официальная встреча. Но это не для нас. А об американцах, об их щедрости и доброте легенды ходили! В заводях вода была настолько тепла, что все купались. Саперы стали заниматься строительством, а меня, за непригодностью, отослали в штаб, где я болтался как неприкаянный.

9. 5. Хоть для нас война кончилась неделю назад, но все ликовали. А я все слоняюсь без дела. Скучно, жилья вблизи нет.

14. 5. Расположились в г. Нойрюпин. Никуда не отойти. Направили меня на медкомиссию и признали годным к нестроевой. А что со мной делать? Я же не рядовой, а почти офицер. Теплые местечки в штабе уже заняты. Направили в хозвзвод, но и там для старшины-калеки работы не нашли. Вдруг меня вызывают в окрсмерш. Я перепугался: не натворил ли чего сдуру? Но это отобрали наиболее грамотных для регистрации военнопленных наших солдат, освобожденных из лагерей. Дело в том, что под видом военнопленных скрывались разные предатели. У нас были схемы перемещения пленных по лагерям, и разоблачить было нетрудно, если ответы были путаные. Я разоблачил трех

предателей. Двух передал начальству на расследование, а у одного ответы были будто и правильные, но меня взяло сомнение: почему он не находится вместе с пленными из того же лагеря, что проходили два дня тому назад? Когда я для выяснения дела привел его в расположение тех бывших пленных, то они узнали в нем надзирателя и я еле отбил его от самосуда.

4. 6. Начальство все ломало голову: куда бы меня пристроить? А я случайно разговорился с одним сержантом, поваром дивизионной офицерской кухни, и он предложил быть его помощником. Начальство согласилось, но для маскировки предложили заменить погоны на рядовые. Столовая располагалась в стоящем отдельно, неподалеку от селенья, большом доме бауера, жившего там вдвоем с дочерью-вдовой. Питание вообще в Германии было отличным, а тут настоящая роскошь! Моя работа заключалась в том, чтобы получить продукты, организовать немецких девушек за одно питание чистить картошку, мыть посуду, готовить дрова, а за официанта был я. Готовили с учетом гостей, не более чем на двадцать человек. У хозяина были две собаки: огромный рабочий Гун и комнатная Шольни, величиной с кошку. Обе быстро привыкли ко мне. На большой я возил продукты со склада. Быстро научился впрягать собаку в специальную тележку. А Шольни полюбила меня больше хозяев и не покидала ни на минуту. Она была страшно ревнива. Гун тоже был очень ласковый, но стоило, бывало, ему положить голову на мои колени, чтобы я погладил его, как Шольни кусает его за ноги, а когда он оглянется, она запрыгнет мне на колени, и Гуну ничего не остается, как сидеть рядом. Гун был усердный трудяга: как бы ни был тяжел воз — он прет изо всех сил. Но Шольни не бежит рядом, а нахально запрыгнет на возок и едет. Недалеко был большой сад. Ранние сорта яблочек уже падают, но трава такая густая, что отыскать их просто невозможно. И тут я заметил, что Шольни ищет хорошие яблочки и ест их. Буквально за два дня я научил ее находить их для меня и подзывать лаем. Так мы стали баловать офицеров свежим компотом и яблоками. Шольни была чуть ли не вегетарианкой. Ела и огурцы. Но присутствия кусочков сала не переносила даже в колбасе. Сырое мясо не ела. Ну а на конфеты чуры не знала: так и следил, чтобы не перекормили ее. Вася был первоклассным поваром в ресторане «Северный», на Марьиной роще, в Москве. Но у него был недостаток: любил выпить. Иногда допивался до такой степени, что девчата приходили за мной и я привозил его на собаке мертвецки пьяного. Первый раз я привез его такого, а наутро надо офицеров кормить. А чем? Я умел только концентрат для себя в котелке сварить. Когда настала пора готовить завтрак, у нас оставалось вчерашнее картофельное пюре и все готовое для котлет. Но как их делать — я не узнал. А Вася не может встать и только бормочет что-то бессвязное. Тогда я начал расспрашивать, как начинать делать котлеты, сколько чего добавлять. Если бы его спросить собственное имя, то вряд ли он ответил бы, а вот как приготовить котлеты — инструктировал так, что первые в моей жизни котлеты никто не отличил от Васиных. Но впредь он к завтраку готовил все продукты и инструкцию, как и что делать. С тех пор почти каждый завтрак готовил я. Как он был доволен мной, что я не пью! Ну а перед самым переходом на новое место я допустил оплошность. Мой комсомольский билет потонул в Днепре. На новый нужно фото. Я одел старшинские погоны и пошел фотографироваться. Пришел как раз к обеду. Забыв заменить погоны, начал разносить суп. А тут из армейского штаба прибыл полковник. Поставив тарелки на стол и сделав два шага, услышал за спиной: «Товарищ старшина!» А я уже и от звания своего отвыкнуть успел. Известное дело, комдиву нотация, мне — перспектива потерять «теплое» место. А тут

команда к маршу. Шольни как чует — ни на шаг не отходит. Когда мы тронулись, хозяйка ее взяла на руки, но Шольни укусила ее до крови и, вырвавшись, прибежала ко мне. Хозяйка и отдала ее мне. Чуть и Гун не увязался!..

13. 7. Пришли в небольшой городок Артерн. Меня направили в распоряжение штаба армии. Там для меня выдумали должность: два раза в неделю получать офицерам и раздавать дополнительный паек: сыр, масло, колбасу, сладости. Выделили мне каморку, где я и спал. Штаб армии расположился в бывшей воинской части. Большая кухня с паровыми котлами, Вася — шеф-повар над двумя поварами. Там я сразу же подружился с ординарцем генерала. Командарм и высшие офицеры квартировали в городе, у немцев. Иван Руденко, ординарец, сказал, что хорошо бы и мне перейти квартировать во вторую половину их дома, где живет старушка с шестнадцатилетней внучкой. Но это так и осталось бы мечтой, если бы не чудом возросшая моя популярность. А дело было так. Получаю я продукты, и подходит ко мне немец, коекак меня спрашивает: не нужно ли офицерам пиво? Я обещал узнать и через три дня ответить. Когда я сказал об этом генералу в присутствии штабников, восторгу их не было предела! Оказалось, что у пивовара-кустаря оставалось немного ячменя и он мог каждую неделю поставлять нам двухсотлитровую бочку пива. Привез я первую бочку, а как торговать? Пивовар ценил его 25 пфеннингов за кружку. Тогда я объявил офицерам, чтобы они сами наливали себе пива, а деньги за него клали в железную банку. Но мелочи там ни у кого и не было, да и вообще там марки совсем были не нужны, покупать там нечего. Когда пиво кончилось, я подсчитал марки: вместо нужных 100 там было 600! Отдал их пивовару, но вместо восторга он сказал: «Лучше бы буханки три хлеба и кило колбасы ты дал». Я потом говорю своим офицерам: «Выбирайте: или будете без колбасы и масла, или без пива?» Всех и так кормили на убой, так что за пиво я возил семье пивовара с троими детьми много продуктов. Но у него кончился ячмень. Начпрод раздобыл-таки его, и теперь мы имели по две бочки в неделю. Пили все в меру, и только один перепил. Но вряд ли только пива... Мне посоветовали добавить в пиво сахару для крепости, но вместо двух-трех килограммов я всыпал полведра. Эту бочку я поставил в подвал. Когда раздался взрыв, все выбежали на улицу, думая, что это диверсия. А потом я спустился в подвал и вижу: на полу лужа и доски от бочки разлетелись. Над этим местом на полу кухни плитка поотлетала. Но взыскания я не получил: идея-то не моя.

4. 8. Во время этой катастрофы кто-то подсмотрел, что там стоят мои два чемодана с трофеями, взломали замок и сперли их. Это дело рук часовых. С тех пор я уже не угощал их тайком пивом, как делал раньше. Остался у меня балетный чемоданчик с разным барахлом и заветная коробочка с драгоценностями. А все тряпки, что подарил мне пивовар, и отрезы, которые он помог мне купить на марки, уплыли. Вторично просить его — не хватило совести. А что домой повезу? И я увидел, как его дети небрежно играют в красивейшие открытки! У меня аж дух захватило, и я попросил хоть немного. Но его ребята мало того, что отдали мне все, да и еще натаскали уйму! Так что домой я повез чуть не полный чемодан открыток и... ни одной тряпицы. До этого я еще посылал домой несколько посылок, но ни одна не дошла. Но я забежал вперед. Генерал одобрил мою идею квартировать во второй половине их дома, и я поселился у Розмари и ее бабушки.

20. 8. Снова пять дней работал в окрсмерше, но ничего существенного. О демобилизации ни слуху ни духу. Даже нестроевиков не отпускают. И вдруг командующий спрашивает: «Хочешь домой?» — «Конечно же!» — «Тогда пого-

нишь лошадей через всю Польшу в Россию. Как сдашь лошадей, так сразу демобилизуют». И тут началась моя лошадиная эпопея.

14. 9. Недалеко от г. Галле формировалась наша колонна. Плохо помню, но нас распределили там по эскадронам. От командной должности я отказался наотрез, сославшись на больную ногу. Тогда нам на каждых двоих дали крытую фуру, набитую овсом, две лошади в упряжке, две привязаны сзади, и две в пристяжке. Напарником у меня был замечательный одногодок, туркмен Нури Муратович Атаев. Запрягать лошадей мне помогла практика в саперах — там у нас было много повозок и, если хочешь не пешком топать, запрягай и правь. А потом и Атаев научился запрягать. Меня на пост ставить было по уставу нельзя, ну а Атаеву доставалось! Но первое гнетущее впечатление было от кухни. Овсяный суп и кашу-размазню я просто в рот не мог взять после обжираловки на офицерской кухне. Спасибо Васе, что он буквально насильно наложил мне два мешка колбасы, консервов, сала, сахару! Иначе мне, непрактичному дураку, туго бы пришлось... Однако переход через Польшу затянулся неимоверно. Ведь мы ехали пешим шагом, с дневками и многочисленными остановками. Так что Васиных припасов ненадолго хватило бы. И тогда пришлось бы довольствоваться скудным солдатским приварком. Но тут произошло нечто такое, чему я не придумаю определения до сих пор. Как я уже писал, брать чужое мне пришлось уже не менее пяти раз, хотя совесть моя во всех случаях была чиста: это было или вынужденное, или ответное воровство, да и то у мерзавцев.

На этот раз поляки первые бросили нам вызов. Утром мы недосчитались четырех лошадей. Поиски были напрасными. А ведь за коней отвечать надо. На второй день еще две исчезли, хотя часовые были очень бдительны после первой кражи. Опять поиски, но на этот раз более удачные: нашли мы своих клейменых лошадей у богатого хуторянина. Но главное — где?!! В курятнике, куда можно было войти, сильно согнувшись. Как он их туда ввел? Нам пришлось ломать стену! Мы согласились не отдавать его под трибунал взамен на его двух лошадей, барана и поросенка. После третьей кражи отобрали в селе вообще всех клейменых лошадей, что они крали у впереди идущих эскадронов. Ну а потом и сами не остаемся в долгу: то на клеймо налепим шерстку и продадим полякам, а за нами по пятам наши товарищи идут и, стерев легко шерстку с клейма, отбирают еще и с придачей продуктами, грозя трибуналом. Был случай такой: прибегает наш солдат Рузаев и еле выговорил от волнения: «Атаев пропал!..» Мы ночью походили вокруг, поорали и решили ждать до рассвета. А часа через два заявился Атаев без винтовки, в ссадинах и рассказал, что, когда он пошел повернуть отошедших от табуна лошадей, на него из-за кустов набросились трое, заткнули рот, связали руки и привели с собой на хутор, где было несколько вооруженных поляков. Они ждали своего главаря и Атаева пока закрыли в амбаре. Там он сумел освободиться от веревок и через крышу убежал. Мы тут собрались с автоматами, и Атаев нас повел. Но банда только что удрала. Тогда мы забрали всю живность и продукты, а дом подожгли. Больше подобного не повторялось. Но теперь они нас разозлили сильно! Ближе к ночи намечаем на пути богатый хутор, разведаем, попросив там попить, а под утро заберемся к ним и хорошо «отоваримся». Тут мне помогла практика разведчика и минера. Буквально из-под носа спящей собаки не то что кур, а тем более кроликов, но и овец крали. Опасались только гусей: разгогочутся — с пустыми руками уйдешь. Кое-где еще не убрали ульи на зиму, и мы разживались медом. Один раз мы разобрали низ стены свинарника, обвязали двумя ремнями поросенка и спокойно повели. Но вдруг он в

дверях калитки заупрямился и завизжал. Проснулась собака, и выбежал на крыльцо хозяин в одном белье. Пришлось пристрелить поросенка. А хозяин подумал, что в него стреляют, и укрылся в дому. Атаев взвалил себе на плечи поросенка и принес его, сам перепачкавшись кровью.

Атаев знал, что единственный мой «трофей» из Германии — это коробочка с драгоценностями в кармане. Один раз, когда я вылезал из окошка амбара, булавка расстегнулась и коробочка выпала. Атаев подобрал ее и вернул мне. Ну а тут к нам примазался один молодой солдат. Он за Атаева стоял на посту, варил нам еду, но зато и сам был всегда сыт. Ехал он на другой повозке, но у нас был полным хозяином. Один раз мы с Нури пришли с ночного промысла и легли спать на ходу. Правил тот солдат. И что-то ему понадобилось в дальнем углу повозки. Я повернулся на бок, чтобы пропустить его. Ну а проснувшись, я обнаружил, что моя коробочка исчезла. На Нури никак подумать нельзя, а того обыскивать бесполезно, так как он на привалах не раз ходил к своей повозке. Сейчас удивляюсь сам себе, как я легко смирился с пропажей, даже не спросив про нее ни у кого, будто у меня ее и не было. Тот солдат сразу же покинул нас, и у него появились хромовые сапоги. Видно, так тому и быть.

11. 11. Добрались до места назначения. В дороге самые ленивые «обросли» трофеями. А у нас в повозке большой металлический бак, наполовину наполненный чистым медом. Мы приносим очередную добычу, крошим мед с узой в этот бак и при тряске дорогой воск сам поднимается кверху. Мы «вершками» угощали друзей, а медом наполнили футляры из-под немецких противогазов. Кроме того, у нас были и окорока, самодельная польская колбаса. Лошадей несколько лишних пригнали, а нам даже спасибо не сказали. Лучше бы полякам оставили. В ожидании дембеля нас поставили на квартиры в ближайшей деревне от Бреста. Я попал к богатому старичку, жившему с вдовой снохой и внучкой лет семнадцати. Они все просто умоляли меня остаться у них и быть хозяином, привезти сюда мать и сестру. Да и внучка была симпатичная. Но я не послушал их доброго совета: меня тянуло «домой». А они говорят: там у вас голод, все по карточкам. Навязывали взять побольше сала, но я просто поверх меда наложил до краев сливочного масла и немного всего взял в дорогу. Для демобилизации меня направили в Минск. Там на базаре ничего не мог, да и не умел купить в подарки родным. Помню казус, как мне чуть не даром всучили велосипед. Ну что я был за дурак?! Зачем он мне? Довез я на нем свои вещички до железнодорожного переходного моста, и пришлось оставить его у перил.

В вагоне я занял верхнее место и разлегся, как пан, погрузившись в радужные мечты. Захотелось поесть. Развязал большой, туго набитый продуктами мешок, достал еду и начал есть. И заметил, как с нижней полки на меня голодным взглядом смотрит девочка лет четырнадцати. Я спросил ее: «Девочка, а с кем ты едешь?» — «Ни с кем...» — ответила она. «А ты кушать хочешь?» — «Хочу». — «Тогда полезай сюда». Эта «былинка» мгновенно вскарабкалась ко мне и стала с жадностью уплетать хлеб с салом. Узнал, что она убежала от злой тети «куда глаза глядят», без билета села в поезд и едет, не зная куда. Я предложил ей ехать ко мне домой и быть мне второй сестренкой. Она согласилась.

1. 12. Утром я прибыл домой. Какое совпадение! К добру или к худу? Ведь именно 1 декабря 1941 года утром я вышел из дома на войну. На станции Лианозово я выгрузился с большим мешком с продуктами, с чемоданом, набитым на две треть открытками и дополненным едой, и вещмешок, тоже в основном с едой. Дотащить я это не мог, а девочка сама как спичка. За кусо-

чек сала один мальчик взялся довезти на санках мои вещи до дома. Мать еще не ушла на работу, когда я вошел и ввел девочку в нашу каморку. После поцелуев мать сразу спросила: «А это чья девочка с тобой?» — «Это еще одна моя сестренка, круглая сирота». А мать прямо при девочке говорит: «Наталя! Ты с ума сошел! Мы тут сами сидим голодные, а ты еще ребенка привез!..» — «Мама, ты удочеришь ее, ей дадут иждивенческую карточку, а я буду зарабатывать — прокормим. А через год-полтора она сама пойдет работать». Но мать — ни в какую! «Вези ее в детдом или куда хочешь, но нам самим до себя». Так и отвез я ее...

Начинается гражданская жизнь. На войне хоть плохая, но забота обо мне была, а тут жизнь наглядно покажет, насколько мечты будут соответствовать реальности.

МИР...

Вместе с билетом и документами мне дали чуть не десяток обеденных талонов, на которые я, по своей непрактичности, не обратил внимания. Ну а тут меня ждала суровая действительность. Не помню момента встречи с матерью и сестрой. Но ужасающая бедность потрясла меня. В кино показывают радостное обильное застолье при встрече с войны, а у матери даже хлеба не было. Она с жадностью стала лизать мед, проковыряв ложкой дырочку в поверхности масла. У матери была карточка служащего, а у Нади — иждивенческая. А тут я еще девочку привез. Пришлось нам эти крохи делить на четверых. Тогда я поехал на Савеловский вокзал, пообедал на два талона, а хлеб привез домой. Дня четыре я так делал. И только 6. 12. меня поставили на учет в РВК и дали рабочие карточки на месяц. Вот тут у меня расходятся записи. Будто на работу я поступил 14. 1. 1946 г. Но тогда на что я жил? Ведь карточки у меня были по 31 декабря. Видно, ошибся. А может, сразу стал кому что чинить? Но инструмента не было. Короче говоря, поступил я на завод 468-й, где работал перед войной. Там в ремонтно-механическом цехе работал уже демобилизованный мой дядя по отцу — Саша, инструментальщиком. Вот он и снабдил меня необходимым инструментом, чтобы дома халтурить, а иначе где бы мне что взять? На работе сопрешь у своей же бригады? Не было такого. Да, совсем забыл: пока я с лошадьми тащился по Польше, давно дома оказались не только нестроевики и пятидесятилетние, но и более молодые, здоровые. Так что я прогадал почти на два месяца. Но зато воровать научился. А до этого крошки чужой взять боялся и стыдился. Так вот вскоре мне дали инвалидность и перевели в основной цех дежурным. Заработок роли никакой не играл. Талончики, как писал выше, давали так же. Только во время халтуры для Привалова нас в частных домах и квартирах нередко покормят, но зато в цехе, где я дежурил и по ночам в селитровой ванне отжигал листовой дюраль, обрезки воровал по потребности. Нарежу их нужного размера, напрячу под ремень за спину или к ногам примотаю и иду. В проходной живот пощупают и пропускают. Ну а дома делаю кастрюли, кружки, элетроплитки, и знакомым мать продает. Все лишний кусочек хлебца. Мать тоже промышляла, но в лесу. Хоть времени у нее совсем не было. Работала в больнице прачкой, а ночью — сторожем. Мы дров не покупали, мать в лесу сучки собирала. А как только снег сойдет — нарвет подснежников, а потом других цветов и несет на рынок продавать. Кроме того, она не только убирала, но и обстирывала более состоятельных врачей. Я просто удивляюсь, как это ее на все хватало? Несколько раз приносила белужьи головы. Недалеко была

сталинская дача, а еще ближе — ихняя свалка. Вот туда-то и выбрасывали «слуги народа» объедки со своего стола, ну а моя мать, «хозяйка страны», подбирала эти отбросы. Летом еще легче стало: щавель, грибы. Ну я тоже вносил свой вклад, но по ночам. Я писал о своих друзьях, Коле и Васе. Лианозово — старое дачное место, и было много богатых дач. Польский опыт помог как нельзя кстати. Буквально под носом собаки нарвем яблок, вишен и прочего, как только забрезжит рассвет и самый сон. Потом начали делать набеги на колхозные огороды. А у нас рядом большой пруд, и очень часто бывал непроглядный туман и объездчик был не страшен. Морковку можно и в темноте вытаскивать, а огурцы и помидоры как? Капусту трудно воровать: она в мешке не хуже гусиного гогота хрустит при каждом шаге. Особенно мы налегали на морковку. Я вырыл в комнате подпол и чуть не полон забил морковью. Долго питались почти одной морковью и довольны были. У нас чуть ли не под окном тоже было несколько грядок, а на лесной поляне аж целый участочек с картошкой. Так что на ползимы хватило бы, если бы не эта беда со мной, что описана ранее. Наша «троица» еще и дурью занималась. Выследим на Лианозовском рынке самого жадного продавца клубники и другого и ночью сделаем у него на участке чистейшую прополку: повыдергаем все и складем в кучу.

Не могу я придерживаться какого-то порядка в изложении своих воспоминаний. Перескакиваю с одного на другое и снова возвращаюсь назад. Но что поделать? Так вот, когда я шел на работу в ночную смену, у калитки богатого дома женщина прогуливала огромного дога. Только я близко подхожу по дороге — дог кидается на меня, а хозяйку это забавляет. На другую ночь я взял с собою палку, но пес не подбегает на длину палки. Тогда я потратил много часов и сделал себе оружие: взял дюралевую трубку сантиметров сорок и около трех в диаметре, выпилил стальной шар с острыми шипами, укрепил его на стальной цепочке, укрепленной в середине трубы. Цепочку заправляю в трубку и затыкаю шаром с шипами. При встряхивании шарик вылетает и получается как кнут, камча со смертельным шариком на конце цепочки. Потренировался и на следующую ночь пошел на дежурство. Хозяйка с догом уже ждали, и он бросился ко мне. Видя короткую палку, обнаглел и чуть не кусает. Тогда я изловчился и ударил его шариком по голове. Он взвизгнул раза два и растянулся. Хозяйка подняла визг. Тогда я направился к ней и спросил: «Может, хочешь лечь рядом с собакой?» И она убежала в дом. С тех пор я ходил на работу спокойно. А перед этим Коля Обыденнов нашел штык-кинжал от немецкой винтовки. На работе я отникелировал его, заточил до острия бритвы с двух сторон и сделал для него хитрые ножны. Кроме того, усовершенствовал прежнее оружие: во вторую половинку трубки вставил кинжальчик с таким расчетом, что, если кто вырвет у меня из рук кнут — у меня окажется в руке зажатый кинжал, которым я бы пырнул мгновенно. С этим-то оружием мы и ездили в Егорьевск, и ребята нас не тронули. А тут мне, как демобилизованному, дали отпуск через шесть месяцев. Естественно, решил навестить родину, и поехали: я, моя тетя, Шура Чижикова и сосед мой по деревне, Толя «Карпухин», пасынок моего дяди по отцу, Петра. Тогда в деревню в гости не ездили, а совершали коммерческие рейсы: туда что-то из тряпья, а оттуда — махорку-самосад и что-то съедобное. Билетов достать было невозможно, хотя вагоны шли свободными. Надо было дать немыслимую для нашего кармана взятку. Так что вся гольтепа ехала на крыше вагонов и на товарняках. На пригородном доехали до первой остановки дальнего поезда, а там сели на крышу вагона. На следующей станции нас милиция ссадила, но мы прямо на ходу снова вскарабкались на крышу. До ночи еще раза два сгоняли, но мы так на этом поезде и ехали. Ну а тут настала лунная ночь. И у ст. Катино

слышим тревожные разговоры: шайка грабителей сбрасывает мешки крышных бедолаг, а на подъеме, где состав сбавляет ход, спрыгивают сами и собирают «трофеи». Слышим бабий визг уже на соседнем вагоне. Хорошо видно, что орудуют трое. Тогда мы с Толей обнажаем наше оружие и становимся спина к спине у вентиляционной трубы. Когда бандиты прыгнули на наш вагон, я сказал: «Если на этом вагоне сбросите хоть мешок — полетите вслед за ним!» — «Все поняли, начальничек!» — сказали они, не спуская глаз с нашего никелированного оружия, сверкающего в лунном свете. Уж так нас все благодарили, предлагали деньги, но мы не взяли, а благодарили Бога, что не совершили убийства.

Восемь лет я не видел свою деревню и поразился: такое запустение!.. Пробыли мы там всего дня три и поехали обратно. Мне мой крестный набил вещмешок махоркой, в узелок навязал скудных гостинчиков. Они сами там голодовали страшно. Ну а Шура повезла, за чем ехала: маленького поросеночка в корзине. Бабушка Анюта, мать моего отца, жила у Чижиковых, но она жизни своей не мыслила без поросеночка и даже козы. В городе! Даже вещмешок — помеха, а тут корзина с поросенком! Подошел поезд к Урусово. Не только крыша улеплена — гроздьями висят на буферах и подножках люди с мешками. А без мешков зачем бы им и ехать?! Шура сумела твердо встать на подножку, а я сначала встал одной ногой, в одной руке узелок, другой держусь за поручень. Потом другой ногой встал. Но на следующей остановке всех ссадила милиция и не пускает близко к вагонам. Все ринулись в голову поезда, чтобы впрыгнуть на ходу. А мы догадались забежать впереди поезда. Когда поезд тронулся — поднялось столпотворение: мат, крики, визг, кровь... Но когда поезд набрал большую скорость, к нам приблизилась пустая подножка и мы сумели вскочить на нее. Оттуда перебрались на крышу и с комфортом устроились. До спасительной темноты нас еще два раза ссаживали, один раз так и не сумели сесть на тот же поезд и ждали часов пять следующего. Уж только ночью доехали без ссаживания.

Чем закончить этот раздел? Не упомянул о рабочем режиме в это время. Дежурство длилось 12 часов: с 10 до 22 в день, полтора суток перерыв и потом с 22 до 10 в ночь. Работы и днем почти никакой, а ночью спим. Так что времени свободного было уйма. Мне уже было двадцать два года, а разум детский. Никакими проблемами мать меня не обременяла. К одежде был непритязателен. Но мать с детства содержала меня в опрятности. Помню, в детстве у меня одного был дубленый полушубочек и меня в школе в шутку звали «заячий тулупчик» по «Капитанской дочке». Еще запомнилось, как крестный «Семик» приезжал к нам в гости. Изумительной души человек, но любил выпить. Так мать его встретила всего четвертинкой водки и всю неделю, пока он был у нас, держала его на трезвой диете. Провожая его домой, дала сколько смогла денег, напекла каравайцев, сварила мясца, и он отправился. Но на станции купил водки в чайной и сидит угощает завсегдатаев.

На этом и закончилась моя мирная жизнь, о которой я с вожделением мечтал в снежных окопах под фашистскими пулями и осколками. Совсем немного длилась она, а впереди, нежданно-негаданно, ждало меня такое, о чем мне ни разу не приходило в голову...

ТЮРЬМА

Если хотят подчеркнуть что-то плохое, то говорят: «Страшней войны!» До тюрьмы и я думал, что страшнее войны нет ничего. Понял на своей шкуре, что это далеко не так. В войну мне довелось испытать все, кроме плена. По книгам

и кино, там был сущий ад. Но, сравнивая с явно привранным описанием, фашистский ад не идет ни в какое сравнение с советским «раем», а ведь я не испытал того, что выпало на долю моим предкам в 30-е годы. Чего винить фашистов — перед ними были их смертельные враги. Ведь на войне на карту ставилась жизнь: или он тебя, или ты его. А тут свои же соплеменники глумились по-дьявольски часто над совершенно безвинными. Да, по-дьявольски — это чересчур мягко сказано. В аду черти причиняют физическую боль, но над душой не глумятся.

Этот самый мрачный период жизни я переписываю без сокращений с прежних записей 48 — 49 гг.

28. 1. 47 г. Получил повестку в суд на 29-е, но суд в этот день не состоялся. Мы с Верой зашли к матери. Она стала угощать нас постной похлебкой из одной картошки и лепешками из отрубей, но мы не стали есть: у тещи еда превосходная, и то в глотку не лезет. Когда мать провожала меня на фронт, то ее сердце чуяло, что я вернусь живой. Да и у самого сердце было спокойно. А тут как будто сами себя успокаивали, что все ограничится испугом, а сердце разорваться хочет. 31 января состоялся суд. На суд пришел начальник охраны, «друг» моего дяди Саши и охранник. Они еще раз сказали мне, чтобы я всю вину взял на себя и не менял прежних, лживых показаний, чтобы, дескать, избежать групповой статьи. Адвокат Винокурова уверила, что больше, чем условного, ничего не дадут. Передо мной судили двоих, и я усвоил правила поведения на суде. Одному за хулиганство дали год, другому за квартирную кражу полгода. Свою фамилию я услышал, как сквозь кошмарный сон, и еле смог подойти к судейскому столу. Слезы застилали глаза, в ушах стоял звон, ноги дрожали мелкой дрожью. Молодой судья Крюков монотонно задавал вопросы, смысл которых мало доходил до меня. Я давал односложные ответы, как на наводящие вопросы учителя отвечает не выучивший урок школьник словами самого же учителя. Прокурор в обвинительной речи требовал сурово наказать расхитителя народного добра. А до меня смысл его слов никак не доходил. В детстве мы заберемся в чужой сад. Но назовите хоть одного пацана 9-12 лет, кто бы не делал этого?! Но я в жизни не взял чужого из дома, равного себе. Да, воровал у богатых чувашей и поляков. Но ведь нам иначе до Цивильска живыми бы не дойти. Ну а богатые поляки первыми начали воровать у нас лошадей. Воровал и с завода алюминий. Но ведь эти обрезки все равно на свалку отвезли бы, а я из них кастрюли да кружки делал. Но ведь с завода тащили кто что мог. Да один Уваров разворовал столько, что тысяча таких воришек, как я, нанесли ущерба в тысячу раз меньше! А он — обвинитель мой! Да, я и все подобные бедолаги поступали так не для обогащения, а чтобы не подохнуть с голоду. А Уваров в это время эксплуатировал подчиненных, спекулировал обеденными талонами, буквально грабил государство в особо крупных размерах, но судят меня. На фронте я встречался со многими несуразностями и извращениями, но это был детский лепет по сравнению с происходящим. И первый раз у меня возникла мысль: а почему я, дурак, не стал перебежчиком и не окончил войну еще в 1942-м? Необязательно было стрелять в своего брата. Можно было бы работать на ферме какого-то бауера, и я был бы избавлен от теперешних ужасов. Но... чему быть, того не миновать. Я «откровенно признался» в моем желании в капле воды потопить весь мир и из мегометра построить мощную элетростанцию. Я ведь надеялся на бесплатного адвоката Винокурову, открылся ей во всем как на духу, а она из этого поимела огромную пользу. Только теперь мне стало ясно, что, стоило бы мне сказать хоть

частицу правды, и подсудимым стал бы Привалов, если бы из заседателей хоть один имел четверть процента совести. Но адвокат все использовала в своих целях. Моя неопытность и младенческая вера в «советский закон» дали ей хорошую возможность подзаработать на мне. Какое ей дело до моей исковерканной жизни? Это же строитель коммунизма! А для любой стройки нужны деньги. А какие? Да пусть хоть политые чужими слезами и даже кровью. Чепуха! Промямлила она несколько невразумительных фраз о том, что ущерба государству не нанесено и на копейку, так как прибор в полной сохранности возвращен государству. Но о том, что я инвалид войны, да что там — даже об участии моем в войне не спросили ни судьи, ни Винокурова не упомянула ни словом. Что это, нарочно было сделано? А я был просто сам не свой. Вот в бою никогда не терялся, а тут сделался от горя дурак дураком и не мог ничего вразумительного сказать. Суд удалился на совещание... Встать! Суд идет! Ну и вляпали мне на полную катушку: полтора года тюрьмы! Но под стражу сразу не взяли, а дали возможность обжаловать решение суда. Для чего это? Может, Винокурова и с меня, как с дохлой собаки, абы получить хоть шерсти клок? Я Грачеву не мог найти 25 рублей, чтобы замять все дело, а теперь у меня и пятерки не было. Я рад бы душу продать черту, дьяволу, Гитлеру, Сталину, да кому она нужна? Винокурова снова взялась за меня. Я было сам написал жалобу и написал все, как было. Но она прочитала и говорит: «Что, вместо полутора лет хочешь два года получить? Перепиши все вот так!» И дала свой текст. Ну я написал и послал в облсуд 3 февраля, а 8-го уже пришло решение: оставить приговор в силе. Дали возможность подать прошение о помиловании. Да ведь от людоеда-дракона легче дождаться милости, чем от коммунистов-гуманистов. Ох, как тяжело испытание волей!.. Пока не интересовала меня тюрьма, я и не знал о ней ничего. А тут узнал, что гибнут там, пожалуй, побольше, чем в самом кровопролитном бою. А тут еще и семейная драма: мало того, что пришлось жениться на нелюбимой, ее родные не выполнили своего основного обещания — помочь моей матери. А ведь для них это было плевое дело. Какой же помощи я мог ждать от них для себя?! И подал кролик прошение удаву о помиловании. Снова отсрочка от неволи. Ну а теща да и все родные Веры стали демонстративно выказывать свое враждебное отношение ко мне. Издевательски попрекали меня буквально каждым куском хлеба. Никак в голове не укладывается: что Вере и ее родным от меня было надо? Грех я ее прикрыл, хотя себя грешным не считаю нисколько. Если не думала вообще жить со мной дальше — просто откровенно сказала бы и не издевалась надо мной. Вопреки закону и здравому смыслу, чтобы хоть как-то избежать их попреков, я с трудом, но устроился монтером на кожзавод. И что из того вышло? С завода быстро уволили, но хоть карточки до конца месяца остались. А тут еще и жена, ясно, от матери: иди да иди в милицию, выяснить, посадят ли меня и когда? У меня уж мысль о самоубийстве возникала не раз. Первый раз, когда шел с отчетного вечера. Выпил больше стакана (смертельную дозу) водки, и хоть бы что. Иду «домой» по тропинке полем, мороз, поземка метет, а мне тепло. И такое взяло искушение: лечь в сугроб, уснуть навсегда... Но потом, как молния, пронеслось в мозгу: в войну уцелел, а тут сам себя к смерти приговорил?! Мать мою семья Веры встречала хуже чужой. А к ней приду — еще горше. Дождалась она меня, воспрянула духом, но я снова вверг ее в пучину нужды и горя. А в чем моя вина? Пошел снова на прием к Винокуровой. Она была настолько наглой, что сказала: «Без большой взятки не обойтись». Пошел сам в приемную Верховного Совета, но там записывают

за три месяца! Инвалиды без обеих ног записываются в общую очередь. Опустил прошение в ящик. Вскоре ответили, что в помиловании отказано. Последняя надежда рухнула, и я с минуты на минуту стал ждать ареста.

Тринадцатого марта 1947 года. Самый черный день в моей жизни... Весной и не пахло. Дом Борисоглебских стоял последним из трех домов в переулке, к дому вела только тропинка: идущего к нам человека было видно издалека. Поэтому фигуру участкового, того же Грачева, я увидел издалека, и сердце мое опустилось в пятки. Тут была только одна цель его визита — за мной. Он вошел и поздоровался со всеми, а мне коротко бросил: «Собирайся!» Вера побежала за моей матерью. Грачев посоветовал одеться похуже, так как в тюрьме хорошее все равно отнимут. Я оделся и стал ждать мать. Она вошла бледная, с посиневшими, как у мертвеца, губами. По привычке вытирает покрасневшие глаза, а слез-то уже нет. Она как онемела, встав у порога. Я вышел первым, за мной милиционер, за ним — мать и Вера. И тут мать заголосила и запричитала по мне, как по покойнику. Из домов повыходили люди и обращали на нас внимание. Я попросил: «Мама, не надрывай ты-то мне душу — мне легче-то не будет от этого». Но она всю дорогу рыдает, а то опять голосить примется. Вера шла рядом и ни слезинки не выронила: будто совсем чужая. Привели меня в милицию Соцгорода. Теща дала мне кило два хлеба, с килограмм мяса и кое-что по мелочи. Потом пришла бабушка Анюта и тоже принесла хлеба, лепешек и яиц. Попрощавшись со всеми, остался ждать машины в Долгопрудный. Тут дежурный предупредил меня, что в камере все съестное отберут блатные, и посоветовал съесть, что смогу, а остальное похитрее припрятать. Легко сказать «съесть», если в глотку от горя ничего не лезет. Мысли беспорядочно проносятся в голове, как в полузабытьи при тяжелом ранении: ни на чем сосредоточиться не могу. В книгах пишут, что при сильном душевном волнении перед человеком проносится мысленно вся его прошлая жизнь. Теперь сам впервые испытал это. Вспомнил, как малышом спал в амбаре с матерью, прижавшись к ее теплому, сильному телу, и чувствовал себя в полной безопасности от всех колдунов, и привидений, и прочей нечисти, которыми нас стращали в младенчестве. Мне думалось, что сильнее моей матери никого и на свете нет! Отца-то я и не знал. Вспомнилось детство, школьные годы. И все с мельчайшими подробностями. Война вспоминалась только с досадой, что не сдался в плен. Да еще наивно думалось: уж тяжелее-то не может быть ничего, а я там вытерпел. И все же, помня совет милиционера, через силу глотаю яйца, мясо. Оставшееся мясо примотал к ногам, часть хлеба опустил через прорванный карман в полу пальто, раскрошив все на мелкие кусочки. Скоро приехала машина, меня привезли в Долгопрудный, на втором этаже приняли мое «Дело» и впервые в жизни сняли отпечатки пальцев. Потом внизу за мной надолго закрылась обитая железом дверь КПЗ и лязгнул замок. Маленькая каморка с оконцем под потолком, заделанным непомерно толстой решеткой. В полумраке разглядел низкие нары и на них тесную группу людей, играющих в карты. При моем входе оттуда раздался властный голос: «А ну поди сюда!» Я безропотно подошел. С нар спрыгнул молодой парень и стал бесцеремонно обшаривать мои карманы. Но кроме двух кусков неспрятанного хлеба, он ничего не выгреб. Разочарованный, он присоединился к картежникам, и на меня уже не обращали внимания. Конечно же на нарах места не было, и я примостился на плите давно не топленной печки. В армии даже в худших условиях я быстро завязывал знакомства и начинались непринужденные разговоры и воспоминания, а тут совсем иное дело. Без труда понял и оценил положение, и горестные мысли угнетали меня еще сильнее. Перед наступлени-

ем ночи нас по одному выводили в туалет в сопровождении двух милиционеров. Он был метрах в ста от здания. Я потом, согнувшись в три погибели, пытался уснуть, но горькие мысли и слезы бессильной злобы не давали даже забыться. Лишь под утро забылся на несколько минут. Два раза в сутки давали по тонкому ломтику хлеба и пять-шесть ложек довольно густого супа. Кипятку давали раза четыре. Ко всем почти приходили родные и друзья, приносили еду, а ко мне кто придет? Мать не знала, где я, а сообщить невозможно, так как заключенных вызывали в дежурку. Почти пять дней пробыл я там, и никто со мной не заговорил. По их разговорам я понял, что тут сидят мало того, что воры-профессионалы, но и члены одной шайки. Ждут суда. Свои сокровенные крошки я подобрал уже на третий день. К голоду-то я привычен, и он снова напомнил о себе. Накануне привезли еще много заключенных. Спали на полу, почти друг на друге, но мое место не прельстило никого: никто не мог там уместиться. Накурено — не продыхнуть.

18. 3. Пришел «воронок», набили нас в него, как селедок в бочку... и привезли в Таганскую тюрьму. Камера огромная. По всем стенам двухэтажные, а посредине одноэтажные нары. Мне дали место на средине. Тесноты нет. С этих пор начались мои университеты. В моих прежних записях подробно описан уклад тюремной жизни. Когда я их писал, о подобном нигде не писалось, даже говорить запрещалось. А теперь (7. 1. 93) об этом так много и талантливо написано, что я опускаю общие описания и буду писать только о том, что касается лично меня.

21. 3. Меня перевели в Краснопресненскую пересыльную тюрьму. Тут камера была маленькая. Так примерно 5 х 7 метров. По обе стороны двухэтажные нары, узкий проход, у двери «параша», под потолком маленькое зарешеченное оконце с таким «намордником», что узкую полоску неба было видно, только стоя под самым окном. Теснота страшная. Даже под нарами, куда мне пришлось залезать, было полным-полно. Потом даже в проходе люди спали. Но зато на одной половине верхних нар было почти пусто. Если на нижних нарах можно было лежать только на боку человекам пятнадцати — семнадцати, то там лежал вор в законе, одноногий мужик лет сорока, и три его «шестерки». У вора даже матрац был. На второй половине тоже не больше семи блатных. Отсюда впервые разрешили послать письмо домой, где, кроме приветов, ничего писать не разрешалось, да еще предупреждение, чтобы и родные писали так же. Так что из писем ни я, ни обо мне ничего понять было нельзя. Лишнее слово напишешь — не дойдет. «Шмоны» (обыски) устраивали очень часто. В первый мой «шмон», когда всех раздели догола, блатные увидели, что под рваными были еще довольно приличные брюки. Как только мы оделись и за нами закрыли камеру, ко мне подошел один из «шестерок» и велел снять эти брюки. Я отказался. Тогда он ударил меня, а я пришел в такую ярость, что подмял его под себя и начал душить. Еле живого, его отняли у меня. Я уже знал, что ждет ослушника, и приготовился как можно дороже продать свою жизнь. Но случилось невероятное: вор Кологривов дал команду оставить меня. А потом даже разговаривать со мной соизволил. Да, пропустил: под нарами рядом со мной лежал молодой немец из военнопленных. По-русски почти ничего не знал, но я-то мог благодаря Розмари неплохо болтать по-немецки. Уж так он был рад этому! Ну мы и болтали с ним целыми днями. Сам удивляюсь, почему никто не возмутился немецкой речью?! Так вот Кологривов очень заинтересовался моими рассказами о фронте. Самому-то трамваем ногу отрезало, и на войне он не был. Ну а когда я рассказывал ему о польских делах, он мало того, что поселил меня на верхних нарах, но и делился едой из отнятых

у нижних передач. А вначале и у меня отнимали. Хорошо помню первые передачи от матери. Но сначала о тюремном питании. Давали столько, чтобы люди умирали не сразу, а медленной смертью. В баню нас водили регулярно. Для чего? Чтобы видеть свое угасание? Со мной в одной камере сидел бывший лесник из Бибирево, Иванов. Зайдем мы в баню, а там чуть не половина, как живые скелеты. И все болезненно наблюдают за своими ягодицами: если они усыхают, значит, жди комиссования и досрочного «освобождения», после которого проживешь не более двух недель, так как наступила атрофия мышц. Так вот Иванов посмотрит на меня и с завистью говорит: «А у тебя задница как у мальчика. А меня скоро спишут...» Так и получилось: списали, освободили, а через полмесяца умер. Так вот передачи для многих решали вопрос жизни и смерти. Разрешались передачи раз в неделю. Раздается стук в дверь, и голос надзирателя: «Волков, Иванов, Сидоров! С посудой на передачу!» Блатные обеспечивают нас мисками: значит, принесли молоко! Хорошо, если среди названных нет блатных. Впускают в комнатку, где на столе стоят сумки и узелки с передачами. Я с порога узнаю материну сумку из-под противогаза. Там булка белого хлеба, бутылка молока и несколько кусочков сахара. Каких неимоверных трудов стоило ей принести это сокровище! Ведь явно, она подобное и в рот там не берет. У нее отняли последнего кормильца, и ей принесенное приходилось зарабатывать непосильным рабским трудом. В бумажке с моей росписью написал: носи только черный хлеб и картошку. Вызванные лихорадочно что-то жуют, глотают. Я кусочек рыбы и несколько кусочков сахара проглотил. Молоко выпить нельзя: раз сказали с посудой, а принесешь ее пустой — изобьют блатные. Хлеб отломишь — заметно. Принес молоко и хлеб, и все тут же отобрали воры. Милая мама, ты думала, что не только пóтом, а может, и своей кровью добытый батон хлеба съест твой несчастный сын? Как бы не так!

26. 3. Просидел всего 13 дней, а будто прошла целая вечность... Желающих, у кого осталось хоть немного силы, приглашают на работу в концлагерь «Москва-река». Я с радостью вызвался, чтобы хоть глянуть глазом на небо. Разгружали с пристани бревна. Сил совсем мало, а напрягаюсь, чтобы еще раз взяли. Взяли, и не раз! А 30 марта, в самый разлив реки, приходила двоюродная сестра Зоя с Верой, но я их не видел.

Царь-голод! Разве я не знаком с ним? Самое трудное испытал в болотах под Ленинградом. Подстрелить ворону, да с осиновой корой и березовыми почками — пир горой! Но тогда знали, что это временно и опять отъедимся. Я не понимаю, как на воле, если добыть огонь, — пропасть с голода? А вот в тюрьме — запросто. Вот еще что запомнилось: рассказал я как-то одному всю историю моего осуждения и вспомнил историю с генералом и Розмари: «Ты никому не говорил, что хотел бы на немке жениться?..» Так и тут: «Ты смотри не ляпни об этом еще хоть одному! Такое тут не любят!» Ну с тех пор я и начал врать! Только убийства не придумал. Бывало, наговорю такого, что впору расстрелять! Конечно, не о политике. Зато авторитет растет! Среди воров.

10. 4. Перевели на постоянную работу в к/лагерь «Москва-река». Тут уж с тюрьмой не сравнить! Конечно, решетки и колючая проволока вокруг, но небо зато чистое и ветерок дует. В бараке не нары, а двухэтажные койки, набитые соломой матрацы и подушки, одеяла. В теплые ночи в одном белье спим. Бахилы и телогрейки дали. А тут радостное событие: пришла баржа со свеклой и картошкой, а мы ее разгружаем. Свеклу едим сырую, а картошку прячем где только можно с расчетом пронести ее в жилую зону потом, когда будем разгружать лес и обыскивать не будут. Тут костры жечь нельзя — значит, и

печь ее негде. 23-го пришла мать, и я впервые увидел ее после разлуки. Но разве там поговоришь? Галдеж такой, что своего голоса не слыхать. Жаловаться на жизнь — антисоветчина и минимум 10 лет. Да и от волнения встречи все слова растерял. Мать сказала, что родные Веры ее просто видеть не хотят. Я написал Вере письмо и просил прийти. Но она на последних днях. А меня перевели 28. 4. в ящичную бригаду. На улице теплынь, и работаем в дождь под навесом, а в ясный день вылазим на солнышко. Овладел «профессией» моментально. За 120% прибавляли к 400 граммам еще 100, а за 150% аж целых 200! Я было начал давать две нормы, хотя больше 200 г хлеба все равно не добавят. Но ребята запретили делать более 150%, чтобы не повысили норму. За невыполнение нормы хоть на 10% срезали 200 г хлеба. У нас был еврей Шая, бывший торгаш. Вечно ему кто-нибудь помогал. Ну а я потом один не только ему до нормы доделывал, но и 120% делал, за что он меня, когда ему приходила богатая посылка, угощал чем-нибудь вкусным. Да и другим помогал. Я же не курю, а сидеть просто так нельзя. Медленно работать не умею. Вот и делал многим для перевыполнения плана. А тут еще баржа пришла с картошкой. Ну уж тут у нас было где спрятать! Поназакапываем у склада с тарной дощечкой, потом по три-четыре штуки таскаем в барак. Больше пронести просто невозможно. Ну а в жилой зоне есть кухонька, где из присланных продуктов арестанты и готовят себе еду. За свежую картошку — карцер!

18. 6. Неожиданно резко похолодало, и выпал обильный снег, который пролежал до утра. Мы даже на несколько дней перешли работать в столярный цех мебельного отделения. Летом стало просто малоощутимо легче, так как приходили баржи с сыросъедобными продуктами. Но человек — не верблюд: за день разгрузки не наешься на неделю! Да и жадность подводит: набьешь брюхо зеленью под завязку, и через несколько часов жесточайший понос. Только вред организму, а удержаться невозможно — голод не тетка! Конечно, лето — не зима: дни большие, идут медленно. Вот и думаешь: чем занять его? В основном наш концлагерь был мебельной фабрикой. Много было шпона ценных пород древесины. В отбросах — сокровища! Вот не бездельники там и занимались маркетингом: выкладывали на шкатулках разные узоры. Ну и я увлекся этим. После короткой практики решил выложить шкатулку в подарок маме. По бокам простой геометрический орнамент, но на крышке изобразил паутину, в ней — запутавшуюся муху, к которой подбирается огромный свирепый паук. Шкатулка была уже готова, но... ее у меня отобрали. Но это потом. А тут я от крестной 16. 8. получил посылку. Буквально с сокровищами! Сухари не в счет. Главное — горох, который ее малые детишки собирали с убранного колхозного поля чуть не ночью (днем и детей осудили бы за воровство). И мука!!! Немного, но все оторвано от голодных ртов своих малолеток. А мне это так кстати! Приходят баржи с капустой. Осмелели до того, что через колючую проволоку перебрасывали кочаны. Их не пронесешь! А одна капуста — не еда. А я добавлю туда мучицы щепотку — объедение! Ну а для остальных родных я будто бесследно исчез: два уцелевших дяди по отцу и тетя не подали никаких признаков жизни: хоть бы письмо написали. Вот так говорится: родня до тяжелого дня...

С 10 ноября по 20 февраля работал на станках в заготовительном цехе, а потом снова в ящичную бригаду. Но мы работали уже в тепле. В начале марта к нам опять прибыло несколько барж с картофелем. Разгружали даже на территории жилой зоны. Все, несмотря на жесточайший запрет, запаслись картошкой. Я один раз наварил аж целый котелок картошки. Все съесть не то что не мог, а просто оставил на утро и спрятал под подушку. А среди ночи —

шмон! За найденную у меня картошку — трое суток карцера... в тюрьме. В запасных полках мне ни разу не приходилось побывать на гауптвахте, так что это был первый мой «трюм». Камера в мокром, холодном подвале была довольно большая, а нас там всего трое. На нарах с раннего утра до ночи не разрешалось и сидеть, под угрозой увеличения срока наказания, а на осклизлый ледяной пол сам не сядешь. Вот и стоим, прижавшись друг к другу, чтобы теплее было. Давали по 200 г хлеба и три раза по кружке кипятку. Я был уже не истощен, и меня мучил холод, а не голод. Отмучились трое суток, и меня вновь посадили в общую камеру. Если первый раз при железном козырьке-намордник не было надобности бить стекла, то в этой камере окно выходило в тюремный двор, намордника не было, а напротив было окно женской камеры, естественно, тут и там в окне ни единого стекла. Блатные целыми днями признаются своим подружкам в любви или перекрикиваются с другими ворами. Фраеру карцера бы не миновать, а им даже замечания не делают. Так вот воры и воровки показывают в окно свои обнаженные интимные места и занимаются самоудовлетворением, поливая исходным продуктом сидящих на полу. В камере теснотища страшная. Даже под нарами нет места. Пристроился на полу под самым окном. Днем еще ничего, а ночью, если ветер в окно, мои жалкие лохмотья не спасают от холода. Но тут опять произошло чудо! Везет же мне в жизни на чудеса и совпадения! Увидел я охранника, до невероятности похожего на моего дядю по матери, Сашу, пропавшего без вести в войну. Он тоже внимательно посмотрел на меня, а через день меня вызвали с вещами и определили в обслугу: раздавать еду, мыть посуду. В камере нет ни одного блатного, у каждого соломенный матрац, подушка и суконное одеяло. Простор! Я занял впервые место на верхних нарах! Жизнь началась лучше лагерной во много раз. При раздаче поддонки жиденького супа оставались нам. Мало того: раз в три месяца положена свиданка с кем-то из родных. Но ко мне-то ходит одна мать. Ну а пока только передачи. А ведь теперь наоборот: я мог бы досыта накормить мою вечно голодную мать. Но она все продолжала отрывать от своего нищенского кусочка самую вкусную крошку, чтобы понести ее мне. Один раз я рискнул написать ей: «Смотри в окно». А сам, получив передачу, быстро побежал на надстройку тюрьмы, где мы часто работали. Там вовсю шли отделочные работы и в окнах не было стекол. Но меня заметил «вертухай» и пригрозил «трюмом». Я побежал на чердак, но слуховое окно оказалось забито досками. Оставалось в маленькую щель наблюдать, когда мать будет выходить из дверей проходной. Но вот показалась ее такая знакомая фигурка, от которой словно повеяло чем-то родным, дорогим, с детства привычным. Только вот вид ее был совсем другим. Ведь ей не было еще и пятидесяти, а она выглядела старухой. Она всегда была красивая, стройная, со статной походкой даже в самые трудные годы, а тут буквально последние два года согнули ее спину. Она вышла из проходной, обернулась и стала смотреть на тюремные окна. Я хорошо видел ее в щель между прибитых досок, а она шарит взглядом по тюремным окнам, но что она могла увидеть там? Где сидят — там намордники, в окнах надстройки ни души. Она уж собиралась отойти, когда я осмелился тихо крикнуть: «Мама!» Как она с такого расстояния смогла расслышать мой слабый зов? Но она вдруг вся встрепенулась, будто не ухом, а сердцем услышала мое слово, повернулась на мой призыв, на лице появилась неописуемая улыбка: мол, слышу! Радость встречи и невыносимая боль разлуки были в этой улыбке. Слезы полились из ее глаз, а она их не вытирала, а размазывала ладонью по лицу. Видно, что хочет что-то сказать, но беззвучно шевелит губами и делает руками непонятные жесты. Она поняла,

что я вижу ее, и стояла бы сколько угодно, но к ней подошел «вертухай», взял ее за рукав, показав ей противоположное от тюрьмы направление. И она медленно побрела, беспрестанно оглядываясь на злую разлучницу-тюрьму. Вскоре подошел положенный срок свидания с родными. Нужен талант, чтобы описать боль разлуки с близкими, а его у меня нет, как у собаки, чтобы выразить свои чувства словами. Наконец настал день свиданки. Если в лагере нас разделял только широкий стол и люди ухитрялись даже передавать что-то ногами под столом, то тут разговаривали через двойную сетку. Гвалт такой, что ничего не слышно. Еле смог дать понять матери, что я не с голоду опух, а поправился на обильных харчах и что мне приносить пока ничего не надо. Мне оставалось четыре месяца отсидеть. Никак не мог предполагать, что теперь что-то может измениться. В команде обслуги работали вместе с нами и женщины. Вот там я и познакомился с Раей, о которой писал выше. Ребята там все перезнакомились, и почти всех для интима закрывали в посудный шкаф. Но там даже за рукопожатие можно было получить карцер. Потому, кроме записок и нежных взглядов, я не осмеливался ни на что большее, так как слишком велик был риск лишиться всего. Раю вскоре отправили в этап, ну а мне оставались уж чуть не считанные дни до освобождения. Конечно, степень риска даже для жизни была огромная: лишнее движение, слово. Но инстинкт самосохранения заставлял быть предельно осторожным. Июнь — июль я прожил, как на курорте, но с той разницей, что в неволе. Я так досыта ел только в Германии и в Польше. Своего благодетеля, двойника (ли?) дяди Сани я больше не видел. Ни мизинцем не нарушил ничего и вдруг...

21 июля 1948 года в числе нескольких из обслуги: «Волков, с вещами!» Не пойму, в чем дело. Набили в большую камеру, как селедок в бочку, и всех с большими сроками. Слух, что готовится дальний этап. Обычно на Север. У меня аж сердце захолодело: не редкость, когда садисты-начальники отправляли буквально накануне освобождения зэка в Воркуту, где как раз к освобождению заканчивалась навигация и люди пересиживали по семь-восемь месяцев до следующей навигации, если оставались живы. Часов в десять вечера начали вызывать на обыск (шмон) сразу по десять человек. С третьим десятком попал и я. Привели в камеру без нар. Посредине стоял большой стол, на который мы положили свои вещи. Двое сразу же начали осмотр. Отбирали все, кроме носков и белья. Редко у кого находили огрызок простого карандаша и клочочек чистой бумаги. Все металлическое и химические карандаши запрещались под страхом карцера. Вдоль стен стояли десять шмонщиков, мы привычно разделись донага, у нас осмотрели уши, нос, рот, под мышками, прощупали задний проход, велели показать обе стопы, т. е. все те места, где можно спрятать хоть кончик иголки. Так тщательно шмонали только дальнеэтапников. В одежде прощупали каждую складку, а нас всех поставили к противоположной стенке. Вдруг наше внимание привлек строгий крик шмонщика: «Говорят тебе: не положено, значит, снимай!» Видим перед шмонщиком мужчину лет менее тридцати с висящим на шее блестящим маленьким диском-медальоном. Он снял его и протянул шмонщику со словами: «Гражданин начальник, он же из пластмассы, а внутри фото жены с сыном. Ведь все насквозь видно!» — «Довольно мне мозги крутить! — рявкнул шмонщик. — Говорят: не положено — значит, не положено!» — с этими словами вырвал медальон и бросил его в кучу хлама-трофеев. Зэк растерялся от неожиданности, а потом схватил и, зажав в кулаке, стал умолять шмонщика: «Разрешите оставить — это единственная моя радость! Неужели у вас нет детей?!» — И с этими словами спазмы рыданий не дали ему говорить. Но надсмотрщик-садист

(а иных там не держат) с криком: «Он еще мораль тут будет мне читать! А ну, дай сюда эту дрянь!» — хотел вывернуть ему руку, но тот будто преобразился: из кроткой овечки превратился в разъяренного медведя, вырвал руку и приготовился до конца отстаивать свой драгоценный талисман. Но тут вся орава надсмотрщиков набросилась на него и стала жестоко избивать ногами. Через минуту он лежал в лужице вытекающей изо рта крови, булькающей при каждом его дыхании. Двое выволокли его в коридор, а нас отправили в другую камеру. Я спросил одного: «Да ведь они ему отбили все внутренности!..» — «Самое трудное его ждет впереди: за такое неповиновение легкой смертью умереть не дадут! Самое малое — изувечат и еще срок добавят. А у тебя, парень, жизнь только начинается. Я имею в виду, тюремная. Так что усвой твердо: никаких протестов! Только себе навредишь. Уж если на воле ты против беззакония и произвола бессилен, то тут тебя окружают самые подонки рода человеческого. Для них нет не только ничего святого, но у них нет даже элементарной совести, жалости, сострадания. Ты никогда не будешь прав, если тебя законно лишили даже последних бумажных прав...» Ночью нас несколько раз будили и тщательно проверяли. Утром вместе с горбушкой мы получили двухдневный сухой паек: 300 граммов сухарей и одну ржавую селедку. Затем вывели всех во двор и построили по пятеркам, ждать оформления документов. Часа через два появился писарь с папками наших дел, номера которых мы обязаны были знать и при прочтении этого номера мы называли свою фамилию, имя, отчество, год рождения, номер статьи и срок. При вызове блатного, как правило, с большим сроком из окон тюрьмы неслись добрые напутствия и летели продукты, одежда. Нас распределили по вагонам и после полудня повели к эшелону. За воротами тюрьмы нас ожидал усиленный конвой. Железнодорожное полотно было буквально у стены тюрьмы, но на всем протяжении состава, через каждые восемь — десять метров охранник с винтовкой, а метров через тридцать от них еще шеренга, но с овчарками. За вагонами — то же. На крышах крайних и средней теплушек — наблюдательные точки с пулеметами и прожекторами. На далекой насыпи, по ту сторону путей линия охранников сдерживает толпу родных и просто любопытных. Оттуда раздаются слабые крики, мол, нет ли тут такого-то? Ну а если и есть? Что, он отзовется, что ли, чтобы получить добавку к сроку? В окошках теплушки не только решетки, но и намордники такие, что и неба не видно. Естественно, никакой воды. Набили нас как селедок в бочку: на верхних нарах барствуют блатные, которых специально распределили поровну по всем вагонам, так что нижние нары заняли более сильные и наглые. Под нарами тоже считали себя счастливчиками. Остальные — на полу. Опытные блатные определили, что дальним подобный этап не бывает. До вечера стояли. Скоро все начали потеть и раздеваться. Потом и сидевшие на полу стали задыхаться. На верхних нарах блатные прильнули к окнам, и циркуляция воздуха прекратилась. Все прильнули ртами к малейшим щелям. Было пасмурно. А если бы солнце? Тронулись с темнотой. Но даже при движении поезда воздуха не хватало и легче не стало. А тут иные додумались селедку с сухарями съесть. Жажда, а воды нет...

В этом аду некоторые умудрялись спать и даже храпеть. На малой скорости ехали всю ночь, с частыми и долгими стоянками. Шутили, что так и за год не доберемся до места. Но рано утром начали выгружать. Эшелон остановился чуть не рядом с лагерем. Только в самом лагере от зэков узнали, что и привезли-то нас всего в Сталиногорск, на юге Московской области. Лагерь был режимный, а это ни передач, ни переписки даже. В бараках огромные камеры. Кровати вдоль всех стен и в средине штук десять — пятнадцать. Засте-

лены, как и в «Москва-реке», но одноэтажные. Мне дали место в середине. Кормежка ничуть не отличалась от тюремной. На другой же день нас послали на разгрузку платформ с солью. Один пошутил с проходящей женщиной: «Тетя, дай хлебушка, соль доесть!» За это получил легкое наказание: прикладом по спине и 10 суток карцера за неположенные разговоры. А могли и пристрелить. Чтобы хоть как-то обмануть голодный желудок, баланду ели без хлеба, а пайку резали на тонкие ломтики, обильно посыпали солью и пили с огромным количеством кипятка. Никаких добавок за перевыполнение нормы к четырехсотграммовой пайке не полагалось, но за невыполнение нормы — карцер. Но зато там все блистало чистотой! Даже была самодеятельность и по воскресеньям давали представленья на летней сцене. Книг тоже не было.

Двадцать девятого июля впервые погнали на разгрузочную площадку химкомбината. Конвой был усилен собаками и у охраны — автоматы. Первые три дня разгружали кокс. Работа тяжелая, особенно при переброске кокса на бурты, после того как кокс из люков высыпется почти на рельсы. В тюремной обслуге я откормился, а тут силы стали таять буквально на глазах. А потом началась разгрузка серного колчедана. Это груженные на платформы вперемешку с серо-зеленой пылью золотистые булыжники, иные величиной с голову! Тяжелые, как свинец. Распределяют по поговорке: «Вот вам, братцы, будет норма — на двоих одна платформа!» Тщательно делим ее на две половинки и становимся каждый со своего конца. Самое трудное — докопаться до дна досок. Вначале лопата просто скользит по булыжникам. Но как доберемся до пола, то уже легче. До обеда хоть умри, но разгрузи! Без сноровки, если оба неопытные, не миновать карцера. А оттуда все равно на работу гоняли, только без еды. Когда попадется влажный колчедан или дует ветерок — еще ничего, но от сухого пыль забивает легкие и вызывает удушливый кашель, и норму выполнять много труднее.

До освобождения остался почти месяц, а я буквально таю. Ночами не дают спать приступы кашля. А тут пошел в туалет и обнаружил, что изнутри меня сосут глисты. Там это у многих, а лечения нет. Сильно стали болеть раны на ногах. Пошел в больничку и сказал, что я инвалид войны и раны болят от непосильных физических нагрузок. В это время там был кто-то из тюремного начальства и врач, не осмотрев меня толком, чтобы выслужиться, заорал: «За симуляцию трое суток карцера!» А это страшное место! Нар там нет совсем, на мокром полу спать не дают крысы, и оттуда даже через трое суток большинство попадает в больницу. Но, на мое счастье, вместо карцера мне приказали вычерпать уборную. Черпак был легкий и носить недалеко. Срок не указали, и я прочистил ее без усилий за два дня. «Списание» здесь происходит чаще, чем в тюрьме, и это при том, что ослабевших помногу переводят умирать в другие лагеря. Мной овладела тревога: дотяну ли я до освобождения. А тут, уже перед самым освобождением, стали нас нескольких посылать на расчистку путей от засыпавшего их колчедана. А это тяжелее разгрузки! Ломом долбить не разрешают, а совковая лопата просто скользит по поверхности, захватывая по три-четыре камешка. Участки дают такие, что самые сильные успевают закончить не более чем за полчаса до конца работы. Помочь отстающему запрещалось под страхом смерти. Обессиленный зэк если падал до сигнала, то его пристреливали «за попытку к бегству». Ну а после свистка и в стоящего стреляли, а если только ранят, то срок прибавят здорово! Перед освобождением за сутки на работу не выгоняют. Ну а на последний рабочий день мне, как нарочно, дали самый тяжелый участок. Даже самые немощные сели на кучу кокса, а моя доля еще далека до завершения. Второй раз в жизни я испытал

ужас от сознания неизбежной смерти. Ноги и руки дрожат, перед глазами радужные круги, в голове шум... Лопата все чаще скользит, не захватив и щепотки, а у меня еще большой отрезок неочищенного пути, хотя «вертухай» предупредил, что остается 15 минут. Я уж и с белым светом мысленно простился, как вдруг, ни слова не говоря, ко мне с лопатой спускается здоровяк и навстречу мне принялся чистить мой участок. Все буквально замерли от подобной дерзости: ведь первая пуля предназначалась тому благодетелю, а уж вторая — мне. Но выстрелов не последовало. Я так и не узнал имени моего спасителя. Участок был дочищен в срок... а на другой день я оформлял документы на освобождение: подписка о неразглашении и другое.

13. 9. Нам троим выдали мизерную сумму денег на дорогу и во второй половине дня выпустили из ворот лагеря на желанную свободу. Хотелось с неописуемой злобой и ненавистью плюнуть в сторону этого проклятого ада, но была примета: оглянешься — снова придешь сюда. Недалеко от лагеря стоял кирпичный домик, где освобожденные могли провести ночь перед отъездом домой. Первым делом пошли в магазин и встали в длиннющую очередь за хлебом, но очередь загалдела и нас буквально принудили взять без очереди по булке белого, который мы мгновенно съели. Потом пошли в столовую. Я взял две порции супа и три порции каши. Съел бы больше, но помог фронтовой опыт. Я и товарищей предостерег от неминуемой смерти от заворота кишок при переедании. Утром опять взяли хлеба, а на билеты уж ничего не осталось. Естественно, все трое поехали в Москву. Еле упросили одного проводника поезда дальнего следования не прогонять нас из тамбура. Так и доехали до Москвы.

Как я завидую писателям, которые чужие переживания описывают так, что вышибают слезу, хотя сами того не переживали никогда. А тут сам все пережил, а вот в словах выразить свои переживания не смогу. Рецидивисты в тюрьме часто говорят: «Кому — тюрьма, а мне — дом родной! Зимой пригреет и отдых даст! А на лето — опять воля». Для меня же это была настоящая трагедия. На передовой была постоянная угроза смерти, но там надеялись на авось: не каждого же убивает! В тюрьме тебя изо дня в день подводят к голодной смерти и надежда на чудо во сто крат меньше, чем там на авось. Муки голода испытывали и в войну. Но в запасном полку, знали, продержат не долго. На передовой это было тем более редко, а уж если трофеи попадутся или после атаки останется один из десяти, то дня на три запаса наделаем. На фронте беспрекословное подчинение даже глупым приказам солдаты принимали как должное, а в тюрьме изощренно глумятся над твоим человеческим достоинством. Физические муки на фронте как-то смогли сгладить: утеплишь окопчик, в подкопе спрячешься от дождя. А вот в карцере костер не разведешь! В камере практически не топят, доходяги все лежат на полу, а блатные или распахнут окно, или стекла там давно повыбиты. Наверху тепло, а морозный воздух устремляется из окна на пол. Если на войне было у всех желание: хоть бы заболеть и попасть в госпиталь, то в тюрьме заболеть — все равно, что умереть. Кроме того, там все уже знали, какой прием нас ждет на воле при прописке, приеме на работу, с нашим «клеймом» судимого.

ВОЛЯ

15. 9. Удивительно, но я напрочь забыл мою встречу с родными. Мать с Надей жили у бабушки Анюты в Лианозово, без прописки. Само собой, я тоже нигде не мог прописаться. А вскоре директор Подушкинской школы, Матрена

Тимофеевна Смирнова, которая матери дала в свое время пристанище в школе, потом устроила двоюродную сестру Зою на работу и дала ей пристанище в своем доме, проявила заботу и обо мне. Ей надо было полностью поменять в школе обветшалую электропроводку. Я один за зиму и весну справился с этим делом, одновременно работая электромонтером на ЛВСЗ по прокладке воздушной линии в Коровино. Временно прописан я был в общежитии Соцгорода. Ну а дальше все есть в моих предыдущих записях. Но все равно, хоть и повторюся, прошлые дневниковые записи воспроизведу дословно, пропуская лишь малость.

18. 10. Если бы не Коля Чижиков, быть бы мне опять в тюрьме даже без преступления. Прописаться было некуда. Ну а без прописки никуда на работу не берут. Уж как он умудрился — одному Богу известно, но меня мало того, что приняли на работу в цех, где работал он и где я начинал свой трудовой путь, в бригаду «воздушников», но еще дали койку в общежитии с временной пропиской. В то время мы тянули воздушку к д. Коровино, километрах в двух с половиной от Соцгорода. Наша обязанность — электрифицировать колхоз. Ну а в домах мы халтурили. Ребята все «левые» деньги пропивали коллективно, а так как я не пил, то свою долю получал деньгами. В общежитие я наведывался не чаще раза в неделю, но и к матери ходил только на выходные: ведь до нее более часа ходьбы. Жил я у Чижиковых. В комнатке не более 15 кв. м мы умещались пятеро. Деньги на питание даже они у меня не брали, я все отдавал матери. В свободное время читал. Раза три с ребятами ходил к девчатам в Коровино, но там мне было неинтересно, и я больше не ходил. С Витей играл на равных. Ну а вскоре опять стало происходить неладное с ногами. Два раза повисал на столбе. Последний раз повис так чудно, что меня снимали при помощи пожарной машины.

Естественно, направили на ВТЭК, и снова пожизненно третья группа. Я-то хотел скрыть инвалидность: ведь это большие ограничения по работе, соответственно и мизерная зарплата. Ну а пенсию и в расчет-то брать не стоит. С работы в бригаде меня перевели на дежурство. Зарплата уменьшилась (с учетом халтуры) более чем втрое. Кроме того, цех был настолько холодным, что в валенках ноги зябли. Да и опасность не меньше. Один раз ноги отказали, когда я, стоя на самом верху высоченной стремянки, менял лампочку. Чудом успел руками уцепиться за верхние перекладины лестницы. А зарплата как у сторожа. Пришлось мне уйти с завода. Хорошо, что не потребовали паспорт, где должен стоять штамп о прописке. Оставаться жить у Коли было бы нечестно.

18. 1. 49. И вот я снова, безработный, живу у матери в бабушкиной трущобе. Начал поиски работы, но, куда я ни пойду, — как узнают, что я инвалид войны, то даже с третьей группой получал категорический отказ. Когда я пришел на Красносельский завод фруктовых вод, то, превозмогая хромоту, скрыл инвалидность и принят был 10. 2. 49. грузчиком. Хорошо, что тяжелее ящика с бутылками ничего не поднимал. Заработки невелики, но при каждой поездке умудрялись провезти несколько лишних ящиков и выручку делили поровну на троих. Так что выходило хорошо.

24. 2. Недолго продолжалась благодать, хотя за нее теперь можно было получить не менее десяти лет!.. Я стоял у борта машины, приготовившись принять очередной ящик, и вдруг отнялись ноги. Я упал прямо головой на асфальт. Отвезли в МОНИКИ. Пролежал я там всего неделю, но на работу вышел только 25 апреля. Поставили меня смолить бочки. Это вот как черпаешь черпаком из котла кипящую смолу, выливаешь ее в бочку и кувыркаешь

бочку так, чтобы смола ровно покрыла внутренность бочки. Имеющие сноровку одним черпаком покрывали всю бочку, а мне и трех не хватало. При таких темпах я себе на соль бы не заработал. Кроме того, черный дым и вонь из бочки перехватывают дыхание. На мою жалобу мне предложили должность сторожа. А что поделать после больничного? Зарплата 260 (26) руб. Тут нас выселили из бабушкиной трущобы. И мы попали в Коровино, о чем есть выше о Тоне Карташовой. Но нас к ней не прописали, и велел участковый немедленно убираться. На наше счастье, завмолочной сменился, и мы снова вселились в бабушкину трущобу. А тут директор Матрена Тимофеевна затеяла капитальный ремонт школы, и я сделал там один всю проводку. Получив достаточно денег, решил снова поискать лучшую работу.

1. 8. Я взял расчет и мог позволить себе «отпуск». О поездке в деревню уже описано.

Прошу прощения, что кое-где я переврал даты, но, когда я писал первые записи, — не с чем было сверяться. Сейчас передо мной трудовая книжка. Не знаю, по какой причине, но в ней искажение тоже с первой строки. Может, менее недели, но раньше я начал работать делопроизводителем в школе, а потом принял библиотеку. И дневниковые записи вернее. О моей работе в школе — ни слова.

12. 10. Сегодня получил получку: 90 (9) руб.! На черный хлеб с водой хватит. Пенсию выписать пред с/с забыл. Да и зарплату назначили 300 руб., а мне, из-за пенсии, выгоднее иметь 250, т. к. иначе я теряю 70 руб., получая половину пенсии. А тут с паспортом тянут волынку: послали в 1-ю комнату, куда мне вовсе не надо, т. к. я не приезжий. А мне надо искать жилье: Матрена Тимофеевна пыталась прописать нас к себе как квартиросъемщиков, но не получается пока. 17. 10. Получил разрешение на прописку, аж на целых три месяца! 20. 10. Сегодня мы ночевали у Раиной тети Шуры Агеевой. Она очень вкусно готовит, и я блаженствую за столом! Но зато отношение Раи ко мне значительно ухудшилось. Я заметил ей об этом, но она отговорилась тем, что у нее и так голова кружится. Но и в себе я вижу перемены: если прежде ее холодность ко мне вызывали грусть и печаль, то теперь это не только раздражает, а часто доводит до грубых упреков. Постоянные безответные мои ласки переходят в подозрения. Мне все чаще кажется, что за меня она вышла не по любви, а из-за мести первому любимому. Она оправдывает свое поведение природной холодностью характера, не любит ласк и поцелуев. Но чем тогда объяснить, что раза три или четыре на нее ночью вдруг нападет такой страстный порыв нежности и ласки, которые я видел от нее только перед свадьбой. Ну а наутро снова передо мной чужая, равнодушная женщина.

23. 10. Сижу и жду Раю. Надя с Зоей веселятся, а меня одолевают мрачные мысли: к тете Нюре, свекрови Кати, приехал сын и женится, а это значит, что Рае негде будет переночевать в то время, когда она с ночной смены не может приехать ко мне: поезда не ходят. Обещает пускать к себе ночевать ее подруга Нина.

28. 10. Сдал документы на обмен паспорта, а Рая подала на расчет и выписку. Матрена Тимофеевна разочаровалась в Рае и сказала, что она по развитию совсем мне не пара и я никогда не буду счастлив с ней. Она даже предлагала бросить Раю, пока она не забеременела, и обещала найти мне достойную пару и даже за свой счет оформить развод с Верой. Но я категорически отверг подобную подлость с моей стороны. Да и все родные смотрят на Раю как на чужую. Надя даже упрекнула, что я получил всего 90 (9) руб., а

едим двое. А Рая и бывает два раза в неделю и ест как воробей. Скорее бы уйти от них! Хоть куда! 3. 11. Получил паспорт, но почему-то снова на один год. Рая выписалась и взяла расчет. Я боюсь, что и ее будут мытарить не менее, чем меня. Если и упрошу Матрену Тимофеевну прописать и Раю, но где найти работу не только ей, но и себе? 30 руб. завхозовских в школе и 17 руб. пенсия. Надя с матерью получают больше. Выходит, мы у них нахлебники. И как Раю пропишут вместе со мной? Кто мы? Сожители!..

6. 11. Вчера ночью в разговоре с Раей я признался, что расписан с Верой. Я ожидал, что она расстроится до крайности, но она сказала, что не только догадывалась, но и уверилась в этом, когда Матрена Тимофеевна случайно обронила слово о разводе. Зато у меня камень с сердца: больше у меня нет от Раи никаких тайн. Этим она и объяснила свою грубость со мной. Однако ее чуть ли не враждебность не прекратилась. Я в письме высказал свою обиду ее матери. Та ее в своем письме отругала, но положение ничуть не улучшилось. Тогда рассказал обо всем тете Шуре, и она ее крепко отругала, сказав: «Дура, да он же бросит тебя!» Тогда Рая зло бросила: «Ну и пусть бросает — не заплачу!» Я наивно полагал, что и Рая меня любит и взаимная любовь позволит нам преодолеть все трудности. И с этих пор меня постоянно мучил вопрос: почему она вышла за меня? Ведь кроме факта, что я расписан, я свое бедственное положение еще более очернил, чем на самом деле. Правда, тогда шанс выйти замуж для двадцатилетней девушки был невелик.

14. 11. 49. Вчера еще раз убедился, что у Раи ко мне почти враждебные отношения. У нас в это время был наш общий двоюродный брат Витя Есаков. Матрена Тимофеевна пригласила нас троих в гости. Но Рая, несмотря на мои уговоры, отказалась идти наотрез. Тогда Витя взял Раю за руку и сказал всего одно слово: «Пойдем». Она без единого слова согласилась. Меня это возмутило, а Витя еще поддразнил меня: «Тебя не послушала, а со мной сразу пошла». Я буквально опешил от подобной демонстративной подлости.

17. 11. Виделся с Верой. Она согласна дать развод, но платить полностью за развод придется мне. Да я на другое и не рассчитывал. Рая не любит, когда я пишу эти короткие записи, и я пишу их урывками в школе и прячу. Ведь, прочитай она хоть страничку — все сожгла бы. Раю прописали у Матрены Тимофеевны постоянно, но, когда я намекнул, чтобы приютить нас хоть на время, она промолчала. Что мы будем делать двое на 47 руб.?

1. 12. А у матери тоже неприятности начались. К Наде и Зое приходят ребята и сидят до часу, а то и до трех. Свет погасят, то хохочут, то кряхтят. Какой тут сон — в туалет не сходишь толком. А тут сторож молочной, Романыч, грозит вызвать милицию и выселить нас, так как у нас постоянно чужие люди. Бабушка Анюта тоже ругала Надю, я злился, но ничего не помогает.

7. 12. Теперь пишу изменения и вопросы, возникшие в связи с записями в трудовой книжке. Во-первых, там и словом не обмолвлено, что я был зачислен завхозом-делопроизводителем в школу. А ведь я был материально ответственным: начислял и получал на учителей зарплату, снабжал школу и учителей дровами, отвечал за хозяйство и ремонт. Мало того, и для сельсовета получал все наличные деньги и производил безналичные расчеты в банке. Но у меня есть только запись, что я зачислен на должность заведующего Подушкинской библиотекой только 22. 11. 50 г. Да у меня Саша родился 22. 8. 50 г.! Что я, кормил всех на 47 руб.?

Нет, библиотеку я принял ну если на месяц-полтора спустя с заработком 35 руб., так что чистыми получалось рублей 75 (750). Выходит, у меня довоенный стаж четыре года украли и год после войны.

А тут Матрена Тимофеевна добилась для меня манны небесной: всего 20 (200) руб. дал председатель сельсовета Лузину «взаймы». Ну а вселение описано.

27. 12. Сегодня был у матери в трущобе. Это ужас даже перед моим «колонным залом»! Рае уж если раньше не могли найти работу, то сейчас она, видимо, беременна, а таких на работу не берут. Ну а тут я с работами учеников кружка выпиливания участвовал в областной выставке, и мне предложили четыре раза в неделю вести кружок «Умелые руки» при Долгопрудненской районной станции юных техников: три раза по вечерам и в воскресенье с утра до обеда. Если считать по времени, то я получал тут в два с половиной раза больше. Да и для дома можно что-то сделать нужное. Даже дровишки на растопку сухие возил. Заработок перевалил за 100 руб.!

Теперь опять начались записи время от времени. Времени свободного совсем не оставалось. Выборы были ежегодно, и списки избирателей всецело были на мне. В двух экземплярах. Все банковские операции тоже на мне. Наглядная агитация и громкие читки, лекции — опять я. Рая окончательно поняла, что беременна, и смирилась с нищенской жизнью на одну зарплату. Но Рая часто уходила к соседям поболтать и часто просто забывала приготовить мне обед, когда я ничего не брал с собой. Меня стало это тревожить. Ведь она с детства была очень трудолюбива, а тут и обед часто не готов, а у меня считанные минуты. Было заикнулся найти легкую работу от скуки, но она обиделась. Ну а тут и живот стал заметен: куда же ей? В первые годы отпуск у меня был 24 дня. В деревне летом молоко, зелень, яблоки, картошка. Ну а хлебом, мукой, крупами, селедкой, консервами мы нагружались именно беспредельно: я построил большой чемодан на колесиках, и Рая сзади поддерживала, чтобы не свалился этот воз. У ее матери зимой дети пухли с голоду. Рае врач сказал, что роды будут или в конце сентября, или в начале октября. В последних числах августа мы собрались уезжать. Мать нам накрутила два мешка отборных яблок, а «Буравинка» — просто восторг! Провожать на телеге нас поехал мой дядя — Саша (Семик). Не помню, кому в голову пришла идея проверить деньги на обратные билеты. Оказалось, что их стащили квартировавшие трактористы, присланные в колхоз на подмогу, оставив для отвода глаз несколько рублевок и трехрублевок. А мы уже у Ряжска. Раю и так растрясло на телеге 20 км по булыжной мостовой. У крестного ни копейки — все равно пропьет. Приехали на вокзал сами не знаем зачем. Рая плачет навзрыд. Народу — тьма. Поезда идут переполненные. С деньгами-то билета не взять. Сердобольные женщины предложили продать нам часть яблок. Ну мы и начали продавать. Сразу возникла очередь. Продавали по штукам. Все платят (в садовом краю!) явно завышенную цену, а короче говоря, подают милостыню. Набрали на билеты. А к нашему счастью, организовали дополнительный поезд из «теплушек». Мы с Раей заняли дальний уголок. Я положил ее на два чемодана, а мешки — в головах. В вагоне сразу духота, и Раю замутило. Я испугался, что она родит в вагоне и некому оказать помощь. Но Бог не без милости, и мы отлично доехали до Бибирево на такси за символичную цену. Ну а на второй день у Раи начались схватки. Повел пешком чуть не за три километра на станцию. На последнем поезде привез ее на Савеловский, в железнодорожный медпункт. Там определили, что роды начинаются, и на «скорой» отправили ее в 33-й роддом. Утром спозаранку я был уже в роддоме. Но родила она только на третий день. Родился долгожданный сын! Весом он был 3 кило 200 граммов. Роды прошли нормально. Радость большая! А заботы?!

17. 8. 51. Какие мерзкие мысли лезут в голову: хоть бы убежать на край света от всех наших родных! Все активно вмешиваются в нашу жизнь. Каждая сторона хочет главенствовать безраздельно! Если бы Рая была иной, то я вообще послал бы всех к чертям, чтобы не вмешивались в нашу жизнь, но она старается сама подчинить меня своим родным. Однажды даже выпалила: «Мне мама сказала, что замуж выходят не для того, чтобы работать!» Теще я категорично заявил, что не буду делить родных на неравные половины. Ну а тут еще одно счастье обертывается сожалением: Раю уверяли, что пока она кормит грудью ребенка, то забеременеть не может. Но вдруг Саша пососет немного грудь и плюется... Оказалось, что Рая уже на четвертом месяце беременности. Ни о каком самодеятельном аборте и речи быть не могло. Ну а врач тем более не сделает.

Двадцать восемь лет прожил на свете, а к жизни совсем не приспособлен. Или уж такая судьба моя? На меня, как на бедного Макара, все шишки валятся. От смерти судьба хоронит меня, а вот дать счастье ну никак не хочет! Вечно жили в нужде, вернее, в нищете. Не чувствовал голода только в запасном полку санинструктором и в Германии после войны. Может, если бы не это, то я вообще так и не познал бы даже, что такое сытость брюха. А то мне было с чем сравнивать. Теперешнее наше положение и кажется самым тяжелым только потому, что лежит ответственность за детей и жену. Сам я мог бы и голодным прожить хоть всю жизнь, а когда от тебя зависят другие — совсем иное дело. Рая сильно исхудала. Конечно, я понимаю ее: переживания страшные! Материально и она не избалована. Но и недоедание не в пользу.

А дальше что? На что надеяться? Кругом нас бедность и нужда. Видим, как трудно даже с одним ребенком, а тут сразу второй... Сколько же горюшка хлебнуть придется! Вот потому рождение второго ребенка нам нежелательно. Но что поделать? Иного выхода просто нет, придется быть готовым к еще большим лишениям. Дожил: даже дети не в радость... А я так мечтал о них!

11. 12. В день моего рождения Рая подарила мне дочку! Забот Рае более чем вдвое. Ну а мне обеспечить им минимальное существование. Времени свободного ни минуты. Записи вести совсем некогда, вот потому и новая запись:

3. 1. 54 г. Наде уже 2 года и 23 дня. Саше 3 года 4 месяца и 12 дней, но до сих пор не выговаривает буквы «л» и «р», хотя по принуждению отчетливо говорит «л», а также и «р» выговаривает, подражая звуку работающей машины: «тррр». А Надя начала выговаривать «л» еще полгода назад. И вообще Надя раньше начала говорить. Во всем у них видимое улучшение проходило в деревне. До поездки в отпуск Надя меня почти не видела: выходных-то не было. Она просто дичилась меня, а в деревне так привыкла, что просто не отходила. А потом уж и дома, если я прихожу и они не спят, то с Сашей бросаются ко мне вместе. Оба любят целоваться, но Надя, поцеловав меня, говорит: «Побьейся!» Она очень любит напяливать на себя что ни попало и крутится перед зеркалом. Оба любят смотреть книги.

Надя иногда рвет листы. С радостью выполняют любое поручение. Оба очень нервные, особенно Саша. Надя любит шутки и возню, на что Саша часто отвечает побоями и криком. Саша никак не может запомнить стишки, а Надя сразу запомнила: «Дедика, балюльтик, делий ме тютек, дедика нади ме беики бубок!» Она любит вальсировать под музыку, наряжать куклу. Из песен Саша любит только «Голубку», а остальные зовет «замужние». Любит железяки и дерево, мастерит что-то.

5. 1. 54. Вот уже полгода живу, как в раю! Комната 15, 6 кв. м, окно выходит на север, на дорогу. В доме напротив, но окном во двор, тоже в

коммуналке, живет семья моей тети, Шуры Чижиковой. У них и бабушка Анюта. Совсем старая стала. У нас двое соседей: Ледушкины — одноногий инвалид войны с женой и двумя детьми, и Кузнецовы — вдова погибшего с сыном и сожителем. И всеми этими благами я обязан инспектору культотдела Любарской Марине Михайловне, которая своим угодничеством перед начальством невольно помогла мне. А сегодня еще радость: профсоюзная организация оказала мне материальную помощь100 рублей. Они мне очень кстати, так как я задолжал профвзносы 250 рублей. Я где-то прочитал, что инвалиду войны и без профсоюза будут платить по больничному по высшей категории, вот и не платил взносы долго. Да и путевку на курорт дают только членам профсоюза. Здоровье быстро ухудшается, а путевок в году дают две-три на 60 человек, да и те по блату да по начальству. Хоть на своем и без того скудном рационе не сэкономишь, но урезаем до того, чтобы только не отощать, а иначе так комнату и не обставить фабричной мебелью. Так надоела трущобная жизнь и скитания, что любой ценой хочется видеть свою комнатку нарядной и уютной. Вот сегодня «позавтракал» двумя чашками чая с дешевым хлебом, а дома ребятам не осталось и кусочка сахара — им придется ждать до вечера, когда я вернусь с получкой. Масла покупаем только детям, да с собой на работу намажу тонко несколько кусочков хлеба и присыплю слегка сахарком. Живем на постном супе и картошке с кильками. Вот так и купили гардероб за 900 руб., стол — 280 руб. А тут захалтурил на ремонте клуба 1000 руб. Купили на них диван — 650 руб. и даже коврик за 400 руб.!

8. 1. Сегодня Саша, увидев, как я сел на стул безногого соседа, сказал: «Ты что сел на этот стул? У тебя ноги нет? Вот я вырасту большой и сделаю тебе костыль, когда у тебя нога отломится». Саша почему-то любит представлять себя безногим и говорит: «Вот я поеду в автобусе, на колесе, и мне ногу оторвет — тогда я буду без ноги, как дядя Паша, а папа сделает мне костыль». Вчера вечером я принес фотокарточки от Николая Васильевича. Надя всех узнает, а на себя говорит: «Это мальчик!» 9. 2. 54. Вчера вечером было настолько отвратительное настроение, что я отчасти от мрачных дум, а больше — досадить Рае, зашел впервые в пивную. Взял 100 граммов водки, кружку пива и бутерброд с сыром. Но эта, для меня сногсшибательная, доза не произвела на меня никакого действия. Даже Рая с матерью ничего не заметили, а хотел я именно этого. Больше этого не повторю. 12. 2. Сегодня ездил по букинистам. Хорошее прижимают. Покупаю что порваннее и подешевле. 18. 2. Сегодня разразился скандал с Раей. Ей разонравилась наша комната: на первом этаже, северная сторона. А тут в заводском доме одна ревнивая жена захотела разъехаться со своей соперницей. Несмотря на то, что у одной жилички там открытая форма туберкулеза, Рая настаивает на обмене. Я говорю, что из служебной нас выселят, если никто не будет работать на заводе, да и с туберкулезником жить — самоубийство. Но Рая настояла на своем, и мы начали оформлять обмен. И только отказ той женщины спас. Я Рае почти ни в чем не перечу, но она этим только злоупотребляет. Даже в мелочах старается делать все мне наперекор. Какими мы детей воспитаем?.. Согласия нет ни в чем. 22. 2. Вчера ночью наша кошка окотилась в Надиной постели. Родились они мертвыми или Надя их раздавила, но из-под нее вытащили двух мертвых котят. Так же в Бибирево, когда у нас на полу спала Зоя Зудина, нашла на своем одеяле новорожденных котят. Другой раз Рая нашла котят в своей шляпе, в гардеробе. Саша настолько любит подражать одноногому Павлику, что переломал все веники и мне пришлось сделать ему костыли. Он засунет обе ноги в один валенок и с костылями ходит. Сегодня ему намазали пальцы перцем, чтобы не

грыз ногти. Он орет от боли во рту, а все равно грызет. А тут я на подотчетные деньги купил дорожку, а с меня их потребовали, так как объединяли сельсоветы. Еще родные надоели: только отмучились от устройства Коли и Зои Раиных, зачастили в гости мои: а мне угостить их супом — и то накладно. Из еды остались кисель и хлеб. Ребята просят картошки, а мы недавно заняли ведро и быстро съели.

2. 4. Снижены цены! На хлеб — 5%, а на бензин — на 45%. В среднем — на 40%! Будем суп бензином заправлять. В библиотеке получил за месяц 390 руб. и занял 500, хотя 200 руб. еще должен. 9. 5. 54. Самый большой мой праздник! А меня и на словах никто не поздравил. А шуму-то вообще! Почести воздают только погибшим да тем, кто или в глубоком тылу, или в безопасных блиндажах увешивал грудь орденами, а теперь красуются в президиумах. Всего два дня, как проводил своих в деревню, а скучаю, несмотря на частые раздоры, когда вместе. Надя перед этим сильно болела гриппом, но я с большим трудом достал пенициллин в сладких таблетках, и ей полегчало. На вокзале, когда вошли с закупленным хлебом, хватились, а Саши нет. У меня сердце в пятки. Побежал его искать. Обежал весь вокзал — нигде нет. Спасибо один военный видел его, как он шел по улице. Нашел я его: он стоит и у чьей-то коляски крутит колесо, как руль. Здоровье все хуже. Был у платного врача, но такое лечение не для меня. Должны уже 1000 руб. Чтобы их мне выплатить, придется сильно голодать. А тут костюм порвался — стыдно в нем ходить.

15. 5. Валит снег и не тает. Как в 5. 6. 47 г.

24. 6. Ездил за билетом, еду в деревню. Заехал к тете Шуре. Она с Галей и Толей собирается тоже в деревню. Расчетливая женщина! Узнав, сколько я беру с собой муки и пшена, сказала, что это мало. Я сказал, что на большее у меня денег нет. Тогда она предложила, чтобы я больше ничего не покупал, а предназначенные для покупки деньги отдал ей. От досады на мою бедность она даже чаем меня не попоила. 26. 6. С пяти утра стоял за билетами — и не досталось. Почти все билеты у спекулянтов по двойной цене. Поеду ночевать у касс: так делают многие. Ну вот, пришлось ночевать не одну, а две ночи. В первую проспал предутреннюю перекличку в теплом подъезде, и меня вычеркнули. 2. 7. До встречи с семьей двое суток, равные двум годам! Даже аппетит пропал. 10. 8. Вернулись из деревни. Отдохнул хорошо, хотя не бездельничал. Работы у тещи — край непочатый! Но все же целую неделю ходили за клубникой. Первая поспела на пригорке в Хмелевой, недалеко от пепелища отчего дома. Клубники было очень много! Мы рвем лежа, перекатываясь с оборванного места. Рая рвет в два раза быстрее меня. За два-три часа нарываем полное ведро! И за полдня его все съедаем. Едоков-то 11 человек! Потом поспела клубника на лугу под д. Горлово. Трава густая, и клубника крупная. Ведро и бидон нарывали за час! Потом на склоне, в кустах Гаютиной, поспела земляника. Но ее мало. Затем черемуха пошла. У соседки была крупная и сладкая. Вскоре и вишня закраснелась. Но тут одна напасть нагрянула: несметные полчища скворцов не дают сорвать ни одной вишни. Ничем не отпугнешь! Тогда я сделал рогатку, убил трех скворцов и привязал их на шестах выше всех вишень. Так мы и наварили варенья. У тещи росла отличная ранняя грушовка. Когда начали падать первые червивые, сладкие яблочки — кто раньше успеет их утром собрать. Я с Раей спал в шалаше, в саду, но бабушка Лена всегда меня опережала и собирала все для детей тети Шуры. Орехи еще только «молочко», а мы по полмешка приносили. А потом, когда усыпные оборвали неспелыми, я пошел один и с собой набрал двадцать пять стаканов спелых. Теща показала себя с отвратительной стороны. Толя Агеев обладал

сверхъестественным аппетитом и неуемным хулиганством. А лодырь он несусветный в свои тринадцать лет! Сашу моего обижал на каждом шагу. Теща Толе дает лакомые кусочки, а моим даже молока досыта не давала. Саша с Надей по стакану съедят, а Толя полтора литра выпивал за раз! Ребята потом просят есть, а Рая награждает их тумаками. Я привез белых сухарей только малышам, а съел их один Толя: целыми днями таскает и друзей угощает. Сахару я привез втрое больше, а Толе давали чуть ли не к супу, но моим чай чуть присладят. Когда Толя обижает Сашу, теща говорит: «Уступи ему, Саша, — ведь он дурачок». Свою сестру Шуру обожает, а меня замечает тогда, когда надо что-то сделать, даже женскую работу. Без дела мне не дает посидеть ни минуты. Отдыхаю только на клубнике и когда ловлю рыбу наметкой, лазая по реке. А тут еще зубы разболелись. У тещи мед был, а я его почти есть не могу. Больше стакана молока в день я не видел, хотя молоко она сдавать не переставала. Кур было много, но больше одного яйца в день мне не давала. Тетю Шуру кормила тайком рано утром, а потом лицемерно «удивлялась», что та в завтрак мало ест. Вот так и терпел...

Привезли с собой Валю. Больше года (до четырнадцати лет) ей придется жить у нас, а потом — в ремесленное.

6. 9. Ночью была гроза. Редкое явление. Мою библиотеку обокрали: украли клубный проигрыватель и двадцать пять пластинок. О краже я узнал два дня спустя. От милиции узнал. Разбили окно и влезли. Валю никак не пропишем. Сегодня ездил заключать с ней договор как с няней — иначе не прописать. Даже взятка не поможет: ей нет четырнадцати. 1. 11. С Раей участились скандалы. Постоянно груба, спокойно не ответит. Она объясняет это нервной работой в клубе и говорит, что на другой работе получала бы вдвое больше. Но тут ведь я за нее делаю всю культмассовую работу, а ей остается только кино три раза в неделю, да и то я ей помогаю. От сеанса остается восемь — двадцать рублей! 29. 11. Коля оказался изрядным негодяем. Не знаю, что Рая ему писала, но в случайно найденном его ответе я прочитал: «Буду околевать с голоду, а у вас помощи не попрошу». Я его ни в чем ни разу не упрекнул, даже когда он проспорил мне часы и не отдал. А Рая теперь не разговаривает со мной, будто я обязан полностью содержать ее брата. И она готова держать в голоде даже детей, но брату бережет лакомые кусочки. А он даже спасибо ни разу не сказал.

Опять нет одного листа, где описаны подробно наши взаимоотношения с соседями. По оставшемуся в памяти опишу это. С Ледушкиными мы жили лучше, чем с лучшими родными, а вот Нюра Кузнецова завидовала такой дружбе и всячески вредила обоим как могла. Особенно Рае, так как у Маши был муж Павлик не такой деликатный, как я. Он даже за женой гонял по пьяни с костылем. Раз Нюрка-дурка ударила беременную Раю пинком в живот, до синяка. Врач дала справку о побоях, и Рая подала на Нюрку в суд, а Маруся была свидетелем. Ну а Нюрка дала взятку судье, известному негодяю, и подала встречное заявление за оскорбление. В суде приняли версию, что беременная на средине срока Рая сама себе нанесла побои по животу. А за общий скандал всех троих оштрафовали на 300 руб. каждого. Тут Нюрка с хахалем распоясались еще больше. Одним из приемов было открыть зимой настежь форточку и дверь, чтобы был сквозняк, когда едят мои дети. (По записи:) Я по-хорошему просил Ивана не открывать одновременно форточку и дверь, но он сделал назло и даже сам остался наблюдать. Я закрыл дверь, а Иван снова ее открыл и держит. Тогда я с силой рванул дверь, и случилось чудо: у этого шибздика дверью оторвало кончик мизинца. С воплем пытался

он вымазать меня своей кровью, но я увернулся. По его жалобе меня уже однажды вызывали в милицию. Выслушав и поняв меня, посоветовали отлупить его без свидетелей. Эту его жалобу и слушать не стали. Тогда он обратился к прокурору, но его не было, и меня вызвал заместитель, Зазаев. Я убедил его, что невозможно прищемить один мизинец, если не сделать это нарочно. Но Иван пошел к прокурору, за которым была дурная слава. Явно «подмазанный», он с ходу начал орать на меня и грозил посадить. Тогда я написал басню на это событие — «Олень и Лиса». Басня была напечатана в районной газете. Прокурор узнал там себя, и меня вызвали в редакцию по вопросу, имел ли я в виду конкретных лиц. Я ответил отрицательно и, только когда прокурора «попросили» с должности, рассказал всю правду. А Иван с Нюркой озверели совсем. Тогда я без свидетелей сказал им: «Если вы не уедете из этой квартиры — я вырежу всю вашу семью!» Через полмесяца они разменялись. Новые соседи составили в квартире дружную троицу!

18. 3. 55. Меня обвинили в присвоении колхозного комода. Дело было так: в Алтуфьевской бригаде я открыл филиал, а книги клал в стоящий в красном уголке старый комод. Но кто-то отодвинул комод от стены, отломал сгнивший зад и украл несколько книг. Тогда я с согласия начальства из досок комода оборудовал оконную нишу под стеллаж, а для двери принес даже свою фанеру. Правление пыталось хоть как-то отомстить мне за критику. С тех пор я плюнул на общественную работу и стал просто выдавать книги. Да и работу надо было искать другую, удобную и более высокооплачиваемую. А тут Валя выкинула фортель: мы собрались куда-то в воскресенье, а Валя и говорит: «Я не останусь! У всех нянек есть выходные». Значит, она считает себя не сестрой, а наемной нянькой. Очень ленива, по дому ничего не делает, от ребят урывает что повкуснее.

23. 8. Рая уделяет внимание Вале, как принцессе! Самый лучший кусок — ей, а не детям, тем более не мне. До масла я не дотрагиваюсь, а та его ест чуть не ложкой, в то время как Саше и Наде мажут так, что хлеб видно. Всю ночь Валя гуляет, а день — спит. Рая на последнем сроке беременности все делает сама, а Валя только жирок нагуливает. Слава Богу, что приняли в то же ПТУ, где учился Коля, без взятки: у нее уже московская прописка. Так Рая нежит ее перед занятиями, будто она будет, учась на маляра, камни ворочать. Но стоит мне только заикнуться о такой несправедливости — закатит такой скандал, что тошно станет. Перечислит недостатки моих родных аж до девятого колена! Матери ее второй зять пришелся по вкусу. Она мне перечисляет все его добродетели, но только я деланного после его пребывания в отпуске не вижу и по-прежнему заготовка сена и дров лежит на мне. 15. 9. Скоро народится третий ребенок, а у меня и эти ничего хорошего не видят, молока и то досыта не едят. Покупка фруктов (только детям и Вале) — целое событие! И это в разгар сезона... Работаю, с перерывом на сон, по шестнадцать — восемнадцать часов, а толку? Или я жить не умею и ни на что не годен? Зарплата вместе с пенсией 800 руб. в библиотеке, школе и СЮТ. Рая от своей мизерной зарплаты получила по декрету 60%. В школе введены уроки труда, и Матрена Тимофеевна предложила вести их мне. Буду оборудовать рядом с библиотекой в комнате мастерскую. Ощутимая прибавка в зарплате! А то уже должны матери 500 руб. Надо покупать на зиму валенки и картошки, да и еще уйму по мелочи. Квартплата не оплачена за два месяца, а свет — за три. 21. 9. Родился третий ребенок — второй сын! Я ликую! Дай Бог, чтобы мои дети доставляли мне только радость! 23. 9. Рая в роддоме в Тимирязево. Второй раз ходим к ней втроем. Сегодня отнес ей огром-

ный арбуз и много винограда: говорят, от него молоко прибывает. Дома давно готовлю качку «хрустальную». Саша спал в дощатой, Надя — в резной, выпиленной из фанеры, а эта вся из оргстекла! Да беда — ставить ее некуда. 23. 10. Уже три дня работаю учителем труда в Долгопрудненской школе № 2. Тут зарплата, вместе с лаборантскими, будет 800 руб. Да СЮТ — 200, да пенсия — 125! Хоть вылезу из нужды немного. 24. 10. Мой Володя становится крикливым. Надя до сих пор картавит: вместо «я» говорит «ля», к буквам «и», «ю», «е» и т. п. прибавляет «л», и у нее получается: Юрка — Люлька, ехать — лехать, есть — лесть, пойду — польду, моется — молится и т. д. Вообще может и не картавить по принуждению, но упрямо не хочет говорить правильно. Саша любит мастерить и лепить из пластилина, Вову любит много сильнее Нади. Отдельно играют спокойно, а сойдутся — писк и драка. На улице Саша заступается за Надю, а сам предпочитает играть с девочками: «Они не дерутся!» А вчера спрашивает: «Папа, а правда, что ты меня первого сделал?» Это ему девочки сказали. 9. 11. Позавчера и вчера справляли Вовины крестины. Крестили Прохоров Сергей, муж Таси, и Аня Савичева, добрая и веселая девушка. Вечер стал в 600 руб., денег на тарелку положили 130 руб. и подарков на 70 руб. Вчера выпал первый снег, и Саше впервые купил лыжи. Валя приезжает голодная, и там еда ей не нравится. Поест вместе, а потом тайком еще ест. На дорогу каждый день даем по два рубля, а тут еще страсть к семечкам и обильное писание писем встает втрое больше. Принесла «получку» восемь рублей, так как долго будут вычитать за форму и спецовку. У меня от работы в подвальных мастерских сильно болит голова. 29. 11. У Раи чуть не два недели болят зубы. Она почти ничего не ест, ослабла. А тут еще расстройство: ее отпуск за свой счет кончается, надо идти на работу, а Вову куда? Принять в ясли категорически отказали: нет мест. У Раи температура 39. Поддержать ее нечем. Сегодня от больной жены ушел на работу. Каково ей с малышами?! Ездил в райисполком с просьбой о расширении жилья, но получил отказ. 7. 12. Сегодня принес от букиниста свою мечту: Брокгауза и Ефрона! Мы ежемесячно на СЮТ собираем по 50 руб. на подарки очереднику ко дню рождения. Пришлось к собранным 300 руб. прибавить своих 150. Тайком 86 томов не принесешь, и с Раей большой скандал. На мои доводы, что я не пью и не курю, она не обращает внимания и к моим увлечениям относится враждебно, даже если от них нет убытка, но зато нет пользы. 13. 12. У Саши неплохие черты характера, он напоминает мой. Очень сострадателен к чужой беде, жалеет слабых. Когда Рая спела песню «Ах, отцы, отцы, вы жестокие», он со слезами на глазах попросил повторить эту песню. А вот память у него неважная. До сих пор не запомнит, сколько ему лет, не запоминает стихи, числа, буквы. А кино запоминает надолго. Трудиться любит: забивает, не загнув, большой гвоздь, сортирует мои болтики и гаечки, начал выпиливать лобзиком. Оба с Надей любят картинки и сказки. Без спроса не берут и мелочь. Надя неплохо рисует. Саша, как и я, не любит сидеть без дела и все ноет: «Нечего де-е-е-лать... Пап, дай мне чего-нибудь поделать». Жаль, что некогда уделить ему побольше внимания. Вова болел золотухой.

9. 2. 56. У Вовы диспепсия и воспаление легких. При смерти отправили в больницу вместе с Раей. Он уже понимать стал и так жалобно смотрит, как бы моля о помощи. Боюсь, не выживет... 17. 2. Володя воскрес из мертвых! Значит, будет долго жить. Врачи его считали безнадежным. Сейчас улыбается, за четыре дня поправился на 450 граммов. Мороз доходил до 43 градусов, много снега. Даже форточку не открываем.

24. 2. Теперь у Нади температура 39, 5, а у Володи — 39, 6. Хорошо, хоть в комнате тепло.

26. 2. Заболел и Саша. Но он с температурой 38, 5 бегает. И только рано спать лег.

1. 3. Когда Рая мыла Вову в ванной, с ним случился тепловой удар: он весь покраснел и его забили судороги. Мы страшно перепугались, но все быстро прошло. А может, это что иное? Дальше опять нет листов. Уничтожил во время шухера, так как там были опасные политические мысли.

31. 1. Саша всю ночь не спал — болело ухо. Но он очень терпеливый. В ноябре и декабре заболел желтухой и лежал в Подушкинской больнице. А вскоре и Надю к нему положили с желтухой, на одну кроватку. Когда Сашу хотели выписать, Надя ни за что не хотела оставаться без него, и врачи держали Сашу до выздоровления Нади. 25. 2. Надя вот уже две недели в больнице со скарлатиной. Саша чуть не оглох — быстро обратились к врачу. Володя до сих пор мало говорит: мама, папа, Нана. Буква «р» получается после «т»: «тррр!» А так смешно вставляет «р» туда, где ее нет: машина — маршина. Понятливый, но какать и сикать не просится: бегает, а в штанишках катях болтается.

15. 3. Надя переболела корью. Как много болезней обрушилось на ее худенькое тельце!.. Но стоит только температуре снизиться до 38, 5, как ее в постели не удержать. Ничего не ест, кроме яблок и апельсинов. Вчера не нашел в Москве апельсинов, а купил мандарины, но она не ест, говорит: «Кислые!» Вообще она кислое не любит.

На этом я прекратил вести дневниковые записи, и о дальнейшем можно узнать из писем. У Раи почерк неважный. От бабы Лизы письма только я и разбирал. У меня в детстве почерк был разборчивый, но со временем стал совсем плохим. Потому я планирую из писем выбирать самое важное, упуская вступления и детали. Объем работ огромный! Успею ли?

Когда сам начинаю читать свои записи и вижу все их несовершенство, то закрадывается сомнение: хватит ли терпения продолжать читать их даже самому доброму и терпеливому моему потомку? Но что поделать? О детях написал очень мало, о болезнях буду писать больше о своих. Многое упустил и впору писать дополнения. Кое-где, при перераспределении страниц, дополняю страницу теперешними выводами и мыслями. Но и не писать вовсе не могу. Наоборот, очень жалею, что поздно взялся за это: такие провалы в памяти и так много забыто...

Дополняю страницу 16. 3. 97 г. Первые тетрадки своей биографии раздал своим детям и сестре Наде года три тому назад, никто ее так до сих пор и не читал. А уж стихи тем более. А я мыслю так: в любом самом талантливом произведении описана чужая жизнь. Того человека или не было вовсе, или давно уже нет. Но мне было бы очень интересно прочитать пусть совсем бездарно написанную биографию соседа, знакомого, который жив и я смог бы поговорить с ним. Тем более если бы это был близкий друг или родственник. Ну а уж о своих предках я готов читать что угодно: письма, записки и хоть просто документы. Ведь при встрече мы с охотой говорим о себе, своих близких. А записи очень мало у кого есть. Потому не привыкли мы читать о наших близких. Дальше писем не идем.

О ДЕТЯХ

Саша родился крепким, болел мало и боли переносил терпеливо. Ходить начал ровно с года, до этого все на попке ползал, как рак, задом. Но говорить

начал очень рано. Еще и года не было. Когда я дома что-то мастерю и попрошу его подать какой-то инструмент, он переспросит: «Питизи? Атетка? Маток?» — и подаст безошибочно. Один раз вздохнул и говорит: «Какой мой папа мастий!» Я внушил ему, что драться — нехорошо, но когда переехали в Соцгород, то как новичка его обижали те, кто много моложе. Пришлось переучивать. Раз я дежурил по коридору на перемене, а первоклассника Сашу стал задирать третьеклассник. Саша разозлился, повалил того и начал бить. Еле растащили. Однажды он с ребятами полез на крышу сарая или голубятни посмотреть голубей. А тут появился хозяин голубятни, и ребята начали прыгать с крыши в сугроб. Саша прыгнул на занесенный снегом камень и сломал ногу. Принес его на руках хозяин голубей. Наложили гипс, и он остался дома. Вот и пригодились сделанные ему для игры костыли. Ну а меньше чем через месяц после снятия гипса Саша прыгал через строительные траншеи. А когда он только учился ходить, взял в рот палочку из оргстекла, споткнулся на нашем неровном полу, упал и сильно поранил себе во рту. Мы растерялись и не знали, как остановить кровь. Учение ему давалось трудно, в первом классе появились двойки. Даже учительница приходила к нам подучать его. Еще в первом классе Рая затрещины давала Саше, что он низко наклоняет голову, когда читает и пишет. Моя мать говорит: «Вы покажите его врачу, может, у него с глазами плохо». Так оно и было. Больше двух лет Саша ходил в очках, и зрение исправилось. Сашу я часто брал по воскресеньям в СЮТ, где он с удовольствием что-нибудь выпиливал, выжигал. Все у него получалось отлично. А вот дома он ничего не мастерил, хотя инструмента и материала было очень много. Наиболее ходовые гвозди и молотки перетаскал ребятам еще в дошкольном возрасте, как раз тогда же, когда проиграл ребятам в «расшибалку» все мои военные медали. Орден не подошел: рогатый.

В пятом классе, занимаясь на моих уроках труда, или делал образцы изделий, или заготовки, которые должен был делать я даже для седьмых классов. Раз случилось такое: хоть я сам отпускал ребят на хорошее кино, весь пятый класс сбежал туда, кроме Саши, конечно. Ну а вскоре прибежал ко мне один мальчик и сказал, что ребята собираются бить Сашу у сарая. Я бегом туда. А у стены стоит Саша на изготовку среди окруживших его ребят. Я упрекнул их в подлости и, сколько успел, дал подзатыльника.

Раза три в возрасте девяти — двенадцати лет Саша ездил со мной в пионерлагерь и руководил там кружком не только малышей, но потом и старших. В седьмом классе появились двойки, но после того, как мне сделали об этом замечание на педсовете, двоек больше не было. После восьмого класса я оформил его в художественное ПТУ на слесаря-гравера по прессформам. Успехи у него были отличные. Но его подвела страсть делать ножи. Мастер застал за этим занятием. Вызывали меня. Обошлось. Потом он остался работать там, где проходил практику, на Лобненской фабрике игрушек. И опять за изготовление ножей чуть не передали дело в милицию. В переломном возрасте был беспричинно груб и своенравен. Получив предварительную повестку, взял расчет по собственному желанию. А я в это время был в Денау. Приехав, отругал его, и ему пришлось поступить на газзавод, сбивать тарные ящики. Я горько шутил: «Это у тебя потомственное — я тоже в тюрьме ящики сбивал».

В армию его провожали дважды: накупили всего на приличные проводы, а его оставили до особого распоряжения. Пришлось самим все есть. Но на вторые проводы так разориться мы были не в состоянии. Позвали только его близких друзей и скромно проводили. О его службе все в переписке. В его характере меня беспокоило равнодушие к материальным проблемам в семье.

Хотъ он не был требовательным к одежде, еде, но и заработок его не волновал. Но после женитьбы он изменился. Сначала жил у тещи. А там умели ценить нажитую копеечку и его научили.

Надя. О ней в дневнике записано больше. Родилась она послабее Саши, но ходить тоже начала ровно с годика. Была более спокойная. Очень любила и хорошо танцевала индийские танцы под пластинку, не стесняясь и танцуя по просьбе даже незнакомых людей. Но в общественных местах была очень робкая. В пионерлагере, где мать ее была воспитательницей, в самодеятельности боялась станцевать, хотя девочки смело танцевали много хуже ее. Но лет в двенадцать совсем перестала танцевать. Учеба ей давалась очень трудно почти по всем предметам, а особенно по математике. Даже зубрежка не помогала, так как она часто не понимала значения иных слов. Она маловато читала книг. Любила рисовать, но только куколок, а также и шить на них. Один раз с подругой изрезала нужную занавеску, и мать ее впервые отлупила. А так ее не за что было бить. Она росла очень послушной. Матери не то что помогала во всем, а уборка жилья была полностью на ней. Когда родилась Люба, Надя с первых же дней мыла ее в ванночке не хуже матери, поддерживая головку. После восьми классов я оформил ее в то же училище, где учился и Саша. Училась там очень хорошо на живописца по росписи игрушек и другого. Особенно ее хвалили за изготовление мягких игрушек. Участвовала в самодеятельном хоре. Ее даже с группой лучших сфотографировали для рекламного объявления. В школе она и сама была у меня в фотокружке и научилась фотографировать, но так и не стала заниматься этим. В ПТУ было поступила в 9-й класс, но ее надо было встречать с электрички в 11 вечера. После ПТУ пошла работать на фабрику «Агропособия», где ей, послушной, давали самую малооплачиваемую работу, хотя работала она превосходно и заработки были хорошие. А тут она впервые познакомилась с парнем. Он был высокий, симпатичный, скромный, умный, внимательный (никогда не приходил без цветов), но имел один изъян: сильно заикался при волнении. И они расстались.

Володя. В первые дни немного поорал, а потом рос спокойным. Смешно у него получалось с произношением буквы «р». Она ему понравилась настолько, что он вставлял ее в слова, где ее не было.

А вот с руками ему не повезло. Было ему лет пять, когда он один, под нашим окном, играл в мяч, споткнулся на камешек, переломив обе косточки предплечья. В нашей больнице хирург Дербакова поправила кости и наложила гипс. А когда сняли, то рука стала кривая. Но вскоре, когда мы были в гостях у Чижиковых, к нам приезжает мать и говорит, что Вова снова сломал руку на том же месте. Я поехал с ним в Москву, в Филатовскую больницу. Там под рентгеном правильно уложили кости. Летом 1967 года мы отправили Вову и Любу к моей сестре в Узбекистан. Там он упал с низкой вишни и сломал себе другую руку в том же месте, а нам, приехав, ничего не сказали. Но Рая видит, что Вова осторожничает с левой рукой, и поняла.

Не прошло и полгода, раз он заходит и нам таким непривычно тихим голосом говорит: «А я опять левую руку сломал...» Рая даже не поверила ему: думала — шутит. Но он побледнел и тихим голосом попросил пить. Я взял его на руки и понес в больницу. Там сказали, что кость неудачно зашла одна за другую и без операции не обойтись. Отличный хирург Александр Серафимович Бородин сказал, чтобы я изготовил маленькие шпильки из нержавейки. Я отполировал их так, что они без удара вошли в кость. Операцию делали под общим наркозом. Я всю ночь напролет просидел у его кровати, смачивая ему губы водой, а утром меня сменила Рая. Пролежал в больнице не долго. Потом

снова под наркозом вынимали шпильки. Ничем серьезно не увлекался. Я пробовал поощрять его собирательство марок, спичечных этикеток, но все напрасно. Техникой тоже не интересовался. Зато в учебе мы с ним не знали забот. Не любил только ботанику. Но при его хороших способностях был средним учеником. Аппетит плохой. Тем более все перенимает у Саши. Он сначала ел суп-лапшу, но раз Саша сказал ему: «Вовка, и ты ешь эту дрянь?!» С тех пор он лапшу, как и Саша, в рот не брал. В магазин ходил без оттоворок. Кино «Миллион лет до нашей эры» смотрел пять раз! Лазил с ним и Аликом в горы, в Ходжиобигарме. Как и Саша, он не боится крутизны и хорошо лазит. А ведь ест почти один чай. Еще более нетребователен к одежде, хотя неаккуратным даже в детстве на улицу не выйдет. Характер его мы часто сравнивали с характером брата моего отца, Петраком. Да и судьба его оказалась схожей с его как две капли воды: так же «вошел во двор». Властная теща все держала в своих руках. Живи отдельно, Вова мог быть инициативным, а тут всегда его держали на поводке. Я был твердо убежден, что Марина любит Володю до безумия! Но странная это была любовь. У нее на первом плане были только собственные чувства и их удовлетворения, а муж для нее был источником удовольствия, жизненного комфорта. Теща, думается, просто души в нем не чает: зять не пьет, не курит, покладистый характер. Но у нее был настолько властный характер, что она твердо убеждена: мир существует только для нее! У Володи же, наряду с мягкостью, в характере был дух протестантства. Причем очень глубоко скрываемый. Саша, Надя и Люба до самого начала их семейной жизни делились со мной своими мыслями и делами в любви. И только Володя никому ничего не рассказывал, и мы всегда стояли уже перед тем, что есть.

Своего первенца Диму Володя любит очень! И все же не вытерпел и завел роман с Юлей. Поженились, народился второй сын, Саша. Однако и Диму Вова не стал любить меньше.

Налицо семейная драма, а я, как какой-то посторонний человек, непонятно смотрю со стороны. Что у Вовы на душе? Потемки для меня...

Вот и в жизни с Юлей: теща Вове досадила настолько, что он хотел уйти от нее, даже если и Юля не пойдет с ним. А для меня опять — мрак.

Люба. Когда Рая поняла, что забеременела, то прибегла к надежному средству для выкидыша, к которому прибегала не раз: парилась в горчичной ванной, но на этот раз ничего не вышло. Так вот и оставила. Живот был маленький, когда Раю отправили в декрет, но неожиданно начались схватки. Дальше написано. Первый зуб у Любы прорезался к пяти месяцам. В четыре месяца начала невнятно бормотать, а в шесть — внятно говорила «папа», «баба». Но вскоре и это перестала говорить и до двух лет почти ничего не говорила, а только показывает на нужное пальцем и мычит: «Ыыы!» Когда мы были в деревне, то ее ровесник Вова Богданов говорил удивительно хорошо и спрашивает: «Баба Лиза, а что, Люба немая? Все "ы" да "ы"». Мы и сами тревожились. Но вскоре начала говорить. Но точно, как и Надя, почти до самой школы вставляла всюду букву «л», «р» тоже не говорила долго. Но к школе как-то сразу начала говорить правильно. А вот ходить начала с десяти месяцев, и не пошла, а сразу побежала. На дворе весна, Люба по улице бегает, а придет домой и ходит, держась за стены и мебель, или за руку держится. Не боялась, когда я подкидывал ее очень высоко или она стоит на ладони у меня и я ее поднимаю выше головы. Ничего не боялась, только визжала от удовольствия. Веса не набирала и половину до положенного по возрасту, и все называли ее «Дюймовочка». Великая модница: перед зеркалом крутится по сто раз в день.

Если чуть что не так в одежде — на улицу не выйдет. Платья меняет в день не менее трех раз. А вот матери ни в чем не помогает, любые поручения если и выполнит, то с тысячью отговорок. В школу ее в семь лет не пустили из-за слабого физического развития, а дали направление в детсад. Но она буквально через месяц сбежала оттуда и ни за что не хотела возвращаться. Люба теперь уже для всей семьи была как дорогая и милая игрушка. Не утруждали ее никакими трудами и заботами. Избаловали страшно!

11. 2. 1997 г. Подгоняю текст к другому формату и, чтобы дополнить до страницы, пишу как бы продолжение с учетом теперешних оценок всего. И так тут не только о Любе, но больше-то о ней. Сбылось мое предчувствие. Сколько раз я говорил Рае: «Как нами аукнется — так нам и откликнется». Воспитывали мы их по-крыловски, как «Лебедь, Рак и Щука». Мать моя — не подарочек. Да и прошлое наших семей не располагало ко взаимной любви между моей матерью и Раей. А поступить разумно, чтобы не дать дурного примера нашим детям, не изуродовать их характеры, не позволило ослиное упрямство и матери и Раи. К своей матери Рая относилась так хорошо, что для наших детей это был отличнейший пример! Но все это перечеркивалось ее отношением к моей матери. Дети не могли понять, что виноваты в этом они обе, но перед ними был факт черствого отношения к старикам, что они как бы лишние и с ними можно не считаться, когда от них не будет пользы. Вот и Люба: если послушать ее, то она во всем считает себя правой. Труд для нее был пренеприятнейшей обязанностью, и избегать его надо всеми силами. Она даже учебу в школе считала для себя обузой. Ну а когда надо было идти работать, то у нее уже выработался стойкий иммунитет на работу. Тем более что материальное положение к тому времени у нас было такое, что мы могли бы прокормить не одного, а нескольких дармоедов.

У Раи тоже было такое мнение: «Успеет еще, наработается! Пусть пока поотдыхает».

Когда Люба вышла замуж за Женю, то не могло быть и речи о том, чтобы они давали деньги на свое пропитание — у нас доходы от брелочков и рукояток были превосходные. Это наше баловство и привело к тому, что зять Женя попер «не в ту степь» и они развелись.

Сожительство с Игорем не только ничего не изменило, а еще ухудшило положение. Начались пьянки-гулянки, во время одной из них Игорь чуть не убил Любу. Только на меня одного это произвело потрясающее впечатление, а Люба и также Рая посчитали это чуть ли не пустяком.

Не знаю, может, мне надо было тоже смириться со всем и пустить все на самотек. По крайней мере, Рая была бы жива. Но разве это было бы в пользу? Но результатов своих злодеяний Рая так и не увидела. Мне они все достались.

Трудно сказать, как бы повернулось дело с этой «демократизацией», но до нее мы твердо стояли на ногах и были хозяевами положения. Доход от изготовления и продажи моих изделий был настолько хорош, что значительно превышал все праведные и неправедные доходы всех, кого мы знали из своих родных. Потому не только мы не зависели от своих детей, но даже они нет-нет да и воспользуются крохами с нашего стола.

Вот потому старшие дети хоть не тянут с нас, но и не считают себя ни в малой степени обязанными перед родителями. Саша уже открыто сказал, что родители выполнили свой природный долг и теперь не должны мешать детям жить.

ДЕТСТВО

В преклонные годы особенно приятно хоть мысленно вернуться в детство и вспомнить все новые и новые подробности оттуда.

Как я писал, вершина горы «Гаютиной» была буквально усеяна мелкой галькой. Иные камешки были настолько идеально шарообразны, что будто хороший токарь их точил. И разнообразие их было превеликое! Особенно ценились «сахарные» камешки. Не знаю, что там было в глубине горы, но камешки были из разных сортов мрамора, гранитные и еще бог знает какие. Но величайшей редкостью были «шелковые» камешки. Структурой и блеском они напоминали шелк разных цветов. Так вот девочки, да и мальчишки, даже из дальних селений, там набирали подходящих камешков наиболее округлой формы, величиной с лесной орех или желудь. Игровой комплект состоял из пяти камешков. Участники игры, от двух и даже до десятка человек, садились на пол или иную ровную твердую поверхность, клали четыре камешка на пол и, подбрасывая пятый, быстро хватали, пока тот в воздухе, сначала один, потом — два, затем три, четыре камешка. Вариантов было множество: по заданию партнера, на который он укажет, ловля на тыльную сторону ладони, на три и даже на два перекрещенных пальчика. Девочки-подростки и даже девушки достигали тут цирковой виртуозности! Азарт состязания был большой!

У нас, малышни-дошколят, была страсть собирать «белушки». В деревне каждый житель печную золу, если она была не чисто от соломы и не могла быть использована, как щелок, для стирки белья, и прочий мусор собирал в ямку, а весной все эти накопления разбрасывали для удобрения огорода. Обилием посуды похвалиться селяне не могли, но и имеющаяся глиняная, а тем более фаянсовая посуда часто билась. На вспаханном огороде, после весеннего дождя обнажались сверкающие плоскости осколков посуды. Мы подбирали все это, и предметом гордости пацана была коллекция этих «белушек». Да и в кукольной игре они использовались.

Длинные зимние вечера женщины проводили за плетением кружев. Мою мать этому искусству обучила бабушка Анюта. Она оказалась очень способной ученицей и вскоре намного превзошла свою наставницу. Кружевоплетение было тогда настолько распространено, что редко кто не обладал этим мастерством в какой-то степени. У нас было только две женщины, и то изба наполнялась треском коклюшек, а там, где были еще девочки, даже подростки десяти—двенадцати лет, получался такой концерт, как на болоте летом!

В Полотебной начался школьный период моей жизни, а это значит, что мне перевалило за семь лет. Потому и игры стали сугубо мальчишескими. Игра в «чижик» требует палку-биту и две палочки величиной с указательный палец, у одной из которых оба конца заточены, как карандаш. Сначала кладем на землю незаточенную палочку, а на нее, крестом, кладут вторую. Бьет водящий по приподнятому концу битой, чижик взлетает вверх, и надо биткой на лету ударить по нему. А пока он летит — все разбегаются и прячутся. Кого первого, увидев, назовет водящий — тот ищет улетевший чижик, а ударивший тоже прячется. Водит тот, кого первым найдут. Еще играли в «двенадцать палочек». Для этого берут доску, кладут ее на кирпич или чурочку, чтобы приподнятый конец был как можно короче: дальше летят палочки. На длинный конец кладут двенадцать одинаковых палочек, и кто-то из играющих ударяет ногой по приподнятому концу доски. Пока водящий быстро соберет палочки, остальные прячутся. Первый найденный будет водить, если его не выручит тот, кто, выбежав из укрытия, прибежит к доске быстрее водящего и ударит снова по

доске. Палочки рассыпаются, и все снова разбегаются и прячутся. И так до тех пор, пока водящий не найдет всех и не соберет их у доски.

«Лапта» известна всем. Но хочу добавить: как только после паводка просохнет небольшое возвышение на выгоне — мы разуваемся и играем босиком. При хорошем ударе мяч улетает на мокрую территорию — и у всех ноги сырые. Но никто не заболел!

Более спокойная игра — «в ножички». Канаемся. Первый демонстрирует свое умение с каждого пальца, со лба, носа, подбородка, плечей, локтей вонзить ножичек лезвием в землю. В зависимости от того, на каком номере у него ножик не вонзился, назначают наказание: забивают в землю колышек, каждый по одному или несколькими ударами. Бывает так, что верхний конец забивают вровень с землей. А тащить надо зубами. Тогда вырезают вокруг лунку, чтобы можно ухватить конец.

О грачах. Их ведь никогда не считали полезной птицей, потому без зазрения совести мы забирали у них кладку яиц. На ветелки легко было залезть, но для гнезд грачи выбирали в роще высокие вязы. Уму теперь непостижимо, как мы, девяти-десятилетние пацаны влезали на вяз толщиной в три-четыре наших обхвата?! Кора у них была подходящая для этого. Но яйца никто и не думал есть: наберем их и идем на вечерку. У нас или взрослые парни возьмут их, или нас подговорят бросить их в голову неугодной по какой-то причине девчонке.

Как я уже писал, места наши безлесные, топили печь в основном ржаной соломой, сучками и побегами быстрорастущей ветлы. А дети, да и взрослые собирали летом «катяхи». Это засохший на выгонах коровий помет. Быстро сохнет и легко отдирается. А лошадиный высохнет и тут же рассыпается.

В Полотебной около четверти домов были кирпичные, в том числе и наш. В кирпичных домах я не знаю, были ли у кого тараканы? Но вот у Лёни «Юнина» их была тьма-тьмущая! Все маленькие дети были искусаны ими, и все лицо, руки, ноги у них постоянно покрыты струпьями от тараканьих укусов. Не рад и преимуществу деревянного дома.

Для детей в году было только два памятных праздника: Рождество и Пасха. На Рождество даже девочки иные, по двое-трое, ходили по дворам «славить Христа». Подавали почти исключительно гостинцами, и редко кто даст медную монетку. А у Пасхи своя прелесть. Даст мать от пяти до десяти яиц, и мы с ребятами «стукаемся»: у кого яйцо крепче — ест свой трофей от побежденного. Иному так повезет, что до рвоты наестся яиц!..

Летом в колхозе для таких, как я, была работа боронить, подвозить вязанки, погонять лошадей на конной молотилке, короче говоря, верхом на лошади или стоя на вращающейся площадке привода молотилки. У меня, кроме того, была и постоянная работа: по вечерам отвозить в сельсовет колхозные сводки. Но об этом — ниже. Больше всего любили мы ходить в ночное! Но не со взрослыми. Часто ходили даже не в свою очередь. Из дома берем старый полушубок, пальто или еще какое тряпье, чтобы не мерзнуть прохладной ночью. Насобираем веток, катяхов, разложим костер, до новой картошки берем из дома по нескольку штук и печем их. А как только картошка вырастет с грецкий орех — легально подкапываем колхозную. Да пока не стемнело, а то и почти в темноте, наловим в норках раков, налимов и тоже их на палочке зажарим. И жуткие сказки рассказываем чуть не всю ночь.

Зимой тоже не скучали. Уже с первым снегом понастроим таких крепостей во всех подходящих местах, что земля голая! В особо снежные зимы у нас сугробы наметало вровень с крышами домов. В таких случаях из дома на улицу без лопаты не выйдешь. Сугробы были такие плотные, что колхозники

ездили на санях, не проваливаясь. А для нас это было — счастье! Таких понароем в сугробах пещер и тоннелей, что любой метростроевец позавидует! Так вот в одну из таких «пещер» провалился сам председатель колхоза, ехавший на санях. Мы стали осмотрительнее рыть сугробы.

Ледяные поверхности речушки были невелики, а настоящие коньки были только у одного мальчика на всю деревню. Ребята постарше мастерили деревянные коньки. Понятно, что сразу на двух таких коньках только натренированный мог устоять. А первоначально привязывали конек только к одной ноге, отталкиваясь, как на самокате, второй ногой. Ребята постарше по молодому льду глушили рыбу, которая часто поднимается ко льду, касаясь его спиной. Так вот большой деревянной кувалдой сильно бьют по льду над рыбой и быстро топором вырубают лед, пока рыба не очухалась.

На вечерки даже подростков взрослые парни не пускали. Редко кому удавалось послушать интересные рассказы там про ведьм и колдунов. Это только тем пацанам, кто жил в большом доме, где собиралась молодежь на вечерки. А потом уж он пересказывал все нам. Об этом еще будет.

И почти в каждом доме ложились поздно. При свете керосиновой лампы женщины пряли, ткали, вязали, плели кружева. Как не описать сельскую «легкую индустрию»? Я много читал о селе, но об этом еще мне не встречалось. В наших краях сеяли лен и коноплю. Семя шло на масло, а стебли — на пряжу. Редко в каком доме не было «мялки». Это сооружение очень похоже на «коня» в спортзале. Только вместо мягкой «спины» там имелись две неподвижные доски, а между ними двигалась подвижная доска, на шарнире и с рукояткой на конце. Так вот берут пучок льна или конопли в левую руку, правой поднимают подвижную доску вверх, кладут поперек, на неподвижные доски стебли, и опускают доску. Таким образом мнут лен или коноплю до тех пор, пока не отделится почти вся «кострика». Тогда волокна расчесывают большим деревянным гребнем. Они очень похожи на русые женские волосы. Потом скручивают их в «кудели» для дальнейшего прядения. Правда, на мельнице в деревне Горлово была льномялка. Любил я неотрывно смотреть на работу «толчеи»!

Пряли нитки больше всего «самопряхой» (снапряха — на местном языке). Эта «машина» была в каждом доме, а то и не одна. Описывать ее нет надобности, так как многие старые художники рисовали такие. Веретено применяли мало, только на посиделках. Но и прялки молодые женщины часто сносили по нескольку в одну избу: языки-то были свободны! Веселее было.

Ткацкий стан я еще застал в нашем доме. Это был разборный механизм. Но даже женщины легко и быстро собирали его. Я видел, как ткут тонкое полотно и дальнейшие его этапы обработки. Кроме того, на нем еще ткали половики, подстилки, покрывала. Большей частью для этого использовали износившиеся тканевые вещи, которые предварительно рвали на узкие ленточки, связывали их между собой и наматывали на клубок, откуда — на челнок и потом ткали. И ведь какие чудеса выделывали!

Редко в каком доме был утюг, разогреваемый древесным углем. Его в каждом доме заменял «рубель со скалкой». Вряд ли они нуждаются в моем описании. Ну а швейные машинки были просто диковинкой! На три-четыре деревни одна, в самом богатом доме. Это до 1938 года.

А как не написать несколько теплых слов о бабке Малаше? Это была добрейшая женщина, талантливейшая самоучка-повитуха и вообще лекарь широкого профиля! За десяток верст приезжали за ней принять сложные роды или вылечить от неизвестной острой боли. О бескорыстии ее ходили легенды.

Жила она слева рядом с нами. Только с ней и могла дружить моя бабушка Феня. Был у нее внучек Ваня, со странным прозвищем «Дюдя». Мы с ним первым начали дружить, хоть он был моложе меня на два года.

И последнее — о колдунах, ведьмах и волшебных случаях, которыми изобиловал наш край. Но это только до 1940 года. Тогда можно было слушать подобные истории длинными вечерами всю зиму подряд. Они не повторялись. А теперь я излагаю незначительную долю, запомнившуюся мне.

Самой популярной колдуньей была Машатка Ильина. Она знала, что о ней рассказывается масса былей, переплетенных с вымыслом, ей даже прямо говорили об этом, но она шутливо-пренебрежительно отмахивалась. Чуть меньшей популярностью пользовалась ее сестра — Домаша. Так вот первый случай с Машаткой: на обеденную дойку деревенское стадо пригоняли в стойло на ровном песчаном берегу речушки Полотебня. Одна из коров рассердилась на Машатку и боднула ее так, что один глаз буквально выковырнула своим рогом. Любая женщина упала бы в обморок, а Машатка без малейшего стона обмыла глаз в речке и даже не обращалась к врачу. Конечно, осталась с одним глазом. Второй случай из множества. Живший на отшибе Петр Алексеевич Селиванов имел богатейший в деревне сад, вожделение мальчишек и парней. Потому летом всегда спал в телеге, стоящей в саду. И к нему повадилась ходить огромная собака: положит лапы на грядушку телеги и молча дышит ему чуть не в лицо. Он несколько раз прогонял ее, но она постоянно возвращалась. И он взял с собой лезвие косы, положив под бок. И вот когда собака снова пришла, положив лапы на грядушку, он изловчился и косой резанул ее по лапе. А на другой день Машатка заболела, и через несколько дней некоторые люди видели ее с перевязанной рукой в запястье.

А этот случай был со мной и троими моими друзьями. Через два дома от нас жили два бобыля: Семен и Михаил. А рядом с ними жила старшая сестра Машатки — Домаша. Она была тоже признанной колдуньей. Долго болела. Ходила молва, что, пока она не передаст свою колдовскую силу другому, умереть не может. Так вот, забрались мы в огород к Семену Микитаеву за вкусными огурцами (а чужие огурцы всегда вкуснее своих). Ночь была лунная. Сначала мы услышали шуршание огородных листьев, а потом увидели, как со стороны Машатки (она жила через пять домов) появилась женская фигура. Мы притаились, и буквально мимо нас прошла Машатка. Зашла через задний ход в дом и через несколько минут вышла с белым цилиндром на плече, диаметром около тридцати сантиметров и длиной чуть менее метра. Так она ходила трижды. Предметы ни на что привычное нам не были похожи. А на второй день вся деревня узнала, что Домаша умерла. Мы обо всем рассказали взрослым.

А еще мой дядя Саня (Есаков) рассказывал: летом он спал в амбаре один. Только он начнет засыпать, как раздается громкий звук работающей прялки. Дядя встанет, зажжет спичку, а никого нет. Только станет засыпать, как прялка работает снова. И так было несколько раз. Он предположил, что это нечистое дело, и громко так сказал: «Машатка, не перестанешь озоровать — завтра по шее надаю!» И с этих пор прялка умолкла.

Если рассказы одиночек можно как-то объяснить наваждением, совпадением, больным воображением и т. д., то вот этот случай как объяснить? — У моста между деревнями Есаково и Полотебной с начала и до конца теплых дней собирались вечерки. Так вот было еще довольно светло, как в группу танцующих вбежал ягненок среднего роста. Как ни отгоняли его, он лез в самую гущу опять и мешал танцевать. Подумали, что это заблудился

ягненок из ближайших домов. Пытались его поймать, но это никому не удалось: невероятно увертливый! Тогда все встали в тесный круг и начали сжимать плотное кольцо вокруг него. Но как только руки ловцов стали касаться его, ягненок буквально вертикально подпрыгнул и, перелетев через голову толпы метров десять, плюхнулся в воду речушки. При этом возникли не брызги, а ослепительные искры и раздался громоподобный сатанинский хохот!.. Ошеломленные, молча все разошлись, и в этом году тут вечерка уже не собиралась. Да на наших речках, как и везде, все омута и мельничные подмоины считались «нечистым» местом.

И еще: буквально метрах в ста от того моста тоже был омуток, пользовавшийся дурной славой. Поверху проходила дорога к мосту, а к реке был слабый уклон. Проезжал там полотебновский мужичок, было еще не так темно, вдруг, перед самым носом лошади, поперек дороги к реке прокатилась с грохотом пустая железная бочка. Он подумал на шутки местных ребятишек. Но каково же было его изумление, когда бочка вдруг покатилась сама в обратном направлении, вопреки всем законам природы — вверх по этому склону!.. А потом — опять вниз. И снова — вверх. Когда первая оторопь прошла, он соскочил с повозки, погнался за бочкой и сильно ей врезал ременным кнутом! Раздался женский визг, и бочка скатилась в воду.

А одна рассказала: «Слышу, за дверью избы, в сенях, скребется и мяучит кошка. Открыла — никого! Закрыла — снова мяуканье. И так раза три. Я тогда взяла зажженную лампу и кочергу. Открыла дверь и вижу, будто котенок свернулся в комочек. Я хотела его тронуть кочергой, а он, оставляя за собой искристый след, покатился в дальний угол сеней и там взорвался с искрами и грохотом. Я боялась, что загорится там солома. Но все стало тихо и спокойно: ни следа, ни запаха, ни дыма».

Еще массовое явление. Как известно у нас всем и давно: если к тебе пришла колдунья, то надо в притолоку входной двери воткнуть иголку, и колдунья не выйдет до тех пор, пока кто-либо не вытащит иголку. Сама она сделать это не может. И вот однажды Домаша пришла зачем-то в дом, где уже собралась вечерка. Ну, из девчат одна взяла и воткнула незаметно иголку в притолоку. Домаша взяла, кажется, сито, а все сидит и сидит. Девчата перешептываться и хихикать начали. И вдруг у всех схватило живот, и они выбежали на улицу, разбежались по углам и всех прохватил понос. Пока девчата сидели на карачках, Домаша разбудила спящую маленькую девочку, подняла ее на руки и попросила вытащить ту иголку. Когда молодежь вернулась — Домаши уже не было.

Был у нас в Волково плюгавенький мужичок Егор, по прозвищу «Зеленятник». Зимой едет он откуда-то и почти у самого дома видит: бежит поросеночек среднего роста. Чей? Егор хотел его поймать, но он побежал по дороге от деревни. Егор — в сани и за ним. Только догнал его, хотел схватить, а он с диким хохотом исчез... И заняла погоня будто минут пять, а он оказался в чистом поле. Пока нашел дорогу и добрался до ближайшего села, то оказался от дома верстах в пятнадцати.

С Серегой Любашиным, одноногим инвалидом войны 1914 года, случилось вот что: поздним вечером слышит, что по потолку (так в Рязанщине зовут чердачное пространство) кто-то топчется. Взял лампу, вышел в сени и оторопел: на потолке стоит его теленок и пялит на него глаза. Как даже он вошел из хлева в сени через запертую дверь? Тем более, как он мог залезть туда, куда кошка за голубями, без приставленного бревна или лесенки, залезть не могла?! Он приставил лестницу и полез, чтобы снять оттуда теленка. Но тот прыгнул сам через голову Сереги, сбил стоящую на полу лампу. Керосин разлился и вспыхнул.

Серега с трудом сбил пламя на полу, взял спички, посветил, но в сенях никого нет, обе двери были заперты изнутри. Посмотрел в хлеву, а там спокойно спит теленок. Дом Сереги стоял прямо против Машатки. Ну он и пригрозил избить ее.

Со мной лично тоже был загадочный случай. Я летом в колхозе имел постоянную работу — в конце дня отвозить сводки о проделанной работе в сельсовет. Марчуки были в трех километрах от нас. Со сводкой задержались. Я пошел к ближайшей группе лошадей на лугу, но не сумел поймать ни одну. Пришлось идти пешком. Пришел, а сельсовет уже закрыт. Начало темнеть. Пошел домой к секретарю, отдал сводку и отправился домой. Робким я особо не был, а тут что-то мурашки по телу пошли, когда я стал подходить к одному «нечистому» месту, омуту на излучине реки. Иду и для бодрости насвистываю какой-то мотивчик. Вдруг вижу слабое свечение из-за крутого берега реки. Зарево заметно увеличивалось. Робость моя прошла, так как я подумал, что это знакомые есаковские ребята разводят костер, как они это часто делали в этом месте. Мелькнула мысль зайти к ним. И в это время из-за кромки берега начал с заметной скоростью выходить красно-оранжевый диск. Я очень удивился, что луна восходит не с той стороны, да и размеры диска раз в пять-шесть превышают ее. Диск вышел полностью, но не поднялся в небо, как луна, а покатился прямо на меня. Посмотрел я внимательнее, а на диске несколько глаз, ртов, носов, и катится он на коротеньких многочисленных руках и ногах. Я с испугу закричал и упал без сознания. Очнулся я, а вернее, меня растолкал один мужик на телеге и спрашивает, откуда я и куда меня отвезти. Я сказал. Он довез меня до дома и матери говорит: «Еду я и вдруг услышал впереди детский крик. Всего один раз. Вдруг лошадь захрапела и встала как вкопанная. Я слез и еле разглядел в темноте лежащего без памяти — его».

Теперь объяснимый сомнабулизм и лунатизм тогда изобиловал такими ужасами, что волосы дыбом вставали! То умершие родители дарят во сне гостинцы, а просыпается человек с козьим или овечьим пометом. Откуда он взялся? Или приглашают к себе в другой дом, комнату, а человек как очнется, то находится в чистом поле даже за несколько километров от своего дома.

Ходило такое поверье, что с колдунами нельзя даже дружить, так как по дружбе они часто делают пакости. Ну а враждовать — тем более. Таких случаев было превеликое множество! Вот только некоторые из них.

Один парень поругался с колдуньей. И вот он собрался жениться на красавице из соседнего села. Назавтра — венчание и свадьба. И вдруг жених вечером заявляет родителям невесты, что он женится на девушке из Ряжска, и уехал туда. А через два дня вернулся весь в грязи и синяках, рассказав следующее: «Не помню на чем, но к молодой красавице в город Ряжск мы прибыли чуть не мгновенно. Дом не помню, но квартира обставлена очень странно. Новая невеста сказала, что должен прийти папа и дать нам свое благословение. Как и на чем спал — не помню, но не с ней. Когда же она сказала, что папа идет, взяла меня под руку и повела в другую комнату. Там, спиной к нам, стояло нечто. А невеста моя вместо своего звонкого девичьего голоса по-старчески прошамкала: "Папа, это дурак хочет жениться на мне!.." Я повернул голову к невесте и вижу, что под руку со мной стоит дряхлая старуха с морщинистым, покрытым болячками лицом. А тут и "нечто" повернулось к нам своей обезьяньей рожей с рогами. Я вскрикнул и... как бы очнулся. Стою посреди заброшенной мельницы в соседнем селе, весь в грязи и боль во всем теле, как после сильных побоев».

С другим парнем произошло нечто посерьезнее. Ни с того ни с сего у него в паху появилась шишечка и стала стремительно расти. Буквально за три дня

она превратилась в колбаску сантиметров двадцати длиной и сантиметров шести толщиной. Он поехал в Ряжск, в больницу. Врач удивился и сказал, что это совсем не грыжа, а что-то непонятное, и посоветовал съездить на обследование в Рязань. Но он догадался обратиться к одной местной знахарке, которая, как у нас бабка Малаша, и костоправом, и повитухой была, и от сглаза лечила. Ну вот она сказала, что это ему «подстроено». Уж что за мазь у нее была и что за листья она приложила на эту «колбаску», но буквально за одну ночь она исчезла бесследно.

В деревне Набережное был такой случай: одна женщина отказала в какой-то пустяковой просьбе колдунье, и та ей пригрозила: «Ну ты об этом еще пожалеешь!» А на другой день у ее коровы покраснело вымя и пошло молоко с кровью. Ветеринар ничем помочь не мог и посоветовал обмыть корове вымя святой водой. Она сделала так, и все быстро прошло.

Выше я писал о бабке Малаше. Но из своего детства я запомнил еще более интересную личность: деревенский пастух дед Аким. Обладай я талантом М. Горького, написал бы об этих двоих по толстенной книге! А если бы имел талант А. Дюма, то и трехтомных романов о них написать было мало. Так вот этот дед Аким неведомо откуда, с завидным постоянством, каждую весну приходил наниматься в пастухи именно в нашу деревушку. По договору он должен был ночевать и питаться со своим подпаском Васей у каждого по очереди. Он для каждого был родным и желанным, но почему-то отдавал предпочтение семье Федора и Марфуни, живших прямо за нашим гумном. Изба у них была тоже кирпичная, как и у нас, но более просторная. Имелся также большой отличный сад. Так вот дед Аким чуть не половину всего времени ночевал у них. Возраста дед Аким был неопределенного: многие помнили его очень давно, сами росли, мужали, даже старели, а дед Аким был постоянно таким, как те же люди знали его много лет тому назад. Но знаменит он был не своей добротой и готовностью оказать любую помощь кому угодно, а знанием и умением так рассказывать сказки, что все слушали с огромным удовольствием!

Я читал много сказок и самую большую из них мог прочитать за пятнадцать–двадцать минут. А дед Аким рассказывал каждую сказку от двух до пяти вечеров! Эту «многосерийную» сказку никто никогда не пропускал. И ведь рассказывал он не по часу, а иногда до глубокой ночи, чуть не до рассвета летом. Но сказки ужасов рассказывал только тогда, когда буквально умоляли его все без исключения. И под конец такой сказки не только девчата, но и отчаянные парни по одному домой боялись ходить. Да что там – домой! Через темные сени Марфуни не ходили без лампы.

Из огромной массы сказок, слышанных в детстве, в памяти осталось не так и много. Но вот своим необычным названием запомнились мне такие: «Милитриса Кирбитьевна», «Усыня, Дубыня и Горыня», «Объедало, Опивало и Обегало», «Бова Королевич». Помню сказки про трех богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича, а также «Змей Горыныч», «Голова-гора», «Кащей Бессмертный». Рассказывал он и про утопленников, кикимор, вурдалаков и всякую нечисть.

Подпасок Вася подросткам часто рассказывал озорные сказки, в том числе «Смех и слезы», «Тпру и но», «Божья птица», «Зубастая», а также анекдоты о Пушкине. Я их запомнил навсегда.

Чистый русский мат тогда в нашей местности невозможно было услышать и от пьяного. Заменяли иносказаниями типа: «хрен», «пичушка», «петух», «фарья», «курда», «курица». Об интиме говорили: «посюсёкать», «отодрать», «задуть».

БОЛЕЗНИ

Демобилизуя как нестроевика, никто не предупредил меня, что я на гражданке должен пройти ВТЭК. Поэтому я поступил на 468-й завод, где работал до ухода на войну, электромонтером. Определили меня в бригаду электромонтажников воздушных линий электропередач. Работа была хорошая, но буквально через неделю у меня свело ногу, когда работал на столбе, и я повис на страховом ремне, упершись подбородком в колено согнутой ноги с «когтями». Сняли меня со столба пожарники, и в санчасть. Там осмотрели мои рубцы от ран, направили на ВТЭК и дали мне пожизненно третью группу инвалидности. Написали, что могу работать электромонтером без лазания, долгого стояния и хождения. Перевели меня на дежурство. Зарплата уменьшилась на 1000 руб., а пенсию назначили в 300 руб. (потом — 30). Проработал меньше года — тюрьма. А там на мою инвалидность положили хрен с прибором! Но при всех невзгодах (сам удивляюсь!), как в окопах, — ни одной болезни, кроме глистов в конце срока. Освободившись, скрыл свою инвалидность и поступил грузчиком на завод фруктовых вод. Это с моими-то ногами!.. Упал с машины головой об асфальт и с сотрясением мозга — в МОНИКИ. Восстановили инвалидность и перевели сторожем. А на второй год моей женитьбы, во время отпуска на родину, мы с Раей шли на речку за водой. Закашлявшись, я ощутил в мокроте соленый вкус. Плюнул на ладонь — живая кровь... Неужели туберкулез? В Москве при обследовании выяснилось: лопнули сосудики от истощения. Масло, мед, шоколад, нутряное свиное сало и столетник поправили дело. В тюрьме такого не было! В первой половине 1961 года заболел двухсторонним воспалением легких. Ну а хронический бронхит я еще с фронта привез, и он часто давал обострения. Начали болеть зубы. Запломбируют, а через три-четыре месяца пломба выгнивает и зуб удаляют. И только немецкая пломба стояла 20 лет, пока ее одна любопытная докторша не выковырнула (с моего согласия) для исследования. В период 1963 — 1967 годов у меня в области поясницы появились дикие боли. На «скорой» привезли в больницу: камни в почках. Изумительный уролог Иванов обошелся без операции — одними уколами. Лет пятнадцать проверялся регулярно, потом перестал. Почти в то же время начали мучить полипы в носу. Первый раз удалили, но они вскоре снова появились. Второй раз стали удалять, и я от боли потерял сознание. И опять полипы выросли. Так я и примирился с ними. Потом от простуды появились гнойники в мозгу над переносицей. Рентген и прогревания. Примерно на третий раз такой болезни я сильно «шмыгнул» носом и вдруг почувствовал во рту жгучий вкус и отвратительный запах: я как бы вытянул этот гной. С тех пор я часто так делал при простуде, когда голова заболит над переносицей, и результат был хороший. В 1965 — 1967 годах я вдруг стал замечать, что при взгляде на белый потолок перед глазами появилось небольшое серое пятнышко. Потом оно стало расти и темнеть, затем, еще увеличившись, приняло грушевидную форму. Пошел к глазному врачу Надежде Лаврентьевне. Определила туберкулезное отмирание сетчатки глаза. В тубдиспансере мне давали чуть не полгода пить «фтивозид», и все прошло бесследно. Быстро хватился. Три раза лежал в больнице с отравлением. Первый раз — это когда вернулись из отпуска и я захотел окорока. Купил... себе рвоту, понос и боли в животе! Заграбастали в инфекционное отделение. Все прекратилось на третий день, а продержали меня там все положенные 21 день карантина. А последний раз было еще чуднее: мне дали праздничный набор продуктов сразу на 1-е и 9-е Мая. Съел в охотку кусочек колбасы, и... в больницу. Тут уж я сам был уверен в отравле-

нии, о чем и сказал врачу. Прочистили желудок — и в палату. Праздники подпали так, что нерабочими были 1, 2, 3 и 4 мая. Только 5-го взяли анализ, но предупредили, что вряд ли будет готово к 9 мая. А я уже один раз этот праздник провел в больнице. И опять? Тем более — юбилей! Христом Богом упросил знакомого врача отпустить меня домой на праздник. Пришел 10-го, а анализы хорошие. Если бы не был нужен больничный, я просто не пошел бы в больницу. Потом, бросив работу, отравлялся много раз, но лечился сам. Но бюллетенить мне было очень невыгодно. Ноги болели очень часто: от восьми до двенадцати раз в году. Еле дошкандыбаю до больницы, что от нас через дорогу, поделают мне уколы, отдохну, и отлегнет. Больничный надо сдавать по месту основной работы. А это значит, что в двух других местах я не получу ни копейки. Вот и приходилось: в одном месте гуляю, а в двух с болью работаю. А когда трудовая книжка была в ДМЗ, где я числился токарем, а на самом деле работал завхозом в СЮТ, то вообще бюллетень не сдавал. Мне просто ставили рабочие дни. Один раз разболелась нога и я пошел к врачу, но моего не оказалось и я попал к незнакомому старичку. Он осмотрел меня и поднял переполох: «Да тебе и жить-то осталось чуть-чуть! Немедленно на ампутацию!» — и направил в больницу. Там утром стали готовить меня к операции. Жду хожу по коридору, а навстречу знакомый хирург и спрашивает: «А ты что тут делаешь?» — «Ногу отрезать пришел...» — «Кто тебя направил? Немедленно откажись, а завтра приходи ко мне: поделаем укольчики, отдохнешь, и все пройдет!» С руганью отпустил меня «мясник»: уж очень хотелось ему попрактиковаться на мне. Контузия сначала не давала себя знать, но с 1963 — 1965 годов начались сильные головные боли. Невропатолог выписывал мне таблетки, а больничный я сам не брал. Но потом началась бессонница. И опять невропатолог выписывал таблетки. В средине 60-х начали болеть суставы, а потом было несколько приступов радикулита. Лишь уйдя с работы, я стал получать ежегодно путевки в санатории. Помогало хорошо в Ходжаобигарме и в Сочи (Мацеста). Больше никуда путевки не брал, хотя и предлагали просто отдохнуть. В конце 60-х началась гипертония. И еще таблетки! Особо я от этого не страдал, но как приду заполнять курортную карту, понервничаю, и у меня подскакивает давление. Еле упрошу врача не принимать это во внимание: я же с сердцем ни разу на больничном не был. Только уже не работая, попал с сердечным приступом в больницу. Но там стали делать мне такие уколы, что я день ото дня угасал. Спасибо, Люба Сашина со скандалом забрала меня, и дома я поправился.

Потом началась катаракта. У моей матери к тому времени левый глаз ослеп от глаукомы, как она сама даже не заметила. Меня при осмотре знакомый окулист тщательно осматривал, когда проверяли всех инвалидов войны. Врач сменился, и меня смотрели кое-как. И только в Кисловодске, при подборе очков, окулист сказала, что у меня начинается катаракта. Лечить уже поздно, и надо ждать полной слепоты глаза, чтобы оперироваться. Так я и сделал.

А вот последнее. В четверг, 27 апреля 1995 года, сильно разболелась левая нога. Как всегда, решил перетерпеть. Во второй половине пятницы начались сильные судороги. На дом вызывать врача уже поздно. Пришел врач 3 мая. После уколов дело пошло на поправку, но и до сих пор побаливает (25. 5. 96). Воспаление седалищного нерва.

6. 6. 97. Сегодня собираюсь за слуховым аппаратом. Слышу все хуже и хуже. Телевизор включаю на всю громкость. Даже Таню приучил к громкости, а вот в разговоре тысячу раз переспрошу ее, пока пойму. Квартплату она ходит платить сама: у любого окошечка кассы мне хоть переводчик нужен или

переспрошу не раз. Я уже получил два раза аппараты бесплатно. Первый работал хорошо, но Рая выстирала рубашку, а там оказался мой аппарат уже в сморщенном корпусе... Теперешний аппарат очень скоро стал плохо работать. Батарейки для меня теперь очень дороги.

Съездил на Хорошевское шоссе, д. 1. Выехал в 6. 30, там был в 7. 30, третьим. К открытию в 8. 30 старичья полно! Но у них аккуратно хранятся все архивы, и оказалось, что мне следующий получать только летом 1998 года. А пока наладили старый за 17 000 руб. Ломается и работает плохо.

В конце мая проходил обычный врачебный осмотр, и глазной выписал мне рецепты на очки. Раньше я получал их бесплатно, а сейчас за ближние отдал 60 000 руб., как в 1994 году за двое, а дальние, самые дешевые, стоят почти 100 000 руб.! Втрое подорожали, а пенсия выросла на одну пятую.

Записался на 15. 6. на протезирование зубов. Ждал, что выпадут оставшиеся два зуба, но они все держатся и только в верхнюю десну вонзаются.

И все же совсем недавно видел сон, где Рая мне сказала, что я буду жить до 150 лет. А что в этом удивительного? Моей матери уже 98 лет. А ее дядя, брат моей бабушки Фени, жил до 120 лет! Пять раз вдовел и снова женился. Почти до самой смерти занимался разведением пчел и был лучшим консультантом по пчеловодству во всей округе! Так что надежда есть. Лишь бы двигаться, хоть с трудом и болью, но самостоятельно. А скучать я никогда не буду. Вот если только судьба не подставит еще более коварную подножку...

О РУССКОЙ ЧАСТУШКЕ Д. К. ЗЕЛЕНИНА

Первым замеченным в научных кругах трудом выдающегося русского этнографа Д. К. Зеленина (1878 – 1954) стала его небольшая статья «Новые веяния в народной поэзии»[1], посвященная пренебрегаемому многими фольклористами в то время жанру – частушке. В науке начала XX века устойчивым было представление о частушке как об «извращении народного творчества», как о фабрично-трактирной поэзии, отражающей упадок нравов. Д. К. Зеленин в своей работе реабилитировал частушку как жанр. Главной мыслью исследователя было следующее. Частушка родилась как отражение развития личности, индивидуального начала в бывшей патриархальной деревне. Коротушки направлены не на выражение обобщенных чувств, как это делает старая песня, а на выплескивание индивидуальных переживаний. Этому жанру, по мысли Д. К. Зеленина, нельзя отказать в серьезном идейном содержании. Так, частушка протестует против семейного деспотизма, против домостроевских правил, согласно которым судьба молодых людей решалась их родителями. В частушке отчетливо звучит мотив отстаивания молодежью своей свободы в выборе будущего мужа (жены).

Статья «Новые веяния в народной поэзии» оказалась необычно злободневной и вызвала неожиданно много откликов[2]. Но самое главное, она и последующие труды Д. К. Зеленина по частушкам[3] стали важным катализатором в том настоящем взрыве частушечных публикаций, которым ознаменована предреволюционная фольклористика[4]. С полным основани-

---

[1] *Зеленин Д. К.* Новые веяния в народной поэзии // Вестник воспитания. 1901. № 8, ноябрь. С. 86 – 98. То же. Отд. оттиск.

[2] *Погодин А.* [Рец.] // Русская школа. 1902. № 5–6, Критика и библиогр. С. 12 – 14; Наша печать // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 16 дек. № 345; Газетный день (раздел) // Россия. 1901. 17 дек. № 951; *Соболевский А. И.* [Рец.] // Литературный вестник. 1902. Т. 3, кн. 3. С. 299–300.

[3] Зеленин Д. К.: 1) Черты современного народного быта по частушкам // Русские ведомости. 1903. 8 янв. № 8. С. 3; 2) Поэзия казенных детей // Волховский листок. 1904. 14 июля. № 266; 3) Сборник частушек Новгородской губернии (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 164 – 320; 4) Южно-великорусские «страдания» // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 101 – 104.

[4] См.: Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1901 – 1916 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1981. С. 150 – 162.

ем мы можем утверждать, что путь Д. К. Зеленина в большую науку начался с частушки.

Хаос революции и гражданской войны Д. К. Зеленин, уже сложившийся ученый, известный этнограф и фольклорист, пережил в Харькове, куда он был приглашен еще в 1916 году в качестве профессора Высших женских курсов, влившихся впоследствии в Харьковский университет. 1918 – 1922 годы явились для исследователя временем молчания. Ход нормальной научной жизни был нарушен, печататься было негде, учебный процесс в университете потерял свою стабильность. Однако ученый продолжал напряженно трудиться. И центром притяжения его внимания в эти годы, как и в юности, опять стала частушка. В обширном зеленинском фонде, хранящемся в Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии наук, находятся две папки, озаглавленные «Политическая частушка. Ч. 1–2»[1]. Здесь сосредоточены записи самого Д. К. Зеленина и его многочисленных корреспондентов, посвященные политической частушке революционной эпохи. Долгое время названные папки были недоступны исследователям. Сейчас, после падения тоталитарного режима, этот материал ждет своего научного осмысления, причем не только фольклористами, но и историками и социологами[2].

Однако первая попытка проанализировать частушечные тексты своей коллекции была сделана уже самим Д. К. Зелениным. В 1925 году он публикует в немецком журнале «Zeitschrift für slavische Philologie» статью «Das heutige russische Schnaderhüpfl (Častuska)»[3]. Двадцатые годы – достаточно своеобразный период в советской истории. Это время, когда тоталитаризм в стране окончательно еще не утвердился. Ученые еще не осознали, что в науке могут быть опасные, запретные темы. Естественными и непредосудительными все еще казались связи с заграницей и публикация за рубежом своих трудов. Но первые веяния политических заморозков уже начинали сказываться на работе исследователей. Самоцензура, которая довлела над научной мыслью на протяжении последующих десятилетий, зарождалась именно в двадцатые «плюралистические» годы. Отразилось это и на названной статье Д. К. Зеленина. В аналитической части этого труда ученый дает общую (и блестящую) характеристику художественных особенностей частушки как жанра. Он обращает внимание на генетическую связь коротушек с плясовыми припевами, указывает на превалирование текста над напевом в этом жанре, на ярко выраженное в частушках индивидуальное начало, на их реалистичность (в отличие от старинной песни, где преобладает идеалистический взгляд на мир). В целом, ученый развивает идеи, высказанные им еще в 1903 году в труде «Песни деревенской молодежи» (кстати, текст немецкой статьи отчасти совпадает с названной работой)[4]. Но от анализа политического содержания

---

[1] Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 562.

[2] См. нашу публикацию, сделанную по материалам Д. К. Зеленина: *Иванова Т. Г.* «Ай, да славный, красный Питер...»: Городская частушка времен революции и гражданской войны // Родина. 1994. № 7. С. 61 – 65.

[3] *Zelenin D.* Das heutige russische Schnaderhüpfl (Častuska) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd 1, № 3–4. S. 343 – 370.

[4] *Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии). Вятка, 1903. С. 8 – 11.

публикуемых им текстов Д. К. Зеленин уклоняется. Его сочувствие, по-видимому, было полностью на стороне тех частушек, которые были направлены против советской власти. Однако высказывать эту свою позицию открыто фольклорист не решался. Поэтому он остается на объективистских позициях, предлагая читателю самому, исходя из печатаемого материала, судить о настроениях разных слоев общества в переломную историческую эпоху.

Столь же сдержанна и единственная рецензия на статью Д. К. Зеленина, опубликованная в советской печати. Автор ее, А. Акулянц, осторожно писал о том, что городские частушки революционного времени «принимают политическую окраску, причем весьма выпукло выявляется перемена содержания частушек сообразно с переменами и последовательными фазами политической жизни страны»[1].

Ниже мы публикуем перевод с немецкого данной статьи Д. К. Зеленина, которая практически неизвестна современным фольклористам. Эта работа кажется нам весьма актуальной по двум причинам. Во-первых, здесь представлен уникальный фольклорный материал, в настоящее время уже ушедший из традиции. Введение его в научный обиход, надеемся, послужит на пользу отечественной фольклористики. Во-вторых, необычайно свежей является исследовательская часть названного труда. Многие мысли Д. К. Зеленина о частушке, высказанные в этой статье, остаются плодотворными и в наше время. Интересны и частные наблюдения автора, например, над зарождением популярных частушечных мотивов «Яблочко» и «Бочка».

При подготовке статьи к печати были выверены все цитаты; ссылки на труды других ученых оформлены в соответствии с современными правилами. В текстах в некоторых случаях уточнена пунктуация.

Т. Г. Иванова

---

[1] *Акулянц А.* [Рец. на журн.: Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd 1, № 1 – 4] // Краеведение. 1925. № 3–4. С. 338.

Д. К. Зеленин
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА*

Уже около полустолетия частушка в русских деревнях является самой современной формой народной поэзии. В последнее десятилетие она проникла и в город, причем это произошло ранее, чем свершилась добровольная или не совсем добровольная демократизация русской городской интеллигенции, которая характерна для нашего времени.

Итак, сегодня частушка является принадлежностью и городского и сельского населения, и верхних и нижних слоев общества (если подобное разделение сегодня возможно); распространяется частушка в настоящее время как письменным, так и устным путем.

Последние годы были временем бурного расцвета частушки, которая благодаря своей краткости и эфемерности содержания, очевидно, лучше всего отвечает условиям и потребностям революционного времени.

Но, несмотря на это, мы все еще мало знаем о частушке. До сих пор еще не решен даже самый важный вопрос — о времени ее возникновения, молода она или стара.

Часть исследователей вместе со старшим поколением сегодняшней деревни признает частушку «новой песней», в то время как другие ученые с такой позицией не согласны. К последним принадлежит А. И. Соболевский. В 1901 году он высказывался в том смысле, что частушка не является новым видом народной поэзии, так как она исполнялась уже во время хороводов и зимних бесед в кругу крестьянок: «Старые собиратели народных песен не обращали на нее внимания и не вносили еще в свои сборники; но частушка им была известна» (*Соболевский А. И.* [Рец. на кн.: *Зеленин Д. К.* Новые веяния в народной поэзии. М., 1915] // Литературный вестник. 1902. Т. 3, кн. 3. С. 299).

Я также не сомневаюсь в том, что частушка существовала уже в XVIII веке. Это доказывается однозначным сообщением современника — известного украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко (в его очерке «Татарские набеги»). В 1757 году полк слободских казаков был переформирован в гусарский полк, и в связи с этим Г. Ф. Квитко-Основьяненко пишет: «Девчатам прибавилось забот: все песни были на козаченьков; теперь те же молодцы да перевернуты в гусары, не ладятся песни, давай сочинять новые. Много и скоро явилось новых; вот сколько помню <...>:

---

* Доклад, прочитанный 18 марта 1922 г. в Литературной секции Харьковского ученого общества.

Через греблю вода рине
Любы мене, гусарыне...

Или:

Гусарыне черноусый,
Чому в тебе каптан куцый?
Гусарыне, видчепыся
И на мене не дывыся».

[*Грыцько-Основьяненко.* Татарские набеги // *Грыцько-Основьяненко.* Повести и рассказы. Харьков, 1901. Т. 3. С. 133 (Сочинения Г. Ф. Квитки)]

В этих песнях несложно узнать частушки. Тем не менее последние я считаю новым родом песен. О прошлом русской народной поэзии мы знаем очень мало, так мало, что я полагаю абсолютно невозможным рассматривать их согласно меркам обычной хронологии, которая исчисляется столетиями. Здесь нужен другой масштаб, который мы можем получить через сравнение сегодняшней частушки с теми видами народной поэзии, древность которых не подлежит сомнению.

Вопрос в том, чем сегодняшняя частушка отличается от остальных народных песен.

Можно было бы указать на их краткость, но этот признак был бы недостаточной меркой, так как короткой может статься и любая другая песня, относящаяся к «частым», с быстрым ритмом, а под этот признак подходят многие старые плясовые песни.

Важнейшими и существенными я считаю следующие четыре особенности частушки, из которых первые две относятся к форме, а другие две — к ее содержанию.

I. Еще не так давно частушка была плясовой песней: когда ее пели — часто (или нередко) танцевали. Сегодня совсем исчезла и ранее слабая связь между частушкой и танцем. Она не связана ни с танцем, ни с другими обычаями и ритуалами. Так, собрание петербургских частушек В. Князева (*Князев В.* Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. СПб., 1913. С. 18 – 20) содержит только 40 плясовых частушек из общего числа 1620, то есть менее 3%. «Рифмованные четверостишия, употребляемые в разного рода играх и хороводах, никогда не называются частушками» (*Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии). Вятка, 1903. С. 9).

Отсутствие связи между сегодняшней частушкой и пляской отделяет частушку от ее ближайшего предшественника — плясового припева, который в деревне считается старинной песней, в то время как частушка — новой. В 1862 году известный этнограф Г. Потанин сделал следующее наблюдение над сибирскими казаками. О плясовых песнях он писал: «Их на Иртыше почти нет, но музыканты по временам подпевают под музыку множество отрывков, вроде следующих <...>:

Еще что за чертова любовь?
Потерялася из погреба морковь.
Приходили две чертовки да свекровь.

Или:

Ты нугай, нугай, нугай,
Ужъ ты бабу не пугай!»

(*Потанин Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русским географическим обществом. СПб., 1894. С. 60–61)

Тридцать таких «рефренов или припевов, которые поются пляшущими парнями и девушками» из Тульской и Курской губерний, приводит П. В. Шейн в своем собрании «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (СПб., 1900. Т. 1. С. 173), очевидным образом не разделяя частушки и припевы. Я также собрал в 1900 году в Вятской губернии некоторое количество плясовых припевов (*Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи. С. 77 и далее), которые весьма соответствуют наблюдениям Потанина, с той лишь разницей, что там чаще пели сами танцующие, а не музыканты. Не остается сомнений, что частушка как особый вид песни развилась из плясовых припевов (см.: *Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи. С. 78; Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. XXIV). Е. Н. Елеонская склонна даже считать старые плясовые припевы и сегодняшнюю частушку одним и тем же видом песни — взгляд, с которым едва ли можно полностью согласиться.

II. Оторванная от танца и отделенная от ритуала, от игры и народных обычаев, частушка почти полностью потеряла связь с музыкой и пением, что значительно отличает ее от старинных песен, где музыка имеет большее значение, чем текст. «Частушки столь же часто говорятся (как бы декламируются) в народе, как и поются. Пение же их всегда унисонное, и мелодия самая упрощенная. Для такого рода пения в народе существует особый, очень меткий термин: «насказывать». «Славно он насказыват, — выражаются одинаково и о деревенском парне, поющем свои песенки под гармошку, и о балаганном куплетисте <...> Нередко также частушки зовут в народе <...> *прибаютками* (от «баять» — говорить), *присказками*, *присказенками* и т. п. Таким образом, покойный Глеб Успенский, окрестивший частушку стишком <...>, был вполне прав: частушка действительно хочет быть стихотворением, а не песнею», — так я писал двадцать лет тому назад (см.: *Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи. С. 9–10). С тех пор разрыв между поэтическим текстом и напевом в частушке стал еще более значительным и глубоким — факт, который признается и сторонниками относительной древности частушки. «Связь с музыкой в частушке недостаточно тесна и что главное внимание поющих обращается на содержание частушек, а не на их музыкальную сторону» (*Дмитриева Е.* Замечания о музыкальной стороне частушек // Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. 505). «Частушка — вид русской народной песни, обильной словами, но бедной музыкой» (Там же. С. 503).

Старая народная песня, напротив, отличается, как известно, полным слиянием двух видов искусства, то есть поэзии и музыки, из которых последняя даже занимает ведущее место. Такой вид песни, как частушка,

который уже не пелся, а декламировался (*ср.* насказывался), мог появиться лишь тогда, когда окончательно прошло время синкретизма музыки и поэзии.

III. Я подхожу к тем особенностям, которые характерны для содержания частушки.

Старые песни возникли в то время, когда весь народ имел общие воззрения, отдельная личность была еще скована, а образ жизни во всех слоях общества был более или менее одинаковым и когда связанные с пением и песнями нравы и обычаи отличались от современных. Но личность развивалась, и народ, который представлял собой единую общность, превратился во множество личностей с более выраженной индивидуальностью; образ жизни претерпел значительные изменения. Тогда песня перестала быть выражением воззрений, часто даже и настроений и чувств певца. Исполнитель уже не мог идентифицировать себя с сочинителем, а иногда даже считал нужным просить прощение за содержание песни. «Вы, незнакомые люди, не спорьте о песне: я ее пел, но не я ее написал», — говорится в одной латышской свадебной песне. «Из песни слова не выкинешь!» — утверждает русская поговорка, и, только принимая во внимание это обстоятельство, мы можем объяснить, что и сейчас на свадьбах поются песни, в которых выражается недоброе отношение к гостям (сват, подруга невесты и другие) и высказываются пожелания вроде следующих:

На ступень ступить — нога сломить,
На другой ступить — друга сломить,
На третий — голова свернуть...
...С хором бы тя о борону,
Да с горы бы тя о каменье...

(*Шейн П. В.* Великорус в своих песнях. С. 385. № 1315)

...Три бы чирья ему в бороду,
А четвертый — то под горлышко... *и т. д.*

(Там же. С. 417. № 1404; ср. С. 437. № 1487, 1488)

В частушке отсутствует этот разрыв между исполнителем и содержанием песни. Она насквозь индивидуальна. «Каждый старается сказать свое слово, выразить свое чувство, свой взгляд на вещи, свою мысль» (*Штакельберг А.* Новое время — новые песни в России // Россия. 1901. 12 нояб., № 916). Певец в частушке или сам выражает свои переживания и настроения, или берет уже существующую частушку, которая соответствует его собственному мироощущению и чувствам или может быть к ним приближена. «Это желание передать в слове и музыке свою личность в ее разнообразных проявлениях находило себе выход вообще в лирической песне, но музыкальная и литературная сторона долгой песни оказались слишком сложны для передачи быстрой и разнообразной смены настроений, частушка явилась наиболее подходящей песенной формой, которой и воспользовалось это разросшееся желание постоянно говорить о себе, выдвигать себя на первый план» (Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. XXVI).

Так, при смене власти в Украине пели и «А кадетская власть не воротится», и «А советская власть не воротится»; или: и «А кадеты бегут — спотыкаются», и «Коммунисты бегут — спотыкаются» и т. д. (Полные тексты будут даны ниже в собрании политико-социальных частушек.)

Для нас особенно важно, что даже те ученые, которые отстаивают глубокую древность частушки, признают индивидуализацию как черту русской народной песни недавним явлением. «В сознании народа это усиленное стремление к индивидуализации — черта сравнительно новая» (там же. С. XXVI).

IV. Старая народная песня не ограничивается реальной действительностью. Она показывает либо идеальный, фантастический мир, либо украшает реальный мир идеальными чертами, выставляет этот мир в идеальном свете. Какова среда, в которой происходит действие старой песни? Певцы воспевают не деревенскую идиллию, рай в шалаше, — нет, они знают только «белокаменны палаты» или в крайнем случае «высок терем» с решетчатыми сенями, с хрустальными окнами, шелковыми коврами, дорогими одеждами, сладкими блюдами и медовыми напитками.

Народ сам чувствует разницу между великолепием среды, в которой происходит действие песни, и скромной, порой даже бедной действительностью. Так, к примеру, крестьянин, у которого я в 1901 году записывал произносимую обычно на свадьбе речь свата, сделал такое замечание: «Подходишь ко крашенинному пологу, а в приговоре-то говоришь: занавесочки шелковыя, поднимитесь!», «Баню-то истопят сучьями да кореньями, а в песне поют: разгоритесь, дубовы дрова!».

Уже давно это несоответствие поражает исследователей; однако вера в голый реализм народной поэзии была так сильна, что это смешение идеальной и реальной жизни объясняли не особенностями формы народной поэзии и ее романтикой, а возникновением старой песни в кругу бояр и князей. В этом духе высказывался в 1850 году еще К. Д. Кавелин: «Многие свадебные песни, сохранившиеся теперь в простом народе, по всем вероятиям, сложены и пелись сначала на боярских и княжеских свадьбах. Богатство, роскошь, упоминаемые в них, могли быть действительностью между одними высшими, зажиточными сословиями и только идеалом, мечтой для простого народа. Да, вероятно, и не одни свадебные песни так произошли. Многие из тех, которые теперь поются одними крестьянами, носят на себе следы старинного боярского и княженецкого житья-бытья» (*Кавелин К. Д.* [Рец. на кн.: *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848] // *Кавелин К. Д.* Сочинения. М., 1859. Ч. 4. С. 156).

Конечно, большое количество старых «народных» песен возникло в высших слоях общества. Вместе с тем намеренное приукрашивание действительности вообще, и данной среды в частности, романтическое смешение реального мира с идеальным являются неотъемлемыми чертами старой народной песни, ибо в идеальном свете изображаются и вещи деревенского быта, например, соха, лапти и т. д.:

> Лапотки на нем [т. е. на калике. — *Д. З.*] семи шелков,
> Подковырены чистым серебром,
> Личико [передняя часть обуви. — *Д. З.*] унизано красным золотом.
>
> (Былина об Алеше Поповиче; источник цитаты Д. К. Зелениным не назван и нами не установлен. — *Т. И.*)

Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

(«Вольга»; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1896. Т. 2. С. 518; ср. былину «О Вольге Святославиче»: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. С. 19)

Конечно, ни таких лаптей, ни такой сохи никогда ни у кого не было.

Как у нас во теплой паруше [баня. — *Д. З.*],
У нас каменка жемчужная,
Полочки там хрустальные,
И веничек-то — шелковый.

(*Шейн П. В.* Великорус в своих песнях. С. 428. № 1445).

Печей из жемчужин существовать вообще не может.

Следующий шаг в дальнейшей идеализации переносит уже певца в царство чудесного:

В пуговки [у Чурилы Пленковича. — *Д. З.*] воплетено по доброму по молодцу,
В петелки воплетено по красной по девушке;
Как застенутся, так и обоймутся,
А расстенутся — и поцелуются.

(Дюк и Чурила; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. С. 290)

Или еще чудеснее:

По петелькам как проведет,
Так красны девушки наливают зелена вина
И подносят добрым молодцам;
А по пуговкам проведет, —
Добры молодцы играют в гусли яровчаты,
Развеселяют красных девушек.

[Источник цитаты не установлен. — *Т. И.*]

Отсюда недалеко уже до удивительных чудес волшебных сказок, таких как ковер-самолет, семимильные сапоги и т. д.

Насколько чужд реализм старой русской народной песне, видно из полемики между Е. Будде и С. Брайловским. Эти ученые поставили себе задачу выяснить по русским народным песням место женщины в Древней Руси. Оказалось, что оба, опираясь на одни и те же песни, пришли к совершенно противоположным выводам. С. Брайловский писал: «...положение женщины в двух периодах — девстве и замужестве — весьма завидное: она любима и любит: окружена заботами и ласками любимых и любящих людей; если же жизнь ее не всегда течет спокойно, то кто же

на грешной земле живет без треволнений и горя?!» (*Брайловский С.* К вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа // Филологические записки. 1886. Вып. 1. С. 23). «В играх и хороводах незаметно <...> пролетает счастливое, беззаботное времечко и незаметно настает полный возраст девушки» (там же. С. 9). А Е. Будде на это отвечает: «Мы узнаем из песен, что она (древнерусская женщина. — *Т. И.*) не знала, что такое любовь свободная; она не могла поступать по влечению сердца, потому что никогда не принадлежала себе, — она была вещью, которую продавали и за которой не признавали никаких прав <...> Нередко женщина служила только средством для обогащения своей семьи, из которой она выходила и которая ее продавала; самое лучшее время жизни у девушки проходит в слезах, так как участь ее наперед ей известна» (*Будде Е.* Положение русской женщины по бытовым песням народа // Филологические записки. 1883. Вып. 4. С. 5). «Радости в жизни русской женщины были так редки, что едва ли о них и стоит говорить отдельно: их не видать за целым обширным пространством горя» (*Будде Е.* Еще к вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа // Русский филологический вестник. 1889. Т. 22, № 4. С. 243).

Конечно, только романтический окрас старых народных песен повинен в странных взглядах обоих ученых.

В современной частушке, напротив, не осталось никакого следа такой условной идеализации, такого смешения идеального с реальным; в ней в большей мере обнаруживается неискаженный, подлинный реализм, который иногда даже напоминает реализм журналистики или газетной хроники. (Примеры тому ниже; ср. также мои рассуждения и примеры в статье: *Зеленин Д. К.* Сборник частушек Новгородской губернии (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 170 и далее.) Кроме того, частушка всегда старается отразить последние местные события политической и социальной жизни.

После рассмотрения всех названных особенностей не остается сомнений, что в частушке содержится гораздо больше новых черт, чуждых старой народной песне, чем старых, которые у песни и частушки — общие.

Далее на основе отдельных особенностей истории русской народной песни могут быть выделены следующие периоды:

1. Древний период, в котором песня была теснейшим образом связана с напевом (в еще более раннее время она была неразрывно связана с ритуалом), и поздний период, в котором связь между текстом и напевом слабеет или даже совсем исчезает, так что стихи, вирши, вытесняют песню.

2. Древний период, в котором индивидуализм и выдвижение личности на первый план были чужды песне, когда личность поэта и певца была или полностью поглощена нацией, или находилась в подчинении у последней; и новый период, когда личность поэта и певца выражается в каждой строчке песни (частушки).

3. Древний период, когда для песни характерен романтический оттенок, переплетение идеального (и фантастического) мира с реальным[1], и

[1] Существуют основания для предположения, что романтические черты первоначально были чужды народной песне и лишь позже проникли в нее.

новый период, когда в песне отсутствуют романтические черты идеального мира и трезвый реализм приближает песню (частушку) к публицистике.

4. Древний период, пожалуй, характеризуется еще и тем, что в нем частушка (точнее, ее предшественник — плясовой припев) была неразрывно связана с танцем, в то время как в Новое время эта связь отсутствует.

Если принять такое деление, то сегодняшняя частушка по всем четырем параметрам принадлежит сегодняшнему времени. Хотя мы не можем обозначить точно эти периоды временными границами, все же немыслимо, к примеру, имеющийся на сегодня разрыв между текстом и напевом или пышное развитие индивидуализма в песне относить к очень раннему времени.

На основании анализа этих признаков русскую народную песню можно разделить еще на два периода: с одной стороны, время ее жизнеспособности, а с другой — время ее застывания и умирания.

Из вышесказанного видно, что содержание старой песни противоречит чувствам певца и современной действительности — противоречие, которое не осталось незамеченным и певцом. Но почему же тогда певец не отказывается от старой песни? Почему он исполняет песню, которая не соответствует его взглядам, чувствам и окружающему его миру?

Потому что для исполнителя старая песня является священной, хотя и мертвой формулой; потому что эта песня почти или частично застыла.

Певец застывшую песню понимает плохо или даже вообще не понимает, поэтому часто уродует ее вплоть до неузнаваемости. Так, в 1901 году, в Вятской губернии, Яранском округе, я записал песню, в которой вместо «граф Румянцев» говорилось «кровь с румянцем отвечает». Далее мы находим в исторической песне из Казанской губернии — «Из купечества умывалася» (*Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. СПб., 1895. Т. 1. С. 289, № 208). Невероятную чепуху содержит один из вариантов этой песни, который я записал в Вятской губернии: «В левой руке купецество несу <...> И с купца-та ле умывалася»; здесь кубец, поскольку слово не было понято, перепутан с купцом и потом был заменен на купечество (см.: *Зеленин Д. К.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб., 1903. С. 77 (Сб. отделения русского языка и литературы Имп. Академии наук; Т. 76, № 2)).

Помимо большинства обрядовых и лирических песен, в России застыли в мертвую форму также заклинания, много волшебных сказок и былин. (Недавно А. Шилов на основании анализа вариантов сказителей из Олонецкой губернии высказал сомнение в том, что былины прекратили свое развитие; точнее, однако, будет объяснять разную степень окаменелости некоторых былин сознанием отдельных сказителей. См.: *Шилов А.* [Рец. на кн.: Русская устная словесность / Под ред., с вводными статьями и примеч. М. Сперанского. М., 1916 — 1919. Т. 1–2] // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 486.)

Напротив, народные новеллы, шутливые свадебные речи сватов, а также песни невесты во многих местах еще сохраняют свою жизнеспособность. В последние пятьдесят лет частушки, естественно, развились сильнее всех: тысячи их появляются ежедневно, и из этих тысяч широко распространяется, вероятно, лишь несколько сотен.

Итак, в истории русской народной поэзии можно выделить еще два периода: время полной жизнеспособности и время окаменения. Первый

период показывает юношескую свежесть, второй — старость, постепенное умирание. С этой точки зрения частушка опять же принадлежит первому периоду, и в этой же связи она является новой, молодой песней.

Но остается вероятность, что окаменевшие виды народной поэзии со временем снова возродятся, снова станут молодыми и жизнеспособными, т. е., возможно, у народной поэзии есть также свой жизненный круг; так что, к примеру, окаменевшие былины вновь когда-нибудь могут стать живыми. Относительно этого, правда, могут высказываться только предположения, так как нет никаких фактов, которые могли бы подтвердить существование этого жизненного круга.

Общий результат нашего исследования следующий. Сегодняшняя частушка, хотя и связана генетически со старыми песнями, прежде всего с плясовыми припевами, имеет так много отличных от старинной песни черт, что ее нужно считать новым видом народной лирики. Новым, конечно, не в том смысле, что она впервые появилась в XIX веке. Частушка могла существовать уже в XVII и даже в XVI веке.

Я делаю решительное различие между сегодняшней частушкой и плясовыми припевами (один из старейших видов народной поэзии), хотя одно является потомком другого. Плясовые припевы распространены и сегодня, но они органически связаны с пляской, чего нельзя сказать о частушке.

Когда у плясового припева (который также иногда называют «скоморошина») исчезла органическая связь с танцем, из припева появилась частушка, разновидность народной поэзии, которая близко стоит к стихам. Этот процесс развития древнего припева в частушку протекал, вероятно, медленно; едва ли он начался позднее XVII века, возможно, даже, что его начало следует отнести к еще более раннему времени. Резкий перелом в истории развития частушки произошел, однако, во второй половине XIX века, когда частушка приняла современный стихотворный вид, который до этого не был привычным и был мало распространен (Г. И. Успенский сделал это наблюдение еще в 1889 году). Некоторые отдаленные великорусские области не знают частушку до сих пор — это еще одно доказательство, что частушка как особый вид народной поэзии не может быть древним и что своим относительно широким распространением в деревне он обязан позднейшей моде.

Частушка по сравнению со старой народной песней маломелодична — недостаток, который первоначально сглаживался аккомпанементом гармони. Эта тесная связь гармони и частушки была нарушена лишь в самые последние годы, когда частушка проникла и в город. Городская частушка — сначала в театрах и балаганах, потом в журналах и литературе — появилась в начале XX века. Валерий Брюсов (см.: *Брюсов В.* Urbi et Orbi: Стихи 1900 — 1903 гг. М., [1905]. С. 23 — 36 (раздел «Песни»)) был одним из первых поэтов, кто создал образцы литературной частушки, которые подражали деревенским. В сегодняшней частушке городские и деревенские элементы поэзии тесно связаны, так что часто невозможно определить, появилась ли данная частушка в городе или деревне.

Итак, частушка произошла от ритуального плясового припева, от которого она переняла важнейшие особенности формы — краткость, рифму и быстрый темп. После того как частушка отделилась от пляски, она приблизилась к лирической песне, но не была ею поглощена благодаря выше-

названным формальным различиям. Последовательное уменьшение музыкального элемента, которое в конце концов привело к его полному исчезновению, сильно выраженный реализм и индивидуализация содержания резко отделяют частушку от лирических песен и отводят ей особенное место в народной поэзии.

Для пояснения моих тезисов я приведу ряд сегодняшних частушек социально-политической тематики, которые я собрал в 1921 и 1922 годах вместе со своими слушателями[1] в Харькове и в других областях Украины, а также и в прилежащих великорусских губерниях.

Здесь взята только политическая частушка, но сделано это не из-за какого-то предвзятого к ней отношения, а на основании следующих соображений: политическая частушка может быть легко датирована, чего нельзя сделать с обычными частушками, отражающими повседневный быт и любовь. Почти все приводящиеся ниже частушки возникли после 1916 года, поскольку они отражают события и настроения революционного времени. Далее. Частушки бытового характера отражают лишь незначительные факты и события, которые к тому же известны исключительно узкому кругу земляков и заинтересованных людей. По этим причинам по такой частушке почти невозможно понять, как в ней отражаются соответствующие события. Напротив, политическая частушка отражает важные и всем известные события, поэтому каждый может проследить, как преломляются в ней события, составляющие ее содержание.

Кроме содержания и темы, политическая частушка ничем не отличается от обычных частушек, посвященных быту и любви. Поэтому нет никакой методической ошибки, если результаты анализа политической частушки будут распространены и на все прочие ее виды.

Рассматриваемые здесь частушки разрабатывают преимущественно два мотива; «Яблочко» и «Бочонок». Частушки первого типа начинаются словами «Эй, яблочко, куда котишься» или просто «Эх, яблочко». Стереотипное начало второго вида частушек звучит так: «Я на бочке сижу (бочка котится)».

История этих двух стилистических рядов мне неизвестна в полной мере. Однако имеются некоторые отправные точки, позволяющие представить эту историю следующим образом. На Украине давно уже известна песня:

Котись, яблочко,
Куда котишься;
Віддай, таточко,
Куди хочется.

Сравнительно недавно эта песня была включена в печатный сборник песен (см.: Хрестоматія по українській літературі для народніх вчителів, шкіл учительских та середніх і для самоосвіти / Зложили: М. Сумцов і М. Плевако при участі Д. Багалія. Харьків, 1918. С. 23) и поэтому в той версии, которая дана нами, получила широкое распространение среди городского населения. Новейшие варианты, записанные в 1921 году в Харькове и Ростове, — все еще не политические, — звучат следующим образом:

---

[1] Здесь уместно поблагодарить моих слушателей и знакомых, которые для меня собирали частушки.

Ой, яблочко,
Да куда котищца?
Ой, мамочка,
Да замуж хочется –
Не за старого,
Не за малого,
За солдатика
Разудалого.

В 1917 году в Ростове появился новый – на этот раз политический – вариант этой песенки:

Ой, яблочко,
Да куда котищца?
Ой, мамочка,
Да замуж хочется –
Не за Троцкого,
Не за Ленина,
За донского казака
За Каледина.

Названные вожди выступают здесь не как конкретные и тем более не как независимые личности, а исключительно как представители определенных политических партий. Говорят, что публичное исполнение этой политической частушки вызывало иногда (в Нахичевани?) репрессии со стороны властей – обстоятельство, которое способствовало еще большему распространению этой песни.

В названной частушке следует видеть одну из самых ранних политических редакций «Яблочка» по следующим соображениям. Если исходить из ее содержания, эта редакция не могла появиться после 1917 года. Она более других вариантов похожа на старую неполитическую редакцию «Яблочка». Хотя она и не отличается особым остроумием, эта редакция широко распространена и сегодня, когда имя Каледина уже полузабыто.

Кроме того, очевидно еще в 1917 году в Одессе (или в Николаеве?), независимо от варианта из Донской области, возникла новая политическая редакция «Яблочка», которая быстро стала популярной и породила бесконечное количество вариантов того же типа.

Ой, яблочко,
Куда котишься?
На «Алмаз» попадешь,
Не воротишься!

«Алмаз» – это военный корабль, на котором офицеры белой армии были осуждены и казнены. Очень скоро эта редакция распространилась по всей Южной России среди матросов, красногвардейцев, железнодорожников и другого народа и стала чуть ли не везде известна в различных вариантах (ср. ниже № 19, 44, 57, 66).

Можно сомневаться в точности изложенной истории «Яблочка», так как уже она основывается больше на предположениях и гипотезах, чем на неоспоримых свидетельствах; но, во всяком случае, нельзя сомневаться в украинском происхождении этого мотива. Еще в 1921 году «Яблочко» в Северной России (Пермь, Петербург, даже Гомель) было совершенно неиз-

вестно. К тому же форма «котицца» (с «о», а не с «а») чужда севернорусским диалектам: песенный символ «яблочко» редко встречается в великорусской поэзии; в то время как в старой украинской песне этот символ весьма распространен, и по Костомарову (см.: *Костомаров Н. И.* Историческое значение южнорусского народного песенного творчества // Беседа. 1872. № 8. С. 42), означает любовь и приветливость.

Напротив, стилистический мотив «бочка» несомненно был пересажен на Украину из Великороссии. Уже в 1912 году в Архангельской губернии была записана следующая частушка:

Я на бочке сижу,
Бочка катится;
Теперь миленький не любит,
После схватится.

(Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. № 21)

Однако первоначальная форма этого мотива, видимо, звучала так:

Я на бочке сижу,
Бочка катится;
Денег нет ни гроша,
Выпить хочется.

Эта песня возникла, очевидно, в старых откупных кабаках, где вино продавалось в кружках, наполняемых из бочек, и завсегдатаи действительно часто должны были сидеть на пустых винных бочках.

В дальнейшем частушки будут даваться в следующем порядке: I. Начало революции. II. Социальный переворот. III. Гражданская война. IV. Украинофилы. V. Махно. VI. Общественная и хозяйственная жизнь.

I. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Из явлений, относящихся к началу революции, в частушке нашли отражение следующие: любовь к политическим собраниям, новая революционная терминология (волшебная сила новых слов, таких как революция, пролетарий и т. д.), проснувшееся политическое самосознание и создание политических партий.

1. Растоптала я ботинки,
А мой милый — сапоги;
Каждый день ходи на сходки,
Митинги да митинги!

(Новохоперский уезд)

2. Я вчерась на митинге
Говорил «по поводу», —
Меня треснул кто-то сзади
«По прямому проводу».

(Харьков)

3. Сидел милка на крыльце
С «революцией» в лице;
А я думала, думала —
Подошла да плюнула!

(Новохоперский уезд)

4. Сидит милый на заборе
С выражением во взоре;
Карла Маркса он читает,
Ничего не понимает!

(Харьков)

5. Мне не надо калачу,
И не рад я бублику.
Одного теперь хочу:
Подавай «решпублику»

(Пермь)

6. Поцелую глаз твой карий,
Глаз твой замечательный –
Оттого что *пролетарий*
Оченно *сознательный.*

(Харьков)

7. a) Пролетел паровоз,
b) А за ним птичка:
c) Мой муж (вар.: миленок)
большевик,
d) А *я меньшевичка.*

(Харьков)

Варианты:
a) В моем саду
b) Поет залетная птичка

(Усманский уезд)

a) Я на бочке сижу,
b) А под бочкой птичка;
d) А *я большевичка.*

(Харьков)

8. В окиане плава't кресер,
А кругом водичка;
Мой миленок – левый *эсер,*
А я – *большевичка!*

(Пермь; ср. № 51 и далее)

9. Ой, яблочко –
Половиночка;
Вот идет *большевик,*
Как картиночка!

(Киев)

10. Едва ли следующая частушка, которая указывает на начало революции, появилась до 1917 года:

Эх, яблочко
Да покатилося;
Эх, царская власть
Да провалилася!

(Харьков)

11. Напротив, маловероятно, что монархическая частушка, подобная следующей, могла возникнуть после 1917 года.

a) Огурчики зеленые,
b) Редиска молодая!
c) Не надо нам свободы,
d) Отдайте Николая!

(Харьков)

a) Огурчик малосольный,
c) Ой, не надо нам коммуны,
d) Подавай нам Николая!

(Харьков)

II. СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(Борьба с «буржуями». ЧК. Матросы)

12. Ой, яблочко
На тарелочки;
Оббирай буржуев
До копеечки!

(Константиноград, куда она пришла из Одессы)

13. Ой, яблочко
Под акацию;
Капут буржуям,
Спекуляции!

(Купянск)

14. Не надо нам министров,
b) Не надо нам царей;
Бей буржуазию,
d) Товарищи, скорей!

(Харьков)

b) Не надо нам царя,
d) Товарищи, ура!

15. Матросы защищали
Геройски революцию;
С буржуев же собрали
Большую контрибуцию!

(Лозовая)

16. a) Буржуйчики, буржуйчики,
b) Позвольте миллионы!
Теперь наше правленье,
Теперь наши законы!

(Харьков)

a) Буржуй без рассужденья
b) Отдаст свои мильоны.

(Новооскольский уезд)

17. Я на фронте не был –
Дезертировал;
За свободу –
Буржей реквизировал!

(Рыльский уезд)

18. Настали новые порядки,
Реквизнули все манатки![1]

(Харьков)

19. Эй, яблочко,
Куда котишься?
c) В чрезвычайку попадешь –
Не воротишься!

(Киев)

c) Попадешься у Чеку
(Ростов-на-Дону)

20. Матрос, люби мене,
Юбку-клеш купи мене!
А за эту юбку-клеш
В чрезвычайку попадешь!

(Харьков)

В неполитических частушках и тех, что отражают жизнь, часто появляются матросы в качестве самых активных участников революции. Ср.:

21. Грудь открыта,
Брюки – клеш,
Говорит:
«Даешь – берешь!»[2]

(Харьков)

Вариант:
Рожа брита,
Грудь открыта,
Брюки клеш,
«Даешь – берешь».

(Таганрог)

22. Матрос идет –
Спотыкается,
На клеш наступает,
Бога лает.

(Рыльский уезд)

---

[1] Собственность.
[2] Лаконическое выражение при покупке товара: Покупаешь? Продаешь?

III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(Военные настроения. Высмеивание противника. Смена власти и эвакуация)

23. Белая гвардия,
Красная рать!
Кому прежде из вас
Умирать?!
(Харьков)

Стихотворение, которое раньше было принято называть «Наблюдения на поле битвы»:

24. a) Пароход идет,
b) А дым кольцами;
c) Будем рыбку кормить
Добровольцами!
(Харьков)

a) Пароходы плывут,
b) Вода кольцами;
c) Будем рыбу кормить
(Горловка в Донской области)

25. Ой, яблочко,
Катись парами;
Будем рыб кормить
Комиссарами!
(Киев)

26. Шкалоновка[1],
Качай воду:
Мы боремся
За свободу!
(Константиноградский уезд)

27. Паровоз — «Дикапод»[2],
Новые вагоны;
А кадеты — дураки,
Бьются за погоны!
(Купянский уезд)

28. Я на бочке сижу,
С бочки вода льется;
А мой милый далеко —
С кадетами бьется!
(Константиноградский уезд)

29. Гайдамаки и Петлюра,
Это — просто черти!
А товарищ большевик
Не боится смерти!
(Рыльский уезд)

30. Большевик, большевик,
Куда топаешь?
К гайдамакам попадешь —
Пулю слопаешь!
(Рыльский уезд)

31. [В противоположном лагере]:
Я на бочке сижу,
А на бочке птичка;
Режь, бей большевиков —
Вот наша привычка!
(Полтава)

32. Еропланы летят,
Бомбы котются,
Комиссарчики бегут,
Жиды прячутся.
(Таганрог)

---

[1] Деревня в Екатеринославской губернии, где в 1920 году находился Буденный со своими войсками.

[2] Система локомотива; обозначена словами рабочего-металлиста.

33. Офицер молодой,
Погон беленький!
Утекай на Кубань,
Пока целенький!
(Харьков)

34. a) Буржуй молодой,
b) Зачем женишься?
c) Коммунисты придут,
Куда денешься?!
(Новооскольский уезд; ср. № 70)

a) Офицер молодой,
b) Чего женишься?
c) Вот коммуна идет
(Харьков)

a) Комиссар, комиссар,
b) Что ты женишься?
c) Скоро белые придут
(Таганрог)

35. Ай, у Курске дош идеть,
А в Харькові склиско;
Утікайти, кадетики:
Таварищи блиско!
(Константиноградский уезд; ср. № 49)

Вариант:
Я на бочке сижу,
Под бочкою склизко;
Утекайте, деникинцы:
Коммунисты близко!
(Рыльский уезд)

36. Картошки цветут –
Осыпаются;
Коммунисты бегут –
Спотыкаются!
(Новохоперский уезд)

37. Ох, яблочко
В гору лапками;
Пришли товарищи
За порядками[1].
(Купянский уезд)

38. После бани
На Кубани
Мы приехали
В Крым отдыхать!
(Крым)

Так высмеивало население Крыма в 1920 году приверженцев Деникина.

39. Эх, яблочко
Пер'катилося;
А Петлюра и Деникин
С Украины удалилися!
(Ростов-на-Дону)

40. А Деникин генерал
Очень храбрый господин:
Его войско все разбито,
И остался он один!
(Харьков)

41. На столе лежит горох,
А в тарелке виноград;
Николай пропил Россию,
А Деникин – Петроград!
(Харьков; ср. № 81)

42. Ох, яблочко,
Куда котится?
А кадетская власть
Не воротится!
(Харьков)

43. Я на бочке сижу,
Бочка котится;
А советская власть
Не воротится!
(Харьков)

44. Ах, яблочко,
Куда котишься?
Перевернешься –
Не воротишься!

[1] Чтобы установить порядок после анархии.

Ах, яблочко
Закатилося!
Советская власть
Воротилася!
(Рыльский уезд)

45. Ой, яблочко
Да наливается;
А советская власть
Укрепляется!
(Харьков)

46. [Результат гражданской войны]:
a) Я на бочке сижу,
b) А под бочкой каша;
c) Троцкий Ленину сказал:
Вся Россия наша!
(Харьков)

a) Я на печке сижу,
b) А в духовке каша
(Таганрог)

a) На столе стоит тарелка,
b) На тарелке каша;
c) Ленин Троцкому сказал
(Грайворонский уезд)

IV. УКРАИНОФИЛЫ

(Гражданская война в представлении украинофилов. Политическое самосознание украинцев. Украина, оккупированная немцами. Украина и Москва)

47. Показался дымок,
А за ним казаки:
Геть, тікайте, добровольці,
Бо це гайдамаки!
(Харьков)

48. Налетели «гайдамашки»
Да с Петлюрою;
Забегали тут мурашки
По-за шкурою!
(Харьков)

49. У Кіиві дощ іде,
А в Полтаві слізько;
c) Бережися, коммуністи,
d) Бо Петлюра близько!
(Полтава; ср. № 35)

c) Утікайте, таварищи,
d) Петлюровець близько!
(Константиноградский уезд)

50. Гей, советская власть
Нос повесила!
Как Петлюра придет,
Будет весело![1]
(Харьков)

51. Гей, яблочко,
Красная половинка!
Мой муж большевик,
А я украинка!
(Харьков; ср. выше № 7–8)

52. Ой, из саду, из саду
Вылетела качка;[2]
Де-сь[3] мой милый гайдамак?
А я гайдамачка!
(Константиноградский уезд)

Варианты:
a) Сижу я на бочке,
А под бочкой качка;
Мой муж большевик,
А я гайдамачка!
(Прилуки)

[1] Очевидно, имеется в виду взятие Киева Петлюрой и поляками в мае 1920 г.
[2] Утка.
[3] Где-то?

b) Я на бочке сижу,
А под бочкой яма;
Мой муж гайдамак,
А я его дама!
(Харьков)

c) Я на бочке сижу,
А на бочке птичка;
Мой муж гайдамак,
А я большевичка!
(Харьков)

d) Я на бочке сижу,
Вылетела птичка;
Мой милый гайдамак,
А я большевичка!
(Харьков)

e) Сижу я у садочке,
А на ветке птичка;
Мой муж гайдамак,
А я большевичка!
(Прилуки)

53. Гей, яблочко,
Бойся Каина!
Хай живе та навіки
Україна!
(Харьков)

54. Гей, яблочко
Покатилося!
Украина от России
Отделилася!
(Харьков)

55. Украина, Украина!
У тебя три хозяина:
Коммунисты, анархисты,
Буржуазия!
(Прилуки; ср. № 60)

56. Спекулянты, спекулянты,
Вам всем весело;
А Вкраіна наша рідна
Нос повесила!
(Константиноградский уезд)

57. Украина, Украина,
Куда котишься?
Немцам в руки (вар.: в зубы) попадешь,
Не воротишься!
(Харьков, Прилуки, Константиноград)

Летом 1918 г. один куплетист, исполнявший данную частушку со сцены Харьковского театра Тиволи, был арестован.

58. Украина, Украина,
Нашто хлеб отдаешь?[3]
Ты не знаешь, моя мила,
Сама с сумкою пойдешь!
(Константиноградский уезд)

59. Украина — страна
Хлебородная (вар.: благородная),
Немцу (вар.: немцам) хлеб отдала,
Сама голодная!
(Константиноградский уезд, Прилуки; ср. № 65)

60. Самостійная
Ты Украина!
Почему у тебя
Два хозяина?
(Харьков; ср. № 55)

61. Эх, яблочко,
Да украинское;
Эх, съест тебя (вар.: Сожрет тебя)
Да рыло свинское!
(Харьков)

62. Эх, яблочко,
Да на веточке;
Украина моя
В Москве в клеточке!
(Харьков)

[1] Подразумевается: немцам.

63. Говорят, говорят,
Что я [Украина] продана [Москве],
А в коммуну иттить
Я не згожена!
(Константиноградский уезд)

64. Я на бочке сижу,
А под бочкой каша;
Вы не думайте, кацапы,
Што Вкраіна ваша!
(Харьков)

65. Украина
Да хлебосольная:
Москвичей всех накормила,
А сама голодная!
(Прилуки; ср. № 59)

66. Украина, Украина,
Куда котишься?
До Москвы попадешь,
Не воротишься!
Я в Берлине была —
Воротилася!
А в Москву попаду —
Ще[1] скорей прибежу!
(Полтава)

Вариант:
Украина, Украина,
Куда котишься?
К Деникину попадешь,
Не воротишься!
(Тамбовская губерния, 1919 г.)

V. МАХНО И МАХНОВЩИНА

67. Рассыпайтеся, лимоны,
По чистому полю;
Собирайтеся, махновцы,
К батьку в Гуляй-Поле!
(Харьков; переработка «Ракловской песни»)

Раскатилися лимоны[2]
По чистому полю;
Собирайтеся, блатные[3],
Сто кусков[4] на долю!
(Харьков)

68. Я на бочке сижу,
Бочка вертится;
Записался я в коммуну —
Махно сердится.
(Константиноградский уезд)

69. Ой, яблочко
И с листочками;
Прийдет (вар.: идет, едет) батько Махно
И с сыночками!
(Купянский уезд, Харьков, Константиноградский уезд)

70. Ой, Стешечка,
Нашто женишься?
Приде батько Махно,
Куды денешься?
(Константиноградский уезд; Стешечка — Степан, милиционер, Махно уничтожил милицию; ср. № 34)

71. Утекайте, большевики,
Со коммуною:
До нас прийде Махно
Со Петлюрою!
(Константиноград)

72. Ой, батько Махно
В трубочку играеть,
А Артем с буржуями
З города тікаеть!
(Константиноград; Артем — помощник начальника государственной стражи в Константинограде в 1919 г.)

73. Одна гора высока,
А другая низка,
Хоть Петлюра далеко,
А Махно вже близко!
(Константиноградский уезд)

[1] Еще.
[2] Миллионы.
[3] Воры.
[4] Сто тысяч.

74. Я на бочке сижу,
Міні усе видно:
Махно ріже буржуів,
А Петлюрі стыдно!
(Полтава; в 1919 г. приверженцы Махно заняли Умань и убили там всех состоятельных людей. Петлюра был тогда в союзе с Махно)

75. [Юдофобия Махно]
a) Ераплант высоко
b) Подымается;
Махно жида зануздал,
Да й катается!
(Константиноградский уезд)
a) Ах, яблочко
b) Рассыпается
(Полтавская губерния)

76. Махно спить, Махно спить,
А Буденіц будя;
Не журитесь, християня,
Каммуны ни будя!
(Константиноградский уезд; в январе 1921 г. отряд Буденного, который стоял в Константиноградском уезде, перешел к Махно. По этому поводу появилась частушка № 76)

77. Спикулянт молодой
Спикулируя,
А Троцкий с Махном
Ликвизируя!
(Ср. № 128. Константиноградский уезд. По поводу ситуации 1920 г., когда и представители советской власти, и приверженцы Махно предприняли обыски и реквизиции)

78. А махновцы на лету
Одеваются:
Так махновцы в англичан
Превращаются!
(Бердянск. Приверженцы Махно грабили белогвардейцев, одетых в английскую форму)

79. Не гуляла я с Махной,
Не была в Кронштадте я,
А таперя я с тобой,
Ты моя симпатия!
(Харьков)

80. [Разочарование в махновщине]:
Ой, яблочко,
Ты румяное!
У Махно-то все
Войско пьяное!
(Киев)

81. На столе стоит тарелка,
Под тарелкой виноград;
Обманул Махно Россию,
А Петлюра — Петроград!
(Харьков; ср. № 41)

82. Любил меня махновец,
Любил меня кадет,
Любил меня петлюровец —
Теперь их уже нет!
(Константиноград)

83. [Разочарование среди приверженцев Махно]:
Ой, яблочко,
И с цыбулею;
Надоело воевать
И с коммуною!
(Константиноградский уезд)

VI. ОБЩЕСТВЕННАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

(Продразверстка. Бандитизм. Упадок промышленности. Продовольственный кризис. Разграбление государственной собственности. Спекуляция)

84. Вся власть Советам,
Земля кадетам,
Деньги большевикам,
А плетки — мужикам!
(Константиноградский уезд. Частушка пословичного типа, пародирующая оглашение нового аграрного закона, вышедшего в 1920 г.)

85. Мужики — дураки,
А мы коммунисты:
Они будут сіять-жать,
А мы будем істы!
(Кременчугский и Купянский уезды)

Вариант:
Не журися, Хайка,
Што мы коммунисты:
Хохлы будут сіять,
А мы будем істы!
(Константиноградский уезд)

86. Ой, яблочко
Революции;
Мы с деревни сдерем
Контрибуцию!
(Константиноградский уезд)

87. Украина, Украина,
Што за нация!
Только знаешь грабежи,
Спекуляцию!
(Константиноградский уезд. Точка зрения великоросса, где в 1920 г. был восстановлен порядок. Ср. № 122)

88. Повсюду идет провокация,
Убийство, грабеж, спекуляция!
Спекулянтки спекулируют,
Солдатики реквизируют!
(Рыльский уезд)

89. Обычные картинки
Царят во мраке ночи;
Снимают с вас ботинки,
Часы, пальто и прочее.
(Харьков, Ростов-на-Дону)

90. Ой, яблочко
У бутылочки;
Скидай френч, галифе
Да и ботиночки!
(Константиноградский уезд)

91. Бандиты в ус не дуют,
И не страшат их пытки,
И ловко фабрикуют
Советские (вар.: Керенского) кредитки!
(Полтава, Ростов-на-Дону)

92. Братва с шахт теперь уходит
На различный промысел;
Вместо кирки теперь надо
Ведер и коромысел!
(Купянский уезд. По поводу затопленных шахт, из которых надо было выкачивать воду)

93. В шахтах вода —
Это все эрунда;
Этим нас не удивишь —
Вмести угля видим шиш!
(Купянский уезд)

94. Если будем мы с ведром
Таскаться долго по воду, —
Пошлю жалобу в Москву
По прямому проводу!
(Харьков)

95. В гублескоме все жужжат,
Точно пчелы ульями;
А зимою я топлю...
Креслами да стульями!
(Харьков)

96. Деревянные ботинки
Пользу всякому дают:
Если кто-нибудь потонет,
То ботинки хоть всплывут.
(Харьков)

97. Бьет губздрав меня по морде,
А лекарства нет как нет:
И вчера мне дали ордер...
Отправляться на тот свет!
(Харьков)

98. А в губздраве все спокойно,
Вовсе-вовсе нет больных,
И аптеки позакрыты,
И кафе открыты в них.
(Харьков)

99. По рублю хлеб,
По семь яица,
Неужели все народы
Сам-определяются?!
(Пермь, 1917 г.)

100. Говорят, что и в лесу
Все деревья описали,
Даже белочкам на шишки
Карточки раздали!
(Москва, 1917 г.)

101. Рассердился на нас Бог,
b) Сам ушел на небо,
c) А нам велел выдавать
По осьмушке хлеба.
(Харьков)
b) Улетел на небо,
c) И оттуда посылает
(Таганрог)

102. Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни хлеба, ни вина...
Вот теперь я понимаю,
Что Россия спасена!
(Харьков. Пародия на старую солдатскую песню, где четвертая строчка звучала так: «Што я прапора жена»)

103. Юбка — клеш,
Ботинки — «Вера»,
На плечах...
Картошек мера!
(Новохоперск)

104. С сахарином чай пила,
А наутро померла;
Сахарин — один пакет
Отправляет на тот свет!
(Харьков)

105. При царе и богачах
Жили мы на калачах;
А дали нам свободушку —
Хлеб печем с лебедушкой!
(Ижевск, Вятская губерния)

106. Як ни було забастовки,
Пекли жінки хліб з вальцовки;
Як республику зібрали,
Хліб з амбаров весь забрали!
(Грайворонский уезд)

107. Був Микула дурачок,
Була булка п'ятачок;
Теперь стали коммунисты,
И ничого стало істы!
(Грайворонский уезд)

108. Никола, Николаша,
При тебе была мука и каша;
Заступили кадеты —
Мы разуты, раздеты;
А при вас, большевики,
Нет ни каши, ни муки!
(Тамбовская губерния)

109. Троцкий Ленину сказал:
Пойдем, Володя, на базар,
Купим кобылу карюю
И накормим пролетария!
(Харьков)

110. Вставай, пайками
закормленный,
Спеши в Полтаву за мукой!
Снимай рубашку и кальсоны
Своею собственной рукой!
(Харьков)

111. [Столовые общественного питания при советской власти]:
От обеда в главстоловке
Главжелудок бесится;
Дайте, дайте главверевку,
Чтобы главповеситься!
(Харьков)

112. В правой руке я держу талончик,
В левой — русский котелок;
Предвкушаю с мясом скушать супчик,
Получаю — с крупкой кипяток.
(Харьков)

113. Уважаю завсегда
Кухню я французскую,
Например, перловый суп
С гречневой закускою!
(Харьков)

114. Похоронили «Яблочко»,
Остался один кончик;
А теперь вся наша жизнь —
Кисленький лимончик.
(Харьков)

115. Комиссар, комиссар,
Чево задаешься?
Раз украл, два украл,
Третий — попадешься!
(Курск; ср. № 127)

116. Не хожу я в сарафанах,
А ношу теперь шевьот:
Мой муженек в комиссарах —
Сколько хочешь накрадет!
(Харьков)

117. Наш Ванюха
Преднезамом[1],
И на месте этом самом
Наживается!
(Харьков)

118. А у меня дома есть
Две корзинки с розами —
Потому что я знакома
С разными завхозами.
(Харьков)

119. Я начснаб из Укрувуза,
Всех сотрудниц я кумир;
Отращу себе я пузо —
И начхать на весь мне мир!
(Харьков)

120. Раньше был я слесарь,
Починял я трубы;
А теперь я комиссар,
Ревизую клубы!
(Харьков)

121. Был я злостный дезертир,
Подвергался строгим мерам,
А теперь я поступил
Старшим милиционером.
(Харьков)

122. Украина, Украина,
Што за нация:
Всюду гонят самогон —
Спекуляция!
(Николаев Херсонской губернии; ср. № 87)

123. Паровоз, паровоз,
Как тебе не стыдно:
Спекулянтов насажал,
И тебя не видно!
(Бахмут)

124. Я сижу на бочке,
Под бочкою склянка;
Мой муж коммунист,
А я спекулянтка.
(Купянск)

125. Не хочу тебя любить,
Буду саботировать;
В Хапео[2] поступлю —
Буду спекулировать.
(Харьков)

[1] Преднезам — председатель комитета незаможных крестьян.
[2] Харьковское потребительское общество.

126. Ой, яблочко
Наливается;
Спекулянт на муке
Наживается.
(Харьков)

127. Спекулянт, спекулянт,
Чево задаешься?
Раз провез, два провез,
В третий — попадешься!
(Купянск, Курск; ср. № 115)

128. Спекулянтики
Спекулируют,
А товарищи придут —
Реквизируют.
(Харьков; ср. № 77)

129. Вышли мы все из вагона,
Соль отобрали у нас.
Что это есть за свобода?
Что за советская власть?
(Харьков)

130. Ох, если б я был
С рукой могучей, —
Спекулянтов я бы вешал
Целой кучей!
(Ростов-на-Дону)

131. Спи, дитя мое родное,
Бог твой сон хранит:
c) Твоя мама спекулянтка
d) В Лозовой сидит.
День и ночь муку таскает,
Пироги печет:
На Благбаз[1] она таскает,
Деньги все берет.
(Харьков. Пародия на «Баронессу» — песню-шансон, которая пришла из Петербурга. Строчки c-d) там звучат так: «Твоя мама шансонетка /
По ночам не спит».)

Подготовка к печати *Т. Г. Ивановой*

[1] Благбаз — Благовещенский базар в Харькове.

С. Н. Азбелев

ИЗ ПОДЛИННОГО ФОЛЬКЛОРА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В противоположность панегирическому «советскому фольклору», насаждавшемуся искусственно, подлинно массовое устное творчество политической направленности в период гражданской войны и «социалистического строительства» состояло главным образом из произведений сатирических, выражавших истинное отношение народа к большевистской диктатуре и уродливым ее результатам в повседневной жизни простых людей России. Но записей того времени, по понятным причинам, существует чрезвычайно мало[1]. Исключительное значение приобретают поэтому встречи с теми весьма немногими уже современниками утверждения тоталитарного режима, чья память хорошо сохранила образцы тогдашнего политического фольклора.

Талантливой носительнице этого репертуара я был представлен в пансионате для престарелых города Пушкина. Мария Даниловна Александрова родилась в Петербурге незадолго до Первой мировой войны. Жила в этом городе и его пригородах до начала 1930-х годов, проходила курс в педагогическом техникуме. В 30-е годы была учительницей в деревне. Затем окончила педагогический институт. В 1946 году поступила в аспирантуру Ленинградского университета, где проработала до пенсии. В молодости Мария Даниловна хотела стать комсомолкой, но в приеме ей отказали по причине дворянского происхождения.

---

[1] Небольшой комплекс таких записей, уцелевших в архиве Академии наук, недавно мною опубликован. См.: *Азбелев С. Н.* Оппозиционный фольклор 1920 – 1930-х гг. в записях А. И. Никифорова // Живая старина. 1994. № 2. К сожалению, редакция уже в корректуре исключила две наиболее острые частушки, не поставив меня в известность о нарушении замысла публикатора представить записанный А. И. Никифоровым комплекс оппозиционных режиму текстов в полном виде, без купюр:

Стоит Сталин на гробу,
Гложет кошачью ногу:
– Фу, какая гадина
Советская говядина!

Едет Ленин на машине,
Свесил ноги до колес.
Ты вези, вези машину,
Покуль жопу не сдерешь.

Несмотря на теперешний почтенный возраст, Мария Даниловна сохранила довольно ярко выраженное пристрастие к озорству, которое часто проявляется в повседневном общении (а среди произведений, исполненных ею при звукозаписи, оказались и не вполне удобные для печати). Именно этой чертой характера следует объяснить вхождение в репертуар Марии Даниловны песен, критикующих режим, ревностной сторонницей которого она являлась. Последнее обстоятельство важно как удостоверение абсолютной подлинности помещенного ниже материала, ибо Мария Даниловна и теперь убежденно говорит о своей приверженности «диктатуре пролетариата». Не без труда удалось убедить ее исполнить для записи политически острые произведения, пафос которых она не разделяет, но не может оспаривать научную ценность их для объективной исторической характеристики общественных настроений того времени. Получив согласие, я в течение трех дней (16 – 18 октября 1992 г.) вел запись на магнитофон.

В прошлом незаурядная певица, М. Д. Александрова исполнила подряд все, что удержала память из ее прежде обширного устного репертуара (вплоть до произведений, родившихся уже сравнительно недавно). Помимо публикуемых здесь фольклорных песен, частушек и нескольких «политических» анекдотов в нем оказались песни и романсы литературного происхождения, «бытовые» анекдоты (не представляющие, на мой взгляд, большого интереса), а также автобиографические рассказы. Все звукозаписи хранятся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Печатаемые тексты расположены соответственно хронологической последовательности отображенных событий и общественных явлений.

1

Вставай и в лавку отправляйся,
Полфунта хлеба получай,
И этим ты полдня питайся,
Потом в столовую ступай.
Дадут там поварешку супу
И ложку каши-размазни;
Ты этим целый день питайся,
А про Совет не говори.
Весь мир картошкой мы засадим,
Потом на рынок повезем;
По тридцать тысяч забодаем
И по-буржуйски заживем.
Это есть наш последний
И решительный бой –
С картошкой, со свеклой
Подохнет род людской[1].

[1] По словам исполнительницы, эта песня-пародия (как и следующая) усвоена ею еще в детстве, в начале 1920-х годов, в поселке Ульянка под Петроградом. Государственным гимном «Интернационал» был объявлен в январе 1918 года (а принадлежавший И. Коцу русский перевод французского текста Э. Потье впервые опубликован в 1902 г.). Пародируются главным образом следующие строки тогдашнего гимна советской России:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
.....

2

Ты сидишь у камина и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает.
Коммунисты-жиды, комиссары порой
У народа продукт отбирают.
Ты не верь в коммунизм, это тот же хомут,
Что надели рабочим на шею[1].

3

Пароход плывет
Прямо к пристани,
Будем рыбу кормить
Коммунистами[2].

4

Пароход плывет,
Волны кольцами,
Будем рыбу кормить
Комсомольцами[2].

5

Едет Ленин на моторе,
Держит серп и молоток,
А его товарищ Троцкий
Рубит валеный сапог.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.
.....
Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

[1] Пародируется некогда популярный романс «У камина», широко исполнявшийся в начале XX века. Текст, сочиненный С. А. Гарфильдом, опубликован впервые в 1901 году. (Приписывается в изданиях также Г. Китаеву, П. Буторину; подробно см.: Песни русских поэтов: В 2-х т. / Сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988. Т. 2. С. 488 – 489.) Публикуемая песня пародирует следующие строки романа:

Ты сидишь у камина и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает,
Как в нем яркое пламя то вспыхнет порой,
То бессильно опять угасает.

О! Поверь, ведь любовь – это тот же камин,
Где сгорают все лучшие грезы.

[2] Две последние строки повторяются.

Все матросики разуты,
Все солдаты без сапог[1].

6

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка.
Мой муж комиссар,
А я коротышка.

7

Я на бочке сижу,
А под бочкой склянка.
Мой муж коммунист,
А я спекулянтка.

8

Я на бочке сижу,
А под бочкой каша.
Не подумайте, жиды,
Что Россия ваша.

9

Я на бочке сижу,
Бочка вертится.
Я у Ленина служу –
Троцкий сердится.

10

Эх, яблочко
Да сбоку красное.
Не целуй меня, матрос, –
Я заразная[2].

11

Эх, яблочко
Да мелко рублено.
Не целуй меня, матрос, –
Я напудрена[2].

12

Эх, яблочко,
Да куда ко́тишься?
Под клеш попадешь –
Не воротишься[2].

---

[1] В Совнаркоме 1917– 1921 годов Троцкий был комиссаром армии и флота.
[2] Две последние строки повторяются.

13

Эх, яблочко
Сбоку зелено.
Разойдись, шпана:
Везем Ленина[1].

14

Эх, яблочко
Да покатилося,
А советская власть
Да провалилася[2].

15

Получивши паралич,
Вот и умер наш Ильич;
От того паралича
Нету больше Ильича.
Куплю красную свечу[3],
Вставлю в жопу Ильичу:
Ты гори, гори, свеча,
В красной жопе Ильича.

16

В одном селе происходило колхозное собрание. На повестке дня стояло два вопроса: первый вопрос — «О строительстве сарая», а второй вопрос — «О строительстве социализма».

Председатель, когда собрался народ, говорит: «Товарищи, в связи с отсутствием гвоздей мы не будем ставить первого вопроса. Переходим сразу ко второму».

17

В одной из аллей, где прогуливался вождь народов великий Иосиф Виссарионович Сталин, росли кипарисы. А работники госбезопасности боялись, что за этими деревьями прячутся какие-нибудь страшные люди. Тогда они вырубили эти кипарисы и посадили эвкалипты[4].

Эвкалипты не любил вождь народов, и он посадил садовников.

---

[1] Две последние строки повторяются.

[2] Подразумевается, очевидно, введение нэпа. Две последние строки повторяются.

[3] При исполнении на магнитофон вместо «свечу» ошибочно прозвучало «лечу»; но сразу после записи исполнительница внесла поправку.

[4] Крона эвкалиптов расположена высоко, у кипарисов же она может начинаться почти от самой земли.

Хрущев, встретившись с Кеннеди в Штатах, стал хвастаться, что у него есть бегуны, которые бегут двести километров в час. А Кеннеди говорит: «А у нас есть такие врачи, которые умеют оживлять трупы».

Приезжает Хрущев в Москву и говорит: «Послушай, Лёня, я там малость поднаврал...» А тот говорит: «Слушай, пусть он только Сталина оживит, тогда ты первый и побежишь...»

Архивные шифры: ФА ИРЛИ, ЭР, Пушкин 1992, 01.08 (текст 1), 01.05-06 (текст 2), 02.01 (тексты 3 и 4), 03.09 (текст 5), 01.09 (тексты 6 – 9), 01.10 (тексты 10 – 14), 01.11 (текст 15), 03.11 (текст 16), 02.14 (текст 17), 02.05 (текст 18).

ПРИМЕЧАНИЯ

Политические частушки в каждом из четырех разделов объединены в тематические группы, которые расположены по возможности в хронологической последовательности отраженных в них событий: 20 – 30-е годы (революция и гражданская война, Ленин, ЧК); 30 – 40-е годы (Сталин, коллективизация, колхозы, пятилетки, Конституция, тюрьмы и лагеря, служба в Красной армии); 1941 – 1945 годы (Великая Отечественная война); 50 – 60-е годы (Хрущев, разоблачение культа личности); 60 – 80-е годы (Брежнев и др.); 90-е (Горбачев, перестройка, Ельцин). Внутри каждой тематической группы частушки также помещаются с учетом хода истории (так, в разделе о ЧК сначала даны частушки о Чрезвычайной Комиссии, затем – об органах МВД и далее – о КГБ). Особо подчеркнем, что в публикуемых частушках даются субъективно оппозиционные точки зрения. Сольются ли они с общенародной – покажет будущее. Так, уже в наши дни ясно, что почти все частушки 50 – 60-х годов о Хрущеве исчезли из памяти народа, оставив лишь незначительный след – единичные частушки. Лет через пятьдесят, возможно, и от них ничего не останется, т. е. они не войдут в фольклорный фонд. По нашим материалам легко видеть, какие темы постоянны для всех четырех типов публикуемых частушек: революция, Ленин, Сталин, коммунисты и демократы. Отметим также тот факт, что в наши дни уже исчезли «потаенные» частушки о Великой Отечественной войне.

Дневниковые записки А. Д. Волкова, помещенные в Приложении, создают важный социально-бытовой фон публикуемым частушкам. Основные вехи жизни собирателя частушек являются узловыми и в выделенных нами тематических группах: коллективизация и раскулачивание; Отечественная война; тюрьма; пьянство; нищета и бесправие; потеря средств к достойному существованию в старости и проч.

Особую ценность представляют даваемые в Приложении материалы Д. К. Зеленина, записанные во время революции и гражданской войны профессиональным фольклористом, одним из первых собирателей и публикаторов частушек в России. Они подтверждают степень аутентичности частушек из собрания А. Д. Волкова. В этом плане не менее важна и публикация С. Н. Азбелева, сделавшего свои записи частушек 20 – 30-х годов в начале перестройки.

128 – Мотив строительства моста не поперек, а вдоль реки характерен для бытовых сказок и анекдотов, высмеивающих человеческую глупость. Здесь это свидетельство несбыточности мечты о коммунизме.

207 — Мотив «супа из топора» взят из бытовых сказок о находчивом солдате. Здесь имеется в виду голодное существование: использование в качестве пищи просто кипятка.

245 — Сказочный образ «молочной реки» здесь служит формулой невозможности.

264 — Фольклорный образ курочки рябы, снесшей в сказке золотое яичко, в частушке свидетельствует о безысходности доли стариков: единственную курицу забирают «за налог».

576 — Использование фразы из известной патриотической песни «Широка страна моя родная» (слова В. И. Лебедева-Кумача, муз. И. Дунаевского из кинофильма «Цирк», 1936 г.; авторский текст — 1935 г.) в частушке о тюрьмах и лагерях создает сатирический эффект неожиданности.

672 — Частушка представляет собой переделку куплета песни М. И. Исаковского «Прощание» (1935 г.):

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну

(*М. Исаковский.* Сочинения. 1956. Т. 1. С. 204)

II — 760 — Частушка представляет собой переделку куплета из стихотворения В. В. Крестовского «Ванька-ключник», которое было вольным изложением традиционной баллады «Князь Волконский и Ваня-ключник» («Стихи Всеволода Крестовского». СПб., 1862). Первые две строчки частушки взяты из народной балладной песни «Ванька-ключник»:

В саду ягода малина'
Под закрытием росла,
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.

Стр. 460. — В частушке, заканчивающейся словами «выпить хочется», вероятно, вторая строчка должна быть не «бочка катится», а «бочка котится (котицца)».

ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЧАСТУШЕК

(Источник обозначен номером в конце частушки.)

1 – Отечественная война. 1942 – 1945 гг.
2 – Тюрьма. 1947 – 1948 гг.
3 – Миронов П. Д. 1917 – 1973 гг.
4 – Чайкин А. 1973 – 1975 гг.
5 – Химки, Дмитров, Долгопрудный – рынки 1982 – 1992 гг.
6 – Больницы г. Долгопрудного. 1960 – 1989 гг.
7 – Санатории Кавказа и Таджикистана. 1962 – 1991 гг.
8 – Филатов К. П. 1971 – 1973 гг.
9 – В очередях за молоком, вагонные – 1991 – 1992 гг.
10 – В очередях за молоком. 1993 – 1997 гг.

1 – В Отечественную войну первую частушку с явно запретным уклоном я записал, находясь на лечении в Саратове, июль 1942 г. Как и повсюду в госпиталях, над нашей палатой шефствовали колхозники из пригородного села. Привезли гостинцев, одарили тяжелораненых, а ходячих пригласили на дневку в городской парк. На лужайке расположились, выпили, закусили, и начались танцы. А потом и пляски с частушками. В госпитале был баян. Вот там я и записал несколько откровенно грубых частушек о ППЖ (полевая походная жена) и о пьянках в штабах. Я записал их дословно. До войны редкая девушка не имела сердечного альбома, куда ей всякие опусы писали друзья и подруги. Наилучшее они переписывали друг у друга. За первое же лежание в госпитале солдаты тоже в тетрадке, а чаще на листках бумажки записывали анекдоты, стихи, частушки, поговорки, переписывали подобное друг у друга. Когда я дал одному другу почитать записанные на пикничке частушки, он отругал меня: «Ты что, в Окрсмерше хочешь побывать? Трибунала захотел?»

И тогда я стал наивно зашифровывать подобное. Конечно, заменить слово «коммунист» на «фашист» легче всего: по рифме подходит, но некоторые слова так и просятся по рифме в раздел «страшных» слов, и даже неопытному чекисту не составляло большого труда расшифровать мою антисоветчину. Но Бог миловал. Ведь тут, как сапер, ошибся бы только раз...

В госпитале г. Кемерово я пролежал более трех месяцев. Там все подолгу лежали, подружили и доверяли друг другу. Осенью из выздоравливающих собрали отряд и направили на уборку кормов в совхозную ферму Березовка. Вечерки на Рязанщине были хорошие. В подмосковном Лиано-

зове и Алтуфьеве в полном понимании вечерок совсем не было. Летом все шли в Лианозовский парк, а зимой – в клуб на станции. Но больше собирались на посиделки в просторных домах. Вечерки в Березовке не сравнить ни с чем! Парней старше 17 лет не осталось в совхозе. Одни девчата, солдатки и... старики. По веселости они превосходили даже довоенных рязанцев. Ну а уж о смелости сибиряков вообще ходили легенды. И не зря! Там пели в равных долях озорные и антисоветские частушки. В биографии описаны две девушки. Первая моя знакомая Елька (Елена, не помню фамилии) была голосиста на диво! Частушек знала бесконечное множество, да все с картинками. Но политических знала мало. Да ведь ей не было еще 18 лет. А вот на центральной усадьбе двадцатидвухлетняя фельдшерица совхоза Нина Горькова, наоборот, больше знала таких, которые я записал в политические. Кроме того, там было нечто похожее на самодеятельность. Девчата (ребят-то почти не осталось) или на тесной сцене, а чаще в зале, становились в круг и начинали петь частушки с плясками по очереди. До конца войны еще полежал в госпиталях раз семь, по ранениям и болезням. Понятно, в боевой обстановке даже об анекдотах не было и речи, но как только выдавалось свободное время: в госпиталях, запасных полках, в учебных частях, то солдаты в частушках, хоть их не пели, а тихонько, без свидетелей, пересказывали друг другу о своем наболевшем, недовольство свое выражали таким образом. Понятие «паспортизация» частушек мне стало известно в 1996 году. Но если бы я знал об этом с самого начала, то не могло быть и речи об указании источника с упоминанием фамилии автора или исполнителя, собирателя. Если бы у меня нашли такие частушки, то уж пострадал бы не я один, а приписали бы групповой антисоветский заговор. Потому и мало указано конкретных лиц.

2 – Тюремный источник был много опаснее. Уединение там было практически невозможно. Только шепотом и передавалось друг другу сокровенное. Однако «блатные» громко говорили такое, что мороз по коже!

На Таганке и в Краснопресненской пересылке было настолько тесно, что под нарами не втиснешься, на полу в проходе между нарами вповалку лежали. Да там и «шмон» (частые обыски) был очень тщательный, так как блатные умудрялись делать самодельные карты, а лирики, которых в их среде было немало, писали песни и рифмованные «ксивы» в женское отделение. Тюремная лирика (не могу правильно объяснить) по своим размерам подходила к мотиву частушки, видимо самому легкому жанру, доступному простому народу. Я записал несколько таких песенок, а некоторые четверостишия так и просились в раздел частушек. Уж если я упоминал о смелости сибиряков, то у блатных была просто мешанина, винегрет из политики и эротики. Но хранить там любые записи было просто невозможно: что было терпимо охраной от блатных – простому зэку грозило добавлением большого срока, да не какого-нибудь, а по 58-й!

Когда меня перевели в подсобный лагерь «Москва-река», то там я спокойно смог или тонко заточенным простым карандашом, или тонким пером, мизерным почерком по памяти записать все, услышанное даже в Таганской и Краснопресненской тюрьмах. И на волю переправить записи было не сложным делом. Однако я отчетливо понимал опасность моей глупости и сам не знал: для чего я это делаю, зачем так рискую? Или это

был для меня как идеологический наркотик? Ведь мало того, что любого самого заслуженного человека за подобное и расстрелять легко могли, а при моем-то кулацком происхождении меня и судить-то — зря время тратить.

Мои «провокационные» методы безотказно действовали как на фронте, так и в тюрьме, а после — в больницах и санаториях: для затравки я расскажу сначала несколько безобидных анекдотов, поговорок, а потом и частушек, переходя к более острым, политическим. В компании из 3 — 4 человек грубо антисоветских частушек не расскажут, а с глазу на глаз уже можно услышать более забористое!

3 — МИРОНОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ — стержень моей коллекции политических частушек. Родился он в селе Зубово Московской области, в 1893 году. Как он записал на подаренной мне книге: «Сыну — по метрикам, товарищу — по убеждениям, инженеру — по деятельности, эстету — по натуре...» Он был удивительнейшим человеком! Познакомились мы в 1963 году. Я напомнил ему погибшего на фронте сына, моего одногодка и тезку. Павел Дмитриевич в революционных боях не участвовал, но уже 26-летним парнем стал активным строителем Советской власти в селе. Был сначала секретарем сельсовета и руководителем молодежной коммунистической ячейки. Но вместе с тем буквально с первых же дней стал нелегально собирать антисоветские частушки. Вступил в Компартию, был ее активным членом. Мы с ним и познакомились в Доме пионеров, куда я сам приглашал его как видного партийного деятеля на торжественный сбор пионеров, посвященный Октябрьской революции. Каково же было мое ошеломляющее изумление, когда я позже узнал, что этот глубоко религиозный человек собирал тайно антисоветские частушки. Он по натуре был философ. Тайком же вел записи своих мыслей. Прочитав даже часть из них, я был в восторге от его ума, как при чтении Шопенгауэра. А частушки я все до единой переписал к себе немедленно. В 1973 году он, после непродолжительной болезни, умер. Я был на его похоронах. Я сфотографировал похороны и под предлогом готовых фото пришел к его вдове. Истинная цель моего прихода была в том, что у Миронова было много упомянутых мною интересных записей, которые мы еще с ним вдвоем мечтали отпечатать на машинке, но он не успел передать это мне. Когда же я его вдову попросил дать мне его рукописи, она мне ответила: «Мы только глянули в его тетрадки, а там о Советской власти плохо пишется, да и вообще там чепуха. Мы все это вчера вечером в помойку выбросили». Было часов 10 утра. А пришел на ту помойку, а там уже чисто — машина рано утром увезла все.

4 — ЧАЙКИН АЛЕКСАНДР. Основные сведения о нем в эротических частушках. Политические он собирал тоже, располагал к доверию.

5 — РЫНКИ городов Подмосковья: Химок, Дмитрова, Долгопрудного.

В 1979 году здоровье резко ухудшилось, и я был вынужден оставить любимую, к этому времени уже хорошо оплачиваемую работу учителя труда с пенсией в 86 рублей. Пришлось заняться индивидуальной трудовой деятельностью, продавая изготовленные мною брелочки для ключей и ручки скорости для машин на упомянутых рынках. Мой товар привлекал внимание своей необычностью, и потому любопытных вопросов было хоть отбавляй, собеседников — с избытком! А чтобы занять получше место, надо приходить задолго до прихода массового покупателя. Даже летом

утром холодно. Торговый люд, приняв «дозу для сугреву», делается благодушнее и веселее, найдется гармонист, и начинаются пляски с частушками. До горбачевской гласности если и пели подобие политических частушек, то они были весьма безобидны. А с 1985 года людей как прорвало! Почувствовав безнаказанность выражать языком что есть на душе, пели такое, что прежде шепотом наедине с близким человеком боялись произнести. Я в тонкую сумочку прятал магнитофон и записывал все на пленку, а дома переносил записи на карточки. Кроме того, на моем рекламном щите были объявления о покупке и продаже мной различных товаров и материалов. Так вот я большими буквами написал еще одно: «Покупаю развеселые эротические и политические частушки по 1 рублю за штуку». Принцип материального стимулирования принес ошеломляющие результаты! Для покупки я принимал частушки каждую на отдельном клочке бумаги. Которые у меня уже есть или не подходят мне — я возвращаю хозяину, а что отобрал для себя — за то тут же выплачиваю деньги. Обанкротился я моментально. Продавал я в субботу и воскресенье товара на 30 — 40 рублей. А частушек предлагают на 200 — 400 рублей. Отбор делал строже. Кроме того, предлагал плату моими изделиями. И все равно поток перехлестывал все мои возможности. Снизил цену вдвое, т.е. по 50 коп. за частушку. Поток не уменьшался. Работал чуть ли не на одни частушки. Но зато насобирал-то сколько!

По контингенту частушечники такие: в Дмитрове были преимущественно селяне и частушки были больше на сельские темы. Ясное дело, даже и в период гласности никто бы мне не назвал свои координаты. Это сразу насторожило бы частушечника, и он, не совсем преодолев свой прошлый страх, принял бы меня за «стукача», и для меня последствия могли быть самыми плачевными. В Химках состав равно смешанный. И частушек много о заводском труде, чиновниках, центральной власти. В Долгопрудном больше городское население и частушки соответственные. Кроме того, я сам был долгопрудненцем — меня лично многие знали и доверия было куда больше. Когда победила «демократия», то вообще стало твориться невообразимое! Но в начале 1992 года меня постигла личная трагедия, здоровье не позволяло даже на рынок ездить, и приток частушек иссяк. Так, редкие частушки от близких родных, друзей.

6 — БОЛЬНИЦЫ, в которых я лежал довольно часто, все были в городе Долгопрудном. Во многих отделениях были палаты для инвалидов войны. Менее четырех больных лежали только тяжелобольные, а в остальных доходило и до 12 человек. Чтение книг — не основное занятие больных. Охотников «травить» анекдоты было более чем достаточно. Ну а где анекдоты, там, если умело использовать «затравку», пойдет и пересказ частушек: «А вот эту знаешь?..», «А такую слышал?..» И пошло-поехало! В теплое время года во дворе на лавочках участвуют и женщины, особенно пожилого возраста. Особенно щедры были «поносники». Дизентерийных там было очень мало и редко, а больше всего мужики с пищевыми отравлениями по подозрению на дизентерию. Когда тебе дадут своего рода срок карантина — тут не до чтения книг! А анекдоты, частушки, присловья подходят самый раз в этом безрадостном положении. И все же частушки с политическим уклоном до 1985 года открыто не запишешь — вызовешь подозрение. И только безнадежно больные открыто и безбоязненно говорили антисоветчину: терять-то им уже больше нечего!..

7 — САНАТОРИИ, где был начиная с 1962 года, в основном находились на Кавказе и в окрестностях г. Душанбе. Как и везде, богатые «уловы» политических частушек начались тоже после 1985 года. Новые методы провоцирования на откровенность мне в голову не пришли, а старые действовали безотказно. Ну а уж условия для собирания частушек самые подходящие. Все там благодушно настроены, из последних наскребут себе на умеренное веселье. Летом маленькие пикнички в немноголюдной компании, уже появилась компактная переносная музыка. Веселись от души!

Зимой контингент отличается от летнего. Летом больше молодежи и отдых уже на более современном уровне, а вот в межсезонье в санаториях преобладают пожилые отдыхающие. Но в Сочи и зимой наша северная весна. Так что на солнечном припеке всегда многолюдно. А в Ходжаобигарме до 1980 года высокогорный санаторий Таджикистана работал только летом.

В начале перестройки я много привез политических частушек из санаториев. В зимний сезон санаторий «Кавказская Ривьера» заполнен простыми рядовыми инвалидами войны, и я за три пребывания там привез много частушек. Но в 1991 году случайно я попал в сочинский санаторий «Авангард». Это престижный санаторий для элитных партийных работников. Интересно было наблюдать противоположность мнений о путче, который только что прошел. Именно там я записал много частушек о путче, явно сочиненных недавно теми же людьми, от которых я это услышал. Там часто страсти разгорались так, что чуть до потасовок не доходило.

8 — ФИЛАТОВ Константин Павлович. Основные сведения о нем в эротических частушках. Но много я от него получил как бы политических частушек. Он сочинял их сам в основном для стенной печати и сцены.

Часто его творчество сильно переходило черту дозволенного. Но к нему представители власти относились настолько снисходительно, что грубую антисоветчину просто запрещали вывешивать или декламировать. А ведь запросто посадить могли. Написанное и собранное им он хранил небрежно.

9 — ОПУБЛИКОВАННОЕ уже через 2 — 3 года в разных сборниках частушек после того, как я их впервые записал из своих источников: от знакомых, в пути (вагонах) и в очередях за молоком. Например: «Разрешите вас потешить» и «Ой, Семеновна!..» от Н. Старшинова, 1992 г. «Житейские частушки» от А. Егорова, 1995 и 1996 г. Изд. «Оникс». «Эротические частушки» 1996 г. Санкт-Петербург, «Полибук» и др.

Опубликованные в газете «Советская Россия» на конкурсе частушки сюда не входят, как и другое, ранее мною не записанное.

10 — В ОЧЕРЕДЯХ ЗА МОЛОКОМ. Цистерны с молоком привозят по утрам. Малоимущие, преимущественно пенсионеры, приходят более чем за час до предполагаемого приезда. Часто были задержки. Общение там меж собой идеальное! Анекдоты — повсюду. Ну а я провоцирую пенсионеров на частушки. Ясное дело: без гармошки услышать частушку намного труднее, но все же я записал несколько частушек. Но поименно никого не указал, так как вызвал бы явную неприязнь к себе.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В Указатель включены преимущественно имена исторических лиц и политических деятелей. Номера из раздела I («Русская», «Барыня») даются без римской цифры, указывающей на раздел, а далее — с нею: «Семеновна», «Яблочко» — II, «Страдания двухстрочные» — III, «Страдания четырехстрочные» — IV, Приложение — П (Зеленин) или ПА (Азбелев) и затем — стр. (а если на странице несколько текстов — их номера).

Алилуева Светлана Иосифовна (Светлана Алилуева) — 1045

Аллах — 1017

Артем — П. стр. 44

Берия Лаврентий Павлович (Берия) — 162, 201, 211, 661, 689, 966; II — 269 — 275; Лаврушка Берия — 155

Брежнев Леонид Ильич (Брежнев) — 1048 — 1056, 1058, 1059, 1061, 1064, 1068 — 1071, 1073, 1076, 1092, 1551; II — 811, 814 — 817, 819 — 828, 832 — 834, 836 — 839, 841 — 843, 845, 851, 853, 855, 1689; Брежнев Леша — 1403; Леонид Ильич — 1060; Леня — 1062, 1070; ПА — № 18

Буденный Семен Михайлович (Буденный) — 26, 738, 964, 965; Буденец — П, стр. 45

Булганин Николай Александрович (Булганин) — 794

Ворошилов Клим Ефремович (Ворошилов) — 738, 740, 964; II — 792

Гагарин Юрий Алексеевич (Гагарин) — 167, 988, 990; Ю. Гагарин — 989

Гайдар Егор Тимурович (Гайдар) — 1456, 1477; IV — 33; Егор — 1304

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (Гитлер) — 671, 676, 678, 681, 714, 906, 949, 950, 1551; II — 657; III — 78; гитлеровцы — 956

Горбачев Михаил Сергеевич (Горбачев) — 1289, 1302, 1306, 1308, 1309, 1311, 1314, 1337, 1383, 1432; II — 1397, 1400, 1418; Михаил — 1297, 1304, 1305; Миша — 1298, 1303; Миша Меченый — II — 1380; Горби — 1300; Горбач — 1307, 1312, 1359

Деникин Антон Иванович (Деникин) — 27; П — стр. 36, № 39 — 41, 43

Дзержинский Феликс Эдмундович (Дзержинский) — II — 179, 181 — 186, 188, 189; Феликс — 180, 186, 190; IV — 2

Долгорукий Юрий Владимирович (Долгорукий Юрий) III — 78

Ежов Николай Иванович (Ежов) — 162; II — 269

Ельцин Борис Николаевич (Ельцин) — 1363, 1387, 1390, 1392, 1393, 1395, 1401, 1403 — 1411, 1413, 1432 — 1436, 1468, 1551; II — 1429, 1438 — 1442, 1460 — 1462, 1465 — 1470, 1472, 1475, 1509, 1542, 1563, 1576, 1649 — 1653, 1674, 1675, 1680, 1688, 1692, 1694 — 1697, 1699 — 1704, 1713, 1716, 1739; III — 61, 63, 65 — 74; IV — 31, 32, 34, 35; Борис — 1304, 1391; ельцинисты — IV — 27

Иуда — 71, 200, 1247, 1392

Каплан Фанни Ефимовна (Фейга Хаимовна) — Каплан — 92, 93

Кастро Рус Фидель (Фидель) — 979; Кастро — 985

Каледин Алексей Максимович (Каледин) — П — стр. 24

Кашпировский Анатолий Михайлович (Кашпировский) — 1547

Кеннеди Джон Фицджералд (Кеннеди) – ПА № 18
Керенский Александр Федорович (Керенский) – 74; III – 9
Киров Сергей Миронович (Киров) – 200
Корвалан Луис (Луис Корвалан) – 1092
Ленин Владимир Ильич – Ленин (ленинский) – 5, 52, 69 – 73, 76 – 78, 80 – 89, 91, 92, 94, 95, 97- 111, 114, 116 – 119, 122 – 130, 170 – 172, 204, 210, 216, 218, 281, 442, 633, 1000, 1205, 1393, 1407; II – 84, 121, 122, 125, 126 – 132, 136, 138, 140 – 142, 145 – 147, 149 – 152, 154 – 157, 159, 161 – 164, 279, 281, 284, 287, 288, 290, 292, 326, 532 – 534, 580, 620, 116, 1181, 1387; III – 3 – 8, 10 – 12, 14 – 23, 26 – 34, 38; IV – 1 – 5; П – стр. 24, 37, 52; ПА – № 5, 9, 13; Володя – П, стр. 52; Владимир – 96; Володька – 1305; Ильич – 75, 90, 93, 111 – 113, 115; II – 119, 120, 133, 135, 137, 139, 143, 153, 158, 160, 283, 285, 289, 291; III – 2, 13, 24, 25; ПА – № 15 (4 раза); Ульянов – 126
Лужков Юрий Михайлович (Юрий Лужков) – III – 78
Лысенко Трофим Денисович (Лысенко) – 519, 520
Мавроди Сергей (Мавроди) – 1511
Маленков Георгий Максимилианович (Маленков) – 204, 966
Маркс Карл (Маркс) – II – 956
Махно Нестор Иванович (Махно) – П – стр. 44 № 69 – 72; стр. 45 № 73 – 76
Молотов Вячеслав Михайлович (Молотов) – II – 793, 794
Наполеон Бонапарт (Наполеон) – III – 78
Николай II (Романов Николай Александрович) – П – Николай – стр. 29, 36; Никола, Николаша – стр. 38 № 108; Микула – стр. 52
Павлов Валентин Сергеевич (Павлов) – 1477
Петлюра Симон Васильевич (Петлюра) – П – стр. 33, 36, 38 № 48, 49 d,d; 39, 44, 45 № 73, 74; стр. 46 № 77 – 80; 47 № 81, 82
Петр I (Романов Петр Алексеевич) – Великий Петр – 4
Пиночет Угарте (Пиночет) – 1390
Пушкин Александр Сергеевич (Пушкин) – II – 998
Сахаров Андрей Дмитриевич (Сахаров) – 1062
Солженицын Александр Исаевич (Солженицын) – 1038
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (Сталин)– 142, 155, 166, 168 – 218, 249, 339, 340, 391, 427, 436, 349, 445, 466, 577 – 580, 584, 587, 588, 595, 597, 613, 627, 629, 648, 666, 667, 671, 676, 678, 967 – 969, 1011, 1039, 1041 – 1049, 1099, 1104, 1407, 1551; II – 153, 162, 163, 272, 279, 282 – 293, 295 – 305, 307 – 309, 311 – 324, 326 – 328, 339 – 344, 347 – 349, 364 – 370, 426, 461, 464, 468 – 476, 479, 480, 504, 508, 512 – 520, 544 – 548, 572, 573, 581, 612, 616, 617, 619, 620, 624, 625, 638, 686, 688, 690, 691, 706, 712 – 738, 796, 798 – 803, 805, 806, 809; III – 35 – 41, 78, IV – 5; Иосиф Сталин – 1414; II – Иосиф – 163, 280; Оська – 308, 717; Иосиф Виссарионович Сталин – ПА № 17
Стаханов Алексей Григорьевич (Стаханов) – 638
Теркин Василий (Василий Теркин) – 800
Титов Герман Степанович (Герман Титов) – 990
Троцкий Лев Давыдович (Бронштейн Лейба Давидович) – Троцкий – 76 – 78; II – 149, 150, 293; III – 4, 8, 9; П – стр. 24, 37 № 46 а, с; стр. 46, 52; ПА – № 5, 9
Фурцева Екатерина Алексеевна (Фурцева) – 970
Христос Иисус – Христ (ос) – 5, 71, 144, 1247, 1392
Хрущев Никита Сергеевич (Хрущев) – 964, 965, 967 – 969, 971, 972, 974, 975, 982, 984, 985, 990 –

992, 1000, 1005 – 1007, 1009 –1111, 1015 – 1022, 1026 – 1030, 1032, 1036, 1038, 1048, 1049, 1086, 1407, 1551; II – 738 – 745, 748, 752, 753, 755, 757 – 769, 771 – 774, 783, 784, 789, 796, 802, 809, 811; ПА – № 18; Никита – 973, 976, 983, 993, 1001, 1003 – 1005, 1008, 1012 – 1014, 1023, 1024, 1031, 1033
Чапаев Василий Иванович (Чапаев) – 738
Черномырдин Виктор Степанович (Черномырдин) – III – 77
Чубайс Анатолий Борисович (Чубайс) – III – 79 – 83; IV – 33
Шверник Николай Михайлович (Николай Михайлыч Шверник) – 295
Ягода Генрих Григорьевич (Ягода) – 162; II – 266 – 269
Янаев Геннадий (Янаев) – 1363

СОДЕРЖАНИЕ

А. Кулагина. Сатирические частушки-хроники 5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

I. Барыня, русская

Революция и гражданская война (1 – 68) 17
Ленин (69 – 130) 22
ЧЕКА (131 – 167) 26
Сталин (168 – 215) 29
Коллективизация, колхозы (216 – 554) 33
Пятилетка (555 – 558) 57
Конституция (559 – 570) 57
Тюрьмы и лагеря (571 – 648) 58
Служба в Красной Армии (649 – 658) 64
Великая Отечественная война (659 – 963) 65
Хрущев (964 – 1038) 87
Разоблачение культа личности (1039 – 1047) 92
Брежнев (1048 – 1093) 93
Собрания (1094 – 1097) 96
Выборы (1098 – 1118) 97
Трудящиеся и власти (1119 – 1179) 98
Вожди большие и маленькие (1180 – 1246) 103
Интеллигенция (писатели и газетчики) при коммунистах (1247 – 1277) 108
Торговля (1278 – 1282) 110
Комсомольцы (1283 – 1296) 111
Горбачев. Путч. Перестройка (1297 – 1385) 112
Ельцин. Демократы (1386 – 1557) 118
Старики и пенсионеры (1558 – 1595) 131
Демократические средства массовой информации (1596 – 1603) 134

II. Семеновна, яблочко

Революция и гражданская война (1 – 118) 135
Ленин (119 – 165) 143
ЧЕКА (166 – 278) 147
Сталин (279 – 324) 155
Коллективизация, колхозы (325 – 460) 158
Пятилетки (461 – 476) 168
Конституция (477 – 509) 170
Тюрьмы и лагеря (510 – 627) 172
Великая Отечественная война (628 – 711) 181

Смерть Сталина (712 – 737) 187
Хрущев (738 – 809) 189
Брежнев (810 – 892) 194
Собрания, лекции (893 – 909) 200
Выборные кампании (910 – 948) 201
Рабочие (949 – 1004) 204
Власти и трудящиеся (1005 – 1102) 208
Вожди большие и маленькие (1103 – 1305) 216
Интеллигенция (писатели и газетчики) при коммунистах (1306–1377) .. 230
Перестройка. Горбачев (1378 – 1437) 236
Ельцин и демократия (1438 – 1738) 240
Судьба пенсионеров и стариков (1739 – 1793) 262
Демократические средства массовой информации. Интеллигенция (1794 – 1835) 266
Деды и внуки (1836 – 1876) 269

III. Страдания (двухстрочные)

Революция. Ленин (1 – 34) 273
Сталин (35 – 41) 274
Выборы (42 – 46) 275
Война (47 – 50) 275
Тюрьма (51) 275
Коммунисты (52 – 60) 276
Демократы (61 – 87) 276

IV. Страдания (четырехстрочные)

Революция. Ленин. Сталин (1 – 7) 278
Коммуны, колхозы (8 – 18) 278
Коммунисты (19 – 20) 279
Демократы (21 – 35) 280

Приложения

Из дневниковых записей А. Д. Волкова 285
Т. Г. Иванова. О русской частушке Д. К. Зеленина 456
Д. К. Зеленин. Современная русская частушка. *Подготовка к печати Т. Г. Ивановой* 459
С. Н. Азбелев. Из подлинного фольклора советского периода 483
Примечания *(Сост. А. В. Кулагина)* 489
Источники частушек *(Сост. А. Д. Волков)* 491
Именной указатель *(Сост. А. В. Кулагина)* 496

Заветные частушки из собрания А. Д. ВОЛКОВА
В 2 т. Т. 2. Политические частушки / Сост. А. В. Кулагина. – М.: Ладомир, 1999. – 500 с. («Русская потаенная литература»)

ISBN 5-86218-338-8 (т. 2)
ISBN 5-86218-336-1

Впервые публикуется уникальная отечественная коллекция эротических и политических частушек (почти 14 тыс.), в которых, словно в зеркале, отразилась история России XX века (от Октябрьской революции до послеперестроечных времен).

В связи со спецификой публикуемых текстов («не для печати») двухтомник адресован узкому кругу специалистов по фольклору и этнографии, а также культурологам, лингвистам, психоаналитикам, сексологам, социологам, политикам, историкам и другим специалистам, занимающимся проблемами, прямо или косвенно связанными с тематикой *потаенных* частушек.

Издание подготовлено ведущим специалистом по русскому фольклору профессором МГУ А. В. Кулагиной.

Научное издание

ЗАВЕТНЫЕ ЧАСТУШКИ

из собрания А. Д. Волкова

В двух томах

Том 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

Редактор *Ю. А. Михайлов*
Корректор *О. Г. Наренкова*
Компьютерная верстка *А. В. Юшина*

ЛР № 063160 от 14.12.93 г.
Сдано в набор 4. 08. 98. Подписано в печать 24. 12. 98.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Баскервиль».
Печать офсетная. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 5000 экз. Зак. № 3205.

Научно-издательский центр «Ладомир»
103617, г. Москва, корп. 1435

ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда
ул. Челюскинцев, 3

ISBN 586218338-8

9 795862 183381

В СЕРИИ «РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» ВЫШЛИ:

1. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова
2. Под именем Баркова. Эротическая поэзия XVIII – начала XIX века
3. Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века
4. Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература
5. Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова
6. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки
7. Секс и эротика в русской традиционной культуре. Сб. статей
8. Народные русские сказки не для печати. Русские заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым
9. Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов
10. В. И. Жельвис. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира

Серия издается с 1992 года

✧

Любые книги «Ладомира» можно заказать наложенным платежом по адресу:
103617, Москва, Зеленоград, корп. 1435, НИЦ «Ладомир»

Для получения бесплатного перспективного плана издательства и бланка заказа вышлите по этому же адресу маркированный конверт

В серии
«Русская потаенная литература»
готовятся к изданию:

АННА МАР

Женщина на кресте

Анна Мар (1887 – 1917) – одна из наиболее скандально знаменитых русских беллетристок начала XX в., известная своей экстравагантной жизнью, многочисленными возлюбленными и наделавшим много шума самоубийством. В ее нервной, эротически-утонченной прозе описаны взлеты и падения любовного чувства, необычные страсти, быт артистической богемы и тайны католических исповедален. Современному читателю впервые удастся познакомиться с полным, без цензурных изъятий текстом ее романа «Женщина на кресте» (1916) – женским вариантом романа Захер-Мазоха «Венера в мехах». Повести «Невозможное», «Идущие мимо» раскроют красоту полнокровной любви женщины нового, XX в.

А. П. КАМЕНСКИЙ

Мой гарем

Трагически погибший в сталинском концлагере беллетрист А. П. Каменский (1876 – 1941) приобрел в начале XX века громкую славу как проповедник полной свободы и естественности человеческих и, в частности, сексуальных отношений. В сборник включен его знаменитый роман-бестселлер «Люди» (1910), герои которого проделывают над собой рискованные эксперименты, проверяя в парадоксальных ситуациях разные обличия любви, похоти и страсти. В циклах его рассказов, включающих скандально нашумевших «Леду» и «Четырех», легкий юмор, фривольность сочетаются с проповедью разрушения устаревшей «мещанской» морали, воспеванием свободного чувства и красоты человеческого тела. Легкая, изящная проза Каменского не ищет ответов на трагические «мировые вопросы», для нее величайшая мировая ценность – любовь, не требующая каких-либо моральных, социальных или прочих обоснований.

В серии
«Русская потаенная литература»
готовятся к изданию:

«А се грехи злые, смертные...»

Русская сексуальная культура X–XVII вв.

Первая часть сборника представляет собой попытку собрать воедино свидетельства различных источников по истории, сексуальной этике и эротической культуре X–XVII вв. Это прежде всего списки вопросов, задававшихся на исповедях и связанных с активной сферой жизни людей, а также соответствующие части и разделы практических руководств для священников – требников и сборников епитимий (церковных наказаний за прегрешения). Помимо этих «вопросников», в сборник вошли и другие редкие источники по истории сексуальной культуры в допетровской России – чудом сохранившиеся источники личного происхождения (письма, записки), тексты заговоров, выдержки из лечебников и путевых заметок иностранных путешественников, наблюдавших русский быт XV–XVII вв., а также тексты литературных памятников –городских повестей второй половины XVII столетия. Во второй части сборника будет опубликовано исследование американского историка, профессора государственного университета шт. Огайо Ив Левин «Воспрещенный секс», построенное на анализе древнерусских и южнославянских церковных источников X–XVII вв.

Русский школьный фольклор

В сборнике, подготовленном ведущими специалистами, впервые столь широко и многообразно представлены материалы русского школьного фольклора, дающие достаточно полное представление об этом специфическом явлении современной цивилизации.

В серии
«Русская потаенная литература»
готовятся к изданию:

Русский Эрот

Русская нецензурная поэзия конца XVIII — первой половины XIX века

Книга представляет собой антологию русской фривольной, эротической и обсценной поэзии последней трети XVIII – первой половины XIX века. В ней представлены произведения А. В. Олсуфьева, Д. П. Горчакова, А. М. Брянчанинова, И. С. Сельского, А. В. Дьякова, Н. В. Гербеля и др., «юнкерские поэмы» М. Ю. Лермонтова, эротические «элегии» Н. М. Языкова, альбом «свободных стихотворений» С. А. Нелова, тексты из сборника «Русский Эрот не для дам». В «Дополнения» включены стихотворения и поэмы, ошибочно приписывавшиеся в рукописной традиции Н. М. Языкову и А. И. Полежаеву. Жанровый и стилистический диапазон текстов многообразен: от бурлеска XVIII века, обработок фривольных басен Лафонтена, юмористического «домашнего» стихотворства до «реалистических» описаний в поэмах молодого Лермонтова и «бытовых повестях» 1830–840-х годов.

История безумия в России

Психические эпидемии

Данный сборник знакомит читателя с антропологической традицией изучения патологических явлений общественной жизни на примере массовых психопатий, распространенных в России XIX века. В книге представлены комментированные работы авторов, игнорировавшихся советсткой наукой по идеологическим причинам.

Издание предваряет обстоятельное предисловие.

А. Д. ВОЛКОВ

Заветные частушки

ИЗ СОБРАНИЯ
А. Д. ВОЛКОВА